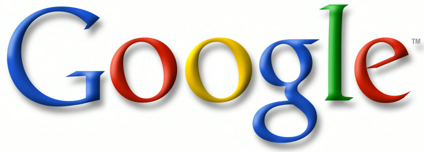
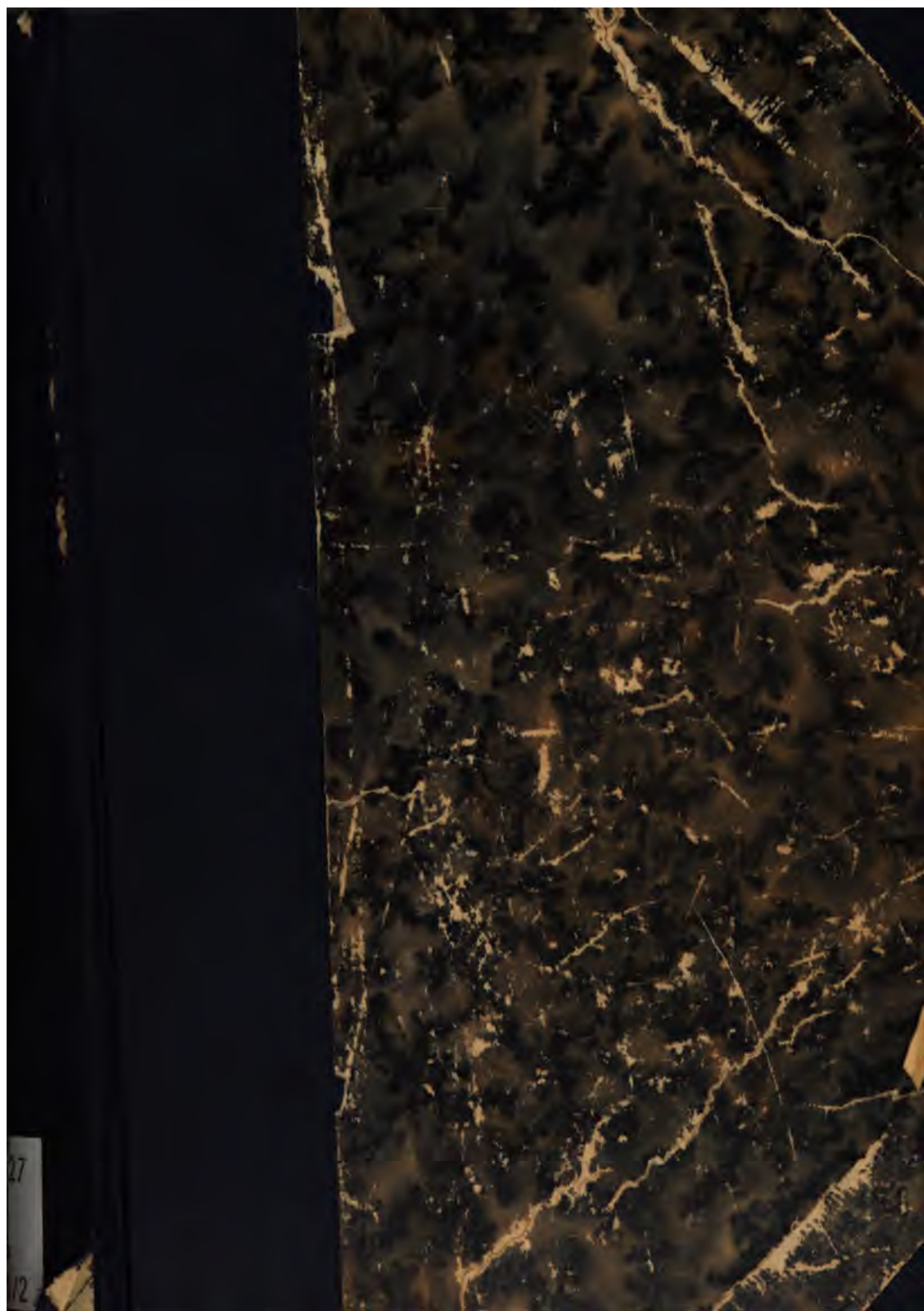

Google

Александръ Дюма.

Королева Марго.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств

Москва.—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 17 августа 1905 г.

I.

Латынь герцога Гиза.

Въ понедѣльникъ, 18 августа 1572 года, въ Луврѣ было большое празднество.

Окна стариннаго королевскаго дворца, всегда темныя, теперь были ярко освѣщены; сосѣднія улицы и площади, обыкновенно такія пустынныя, послѣ того, какъ на башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа пробьетъ девять часовъ, были теперь запружены народомъ, несмотря на то, что наступила уже полночь.

Эта грозная, волнующаяся, шумная толпа походила въ темнотѣ на мрачное, бурное море, каждая волна котораго глухо рокотала. Море это разливалось по набережной, хлынувъ туда изъ прилегающихъ улицъ. Когда начинался приливъ, оно доходило до подножія Лувра, а съ отливомъ отступало къ стѣнамъ лежащаго напротивъ Бурбонскаго дворца.

Несмотря на королевскій праздникъ, а можетъ-быть, именно благодаря ему, въ этой толпѣ было что-то угрожающее: она не сомнѣвалась, что настоящее торжество, на которомъ она присутствуетъ въ качествѣ зрителя, не что иное, какъ прелюдія другого, отложеннаго на недѣлю, торжества. Тогда и она получитъ приглашеніе и, въ свою очередь, повеселится на славу.

Дворъ праздновалъ свадьбу Маргариты Валуа, дочери Генриха II и сестры короля Карла IX, съ Генрихомъ Бурбонскимъ, королемъ Наваррскимъ. Въ это самое утро кардиналъ Бурбонскій благословилъ союзъ этой юной четы. Онъ сочеталъ ихъ бракомъ на возвышеніи, воздвигнутомъ около входа въ соборъ Парижской Богоматери, съ церемоніаломъ, установленнымъ для принцессъ французскаго королевскаго дома.

Бракъ этотъ удивилъ всѣхъ и заставилъ призадуматься тѣхъ немногихъ лицъ, которыя видѣли дальше и яснѣе другихъ. Трудно было понять внезапное сближеніе двухъ партій, до такой степени ненавидѣвшихъ одна другую, какъ партіи тогдашнихъ католиковъ и протестантовъ. Неужели молодой принцъ

Кондэ проститъ герцогу Анжуйскому, брату короля, смерть своего отца, убитаго Монтескью въ Жарнакѣ? Неужели молодой герцогъ Гизъ забудетъ, что адмиралъ Колиньи виновенъ въ убійствѣ его отца во время осады Орлеана?

Но этого еще мало. Жанна Наваррская, мужественная супруга слабаго Антонія Бурбона, устроившая для своего сына Генриха этотъ завидный бракъ, умерла скоропостижно всего два мѣсяца тому назадъ, и странные слухи ходили о ея смерти. Всюду говорили шопотомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и громко, что она узнала какую-то ужасную тайну, и Екатерина Медичи, опасаясь, что эта тайна станетъ извѣстна и другимъ, отравила Жанну надушенными перчатками. Ихъ изготовилъ флорентинецъ Ренэ, очень искусный въ такихъ вещахъ. Слухъ этотъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что два врача—одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Амбруазъ Парэ,—вскрывавшіе по требованію сына покойной ея тѣло, не изслѣдовали мозга. А такъ какъ Жанна Наваррская умерла отъ ядовитаго запаха, то только въ мозгу и можно было найти слѣды преступленія. Мы говоримъ „преступленія“, потому что никто не сомнѣвался въ немъ.

Но и это еще не все. Король Карлъ съ упорствомъ, доходившимъ до упрямства, настаивалъ на этомъ бракѣ, который не только обезпечивалъ миръ въ его государствѣ, но и долженъ былъ привлечь въ Парижъ самыхъ знатныхъ гугенотовъ. Такъ какъ женихъ исповѣдывалъ протестантскую, а невѣста католическую религію, то на бракъ слѣдовало испросить разрѣшеніе у папы Григорія XIII. Оно долго не приходило, и это замедленіе сильно тревожило покойную королеву Наваррскую. Какъ-то разъ она высказала королю свое опасеніе, что разрѣшеніе совсѣмъ не придетъ.

— Не безпокойтесь, любезная тетушка,—отвѣтилъ король.— Я уважаю васъ больше, чѣмъ папу, а сестру мою люблю больше, чѣмъ боюсь его. Я не гугенотъ, но и не дуракъ. Если его святѣйшество будетъ слишкомъ долго упрямиться, я возьму за руку Марго и самъ приведу ее въ церковь, чтобы она могла обвѣнчаться съ вашимъ сыномъ.

Слова короля разнеслись изъ Лувра по всему городу. Они очень обрадовали гугенотовъ, но заставили призадуматься католиковъ, которые не знали, дѣйствительно ли измѣняетъ имъ король или же играетъ комедію, которая въ одно прекрасное утро или въ одинъ прекрасный вечеръ закончится какой-нибудь неожиданной развязкой.

Поведеніе Карла IX казалось особенно необъяснимымъ по отношенію къ адмиралу Колиньи, который въ продолженіе пяти или шести лѣтъ велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. Король,

раньше назначавшій награду въ сто пятьдесятъ тысячъ золотыхъ экю за его голову, теперь относился къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, называлъ его отцомъ и открыто заявилъ, что поручитъ ему одному веденіе войны. Дошло до того, что даже сама Екатерина Медичи, всецѣло подчинившая себѣ короля и до сихъ поръ руководившая всѣми его поступками и даже желаніями, начала тревожиться. И на это было нѣкоторое основаніе. Въ минуту откровенности Карлъ IX, разговаривая съ адмираломъ о войнѣ съ Фландріей и сказалъ:

— Намъ нужно остерегаться еще одного, отецъ мой: чтобы королева-мать, которая, какъ вы знаете, любитъ вмѣшиваться во все, ничего бы не узнала объ этомъ. Она съ своимъ вздорнымъ характеромъ только испортитъ намъ дѣло.

Несмотря на свой умъ и опытность, Колиньи не могъ сохранить втайнѣ такое полное довѣріе, оказанное ему королемъ. Хотя у него были нѣкоторыя подозрѣнія, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, хотя одна крестьянка упала передъ нимъ на колѣни, когда онъ уѣзжалъ, и воскликнула: „Не ѣздите въ Парижъ, добрый господинъ нашъ! Вы умрете тамъ—вы и всѣ, кто отправится туда вмѣстѣ съ вами!“—всѣ подозрѣнія мало-по-малу угасли въ его сердцѣ. Успокоился и его зять Телиньи, къ которому король относился очень дружески, называлъ его своимъ братомъ, какъ называлъ адмирала отцомъ, и говорилъ ему „ты“, что дѣлалъ только относительно самыхъ близкихъ своихъ друзей.

Итакъ, гугеноты, за исключеніемъ только немногихъ, самыхъ непримиримыхъ и недовѣрчивыхъ, совершенно успокоились. Смерть королевы Наваррской приписали плевриту, и громадные залы Лувра были теперь переполнены храбрыми протестантами, которымъ, благодаря браку ихъ молодого главы, Генриха, снова неожиданно улыбнулось счастье.

Адмиралъ Колиньи, Ларошфуко, принцъ Кондэ-сынъ, Телиньи,—словомъ, всѣ вожди партіи радовались, видя, какъ радушно приняты въ Парижѣ и какой властью пользуются въ Луврѣ тѣ самыя лица, которыхъ три мѣсяца тому назадъ король Карлъ и королева Екатерина хотѣли повѣсить на висѣлицахъ, еще болѣе высокихъ, чѣмъ висѣлицы убійцъ. Не было тутъ только маршала Монморанси. Никакія обѣщанія не могли соблазнить его, никакое притворство не могло обмануть. Онъ удалился въ свой замокъ Иль-Адамъ, извиняясь тѣмъ, что еще слишкомъ горюетъ о своемъ отцѣ, коннетаблѣ Аннѣ де-Монморанси, который палъ отъ руки Роберта Стюарта во время битвы при Сенъ-Дени. Но такъ какъ со смерти коннетабля прошло уже больше трехъ лѣтъ и излишняя чувствительность

была не въ модѣ въ то время, то никто не повѣрилъ такой чрезмѣрной сыновней скорби.

Впрочемъ, ничто не оправдывало недовѣрчивости маршала Монморанси: король, королева, герцогъ Анжуйскій и герцогъ Алансонскій необыкновенно радушно принимали гостей.

Герцога Анжуйскаго сами гугеноты осыпали похвалами — и вполнѣ заслуженными—за побѣды при Жарнакѣ и Монконтурѣ, которыя онъ одержалъ, когда ему не было еще восемнадцати лѣтъ. Въ этомъ онъ превзошелъ даже Цезаря и Александра, съ которыми его сравнивали, отдавая, конечно, предпочтеніе ему передъ побѣдителями при Инѣ и Фарсалѣ. Герцогъ Алансонскій смотрѣлъ на все это своими ласковыми и лживыми глазами; королева Екатерина, сіяя радостью и осыпая всѣхъ любезностями, поздравляла принца Генриха Кондэ съ его предстоящей женитьбой на Маріи де-Клевъ. Наконецъ даже сами Гизы улыбались грознымъ врагамъ своего дома, а герцогъ Майенскій разсуждалъ съ адмираломъ и де-Таванномъ о войнѣ, которую теперь съ большимъ чѣмъ когда-либо вѣроятіемъ разсчитывали объявить Филиппу II.

Посреди этихъ группъ ходилъ взадъ и впередъ, слегка наклонивъ голову и прислушиваясь къ разговорамъ, девятнадцатилѣтній юноша съ коротко остриженными черными волосами, умными глазами, густыми рѣсницами, орлинымъ носомъ, насмѣшливой улыбкой и едва пробивающимися усами и бородкой. Этотъ молодой человѣкъ, обратившій на себя вниманіе только со времени сраженія при Арнэ-ле-Дюкъ, гдѣ онъ бился съ отчаянной храбростью и заслужилъ всеобщія похвалы, былъ любимый ученикъ Колиньи и герой дня. Три мѣсяца тому назадъ, то-есть когда еще была жива его мать, его звали принцемъ Беарнскимъ; теперь онъ былъ королемъ Наваррскимъ, въ ожиданіи того времени, когда ему предстояло сдѣлаться Генрихомъ IV.

Иногда какъ будто легкое облачко пробѣгало у него по лицу; онъ, по всей вѣроятности, вспоминалъ тогда, что прошло всего только два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ умерла у него мать— умерла отравленная, въ чемъ онъ сомнѣвался меньше, чѣмъ кто-либо другой. Но облачко это появлялось лишь на мгновеніе и тотчасъ же исчезало, какъ мимолетная тѣнь: вѣдь всѣ окружавшіе его, говорившіе съ нимъ, поздравлявшіе его были убійцами мужественной Жанны д'Альбрэ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля Наваррскаго разговаривалъ съ Телиньи молодой герцогъ Гизъ, настолько же задумчивый и озабоченный, насколько Генрихъ старался казаться веселымъ и беззаботнымъ. Гизъ былъ счастливѣе Беарнца.

Несмотря на свои двадцать два года, онъ пользовался уже почти такою же славой, какъ и его отецъ, знаменитый Францискъ Гизъ. Это былъ высокій, плотный молодой человѣкъ, съ гордымъ взглядомъ и такой благородной, величавой осанкой, что рядомъ съ нимъ всѣ другіе принцы казались людьми низкаго происхожденія. Несмотря на то, что онъ былъ еще очень молодъ, католики считали его главой своей партіи, подобно тому, какъ протестанты признавали главой своей молодого Генриха Наваррскаго, портретъ котораго мы только что набросали.

Сначала Гизъ носилъ титулъ герцога Жуанвильскаго. Онъ былъ въ первый разъ при осадѣ Орлеана, подъ начальствомъ своего отца, который умеръ у него на рукахъ, указавъ ему на адмирала Колиньи, какъ на своего убійцу. Тогда юный герцогъ далъ, подобно Аннибалу, торжественную клятву. Онъ поклялся отмстить Колиньи и его семьѣ за смерть своего отца и безпощадно преслѣдовать всѣхъ единовѣрцевъ адмирала. Онъ далъ обѣтъ Богу быть на землѣ Его ангеломъ-истребителемъ до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хоть одинъ еретикъ. А потому его поведеніе въ этотъ вечеръ не могло не казаться страннымъ. Всегда свято державшій свое слово, герцогъ пожималъ теперь руки тѣмъ, кого поклялся считать своими непримиримыми врагами, и дружески бесѣдовалъ съ зятемъ человѣка, убить котораго обѣщалъ своему умирающему отцу.

Но мы уже говорили, что многое на этомъ вечерѣ казалось страннымъ и возбуждало удивленіе.

Люди, къ счастью, не знаютъ будущаго и не могутъ читать въ сердцахъ. Но если бы на празднествѣ присутствовалъ наблюдатель, одаренный такими способностями, онъ увидалъ бы одно изъ любопытнѣйшихъ зрѣлищъ, какія только могутъ представить лѣтописи жалкой человѣческой комедіи.

И такой наблюдатель былъ, но не въ залахъ Лувра. Онъ стоялъ на улицѣ и съ грознымъ ропотомъ заглядывалъ въ окна своими сверкающими глазами. Этимъ наблюдателемъ былъ народъ. Съ замѣчательнымъ инстинктомъ, еще изощреннымъ ненавистью, онъ слѣдилъ издали за мелькающими тѣнями своихъ смертельныхъ враговъ и объяснялъ себѣ то, что видѣлъ, настолько вѣрно, насколько это возможно любопытному, стоящему передъ герметически закрытыми окнами большой залы. Музыка опьяняетъ танцора и руководитъ его движеніями; зрителю же эти движенія кажутся безсмысленными и онъ смѣется надъ танцоромъ, похожимъ, по его мнѣнію, на картоннаго паяца, котораго дергаютъ за веревочку. А происходитъ это оттого, что зритель не слышитъ музыки.

Гугенотовъ опьяняла гордость; это была ихъ музыка.

Свѣтъ, мелькавшій среди ночи передъ глазами парижанъ, былъ отблескомъ ихъ ненависти, озарявшимъ будущее.

Но тѣмъ не менѣе всѣ продолжали веселиться во дворцѣ, и говоръ, даже еще болѣе нѣжный и льстивый, пробѣжалъ въ эту самую минуту по всему Лувру. Молодая новобрачная, перемѣнивъ свой парадный костюмъ—платье съ длиннымъ шлейфомъ и вуаль, входила въ это время въ залу въ сопровожденіи своей самой близкой подруги, прекрасной герцогини Неверской. Карлъ IX велъ сестру подъ руку и представлялъ ей наиболѣе почетныхъ гостей.

Эта новобрачная была дочь Генриха II, самый драгоцѣнный перлъ французской короны, Маргарита Валуа, которую Карлъ IX называлъ не иначе, какъ „моя сестра Марго".

Новую королеву Наваррскую осыпали любезностями и комплиментами, которыхъ она вполнѣ заслуживала, какъ ни льстивы они были: Маргаритѣ въ это время только что минуло двадцать лѣтъ, а между тѣмъ, ее ужъ воспѣвали всѣ поэты, изъ которыхъ одни сравнивали ее съ Авророй, другіе—съ Цитерой. И дѣйствительно, ни одна изъ придворныхъ дамъ не могла соперничать съ ней въ красотѣ, несмотря на то, что Екатерина Медичи окружила себя самыми красивыми и очаровательными женщинами, какихъ только могла отыскать.

У Маргариты были черные волосы, великолѣпный цвѣтъ лица, страстные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, маленькія пунцовыя губы, красивая шея, роскошный, гибкій станъ и крошечныя ножки. Французы гордились, что въ ихъ странѣ расцвѣлъ такой чудный цвѣтокъ, а пріѣзжавшіе во Францію иностранцы возвращались домой, очарованные красотой принцессы, если хоть разъ видѣли ее, и изумленные ея ученостью, если хоть разъ говорили съ ней. Маргарита была на самомъ дѣлѣ не только самая красивая, но и самая образованная женщина своего времени. Разсказывали, что одинъ представленный ей итальянскій ученый, поговоривъ съ нею въ продолженіе часа по-итальянски, по-испански, по-латыни и по-гречески, восторженно говорилъ потомъ: „Тотъ, кто видѣлъ дворъ безъ Маргариты Валуа, не видалъ ни Франціи ни двора".

А потому въ похвалахъ и любезностяхъ, которыми осыпали Карла IX и королеву Наваррскую, недостатка не было. Извѣстно, что гугеноты были большіе краснобаи. А вперемежку съ обращенными къ королю комплиментами очень ловко проскальзывали намеки на прошлое и просьбы, имѣвшія въ виду будущее. Но на всѣ эти намеки король неизмѣнно отвѣ-

чалъ одно и то же, при чемъ хитрая улыбка пробѣгала по его блѣднымъ губамъ:

— Отдавая мою сестру Марго Генриху Наваррскому, я отдаю ее и всѣмъ протестантамъ королевства.

Нѣкоторыхъ это завѣреніе успокаивало, другіе не могли удержаться отъ улыбки, такъ какъ словамъ короля можно было придать двоякій смыслъ. Съ одной стороны, они могли означать его отеческую заботливость, которою онъ, говоря по совѣсти, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія обременять себя; съ другой— они были оскорбительны для новобрачной, для ея мужа и даже для самого короля: они напоминали о кое-какихъ темныхъ слухахъ, которыми уже поспѣшила воспользоваться скандальная хроника двора, чтобы загрязнить брачную одежду Маргариты Валуа.

Герцогъ Гизъ продолжалъ разговаривать съ Телиньи, но разговоръ, повидимому, не особенно интересовалъ его: онъ часто оборачивался и смотрѣлъ на группу дамъ, въ центрѣ которой сіяла красотой королева Наваррская. И если въ это время ея глаза встрѣчались съ глазами герцога, какъ будто облако пробѣгало по ея пріятному лицу, надъ которымъ сверкала трепетнымъ блескомъ діадема изъ брилліантовыхъ звѣздъ. И что-то тревожное и нетерпѣливое выражалось тогда во всей ея позѣ.

Принцесса Клавдія, старшая сестра Маргариты, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ за герцога Лотарингскаго, замѣтила ея волненіе. Она хотѣла подойти къ ней, чтобы узнать причину ея тревоги, но принуждена была отказаться отъ своего намѣренія: въ это время всѣ разступились, давая дорогу королевѣ-матери, которая приближалась, опираясь на руку молодого принца Кондэ.

Воспользовавшись этимъ общимъ движеніемъ, герцогъ Гизъ пошелъ къ своей невѣсткѣ, герцогинѣ Неверской, а слѣдовательно и къ Маргаритѣ. Герцогиня Лотарингская, не терявшая изъ вида молодую королеву, замѣтила, что озабоченное выраженіе вдругъ исчезло съ ея лица и яркій румянецъ вспыхнулъ у нея на щекахъ.

Между тѣмъ герцогъ продолжалъ подвигаться впередъ. Когда онъ былъ шагахъ въ двухъ отъ Маргариты, она, скорѣе почувствовавъ его приближеніе, чѣмъ увидавъ его, сдѣлала надъ собой страшное усиліе и обернулась къ нему. Теперь лицо ея казалось совершенно спокойнымъ и беззаботнымъ. Гизъ почтительно поклонился ей и въ то время, какъ голова его была низко опущена, прошепталъ:

— Ipse attuli.

Что значитъ:

„Я принесъ самъ“.

Маргарита отвѣтила реверансомъ на поклонъ графа и, приподнимаясь, сказала тоже шопотомъ:

— Noctu pro more.

То-есть:

„Нынѣшней ночью, какъ всегда“.

Этихъ словъ, заглушенныхъ громаднымъ, туго накрахмаленнымъ воротникомъ королевы, не слыхалъ никто, кромѣ того, кому они предназначались. Какъ ни коротокъ былъ этотъ разговоръ, въ немъ, повидимому, заключалось все, что этимъ молодымъ людямъ нужно было сказать другъ другу, такъ какъ герцогъ тотчасъ же отошелъ. Послѣ этого Маргарита стала какъ будто еще задумчивѣе, а лицо герцога просіяло.

Человѣкъ, котораго больше чѣмъ всякаго другого должна бы заинтересовать эта маленькая сцена, не обратилъ на нее никакого вниманія: король Наваррскій не видалъ никого, кромѣ одной женщины, около которой собрался почти такой же большой кружокъ придворныхъ, какъ и около Маргариты Валуа. Эта женщина была прекрасная баронесса де-Совъ.

Шарлотта де-Бонъ-Самблансэ, внучка несчастнаго-Самблансэ и жена Симона де-Физа, барона де-Совъ, занимала должность статсъ-дамы при Екатеринѣ Медичи. Въ то же время она была одной изъ самыхъ опасныхъ и ловкихъ помощницъ этой королевы, которая вливала въ сердца своихъ враговъ отраву любви, когда не осмѣливалась отравлять ихъ флорентинскимъ ядомъ. Баронесса де-Совъ, маленькая блондинка, то живая, какъ ртуть, то томная и задумчивая, была всегда готова начать любовную или политическую интригу. Это были два главныхъ занятія двора въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, въ царствованіе трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ королей. Баронесса была женщина въ полномъ смыслѣ этого слова и обладала всѣми прелестями своего пола, начиная съ голубыхъ глазъ, иногда томныхъ, иногда полныхъ огня, и кончая маленькими стройными ножками, обутыми въ бархатныя туфельки.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ эта сирена всецѣло завладѣла королемъ Наваррскимъ, дебютировавшимъ въ то время не только на военномъ поприщѣ, но и на поприщѣ любви. Благодаря этому, чудная, царственная красота Маргариты не пробудила даже восхищенія въ сердцѣ ея супруга. И—удивительное дѣло!—Екатерина Медичи, устраивая бракъ своей дочери съ королемъ Наваррскимъ, въ то же время продолжала, ко всеобщему удивленію, покровительствовать почти открыто его любви къ баронессѣ. Такое поведеніе каза-

лось страннымъ даже со стороны этой королевы, душа которой была полна мрака и таинственности. Но, несмотря на такую могущественную покровительницу и легкіе нравы того времени, прекрасная Шарлотта все еще продолжала сопротивляться. И это невозможное, неслыханное сопротивленіе дѣйствовало на Генриха даже сильнѣе, чѣмъ красота и умъ баронессы. Королемъ овладѣла безумная страсть, которая, не находя удовлетворенія, уничтожила въ его сердцѣ робость, гордость и даже ту, отчасти философскую, отчасти лѣнивую безпечность, которая была самой основной чертой его характера.

Баронесса де-Совъ всего только нѣсколько минутъ тому назадъ вошла въ бальную залу. Подъ вліяніемъ досады или горя она сначала рѣшила не присутствовать при торжествѣ своей соперницы. Она сослалась на нездоровье, и мужъ ея, занимавшій въ послѣднія пять лѣтъ должность государственнаго секретаря, отправился въ Лувръ одинъ.

Екатерина Медичи, увидавъ, что баронъ явился безъ жены, пожелала узнать, почему нѣтъ ея любимой статсъ-дамы. А когда оказалось, что ту задержало легкое нездоровье, написала ей пригласительную записку. И баронесса, конечно, поспѣшила исполнить желаніе королевы!

Отсутствіе любимой женщины огорчило Генриха, но въ то же время доставило ему облегченіе. Черезъ нѣсколько времени онъ, слегка вздохнувъ, пошелъ съ улыбкой по направленію къ Маргаритѣ: если онъ не обязанъ любить ее, то во всякомъ случаѣ долженъ относиться къ ней, какъ къ женѣ. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Генрихъ вдругъ увидалъ на дальнемъ концѣ залы баронессу де-Совъ. Онъ остановился, какъ вкопанный, и устремилъ глаза на эту Цирцею, приковавшую его къ себѣ какъ бы магической цѣпью. А потомъ вмѣсто того, чтобы итти къ женѣ, пошелъ къ баронессѣ.

Придворные, замѣтивъ, что король идетъ къ прекрасной Шарлоттѣ, не осмѣлились мѣшать ему своимъ присутствіемъ и почтительно отошли въ сторону. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Маргарита Валуа и герцогъ Гизъ обмѣнивались коротенькими латинскими фразами, которыя мы привели, Генрихъ разговаривалъ съ баронессой де-Совъ. И разговоръ ихъ былъ далеко не такой таинственный и гораздо болѣе понятный, хоть король и пересыпалъ его гасконскими оборотами рѣчи.

— Наконецъ вотъ и вы! — сказалъ онъ. — А я слышалъ, что вы нездоровы, и уже потерялъ надежду видѣть васъ.

— Неужели вы, ваше величество, хотите увѣрить меня, — спросила баронесса, — что вамъ было тяжело лишиться этой надежды?

— Еще бы нѣтъ! — воскликнулъ король. — Развѣ вы не знаете, что вы мое солнце днемъ и моя звѣзда ночью? Меня, дѣйствительно, окружалъ глубокій мракъ въ ту минуту, какъ вы появились и освѣтили все.

— Плохую же услугу оказала я въ такомъ случаѣ вашему величеству!

— Что вы хотите сказать этимъ? — спросилъ король.

— Я хочу сказать, что тотъ, кто обладаетъ самой красивой женщиной во Франціи, долженъ, напротивъ, желать, чтобы поскорѣе погасъ свѣтъ и наступила темнота: вѣдь въ темнотѣ ждетъ насъ счастье.

— Вы знаете, злая, что все мое счастье находится въ рукахъ другой женщины, которая смѣется надъ бѣднымъ Генрихомъ.

— Да, — сказала баронесса. — А я думала, напротивъ, что эта женщина была игрушкой короля Наваррскаго.

Ея рѣзкій тонъ испугалъ Генриха, но только въ первую минуту: она говоритъ рѣзко, потому что сердится, а если сердится—значитъ любитъ.

— Вы совершенно несправедливо упрекаете меня, дорогая Шарлотта,—сказалъ онъ.—Не понимаю, какъ ваши прелестныя губки могутъ быть такъ жестоки. Развѣ вы полагаете, что женился я? Ventre-saint-gris, совсѣмъ не я!

— Ужъ не я ли? — язвительно спросила баронесса, если только можно назвать язвительными слова женщины, упрекающей въ недостаткѣ любви.

— Ну, значитъ, ваши прекрасные глазки не особенно дальнозорки, баронесса. Нѣтъ, не Генрихъ Наваррскій женился на Маргаритѣ Валуа!

— А кто же?

— Sang-dieu! Протестантская религія сочеталась бракомъ съ папой, вотъ и все!

— Нѣтъ, нѣтъ, на меня не подѣйствуютъ ваши остроты! Ваше величество любите королеву Маргариту, и я не могу упрекать васъ за это. Избави меня Богъ! Она настолько красива, что достойна быть любимой.

Генрихъ задумался на минуту, и добродушная улыбка промелькнула у него на губахъ.

— Вы, какъ кажется, хотите со мной поссориться, баронесса,—послѣ небольшой паузы сказалъ онъ, — а между тѣмъ вы не имѣете на это никакого права. Посмотримъ, что сдѣлали вы, чтобы помѣшать мнѣ жениться на Маргаритѣ? Положительно ничего. Вы, напротивъ, всегда доводили меня до отчаянія.

— И отлично дѣлала.

— Это почему?

— Да потому, что сегодня вы женились на другой.

— Я женился на ней, потому что вы не любите меня.

— А если бы я васъ любила, то мнѣ пришлось бы умереть черезъ часъ.

— Черезъ часъ? Что вы хотите сказать? Отчего же умерли бы вы?

— Отъ ревности. Черезъ часъ королева Наваррская отпуститъ своихъ придворныхъ дамъ, а ваше величество свою свиту.

— И васъ, дѣйствительно, мучаетъ эта мысль?

— Я не говорю этого. Но если бы я васъ любила, она ужасно мучила бы меня.

— Хорошо!—воскликнулъ Генрихъ, придя въ восторгъ отъ этого перваго признанія, котораго ему удалось добиться. — А что, если король Наваррскій не отошлетъ сегодня вечеромъ свою свиту?

— Ваше величество,—сказала баронесса де-Совъ, смотря на короля съ непритворнымъ удивленіемъ,—вы говорите положительно невозможныя и невѣроятныя вещи!

— Что же нужно сдѣлать, чтобы вы повѣрили моимъ словамъ?

— Нужно дать мнѣ доказательство, котораго вы не можете дать.

— Нѣтъ, могу, могу, баронесса. И, клянусь св. Генрихомъ, я дамъ вамъ его! — воскликнулъ король, страстно глядя на молодую женщину.

— О, ваше величество! — пробормотала прекрасная Шарлотта, опустивъ глаза и понизивъ голосъ. — Я не понимаю... Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, чтобы вы отказались отъ счастья, которое васъ ожидаетъ!

— Въ этой залѣ четыре Генриха, — продолжалъ король,— Генрихъ французскій, Генрихъ Кондэ, Генрихъ Гизъ и только одинъ Генрихъ Наваррскій.

— Ну?

— Ну, а что если этотъ Генрихъ Наваррскій проведетъ съ вами всю эту ночь?

— Всю ночь?

— Да. Убѣдитесь вы тогда, что онъ не былъ съ другой?

— Если вы сдѣлаете это, ваше величество... — воскликнула баронесса де-Совъ.

— Честное слово, сдѣлаю!

Баронесса подняла свои большіе, влажные глаза, обѣщавшіе столько блаженства, и улыбнулась королю, сердце котораго затрепетало отъ радости.

— Ну, что же вы скажете въ такомъ случаѣ? — спросилъ онъ

— О, въ такомъ случаѣ я скажу, что ваше величество, дѣйствительно, любите меня, — отвѣтила Шарлотта.

— Ventre saint-gris! И вы скажете это, потому что это истинная правда!

— Но какъ же устроить это? — прошептала баронесса де-Совъ.

— Какъ? Не можетъ быть, чтобы у васъ не было какой-нибудь камеристки, какой-нибудь служанки, на которую вы могли бы вполнѣ положиться.

— Да, одна изъ нихъ, Даріола, всей душой предана мнѣ! Она пожертвуетъ за меня жизнью. Это настоящее сокровище.

— Sang-diou! Скажите этой дѣвушкѣ, баронесса, что я озолочу ее, когда буду французскимъ королемъ, какъ предсказываютъ мнѣ астрологи.

Шарлотта улыбнулась. Въ то время всѣ уже знали, что на обѣщанія беарнца полагаться нельзя.

— Что же вамъ нужно отъ Даріолы? — спросила она.

— Пустяки для нея — все для меня.

— А именно?

— Ваши комнаты надъ моими?

— Да.

— Такъ Даріола подождетъ за дверью. Я тихонько постучусь три раза. Она впуститъ меня, и вы получите доказательство, которое я обѣщалъ вамъ дать.

Баронесса де-Совъ на минуту задумалась. Потомъ, оглядѣвшись кругомъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ, она бросила быстрый взглядъ на группу дамъ, окружавшихъ королеву-мать. И въ это короткое мгновеніе Екатерина Медичи и ея статсъ-дама успѣли обмѣняться взглядомъ.

— Ахъ, если бы я захотѣла уличить ваше величество во лжи...—сказала баронесса такимъ нѣжнымъ голосомъ, что отъ него растаялъ бы воскъ въ ушахъ Улисса.

— Попробуйте, попробуйте!

— Сознаюсь, что мнѣ этого ужасно хочется.

— Сдайтесь, баронесса: женщины всего сильнѣе послѣ пораженія.

— Когда вы будете королемъ Франціи, ваше величество, — сказала баронесса, — я напомню вамъ обѣщаніе, которое вы дали Даріолѣ.

Генрихъ вскрикнулъ отъ радости.

И въ ту самую минуту, какъ у него вырвался этотъ крикъ, королева Наваррская говорила герцогу Гизу:

— Noctu pro more — нынѣшней ночью, какъ всегда.

Генрихъ отошелъ отъ баронессы де-Совъ такой же счастливый, какъ и герцогъ Гизъ, уходившій отъ Маргариты Валуа.

Черезъ часъ послѣ этой двойной сцены король Карлъ и его мать удалились во внутренніе покои, а затѣмъ залы начали пустѣть. Адмиралъ и принцъ Кондэ, въ сопровожденіи свиты изъ четырехсотъ дворянъ-гугенотовъ, прошли сквозь толпу, глухо роптавшую имъ вслѣдъ. Потомъ вышли Гизы съ лотарингскими вельможами-католиками, которыхъ народъ привѣтствовалъ восторженными криками и рукоплесканіями.

Что же касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррскаго баронессы де-Совъ, то они, какъ извѣстно, жили въ самомъ Луврѣ

II.

Спальня королевы Наваррской.

Герцогъ Гизъ проводилъ свою невѣстку, герцогиню Неверскую, домой, въ отель, находившійся на улицѣ дю-Шомъ, напротивъ улицы де-Бракъ. Сдавъ ее на руки каmeристкамъ, онъ прошелъ въ свою комнату, чтобы переодѣться, взялъ плащъ и короткій, острый кинжалъ, замѣнявшій шпагу и носившій названіе „дворянская честь". Но когда герцогъ взялъ его со стола, онъ замѣтилъ, что между лезвеемъ и ножнами засунута какая-то записка.

Онъ вынулъ ее и прочиталъ слѣдующее:

„Надѣюсь, что герцогъ Гизъ не вернется нынѣшней ночью въ Лувръ. Если же онъ отправится туда, то пусть надѣнетъ изъ предосторожности прочную кольчугу и возьметъ острую шпагу".

— Это довольно странное предостереженіе, Робенъ, — сказалъ герцогъ своему камердинеру. — Кто приходилъ сюда безъ меня?

— Только одинъ человѣкъ, ваше высочество.

— А именно?

— Г. дю-Гастъ.

— Ага! То-то мнѣ показался знакомымъ этотъ почеркъ. Ты знаешь навѣрное, что приходилъ дю-Гастъ? Ты видѣлъ его?

— Не только видѣлъ, ваша свѣтлость, но и говорилъ съ нимъ.

— Отлично. Такъ я послѣдую его совѣту. Подай мою кольчугу и шпагу.

Камердинеръ, привыкшій къ такимъ переодѣваньямъ, принесъ то и другое.

Герцогъ натянулъ длинные сапоги, доходившіе ему до бедеръ, кольчугу, сдѣланную изъ такихъ тонкихъ колечекъ, что ея стальная ткань была не толще бархата, а поверхъ нея—сѣрый съ серебрянымъ шитьемъ камзолъ, — это былъ его любимый цвѣтъ, затѣмъ онъ завернулся въ темный плащъ, надѣлъ бархатную шапочку, не украшенную ни перьями ни аграфомъ съ драгоцѣнными камнями, и засунулъ за поясъ кинжалъ. Шпагу онъ отдалъ пажу и, взявъ только его одного въ провожатые, направился въ Лувръ.

Когда онъ выходилъ изъ отеля, на башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа пробило часъ.

Несмотря на то, что было уже такъ поздно, а ходить по улицамъ ночью было далеко небезопасно въ то время, ничего особеннаго не случилось съ герцогомъ, и онъ благополучно добрался до громаднаго зданія стариннаго Лувра. Всѣ огни въ немъ были уже погашены, и онъ грозно поднимался среди безмолвія и темноты.

Передъ королевскимъ дворцомъ тянулся глубокій ровъ, на который выходили окна большей части комнатъ, занимаемыхъ лицами, живущими во дворцѣ. Апартаменты Маргариты были въ первомъ этажѣ.

Но этотъ первый этажъ, до оконъ котораго было бы легко добраться, не будь рва, оказывался, благодаря ему, футовъ на тридцать надъ землею и, такимъ образомъ, былъ недоступенъ ни для воровъ ни для любовниковъ. Тѣмъ не менѣе, герцогъ де-Гизъ все-таки спустился въ ровъ.

Въ ту же минуту въ первомъ этажѣ отворилось окно. Оно было съ рѣшеткой, но чья-то рука приподняла заранѣе подпиленную желѣзную полосу и спустила въ это отверстіе шелковый шнурокъ.

— Это вы, Гильона? — тихо спросилъ герцогъ.

— Да, ваша свѣтлость, — еще тише отвѣтила женщина.

— А Маргарита?

— Она ждетъ васъ.

— Хорошо.

Сказавъ это, герцогъ сдѣлалъ знакъ своему пажу. Тотъ распахнулъ плащъ и, вынувъ изъ-подъ него веревочную лѣстницу, развернулъ ее. Герцогъ привязалъ одинъ конецъ лѣстницы къ опущенному шнурку, послѣ чего Гильона притянула лѣстницу къ себѣ и прикрѣпила ее къ окну. Когда все было готово, герцогъ прицѣпилъ къ поясу шпагу и благополучно взобрался по лѣстницѣ. Какъ только онъ вошелъ въ комнату, желѣзная полоса снова опустилась на свое мѣсто и окно затворилось, а пажъ, завернувшись въ плащъ, улегся на травѣ, во рву, въ

тѣни, падавшей отъ стѣнъ. Много разъ приходилось ему провожать сюда своего господина.

Ночь была темная; теплыя, крупныя капли дождя начали падать изъ надвигавшихся грозовыхъ тучъ.

Герцогъ Гизъ послѣдовалъ за своей путеводительницей,— это была дочь фельдмаршала Жака Матиньона. Маргарита довѣряла ей вполнѣ и ничего не скрывала отъ нея. Говорили, что въ числѣ тайнъ, которыя хранила эта неподкупная повѣренная, были такія ужасныя, что она изъ-за нихъ молчала и обо всѣхъ остальныхъ.

Ни въ низкихъ комнатахъ ни въ коридорахъ не было огня. Только время отъ времени голубоватый свѣтъ молніи озарялъ на мгновеніе темные покои и тотчасъ же погасалъ.

Герцогъ продолжалъ итти за своей путеводительницей, которая держала его за руку. Наконецъ они дошли до винтовой лѣстницы, продѣланной въ толстой стѣнѣ. Она привела ихъ къ совершенно незамѣтной потайной двери, выходившей въ переднюю апартаментовъ Маргариты.

Въ передней было тоже темно.

Войдя въ нее, Гильона остановилась.

— Принесли вы то, что желала получить королева?— шопотомъ спросила она.

— Принесъ,—отвѣтилъ Гизъ,—но отдамъ только ея величеству.

— Въ такомъ случаѣ войдите, не будемъ терять ни минуты,—раздался въ темнотѣ голосъ, заставившій герцога вздрогнуть: онъ узналъ голосъ Маргариты.

Въ то же мгновеніе фіолетовая бархатная портьера, затканная золотыми гербовыми лиліями, приподнялась съ одной стороны, и Гизъ смутно различилъ королеву, которая, въ своемъ нетерпѣніи, вышла встрѣтить его.

— Иду, ваше величество,— проговорилъ онъ.

И, откинувъ портьеру съ другой стороны, онъ вышелъ изъ передней.

Теперь Маргарита Валуа, въ свою очередь, стала его путеводительницей и повела его по комнатамъ, которыя, впрочемъ, были ему хорошо знакомы Гильона осталась около двери и, приложивъ палецъ къ губамъ, успокоила свою царственную покровительницу.

Какъ бы понявъ его ревнивую тревогу, Маргарита провела его въ свою спальню.

— Ну, что, довольны вы, герцогъ?— спросила она.

— Доволенъ? Чѣмъ же это, ваше величество?

— Доказательствомъ, которое я даю вамъ,— съ нѣкоторой досадой сказала Маргарита.—Теперь вы видите, что человѣкъ

которому я принадлежу, въ вечеръ своей свадьбы, въ самую брачную ночь, обращаетъ на меня такъ мало вниманія, что даже не пришелъ ко мнѣ. Да, онъ не считаетъ нужнымъ поблагодарить меня за честь, которую я оказала ему, не говорю, выбравъ его своимъ мужемъ, но, по крайней мѣрѣ, согласившись быть его женой.

— Успокойтесь, ваше величество,— грустно отвѣтилъ герцогъ,— онъ придетъ, въ особенности, если вы желаете этого.

— И вы говорите это, Генрихъ!—воскликнула Маргарита,— вы, кому лучше, чѣмъ всякому другому, извѣстно, что у меня не можетъ быть подобнаго желанія. Неужели въ такомъ случаѣ я просила бы васъ притти въ Лувръ?

— Вы просили меня притти, Маргарита, потому что хотите уничтожить послѣдній слѣдъ нашего прошлаго и потому, что это прошлое хранилось не только въ моемъ сердцѣ, но и въ этой серебряной шкатулкѣ, которую я принесъ вамъ.

— А знаете что, Генрихъ,—сказала Маргарита, пристально взглянувъ на герцога,—вы теперь похожи не на принца, а на школьника. Неужели вы думаете, что я стану отрицать мою любовь къ вамъ? Что я захочу погасить пламя, которое, можетъ-быть, и потухнетъ, но отблескъ котораго останется навсегда? Любовь женщины моего сана озаряетъ свѣтомъ, иногда разгорающимся въ пожаръ, всю современную ей эпоху. Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ! Можете сохранить письма вашей Маргариты и шкатулку, которую она вамъ дала. Изъ всѣхъ находящихся въ ней писемъ она проситъ васъ дать ей только одно, да и то потому, что это письмо можетъ навлечь опасность не только на нее, но и на васъ самихъ.

— Вотъ они всѣ,—сказалъ герцогъ.— Выберите то, которое хотите уничтожить.

Маргарита стала торопливо перебирать дрожащими руками лежащія въ шкатулкѣ письма, вынимая ихъ одно за другимъ. Она ограничивалась только тѣмъ, что смотрѣла на адресы, какъ будто ей было достаточно и этого, чтобы припомнить содержаніе письма. Просмотрѣвъ ихъ всѣ, она поблѣднѣла.

— Того письма, которое я ищу, здѣсь нѣтъ,— сказала она, взглянувъ на герцога.—Неужели вы потеряли его? Потому что выдать...

— Какое письмо ищете вы?

— То, въ которомъ я совѣтовала вамъ поскорѣе жениться.

— Чтобы оправдать вашу измѣну?

Маргарита пожала плечами.

— Нѣтъ, чтобы спасти вамъ жизнь. Мнѣ нужно то письмо, въ которомъ я извѣщаю васъ, что король, замѣтивъ нашу лю-

бовь и мои старанія помѣшать вашему предполагаемому браку съ португальской принцессой, позвалъ своего побочнаго брата, герцога Ангулемскаго, и сказалъ ему, показывая на двѣ шпаги: „Одной изъ этихъ шпагъ ты долженъ убить сегодня вечеромъ Генриха Гиза, а не то я убью тебя завтра другой". Гдѣ это письмо?

— Вотъ оно, — сказалъ герцогъ, вынимая письмо, которое было спрятано у него на груди.

Маргарита почти вырвала его изъ рукъ, торопливо развернула и, удостовѣрившись, что это то самое, которое ей было нужно, вскрикнула отъ радости и поднесла его къ свѣчѣ. Бумага вспыхнула и въ одно мгновеніе сгорѣла; но Маргарита не удовольствовалась этимъ. Какъ бы опасаясь, что и самый пепелъ можетъ выдать содержаніе ея неосторожнаго письма, она растоптала этотъ пепелъ ногами.

Герцогъ Гизъ молча слѣдилъ глазами за лихорадочными движеніями своей любовницы.

— Ну, что же, Маргарита, довольны вы? — спросилъ онъ, когда она кончила.

— Да. Теперь, когда вы женились, мой братъ проститъ мнѣ вашу любовь. Но онъ никогда не простилъ бы мнѣ разоблаченія тайны, которую я, изъ любви къ вамъ, была не въ силахъ скрыть отъ васъ.

— Это правда, — сказалъ герцогъ Гизъ, — въ то время вы, дѣйствительно, любили меня.

— Я люблю васъ и теперь, Генрихъ, люблю такъ же, если не больше прежняго. И никогда еще не нуждалась я такъ въ вѣрномъ и преданномъ другѣ. Я королева, но у меня нѣтъ престола; жена, но у меня нѣтъ мужа.

Герцогъ грустно покачалъ головой.

— Но говорю же вамъ, повторяю вамъ еще разъ, Генрихъ, что мой мужъ не только не любитъ, но ненавидитъ и презираетъ меня. Ужъ одно ваше присутствіе въ этой комнатѣ, гдѣ слѣдовало бы быть ему, доказываетъ эту ненависть и презрѣніе.

— Теперь еще не очень поздно, — сказалъ герцогъ, — и король Наваррскій не успѣлъ отпустить своихъ придворныхъ. Онъ еще не пришелъ къ вамъ, но скоро придетъ.

— А я говорю вамъ, — съ еще большимъ раздраженіемъ воскликнула Маргарита, — что онъ не придетъ.

— Ваше величество, — сказала Гильона, отворивъ дверь и приподнимая портьеру. — Король Наваррскій вышелъ изъ своихъ покоевъ.

— О, я зналъ — я зналъ, что онъ придетъ! — воскликнулъ герцогъ Гизъ.

— Генрихъ, — сказала Маргарита, схвативъ его за руку, — вы сейчасъ убѣдитесь, умѣю ли я держать свое слово и можно ли полагаться на мое обѣщаніе. Войдите въ этотъ кабинетъ.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ уйти, пока еще есть время. Я не могу остаться здѣсь, потому что при первой же его ласкѣ я выйду изъ кабинета, и тогда горе ему!

— Вы сошли съ ума! Входите же, входите — я отвѣчаю за все!

Съ этими словами она втолкнула его въ кабинетъ.

И какъ разъ во-время. Только что затворилась за герцогомъ дверь, какъ король Наваррскій съ улыбкой вошелъ въ комнату. Его сопровождали два пажа, несшіе канделабры, въ которыхъ горѣло по четыре желтыхъ восковыхъ свѣчи.

Маргарита постаралась скрыть свое волненіе и сдѣлала глубокій реверансъ.

— Вы еще не легли? — спросилъ Беарнецъ, на лицѣ котораго было, какъ всегда, веселое, открытое выраженіе. — Можетъ-быть, вы ждали меня?

— Нѣтъ, ваше высочество, — отвѣтила Маргарита. — Вы сами говорили мнѣ вчера, что бракъ нашъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, состоялся изъ политическихъ видовъ, и что вы не будете стѣснять меня.

— Отлично. Но это не помѣшаетъ намъ поболтать немного. Оставьте насъ, Гильона, и затворите дверь.

Маргарита встала и протянула руку, какъ бы желая остановить пажей.

— Не прикажете ли позвать вашихъ камеристокъ? — спросилъ король. — Если угодно, я исполню ваше желаніе, но долженъ предупредить васъ, что для того, что я имѣю сказать вамъ, намъ было бы лучше остаться наединѣ.

И, сказавъ это, король пошелъ къ двери кабинета.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! — воскликнула Маргарита, заступая ему дорогу. — Я готова выслушать васъ.

Король узналъ то, что хотѣлъ узнать. Онъ бросилъ быстрый, проницательный взглядъ на портьеру, закрывавшую дверь кабинета, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ глубь комнаты, а потомъ посмотрѣлъ на свою поблѣднѣвшую отъ ужаса жену.

— Въ такомъ случаѣ, — совершенно спокойно проговорилъ онъ, — потолкуемъ немного.

— Какъ будетъ угодно вашему величеству, — сказала молодая женщина и скорѣе упала, чѣмъ сѣла, на кресло, на которое указалъ ей мужъ.

Король сѣлъ рядомъ съ ней.

— Что бы тамъ ни говорили, — началъ онъ, — а нашъ бракъ, по-моему, недурный бракъ. Я принадлежу вамъ, вы — мнѣ.

— Но... — начала, испугавшись, Маргарита.

— А потому мы должны вести себя относительно другъ друга, какъ добрые союзники, — продолжалъ король Наваррскій, какъ бы не замѣчая смущенія Маргариты. — Вѣдь сегодня мы дали въ этомъ клятву передъ Богомъ. Вы, надѣюсь, согласны со мной?

— Конечно, согласна.

— Я знаю, какъ вы проницательны, и знаю, какими опасными пропастями усѣяна почва двора. Я молодъ и хоть никому въ жизни не сдѣлалъ зла, у меня много враговъ. И мнѣ хотѣлось бы знать, къ какому лагерю будетъ принадлежать женщина, которая носитъ мое имя и поклялась передъ алтаремъ любить меня?

— Какъ можете вы предполагать...

— Я не предполагаю ничего. Я только надѣюсь и хочу убѣдиться, что эта надежда не обманетъ меня. Нашъ бракъ, безъ сомнѣнія, устроили или только для вида, или же онъ не что иное, какъ ловушка.

Маргарита вздрогнула: должно-быть, эта мысль приходила въ голову и ей.

— Но что же изъ двухъ? — продолжалъ Генрихъ. — Король меня ненавидитъ, герцогъ Анжуйскій ненавидитъ, герцогъ Алансонскій ненавидитъ, Екатерина Медичи такъ ненавидѣла мою мать, что ненавидитъ и меня.

— Полноте! Что вы говорите!

— Я говорю правду, — отвѣтилъ король, — и желаю, чтобы поняли, наконецъ, что меня не удалось обмануть и скрыть отъ меня убійство де-Муи и отравленіе моей матери. Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы тутъ былъ кто-нибудь кромѣ насъ и слышалъ мои слова.

— Но вѣдь вы хорошо знаете, — быстро сказала Маргарита, улыбаясь и стараясь принять беззаботный видъ, — что, кромѣ насъ двоихъ, здѣсь нѣтъ никого.

— Вотъ потому-то я и говорю такъ откровенно — потому-то и рѣшаюсь сказать вамъ, что меня не обманутъ ни любезности французскаго двора ни любезности лотарингскаго дома.

— Государь, государь! — воскликнула Маргарита.

— Ну, въ чемъ же дѣло? — съ улыбкой спросилъ король.

— Въ томъ, что такіе разговоры очень опасны.

— Но не тогда же, когда мы вдвоемъ? Итакъ, я говорилъ вамъ...

Маргарита, видимо, испытывала страшную пытку. Ей хотѣлось остановить короля, но онъ, какъ бы не замѣчая ея волненія, продолжалъ съ своимъ кажущимся простодушіемъ:

— Итакъ, я говорилъ вамъ, что мнѣ отовсюду угрожаетъ опасность. Мнѣ грозитъ король, грозитъ герцогъ Алансонскій, герцогъ Анжуйскій, королева-мать, герцогъ Гизъ, герцогъ Майенскій, кардиналъ Лотарингскій, — словомъ, всѣ. Это чувствуется и инстинктивно. Угрозы эти не замедлятъ, конечно, перейти въ нападеніе, которое мнѣ можно будетъ отразить только съ вашей помощью, потому что всѣ тѣ, кто ненавидитъ меня, любятъ васъ.

— Меня?! — воскликнула Маргарита.

— Да, васъ, — простодушно отвѣтилъ король Наваррскій. — Васъ любитъ король Карлъ, любитъ (онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ) герцогъ Алансонскій, любитъ королева Екатерина, наконецъ, васъ любитъ герцогъ Гизъ.

— Ваше величество! — прошептала Маргарита.

— Что же тутъ такого? Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ васъ любятъ. Вѣдь я говорю про вашихъ братьевъ и родственниковъ. А любить родныхъ и братьевъ повелѣваетъ намъ самъ Богъ.

— Но что же, наконецъ, вы хотите сказать всѣмъ этимъ? — спросила совсѣмъ растерявшаяся Маргарита.

— Я хочу сказать то, что уже говорилъ раньше — что если вы захотите быть, не говорю моимъ другомъ, но моей союзницей, то ничьи угрозы не будутъ страшны мнѣ; если же и вы будете въ числѣ моихъ враговъ — я пропалъ.

— Въ числѣ вашихъ враговъ я не буду никогда! — воскликнула Маргарита.

— Но и другомъ никогда не будете?

— Можетъ-быть.

— А союзницей?

— Союзницей буду во всякомъ случаѣ.

И Маргарита протянула королю руку.

Онъ любезно поцѣловалъ ее и удержалъ въ своей рукѣ, скорѣе съ намѣреніемъ наблюдать за женой, чѣмъ изъ желанія оказать ей ласку.

— Я вѣрю вамъ, — сказалъ онъ, — и принимаю васъ своей союзницей. Насъ соединили бракомъ, несмотря на то, что мы не знали и не любили другъ друга; нашего согласія не спрашивали, хоть это касалось ближе всего именно насъ двоихъ. А потому мы не имѣемъ никакихъ обязательствъ другъ къ другу, какъ мужъ и жена. Вы видите, я предупреждаю ваши желанія и повторяю еще разъ то, что говорилъ вамъ вчера.

Но быть союзниками мы рѣшились сами, никто не принуждалъ насъ къ этому. Это союзъ свободный, союзъ двухъ честныхъ людей, которые обязались помогать другъ другу. Вѣдь такъ, не правда ли?

— Да, такъ! — отвѣтила Маргарита, стараясь высвободить свою руку.

— Чтобы доказать вамъ, — продолжалъ король, устремивъ глаза на дверь кабинета, — какъ искренно вступаю я въ этотъ союзъ, я буду вполнѣ откровененъ съ вами. Слушайте. Я разскажу вамъ со всѣми подробностями планъ, который я составилъ, чтобы восторжествовать надъ своими врагами.

— Ваше величество... — прошептала Маргарита и тоже невольно взглянула на дверь, ведущую въ кабинетъ.

Замѣтивъ, что его хитрость удалась, король усмѣхнулся про себя.

— Такъ вотъ, что я хочу сдѣлать, — сказалъ онъ, какъ бы не замѣчая тревоги молодой женщины. — Я...

— Ваше величество! — воскликнула Маргарита, вскочивъ съ мѣста и схватывая короля за руку, — Потрудитесь открыть окно — мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ! Волненіе... жара... я задыхаюсь...

Маргарита, дѣйствительно, поблѣднѣла и такъ дрожала, что едва могла держаться на ногахъ.

Генрихъ подошелъ къ окну, находившемуся на дальнемъ концѣ комнаты, и отворилъ его. Оно выходило на рѣку.

Маргарита послѣдовала за королемъ.

— Молчите, молчите, ваше величество, ради васъ самихъ! — прошептала она.

— Полноте! — возразилъ съ своей обычной улыбкой король, — вѣдь вы же сами говорили, что мы одни.

— Да, говорила; но развѣ вы не знаете, что при помощи трубы, проведенной въ стѣнкѣ или потолкѣ, можно услыхать все, не входя въ комнату?

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Генрихъ и прибавилъ шопотомъ: — вы меня не любите, это правда; но вы — честная женщина.

— Что вы хотите сказать?

— Что если бы вы желали выдать меня, то позволили бы мнѣ продолжать; вѣдь я выдавалъ только себя. Но вы остановили меня. Я знаю теперь, что кто-то спрятанъ здѣсь, и что вы—невѣрная жена, но вѣрная союзница. А въ настоящее время, — съ улыбкой прибавилъ король, — мнѣ нужнѣе вѣрность въ политикѣ, чѣмъ въ любви.

— Государь... — растерянно пробормотала Маргарита.

— Хорошо, хорошо. Мы поговоримъ объ этомъ, когда лучше узнаемъ другъ друга, — сказалъ король и прибавилъ, повысивъ голосъ: — Ну, какъ вы себя чувствуете? Лучше вамъ?

— Да, да, — отвѣтила Маргарита.

— Такъ я не буду безпокоить васъ больше. Я хотѣлъ увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и предложить вамъ мою дружбу. Примите ее такъ же искренно, какъ я предлагаю ее вамъ. А теперь отдохните. Спокойной ночи!

Маргарита взглянула на мужа съ глубокой благодарностью и протянула ему руку.

— Это рѣшено, — сказала она.

— Значитъ политическій союзъ, честный и свободный? — спросилъ Генрихъ.

— Честный и свободный, — отвѣтила королева.

Король пошелъ къ двери, взглядомъ приглашая Маргариту слѣдовать за собой, и она, какъ завороженная, пошла за нимъ.

Когда портьера спальной опустилась за ними, Генрихъ остановился.

— Благодарю васъ, Маргарита, — быстро прошепталъ онъ, — благодарю васъ! Вы настоящая дочь Франціи. Теперь я спокоенъ. За неимѣніемъ вашей любви у меня будетъ ваша дружба. Я вполнѣ полагаюсь на васъ, а вы, съ своей стороны, можете положиться на меня. Прощайте.

Генрихъ поцѣловалъ руку жены и слегка пожалъ ее.

„Кто можетъ быть у нея?“ — подумалъ онъ, идя къ себѣ. — „Король... герцогъ Анжуйскій... герцогъ Алансонскій... герцогъ Гизъ? Братъ или любовникъ, или то и другое вмѣстѣ? Ну, право же, мнѣ теперь почти досадно, что я просилъ свиданія у баронессы. Но такъ какъ я далъ слово... ея Даріола ждетъ меня... дѣлать нечего. Во всякомъ случаѣ Шарлоттѣ немножко повредило то, что я, идя къ ней, зашелъ въ спальню моей жены. Ventre-saint-gris! Эта Марго, какъ называетъ ее мой зять, Карлъ IX, очаровательная женщина!

И король Наваррскій нѣсколько нерѣшительно взошелъ на лѣстницу, ведущую въ покои г-жи де-Совъ.

Маргарита слѣдила за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не пропалъ изъ вида, а потомъ вернулась въ спальню. Герцогъ стоялъ около двери кабинета. Увидавъ его, она почувствовала угрызеніе совѣсти.

Брови герцога были нахмурены, лицо серьезно и озабоченно.

— Сегодня Маргарита сохраняетъ нейтралитетъ, — сказалъ онъ, — черезъ недѣлю она будетъ на сторонѣ враговъ.

— Такъ вы подслушивали? — спросила Маргарита.

— А что же еще могъ я дѣлать въ этомъ кабинетѣ?

— И вы находите, что я держала себя не такъ, какъ бы слѣдовало королевѣ Наваррской?

— Нѣтъ, но не такъ, какъ бы слѣдовало держать себя любовницѣ герцога Гиза.

— Я не люблю моего мужа, герцогъ, — сказала королева, — но никто не имѣетъ права требовать отъ меня, чтобы я употребляла во зло его довѣріе. Скажите по совѣсти, развѣ стали бы вы выдавать тайны своей жены?

— Хорошо, хорошо, — проговорилъ, качая головой, герцогъ. — Я вижу, что теперь вы уже не любите меня такъ, какъ въ то время, когда открыли мнѣ замыслы короля противъ меня и моихъ.

— Король былъ силенъ — вы слабы. Теперь Генрихъ слабъ, и сила на вашей сторонѣ. Какъ видите, я играю все ту же роль.

— Только вы переходите изъ одного лагеря въ другой.

— Я пріобрѣла это право, герцогъ, когда спасла вамъ жизнь.

— Хорошо, ваше величество. А такъ какъ при разлукѣ любовники обыкновенно возвращаютъ все, что получали другъ отъ друга, то и я, съ своей стороны, постараюсь, если представится случай, спасти вамъ жизнь. Тогда мы сквитаемся.

Съ этими словами герцогъ поклонился и вышелъ; Маргарита не сдѣлала ни малѣйшей попытки остановить его.

Ждавшая въ передней Гильона провела герцога къ окну съ надломанной рѣшеткой. Онъ спустился въ ровъ и отправился съ своимъ пажемъ въ отель Гизовъ.

Въ это время Маргарита сидѣла, задумавшись, у окна.

— Какая брачная ночь! — прошептала она. — Мужъ бѣжитъ отъ меня, любовникъ меня покидаетъ!

Въ эту минуту по ту сторону рва шелъ какой-то школьникъ и пѣлъ пѣсню.

Маргарита, грустно улыбаясь, слушала эту пѣсенку. А когда голосъ пѣвца замеръ вдали, она затворила окно, позвала Гильону, чтобы та помогла ей раздѣться, и легла въ постель.

III.

Король-поэтъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней празднества, балеты и турниры чередовались между собою.

Двѣ прежде враждебныя партіи сближались все больше и больше. Всѣ относились къ гугенотамъ съ такимъ радушіе

и любезностью, что мало-по-малу сдались даже самые недовѣрчивые изъ нихъ. Отецъ Коттонъ обѣдалъ и кутилъ съ барономъ де-Куртомэ; герцогъ Гизъ катался въ лодкѣ по Сенѣ съ принцемъ Кондэ; король Карлъ, обыкновенно грустный и задумчивый, былъ теперь веселъ и положительно не могъ обходиться безъ своего зятя Генриха; сама королева-мать была въ такомъ радостномъ настроеніи и такъ занята перьями и драгоцѣнностями, что не могла даже спать спокойно.

И гугеноты начали одѣваться въ шелковые камзолы, выбирать себѣ девизы и парадировать передъ балконами, какъ католики. Все указывало на реакцію въ пользу протестантской религіи и казалось, какъ будто весь дворъ собирается перейти въ протестантство. Даже адмиралъ, несмотря на всю свою опытность, вдался въ обманъ, какъ и всѣ остальные. У него даже до такой степени закружилась голова, что въ одинъ прекрасный день онъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ забылъ грызть свою зубочистку. А это было его всегдашнимъ занятіемъ съ двухъ часовъ пополудни, когда кончался его обѣдъ, до восьми часовъ вечера, когда онъ садился ужинать.

Въ тотъ день, какъ адмиралъ дошелъ до такой невѣроятной забывчивости, король Карлъ IX пригласилъ къ себѣ на ужинъ небывалый кружокъ приближенныхъ, въ томъ числѣ Генриха Наваррскаго и герцога Гиза. Послѣ ужина онъ повелъ ихъ въ свою спальню, чтобы показать волчій капканъ, изобрѣтенный имъ самимъ. Онъ началъ было объяснять имъ его остроумное устройство, какъ вдругъ остановился и спросилъ:

— А развѣ адмиралъ не будетъ сегодня? Что такое съ нимъ? Не видалъ ли его кто-нибудь изъ васъ?

— Если вы тревожитесь за его здоровье, ваше величество,—сказалъ Генрихъ Наваррскій,—то я могу успокоить васъ. Я видѣлъ адмирала сегодня въ шесть часовъ утра и въ семь часовъ вечера.

— Ага! — сказалъ король, пристально взглянувъ на зятя.— А для молодого мужа вы встаете очень рано, Генрихъ!

— Да, я всталъ сегодня рано, государь. Я хотѣлъ узнать у адмирала, которому извѣстно все, отправились ли въ путь нѣсколько человѣкъ изъ моей свиты, которыхъ я ожидаю сюда?

— Какъ еще? Но вѣдь у васъ и безъ того была свита въ восемьсотъ человѣкъ въ день вашей свадьбы и съ тѣхъ поръ она все увеличивается. Ужъ не хотите ли вы напасть на насъ?— смѣясь, спросилъ король.

Герцогъ Гизъ нахмурилъ брови.

— Ходятъ слухи о войнѣ съ Фландріей, государь,— сказалъ Генрихъ Наваррскій,— и потому я призываю изъ моей страны всѣхъ, кто можетъ быть полезенъ вашему величеству.

Герцогъ Гизъ, вспомнивъ, что Генрихъ въ день своей свадьбы упомянулъ Маргаритѣ о какомъ-то составленномъ имъ планѣ, сталъ слушать внимательнѣе.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ король съ своей лукавой улыбкой, — чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше, зовите ихъ, Генрихъ. Но кто же они? Надѣюсь, люди храбрые?

— Не знаю, государь, будутъ ли они въ состояніи сравняться со свитою вашего величества или герцога Анжуйскаго и герцога Гиза, но всѣ эти люди мнѣ извѣстны и я ручаюсь, что они сдѣлаютъ все, что могутъ.

— А сколько ихъ пріѣдетъ?

— Десять или двѣнадцать человѣкъ.

— Кто же именно?

— Я въ настоящую минуту не могу припомнить ихъ имена и кромѣ одного изъ нихъ де-ла-Моля, котораго рекомендовалъ мнѣ Телиньи, какъ замѣчательнаго воина, я не сумѣю сказать...

— Де-ла-Моль? — перебилъ король, очень свѣдущій въ геологіи. — Не провансалецъ ли это Леракъ де-ла-Моль?

— Онъ самый, государь. Какъ видите, я вербую людей даже въ Провансѣ.

— А я, — сказалъ съ насмѣшливой улыбкой герцогъ Гизъ, — я зайду еще дальше его величества, короля Наваррскаго. Даже въ Пьемонтѣ буду я набирать всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, какихъ только мнѣ удастся найти.

— Католики или гугеноты—это рѣшительно все равно, лишь бы они были люди храбрые, — сказалъ король.

Онъ сдѣлалъ это замѣчаніе, въ которомъ католики ставились на одну доску съ протестантами, такимъ безпристрастнымъ тономъ, что даже самъ герцогъ Гизъ удивился.

— Ваше величество говорите о нашихъ фламандцахъ? — сказалъ Колиньи, входившій въ эту минуту въ комнату и услыхавшій послѣднія слова короля. Нѣсколько дней тому назадъ Карлъ далъ адмиралу право входить къ нему безъ доклада.

— А вотъ и мой отецъ адмиралъ! — воскликнулъ король, открывая объятія. — Говорятъ о войнѣ, о храбрецахъ, и онъ тутъ какъ тутъ. Такъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Мой зять Наваррскій и кузенъ Гизъ ждутъ подкрѣпленій для вашей арміи. Вотъ о чемъ мы толковали.

— И эти подкрѣпленія приближаются, — сказалъ адмиралъ.

— Получили вы какія-нибудь извѣстія? — спросилъ Генрихъ Наваррскій.

— Да, сынъ мой, главнымъ образомъ о де-ла-Молѣ. Онъ былъ вчера въ Орлеанѣ, а завтра или послѣзавтра прибудетъ въ Парижъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Гизъ. — Какъ же это г. адмиралъ знаетъ, что дѣлается за тридцать или сорокъ лье отсюда? Развѣ онъ колдунъ? Очень бы мнѣ хотѣлось узнать съ такой же достовѣрностью, что происходило подъ стѣнами Орлеана!

Колиньи отнесся равнодушно къ язвительной выходкѣ герцога Гиза,намекавшаго на смерть своего отца, Франциска Гиза, убитаго подъ Орлеаномъ Пальтро де-Мере, по наущенію, какъ полагали, адмирала Колиньи.

— Я бываю колдуномъ, герцогъ, — холодно и съ достоинствомъ отвѣтилъ онъ,—каждый разъ, какъ хочу получить вѣрныя свѣдѣнія о своихъ дѣлахъ или о дѣлахъ короля. Мой гонецъ часъ тому назадъ вернулся изъ Орлеана и сдѣлалъ, благодаря перемѣннымъ почтовымъ лошадямъ, тридцать два лье въ день. Де-ла-Моль ѣдетъ на своей лошади и проѣзжаетъ въ день всего десять лье; значитъ, онъ будетъ здѣсь только двадцать четвертаго числа. Вотъ и все колдовство!

— Браво, отецъ мой! Прекрасный отвѣтъ! — воскликнулъ король.—Докажите этимъ молодымъ людямъ, что не одни годы, но и мудрость заставила побѣлѣть ваши волосы. Отпустимъ ихъ лучше. Пусть они поговорятъ между собою о любви и о турнирахъ, а мы потолкуемъ о войнѣ. Благодаря хорошимъ совѣтникамъ, выходятъ и хорошіе короли, отецъ мой... Идите, господа, мнѣ нужно поговорить съ адмираломъ.

Молодые люди вышли, король Наваррскій впереди, герцогъ Гизъ за нимъ; но, выйдя изъ комнаты, они, холодно раскланявшись, тотчасъ же разошлись въ разныя стороны.

Колиньи тревожно проводилъ ихъ глазами; каждый разъ, какъ сходились эти два ненавидѣвшіе другъ друга человѣка, онъ боялся, какъ бы не вспыхнула между ними ссора. Карлъ IX понялъ, какія мысли тревожатъ адмирала, и, подойдя къ нему, дотронулся до его руки.

— Не безпокойтесь, отецъ мой, — сказалъ онъ, — я сумѣю удержать ихъ въ повиновеніи и не позволю имъ забыть должнаго намъ уваженія. Я сдѣлался настоящимъ королемъ съ тѣхъ поръ, какъ моя мать перестала быть королевой. А она уже не королева съ тѣхъ поръ, какъ Колиньи — мой отецъ.

— Государь, — сказалъ Колиньи, — королева Екатерина...

— Вздорная женщина. При ней невозможенъ никакой миръ. Эти итальянскіе католики какіе-то бѣшеные и думаютъ лишь объ истребленіи. А я, наоборотъ, хочу не только примирить всѣхъ, но и довѣрить власть протестантамъ. Другіе ведутъ слишкомъ разсѣянную жизнь, отецъ мой, и возмущаютъ меня своими любовными похожденіями и распущенностью. Знаешь,

что я скажу тебѣ,— продолжалъ король еще задушевнѣе,— изъ всѣхъ окружающихъ меня я довѣряю только моимъ новымъ друзьямъ! Честолюбіе Таванна кажется мнѣ подозрительнымъ; Вьельвиль любитъ больше всего хорошее вино и способенъ продать своего короля за бочку мальвазіи; Монморанси не думаетъ ни о чемъ, кромѣ охоты, и проводитъ цѣлые дни съ собаками и соколами; графъ Ретцъ — испанецъ, Гизы—лотарингцы. Какъ кажется, прости Господи, во всей Франціи осталось только три настоящихъ француза: я, мой зять Наваррскій и ты. Но я прикованъ къ трону и не могу командовать войсками; охота въ Сенъ-Жерменѣ и Рамбулье — вотъ самое большее, что я могу себѣ позволить. Мой зять Наваррскій еще слишкомъ молодъ и неопытенъ. Къ тому же онъ, по-моему, какъ двѣ капли воды похожъ на своего отца Антонія, котораго всегда губили женщины. Такимъ образомъ, остаешься только ты, отецъ мой, храбрый, какъ Юлій Цезарь, и мудрый, какъ Платонъ. И я, право, не знаю, что мнѣ лучше сдѣлать: оставить ли тебя здѣсь, какъ моего совѣтника, или отправить главнокомандующимъ на войну. Но если ты будешь моимъ совѣтникомъ, кто будетъ командовать? А если командовать будешь ты, кто подастъ мнѣ добрый совѣтъ?

— Сначала нужно побѣдить, государь,—отвѣтилъ Колиньи,— совѣты понадобятся послѣ побѣды.

— Ты полагаешь, отецъ мой? Хорошо, пусть такъ и будетъ. Въ понедѣльникъ ты отправишься во Фландрію, а я — въ Амбуазъ.

— Ваше величество уѣдете изъ Парижа?

— Да. Меня утомили всѣ эти празднества и весь этотъ шумъ. Я не дѣятель, а мечтатель. Мнѣ слѣдовало бы быть не королемъ, а поэтомъ. Я поручу тебѣ составить что-нибудь въ родѣ государственнаго совѣта, который и возьметъ на себя управленіе, пока ты будешь на войнѣ. И если моя мать не будетъ участвовать въ немъ, то все пойдетъ хорошо. Я ужъ написалъ Ронсару, чтобы онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Амбуазъ. Тамъ, вдвоемъ, вдали отъ шума, отъ свѣта, отъ ненавистниковъ, подъ тѣнью густыхъ лѣсовъ, на берегу рѣки или журчащаго ручейка мы будемъ говорить о дѣлахъ Божіихъ — единственное, что можетъ служить утѣшеніемъ въ этомъ мірѣ и вознагражденіемъ за дѣла человѣческія. Хочешь, я прочту тебѣ стихотвореніе, въ которомъ приглашаю Ронсара пріѣхать? Я написалъ его сегодня утромъ.

Колиньи улыбнулся. Карлъ IX провелъ рукой по своему желтому, гладкому, какъ слоновая кость, лбу и началъ нараспѣвъ декламировать сочиненные имъ стихи.

— Браво, государь, браво! — воскликнулъ Колиньи. — Хоть мое дѣло — война, и я мало понимаю въ поэзіи, но, по-моему, это стихотвореніе стоитъ самыхъ лучшихъ стиховъ, когда-либо написанныхъ Ронсаромъ, Дора и даже канцлеромъ Мишелемъ де-л'Опиталь.

— Ахъ, мой отецъ, если бы это была правда! — сказалъ король. — Быть-можетъ, я не знаю ничего выше этого! Вотъ, послушай, что писалъ я нѣсколько дней тому назадъ моему наставнику въ поэзіи.

И король прочелъ новое стихотвореніе.

— Государь, — сказалъ Колиньи, — я зналъ, что ваше величество бесѣдуете съ музами, но не зналъ, что вы цѣните ихъ совѣты выше всѣхъ другихъ.

— Кромѣ твоихъ, отецъ мой, кромѣ твоихъ. И я хочу поставить тебя во главѣ управленія, чтобы ничто не мѣшало мнѣ бесѣдовать съ музами. Слушай. Я сію минуту долженъ приготовить отвѣтъ на новый мадригалъ, присланный мнѣ моимъ дорогимъ великимъ поэтомъ. Значитъ, я не могу передать тебѣ теперь же всѣ бумаги, съ которыми тебѣ нужно познакомиться, чтобы узнать, въ чемъ состоитъ главное разногласіе между мною и Филиппомъ. Кромѣ того, у меня есть еще планъ компаніи, составленный моими министрами. Я разыщу все это и отдамъ тебѣ завтра утромъ.

— Въ которомъ часу, государь?

— Въ десять часовъ. А если я въ это время буду писать стихи и запрусь въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, то ты все равно войди и возьми всѣ бумаги. Онѣ будутъ лежать вотъ тутъ, на столѣ, въ этомъ красномъ портфейлѣ. Онъ такого яркаго цвѣта, что ты не ошибешься. Ну, я иду писать Ронсару.

— Прощайте, ваше величество.

— Прощай, отецъ мой.

— Вашу руку!

— Мою руку? Что такое ты говоришь? Въ мои объятія, къ моему сердцу, вотъ гдѣ твое мѣсто. Сюда, мой старый воинъ, сюда!

И Карлъ IX, обнявъ склонившагося Колиньи, поцѣловалъ его сѣдые волосы.

Адмиралъ вышелъ, отирая навернувшіяся на глаза слезы.

Карлъ IX слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не пропалъ изъ виду, и прислушивался, пока не замеръ звукъ его шаговъ. Потомъ онъ, по своей привычкѣ, склонилъ голову на бокъ и тихо пошелъ въ свой оружейный кабинетъ.

Это была любимая комната короля; здѣсь онъ бралъ уроки фехтованія у Помпэ и уроки поэзіи у Ронсара. Тутъ была у

него богатая коллекція всевозможнаго наступательнаго и оборонительнаго оружія, самаго лучшаго, какое онъ только могъ найти. Всѣ стѣны были увѣшаны сѣкирами, щитами, копьями, аллебардами, пистолетами, ружьями. Въ этотъ самый день знаменитый оружейникъ принесъ великолѣпную пищаль, на стволѣ которой было инкрустировано серебромъ слѣдующее, сочиненное самимъ королемъ, четверостишіе:

„Pour maintenir la foy,
Je suis belle et fidèle;
Aux ennemis du roy
Je suis belle et cruelle“.

(Для защитниковъ вѣры я красива и вѣрна; для враговъ короля— красива и жестока).

Итакъ, Карлъ IX вошелъ въ кабинетъ, затворивъ за собою дверь; онъ подошелъ къ противоположной стѣнѣ и приподнялъ портьеру, маскировавшую входъ въ другую комнату. Тамъ передъ аналоемъ стояла на колѣняхъ женщина и молилась.

Такъ какъ король вошелъ тихо и подвигался впередъ по ковру, заглушавшему его шаги, неслышно, какъ привидѣніе, то колѣнопреклоненная женщина не обернулась и продолжала молиться. Карлъ остановился и съ минуту задумчиво смотрѣлъ на нее.

Это была женщина лѣтъ тридцати-пяти, свѣжая красота которой была еще замѣтнѣе отъ костюма крестьянки изъ окрестностей Ко. Она была въ высокомъ чепцѣ—головномъ уборѣ, бывшемъ въ такой модѣ во Франціи въ царствованіе Изабеллы Баварской; ея красивый корсажъ былъ весь расшитъ золотомъ, какъ у теперешнихъ крестьянокъ изъ Неттуно и Соры.

Комната, которую она занимала уже около двадцати лѣтъ, примыкала къ спальнѣ короля и представляла какую-то странную смѣсь изящества и грубой простоты. Дворецъ какъ бы соединялся здѣсь съ хижиной, хижина — съ дворцомъ. Это было что-то среднее между простымъ жилищемъ крестьянки и роскошнымъ покоемъ знатной дамы. Дубовый аналой, около котораго стояла на колѣняхъ молящаяся, былъ украшенъ чудной рѣзьбой и покрытъ бархатомъ съ золотой бахромой; но Библія, которую она держала въ рукахъ,—эта женщина была протестантка,—была старая и разорванная, одна изъ тѣхъ, какія встрѣчаются только въ самыхъ бѣдныхъ домахъ.

И все въ комнатѣ подходило къ этому аналою и этой Библіи.

— Мадлена!—позвалъ король.

Колѣнопреклоненная женщина съ улыбкой подняла голову, услыхавъ знакомый голосъ.

— А, это ты, сынъ мой, — сказала она, вставая съ колѣнъ.

— Да, это я, кормилица. Поди сюда.

Карлъ IX опустилъ портьеру и сѣлъ на ручку кресла.

— Что тебѣ, Шарло? — спросила кормилица, входя въ кабинетъ.

— Поди сюда и говори тихо.

Она подошла, держа себя съ фамильярностью, которая могла быть слѣдствіемъ материнской нѣжности къ вскормленному ею ребенку, которой въ памфлетахъ того времени приписывалось другое, далеко не такое чистое происхожденіе.

— Ну, вотъ и я, — сказала она, — говори.

— Тутъ человѣкъ, которому я велѣлъ притти?

— Онъ здѣсь уже около получаса.

Король подошелъ къ окну, чтобы взглянуть, не подсматриваетъ ли кто-нибудь, подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо, чтобы убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, смахнулъ съ оружія пыль и погладилъ большую борзую собаку, которая шла за нимъ по пятамъ и останавливалась, когда останавливался онъ.

— Хорошо, кормилица, — сказалъ наконецъ король, подходя къ ней, — позови его.

Она вышла тѣмъ же путемъ, какъ и вошла, а король приблизился къ столу, на которомъ лежало всевозможное оружіе, и облокотился на него.

Только что успѣлъ онъ подойти къ нему, какъ портьера снова поднялась и вошелъ тотъ, кого онъ ждалъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, съ лукавыми сѣрыми глазами, загнутымъ, какъ у совы, носомъ и выдающимися скулами. Онъ старался придать своему лицу самое почтительное выраженіе, но могъ вызвать только лицемѣрную улыбку на свои побѣлѣвшія отъ страха губы.

Карлъ незамѣтно заложилъ за спину руку и взялъ въ нее пистолетъ новаго изобрѣтенія, изъ котораго выстрѣлъ производится не съ помощью фитиля, а отъ соприкосновенія кремня съ стальнымъ колесикомъ. Потомъ онъ устремилъ свои тусклые глаза на вошедшаго, насвистывая очень вѣрно и замѣчательно мелодично одну изъ своихъ любимыхъ охотничьихъ пѣсенокъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ король разглядывалъ незнакомца, который все больше и больше смущался.

— Ваше имя—Франсуа де-Лувье-Морвель? — наконецъ спросилъ король.

— Точно такъ, ваше величество.

— Вы начальникъ петардщиковъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Я хотѣлъ видѣть васъ.

Морвель поклонился.

— Вы знаете,— продолжалъ Карлъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ,— что я люблю одинаково всѣхъ моихъ подданныхъ?

— Я знаю, что ваше величество—отецъ своего народа,— пробормоталъ Морвель.

— И что гугеноты и католики одинаково мои дѣти?

Морвель не отвѣчалъ; только дрожь, пробѣгавшая у него по тѣлу, стала сильнѣе. Это не ускользнуло отъ проницательныхъ глазъ короля, несмотря на то, что Морвель стоялъ въ такомъ мѣстѣ, куда совсѣмъ почти не доходилъ свѣтъ.

— Вамъ, повидимому, это не особенно нравится?— продолжалъ король.— Вѣдь вы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовали гугенотовъ!

Морвель упалъ на колѣни.

— Ваше величество,— пробормоталъ онъ,— не вѣрьте...

— Я вѣрю,— сказалъ Карлъ, пронизывая Морвеля глазами, теперь уже не тусклыми, а сверкающими.— Я вѣрю, что вамъ очень хотѣлось убить въ Монконтурѣ адмирала, который только что вышелъ отсюда; я вѣрю, что вамъ не удалось это и тогда вы поступили въ армію моего брата, герцога Анжуйскаго; наконецъ, я вѣрю, что вы послѣ того перешли во второй разъ къ принцамъ и поступили въ роту де-Муи де-Сенъ-Фаль...

— О, ваше величество!

— Честнаго пикардійскаго офицера.

— Пощадите, пощадите меня, ваше величество!

— Да, это былъ доблестный офицеръ,— продолжалъ Карлъ, и въ то время, какъ онъ говорилъ, выраженіе почти звѣрской жестокости появилось у него на лицѣ.— Онъ принялъ васъ, какъ сына, далъ вамъ пріютъ, одежду, пищу...

Морвель сокрушенно вздохнулъ.

— Вы, кажется, называли его отцомъ,— безжалостно продолжалъ король,— и были очень дружны съ его сыномъ, молодымъ де-Муи?

Морвель, все еще не поднимавшійся съ колѣнъ, склонялся все ниже и ниже, подавленный глазами Карла.

А тотъ стоялъ прямо, безстрастный, какъ статуя, у которой только однѣ губы были одарены жизнью.

— Кстати,— продолжалъ король,— вѣдь, кажется, вы должны были получить отъ герцога Гиза десять тысячъ экю за убійство адмирала?

Убійца въ отчаяніи бился головою объ полъ.

— Что касается до вашего добраго отца де-Муи, то дѣло было такъ. Вы сопровождали его, когда онъ поѣхалъ на рекогносцировку къ Шеврё. Онъ уронилъ хлыстъ и соскочилъ съ лошади, чтобы поднять его. Никого, кромѣ васъ, не было съ нимъ, и когда онъ нагнулся, вы вынули изъ кобуры пистолетъ и выстрѣлили ему въ спину. Потомъ, убѣдившись, что онъ мертвъ, вы ускакали на лошади, которую онъ вамъ подарилъ. Вѣдь такъ было дѣло, не правда ли?

Морвель молчалъ, не возражая противъ этого обвиненія, вѣрнаго во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, а Карлъ IX снова принялся насвистывать такъ же вѣрно и мелодично, какъ прежде, свою охотничью пѣсенку.

— Ну-съ, г. убійца, — проговорилъ онъ послѣ небольшой паузы, — долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень хочется повѣсить васъ.

— О, ваше величество! — воскликнулъ Морвель.

— Молодой де-Муи просилъ меня объ этомъ еще вчера, и я, право же, не зналъ, что отвѣтить ему, такъ какъ его просьба вполнѣ справедлива.

Морвель съ умоляющимъ видомъ сложилъ руки.

— Она тѣмъ болѣе справедлива, — продолжалъ король, — что я, какъ замѣтили вы сами, отецъ моего народа, и теперь, когда я помирился съ протестантами, они такія же дѣти мнѣ, какъ и католики. Я уже говорилъ вамъ это.

— Ваше величество, — сказалъ совсѣмъ упавшій духомъ Морвель, — жизнь моя въ вашихъ рукахъ; распоряжайтесь ею по вашему усмотрѣнію.

— Вы правы. И ни обола не далъ бы я за нее.

— Неужели же, ваше величество, — спросилъ убійца, — я ничѣмъ не могу искупить мое преступленіе?

— Не знаю. Но если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, чего, благодареніе Богу, нѣтъ...

— Ну, что же, ваше величество? Если бы вы были на моемъ мѣстѣ?.. — пробормоталъ Морвель, не спуская глазъ съ губъ Карла.

— Полагаю, что я сумѣлъ бы выпутаться изъ бѣды, — докончилъ Карлъ.

Морвель приподнялъ одно колѣно и, опершись на руку, устремилъ глаза на Карла, чтобы убѣдиться, что тотъ не смѣется надъ нимъ.

— Я, конечно, очень люблю молодого де-Муи, — продолжалъ король, — но я очень люблю и моего кузена де-Гиза. И если бы онъ попросилъ меня пощадить жизнь человѣка, котораго Муи, съ своей стороны, просилъ бы повѣсить, то, признаюсь,

я былъ бы въ большомъ затрудненіи. Но все-таки, принимая въ соображеніе политику и религію, я бы долженъ былъ исполнить желаніе моего кузена Гиза; хоть де-Муи и храбрый, доблестный офицеръ, но онъ, конечно, не можетъ равняться съ герцогомъ Лотарингскимъ.

Слушая короля, Морвель мало-по-малу выпрямлялся, какъ человѣкъ, оживающій послѣ страшнаго удара, и, наконецъ, поднялся съ колѣнъ.

— Итакъ, въ томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ вы очутились,—снова началъ король,—вамъ слѣдовало бы прежде всего постараться заслужить расположеніе моего кузена Гиза. Кстати, еще вчера онъ говорилъ мнѣ...

Морвель сдѣлалъ шагъ впередъ.

—„Можете себѣ представить, ваше величество,—говорилъ онъ,—аккуратно каждый день, въ десять часовъ утра, мой злѣйшій врагъ проходитъ по улицѣ Сенъ-Жерменъ д'Оксерруа, возвращаясь изъ Лувра. Я вижу его изъ задѣланнаго рѣшеткой окна нижняго этажа, изъ комнаты моего бывшаго наставника каноника Пьера Пиля. И вотъ я каждый день смотрю, какъ идетъ мой врагъ, и каждый день молю дьявола, чтобы онъ унесъ его въ преисподнюю". Вѣдь если бы вы, Морвель, были дьяволомъ или, по крайней мѣрѣ, заняли на время его мѣсто, то это, пожалуй, было бы очень пріятно моему кузену Гизу.

Зловѣщая улыбка снова показалась на блѣдныхъ еще отъ перенесеннаго страха губахъ Морвеля.

— Но, ваше величество,—проговорилъ онъ,—вѣдь не могу же я сдѣлать, чтобы земля разверзлась и поглотила врага герцога Гиза.

— А между тѣмъ вамъ удалось сдѣлать это, насколько я помню, съ храбрымъ де-Муи. Вы, пожалуй, скажете, что тогда вамъ помогъ пистолетъ,—развѣ теперь его нѣтъ у васъ?

— Изъ пищали я стрѣляю еще лучше, чѣмъ изъ пистолета, ваше величество,—сказалъ, совсѣмъ почти успокоившись, убійца.

— Пистолетъ или пищаль—не все ли равно? Я увѣренъ, что мой кузенъ Гизъ не станетъ придираться, какое бы оружіе вы ни выбрали.

— Но мнѣ нужно такое оружіе, на которое я могъ бы вполнѣ положиться. Можетъ-быть, мнѣ придется стрѣлять издалека.

— Въ этой комнатѣ десять пищалей, изъ которыхъ я попадаю въ золотое экю на разстояніи ста пятидесяти шаговъ. Не хотите ли вы взять одну изъ нихъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше величество!—воскликнулъ Морвель, подходя къ пищали, принесенной Карлу IX въ тотъ самый день.

— Нѣтъ, только не эту,—сказалъ король,—я берегу ее для себя. На-дняхъ у меня будетъ большая охота, и я намѣренъ воспользоваться этой пищалью. Но изъ всѣхъ остальныхъ можете выбирать любую.

Морвель выбралъ пищаль и снялъ ее со стѣны.

— Кто же этотъ врагъ, ваше величество? — спросилъ онъ.

— А я почему знаю? — сказалъ Карлъ, презрительно взглянувъ на убійцу.

— Такъ я спрошу у герцога Гиза, — пробормоталъ Морвель.

— Не спрашивайте ничего, — сказалъ онъ.— Гизъ не отвѣтитъ вамъ. Развѣ о такихъ вещахъ спрашиваютъ? Тотъ, кто не хочетъ быть повѣшеннымъ, долженъ догадаться самъ.

— Но какъ же я узнаю его?

— Я говорилъ вамъ, что онъ каждый день, въ десять часовъ утра, проходитъ мимо окна каноника.

— Много народу проходитъ мимо этого окна. Если бы ваше величество соблаговолило указать мнѣ хоть какой-нибудь признакъ...

— Ну, это не трудно. Завтра, напримѣръ, онъ понесетъ красный сафьянный портфейль.

— Этого вполнѣ достаточно, ваше величество.

— А у васъ еще та великолѣпная, быстрая лошадь, которую подарилъ вамъ де-Муи?

— У меня есть арабскій конь, который бѣжитъ еще быстрѣе.

— О, до вашей безопасности мнѣ дѣла нѣтъ. Но вамъ все-таки не мѣшаетъ знать, что въ монастырѣ есть задняя дверь.

— Благодарю васъ, ваше величество. Помолитесь за меня Богу!

— Тысяча дьяволовъ! Помолитесь лучше сами чорту: только съ его помощью удастся вамъ избѣжать петли.

— Честь имѣю кланяться, ваше величество!

— Прощайте! Ахъ, кстати, не забывайте, что если завтра о васъ почему-либо заговорятъ раньше десяти часовъ утра или не заговорятъ послѣ десяти, то въ Луврѣ есть подземныя темницы.

И Карлъ IX снова принялся спокойно насвистывать свою любимую пѣсенку.

IV.

Вечеръ 24 августа 1572 года.

Читатель, можетъ-быть, не забылъ, что въ предыдущей главѣ упоминалось о де-ла-Молѣ, котораго поджидалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Генрихъ Наваррскій. Этотъ молодой человѣкъ въѣхалъ въ Парижъ черезъ Сенъ-Марсельскія ворота, какъ и предсказывалъ адмиралъ, вечеромъ двадцать четвертаго августа. Онъ довольно презрительно посматривалъ на многочисленныя гостиницы, вывѣски которыхъ, украшенныя рисунками, виднѣлись справа и слѣва отъ него. Добравшись на своей взмыленной лошади до центра города, ла-Моль пересѣкъ площадь Моберъ, проѣхалъ черезъ Малый мостъ, черезъ мостъ Богоматери и вдоль набережной и остановился на углу улицы де-Брезекъ. Это наша теперешняя улица де-л'Арбръ-Секъ, которую мы для удобства читателя и будемъ называть такъ.

Должно-быть, названіе улицы понравилось де-ла-Молю, потому что онъ свернулъ въ нее. Налѣво отъ него великолѣпная вывѣска изъ листового желѣза качалась со скрипомъ, при чемъ звенѣли привязанные къ ней колокольчики. Она обратила на себя его вниманіе, и онъ остановился во второй разъ. На вывѣскѣ была надпись „Прекрасная звѣзда“, сдѣланная надъ картиной, какъ нельзя болѣе пріятной для глазъ проголодавшагося путешественника: на темномъ фонѣ жарилась пулярка, а внизу стоялъ человѣкъ въ красномъ плащѣ и протягивалъ къ этой странной звѣздѣ свои руки и свой кошелекъ.

„Вотъ гостиница, которая очень заманчиво возвѣщаетъ о себѣ, — подумалъ ла-Моль, — и хозяинъ ея, навѣрное, ловкій плутъ. Я слыхалъ, что улица де-л'Арбръ-Секъ недалеко отъ Лувра и, если эта гостиница хоть отчасти соотвѣтствуетъ своей вывѣскѣ, то мнѣ будетъ отлично здѣсь“.

Въ то время, какъ де-ла-Моль разсуждалъ такимъ образомъ самъ съ собою, съ противоположной стороны, изъ улицы Сентъ-Онорэ, выѣхалъ другой всадникъ и тоже остановился, съ восхищеніемъ смотря на вывѣску.

Тотъ путешественникъ, котораго мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, хоть по имени, сидѣлъ на бѣлой испанской лошади и былъ въ черномъ камзолѣ, темно-фіолетовомъ бархатномъ плащѣ и черныхъ кожаныхъ сапогахъ. Оружіе его состояло изъ шпаги съ чеканной стальной рукояткой и такого же кинжала. Это былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ, двадцати пяти лѣтъ, со смуглымъ лицомъ, голубыми глазами, маленькими усиками и замѣчательно красивымъ ртомъ и ослѣпительными зубами, и

торые какъ бы освѣщали его лицо, когда онъ улыбался своей нѣжной, грустной улыбкой.

Другой путешественникъ составлялъ полную противоположность съ ла-Молемъ. Изъ-подъ его шляпы съ приподнятыми полями выбивались густые, курчавые, почти рыжіе волосы, сѣрые глаза его сверкали при малѣйшемъ противорѣчіи такимъ огнемъ, что казались черными. У него было румяное лицо, тонкія губы, рыжіе усы и великолѣпные зубы. Въ общемъ, съ своимъ свѣжимъ цвѣтомъ лица, высокимъ ростомъ и широкими плечами, онъ могъ назваться красивымъ, хоть красота эта и была довольно грубая и заурядная. Онъ уже цѣлый часъ ѣздилъ по улицамъ и, подъ предлогомъ отыскиванія гостиницы, заглядывалъ во всѣ окна, при чемъ женщины заглядывались на него самого. Что касается до мужчинъ, то они были бы, пожалуй, не прочь посмѣяться надъ его короткимъ плащомъ, понталонами въ обтяжку и допотопными сапогами; но охота смѣяться пропадала у нихъ, и они очень любезно говорили: „Да хранитъ васъ Богъ!“ когда взглядывали на его подвижное, ежеминутно измѣнявшееся лицо, на которомъ только не было выраженія добродушія, свойственнаго попавшему въ столицу провинціалу.

Незнакомецъ бросилъ взглядъ на ла-Моля и заговорилъ первый.

— Отсюда, кажется, недалеко до Лувра? — спросилъ онъ съ ужаснѣйшимъ горскимъ акцентомъ, по которому изъ сотни пріѣзжихъ всегда узнаешь пьемонтца. — Во всякомъ случаѣ я вижу, что мы сошлись во вкусахъ. И это очень лестно для меня.

— Эта гостиница, кажется, дѣйствительно, недалеко отъ Лувра, — отвѣтилъ ла-Моль съ такимъ же ужаснѣйшимъ провансальскимъ акцентомъ.—Но не знаю, удостоюсь ли я чести быть одного мнѣнія съ вами. Я еще раздумываю и не пришелъ ни къ какому рѣшенію.

— Неужели? А между тѣмъ гостиница, повидимому, недурна. Или, можетъ-быть, она кажется мнѣ такою, благодаря вашему присутствію. Но во всякомъ случаѣ вы должны сознаться, что у нея прекрасная вывѣска.

— Да, безъ всякаго сомнѣнія. Но вотъ это-то и возбуждаетъ во мнѣ недовѣріе. Въ Парижѣ, говорятъ, очень много плутовъ, а вывѣска можетъ быть такой же ловушкой, какъ и все другое.

— Mordi! — воскликнулъ пьемонтецъ. — Плуты, такъ плуты — они не страшны мнѣ! Если хозяинъ подастъ мнѣ птицу, не такъ хорошо зажаренную, какъ вотъ эта пулярка на вывѣскѣ,

то я воткну его самого на вертелъ и поджарю по-своему! Войдемте.

— Вы окончательно убѣдили меня, — смѣясь, сказалъ ла-Моль. — Потрудитесь же войти первый.

— Нѣтъ, клянусь душою, этого не будетъ. Я лишь вашъ покорный слуга, графъ Аннибалъ де-Коконна.

— А я только графъ Жозефъ-Гіацинтъ-Бонифацій де-Леракъ де-ла-Моль къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ возьмемтесь за руку и войдемъ вмѣстѣ.

Слѣдствіемъ такого безобиднаго для обѣихъ сторонъ предложенія было то, что молодые люди соскочили съ лошадей, бросили поводья конюху, взялись за руки и, поправивъ шпаги, пошли къ двери гостиницы, около которой стоялъ хозяинъ. Противъ обыкновенія людей этого сорта онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ разговаривать съ высокимъ, тощимъ человѣкомъ, завернутымъ въ темный плащъ и очень похожимъ на распустившаго крылья филина.

Когда путешественники подошли къ нимъ, Коконна, возмущенный тѣмъ, что къ нему и его спутнику относятся такъ небрежно, дернулъ хозяина за рукавъ. Тотъ вздрогнулъ, какъ будто его внезапно разбудили, и простился съ своимъ собесѣдникомъ, сказавъ ему: „До свиданія. Приходите скорѣе—мнѣ главное нужно знать часъ".

— Ну-съ, почтеннѣйшій, — сказалъ Коконна, — не видите вы, что ли, что до васъ есть дѣло?

— Ахъ, извините, господа, — отвѣтилъ хозяинъ, — я не видалъ васъ.

— Такъ нужно было видѣть, чортъ возьми! А теперь, когда вы насъ увидали, потрудитесь, обращаясь къ намъ, говорить не просто „господинъ", а „господинъ графъ".

Ла-Моль стоялъ сзади, предоставляя распоряжаться Коконна, который взялъ переговоры на себя.

Однако, хоть онъ и не вмѣшивался въ разговоръ, но по его нахмуреннымъ бровямъ было видно, что онъ не откажется притти на помощь, когда наступитъ пора дѣйствовать.

— Такъ что же вамъ угодно, г. графъ? — совершенно спокойно спросилъ хозяинъ.

— Ну, вотъ такъ-то лучше, неправда ли? — прибавилъ Коконна, обращаясь къ ла-Молю, который кивнулъ головой. — Г. графу и мнѣ понравилась ваша вывѣска, и мы желаемъ поужинать и переночевать въ вашей гостиницѣ.

— Къ сожалѣнію, я не могу исполнить вашего желанія, — сказалъ хозяинъ. — У меня свободна только одна комната это едва ли будетъ удобно для васъ.

— Ну, что жъ, тѣмъ лучше, — замѣтилъ ла-Моль.—Поѣдемъ въ другую гостиницу.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Коконна. — Я, съ своей стороны, останусь здѣсь: моя лошадь совсѣмъ выбилась изъ силъ. Такъ какъ вы отказываетесь отъ комнаты, то ее займу я.

— Ну, это дѣло другое, — сказалъ хозяинъ все тѣмъ же до дерзости равнодушнымъ тономъ.—Если останется только одинъ изъ васъ, то я не могу отдать ему комнату.

— Mordi! — воскликнулъ Коконна.—Какое грубое животное! Сейчасъ только насъ двоихъ было слишкомъ много для комнаты, а теперь одного слишкомъ мало! Значитъ, ты не хочешь пустить насъ?

— Такъ какъ вы принимаете это за обиду, господа, то я ужъ лучше буду говорить прямо.

— Говори, но только поскорѣе

— Такъ я скажу, что мнѣ пріятнѣе отказаться отъ чести принять васъ у себя.

— А почему? — спросилъ Коконна, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.

— Потому что съ вами нѣтъ слугъ, — отвѣтилъ хозяинъ,— и если вы займете комнату для господъ, то у меня останутся двѣ пустыхъ комнаты для слугъ, которыя едва ли кто займетъ.

— А что, графъ, — сказалъ Коконна, обернувшись къ ла-Молю,—не кажется ли вамъ, какъ и мнѣ, что этого негодяя слѣдовало бы немножко поучить?

— Я къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ ла-Моль, собираясь, подобно своему спутнику, пустить въ дѣло хлыстъ.

Но, несмотря на эту угрозу, которая казалась далеко не шуточной, хозяинъ нисколько не испугался и сдѣлалъ только шагъ назадъ, къ самой своей двери.

— Сейчасъ видно,—насмѣшливо сказалъ онъ,—что господа пріѣхали изъ провинціи. Въ Парижѣ уже прошла мода бить хозяевъ, если они не хотятъ отдавать внаймы свои комнаты. Теперь бьютъ не насъ, а знатныхъ господъ. Если вы будете слишкомъ шумѣть, я позову сосѣдей и кончится тѣмъ, что поколотятъ васъ самихъ, а это—штука, не подходящая для дворянъ.

— Да онъ просто насмѣхается надъ нами, чортъ побери! — въ ярости воскликнулъ Коконна.

— Грегуаръ! Мою пищаль! — крикнулъ слугѣ хозяинъ такимъ тономъ, какъ будто говорилъ: „Подай стулья этимъ господамъ!“

— Tripe del papa! — заревѣлъ Коконна, обнажая шпагу.— Да разгорячитесь же немножко, ла-Моль!

— Къ чему? Вѣдь, пока мы будемъ горячиться, простынетъ ужинъ.

— Какъ? — воскликнулъ Коконна. — Значитъ, вы находите...

— Я нахожу, что хозяинъ правъ. Онъ только не умѣетъ принимать путешественниковъ, а въ особенности путешественниковъ-дворянъ. Вмѣсто того, чтобы грубо говорить намъ: „Я не хочу отдавать вамъ комнату", ему слѣдовало бы вѣжливо сказать: „Пожалуйте, милости просимъ!" А потомъ написать въ счетѣ: комната для господъ столько-то; комната слуги столько-то. Вѣдь, если у насъ нѣтъ слугъ теперь, то мы можемъ нанять ихъ.

Сказавъ это, ла-Моль тихонько отстранилъ отъ двери хозяина, уже бравшаго въ руки пищаль, пропустилъ впередъ Коконна и вошелъ самъ вслѣдъ за нимъ въ гостиницу.

— А мнѣ все-таки очень непріятно вкладывать шпагу въ ножны, — сказалъ Коконна.—Мнѣ хотѣлось бы убѣдиться, что она колетъ такъ же хорошо, какъ и шпиковальная игла этого бездѣльника.

— Терпѣніе, любезный товарищъ, — сказалъ ла-Моль,—терпѣніе! Теперь всѣ гостиницы полны путешественниками, которыхъ привлекли въ Парижъ празднества при дворѣ по случаю свадьбы, или же предстоящая война съ Фландріей. А потому намъ было бы очень трудно найти свободное помѣщеніе. Къ тому же въ Парижѣ, можетъ-быть, въ обычаѣ встрѣчать такимъ образомъ пріѣзжихъ.

— Mordi, какъ вы терпѣливы! — пробормоталъ Коконна, дергая въ гнѣвѣ свои рыжіе усы и бросая молніеносные взгляды на хозяина. — Но пусть этотъ мошенникъ побережется: если его кушанье будетъ плохо, постель жестка, вино не старше трехъ лѣтъ, прислуга неповоротлива...

— Полноте, полноте, г. графъ, — сказалъ хозяинъ, точа свой ножъ о брусокъ. — Успокойтесь: въ Парижѣ нѣтъ недостатка ни въ чемъ.

„Это, навѣрное, какой-нибудь гугенотъ, — подумалъ онъ.— Эти измѣнники стали ужасно заносчивы съ тѣхъ поръ, какъ ихъ беарнецъ женился на принцессѣ Марго. А вѣдь было бы забавно, если бы гугеноты попали ко мнѣ какъ разъ теперь... когда..."

И хозяинъ улыбнулся такой улыбкой, отъ которой вздрогнули бы его гости, если бы увидали ее.

— Ну, что же? Скоро будетъ ужинъ? — рѣзко спросилъ Коконна, прерывая размышленія хозяина.

— Какъ прикажете, г. графъ,—отвѣтилъ тотъ, повидимому смягченный послѣдней, промелькнувшей у него мыслью.

— Такъ мы прикажемъ, чтобы его подавали, да поскорѣе!— сказалъ Коконна и прибавилъ, обращаясь къ ла-Молю:—Какъ вамъ понравился Парижъ, графъ? Веселый это городъ по вашему?

—- Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, — отвѣтилъ ла-Моль. — У всѣхъ, кто попадался мнѣ на пути, были какія-то испуганныя и вообще далеко не веселыя лица. Можетъ-быть, парижане боятся грозы? Небо все въ тучахъ, а воздухъ такой тяжелый!

— Вамъ, кажется, нужно попасть въ Лувръ?

— И вамъ, повидимому, тоже, графъ?

— Да. Давайте искать его вмѣстѣ.

— Сегодня? — сказалъ ла-Моль. — Теперь, по-моему, ужъ слишкомъ поздно.

— Поздно или нѣтъ, а мнѣ придется итти. Мнѣ данъ такой приказъ: ѣхать какъ можно скорѣе въ Парижъ и тотчасъ же по пріѣздѣ явиться къ герцогу Гизу.

При имени Гиза хозяинъ навострилъ уши и подошелъ поближе.

— Этотъ бездѣльникъ подслушиваетъ насъ, — сказалъ Коконна, злопамятный, какъ всѣ пьемонтцы:—онъ не забылъ нелюбезнаго пріема хозяина и не могъ простить ему этого.

— Да, я слушаю, г. графъ, — отвѣтилъ хозяинъ, прикладывая руку къ шапкѣ,—но только для того, чтобы быть полезнымъ вамъ. Я подошелъ, услыхавъ, что вы говорите о великомъ герцогѣ Гизѣ. Не могу ли я служить вамъ чѣмъ-нибудь, господа? Распоряжайтесь мною—я къ вашимъ услугамъ.

— Ага! Какъ видно, имя герцога Гиза дѣлаетъ чудеса: изъ дерзкаго нахала ты вдругъ становишься почтительнымъ. Чортъ возьми, любезнѣйшій... Какъ тебя зовутъ?

— Ла-Гюрьеръ, — отвѣтилъ, наклонившись, хозяинъ.

— Такъ вотъ что я хотѣлъ спросить у тебя, метръ ла-Гюрьеръ: неужели ты думаешь, что моя рука легче руки герцога Гиза, который, какъ видно, пользуется преимуществомъ дѣлать тебя вѣжливымъ?

— Не то, что легче, г. графъ, а покороче, — отвѣтилъ хозяинъ. — Къ тому же, — прибавилъ онъ, — этотъ великій Генрихъ — нашъ идолъ. Мы, парижане, поклоняемся ему.

— Какой Генрихъ? — спросилъ ла-Моль.

— Да онъ только и есть одинъ, — сказалъ хозяинъ: — Генрихъ Гизъ.

— Вы ошибаетесь, любезный, — сказалъ ла-Моль, — есть и другой, о которомъ я посовѣтовалъ бы вамъ не отзываться дурно въ моемъ присутствіи. Я говорю о Генрихѣ Наваррскомъ. А затѣмъ есть еще Генрихъ Кондэ, тоже вполнѣ достойный человѣкъ.

— Ну, этихъ я не знаю, — замѣтилъ хозяинъ.

— Но я знаю ихъ,—сказалъ ла-Моль,—и такъ какъ я пріѣхалъ къ королю Генриху Наваррскому, то еще разъ совѣтую вамъ не говорить о немъ дурно при мнѣ.

Хозяинъ, не отвѣчая, слегка дотронулся до своей шапки и продолжалъ бросать умильные взгляды на Коконна.

— Такъ графъ упомянулъ о герцогѣ Гизѣ? — сказалъ онъ. — Г. графъ очень счастливъ. И онъ, конечно, пріѣхалъ сюда для...

— Для чего же?

— Для празднества, — съ какой-то странной улыбкой отвѣтилъ хозяинъ.

— Тебѣ слѣдовало бы сказать „для празднествъ". У васъ тутъ не оберешься ихъ. Всѣ только и говорятъ, что о балахъ да о каруселяхъ. Хорошо веселятся въ Парижѣ, а?

— Не особенно, г. графъ, по крайней мѣрѣ, не особенно веселились до сихъ поръ. Но теперь, надѣюсь, начнется настоящее веселье.

— Однако на свадьбу короля Наваррскаго съѣхалось очень много народу, — замѣтилъ ла-Моль.

— Много гугенотовъ,—да!—рѣзко отвѣтилъ ла-Гюрьеръ, но тотчасъ же спохватился.—Прошу извиненія, господа! Можетъ-быть, вы протестанты?

— Я—протестантъ!—воскликнулъ Коконна.—Что за вздоръ! Я такой же католикъ, какъ нашъ святѣйшій отецъ папа.

Ла-Гюрьеръ вопросительно взглянулъ на ла-Моля, но тотъ или не понялъ его взгляда, или же не пожелалъ отвѣчать на него.

— Если вы не знаете короля Наваррскаго, метръ ла-Гюрьеръ,— сказалъ онъ,—то, можетъ-быть, знаете адмирала? Ходятъ слухи, что онъ пользуется благосклонностью при дворѣ и, такъ какъ меня рекомендовали ему, то я желалъ бы знать, гдѣ онъ живетъ. Скажите мнѣ, пожалуйста, его адресъ, если не боитесь, что отъ этого у васъ слѣзетъ вся кожа во рту.

— Онъ *жилъ* на улицѣ Бетизи, сударь; она начинается вотъ тутъ, направо, — съ довольнымъ видомъ сказалъ хозяинъ: онъ былъ не въ силахъ скрыть свою радость.

— Какъ *жилъ?*—спросилъ ла-Моль.—Развѣ онъ переѣхалъ?

— Да, по всей вѣроятности, на тотъ свѣтъ.

— Что это значитъ?—въ одинъ голосъ воскликнули ла-Моль и Коконна. — На тотъ свѣтъ?

— Какъ же вы, г. графъ, приверженецъ герцога Гиза, не знаете этого? — сказалъ, обращаясь къ Коконну, хозяинъ.

— Чего этого?

— Того, что третьяго дня, въ то время, какъ адмиралъ шелъ по площади Сенъ-Жерменъ д'Оксерруа, мимо дома каноника Пьера Пиля, въ него выстрѣлили изъ пищали.

— Онъ убитъ?

— Нѣтъ, ему только раздробило руку и оторвало два пальца. Но надѣются, что пуля была отравлена.

— *Надѣются?* — воскликнулъ ла-Моль. — Какъ смѣешь говорить это, негодяй?

— Я хотѣлъ сказать „думаютъ", — поправился хозяинъ. — Нельзя же ставить каждое слово въ строку. Это простая обмолвка.

И метръ ла-Гюрьеръ, повернувшись спиной къ ла-Молю, подмигнулъ Коконна и съ насмѣшливой улыбкой высунулъ языкъ.

— Неужели это правда?—спросилъ Коконна, лицо котораго просіяло.

— Неужели это правда? — съ грустнымъ недоумѣніемъ прошепталъ ла-Моль.

— Да, все происходило точь въ точь такъ, какъ я имѣлъ честь докладывать вамъ, господа, — отвѣтилъ трактирщикъ.

— Въ такомъ случаѣ я сію же минуту отправляюсь въ Лувръ, — сказалъ ла-Моль. — Застану я тамъ короля Генриха?

— Конечно, вѣдь онъ живетъ тамъ.

— И я иду въ Лувръ вмѣстѣ съ вами,—сказалъ Коконна. — Будетъ ли тамъ герцогъ Гизъ?

— По всей вѣроятности. Онъ недавно проѣхалъ туда со свитой изъ двухсотъ человѣкъ.

— Такъ пойдемте, Коконна, — сказалъ ла-Моль.

— Пойдемте.

— А вашъ ужинъ, господа? — спросилъ метръ ла-Гюрьеръ.

— Я, должно-быть, поужинаю у короля Наваррскаго,— сказалъ ла-Моль.

— А я, у герцога Гиза, — сказалъ Коконна.

— А я,— пробормоталъ хозяинъ, проводивъ глазами своихъ гостей, которые пошли по направленію къ Лувру,— я почищу свой шлемъ, приготовлю фитиль для пищали и отточу бердышъ. Неизвѣстно, что можетъ случиться.

V.

О добродѣтели вообще и о Луврѣ въ частности.

Двое пріѣзжихъ, разспросивъ о дорогѣ у перваго встрѣчнаго, пошли по улицѣ д'Аверанъ, свернули на улицу Сенъ-Жерменъ д'Оксерруа и скоро приблизились къ Лувру, башни котораго уже начинали сливаться съ надвигающейся темнотой.

— Что съ вами? — спросилъ Коконна у ла-Моля, который остановился при видѣ стариннаго дворца и смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на его подъемные мосты, узкія окна и остроконечныя колоколенки, внезапно появившіеся у него передъ глазами.

— Честное слово, и самъ не знаю, — отвѣтилъ ла-Моль. — Сердце у меня бьется... Я не робокъ, а между тѣмъ этотъ дворецъ почему-то кажется мнѣ мрачнымъ и даже ужаснымъ.

— А я, тоже Богъ вѣсть почему, какъ-то особенно веселъ,— сказалъ Коконна.— Однако я одѣтъ довольно небрежно,—прибавилъ онъ, оглядывая свой костюмъ.—Ну, не бѣда, это придаетъ мнѣ мужественный видъ. Къ тому же, мнѣ былъ данъ приказъ не терять ни минуты и, такъ какъ я исполнилъ его во всей точности, меня должны принять хорошо.

И двое молодыхъ людей, волнуемые противоположными чувствами, продолжали путь.

Лувръ хорошо охранялся; всѣ караулы были, казалось, удвоены. А потому наши путешественники очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Но Коконна, замѣтивъ, что имя герцога Гиза было чѣмъ-то въ родѣ талисмана для парижанъ, подошелъ къ часовому и, сославшись на всемогущаго герцога, спросилъ, нельзя ли ему войти въ Лувръ.

Имя Гиза, повидимому, произвело на часового свое обычное дѣйствіе; но онъ все-таки спросилъ у Коконна, знаетъ ли онъ пароль.

Коконна долженъ былъ сознаться, что не знаетъ.

— Такъ проходите мимо, — сказалъ часовой.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ, разговаривавшій съ караульнымъ офицеромъ, услыхавъ просьбу Коконна пропустить его въ Лувръ, подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ вамъ нужно видѣть герцога Гиза? — спросилъ онъ съ нѣмецкимъ выговоромъ.

— Мнѣ нужно говорить съ нимъ, — отвѣтилъ Коконна.

— Невозможно. Герцогъ въ настоящую минуту у короля.

— Но у меня есть письмо къ нему.

— А, у васъ есть письмо?

— Да, и я пріѣхалъ издалека.

— Издалека? Откуда же?

— Изъ Пьемонта.

— Хорошо, хорошо, это другое дѣло. Ваше имя?

— Графъ Аннибалъ де-Коконна.

— Такъ, такъ! Дайте мнѣ письмо, графъ.

„Какой онъ любезный!— подумалъ ла-Моль. — Хорошо, если бы и мнѣ удалось найти кого-нибудь, кто помогъ бы мнѣ пройти къ королю Наваррскому“.

— Давайте же письмо,—повторилъ нѣмецъ, протягивая руку.

Коконна, недовѣрчивый, какъ полуитальянецъ, колебался.

— Не знаю, могу ли я...—сказалъ онъ.—Я не имѣю чести васъ знать...

— Я—Пемъ, изъ свиты герцога Гиза.

— Пемъ, — пробормоталъ Коконна. — Не знаю.

— Это г. Бемъ, сударь,—сказалъ часовой.—Васъ обмануло произношеніе. Можете отдать ваше письмо г. Бему, я ручаюсь за него.

— А, г. Бемъ! — воскликнулъ Коконна. — Васъ-то я знаю! Еще бы! Извольте, съ величайшимъ удовольствіемъ! Извините, пожалуйста, мое колебаніе; я не могъ поступить иначе.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Бемъ,—извиненія совершенно излишни.

— Вы такъ любезны, — сказалъ ла-Моль, въ свою очередь подходя къ нему,—что, можетъ-быть, согласитесь взять и мое письмо?

— Какъ ваше имя?

— Графъ Леракъ де-ла-Моль.

— Графъ Леракъ де-ла-Моль?

— Да.

— Имя это мнѣ незнакомо.

— Немудрено, что я не имѣю чести быть извѣстнымъ вамъ. Я не здѣшній и такъ же, какъ графъ де-Коконна, пріѣхалъ сегодня вечеромъ издалека.

— Откуда?

— Изъ Прованса.

— Съ письмомъ?

— Да, съ письмомъ.

— Къ герцогу Гизу?

— Нѣтъ, къ его величеству, королю Наваррскому.

— Я служу не у короля Наваррскаго,—сказалъ Бемъ, сразу перемѣнивъ тонъ и говоря съ ледяною холодностью, — а потому не могу передать ваше письмо.

И, отвернувшись отъ ла-Моля, онъ вошелъ въ Лувръ, сдѣлавъ Коконна знакъ слѣдовать за собой.

Ла-Моль остался одинъ.

Въ эту минуту изъ воротъ Лувра, которыя были недалеко отъ тѣхъ, въ которыя вошли Бемъ и Коконна, выѣхало человѣкъ сто всадниковъ.

— Ага! Это де-Муи съ гугенотами, — сказалъ часовой своему товарищу. — Они такъ и сіяютъ. Король обѣщалъ имъ казнить убійцу адмирала. А такъ какъ онъ же убилъ и отца де-Муи, то сынъ отмститъ сразу за двоихъ.

— Вы, кажется, сказали, что этотъ офицеръ — г. де-Муи? — спросилъ часового ла-Моль.

— Точно такъ, сударь.

— И что его сопровождаютъ...

— Еретики. Да, я говорилъ это.

— Благодарю васъ, — сказалъ ла-Моль, какъ бы не замѣчая презрительнаго тона часового. — Вотъ все, что я хотѣлъ знать.

И онъ направился къ офицеру, ѣхавшему во главѣ отряда всадниковъ.

— Я сейчасъ узналъ, что вы г. де-Муи, — сказалъ онъ.

— Да, это мое имя, — вѣжливо отвѣтилъ офицеръ.

— Такъ какъ оно пользуется большой извѣстностью среди протестантовъ, то я беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Что вамъ угодно?.. Но сначала позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

— Я графъ Леракъ де-ла-Моль.

Молодые люди обмѣнялись поклономъ.

— Я слушаю васъ, графъ, — сказалъ де-Муи.

— Я пріѣхалъ изъ Э съ письмомъ отъ г. Оріака, губернатора Прованса. Оно адресовано королю Наваррскому и заключаетъ въ себѣ очень важныя извѣстія, которыя ему слѣдуетъ узнать какъ можно скорѣе. И вотъ я затрудняюсь, какъ передать это письмо. Какъ пройти въ Лувръ?

— Въ Лувръ пройти нетрудно, — сказалъ де-Муи. — Только боюсь, что въ настоящую минуту король Наваррскій занятъ и едва ли будетъ въ состояніи принять васъ. Впрочемъ, если хотите слѣдовать за мной, я проведу васъ въ его апартаменты. Остальное ужъ ваше дѣло.

— Тысячу разъ благодарю васъ.

— Пойдемте, — сказалъ де-Муи.

Онъ соскочилъ съ лошади, бросилъ поводъ своему слугѣ, подошелъ къ калиткѣ, сказалъ пароль часовому и провелъ ла-Моля во дворецъ. Отворивъ дверь, ведущую въ апартаменты короля Наваррскаго, де-Муи сказалъ:

— Войдите, графъ, и пошлите доложить о себѣ.

Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ.

Оставшись одинъ, ла-Моль оглядѣлся кругомъ.

Въ передней не было никого; одна изъ дверей, ведущихъ въ комнаты, была отворена.

Ла-Моль вошелъ въ нее и очутился въ коридорѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ то стучалъ, то звалъ кого-нибудь — никто не отвѣчалъ ему. Самое глубокое безмолвіе царило въ этой части Лувра.

„Что же мнѣ разсказывали о здѣшнемъ строгомъ этикетѣ?— подумалъ ла-Моль.—Тутъ можно разгуливать такъ же свободно, какъ на площади“.

Онъ позвалъ еще разъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и прежде.

„Ну, пойдемъ впередъ,—подумалъ онъ,—въ концѣ-концовъ я, навѣрное, встрѣчу кого-нибудь“.

И онъ пошелъ по коридору, который становился все темнѣе.

Вдругъ дверь, противоположная той, въ которую онъ вошелъ, распахнулась, и показались два пажа съ зажженными канделабрами. Они освѣщали дорогу женщинѣ высокаго роста, величественнаго вида и чудной красоты.

Свѣтъ упалъ на ла-Моля, стоявшаго неподвижно.

Женщина, съ своей стороны, тоже остановилась.

— Что вамъ угодно?—спросила она молодого человѣка голосомъ, зазвучавшимъ въ его ушахъ, какъ очаровательная музыка.

— Извините меня,—сказалъ ла-Моль, опустивъ глаза.— Г. де-Муи привелъ меня по моей просьбѣ сюда. Я желалъ видѣть короля Наваррскаго.

— Его величества нѣтъ здѣсь. Онъ, по всей вѣроятности, у своего шурина. Не хотите ли, за его отсутствіемъ, сказать королевѣ, что вамъ нужно.

— Очень бы хотѣлъ,—отвѣтилъ ла-Моль,—если бы кто-нибудь провелъ меня къ ней.

— Она тутъ, передъ вами.

— Передо мной?!—воскликнулъ ла-Моль.

— Я—королева Наваррская,—сказала Маргарита.

На лицѣ ла-Моля появилось выраженіе такого изумленія и испуга, что королева улыбнулась.

— Объясните мнѣ поскорѣе, въ чемъ дѣло,—сказала она.— Меня ждутъ у королевы-матери.

— Если васъ ждутъ, ваше величество,—сказалъ ла-Моль,— то позвольте мнѣ удалиться. Въ эту минуту я не въ состояніи объяснить вамъ ничего. Мнѣ теперь трудно связать двѣ мысли. Я не могу думать—я только восхищаюсь.

Маргарита, прелестная и граціозная, подошла къ графу, который безсознательно сказалъ ей комплиментъ, достойный самого ловкаго придворнаго.

— Успокойтесь,—проговорила она,—я подожду и меня подождутъ.

— Простите, ваше величество, что, увидавъ васъ, я не поклонился вамъ съ той почтительностью, какой вы имѣете право требовать отъ вашего покорнѣйшаго слуги, но...

— Но вы приняли меня за одну изъ придворныхъ дамъ? — докончила Маргарита.

— Нѣтъ, ваше величество, я принялъ васъ за призракъ прекрасной Діаны де-Пуатье. Онъ, какъ я слышалъ, является въ Луврѣ.

— За васъ, какъ я вижу, безпокоиться нечего — вы будете имѣть успѣхъ при дворѣ, — сказала Маргарита. — Такъ вы говорите, что у васъ есть письмо къ королю. Это совершенно лишнее. Но все-таки дайте его мнѣ, я передамъ ему... Только, пожалуйста, поторопитесь.

Ла-Моль въ одно мгновеніе досталъ лежавшее у него на груди письмо, завернутое въ шелкъ, и подалъ его королевѣ.

Маргарита взяла его и взглянула на почеркъ.

— Вы не графъ ли де-ла-Моль? — спросила она.

— Точно такъ, ваше величество. Боже, неужели я такъ счастливъ, что вы знаете мое имя?

— Я слышала его отъ моего мужа, короля, и отъ моего брата, герцога Алансонскаго. Одинъ изъ моихъ пажей проводитъ васъ.

Сказавъ это, Маргарита пошла дальше. Ла-Моль отодвинулся къ стѣнѣ; но коридоръ былъ такъ узокъ, а фижмы королевы Наваррской такъ широки, что платье ея коснулось ла-Моля и въ то же время чудное благоуханіе разлилось въ воздухѣ.

Ла-Моль вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, чтобы не упасть, прислонился къ стѣнѣ.

Маргарита исчезла, какъ видѣніе.

— Пойдемте, — сказалъ пажъ, которому было поручено проводить ла-Моля въ нижнюю галлерею.

— Да, пойдемте, пойдемте! — въ упоеніи воскликнулъ графъ.

Такъ какъ пажъ указывалъ ему дорогу въ ту сторону, куда ушла Маргарита, то ла-Моль надѣялся увидѣть ее еще разъ, если онъ пойдетъ поскорѣе.

И онъ не ошибся. Подойдя къ лѣстницѣ, которая вела внизъ, онъ увидалъ Маргариту, сходившую съ послѣднихъ ступенекъ. И въ эту минуту она, можетъ-быть, случайно или же услыхавъ его шаги, обернулась, и онъ снова увидалъ ее.

„Нѣтъ, это не смертная, — думалъ онъ, идя за пажемъ. — Это богиня. И, какъ говоритъ Виргилій Маро: „Et vera incessu patuit dea“.

— Ну, что же вы? — спросилъ пажъ.

— Иду, иду, — сказалъ ла-Моль. — Извините, пожалуйста.

Шедшій впереди пажъ спустился въ нижній этажъ, отворилъ одну дверь, потомъ другую и, остановившись, сказалъ:

— Вотъ галлерея, въ которой вамъ нужно подождать.

Ла-Моль вошелъ, и дверь затворилась за нимъ.

Въ галлереѣ не было никого, кромѣ какого-то человѣка, который прохаживался взадъ и впередъ и тоже, повидимому, кого-то ждалъ.

Начинало уже темнѣть, и длинныя тѣни ложились отъ высокихъ сводовъ. Несмотря на то, что между ла-Молемъ и незнакомцемъ было не больше двадцати шаговъ разстоянія, они не могли разсмотрѣть другъ друга.

Ла-Моль подошелъ поближе.

— Господи помилуй! — вдругъ сказалъ онъ. — Да вѣдь это графъ де-Коконна!

Услыхавъ шаги ла-Моля, пьемонтецъ обернулся и съ такимъ же изумленіемъ глядѣлъ на него.

— Mordi! — воскликнулъ онъ. — Провались я въ преисподнюю, если это не графъ де-ла-Моль! Однако что же это я дѣлаю? Я произношу ругательства у короля! Говорятъ, впрочемъ, что онъ самъ бранится еще похуже меня и даже въ церкви... Итакъ, мы опять сошлись, ла-Моль, и на этотъ разъ въ Луврѣ?

— Да. Васъ провелъ Бемъ?

— Онъ самый. Этотъ Бемъ премилый нѣмецъ. А васъ кто?

— Де-Муи. Я говорилъ вамъ, что и гугеноты пользуются вліяніемъ при дворѣ. Видѣлись вы съ герцогомъ Гизомъ?

— Нѣтъ еще... А вы получили аудіенцію у короля Наваррскаго?

— Тоже нѣтъ, но скоро получу. Меня провели сюда, чтобы я подождалъ здѣсь.

— Вотъ увидите, что насъ пригласятъ на какой-нибудь парадный ужинъ и мы будемъ сидѣть за столомъ рядомъ. Какая странная случайность! Два часа тому назадъ судьба свела насъ... Что это съ вами? Вы кажетесь такимъ озабоченнымъ...

— Нѣтъ, ничего! — вздрогнувъ, сказалъ ла-Моль, все еще ослѣпленный чуднымъ видѣніемъ, явившимся ему, — но мѣсто, гдѣ мы находимся, наводитъ меня на размышленія...

— Философскія — не такъ ли? Вотъ совершенно то же и со мной. Когда вы вышли, мнѣ припомнились наставленія моего учителя. Знакомы вы съ сочиненіями Плутарха, графъ?

— Ну, еще бы! — съ улыбкой отвѣтилъ ла-Моль. — Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ моихъ писателей.

— По-моему, — серьезно сказалъ Коконна, — этотъ великій писатель нисколько не ошибался, сравнивая дары природы съ яркими, но быстро увядающими цвѣтами, а добродѣтель считая чуднымъ, вѣчно благоухающимъ растеніемъ, обладающимъ свойствомъ исцѣлять раны.

— Вы знаете греческій языкъ, графъ? — спросилъ ла-Моль, пристально взглянувъ на своего собесѣдника.

— Нѣтъ. Но мой учитель зналъ его и совѣтовалъ мнѣ разсуждать о добродѣтели, когда я буду при дворѣ. По его мнѣнію, это выказываетъ человѣка съ хорошей стороны. И знайте, что я намѣренъ слѣдовать его совѣтамъ... Кстати, голодны вы?

— Нѣтъ.

— А мнѣ казалось, что вы смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ на жареную пулярку въ „Прекрасной Звѣздѣ“? Я, съ своей стороны, умираю отъ голода.

— Вотъ какъ разъ подходящій случай, — сказалъ ла-Моль, — примѣнить къ дѣлу вашъ взглядъ на добродѣтель и доказать ваше восхищеніе Плутархомъ. Онъ говоритъ, что полезно пріучать душу къ страданіямъ, а желудокъ — къ голоду.

— А, такъ вы знаете по-гречески?! — въ изумленіи воскликнулъ Коконна.

— Знаю, — отвѣтилъ ла-Моль. — Мой наставникъ выучилъ меня.

— Mordi! Въ такомъ случаѣ ваше счастье обезпечено. Вы будете сочинять стихи съ Карломъ IX и говорить по-гречески съ королевой Маргаритой.

— Не считая еще того, — смѣясь, сказалъ ла-Моль, — что я могу говорить по-гасконски съ королемъ Наваррскимъ.

Въ эту минуту дверь галлереи, ведущая въ апартаменты короля, отворилась. Раздались шаги, и въ темнотѣ показалась какая-то тѣнь. Эта тѣнь превратилась въ человѣка. Этотъ человѣкъ былъ Бемъ.

Онъ наклонился и, поглядѣвъ обоимъ молодымъ людямъ въ лицо, чтобы узнать того, кого искалъ, сдѣлалъ Коконна знакъ слѣдовать за собой.

Коконна кивнулъ ла-Молю и пошелъ за Бемомъ.

Тотъ привелъ его въ самый конецъ галлереи и отворилъ дверь. За ней начиналась лѣстница.

Бемъ остановился и, оглядѣвшись кругомъ, посмотрѣлъ вверхъ и внизъ и спросилъ:

— Гдѣ вы живете, графъ?

— На улицѣ де-л'Арбръ-Секъ, въ гостиницѣ „Прекрасной Звѣзды“.

— Такъ, такъ! Это въ двухъ шагахъ отсюда... Идите сейчасъ же въ свою гостиницу, а ночью...

Онъ снова оглядѣлся по сторонамъ.

— Ну, что же? — спросилъ Коконна. — А ночью?..

— А ночью приходите сюда съ бѣлымъ крестомъ на шляпѣ Пароль будетъ „Гизъ“... Тише! Ни слова никому!

— Въ которомъ же часу мнѣ притти?

— Приходите, когда раздастся набатъ.

— Хорошо, я приду, — сказалъ Коконна.

И, поклонившись Бему, онъ пошелъ, говоря про себя:

— Что все это значитъ и почему будутъ бить въ набатъ? Ну, все равно. Я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что Бемъ премилый человѣкъ... Не подождать ли мнѣ графа де-ла-Моля? Нѣтъ, не стоитъ: онъ, навѣрно, будетъ ужинать съ королемъ Наваррскимъ.

И Коконна пошелъ къ улицѣ де-л'Арбръ-Секъ, куда его притягивала, какъ магнитъ, вывѣска гостиницы.

А въ это время дверь галлереи, ведущая въ покои короля Наваррскаго, отворилась и вышедшій оттуда пажъ подошелъ къ ла-Молю.

— Вы графъ де-ла-Моль? — спросилъ онъ.

— Да.

— Гдѣ вы живете?

— На улицѣ де-л'Арбръ-Секъ, въ гостиницѣ „Прекрасная Звѣзда".

— А, это почти рядомъ съ Лувромъ... Слушайте. Его величество поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ не можетъ принять васъ въ настоящую минуту. Можетъ-быть, онъ пошлетъ за вами ночью. Во всякомъ случаѣ, если не получите отъ него никакихъ извѣстій до завтрашняго утра, приходите въ Лувръ.

— Часовой, пожалуй, не пропуститъ меня?

— Да, правда. Пароль будетъ „Наварра". Скажите его, и всѣ двери распахнутся передъ вами.

— Благодарю васъ.

— Постойте. Мнѣ данъ приказъ проводить васъ до калитки, чтобы вы не заблудились въ Луврѣ.

„А гдѣ-то теперь Коконна? — подумалъ ла-Моль, выйдя изъ дворца. — Ну, онъ, навѣрное, остался ужинать у герцога Гиза".

Но когда ла-Моль вошелъ въ гостиницу, ему прежде всего бросилась въ глаза фигура Коконна, сидѣвшаго передъ громадной яичницей съ ветчиной.

— Ага! — воскликнулъ, расхохотавшись, Коконна. — Вы, повидимому, такъ же хорошо обѣдали у короля Наваррскаго, какъ я ужиналъ у герцога Гиза.

— Да, совершенно такъ же.

— И вы, наконецъ, проголодались?

— Кажется, что такъ.

— Несмотря на Плутарха?

— Плутархъ,—сказалъ, смѣясь, ла-Моль,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Имущій долженъ дѣлиться съ неимущимъ". Не хотите ли, изъ любви къ Плутарху, подѣлиться со мной вашей яичницей? А во время ужина мы потолкуемъ о добродѣтели.

— Нѣтъ, не о добродѣтели, — возразилъ Коконна. — О ней хорошо разсуждать только въ Луврѣ, когда пустъ желудокъ и боишься, что тебя подслушиваютъ. Садитесь и давайте ужинать.

— Какъ видно, сама судьба дѣлаетъ насъ неразлучными,— сказалъ ла-Моль. — Будете вы ночевать здѣсь?

— Не знаю.

— Не знаю и я.

— Во всякомъ случаѣ я знаю, гдѣ проведу ночь.

— Гдѣ же?

— Да тамъ же, гдѣ вы. Это неизбѣжно.

Они оба расхохотались и принялись уничтожать яичницу метра ла-Гюрьера.

VI.

Уплаченный долгъ.

Можетъ-быть, читателю интересно узнать, почему ла-Моль не былъ принятъ королемъ Наваррскимъ, а Каконна — герцогомъ Гизомъ? Почему они оба, вмѣсто того, чтобы угощаться фазанами, куропатками и косулями въ Луврѣ, ужинали яичницей съ ветчиной въ гостиницѣ „Прекрасной Звѣзды"? Въ такомъ случаѣ мы попросимъ читателя отправиться вмѣстѣ съ нами въ старинный королевскій дворецъ и послѣдовать за Маргаритой Наваррской, которую ла-Моль потерялъ изъ вида около входа въ нижнюю галлерею.

Въ то время, какъ Маргарита спускалась съ лѣстницы, герцогъ Генрихъ Гизъ, котораго она не видала со дня своей свадьбы, былъ въ кабинетѣ короля. На лѣстницѣ, съ которой сходила Маргарита, былъ поворотъ; изъ кабинета, въ которомъ былъ Гизъ, вела дверь. Эта дверь и этотъ поворотъ выходили въ коридоръ, который шелъ до самыхъ покоевъ королевы-матери, Екатерины Медичи.

Она была одна и сидѣла у стола, опершись локтемъ на раскрытый молитвенникъ, а подбородкомъ—на руку, которая была замѣчательно красива, благодаря косметикамъ флорентинца Ренэ. Онъ занималъ при королевѣ-матери двѣ должности: парфюмера и отравителя.

Вдова Генриха II была въ трауръ, который не снимала со смерти мужа. Ей было теперь пятьдесятъ два—пятьдесятъ три года, но, благодаря полнотѣ и свѣжести, она была еще очень красива. Комната ея, такъ же, какъ и костюмъ, носила на себѣ печать вдовства. Мебель, портьеры, стѣны — все въ ней было темное и мрачное. Только надъ балдахиномъ, осѣнявшимъ королевскій тронъ, была нарисована яркая радуга съ девизомъ, который далъ ей Францискъ I: „Phôs pherei ê de kai aithzên“, что значитъ въ переводѣ: „Въ ней соединены свѣтъ и чистота“. На тронѣ лежала любимая левретка Екатерины, Феба, которую подарилъ ей Генрихъ Наваррскій.

Королева-мать, сидѣла глубоко задумавшись, и слабая, нерѣшительная улыбка мелькала на ея подкрашенныхъ карминомъ губахъ. Вдругъ портьера откинулась и изъ-за нея показалось блѣдное мужское лицо.

— Все идетъ какъ нельзя хуже! — сказалъ вошедшій.

Екатерина подняла голову и увидала Гиза.

— Почему же? — спросила она. — Что вы хотите сказать, Генрихъ?

— Я хочу сказать, что король больше, чѣмъ когда-либо, любезничаетъ съ этими проклятыми гугенотами и что если мы будемъ дожидаться его разрѣшенія, то намъ придется ждать очень долго, а можетъ-быть, и вѣчно.

— Но что же такое случилось?—спросила Екатерина.

Лицо ея было, какъ всегда, спокойно, хоть она умѣла, при случаѣ, придавать ему всевозможныя выраженія.

— То, что сейчасъ я въ двадцатый разъ спрашивалъ у его величества, долго ли еще мы будемъ выносить дерзости, которыя позволяютъ себѣ господа гугеноты съ тѣхъ поръ, какъ ранили ихъ адмирала?

— Что же вамъ отвѣтилъ мой сынъ?—спросила Екатерина.

— Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Герцогъ, народъ подозрѣваетъ, что вы виновны въ покушеніи на убійство моего второго отца, адмирала; защищайтесь, какъ знаете. Что касается до меня, то я и самъ сумѣю защитить себя, если меня вздумаютъ оскорблять“. И, сказавъ это, онъ пошелъ кормить своихъ собакъ.

— А вы не пытались остановить его?

— Нѣтъ, пытался. Но онъ, бросивъ на меня взглядъ, свойственный только ему одному, отвѣтилъ мнѣ хорошо извѣстнымъ вамъ тономъ: „Мои собаки голодны, герцогъ, и я не хочу заставлять ихъ ждать: вѣдь это не люди“. Послѣ этого я пошелъ сюда, чтобы извѣстить васъ.

— И хорошо сдѣлали, — сказала королева-мать.

— Что же мы теперь предпримемъ?

— Попробуемъ сдѣлать еще одну послѣднюю попытку.

— А кто возьметъ это на себя?

— Я... Король одинъ?

— Нѣтъ, у него Таваннъ.

— Подождите меня здѣсь. Или лучше идите за мной, но войдите къ королю черезъ нѣсколько времени послѣ меня.

Екатерина встала и пошла въ комнату, отведенную для любимыхъ борзыхъ собакъ короля, гдѣ онѣ нѣжились на бархатныхъ подушкахъ и турецкихъ коврахъ. На вдѣланныхъ въ стѣну жердяхъ сидѣло два или три лучшихъ сокола и маленькій сорокопутъ, съ которымъ Карлъ IX охотился на птичекъ въ садахъ Лувра и Тюльери, который въ то время начали строить. Идя къ Карлу, королева-мать придала своему лицу подходящее къ случаю выраженіе: теперь оно было блѣдное и страдальческое, а на глазахъ у нея блестѣли слезы.

Она неслышно подошла къ королю, который кормилъ собакъ пирожками, разрывая ихъ на равные куски.

— Сынъ мой, — сказала Екатерина съ такимъ естественнымъ трепетаніемъ въ голосѣ, что король вздрогнулъ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, быстро повернувшись къ ней.

— Я пришла, — сказала Екатерина, — просить у тебя позволенія удалиться въ одинъ изъ твоихъ дворцовъ, — все равно въ какой. Мнѣ нужно только одно: чтобы онъ былъ какъ можно дальше отъ Парижа.

— Почему же вы хотите уѣхать, матушка? — спросилъ Карлъ IX, устремивъ на Екатерину свои тусклые глаза, которые иногда становились такими проницательными.

— Потому что мнѣ каждый день приходится выносить оскорбленія отъ гугенотовъ, потому что еще сегодня они грозили тебѣ самому въ Луврѣ. Я не желаю присутствовать при такихъ сценахъ.

— Но вѣдь хотѣли убить ихъ адмирала, матушка,— убѣдительно сказалъ король.— Гнусный негодяй уже убилъ у этихъ несчастныхъ храбраго де-Муи. Должно же быть въ государствѣ правосудіе!

— Не безпокойся, сынъ мой, за этимъ дѣло не станетъ. Если ты откажешься исполнить ихъ требованія, они распорядятся по-своему: сегодня они отомстятъ герцогу Гизу, завтра— мнѣ, послѣзавтра — тебѣ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете это? — спросилъ Карлъ IX, уже начиная колебаться.

— А ты, сынъ мой, неужели до сихъ поръ не понялъ, че добиваются гугеноты?— спросила Екатерина, уже не сдержи

своей ненависти. — Теперь дѣло идетъ ужъ не объ убійствѣ Франсуа Гиза или о покушеніи на убійство адмирала, не о католической или протестантской религіи, а о замѣщеніи сына Генриха II сыномъ Антонія Бурбонскаго.

— Полно, полно, матушка! — остановилъ ее король. — Вы, какъ всегда, страшно преувеличиваете.

— Что же намѣренъ ты дѣлать, сынъ мой?

— Ждать, матушка, ждать. Въ этомъ словѣ заключается вся мудрость человѣческая. Самымъ великимъ, самымъ могущественнымъ и самымъ ловкимъ человѣкомъ всегда будетъ тотъ, кто умѣетъ ждать.

— Въ такомъ случаѣ жди. Я, съ своей стороны, ждать не намѣрена.

И, сказавъ это, Екатерина поклонилась и пошла къ двери. Карлъ IX остановилъ ее.

— Что же, наконецъ, нужно, по-вашему, сдѣлать, матушка? — спросилъ онъ.— Я прежде всего желаю быть справедливымъ и не обижать никого.

Екатерина приблизилась къ нему.

— Подойдите сюда, графъ, — сказала она Таванну, ласкавшему сорокопута,—и скажите королю, что, по-вашему мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать.

— Ваше величество разрѣшаетъ мнѣ это? — спросилъ Таваннъ, обращаясь къ королю.

— Говори, Таваннъ, говори.

— Что дѣлаете вы, ваше величество, на охотѣ, когда кабанъ бѣжитъ на васъ?

— Чортъ возьми! Я жду его и втыкаю ему въ горло рогатину.

— Чтобы помѣшать ему ранить тебя,— добавила Екатерина.

— И чтобы позабавиться,—сказалъ король, у котораго храбрость доходила до жестокости.—Но я не буду убивать для забавы гугенотовъ; они тоже мои подданные, какъ и католики.

— Въ такомъ случаѣ, сынъ мой,— сказала Екатерина,— твои подданные гугеноты сдѣлаютъ то же, что дѣлаетъ кабанъ, если ему не втыкаютъ въ горло рогатины: они нападутъ на тебя сами. И ты будешь свергнутъ съ трона.

— Вы полагаете, матушка? — спросилъ король такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не придаетъ большого значенія предсказаніямъ своей матери.

— Развѣ ты не видался сегодня съ де-Муи и его гугенотами?

— Видѣлся, конечно; я только что отпустилъ ихъ. Но я нахожу просьбу де-Муи вполнѣ справедливой. Онъ просилъ у

меня смерти убійцы своего отца и адмирала. Вѣдь мы же стремились казнить Монгоммери за смерть моего отца, а вашего супруга, несмотря на то, что причиной ея была лишь несчастная случайность.

— Хорошо, государь, — сказала, оскорбившись, Екатерина, — прекратимъ этотъ разговоръ. Ваше величество находится подъ покровомъ Божіимъ; Господь далъ вамъ силу, мудрость и смѣлость. Но я, слабая женщина, покинутая Богомъ за мои грѣхи, конечно, я боюсь и покоряюсь.

Съ этими словами Екатерина снова поклонилась и вышла, сдѣлавъ знакъ Гизу, уже вошедшему въ комнату, остаться и еще разъ попробовать убѣдить короля.

Карлъ IX проводилъ мать глазами, но не попросилъ ее вернуться. Когда она ушла, онъ сталъ насвистывать охотничью пѣсенку и снова занялся своими собаками.

— У моей матери, — послѣ небольшой паузы сказалъ онъ, — настоящій королевскій умъ. Онъ не знаетъ сомнѣній. Развѣ можно убить нѣсколько дюжинъ гугенотовъ только за то, что они просили у меня правосудія! Вѣдь это же ихъ право, наконецъ!

— Нѣсколько дюжинъ! — вполголоса проговорилъ Гизъ.

— А, вы здѣсь, герцогъ, — сказалъ король, дѣлая видъ, какъ будто только теперь увидалъ его. — Да, нѣсколько дюжинъ. Недурная потеря! Вотъ если бы кто-нибудь пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Государь, вы избавитесь отъ всѣхъ своихъ враговъ сразу; завтра не останется ни одного изъ нихъ, такъ что некому будетъ упрекнуть васъ въ ихъ смерти“. Вотъ тогда—дѣло другое!

— Въ такомъ случаѣ, государь...

— Таваннъ, — перебилъ король, — ты совсѣмъ измучилъ Марго; посади ее на жердочку. Вѣдь изъ-за того, что она носитъ имя моей сестры, королевы Наваррской, еще не слѣдуетъ, что всѣ могутъ ласкать ее.

Таваннъ посадилъ сорокопута на мѣсто и началъ закручивать и раскручивать уши одной изъ борзыхъ.

— Но если вашему величеству, — снова началъ Гизъ, — дѣйствительно, скажутъ: „Государь, вы избавитесь завтра отъ всѣхъ вашихъ враговъ?“

— А по предстательству какого же святого совершится это чудо?

— Сегодня у насъ 24 августа, государь. Значитъ, по предстательству св. Вареоломея.

— Это хорошій святой, — сказалъ король. — Онъ допустилъ, чтобы съ него, живого, содрали кожу.

— Тѣмъ лучше. Такъ какъ онъ самъ страдалъ, то, навѣрное, не любитъ палачей.

— И вы, кузенъ, — сказалъ король, — вы, своей хорошенькой шпажонкой съ золотымъ ефесомъ, разсчитываете убить до завтрашняго утра десять тысячъ гугенотовъ? Ха-ха-ха! Чортъ возьми! Какой же вы шутникъ, герцогъ Гизъ!

И король снова расхохотался, но страннымъ смѣхомъ, въ которомъ было что-то зловѣщее..

— Государь, — продолжалъ Гизъ, вздрогнувъ отъ этого хохота, въ которомъ не было ничего человѣческаго, — скажите только слово, одно слово — сдѣлайте знакъ и все будетъ кончено. У меня есть швейцарцы, у меня тысяча сто человѣкъ свиты, легкая конница, народъ. У вашего величества отрядъ тѣлохранителей, друзья, все католическое дворянство. Насъ будетъ двадцать противъ одного!

— Если вы такъ сильны, кузенъ, то зачѣмъ же вы жужжите мнѣ въ уши все одно и то же. Дѣлайте, какъ знаете сами, а меня оставьте въ покоѣ.

И король повернулся къ своимъ собакамъ.

Въ эту минуту портьера приподнялась и показалась Екатерина.

— Все идетъ хорошо, — шепнула она герцогу.—Настаивайте, онъ согласится.

Портьера опустилась, и Екатерина исчезла. Карлъ не видалъ или сдѣлалъ видъ, что не видалъ ее.

— Но я все-таки долженъ знать, — снова заговорилъ герцогъ,—что, дѣйствуя согласно моему желанію, я сдѣлаю угодное вашему величеству.

— Вы, право же, пристаете ко мнѣ, кузенъ Гизъ, какъ съ ножомъ къ горлу! Но это не приведетъ ни къ чему. Развѣ я не король?

— Пока еще нѣтъ, государь, но, если захотите, то будете имъ завтра.

— Значитъ, убьютъ и короля Наваррскаго и принца Кондэ,— сказалъ Карлъ. — Здѣсь... въ моемъ Луврѣ! И онъ прибавилъ едва слышно: — Если не здѣсь — другое дѣло.

— Ваше величество! — воскликнулъ герцогъ. — Ихъ обоихъ не будетъ здѣсь ночью; они собираются кутить съ вашимъ братомъ, герцогомъ Алансонскимъ.

— Таваннъ, — нетерпѣливо сказалъ король, необыкновенно искусно притворившись разсерженнымъ, — перестань, пожалуйста, дразнить собаку!.. Актеонъ, сюда!

И Карлъ IX, не желая больше слушать герцога, вышелъ изъ комнаты, оставивъ Таванна и Гиза въ прежнемъ недоумѣніи.

Тѣмъ временемъ сцена другого рода происходила въ покояхъ Екатерины. Посовѣтовавъ Гизу настаивать на своемъ, она ушла къ себѣ; тамъ уже ждали ее всѣ лица, которыя обыкновенно бывали у нея по вечерамъ.

Екатерина, уходившая къ королю съ такимъ грустнымъ лицомъ, вернулась веселая и сіяющая. Она обошлась очень любезно съ своими придворными дамами и кавалерами и мало-помалу отпустила ихъ всѣхъ; съ ней осталась одна только Маргарита, которая сидѣла на баулѣ, около открытаго окна, и, глубоко задумавшись, глядѣла на небо.

Оставшись наединѣ съ своей младшей дочерью, Екатерина раза два или три открывала ротъ, какъ бы собираясь сказать ей что-то; но каждый разъ мрачное раздумье овладѣвало ею и слова не сходили у нея съ губъ.

Вдругъ портьера приподнялась и вошелъ Генрихъ Наваррскій.

Левретка, спавшая на тронѣ, вскочила и подбѣжала къ нему.

— Это вы, сынъ мой? — сказала, вздрогнувъ, Екатерина.— Развѣ вы будете ужинать въ Луврѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ Генрихъ. — Я сейчасъ ухожу вмѣстѣ съ Кондэ и герцогомъ Алансонскимъ. Я думалъ встрѣтить ихъ здѣсь, у васъ.

Екатерина улыбнулась.

— Ну, что жъ, ступайте, господа, ступайте! Мужчинамъ хорошо — они могутъ ходить всюду, куда угодно. Неправда ли, Маргарита?

— Да, правда, — отвѣтила Маргарита, — нѣтъ ничего лучше свободы!

— Вы какъ будто хотите сказать, что я стѣсняю вашу свободу? — спросилъ Генрихъ, наклоняясь къ женѣ.

— Нѣтъ, я подразумѣвала совсѣмъ не то, — отвѣтила Маргарита. — Я говорила не о себѣ, а о положеніи женщинъ вообще.

— Вы, можетъ-быть, увидитесь съ адмираломъ, сынъ мой? — спросила Екатерина.

— Очень можетъ быть.

— Зайдите къ нему, вы подадите этимъ хорошій примѣръ. А завтра увѣдомите меня о его здоровьѣ.

— Я зайду къ нему, ваше величество, если вы одобряете это.

— Я не одобряю ничего... Кто тамъ?.. Откажите, откажите!..

Генрихъ пошелъ къ двери, чтобы исполнить приказаніе Екатерины; но не успѣлъ онъ дойти до нея, какъ портьера приподнялась и показалась бѣлокурая головка баронессы де-Сов

— Это парфюмеръ Ренэ, ваше величество, — сказала она.— Онъ пришелъ по вашему приказанію.

Екатерина бросила на Генриха Наваррскаго быстрый, какъ молнія, взглядъ.

Лицо принца сначала вспыхнуло, а потомъ страшно поблѣднѣло: баронесса произнесла имя убійцы его матери. Не желая выдавать своего волненія, онъ подошелъ въ окну и облокотился на него.

Левретка завыла.

Въ комнату вошли двое: объ одномъ изъ нихъ доложили, другая имѣла право входить безъ доклада.

Первый былъ парфюмеръ Ренэ. Съ низкими поклонами и подобострастной почтительностью слугъ-флорентинцевъ, онъ подошелъ къ Екатеринѣ и открылъ ящичекъ, который держалъ въ рукѣ, всѣ отдѣленія его были заняты флаконами и порошками.

Другая была герцогиня Лотарингская, старшая сестра Маргариты. Она вошла черезъ маленькую потаенную дверь, ведшую въ кабинетъ короля, и была блѣдна и дрожала. Желая, повидимому, чтобы ее не замѣтила Екатерина, которая разсматривала вмѣстѣ съ баронессой де-Совъ принесенныя Ренэ косметики, она подошла къ Маргаритѣ и сѣла рядомъ съ ней. Тутъ же стоялъ и король Наваррскій, приложивъ руку ко лбу. Онъ какъ будто старался опомниться и прійти въ себя.

Въ эту минуту Екатерина обернулась.

— Ты можешь итти къ себѣ, дочь моя, — сказала она Маргаритѣ и прибавила, взглянувъ на Генриха. — Ступайте веселиться, сынъ мой!

Маргарита встала, а Генрихъ отвернулся отъ окна.

Герцогиня Лотарингская схватила сестру за руку.

— Не уходи отсюда, — быстро и едва слышно шепнула она ей, — не уходи къ себѣ. Герцогъ Гизъ просилъ меня предупредить тебя объ этомъ. Ты спасла ему жизнь; теперь онъ въ свою очередь хочетъ спасти тебя.

— Что такое ты говоришь, Клавдія? — спросила, обернувшись къ нимъ, Екатерина.

— Ничего, матушка.

— Ты что-то шепнула Маргаритѣ.

— Я только пожелала ей спокойной ночи и передала поклонъ отъ герцогини Неверской.

— А гдѣ эта прекрасная герцогиня?

— Она съ своимъ зятемъ, герцогомъ Гизомъ.

Екатерина подозрительно взглянула на дочерей и нахмурила брови.

— Поди сюда, Клавдія, — сказала она.

Герцогиня повиновалась. Екатерина схватила ее за руку.

— Что такое ты сказала ей, болтунья? — шепнула она, сжавъ руку дочери такъ сильно, что та чуть не вскрикнула.

— Не позволите ли вы мнѣ поцѣловать вашу руку и проститься съ вами? — обратился къ своей женѣ Генрихъ, отъ котораго не укрылось ни одно движеніе Маргариты, королевы и Клавдіи.

Маргарита протянула ему дрожащую руку.

— Что сказала вамъ герцогиня? — шопотомъ спросилъ Генрихъ, наклоняясь къ ея рукѣ.

— Чтобы я не уходила. Ради Бога, не уходите и вы!

Въ этихъ словахъ былъ лишь слабый намекъ на какую-то опасность, но и этого намека было достаточно для Генриха, чтобы догадаться о заговорѣ.

— Это еще не все, — сказала Маргарита. — вотъ письмо, которое привезъ провансальскій дворянинъ.

— Де-ла-Моль?

— Да. Благодарю васъ, — сказалъ Генрихъ, взявъ письмо и спрятавъ его на грудь. Потомъ, отойдя отъ своей растерявшейся жены, онъ приблизился къ флорентинцу и положилъ ему руку на плечо.

— Ну, что, метръ Ренэ? — спросилъ онъ. — Какъ идетъ торговля?

— Да недурно, ваше величество, недурно, — отвѣтилъ съ своей фальшивой улыбкой отравитель.

— Еще бы нѣтъ! Вѣдь вы поставщикъ всѣхъ коронованныхъ особъ во Франціи и за границей.

— За исключеніемъ только короля Наваррскаго, — дерзко отвѣтилъ флорентинецъ.

— Ventre-saint-gris! Вы правы, метръ Ренэ, — сказалъ Генрихъ. — А моя бѣдная мать, поставщикомъ которой вы тоже были, еще рекомендовала мнѣ васъ передъ смертью. Приходите ко мнѣ завтра или послѣзавтра и приносите ваши лучшіе парфюмерные товары.

— Это произведетъ хорошее впечатлѣніе, — съ улыбкой сказала Екатерина. — Говорятъ...

— Что у меня карманы пусты? — сказалъ, расхохотавшись, Генрихъ. — Отъ кого же вы узнали это, матушка? Отъ Марго?

— Нѣтъ, сынъ мой, — отвѣтила Екатерина, — отъ баронессы де-Совъ.

Въ эту минуту герцогиня Лотарингская, которая, несмотря на всѣ свои усилія, была уже не въ силахъ сдерживаться, громко зарыдала.

Генрихъ даже не обернулся.

— Сестра! — воскликнула Маргарита, бросившись къ герцогинѣ. — Что такое съ тобою?

— Ничего особеннаго, — отвѣтила Екатерина, становясь между ними. — У нея нервная лихорадка, отъ которой Мазиль совѣтовалъ ей лѣчиться ароматами.

И она снова сжала, на этотъ разъ еще сильнѣе, руку своей старшей дочери, а потомъ сказала, обернувшись къ младшей:

— Ну, что же, Марго? Развѣ ты не слыхала, что я просила тебя итти къ себѣ? Если просьбы недостаточно, то я приказываю тебѣ.

— Простите, ваше величество, — отвѣтила блѣдная, дрожащая Маргарита. — Желаю вамъ спокойной ночи.

— И, надѣюсь, что твое желаніе исполнится. Прощай.

Маргарита ушла нетвердыми шагами, тщетно стараясь встрѣтиться взглядомъ съ мужемъ, который даже не обернулся въ ея сторону.

Наступило небольшое молчаніе. Екатерина не спускала глазъ съ герцогини Лотарингской, которая съ своей стороны тоже глядѣла на мать, ни слова не говоря и съ умоляющимъ видомъ сложивъ руки.

Генрихъ стоялъ къ нимъ спиной, но внимательно слѣдилъ за ними въ зеркало, дѣлая видъ, что мажетъ усы помадой, которую только что предложилъ ему попробовать Ренэ.

— А вы, Генрихъ, — сказала Екатерина, — вы не отдумали итти.

— Ахъ, да! Конечно, не отдумалъ! — воскликнулъ король Наваррскій. — Клянусь честью, я совсѣмъ забылъ, что герцогъ Алансонскій и принцъ Кондэ ждутъ меня! Это чудное благоуханіе какъ будто опьяняетъ меня и я совсѣмъ теряю память. До свиданія, ваше величество!

— До свиданія. Вы извѣстите меня завтра о здоровьѣ адмирала?

— Непремѣнно... Ну, Феба? Что такое съ тобой?

— Феба! — съ досадой крикнула Екатерина.

— Позовите ее, ваше величество, — сказалъ Генрихъ, — она не хочетъ выпускать меня.

Королева-мать встала и, взявъ собачку за ошейникъ, держала ее до тѣхъ поръ, пока король Наваррскій не вышелъ изъ комнаты. У него было такое спокойное, веселое лицо, какъ будто онъ и не подозрѣвалъ, что ему грозитъ смертельная опасность.

Когда Екатерина Медичи выпустила собачку, то бросилась за Генрихомъ. Но дверь была уже затворена и Феба могла только просунуть свою узенькую мордочку подъ портьеру и жалобно завыть.

— А теперь, Шарлотта, — сказала Екатерина баронессѣ де-Совъ, — позови сюда герцога Гиза и Таванна; они ждутъ въ моей молельнѣ. Да приходи и сама. Герцогиня Лотарингская чувствуетъ себя дурно и ты понадобишься ей.

VII.

Ночь 24 августа 1572 года.

Когда ла-Моль и Коконна кончили свой скромныи ужинъ— пулярки „Прекрасной Звѣзды“ красовались только на вывѣскѣ— Коконна вытянулъ ноги, облокотился на столъ и, допивая послѣдній стаканъ вина, спросилъ:

— Вы сейчасъ же ляжете спать, ла-Моль?

— Честное слово, я не прочь уснуть,—отвѣтилъ ла-Моль.— Очень возможно, что меня разбудятъ ночью.

— И меня тоже,—сказалъ Коконна.—Но мнѣ кажется, что, въ виду этого, намъ лучше совсѣмъ не ложиться, чтобы не заставлять ждать посланныхъ, которые придутъ за нами. Спросимъ лучше карты и поиграемъ.

— Я съ удовольствіемъ принялъ бы ваше предложеніе, но для игры нужны деньги, а у меня едва ли наберется семь золотыхъ экю въ чемоданѣ. Въ этомъ заключается все мое богатство. Я могу разсчитывать только на него, чтобы составить себѣ состояніе.

— Семь золотыхъ экю!—воскликнулъ Коконна.—И вы еще жалуетесь! Mordi! А у меня всего только шесть!

— Полноте!—сказалъ ла-Моль.—Я видѣлъ, какъ вы вынимали изъ кармана кошелекъ. Онъ не только полонъ, но даже черезчуръ туго набитъ.

— А! Это старый долгъ, который я долженъ уплатить другу моего отца, — отвѣтилъ Коконна. — Онъ, какъ я подозрѣваю, тоже немножко гугенотъ, въ родѣ васъ... Да, у меня тутъ сотня монетъ,—продолжалъ онъ, хлопнувъ себя по карману,— но эти деньги принадлежатъ метру Меркандону; что же касается до моего личнаго имущества, то все оно заключается, какъ я уже говорилъ вамъ, въ шести экю.

— Такъ какая же тутъ игра?

— Да вотъ потому-то именно я и хочу играть. Къ тому же мнѣ пришла въ голову одна мысль.

— Какая?

— Мы оба пріѣхали въ Парижъ съ одинаковой цѣлью?

— Да.

— У каждаго изъ насъ есть могущественный покровитель?

— Совершенно вѣрно.

— Вы разсчитываете на своего покровителя такъ же, какъ я на своего?

— Да.

— Ну, такъ вотъ что мнѣ пришло въ голову: сначала поиграемъ на деньги, потомъ на первую милость при дворѣ или удачу въ любви...

— Это, дѣйствительно, очень остроумно! — улыбаясь, сказалъ ла-Моль. — Но, сознаюсь, я не такой страстный игрокъ, чтобы ставить на карту или на кости всю свою будущность. Вѣдь отъ первой милости при дворѣ, которая выпадетъ на долю вамъ или мнѣ, будетъ зависѣть, по всей вѣроятности, вся наша дальнѣйшая судьба.

— Ну, хорошо! Оставимъ въ сторонѣ первую милость при дворѣ и будемъ играть на первый успѣхъ у любовницы.

— Тутъ есть только одно неудобство, — замѣтилъ ла-Моль.

— Какое же?

— То, что у меня нѣтъ любовницы.

— Да и у меня нѣтъ. Но я разсчитываю, что она скоро будетъ. Я, слава Богу, не такой уродъ, чтобы отъ меня бѣгали женщины.

— Онѣ, навѣрное, и не будутъ бѣгать отъ васъ. Но такъ какъ самъ я не особенно вѣрю въ свою любовную звѣзду, то такая ставка была бы слишкомъ невыгодна для васъ: это значило бы обыгрывать васъ навѣрняка. Давайте лучше играть на ваши шесть экю. Если вы проиграете ихъ и захотите продолжать игру, я ничего не буду имѣть противъ этого: вы дворянинъ и ваше слово стоитъ золота.

— Отлично! Вы совершенно правы—слово дворянина, дѣйствительно, стоитъ золота, въ особенности, если этотъ дворянинъ въ силѣ при дворѣ. И, повѣрьте, я рисковалъ бы немногимъ, играя съ вами на первую милость, какая выпадетъ мнѣ на долю.

— Но вамъ все-таки было бы непріятно проиграться. А я въ сущности ничего бы не выигралъ. Такъ какъ я нахожусь на службѣ у короля Наваррскаго, то не могъ бы взять ничего у герцога Гиза.

— А, проклятый еретикъ!—проворчалъ хозяинъ, чистя свою старую каску. — Чутье, какъ видно, не обмануло меня!

И, сказавъ это, онъ перекрестился.

Коконна взялъ карты, которыя подалъ ему слуга, и сталъ тасовать ихъ.

— Такъ значитъ вы... — началъ онъ.

— Что такое?

— Значитъ, вы протестантъ.
— Я?
— Да, вы.
— Ну, что жъ? Положимъ, что такъ,— съ улыбкой сказалъ ла-Моль. — Имѣете вы что-нибудь противъ насъ?
— Нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно. Я отъ всей души ненавижу протестантство, но не питаю ненависти къ гугенотамъ. Они къ тому же въ модѣ.
— Да,—смѣясь, сказалъ, ла-Моль.— А доказательствомъ служитъ выстрѣлъ въ адмирала. Ужъ не играть ли намъ на выстрѣлы?
— Какъ хотите, — отвѣтилъ Коконна. — Мнѣ все равно на что, лишь бы играть.
— Такъ начнемте, — сказалъ ла-Моль, взявъ свои карты и разбирая ихъ по мастямъ.
— Начнемте. И не опасайтесь. Если я проиграю даже сто экю, то и въ такомъ случаѣ у меня завтра утромъ найдется, чѣмъ заплатить ихъ.
— Значитъ, счастье придетъ къ вамъ во снѣ?
— Нѣтъ, я самъ пойду за нимъ.
— Куда же это? И я отправился бы вмѣстѣ съ вами.
— Въ Лувръ.
— Вы пойдете туда ночью?
— Да, нынѣшней ночью мнѣ обѣщана особая аудіенція у великаго герцога Гиза.

Какъ только Коконна заговорилъ о томъ, что пойдетъ искать счастье въ Лувръ, ла-Гюрьеръ пересталъ чистить свою каску и, ставъ за стуломъ ла-Моля, началъ дѣлать Коконну какіе-то таинственные знаки. Но тотъ былъ такъ занятъ разговоромъ и игрой, что не замѣчалъ ихъ.

— Удивительная вещь!—сказалъ ла-Моль.—Вы были правы, говоря, что мы родились подъ одной звѣздой. Мнѣ тоже назначено нынѣшней ночью свиданіе въ Луврѣ, но только не съ герцогомъ Гизомъ, а съ королемъ Наваррскимъ.
— Знаете вы короля?
— Да.
— А условный знакъ?
— Нѣтъ.
— Ну, а я знаю все. Мой пароль...

Но тутъ ла-Гюрьеръ сдѣлалъ такой отчаянный жестъ, что Коконна, какъ разъ въ эту минуту поднявшій голову, остановился, не докончивъ фразы. Жестъ хозяина поразилъ его даже больше, чѣмъ потеря трехъ экю, которыя онъ только что проигралъ. Замѣтивъ изумленіе, выразившееся на лицѣ Кокон

ла-Моль обернулся. Но онъ не увидалъ ничего особеннаго: сзади него стоялъ, скрестивъ руки, хозяинъ въ каскѣ, которую онъ только что чистилъ.

— Что съ вами? — спросилъ у своего партнера ла-Моль.

Коконна молча переводилъ глаза съ него на хозяина, который снова сталъ дѣлать ему какіе-то непонятные знаки.

Ла-Гюрьеръ понялъ, что нужно прійти къ нему на помощь.

— Я тоже очень люблю играть въ карты,— быстро сказалъ онъ.— И вотъ, когда я подошелъ посмотрѣть на вашу игру и надѣлъ каску, г. графъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня. Еще бы! Скромный трактирщикъ и вдругъ въ каскѣ!

— Ну, ужъ и фигура— нечего сказать!— воскликнулъ, расхохотавшись, ла-Моль.

— Что дѣлать, г. графъ! — добродушно сказалъ хозяинъ, пожимая плечами, какъ бы въ сознаніи своего ничтожества.— Мы не воины и видомъ похвалиться не можемъ. Хорошо такимъ храбрымъ господамъ, какъ вы, красоваться въ золоченыхъ шлемахъ и биться острыми рапирами. А съ насъ довольно и того, что мы служимъ въ милиціи.

— Ага!—сказалъ ла-Моль, въ свою очередь тасуя карты.— Такъ вы служите въ милиціи?

— Да, г. графъ. Я состою сержантомъ въ ротѣ городской милиціи.

Ла-Моль началъ сдавать карты, а ла-Гюрьеръ отошелъ отъ стола, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ бы въ видѣ предостереженія Коконна, который уже окончательно растерялся. Это, должно-быть, послужило причиной того, что онъ проигралъ и вторую ставку такъ же быстро, какъ первую.

— Ну, вотъ и конецъ вашимъ шести экю,—сказалъ ла-Моль.— Хотите отыграться въ счетъ будущихъ вашихъ богатствъ?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Коконна, — съ удовольствіемъ.

— Но вѣдь вы говорили, что у васъ назначено свиданіе съ герцогомъ Гизомъ? — спросилъ ла-Моль.

Коконна взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была дверь въ кухню, и увидалъ хозяина, который сдѣлалъ совсѣмъ круглые глаза, снова, повидимому, предостерегая его.

— Да, но теперь еще слишкомъ рано,—сказалъ Коконна.— Поговоримъ лучше о васъ, ла-Моль.

— А еще лучше объ игрѣ, графъ. Если не ошибаюсь, я сейчасъ выиграю у васъ еще шесть экю.

— Mordi! А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такъ... Я не разъ слыхалъ, что гугеноты счастливы въ игрѣ. Ну, право же, мнѣ хочется и самому сдѣлаться гугенотомъ, чортъ побери!

Глаза ла-Гюрьера засверкали, какъ раскаленные угли; но, занятый игрой, Коконна не замѣтилъ этого.

— Ну, что же, и отлично, графъ, — сказалъ ла-Моль. — Какъ ни странна причина, вызывающая ваше обращеніе, мы съ радостью примемъ васъ.

Коконна почесалъ за ухомъ.

— Если бы я зналъ навѣрное, — сказалъ онъ, — что вамъ везетъ въ картахъ, благодаря тому, что вы гугенотъ, я, право же... Говоря откровенно, я не особенно дорожу обрядами, и такъ какъ самъ король...

— И наша религія такая простая, такая чистая!

— Къ тому же она теперь въ модѣ,—добавилъ Коконна,— и, кромѣ того, приноситъ счастье въ игрѣ. Всѣ тузы, чортъ побери, идутъ къ вамъ! А между тѣмъ вы играете честно и не плутуете; я слѣдилъ за вами. Да, все дѣло тутъ, очевидно, въ религіи.

— Вы проиграли еще шесть экю, — спокойно сказалъ ла-Моль.

— Ахъ, какъ вы соблазняете меня!—воскликнулъ Коконна.— Если я нынѣшней ночью буду недоволенъ герцогомъ Гизомъ...

— Что же тогда?

— Тогда я попрошу васъ представить меня завтра королю Наваррскому. И не безпокойтесь: если я сдѣлаюсь гугенотомъ, то превзойду и Лютера, и Кальвина, и Меланхтона и всѣхъ протестантовъ, какіе только есть въ мірѣ.

— Молчите! — остановилъ его ла-Моль. — Вы поссоритесь съ нашимъ хозяиномъ.

— Да, правда,—сказалъ Коконна, оборачиваясь къ кухнѣ.— Нѣтъ, онъ не слушаетъ насъ: онъ теперь слишкомъ занятъ для этого.

— Что онъ дѣлаетъ? — спросилъ ла-Моль, который съ своего мѣста не могъ видѣть ла-Гюрьера.

— Онъ разговариваетъ съ какимъ-то... Чортъ возьми, да вѣдь это онъ!

— Кто?

— Да тотъ самый, похожій на ночную птицу человѣкъ, въ желтомъ камзолѣ и буромъ плащѣ, съ которымъ онъ разговаривалъ, когда мы пріѣхали. И какъ онъ горячится, чортъ возьми!.. Эй, послушайте-ка, метръ ла-Гюрьеръ! Ужъ не занимаетесь ли вы, чего добраго, политикой!

На этотъ разъ хозяинъ сдѣлалъ такой энергичный и повелительный жестъ, что Коконна, несмотря на свое пристрастіе къ картамъ, всталъ и подошелъ къ нему.

— Куда же вы идете, Коконна? — спросилъ ла-Моль.

— Вы спрашиваете вина, г. графъ? — сказалъ ла-Гюрьеръ, схвативъ пьемонтца за руку. — Его сейчасъ подадутъ... Грегуаръ! Вина этимъ господамъ!

И, нагнувшись къ Коконна, онъ шепнулъ ему на ухо:

— Молчите! Молчите, если дорожите жизнью! И разстаньтесь поскорѣе съ вашимъ товарищемъ!

Ла-Гюрьеръ былъ такъ блѣденъ, а желтый человѣкъ такъ мраченъ, что дрожь пробѣжала по тѣлу Коконна.

— Извините меня, любезный ла-Моль, — сказалъ онъ. — Я въ одинъ мигъ проигралъ вамъ пятьдесятъ экю. Мнѣ сегодня не везетъ, и я боюсь проиграться.

— Хорошо, хорошо, какъ хотите, — отвѣтилъ ла-Моль. — Къ тому же я не прочь немножко поспать... Метръ ла-Гюрьеръ!..

— Что вамъ угодно, г. графъ?

— Если за мной придутъ отъ короля Наваррскаго, потрудитесь разбудить меня. Я лягу одѣтый и потому буду готовъ въ одну минуту.

— Такъ же поступлю и я, — сказалъ Коконна. — Чтобы не задерживать посланнаго его высочества, я приготовлю теперь же условленный знакъ. Дайте мнѣ ножницы и бѣлой бумаги, метръ ла-Гюрьеръ!

— Грегуаръ! — крикнулъ хозяинъ. — Бѣлой бумаги для письма и ножницы, чтобы сдѣлать изъ нея конвертъ.

— Тутъ рѣшительно происходитъ что-то необыкновенное, — пробормоталъ про себя пьемонтецъ.

— Покойной ночи, Коконна! — сказалъ ла-Моль и прибавилъ, обращаясь къ хозяину: — Проводите меня, пожалуйста, въ мою комнату.

Хозяинъ подошелъ къ нему, и они ушли вмѣстѣ по винтовой лѣстницѣ наверхъ. Тогда таинственный незнакомецъ схватилъ за руку Коконна и, притянувъ его къ себѣ, торопливо проговорилъ:

— Вы нѣсколько разъ чуть не выдали тайны, отъ которой зависитъ судьба всего государства. Господь удержалъ васъ во время. Еще одно слово, и я застрѣлилъ бы васъ. Теперь мы, къ счастью, одни. Слушайте!

— Кто вы? — спросилъ Коконна. — И почему позволяете вы себѣ говорить со мной такимъ повелительнымъ тономъ?

— Слыхали вы о Морвелѣ?

— Который стрѣлялъ въ адмирала?

— И убилъ де-Муи.

— Конечно, слыхалъ.

— Ну, такъ Морвель — это я.

— Вы? — воскликнулъ Коконна

— А теперь слушайте.

— Mordi! Конечно, буду слушать.

— Тсъ! — прошепталъ Морвель, приложивъ палецъ къ губамъ.

Коконна внимательно прислушался.

До него донесся звукъ затворяемой двери; потомъ затворилась другая дверь, въ коридорѣ, и заскрипѣла задвижка. Черезъ минуту появился хозяинъ. Онъ торопливо подошелъ къ Коконна и Морвелю, предложилъ имъ сѣсть и сѣлъ самъ.

— Все заперто,— сказалъ онъ Морвелю,— теперь вы можете говорить.

Одиннадцать часовъ пробило на башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа. Морвель считалъ удары, уныло раздававшіеся среди темноты, и когда замеръ послѣдній, обернулся къ Коконна и спросилъ:

— Вы добрый католикъ?

— Полагаю, что такъ, — отвѣтилъ Коконна, встревоженный предосторожностями, которыя принимали его собесѣдники.

— Преданы вы королю?

— Всѣмъ сердцемъ и всей душой. Вы оскорбляете меня, дѣлая мнѣ такой вопросъ.

— Не будемъ заводить изъ-за этого ссору. Вы пойдете вмѣстѣ съ нами.

— Куда?

— Все равно куда. Мы проведемъ васъ. Отъ этого зависитъ ваша судьба, а можетъ-быть, и самая жизнь.

— Долженъ предупредить васъ, что въ полночь мнѣ нужно быть въ Луврѣ.

— Туда-то мы и идемъ.

— Меня ждетъ герцогъ Гизъ.

— И насъ тоже.

— У меня особый пароль,—продолжалъ Коконна, нѣсколько обиженный тѣмъ, что наравнѣ съ нимъ удостоены аудіенціи г. Морвель и метръ ла-Гюрьеръ.

— И у насъ тоже.

— Но у меня, кромѣ того, есть условный знакъ.

Морвель съ улыбкой вытащилъ изъ-подъ плаща пригоршню крестовъ изъ бѣлой матеріи, подалъ одинъ изъ нихъ ла-Гюрьеру, другой — Коконна, а третій взялъ себѣ. Ла-Гюрьеръ прикрѣпилъ свой крестъ къ каскѣ, Морвель — къ шляпѣ.

— Такъ вотъ какъ! — пробормоталъ совсѣмъ ошеломленный Коконна. — Значитъ, пароль и условный знакъ знаютъ всѣ? И на аудіенціи примутъ всѣхъ?

— Да, всѣхъ, то-есть всѣхъ добрыхъ католиковъ.

— Понимаю! — воскликнулъ Коконна. — Должно-быть, въ Луврѣ празднество, банкетъ у короля, и онъ не хочетъ приглашать этихъ собакъ-гугенотовъ? Такъ, такъ! Отлично! Съ ними и безъ того ужъ слишкомъ долго любезничали, такъ что они зазнались.

— Да, въ Луврѣ празднество, — сказалъ Морвель. — Король устраиваетъ пиръ, но гугеноты приглашены на него. Они будутъ даже героями праздника. Если хотите примкнуть къ намъ, пойдемте приглашать ихъ вождя, Гедеона, какъ они называютъ его.

— Адмирала? — спросилъ Коконна.

— Да, стараго Каспара, по которому я промахнулся, какъ дуракъ, несмотря на то, что стрѣлялъ изъ пищали самого короля!

— Вотъ поэтому-то, г. графъ, — прибавилъ ла-Гюрьеръ, — я чистилъ свою каску и точилъ шпагу и ножъ.

Коконна вздрогнулъ и поблѣднѣлъ: онъ началъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Какъ... неужели? — воскликнулъ онъ. — Значитъ, это празднество, этотъ банкетъ... Это... туда соберутся...

— Не скоро же вы догадались! — сказалъ Морвель. — Видно, что вамъ не приходилось выносить, какъ намъ, дерзости этихъ еретиковъ.

— И вы рѣшаетесь, — спросилъ Коконна, — итти къ адмиралу и...

Морвель улыбнулся и подвелъ Коконна къ окну.

— Посмотрите, — сказалъ онъ, — вонъ на ту площадь, въ концѣ улицы, за церковью. Видите вы тамъ толпу людей, которые неслышно выстраиваются въ ряды въ темнотѣ?

— Вижу.

— У нихъ тоже бѣлые кресты на шапкахъ.

— Ну?

— Ну, это рота шотландцевъ подъ командой Токено. Они сторонники короля.

— А!

— Теперь взгляните на этотъ отрядъ всадниковъ на набережной. Узнаете вы ихъ начальника?

— Какъ же я могу узнать его? — сказалъ Коконна, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Вѣдь я только сегодня вечеромъ пріѣхалъ въ Парижъ.

— Это тотъ, кто назначилъ вамъ въ полночь свиданіе въ Луврѣ. Онъ будетъ ждать васъ тамъ.

— Герцогъ Гизъ?

— Онъ самый. Его сопровождаютъ бывшій городской голова Марсель и теперешній—Шоранъ. Эти двое сформируютъ отряды изъ горожанъ. А вотъ входитъ на улицу капитанъ квартала. Видите, что онъ дѣлаетъ?

— Онъ стучится въ каждую дверь... Что это такое на дверяхъ, въ которыя онъ стучитъ?

— Бѣлые кресты, молодой человѣкъ; совершенно такіе же кресты, какъ у насъ на шляпахъ. Въ прежнее время предоставляли Богу отличать истинно вѣрующихъ въ Него; теперь мы цивилизовались и избавляемъ его отъ этого труда.

— Каждая дверь, въ которую онъ стучитъ, отворяется, — изъ каждаго дома выходятъ вооруженные люди.

— Онъ постучится и къ намъ; тогда мы тоже выйдемъ.

— Но неужели, — спросилъ Коконна, — весь этотъ народъ собрался для того, чтобы убить одного стараго гугенота? Вѣдь это же стыдъ и срамъ! Такъ поступаютъ разбойники, а не солдаты!

— Если вамъ непріятно убивать стариковъ, выбирайте молодыхъ. Ихъ найдется, сколько угодно, на всякій вкусъ. Если не хотите биться кинжаломъ, пускайте въ дѣло шпагу. Гугеноты не позволятъ рѣзать себя, какъ барановъ; они будутъ защищаться. И вы знаете, конечно, что всѣ они, какъ старые, такъ и молодые, необыкновенно живучи.

— Такъ, значитъ, ихъ перебьютъ всѣхъ? — спросилъ Коконна.

— Всѣхъ.

— По приказанію короля?

— По приказанію короля и герцога Гиза.

— Когда же?

— Когда зазвонитъ колоколъ на башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа.

— Ага! Такъ вотъ почему этотъ любезный нѣмецъ изъ свиты Гиза... Какъ, бишь, его имя?

— Бемъ.

— Совершенно вѣрно. Такъ вотъ почему Бемъ говорилъ мнѣ, чтобы я приходилъ, какъ только услышу набатъ.

— Значитъ, вы видѣли Бема?

— Не только видѣлъ, но и говорилъ съ нимъ.

— Гдѣ?

— Въ Луврѣ. Онъ провелъ меня туда, онъ сказалъ мнѣ пароль, онъ...

— Смотрите!

— Mordi! Да это онъ самъ.

— Хотите поговорить съ нимъ?

— Клянусь честью, я ничего не имѣлъ бы противъ этого.

Морвель тихонько отворилъ окно. Бемъ, дѣйствительно, проходилъ мимо съ маленькимъ отрядомъ, человѣкъ въ двадцать.

— Гизъ и Лотарингія! — сказалъ Морвель.

Бемъ обернулся и, догадавшись, что обращаются къ нему, подошелъ къ окну.

— А, это вы, Морвель.

— Да, это я. Куда вы идете?

— Я ищу гостиницу „Прекрасной Звѣзды", чтобы предупредить нѣкоего г. Коконна...

— Я здѣсь, — сказалъ пьемонтецъ.

— А, хорошо, хорошо!.. Вы готовы?

— Да. Что нужно дѣлать?

— То, что вамъ скажетъ г. Морвель. Это хорошій католикъ.

— Слышите? — спросилъ Морвель.

— Слышу, — отвѣтилъ Коконна. — А вы куда идете, г. Бемъ?

— Я? — смѣясь, сказалъ Бемъ.

— Да, вы.

— Мнѣ нужно сказать одно словечко адмиралу.

— Скажите ему, если понадобятся, два, — замѣтилъ Морвель. — Если онъ оправится послѣ перваго, то постарайтесь, чтобы онъ не оправился послѣ второго.

— Будьте покойны, Морвель, будьте покойны. Наставьте своими совѣтами этого молодого человѣка.

— Да, да, не бойтесь за него. Коконна—хорошія ищейки, а породистыя собаки охотятся по инстинкту.

— Прощайте.

— Идите съ Богомъ!

— А вы?

— Начинайте только охоту, мы явимся къ дѣлежу добычи.

Бемъ ушелъ, и Морвель закрылъ окно.

— Ну, слышали вы, молодой человѣкъ? — спросилъ онъ. — Если у васъ есть какой-нибудь врагъ, даже не гугенотъ, занесите его въ списокъ и онъ погибнетъ вмѣстѣ съ другими.

Коконна, ошеломленный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, взглянулъ на хозяина, принимавшаго грозныя позы, а потомъ перевелъ глаза на Морвеля, спокойно вынимавшаго какую-то бумагу изъ кармана.

— Вотъ мой списокъ, — продолжалъ Морвель, — тутъ триста человѣкъ. Если каждый добрый католикъ сдѣлаетъ нынѣшней ночью хоть десятую долю того, что сдѣлаю я, то завтра утромъ не останется во всемъ государствѣ ни одного еретика!

— Молчите! — остановилъ его ла-Гюрьеръ.

— Что такое? — въ одинъ голосъ спросили Коконна и Морвель.

На башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа зазвучалъ первый ударъ колокола.

— Сигналъ! — воскликнулъ Морвель. — Значитъ, рѣшили начать раньше. Мнѣ говорили, что сигналъ будетъ ровно въ полночь... Впрочемъ, тѣмъ лучше. Когда дѣло идетъ о славѣ Божьей и славѣ короля, то часы должны итти впередъ, а не отставать.

Заунывные звуки колокола слѣдовали одинъ за другимъ. Вскорѣ прогремѣлъ первый выстрѣлъ и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ на улицѣ де-л'Арбръ-Секъ засверкали факелы.

Коконна провелъ по лбу влажной отъ пота рукой.

— Началось! — воскликнулъ Морвель. — Идемъ!

— Одну минуту! — сказалъ хозяинъ. — Прежде, чѣмъ выступить въ походъ, нужно позаботиться о безопасности домашнихъ. Я не хочу, чтобы перерѣзали горло моей женѣ и дѣтямъ, пока меня не будетъ. Здѣсь, въ домѣ, гугенотъ.

— Де-ла-Моль! — воскликнулъ Коконна.

— Да. Проклятый еретикъ бросился самъ въ волчью пасть.

— Какъ? — спросилъ Коконна. — Неужели вы нападете на своего гостя?

— Для него-то главнымъ образомъ я и точилъ свою шпагу.

— Ого! — сказалъ пьемонтецъ, нахмуривъ брови.

— До сихъ поръ, — продолжалъ достойный трактирщикъ, — я рѣзалъ только кроликовъ, утокъ и цыплятъ и не знаю, какъ мнѣ приняться, чтобы убить человѣка. Вотъ я и хочу попробовать свои силы на этомъ гугенотѣ. Если дѣло пойдетъ у меня не совсѣмъ ловко, то, по крайней мѣрѣ, некому будетъ смѣяться надо мной.

— Mordi! Я не могу допустить этого, — сказалъ Коконна. — Де-ла-Моль мой товарищъ, онъ ужиналъ со мной, игралъ со мной...

— Да, но де-ла-Моль еретикъ, — возразилъ Морвель, — и де-ла-Моль осужденъ. Если мы не убьемъ его, то убьютъ другіе.

— Не говоря уже о томъ, — сказалъ хозяинъ, — что онъ выигралъ у васъ пятьдесятъ экю.

— Это правда, — сказалъ Коконна, — но я вполнѣ увѣренъ, что онъ выигралъ ихъ честно.

— Честно или нѣтъ, вамъ во всякомъ случаѣ придется платить ихъ. А если я убью его, они останутся у васъ въ карманѣ.

— Ну, идемъ же! Нужно спѣшить, господа! — воскликнулъ Морвель. — Застрѣлите его изъ пищали, зарубите шпагой, пришибите молоткомъ или чѣмъ угодно, но только кончайте скорѣе! Мы должны исполнить свое обѣщаніе и явиться во-время къ адмиралу, чтобы помочь герцогу Гизу.

Коконна вздохнулъ.

— Я сейчасъ вернусь! — воскликнулъ ла-Гюрьеръ. — Подождите меня.

— Mordi! — пробормоталъ Коконна. — Онъ замучаетъ, а, пожалуй, и обокрадетъ этого несчастнаго молодого человѣка. Пойду и я съ нимъ. Ужъ лучше покончить съ ла-Молемъ сразу, если онъ будетъ слишкомъ сильно страдать. И я не позволю украсть у него деньги.

Съ этими словами Коконна послѣдовалъ за ла-Гюрьеромъ и скоро догналъ его: поднимаясь по лѣстницѣ, достойный хозяинъ, должно-быть, сильно задумался, потому что все больше и больше замедлялъ шаги.

Когда онъ, въ сопровожденіи Коконна, подошелъ къ двери, на улицѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Ла-Моль тотчасъ же вскочилъ съ постели и полъ заскрипѣлъ у него подъ ногами.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ, слегка смутившись, ла-Гюрьеръ. — Онъ, кажется, проснулся.

— Кажется, что такъ, — сказалъ Коконна.

— И будетъ защищаться?

— По всей вѣроятности. А что если онъ убьетъ васъ, ла-Гюрьеръ? Это будетъ забавно.

— Гмъ! Гмъ! — проворчалъ хозяинъ.

Но, вспомнивъ, что у него въ рукѣ добрая пищаль, онъ ободрился и сильнымъ ударомъ ноги вышибъ дверь.

За кроватью стоялъ безъ шляпы, но совсѣмъ одѣтый ла-Моль; въ зубахъ у него была шпага, въ рукахъ—пистолеты.

— Ого! — сказалъ Коконна. — А вѣдь это становится интересно, метръ ла-Гюрьеръ! Ну, начинайте! Впередъ!

— А! Меня, какъ кажется, хотятъ убить! — воскликнулъ ла-Моль и глаза его засверкали. — Это ты, негодяй!

Метръ ла-Гюрьеръ вмѣсто отвѣта прицѣлился въ молодого человѣка. Но ла-Моль замѣтилъ его движеніе и въ ту минуту, какъ раздался выстрѣлъ, опустился на колѣни. Пуля пролетѣла у него надъ головой.

— Ко мнѣ! — крикнулъ ла-Моль. — Ко мнѣ, Коконна!

— Ко мнѣ, г. Морвель! — закричалъ въ свою очередь хозяинъ. — Ко мнѣ!

— Клянусь честью, ла-Моль, я не могу помочь вамъ! — сказалъ Коконна. — Обѣщаю только одно, что не буду противъ

васъ. Нынѣшней ночью убиваютъ гугенотовъ по приказанію короля. Защищайтесь сами, какъ знаете!

— А, предатели! убійцы! Такъ вы такъ-то! Хорошо же! Увидимъ!

И ла-Моль, прицѣлившись въ свою очередь, выстрѣлилъ изъ пистолета. Ла-Гюрьеръ, не спускавшій съ него глазъ, отскочилъ въ сторону; но Коконна, не ожидавшій нападенія, остался на мѣстѣ, и пуля оцарапала ему плечо.

— Mordi! — воскликнулъ онъ, заскрежетавъ зубами. — Если такъ, то будемъ биться. — Ты самъ захотѣлъ этого.

И, выхвативъ рапиру, онъ бросился на ла-Моля.

Если бы онъ былъ одинъ, ла-Моль, конечно, не отказался бы биться съ нимъ; но позади Коконна стоялъ метръ ла-Гюрьеръ, заряжавшій свою пищаль, а на лѣстницѣ бѣжалъ, прыгая черезъ четыре ступеньки, Морвель, услыхавшій зовъ хозяина. Ла-Моль бросился въ сосѣднюю комнату и заперъ за собою дверь на задвижку.

— А, негодяй! — въ ярости воскликнулъ Коконна, колотя въ дверь ефесомъ своей рапиры. — Погоди, погоди! У тебя будетъ на тѣлѣ столько же ранъ отъ моей шпаги, сколько экю ты выигралъ у меня!.. Я пришелъ, чтобы избавить тебя отъ страданій! Чтобы не дать украсть твои деньги! А ты въ благодарность стрѣляешь въ меня! Погоди, я отплачу тебѣ!

Въ это время ла-Гюрьеръ подошелъ къ двери и вышибъ ее прикладомъ своей пищали.

Коконна бросился въ комнату и чуть не ударился носомъ въ стѣну. Въ комнатѣ не было никого; окно было отворено.

— Онъ выскочилъ въ окно, — сказалъ хозяинъ, — и, конечно, расшибся на смерть; вѣдь это четвертый этажъ.

— А, можетъ-быть, онъ спасся по сосѣдней крышѣ, — возразилъ Коконна, вскочивъ на подоконникъ и собираясь прыгнуть на крутую, скользкую крышу.

Ла-Гюрьеръ и Морвель схватили его и втащили назадъ въ комнату.

— Съ ума вы, что ли, сошли? — въ одинъ голосъ закричали они. — Вѣдь вы убьетесь!

— Пустяки! — сказалъ Коконна. — Я горецъ и привыкъ лазить по ледникамъ. А за человѣкомъ, который оскорбилъ меня, я готовъ влѣзть на небо или спуститься въ адъ, по какой бы дорогѣ онъ не отправился туда. Пустите меня!

— Полноте, успокойтесь! — сказалъ Морвель. — Онъ или разбился, или ужъ успѣлъ уйти далеко. Пойдемте съ нами. Вмѣсто гугенота, который убѣжалъ отъ васъ, вы найдете тысячи другихъ.

— Да, вы правы,— согласился Коконна. — Смерть гугенотамъ! Я хочу отомстить и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Съ этими словами онъ бросился внизъ съ лѣстницы; Морвель и хозяинъ послѣдовали за нимъ.

— Къ адмиралу! — закричалъ Морвель.

— Къ адмиралу! — повторилъ ла-Гюрьеръ.

— Къ адмиралу, такъ къ адмиралу! — сказалъ Коконна. — Пусть будетъ по-вашему!

Они всѣ трое выбѣжали изъ гостиницы, оставивъ ее подъ охраной Грегуара и другихъ слугъ, и бросились къ отелю адмирала, на улицѣ Бетизи. Яркій свѣтъ и выстрѣлы указывали имъ дорогу.

— Это что за человѣкъ? — крикнулъ вдругъ Коконна.— Онъ безъ камзола и безъ шарфа.

— Это, навѣрное, какой-нибудь гугенотъ, спасающій свою жизнь, — сказалъ Морвель.

— Стрѣляйте же въ него! Стрѣляйте! — закричалъ Коконна.— У васъ есть пищали.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ Морвель. — Я берегу свой зарядъ для дичи покрупнѣе.

— Такъ стрѣляйте вы, ла-Гюрьеръ!

— Погодите, погодите, сейчасъ! — сказалъ, прицѣливаясь, трактирщикъ.

— Да, погодите! А онъ въ это время успѣетъ убѣжать! — воскликнулъ Коконна.

И онъ бросился въ погоню за гугенотомъ, котораго было нетрудно догнать, такъ какъ онъ былъ раненъ. Но когда Коконна подбѣжалъ къ нему и, не желая нападать на него сзади, крикнулъ: „Да обернись же, обернись!“ раздался выстрѣлъ, пуля пролетѣла около самыхъ ушей Коконна и раненый упалъ, какъ подстрѣленный заяцъ, въ котораго, несмотря на быстрый бѣгъ, попалъ зарядъ охотника.

Позади Коконна раздался торжествующій крикъ. Онъ обернулся и увидалъ ла-Гюрьера, размахивающаго своей пищалью.

— А, на этотъ разъ я сдѣлалъ хорошій починъ!—вскричалъ трактирщикъ.

— Да, но вы чуть не прострѣлили меня,—сказалъ Коконна.

— Берегитесь, г. графъ, берегитесь! — крикнулъ ла-Гюрьеръ.

Коконна отскочилъ назадъ. Раненый приподнялся на колѣно и, пылая местью, собрался нанести ему ударъ кинжаломъ. Трактирщикъ замѣтилъ это и въ самое время предупредилъ пьемонтца объ опасности.

— А. змѣя!—воскликнулъ Коконна.

И, бросившись къ раненому, онъ три раза вонзилъ ему въ грудь шпагу по самую рукоятку.

— Теперь къ адмиралу!—сказалъ онъ, отойдя отъ гугенота, судорожно бившагося въ агоніи. — Къ адмиралу!

— Ага, молодой человѣкъ, — сказалъ Морвель, — вы, какъ кажется, разлакомились?

— Клянусь честью, вы правы, — отвѣтилъ Коконна. — Не знаю, опьяняетъ ли меня запахъ пороха или возбуждаетъ видъ крови, но я, чортъ возьми, вхожу во вкусъ. До сихъ поръ я охотился только на волковъ да медвѣдей, но охота на людей кажется мнѣ гораздо интереснѣе.

И они всѣ трое пошли дальше.

VIII.

Бойня.

Отель, въ которомъ жилъ адмиралъ, былъ, какъ мы уже говорили, на улицѣ Бетизи. Этотъ громадный домъ съ двумя флигелями стоялъ въ глубинѣ двора; въ стѣнѣ, окружавшей его, были ворота и двѣ рѣшетчатыя калитки.

Когда наши „гизовцы“ дошли до улицы Бетизи, составляющей продолженіе улицы Фоссэ-Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа, они увидали, что кругомъ отеля стоятъ швейцарцы, солдаты и горожане. Всѣ они были вооружены шпагами, копьями или пищалями, а нѣкоторые держали, кромѣ того, въ лѣвой рукѣ зажженные факелы, бросавшіе на всю эту сцену колеблющійся, зловѣщій свѣтъ. Смотря по движенію рукъ, онъ то разливался по мостовой, то поднимался по стѣнамъ, то освѣщалъ живое, волнующееся море людей, по которому пробѣгали какъ будто молніи отъ сверкавшаго то тутъ, то тамъ оружія.

Кругомъ отеля и на улицахъ Тиршапъ, Этьенъ и Бертэнъ-Пуаре совершалось ужасное дѣло. Оттуда неслись пронзительные крики, тамъ гремѣли ружейные выстрѣлы. Время отъ времени въ кругѣ свѣта, гдѣ, казалось, тѣснилась толпа демоновъ, появлялся на мгновеніе какой-нибудь блѣдный, полуодѣтый, окровавленный гугенотъ и тотчасъ же исчезалъ, убѣгая, какъ затравленный олень.

Нашихъ троихъ пріятелей, бѣлые кресты которыхъ были видны издалека, встрѣтили радостными восклицаніями. А черезъ минуту они уже пробрались въ самую средину этой задыхающейся, сплошной, какъ свора борзыхъ, толпы. Это удалось имъ только потому, что впереди шелъ Морвель, котораго многіе узнали и пропустили, а за нимъ проскользнули

конна и ла-Гюрьеръ. Такимъ образомъ они всѣ трое очутились на дворѣ.

Ворота и калитки были выбиты. Посреди двора стоялъ человѣкъ, къ которому всѣ относились очень почтительно, и никто не подходилъ близко, такъ что кругомъ его образовалось пустое пространство. Онъ опирался на рапиру и пристально смотрѣлъ на балконъ, который находился подъ центральнымъ окномъ фасада, на высотѣ футовъ пятнадцати надъ землей. Этотъ человѣкъ нетерпѣливо топалъ ногой и время отъ времени обращался съ вопросомъ къ кому-нибудь изъ лицъ, стоявшихъ поблизости отъ него.

— Все еще ничего,—бормоталъ онъ.—Никто не идетъ. Его, должно-быть, предупредили, онъ бѣжалъ. Какъ вы полагаете, дю-Гастъ?

— Это невозможно, ваша свѣтлость.

— Почему же нѣтъ? Вы сами говорили мнѣ, что, за нѣсколько минутъ до нашего прихода, какой-то человѣкъ безъ шляпы, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, подбѣжалъ со всѣхъ ногъ къ дому, что онъ постучался и его впустили?

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость; но слѣдомъ за нимъ пришелъ Бемъ, двери выломали и отель окружили. Тотъ человѣкъ, про котораго я говорилъ вамъ, вошелъ въ домъ, но выйти оттуда не могъ.

— Вѣдь это, если не ошибаюсь, герцогъ Гизъ?—спросилъ у ла-Гюрьера Коконна.

— Онъ самый, г. графъ. Да, это великій герцогъ Гизъ. Онъ, должно-быть, поджидаетъ адмирала, чтобы продѣлать съ нимъ то же, что тотъ продѣлалъ съ отцомъ герцога. Каждому свой чередъ, и сегодня, благодареніе Богу, пришелъ нашъ.

— Эй! Бемъ! Бемъ!—крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ герцогъ.—Неужели еще не кончено?

И, въ своемъ нетерпѣніи, онъ кончикомъ шпаги началъ выбивать искры изъ камней мостовой.

Въ эту минуту въ отелѣ раздались крики, выстрѣлы, топотъ ногъ и звонъ оружія. А затѣмъ снова наступила тишина.

Герцогъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ броситься въ домъ.

— Ваша свѣтлость, ваша свѣтлость!—остановилъ его подошедшій дю-Гастъ.—Вамъ нельзя итти туда—вашъ санъ не позволяетъ этого. Вы должны остаться здѣсь и ждать.

— Ты правъ, дю-Гастъ, спасибо тебѣ. Да, я подожду. Но я, право же, умираю отъ нетерпѣнія и безпокойства. Что, если онъ ускользнетъ отъ меня!

Въ это время въ отелѣ снова послышались шаги. Они приближались и вдругъ какъ будто пламя пожара освѣтило окна перваго этажа.

То окно, на которое такъ часто смотрѣлъ герцогъ, распахнулось или, вѣрнѣе, разлетѣлось вдребезги и на балконѣ появился блѣдный человѣкъ съ забрызганной кровью шеей.

— Бемъ!—воскликнулъ герцогъ.—Наконецъ, вотъ и ты! Ну, что же?

— Сейчасъ, сейчасъ, — спокойно сказалъ нѣмецъ

Онъ нагнулся, а затѣмъ съ трудомъ выпрямился, какъ будто поднимая какую-то тяжесть.

— Гдѣ же другіе? — нетерпѣливо спросилъ герцогъ. — Что они дѣлаютъ?

— Приканчиваютъ другихъ.

— А ты, ты? Что ты сдѣлалъ?

— Сейчасъ увидите. Посторонитесь-ка немножко.

Герцогъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Теперь уже можно было разсмотрѣть, что съ такимъ усиліемъ поднималъ Бемъ.

Это былъ трупъ старика.

Нѣмецъ приподнялъ его надъ балкономъ, раскачалъ въ воздухѣ и бросилъ къ ногамъ герцога.

Глухой звукъ паденія, потоки крови, хлынувшіе изъ тѣла и обрызгавшіе на далекое разстояніе мостовую, привели въ ужасъ даже самого Гиза. Но это продолжалось недолго. Любопытство превозмогло; всѣ мало-по-малу стали подходить ближе и дрожащій свѣтъ факела упалъ на трупъ. Тогда окружающіе увидали благородное лицо убитаго, его сѣдую бороду и судорожно стиснутыя окоченѣлыя руки.

— Адмиралъ!—въ одинъ голосъ воскликнули человѣкъ двадцать и сразу же замолчали.

— Да, адмиралъ. Это онъ, — сказалъ герцогъ, приблизившись къ трупу и съ глубокой радостью смотря на него.

— Адмиралъ!.. Адмиралъ!..—повторяли вполголоса всѣ свидѣтели этой сцены, напирая другъ на друга и робко подходя взглянуть на трупъ великаго старца.

— А, наконецъ-то мы сквитались, Каспаръ! — торжествуя, сказалъ Гизъ. — Ты велѣлъ убить моего отца, — теперь я отмстилъ за него!

И онъ поставилъ ногу на грудь героя-протестанта.

Но адмиралъ еще не умеръ. Вѣки его съ усиліемъ приподнялись, окровавленная, раздробленная рука дрогнула въ послѣдній разъ, и онъ, продолжая лежать неподвижно, какъ мертвый, сказалъ гробовымъ голосомъ:

— Генрихъ Гизъ! Придетъ день, когда и ты почувствуешь на своей груди ногу убійцы... Я не убивалъ твоего отца... Будь ты проклятъ!..

Герцогъ поблѣднѣлъ и почувствовалъ, какъ ледяная дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь отогнать ужасное видѣніе, и затѣмъ, опустивъ руку, рѣшился взглянуть на адмирала. Глаза Колиньи были закрыты, руки неподвижны, борода испачкана въ крови, которая хлынула у него изо рта послѣ страшныхъ словъ, которыя онъ только что произнесъ.

Герцогъ, жестомъ отчаянной рѣшимости, поднялъ свою шпагу.

— Ну, что же, ваша свѣтлость, довольны вы? — спросилъ Бемъ.

— Да, мой храбрецъ, да! —отвѣтилъ Гизъ.—Ты отмстилъ...

— За герцога Франциска?

— За религію, —глухимъ голосомъ проговорилъ герцогъ. — А теперь, — прибавилъ онъ, обращаясь къ тѣснившимся на дворѣ и на улицѣ швейцарцамъ, солдатамъ и горожанамъ, — теперь за дѣло, друзья, за дѣло!

— Здравствуйте, г. Бемъ!—сказалъ Коконна, подходя ближе и съ восхищеніемъ смотря на нѣмца, который, все еще стоя на балконѣ, спокойно вытиралъ свою шпагу.

— Такъ это вы отправили его на тотъ свѣтъ?—въ восторгѣ воскликнулъ ла-Гюрьеръ. — Какъ же вы продѣлали это?

— Очень просто, очень просто! Онъ услыхалъ шумъ и отворилъ дверь, а я прокололъ его рапирой. Но это еще не все, кажется, и Телиньи попался. Слышите крики?

Въ это время, дѣйствительно, раздались отчаянные крики— голосъ былъ, повидимому, женскій — и въ одномъ изъ флигелей блеснулъ красноватый свѣтъ. Видно было, какъ пробѣжали два человѣка, преслѣдуемые толпой убійцъ.

Одинъ изъ нихъ упалъ, сраженный пулей; другой бросился къ открытому окну и, не обращая вниманія на то, что оно было высоко, а внизу стояли новые враги, смѣло выпрыгнулъ изъ него на дворъ.

— Бейте его, бейте! — закричали убійцы, видя, что жертва готова ускользнуть отъ нихъ.

Гугенотъ вскочилъ, поднялъ выпавшую изъ рукъ шпагу и, нагнувъ голову, бросился впередъ черезъ толпу. Сваливъ нѣсколько человѣкъ и проколовъ шпагою одного, онъ, среди выстрѣловъ и проклятій промахнувшихся солдатъ, быстро пронесся мимо Коконна, поджидавшаго его около воротъ съ кинжаломъ въ рукѣ.

— Вотъ тебѣ! — воскликнулъ пьемонтецъ, ранивъ его въ руку.

— Негодяй! — сказалъ гугенотъ, ударивъ Коконна по лицу своей шпагой; проколоть его онъ не могъ, такъ какъ для этого было слишкомъ мало мѣста.

— Тысяча дьяволовъ!—воскликнулъ Коконна.—Да вѣдь это ла-Моль!

— Ла-Моль! — повторили Морвель и ла-Гюрьеръ.

— Это онъ предупредилъ адмирала! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Бейте его, бейте! — заревѣла толпа.

Коконна, ла-Гюрьеръ и человѣкъ десять солдатъ бросились въ погоню за ла-Молемъ. Окровавленный, дошедшій до крайняго возбужденія, которое одно только способно поддержать ослабѣвающія силы человѣка, ла-Моль, руководимый лишь инстинктомъ, бѣжалъ по улицамъ. За нимъ гнались враги; онъ слышалъ топотъ ихъ ногъ, ихъ крики, и это какъ будто придавало ему крылья. Иногда пуля пролетала со свистомъ около самыхъ его ушей, и онъ бѣжалъ еще скорѣе. Изъ груди его вырывалось уже не дыханіе, а глухой хрипъ, сиплые стоны. Потъ и кровь капали съ его волосъ и, смѣшиваясь вмѣстѣ, текли по лицу.

Вскорѣ камзолъ сталъ слишкомъ тѣсенъ для біеній его сердца—онъ сорвалъ его. Затѣмъ шпага стала слишкомъ тяжела для его руки—онъ отшвырнулъ ее. Иногда ему казалось, что преслѣдователи начинаютъ отставать, и ему удастся ускользнуть отъ нихъ; но на ихъ крики выбѣгали другіе католики и, бросая свое кровавое дѣло, гнались за нимъ. Вдругъ онъ увидѣлъ налѣво отъ себя рѣку. Какъ загнанный олень, почувствовалъ онъ желаніе броситься въ нее, и ему нужна была вся сила разсудка, чтобы удержаться отъ этого.

Направо возвышался Лувръ, мрачный, неподвижный, но полный какихъ-то глухихъ, зловѣщихъ звуковъ. По подъемному мосту входили и выходили солдаты въ каскахъ и латахъ, отражавшихъ холодный свѣтъ луны. Ла-Моль подумалъ о королѣ Наваррскомъ, какъ раньше думалъ о Колиньи. Это были его единственные покровители. Взглянувъ на небо, онъ далъ обѣтъ отречься отъ протестантства, если ему удастся спастись, а потомъ, собравъ послѣднія силы, внезапно бросился въ сторону и побѣжалъ прямо къ Лувру. На подъемномъ мосту, когда онъ смѣшался съ толпою солдатъ, кто-то снова ударилъ его кинжаломъ, оцарапавшимъ ему бокъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „Бей, бей его!“ Несмотря на это и грозн… видъ часовыхъ, ла-Моль влетѣлъ, какъ стрѣла, на дво…

вбѣжалъ въ переднюю, на лѣстницу, во второй этажъ и, увидавъ какую-то дверь, сталъ колотить въ нее руками и ногами.

— Кто тамъ? — спросилъ женскій голосъ.

— Ради Бога!.. Ради Бога! — пробормоталъ ла-Моль. — Они идутъ... Я слышу ихъ шаги... вотъ они... я вижу ихъ... Это я, я!

— Кто вы? — снова спросилъ голосъ.

Ла-Моль вспомнилъ пароль.

— Наварра, Наварра! — крикнулъ онъ.

Дверь тотчасъ же отворилась. Ла-Моль, не обративъ никакого вниманія на Гильону, не поблагодаривъ ее, бросился въ переднюю, въ коридоръ и, пробѣжавъ черезъ двѣ комнаты, очутился въ третьей, освѣщенной висячей лампой.

На рѣзной дубовой кровати съ бархатнымъ занавѣсомъ, затканнымъ золотыми лиліями, лежала, опершись на руку, женщина въ пеньюарѣ и смотрѣла на ла-Моля широко открытыми, полными ужаса глазами.

— Ваше величество! — воскликнулъ онъ. — Тамъ рѣжутъ... убиваютъ моихъ братьевъ!.. Меня тоже хотятъ убить!.. Вы — королева!.. Спасите, спасите меня!

И онъ бросился передъ ней на колѣни, оставляя на коврѣ широкій кровавый слѣдъ.

Увидавъ передъ собою блѣднаго, окровавленнаго человѣка, королева Наваррская приподнялась на постели, закрыла лицо руками и стала звать на помощь.

— Ради Бога, не зовите никого, ваше величество! — сказалъ ла-Моль, стараясь подняться на ноги. — Если васъ услышатъ—я погибъ! За мной гонятся убійцы... Они бѣгутъ по лѣстницѣ! Я слышу ихъ... Вотъ они... вотъ они!...

— Помогите! — воскликнула перепуганная Маргарита. — Помогите!

— А, вы убиваете меня! — въ отчаяніи воскликнулъ ла-Моль. — Слышать, какъ такой чудный голосъ хочетъ предать меня врагамъ — умереть отъ такой прекрасной руки — я думалъ, что это невозможно!

Въ эту минуту дверь растворилась и въ комнату ворвалась толпа разъяренныхъ, перепачканныхъ въ крови, почернѣвшихъ отъ порохового дыма людей. Они держали наготовѣ пищали и обнаженные бердыши и шпаги.

Впереди былъ Коконна. Рыжіе волосы его растрепались, свѣтлоголубые глаза были вытаращены, щека разрублена шпагой ла-Моля, оставившей на ней кровавый слѣдъ. На обезображеннаго пьемонтца было страшно смотрѣть.

— Mordi! — воскликнулъ онъ. — Вотъ этотъ негодяй! Вотъ онъ! Наконецъ-то мы добрались до него!

Ла-Моль оглядѣлся кругомъ, ища какого-нибудь оружія — его не было нигдѣ. Онъ взглянулъ на королеву; лицо ея выражало глубокое состраданіе. Тогда онъ понялъ, что только она одна можетъ спасти его и, бросившись къ ней, обхватилъ ее руками.

Коконна, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова ранилъ ла-Моля въ плечо своей длинной рапирой и капли теплой алой крови брызнули на бѣлый душистый пеньюаръ королевы.

Маргарита видѣла, какъ текла эта кровь, Маргарита чувствовала, какъ дрожитъ тѣло человѣка, прижимающагося къ ней, и бросилась вмѣстѣ съ нимъ въ проходъ за кроватью. И какъ разъ во-время.

Ла-Моль такъ ослабѣлъ, что не могъ ни спасаться бѣгствомъ ни защищаться. Онъ склонился своимъ помертвѣлымъ лицомъ къ плечу Маргариты и его пальцы судорожно уцѣпились, разрывая его, за бѣлый батистовый, вышитый пеньюаръ, покрывавшій, какъ легкимъ облакомъ, тѣло королевы.

— Ахъ, ваше величество, — замирающимъ голосомъ прошепталъ ла-Моль, — спасите меня!

Вотъ все, что онъ могъ сказать. Глаза его подернулись какъ бы мракомъ смерти; отяжелѣвшая голова откинулась назадъ, руки разжались, ноги подкосились и онъ упалъ на залитый кровью полъ, увлекая за собой королеву.

Коконна, возбужденный криками, опьяненный запахомъ крови, раздраженный долгой погоней, протянулъ руку къ королевскому алькову. Еще минута и онъ пронзилъ бы сердце ла-Моля, а, можетъ-быть, вмѣстѣ съ нимъ и сердце Маргариты.

Испуганная видомъ обнаженной шпаги, а еще болѣе оскорбленная такой неслыханной дерзостью, принцесса королевскаго дома выпрямилась во весь ростъ и громко вскрикнула. Въ этомъ крикѣ слышалось такое негодованіе, такой ужасъ и гнѣвъ, что пьемонтецъ, подъ вліяніемъ какого-то, до сихъ поръ невѣдомаго ему чувства, замеръ на мѣстѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что его нерѣшительность продолжалась бы недолго и растаяла бы какъ снѣгъ отъ апрѣльскаго солнца, если бы эта сцена затянулась и дѣйствующія въ ней лица остались тѣ же.

Но въ это мгновеніе въ потайную дверь, незамѣтную въ стѣнѣ, вбѣжалъ юноша лѣтъ шестнадцати-семнадцати въ черномъ костюмѣ; лицо его было блѣдно, волосы въ безпорядкѣ

— Погоди минутку, сестра! — крикнулъ онъ. — Я здѣсь, я здѣсь!

— Франсуа! — воскликнула Маргарита. — Спаси меня, Франсуа!

— Герцогъ Алансонскій! — прошепталъ ла-Гюрьеръ, опуская пищаль.

— Чортъ возьми! Принцъ королевской крови! — пробормоталъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, Коконна.

Герцогъ Алансонскій оглядѣлся кругомъ. Маргарита, съ распущенными волосами, казавшаяся прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, стояла, прислонившись къ стѣнѣ. Ее окружали вооруженные люди съ звѣрскими лицами.

— Негодяи! — воскликнулъ герцогъ.

— Спаси меня, братъ! — сказала Маргарита, чувствуя, что силы покидаютъ ее. — Они хотятъ убить меня!

Блѣдное лицо герцога вспыхнуло отъ гнѣва.

Онъ былъ безоруженъ. Но, полагаясь, должно-быть, на свой санъ и происхожденіе, онъ, сжавъ кулаки, пошелъ на Коконна и его спутниковъ. Испуганные гнѣвнымъ блескомъ его глазъ, они отступили.

— Можетъ-быть, вы захотите убить и принца королевской крови? — сказалъ герцогъ. — Посмотримъ!

Потомъ, видя, что они продолжаютъ отступать, онъ крикнулъ:

— Караулъ, сюда! Перевѣшать всѣхъ этихъ негодяевъ!

Безоружный герцогъ напугалъ Коконна больше, чѣмъ могъ бы испугать его цѣлый отрядъ рейторовъ и ландскнехтовъ, и онъ, понемногу отступая, добрался, наконецъ, до двери. Ла-Гюрьеръ въ это время бѣжалъ уже со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ, а солдаты тѣснились въ передней и толкали другъ друга, спѣша поскорѣе уйти.

Между тѣмъ, Маргарита инстинктивно набросила на лежащаго безъ чувствъ ла-Моля свое шелковое одѣяло и отошла отъ него подальше.

Когда и Коконна ушелъ вслѣдъ за своими спутниками, герцогъ Алансонскій обернулся.

— Не ранена ли ты, сестра? — воскликнулъ онъ, видя, что пеньюаръ Маргариты испачканъ въ крови.

И онъ бросился къ ней съ такимъ безпокойствомъ, которое сдѣлало бы честь его любви къ сестрѣ, если бы эта любовь, какъ ходили слухи, не была ужъ слишкомъ нѣжна для брата.

— Нѣтъ, не думаю, — отвѣтила Маргарита, — а если и ранена, то легко.

— Но вѣдь твое платье въ крови, — сказалъ герцогъ, ощупывая дрожащими руками Маргариту. — Откуда же эта кровь?

— Не знаю, — сказала молодая женщина. — Одинъ изъ этихъ людей дотронулся до меня, можетъ-быть, онъ былъ раненъ.

— Дотронулся до моей сестры?! — воскликнулъ герцогъ. — О, если бы ты только показала мнѣ его, если бы я зналъ, гдѣ его найти!..

— Молчи! — сказала Маргарита.

— Почему?

— Потому что, если тебя увидятъ у меня въ комнатѣ въ такой часъ...

— Развѣ братъ не можетъ войти въ спальню сестры, Маргарита?

Королева взглянула на герцога Алансонскаго такъ пристально и такъ грозно, что онъ отступилъ.

— Да, ты права, Маргарита, — сказалъ онъ, — я сейчасъ уйду къ себѣ. Но ты не можешь оставаться одна въ эту ужасную ночь. Хочешь, я позову Гильону?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не нужно никого. Уходи, Франсуа, уходи такъ же, какъ и пришелъ.

Юный принцъ повиновался. Какъ только онъ ушелъ, за кроватью послышался вздохъ. Маргарита бросилась къ потайной двери, заперла ее на задвижку, потомъ подбѣжала къ другой двери, которую тоже заперла. И какъ разъ во-время: въ эту самую минуту въ концѣ коридора пронеслась, какъ буря, толпа солдатъ, преслѣдуя гугенотовъ, живущихъ въ Луврѣ.

Оглядѣвшись кругомъ и убѣдившись, что она, дѣйствительно, одна, Маргарита подошла къ алькову и сняла шелковое одѣяло, которое набросила на ла-Моля, чтобы скрыть его отъ герцога Алансонскаго. Потомъ она съ трудомъ вытащила раненаго изъ прохода за кроватью и, увидавъ, что онъ еще дышитъ, положила его голову къ себѣ на колѣни и стала брызгать ему въ лицо водой.

Только теперь, когда Маргарита смыла съ лица ла-Моля пыль, кровь и копоть отъ порохового дыма, узнала она его. Она увидала, что это тотъ самый красивый молодой человѣкъ, который встрѣтился съ ней нѣсколько часовъ тому назадъ, полный жизни и надеждъ, и просилъ ее передать письмо королю Наваррскому. Она вспомнила, какъ онъ былъ пораженъ ея красотой и какое мечтательное настроеніе овладѣло е... когда онъ ушелъ.

У Маргариты вырвался крикъ ужаса. Теперь раненый возбуждалъ въ ней не только состраданіе, но и участіе. Это былъ уже не чужой, неизвѣстный человѣкъ, а почти знакомый и близкій. Она вытерла ему лицо; оно было блѣдно и истомлено. Маргарита, почти такая же блѣдная, какъ и самъ графъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, приложила руку къ его сердцу; оно еще билось. Тогда она взяла со стола флаконъ съ солями и дала понюхать ла-Молю. Онъ открылъ глаза.

— О, Боже! — прошепталъ онъ. — Гдѣ я?

— Вы спасены! — сказала Маргарита. — Успокойтесь, вы спасены!

Ла-Моль съ трудомъ перевелъ глаза на королеву и, съ восторгомъ глядя на нее, прошепталъ:

— Какъ вы прекрасны!

И, какъ будто опьяненный ея красотой, онъ снова закрылъ глаза и вздохнулъ.

Маргарита вскрикнула: ла-Моль поблѣднѣлъ, если возможно, еще больше и ей въ первую минуту показалось, что онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ.

— О, Боже, Боже! Сжалься надъ нимъ! — прошептала она.

Въ эту минуту кто-то сильно постучалъ въ дверь, выходящую въ коридоръ.

Маргарита приподнялась, поддерживая ла-Моля подъ руку.

— Кто тамъ? — спросила она.

— Это я, ваше величество, — отвѣтилъ женскій голосъ, — я, герцогиня Неверская.

— Генріэтта! — воскликнула королева. — Не бойтесь, графъ, опасности нѣтъ, это — мой другъ.

Ла-Моль съ страшнымъ усиліемъ приподнялся на одно колѣно.

— Подержитесь за что-нибудь, пока я отворю дверь, — сказала Маргарита.

Ла-Моль оперся рукой на полъ и ему удалось сохранить равновѣсіе.

Маргарита пошла къ двери, но вдругъ остановилась и задрожала отъ страха: изъ коридора донесся звонъ оружія.

— Ты не одна? — спросила она.

— Нѣтъ, со мной двѣнадцать человѣкъ солдатъ, которыхъ далъ мнѣ мой зять, герцогъ Гизъ.

— Герцогъ Гизъ! — пробормоталъ ла-Моль. — О, убійца! убійца!

— Молчите, — остановила его Маргарита, — ни слова!

И она оглядѣлась кругомъ, ища, куда бы спрятать раненаго.

— Дайте мнѣ шпагу или кинжалъ, — прошепталъ графъ.

— Вы хотите защищаться? Это безполезно. Развѣ вы не слыхали? Вѣдь ихъ двѣнадцать противъ одного.

— Оружіе нужно мнѣ не для защиты, а для того, чтобы не отдаться имъ въ руки живымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала Маргарита, — я спасу васъ. Идите вотъ сюда, въ кабинетъ.

Ла-Моль съ трудомъ приподнялся и, съ помощью Маргариты, дотащился до кабинета.

— Ни крика, ни стона, ни вздоха, — шепнула королева, — и вы спасены!

Съ этими словами Маргарита затворила дверь, заперла ее на ключъ и спрятала его въ ридикюль. Потомъ, накинувъ плащъ, она отворила герцогинѣ Неверской, которая бросилась къ ней и обняла ее.

— Съ вами ничего не случилось, ваше величество? — спросила она. — Не правда ли?

— Ничего, ничего, — отвѣтила Маргарита, запахивая плащъ, чтобы закрыть испачканный въ крови пеньюаръ.

— Тѣмъ лучше; но вамъ все-таки нельзя оставаться здѣсь одной. Герцогъ Гизъ далъ мнѣ двѣнадцать человѣкъ конвоя, чтобы проводить меня въ свой отель. Такъ какъ этого слишкомъ много для меня, то шестерыхъ я оставлю у васъ. А шесть конвойныхъ герцога значатъ въ нынѣшнюю ночь больше, чѣмъ цѣлый отрядъ тѣлохранителей короля.

Маргарита не рѣшилась отказаться. Она велѣла солдатамъ размѣститься въ коридорѣ и простилась съ герцогиней, которая съ остальными шестью конвойными отправилась въ отель герцога Гиза.

Мужъ ея уѣхалъ, и она пока жила тамъ.

IX.

Убійцы.

Коконна не бѣжалъ; онъ отступилъ. Ла-Гюрьеръ тоже не бѣжалъ; онъ умчался со всѣхъ ногъ. Первый ретировался какъ тигръ; второй—какъ волкъ.

А потому ла-Гюрьеръ былъ уже на площади Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа въ то время, какъ Коконна еще только выходилъ изъ Лувра.

Доблестный трактирщикъ немного струсилъ, очутившись съ своей пищалью среди бѣгущихъ людей, свистящихъ пуль и падающихъ изъ оконъ труповъ, иногда даже разрубленныхъ на

куски. Онъ рѣшилъ, что всего благоразумнѣе вернуться какъ можно скорѣе въ гостиницу. Когда онъ свернулъ изъ улицы Аверонъ на улицу Арбръ-Секъ, ему встрѣтился отрядъ швейцарцевъ и легкой конницы. Впереди шелъ Морвель.

— Вы, кажется, уже покончили все и идете домой?—спросилъ Морвель, самъ себя окрестившій именемъ „королевскаго убійцы". — А что же, чортъ возьми, сдѣлали вы съ пьемонтцемъ? Ужъ не случилось ли съ нимъ какой бѣды? Это было бы очень жаль—онъ отлично работалъ.

— Нѣтъ, съ нимъ, кажется, ничего не случилось,—отвѣтилъ ла-Гюрьеръ. — Онъ, должно-быть, скоро присоединится къ намъ.

— Откуда вы?

— Изъ Лувра, гдѣ насъ. кстати сказать, приняли далеко не любезно.

— Кто же?

— Герцогъ Алансонскій. Развѣ онъ не на нашей сторонѣ?

— Герцогъ Алансонскій ни на чьей сторонѣ. Онъ интересуется только тѣмъ, что касается его лично. Предложите ему расправиться съ его двумя старшими братьями, какъ съ гугенотами, и онъ согласится. Ему нужно только одно: чтобы не скомпрометировали его самого... Не хотите ли отправиться съ этими людьми, ла-Гюрьеръ?

— Куда они идутъ?

— На улицу Монторгейль, тамъ есть у меня одинъ знакомый протестантскій пасторъ. Онъ женатъ и у него шесть человѣкъ дѣтей. Эти еретики страшно размножаются. Тамъ будетъ очень интересно.

— А вы сами куда идете?

— Я иду по своему личному дѣлу.

— Только, пожалуйста, не ходите туда безъ меня, — раздался позади нихъ голосъ, заставившій Морвеля вздрогнуть.— Вы знаете разныя хорошія мѣстечки, Морвель, и потому я хочу итти съ вами.

— А! Это нашъ пьемонтецъ! — воскликнулъ Морвель.

— Да, это г. Коконна, — сказалъ ла-Гюрьеръ. — Гдѣ это вы пропадали? Я думалъ, что вы идете за мной.

— Mordi! Вы бѣжали такъ быстро, что я не могъ угнаться за вами. Да, кромѣ того, я сдѣлалъ небольшой крюкъ, чтобы бросить въ рѣку отвратительнаго ребенка, который кричалъ: „Долой папистовъ! Да здравствуетъ адмиралъ!" Но, къ несчастью, этотъ негодяй-мальчишка, кажется, умѣетъ плавать. По-настоящему еретиковъ слѣдовало бы топить, какъ котятъ, когда они еще ничего не видятъ!

— Такъ вы идете изъ Лувра? — спросилъ Морвель. — Значитъ, вашъ гугенотъ убѣжалъ туда?

— Да, туда.

— Я выстрѣлилъ въ него въ то время, какъ онъ поднималъ свою шпагу на дворѣ адмирала. Не понимаю, какъ могъ я промахнуться!

— Ну, а я не промахнулся! — сказалъ Коконна. — Я всадилъ ему шпагу въ плечо такъ глубоко, что клинокъ былъ дюймовъ на пять въ крови... Я видѣлъ, какъ онъ упалъ въ объятія Маргариты—прелестная женщина, чортъ возьми! Мнѣ было бы очень пріятно, если бы оказалось, что этотъ молодецъ умеръ. У него, какъ кажется, очень злопамятный характеръ и онъ, пожалуй, былъ бы моимъ врагомъ всю свою жизнь... Такъ куда же вы идете?

— А вамъ хочется итти со мной?

— Я не хочу оставаться на одномъ мѣстѣ, mordi! Я убилъ всего только троихъ или четверыхъ и когда остываю, у меня начинаетъ болѣть плечо. Впередъ! Впередъ!

— Капитанъ, — сказалъ Морвель начальнику отряда,— дайте мнѣ троихъ солдатъ и идите съ остальными отправлять на тотъ свѣтъ адмирала.

Три швейцарца присоединились къ Морвелю. До улицы Тиршапъ оба отряда шли вмѣстѣ.

Потомъ легкая конница и швейцарцы отправились по улицѣ Тиршапъ, а Морвель, Коконна, ла-Гюрьеръ и три швейцарца свернули сначала на улицу Ферраннери, потомъ на Трусъ-Вашъ и вышли на улицу Сентъ-Авуа.

— Куда же, къ чорту, ведете вы насъ? — спросилъ Коконна, которому надоѣло итти такъ далеко и ничего не дѣлать.

— Намъ предстоитъ блестящая экспедиція, — сказалъ Морвель. — Послѣ убійства адмирала, Телиньи и принцевъ-гугенотовъ я не могъ предложить вамъ ничего лучше этого. Потерпите немножко. Мѣстомъ дѣйствія будетъ улица де-Шомъ, и мы сію минуту придемъ сюда.

— А скажите-ка, — спросилъ Коконна,—вѣдь, кажется, эта улица очень близко отъ Тампля?

— Да, очень близко. Зачѣмъ вы спрашиваете это?

— Потому что тамъ живетъ нѣкто Ламберъ Меркандонъ, которому отецъ поручилъ мнѣ уплатить старинный долгъ въ сто ноблей. Они вотъ тутъ, у меня въ карманѣ.

— Теперь вамъ представляется отличный случай сквитаться съ вашимъ кредиторомъ, — сказалъ Морвель.

— Это какъ?

— Сегодня сводятся всѣ старинные счеты. Вашъ Меркандонъ гугенотъ?

— Понимаю, — сказалъ Коконна. — Да, онъ, должно-быть, гугенотъ.

— Тсъ! Мы пришли.

— Чей это громадный отель съ павильономъ на улицу?

— Отель Гиза.

— Значитъ, я попалъ какъ разъ туда, куда нужно, — сказалъ Коконна. — Вѣдь великій Гизъ—мой покровитель. А какъ тихо въ этой части города. Тутъ едва слышны ружейные выстрѣлы. Право, подумаешь, что попалъ въ провинцію—всѣ преспокойно себѣ спятъ, mordi!

И на самомъ дѣлѣ, даже въ отелѣ Гиза было такъ же тихо, какъ въ обыкновенное время. Всѣ окна были затворены, и только въ окнѣ павильона, обратившаго на себя вниманіе Коконна, былъ свѣтъ.

Морвель остановился немного подальше отеля, на углу улицъ Пти-Шантье и Катръ-Фисъ.

— Вотъ домъ того, кого мы ищемъ, — сказалъ онъ.

— То-есть, кого ищете вы? — поправилъ его ла-Гюрьеръ.

— Такъ какъ вы сопровождаете меня, то, значитъ, ищемъ мы всѣ.

— Неужели вы говорите вонъ про тотъ домъ, который, повидимому, спитъ такимъ крѣпкимъ сномъ?

— Именно про него. Природа, по ошибкѣ, наградила васъ честной физіономіей, ла-Гюрьеръ. Воспользуйтесь этимъ и постучитесь, а свою пищаль отдайте Коконна; онъ уже давно бросаетъ на нее нѣжные взгляды. Когда васъ впустятъ, скажите, что вамъ нужно поговорить съ г. де-Муи.

— Ага, понимаю! — сказалъ Коконна. — У васъ, должно-быть, тоже есть кредиторъ по сосѣдству съ Тамплемъ?

— Именно такъ... Выдайте себя за гугенота, ла-Гюрьеръ, и предупредите де-Муи о томъ, что происходитъ. Онъ храбръ и, конечно, тотчасъ же выйдетъ изъ дому...

— А когда онъ выйдетъ?.. — спросилъ ла-Гюрьеръ.

— Тогда я попрошу его скрестить свою шпагу съ моей.

— Отлично! Такъ и должны рѣшать споръ дворяне! — воскликнулъ Коконна. — Я тоже вызову на поединокъ Ламбера Меркандона; а если онъ слишкомъ старъ, чтобы биться со мной, то его мѣсто займетъ кто-нибудь изъ его сыновей или племянниковъ.

Ла-Гюрьеръ подошелъ къ двери дома и началъ стучать въ нее. Удары гулко раздавались въ ночной тишинѣ. Двери отеля Гиза пріотворились и нѣсколько головъ выглянуло оттуда.

Какъ видно, тамъ была такая же подозрительная тишина, какая бываетъ въ крѣпости, наполненной солдатами.

Головы показались только на мгновеніе и тотчасъ же исчезли, должно-быть, сообразивъ, что такое тутъ происходитъ.

— Значитъ, вашъ де-Муи живетъ здѣсь?—спросилъ Коконна, показывая на домъ, въ дверь котораго ла-Гюрьеръ продолжалъ стучать.

— Нѣтъ, здѣсь живетъ его любовница.

— Mordi! А вѣдь это очень любезно съ вашей стороны! Вы даете ему возможность биться на глазахъ у его красавицы. Значитъ, мы будемъ судьями поединка? А мнѣ было бы гораздо пріятнѣе биться самому. Плечо мое горитъ какъ въ огнѣ.

— А лицо? Оно тоже пострадало у васъ, — сказалъ Морвель.

— Mordi! — воскликнулъ Коконна. — Надѣюсь, онъ умеръ. Если бы я зналъ, что онъ живъ, я сейчасъ же отправился бы назадъ въ Лувръ и дорѣзалъ бы его!

Ла-Гюрьеръ продолжалъ стучать.

Наконецъ въ первомъ этажѣ отворилось окно и какой-то человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, безъ оружія, вышелъ на балконъ.

— Что нужно? — крикнулъ онъ.

По знаку Морвеля швейцарцы притаились за угломъ дома, а Коконна догадался самъ прижаться къ стѣнѣ.

— Это вы, г. де-Муи? — сладкимъ голосомъ спросилъ ла-Гюрьеръ

— Я. Что же дальше?

— Это онъ, — прошепталъ Морвель, задрожавъ отъ радости.

— Развѣ вы не знаете, сударь, что происходитъ? — продолжалъ ла-Гюрьеръ. — На адмирала напали, нашихъ братьевъ— протестантовъ рѣжутъ! Идите къ нимъ на помощь, идите скорѣе!

— А! Я подозрѣвалъ, что у нихъ подготовляется что-то сегодняшнюю ночь! — воскликнулъ де-Муи. — Мнѣ не слѣдовало оставлять моихъ храбрыхъ товарищей. Я иду, любезный другъ, иду сію минуту. Подождите меня.

И, не закрывая окна, изъ котораго доносились на улицу крики и нѣжныя мольбы испуганной женщины, де-Муи надѣлъ камзолъ и схватилъ плащъ и оружіе.

— Онъ сейчасъ выйдетъ, — прошепталъ Морвель, поблѣднѣвъ отъ радости. — Глядите въ оба! — прибавилъ онъ, обращаясь къ швейцарцамъ.

Взявъ пищаль у Коконна, Морвель дунулъ на фитиль, чтобы посмотрѣть, хорошо ли онъ горитъ, и протянулъ оружіе ла-Гюрьеру, который присоединился къ швейцарцамъ.

— Вотъ твоя пищаль,—сказалъ онъ,—можешь получить

— Mordi! — воскликнулъ Коконна. — Смотрите, изъ-за тучъ выходитъ луна. И ей хочется взглянуть на поединокъ. Какъ бы хорошо, если бы Ламберъ Меркандонъ былъ секундантомъ де-Муи! Дорого бы я далъ за это.

— Погодите, погодите! — сказалъ Морвель. — Де-Муи одинъ стоитъ десятерыхъ и намъ, вшестеромъ, будетъ не легко справиться съ нимъ... Подойдите поближе, — шепнулъ онъ швейцарцамъ. — Встаньте около двери, чтобы напасть на него, какъ только онъ выйдетъ.

— Ого! — сказалъ Коконна, глядя на эти приготовленія. — Какъ кажется, дѣло будетъ происходить совсѣмъ не такъ, какъ я думалъ.

Въ эту минуту послышался скрипъ отодвигаемаго засова. Швейцарцы вышли изъ-за угла и встали около двери. Морвель и ла-Гюрьеръ на цыпочкахъ подошли къ нимъ, и только Коконна, еще не утратившій чувства чести, остался на своемъ мѣстѣ. Въ эту минуту любовница де-Муи, о которой никто уже не думалъ, вышла на балконъ и громко вскрикнула, увидавъ Морвеля, ла-Гюрьера и швейцарцевъ.

Де-Муи, уже немного пріотворившій дверь, остановился.

— Иди назадъ, иди скорѣе! — крикнула ему молодая женщина. — Около двери сверкаютъ обнаженныя шпаги, блеститъ фитиль пищали. Это засада!

— Ого! — сказалъ де-Муи. — Посмотримъ, что все это значитъ!

И, заложивъ дверь засовомъ, онъ ушелъ наверхъ.

Увидавъ, что де-Муи не выйдетъ, Морвель перестроилъ свой маленькій отрядъ. Швейцарцы перешли на другую сторону улицы, а ла-Гюрьеръ поднялъ пищаль, готовясь выстрѣлить въ гугенота, какъ только тотъ покажется на балконѣ. Ему пришлось ждать недолго. Де-Муи вышелъ, держа въ рукахъ пистолетъ такой внушительной длины, что ла-Гюрьеръ, уже прицѣлившійся, струсилъ и опустилъ пищаль. Онъ сообразилъ, что пули гугенота могутъ съ такимъ же успѣхомъ долетѣть до улицы, какъ и его пуля на балконъ.

А такъ какъ ла-Гюрьеръ былъ въ концѣ-концовъ все-таки трактирщикъ и только случай сдѣлалъ его солдатомъ, то онъ рѣшилъ отступить и притаиться на углу улицы де-Бракъ. Попасть въ де-Муи съ такого разстоянія да еще въ темнотѣ было довольно трудно.

Де-Муи оглядѣлся кругомъ и осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, ожидая нападенія. Но, видя, что никто не идетъ, онъ остановился и крикнулъ:

— Куда же вы пропали, г. совѣтчикъ? Вы, должно-быть, забыли свою пищаль около моей двери. Я здѣсь, что вамъ нужно?

— Ага! — сказалъ Коконна. — Вотъ настоящій храбрецъ!

— Ну, что же? — продолжалъ де-Муи. — Друзья вы или враги — все равно. Развѣ вы не видите, что я васъ жду?

Ла-Гюрьеръ молчалъ; Морвель не отвѣчалъ; трое швейцарцевъ затаили дыханіе.

Коконна подождалъ немного. Потомъ, видя, что никто не поддерживаетъ разговора, который началъ ла-Гюрьеръ, и продолжалъ де-Муи, онъ вышелъ на средину улицы и сказалъ, снявъ шляпу:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что мы пришли убить васъ, г. де-Муи? Вы ошибаетесь: дѣло идетъ о дуэли. Одинъ изъ вашихъ враговъ хочетъ покончить честнымъ поединкомъ старинные между вами счеты... Mordi! выходите же, Морвель! Нечего показывать спину. Г. де-Муи согласенъ.

— Морвель!— воскликнулъ де-Муи.—Морвель—убійца моего отца! Морвель — „королевскій убійца!" Да, я согласенъ!

И, прицѣлившись въ Морвеля, который собирался постучать въ отель Гиза, чтобы попросить подкрѣпленія, онъ пробилъ ему пулей шляпу.

Услыхавъ выстрѣлъ и крики Морвеля, солдаты, провожавшіе герцогиню Неверскую, вышли изъ отеля, въ сопровожденіи трехъ или четырехъ дворянъ съ пажами. Всѣ они подошли къ дому любовницы де-Муи.

Съ балкона раздался второй выстрѣлъ, наповалъ убившій солдата, стоявшаго около Морвеля. Такъ какъ пистолеты де-Муи были теперь уже разряжены, а шпага не могла принести никакой пользы, то онъ укрылся за перила балкона.

Между тѣмъ въ сосѣднихъ домахъ стали отворяться окна. Люди мирные тотчасъ же захлопывали ихъ; тѣ же, которые обладали воинственнымъ характеромъ, вооружались мушкетами и пищалями и начинали стрѣлять.

— Ко мнѣ, храбрый Меркандонъ! — воскликнулъ де-Муи, сдѣлавъ знакъ старику, который отворилъ окно въ домѣ, находившемся напротивъ отеля Гиза, и старался разсмотрѣть, что происходитъ на улицѣ.

— Вы зовете на помощь, де-Муи? — спросилъ старикъ. — Такъ, значитъ, нападаютъ на васъ?

— На меня, на васъ, на всѣхъ протестантовъ... Вотъ вамъ доказательство!

Дѣйствительно, въ эту самую минуту де-Муи замѣтилъ, что ла-Гюрьеръ прицѣливается въ него.

Раздался выстрѣлъ; но молодой человѣкъ успѣлъ нагнуться, и пуля, пролетѣвъ у него надъ головой, разбила стекло.

— Меркандонъ!—воскликнулъ Коконна, котораго весь этотъ шумъ и суматоха приводили въ такой восторгъ, что онъ совсѣмъ было забылъ о своемъ кредиторѣ и только теперь, послѣ словъ де-Муи, вспомнилъ о немъ. — Меркандонъ... на улицѣ де-Шомъ... да, это онъ! Такъ вотъ его домъ? Отлично! Значитъ, у каждаго изъ насъ будетъ свое дѣло.

И въ то время, какъ солдаты Гиза выламывали двери въ домѣ де-Муи; въ то время, какъ Морвель, взявъ факелъ, старался поджечь домъ; въ то время, какъ выломавъ двери, всѣ набросились на де-Муи, каждымъ ударомъ шпаги убивавшаго человѣка — одинъ Коконна не принималъ во всемъ этомъ никакого участія. Онъ взялъ большой камень и старался вышибить дверь Меркандона, который, не обращая вниманія на его усилія, то и дѣло стрѣлялъ на улицу изъ пищали.

Черезъ нѣсколько времени въ этой пустынной и темной улицѣ стало свѣтло, какъ днемъ, и толпы людей закопошились всюду, точно муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ. Изъ отеля Монморанси выбѣжало человѣкъ восемь дворянъ-гугенотовъ со слугами и друзьями. Они произвели отчаянную атаку и съ помощью своихъ единовѣрцевъ, стрѣлявшихъ изъ оконъ, прогнали назадъ въ отель солдатъ Гиза и людей Морвеля.

Этотъ живой потокъ подхватилъ въ своемъ обратномъ теченіи Коконна, который, несмотря на всѣ свои усилія, все еще не справился съ дверью Меркандона. Тогда онъ прислонился къ стѣнѣ и, взявъ въ руки шпагу, началъ не только защищаться, но и нападать, и его яростные крики заглушали шумъ битвы. Онъ рубилъ направо и налѣво, громилъ враговъ и друзей до тѣхъ поръ, пока кругомъ него не образовалось довольно большое пустое пространство. И каждый разъ, какъ его рапира прокалывала чью-нибудь грудь и теплая кровь брызгала ему на руки и на лицо, онъ съ широко открытыми глазами, раздувающимися ноздрями и крѣпко стиснутыми зубами, шагъ за шагомъ, подвигался къ двери, отъ которой его оттѣснили.

Де-Муи послѣ страшной схватки на лѣстницѣ и въ передней смѣло, какъ настоящій герой, вышелъ изъ своего пылающаго дома. Во время боя онъ то и дѣло кричалъ: „Сюда, Морвель!.. Морвель, гдѣ ты?“ и всячески бранилъ и позорилъ его. Наконецъ, де-Муи вышелъ на улицу со шпагой въ рукѣ и кинжаломъ въ зубахъ, поддерживая другой рукой свою полуодѣтую, почти потерявшую сознаніе любовницу. Онъ быстро вертѣлъ своей шпагой и она сверкала, описывая то бѣлые, то красные круги, смотря по тому, падалъ ли на нее серебристый свѣтъ луны, или же факелъ освѣщалъ ея окровавленный клинокъ.

Морвель бѣжалъ. Де-Муи оттѣснилъ ла-Гюрьера къ Коконна, который, не узнавъ его, бросился на него со шпагой. Несчастный трактирщикъ попалъ межъ двухъ огней и жалобно молилъ о пощадѣ. Въ эту минуту его увидалъ Меркандонъ и по бѣлой перѐвязи узналъ, что онъ изъ убійцъ.

Раздался выстрѣлъ. Ла-Гюрьеръ вскрикнулъ, взмахнулъ руками, выронилъ пищаль и, послѣ тщетной попытки дойти до стѣны, чтобы опереться на нее, упалъ на землю ничкомъ.

Де-Муи воспользовался этимъ обстоятельствомъ; онъ бросился на улицу Паради и пропалъ изъ виду.

Гугеноты одержали такую блестящую побѣду, что люди Гиза поспѣшили укрыться въ отелѣ и заперли дверь, опасаясь, какъ бы гугеноты не явились и сюда.

Коконна, опьянѣвшій отъ запаха крови и шума, дошелъ до такого возбужденія, при которомъ, въ особенности у южанъ, храбрость уже превращается въ безуміе. Онъ не видалъ и не слыхалъ ничего. Онъ замѣтилъ только, что въ ушахъ у него шумитъ какъ будто меньше, а руки и лицо начинаютъ просыхать. Опустивъ шпагу, онъ оглядѣлся кругомъ; около него не было никого, кромѣ одного человѣка, лежащаго ничкомъ въ лужѣ крови, и ничего, кромѣ пылающихъ зданій.

Коконна отдыхалъ недолго. Только что хотѣлъ онъ подойти къ лежащему человѣку, въ которомъ узналъ ла-Гюрьера, какъ дверь, столько времени не поддававшаяся его усиліямъ, отворилась. Старикъ Меркандонъ съ своимъ сыномъ и двумя племянниками выбѣжалъ оттуда и бросился на переводившаго духъ пьемонтца.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! — въ одинъ голосъ закричали они всѣ.

Коконна стоялъ посреди улицы. Опасаясь, какъ бы эти четыре человѣка, напавшіе на него сразу, не окружили его, онъ, какъ серна, за которыми не разъ охотился въ горахъ, отпрыгнулъ назадъ и прислонился къ стѣнѣ отеля Гиза. Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ неожиданныхъ нападеній сзади, Коконна всталъ въ оборонительное положеніе и приготовился защищаться.

— Ну, что, батюшка Меркандонъ,—насмѣшливо проговорилъ онъ, — вы не узнаете меня?

— А, негодяй!—воскликнулъ старый гугенотъ. — Я, напротивъ, сейчасъ же узналъ тебя... И ты хочешь убить меня! меня, друга твоего отца?

— И его кредитора — вѣдь такъ?

— Да, его кредитора; ты самъ говоришь это.

— Ну, вотъ я и хочу свести наши счеты, — сказалъ Коконна

— Схватимъ его и свяжемъ, — сказалъ старикъ, обращаясь къ молодымъ людямъ. Тѣ тотчасъ же бросились на Коконна.

— Погодите минутку, не торопитесь,—смѣясь, сказалъ онъ.— Для того, чтобы схватить кого-нибудь, нуженъ приказъ, а вы позабыли взять его.

Съ этими словами онъ сталъ биться съ ближайшимъ къ нему молодымъ человѣкомъ и первымъ же ударомъ шпаги отрубилъ ему кисть руки. Несчастный застоналъ и отступилъ.

— Съ однимъ покончено! — сказалъ Коконна.

Въ эту минуту окно, подъ которымъ онъ стоялъ, со скрипомъ отворилось. Коконна отскочилъ, опасаясь нападенія и съ этой стороны; но онъ увидалъ не врага, а молодую женщину; не смертоносное оружіе показалось изъ окна, а букетъ цвѣтовъ. И этотъ букетъ упалъ къ его ногамъ.

— Господи! да это женщина! — пробормоталъ Коконна.

И, отдавъ ей честь шпагой, онъ обернулся поднять цвѣты.

— Берегитесь, храбрый католикъ, берегитесь! — воскликнула дама.

Коконна выпрямился, но второй племянникъ Меркандона уже успѣлъ ранить его въ другое плечо.

Молодая женщина пронзительно вскрикнула.

Поблагодаривъ и успокоивъ ее жестомъ, Коконна бросился на своего противника. Тотъ отпарировалъ ударъ, но поскользнулся на залитой кровью землѣ. Однимъ прыжкомъ, какъ серна, Коконна бросился на него и пронзилъ ему грудь своей шпагой.

— Браво! браво! — воскликнула дама. — Я сейчасъ пришлю вамъ людей на помощь!

— Изъ-за этого вамъ не стоитъ безпокоиться, сударыня! — сказалъ Коконна. — Посмотрите на нашъ бой до конца, если онъ интересуетъ васъ, и вы увидите, какъ графъ Аннибалъ де-Коконна справляется съ гугенотами!

Въ эту минуту сынъ Меркандона выстрѣлилъ въ Коконна почти въ упоръ. Тотъ упалъ на колѣно.

Молодая женщина снова вскрикнула, но Коконна тотчасъ же вскочилъ; онъ опустился на колѣни только для того, чтобы спастись отъ пули, которая пробила стѣну на разстояніи двухъ футовъ отъ прекрасной зрительницы.

Въ ту же минуту изъ окна дома Меркандона раздался яростный вопль и какая-то старуха, узнавъ по бѣлому кресту и бѣлой перевязи Коконна, что онъ католикъ, бросила въ него горшокъ съ цвѣтами, ударившій его повыше колѣна.

— Вотъ такъ штука! — сказалъ Коконна. — Одна бросаетъ мнѣ цвѣты, другая швыряетъ въ меня горшками. Если такъ будетъ продолжаться, онѣ, пожалуй, начнутъ ломать и дома.

— Благодарю тебя, матушка, благодарю! — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Хорошо, жена, продолжай, — сказалъ старикъ Меркандонъ. — Смотри только, не попади въ насъ!

— Подождите, подождите, графъ, — сказала молодая дама изъ отеля Гиза. — Я велю стрѣлять изъ оконъ.

— Да тутъ какое-то бабье царство! — пробормоталъ Коконна. — Однѣ изъ нихъ за меня, а другія противъ... Ну, пора кончать!

Мѣсто боя представляло теперь, дѣйствительно, совсѣмъ другую картину и дѣло, очевидно, приближалось къ концу. Коконна получилъ нѣсколько ранъ, но это не имѣло большого значенія для сильнаго двадцатичетырехлѣтняго молодого человѣка. Онъ привыкъ биться, и три или четыре полученныя имъ царапины скорѣе раздражили, чѣмъ ослабили его. А единственными противниками его были теперь Меркандонъ и его сынъ. Но Меркандонъ былъ старикъ лѣтъ шестидесяти или семидесяти, а сынъ его—еще совсѣмъ юноша лѣтъ 16—18, блѣдный, слабый. Онъ бросилъ свой разряженный и потому уже безполезный пистолетъ и, дрожа, размахивалъ шпагой, которая была вдвое короче шпаги пьемонтца. Старикъ Меркандонъ, держа въ рукахъ кинжалъ и разряженную пищаль, звалъ на помощь, а жена его стояла у окна съ кускомъ мрамора, собираясь бросить его.

Коконна, возбужденный угрозами съ одной стороны и одобреніями—съ другой, гордый своей двойной побѣдой, опьяненный запахомъ пороха и крови, освѣщенный пламенемъ горящаго дома, воспламененный мыслью, что бьется на глазахъ женщины замѣчательно красивой и навѣрное знатной,—Коконна, какъ послѣдній изъ Горацiевъ, почувствовалъ, что сила его удваивается. Замѣтивъ колебаніе юноши, онъ бросился къ нему и скрестилъ свою длинную, окровавленную рапиру съ его крошечной шпажонкой. Двухъ ударовъ было достаточно, чтобы выбить ее изъ рукъ юноши. Старикъ Меркандонъ кинулся на помощь сыну и старался оттѣснить Коконна къ окну, чтобы въ него легче было бросать камни.

Тогда Коконна, желая защититься сразу и отъ старика, угрожавшаго ему кинжаломъ, и отъ старухи, державшей наготовѣ камень и цѣлившей ему въ голову, схватилъ юношу поперекъ тѣла и, защищаясь имъ отъ ударовъ, какъ щитомъ, сжалъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! — воскликнулъ молодой человѣкъ.—Онъ раздавитъ мнѣ грудь!.. Помогите!..

И голосъ его превратился въ глухой, задыхающійся хрипъ

Старикъ Меркандонъ опустилъ кинжалъ и сталъ умолять Коконна сжалиться.

— Пощадите, пощадите его, г. Коконна! — говорилъ онъ.— Сжальтесь надъ нами! Это мой единственный сынъ!

— Мой сынъ!.. Мой сынъ!.. — воскликнула старуха. — Надежда нашей старости! Не убивайте, не убивайте его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Не убивать? — расхохотавшись, спросилъ Коконна. — А что же самъ онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ своей шпагой и пистолетомъ?

— У меня есть расписка вашего отца, — съ мольбою сложивъ руки, — продолжалъ Меркандонъ. — Я отдамъ вамъ эту расписку; у меня есть десять тысячъ золотыхъ экю — они будутъ ваши; у меня есть наши фамильныя драгоцѣнности—вы получите ихъ. Только не убивайте, не убивайте его!

— А я обѣщаю вамъ любовь мою, — вполголоса сказала молодая дама.

Коконна на минуту задумался.

— Вы гугенотъ? — спросилъ онъ у юноши.

— Гугенотъ, — прошепталъ тотъ.

— Такъ нужно умереть! — сказалъ Коконна, нахмуривъ брови и приставивъ къ груди юноши свой острый кинжалъ.

— Умереть! — воскликнулъ Меркандонъ. — Мое бѣдное дитя! Умереть!

Старуха-мать вскрикнула, и въ этомъ крикѣ было столько мучительной скорби, что онъ поколебалъ на минуту жестокую рѣшимость пьемонтца.

— О, герцогиня! — воскликнулъ Меркандонъ, устремивъ глаза на молодую даму, глядѣвшую изъ окна отеля Гиза, — заступитесь за насъ, и мы будемъ каждое утро и каждый вечеръ поминать ваше имя въ нашихъ молитвахъ!

— Такъ пусть онъ отречется, — сказала дама.

— Я протестантъ, — повторилъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ умри! — воскликнулъ Коконна, занося кинжалъ. — Умри, если не хочешь принять жизнь, которую предлагаютъ тебѣ эти прекрасныя уста!

Меркандонъ и жена его видѣли, какъ ужасный клинокъ блеснулъ, какъ молнія, надъ головою ихъ сына.

— Мой сынъ!.. Мой Оливье! — воскликнула мать... — Отрекись!.. Отрекись!..

— Отрекись, дитя мое! — закричалъ Меркандонъ, упавъ къ ногамъ Коконна. — Не оставляй насъ однихъ на свѣтѣ!

— Отрекитесь всѣ! — сказалъ Коконна. — За одно Credo три души и жизнь!

— Я согласенъ, — сказалъ юноша.

— Мы тоже согласны! — воскликнулъ Меркандонъ и его жена.

— Такъ на колѣни,— сказалъ Коконна,—и пусть сынъ вашъ повторяетъ за мной слово въ слово молитву, которую я произнесу.

Отецъ повиновался первый.

— Я готовъ, — сказалъ юноша.

И онъ тоже опустился на колѣни.

Тогда Коконна началъ говорить по-латыни слова Credo. Случайно или съ умысломъ Оливье всталъ около того мѣста, гдѣ упала его шпага. Когда оружіе очутилось такъ близко отъ него, онъ, не переставая повторять за пьемонтцемъ слова молитвы, понемногу протягивалъ руку къ шпагѣ. Слѣдившій за нимъ Коконна сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Но когда юноша уже касался рукою эфеса шпаги, Коконна бросился на него и повалилъ его на землю.

— А! Предатель! — воскликнулъ онъ и вонзилъ свой кинжалъ ему въ горло.

Оливье вскрикнулъ, судорожно приподнялся на одно колѣно и упалъ мертвый.

— Палачъ! — воскликнулъ Меркандонъ.— Ты убиваешь насъ, чтобы не платить ста ноблей, которые ты долженъ намъ.

— Клянусь честью, нѣтъ! — отвѣтилъ Коконна. — А за доказательство...

Съ этими словами онъ бросилъ къ ногамъ старика кошелекъ, который далъ ему отецъ, чтобы расплатиться съ кредиторомъ.

— Въ доказательство,— докончилъ онъ,— вотъ ваши деньги.

— А вотъ твоя смерть! — крикнула старуха изъ окна.

— Берегитесь, берегитесь, графъ! — воскликнула дама изъ отеля Гиза.

Но прежде, чѣмъ Коконна успѣлъ повернуть голову и сообразить, въ чемъ дѣло, тяжелый камень, со свистомъ прорѣзавъ воздухъ, упалъ ему на голову. Шпага, бывшая у него въ рукахъ, переломилась и онъ упалъ замертво на мостовую, не услыхавъ, какъ съ одной стороны отъ него раздалось радостное восклицаніе, а съ другой — отчаянный крикъ.

Меркандонъ бросился съ кинжаломъ въ рукѣ на лежащаго безъ чувствъ Коконна. Но въ эту минуту дверь отеля Гиза отворилась, и старикъ, увидавъ засверкавшіе бердыши и шпаги, убѣжалъ. Дама, которую онъ называлъ герцогиней, высунулась дополовины изъ окна и, сверкая бриллiантами и драгоцѣнными каменьями, показывала вышедшимъ изъ отеля людямъ на Коконна и кричала:

— Вонъ! Вонъ! Напротивъ меня... Онъ въ красномъ камзолѣ... Да, да, этотъ самый!..

X.

Смерть, месса или Бастилія.

Маргарита, какъ мы уже говорили, заперла дверь и вернулась въ свою спальню. Входя туда, она увидала Гильону, которая съ ужасомъ смотрѣла на пятно крови на постели, на мебели и на коврѣ.

— Ахъ, ваше величество! — воскликнула она, когда королева вошла. — Развѣ онъ умеръ?

— Молчи, Гильона! — сказала Маргарита повелительнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ.

Она вынула изъ ридикюля вызолоченный ключъ, отперла дверь кабинета и показала Гильонѣ на раненаго молодого человѣка.

Ла-Молю удалось приподняться и добраться до окна. Маленькій кинжалъ, одинъ изъ тѣхъ, какіе носили въ то время женщины, попался ему подъ руку. Услыхавъ, что отворяется дверь, онъ схватилъ его.

— Не бойтесь, графъ,— сказала Маргарита. — Клянусь вамъ, вы въ безопасности!

Ла-Моль упалъ на колѣни.

— О, ваше величество! — воскликнулъ онъ. — Вы для меня больше, чѣмъ королева—вы божество!

— Не волнуйтесь такъ, — сказала Маргарита,— изъ вашихъ ранъ еще течетъ кровь... Посмотри, Гильона, какъ онъ блѣденъ!.. Куда вы ранены?

Ла-Моль на минуту задумался. У него болѣло все тѣло и онъ старался опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ сильнѣе чувствуется боль.

— Сначала меня, кажется ранили въ плечо,—наконецъ проговорилъ онъ, — а потомъ въ грудь. На остальныя раны не стоитъ обращать вниманіе.

— Мы сейчасъ увидимъ это, — сказала Маргарита. — Гильона, принеси мою шкатулку съ бальзамами.

Гильона вышла и тотчасъ же вернулась, держа въ одной рукѣ шкатулку, а въ другой — серебряный вызолоченный кувшинъ и куски тонкаго голландскаго полотна.

— Помоги мнѣ приподнять его, Гильона, — сказала королева Маргарита; стараясь приподняться самъ, несчастный потерялъ послѣднія силы.

— Мнѣ, право же, совѣстно, ваше величество, — сказалъ ла-Моль.—Я не могу допустить...

— Но вы должны допустить все, что я найду нужнымъ, — возразила Маргарита. — Мы можемъ спасти васъ и

съ нашей стороны было бы преступленіемъ позволить вамъ умереть.

— О! — воскликнулъ ла-Моль. — Лучше умереть, чѣмъ согласиться, чтобы вы, королева, пачкали свои руки въ моей недостойной крови... Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

И онъ почтительно отодвинулся отъ нея.

— Но вы ужъ и безъ того перепачкали своей кровью и постель и комнату ея величества,—съ улыбкой сказала Гильона.

Маргарита запахнула плащъ, чтобы закрыть алыя пятна крови на своемъ бѣломъ батистовомъ пеньюарѣ. Этотъ жестъ, полный женской стыдливости, напомнилъ ла-Молю, что онъ обнималъ и прижималъ къ своей груди эту прелестную и такъ горячо любимую королеву. При этомъ воспоминаніи легкая краска выступила на его блѣдныхъ щекахъ.

— Ваше величество, — пробормоталъ онъ. — Не можете ли вы поручить меня попеченіямъ какого-нибудь хирурга?

— Хирурга-католика, да? — спросила королева съ такимъ выраженіемъ, что ла-Моль вздрогнулъ, понявъ, что она хочетъ сказать.—Развѣ вы не знаете,—продолжала она, кротко улыбнувшись,—что насъ, французскихъ принцессъ, учатъ распознавать растенія, что мы знаемъ, какую пользу они приносятъ, и умѣемъ приготовлять бальзамы. Какъ женщины и какъ королевы, мы всегда считали своей обязанностью облегчать страданія. И мы не уступимъ самымъ лучшимъ хирургамъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ намъ льстецы. Я пользуюсь въ этомъ отношеніи нѣкоторой извѣстностью. Неужели вы не слыхали этого?.. Ну, Гильона, за работу!

Ла-Моль снова началъ было возражать. Онъ опять повторилъ, что ему пріятнѣе умереть, чѣмъ дозволить королевѣ взять на себя трудъ, при которомъ состраданіе можетъ легко перейти въ отвращеніе. Это сопротивленіе окончательно подломило его силы. Онъ пошатнулся, закрылъ глаза и во второй разъ потерялъ сознаніе.

Тогда Маргарита, схвативъ выпавшій у него изъ рукъ кинжалъ, разрѣзала шнурки, стягивавшіе его камзолъ, а Гильона другимъ кинжаломъ отпорола или, вѣрнѣе, разрѣзала рукава.

Затѣмъ, намочивъ холодной водой кусокъ полотна, она уняла кровь, лившуюся изъ плеча и груди ла-Моля, а Маргарита, взявъ золотую иглу съ тупымъ, закругленнымъ кончикомъ, стала зондировать раны, съ такой же ловкостью и осторожностью, какія выказалъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ самъ знаменитый Амбруазъ Парэ.

Рана на плечѣ была глубока, рана на груди—легкая и поверхностная; кинжалъ только скользнулъ по ребрамъ и ра

сѣкъ тѣло, не дойдя до костей. Въ обоихъ случаяхъ оружіе не проникло въ грудную клѣтку, въ эту естественную крѣпость, защищающую сердце и легкія.

— Эти раны болѣзненны, но не смертельны, — сказала прекрасная и ученая королева-хирургъ. — Дай мнѣ бальзамъ и приготовь корпіи.

Гильона, которой королева отдала это приказаніе, уже успѣла вытереть и надушить грудь молодого человѣка, его руки, похожія по формѣ на руки античной статуи, его граціозно откинутыя назадъ плечи и оттѣненную густыми кудрями шею, скорѣе подходящую для статуи изъ карарскаго мрамора, чѣмъ для изувѣченнаго, умирающаго человѣка.

— Бѣдный юноша!—прошептала Гильона, смотря не столько на свою работу, сколько на своего паціента.

— Какъ онъ красивъ, не правда ли? — сказала съ истинно королевской откровенностью Маргарита.

— Да, ваше величество, очень красивъ. Мнѣ кажется, намъ не слѣдуетъ оставлять его на полу. Его нужно поднять и положить на диванъ, къ которому теперь онъ прислонился.

— Ты права, — сказала Маргарита.

Обѣ женщины нагнулись и, напрягая всѣ силы, подняли ла-Моля и положили его на широкій диванъ съ рѣзной спинкой. Онъ стоялъ около окна, которое было открыто для освѣженія комнаты.

Раненый пришелъ въ себя. Онъ вздохнулъ, открылъ глаза, и его охватило то блаженное состояніе, которое испытываетъ раненый, когда, возвращаясь къ жизни, ощущаетъ освѣжающую прохладу вмѣсто палящаго жара и нѣжный ароматъ вмѣсто тяжелаго, непріятнаго запаха крови.

Ла-Моль прошепталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ; Маргарита улыбнулась и приложила палецъ къ губамъ.

Въ эту минуту раздалось нѣсколько ударовъ въ одну изъ дверей въ спальнѣ королевы.

— Это стучатъ въ потайной ходъ, — сказала Маргарита.

— Кто же это можетъ быть, ваше величество? — спросила, перепугавшись, Гильона.

— Я посмотрю сама, — отвѣтила Маргарита. — Побудь съ нимъ и не отходи отъ него ни на минуту.

Маргарита вошла въ спальню, затворила дверь кабинета и отворила ту, которая вела въ потайной ходъ къ королю и королевѣ-матери.

— Баронесса де-Совъ!—воскликнула она, быстро отступивъ съ выраженіемъ если не ужаса, то во всякомъ случаѣ ненависти. Ни одна женщина никогда не проститъ соперницѣ, от-

нявшей у нея хотя бы и нелюбимаго человѣка. — Баронесса де-Совъ!

— Да, это я, ваше величество, — отвѣтила баронесса, съ мольбою сложивъ руки.

— Вы — здѣсь? — еще болѣе удивленнымъ и надменнымъ тономъ спросила Маргарита.

Шарлотта упала на колѣни.

— Простите меня, ваше величество! — воскликнула она. — Я сознаю свою вину передъ вами. Но если бы вы знали... не я одна виновата въ этомъ... королева-мать приказала мнѣ...

— Встаньте, — сказала Маргарита. — Не думаю, чтобы вы пришли сюда, надѣясь оправдаться передо мной. Потрудитесь объяснить, что вамъ нужно.

— Я пришла, ваше величество, — отвѣтила Шарлотта, все еще стоя на колѣняхъ и смотря на королеву почти безумными глазами, — я пришла спросить у васъ, не здѣсь ли онъ?

— Кто? Про кого вы говорите, баронесса? Я, право, не понимаю васъ.

— Про короля.

— Про короля? Такъ вы преслѣдуете его даже здѣсь, въ моихъ комнатахъ? Но вѣдь вы знаете, что онъ не бываетъ у меня?

— Ахъ, ваше величество, — продолжала баронесса де-Совъ, не отвѣчая на оскорбительные намеки королевы и, повидимому, даже не замѣчая ихъ.—Какое счастье, если бы онъ былъ здѣсь!

— Почему же это?

— Потому что гугенотовъ убиваютъ, ваше величество, а король Наваррскій — глава гугенотовъ.

— О!—воскликнула Маргарита, схвативъ баронессу за руку и заставляя ее встать.—А я забыла, забыла! Но я никакъ не ожидала, что королю можетъ грозить такая же опасность, какъ и остальнымъ.

— Эта опасность больше, ваше величество, въ тысячу разъ больше! — воскликнула Шарлотта.

— Герцогиня Лотарингская предупреждала меня... Я говорила ему, чтобы онъ не уходилъ... Ушелъ онъ изъ Лувра?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ въ Луврѣ. Но его не могутъ найти. И если онъ не у васъ...

— Здѣсь его нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ погибъ!—съ отчаяніемъ воскликнула баронесса де-Совъ. — Королева-мать поклялась добиться его смерти!

— Его смерти!.. Но это ужасно!.. Нѣтъ, это невозможно!

— Ваше величество, — сказала баронесса де-Совъ съ энергіей и убѣдительностью страсти, — повторяю вамъ, что никто не знаетъ, гдѣ король Наваррскій.

— А гдѣ королева-мать?

— Королева-мать посылала меня за герцогомъ Гизомъ и г. Таваннымъ, которые ждали въ ея молельнѣ, а потомъ отпустила меня. Тогда—простите меня, ваше величество!—я пошла къ себѣ и ждала, какъ обыкновенно...

— Моего мужа, да? — спросила Маргарита.

— Онъ не пришелъ. Я начала искать его, разспрашивала о немъ всѣхъ. Одинъ солдатъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ, какъ король шелъ, въ сопровожденіи тѣлохранителей съ обнаженными шпагами, за нѣсколько времени до того, какъ началась рѣзня. А она началась уже часъ тому назадъ.

— Благодарю васъ, баронесса,— сказала Маргарита.— Хоть то чувство, которое побуждаетъ васъ дѣйствовать, и оскорбительно для меня, я все-таки благодарю васъ.

— Такъ простите меня, ваше величество!—сказала баронесса.—Ваше прощеніе послужитъ мнѣ поддержкой, когда я вернусь къ себѣ. Слѣдовать за вами даже издали я, конечно, не осмѣлюсь.

Маргарита протянула ей руку.

— Я пойду къ королевѣ-матери, — сказала она. — Ступайте къ себѣ. Король Наваррскій находится подъ моей охраной. Я обѣщала быть его союзницей и сдержу свое слово.

— А если вамъ не удастся добиться свиданія съ королевой-матерью, ваше величество?

— Въ такомъ случаѣ я пойду къ моему брату Карлу и поговорю съ нимъ.

— Идите, идите, ваше величество, — сказала Шарлотта, давая дорогу королевѣ. — И да поможетъ вамъ Богъ!

Маргарита вошла въ коридоръ. Дойдя до конца его, она обернулась, чтобы убѣдиться, не отстала ли отъ нея баронесса де-Совъ. Нѣтъ, та слѣдовала за ней.

Маргарита видѣла, какъ Шарлотта пошла по лѣстницѣ въ свои комнаты и, проводивъ ее глазами, отправилась дальше, къ королевѣ-матери.

Все здѣсь измѣнилось. Вмѣсто толпы угодливыхъ придворныхъ, которые всегда почтительно разступались передъ королевой Наваррской и отвѣшивали ей низкіе поклоны, теперь ей встрѣчались только солдаты съ окровавленными бердышами, въ перепачканной въ крови одеждѣ, и дворяне въ разорванныхъ плащахъ, съ почернѣвшими отъ порохового дыма лицами. Они приносили депеши и уносили приказы; одни изъ

нихъ входили, другіе уходили, и въ коридорахъ была страшная давка.

Несмотря на это, Маргарита продолжала итти впередъ и дошла, наконецъ, до передней Екатерины. Но тамъ стоялъ двойной рядъ солдатъ, которые не пропускали никого, кромѣ лицъ, знавшихъ пароль.

Маргарита тщетно пыталась пробраться черезъ эту живую ограду. Каждый разъ, какъ отворялась и затворялась дверь въ комнаты королевы-матери, она могла видѣть Екатерину. Та какъ будто помолодѣла и казалась живой и дѣятельной, какъ въ двадцать лѣтъ. Она писала, получала письма, распечатывала ихъ, отдавала приказанія, обращалась съ ласковымъ словомъ къ однимъ и улыбалась другимъ, а особенно привѣтливо тѣмъ, чья одежда была перепачкана въ крови и пыли больше, чѣмъ у остальныхъ.

Среди шума, наполнявшаго Лувръ какими-то зловѣщими звуками, съ улицы доносились ружейные выстрѣлы, которые становились все чаще и чаще.

„Мнѣ не удастся повидаться съ ней,— подумала Маргарита послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ пройти къ Екатеринѣ. — Я только напрасно теряю здѣсь время. Пойду лучше къ брату“.

Въ эту минуту въ переднюю вошелъ герцогъ Гизъ. Онъ приходилъ сообщить Екатеринѣ о смерти адмирала и теперь снова отправлялся на бойню.

— Генрихъ!—воскликнула Маргарита.—Гдѣ король Наваррскій.

Герцогъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее, съ улыбкой поклонился ей и, не отвѣчая, вышелъ со своимъ отрядомъ.

Маргарита подбѣжала къ офицеру, который собирался уходить изъ Лувра и передъ уходомъ велѣлъ солдатамъ зарядить пищали.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ король Наваррскій?—спросила она.

— Не знаю, ваше величество, — отвѣтилъ офицеръ. — Я не принадлежу къ свитѣ его величества.

— Ахъ, любезный Ренэ! —воскликнула Маргарита, увидавъ парфюмера Екатерины. — Вы только что вышли отъ моей матери. Не знаете ли, гдѣ мой мужъ?

— Его величество, король Наваррскій, не удостоиваетъ меня своимъ расположеніемъ,— сказалъ Ренэ,— вы, конечно, знаете это. Говорятъ даже,—прибавилъ онъ съ улыбкой, похожей на гримасу, — говорятъ даже, что онъ осмѣливается утверждать, будто я, при участіи королевы Екатерины, отравилъ его мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте этому, мой добрый Ренэ!

— О, мнѣ это рѣшительно все равно, ваше величество! — сказалъ Ренэ. — Ни король Наваррскій ни его сторонники не страшны теперь.

И онъ отвернулся отъ Маргариты.

— Г. Таваннъ! — воскликнула она, увидавъ проходившаго мимо Таванна. — Одно только слово... пожалуйста!

Таваннъ остановился.

— Гдѣ Генрихъ Наваррскій? — спросила Маргарита.

— Онъ, какъ кажется, вышелъ изъ Лувра вмѣстѣ съ Кондэ и герцогомъ Алансонскимъ, — громко сказалъ Таваннъ и прибавилъ такъ тихо, что только одна Маргарита могла слышать его: — Прекрасная королева! Если вы хотите видѣть короля Наваррскаго — за счастье быть на его мѣстѣ я отдалъ бы жизнь! — ступайте въ оружейный кабинетъ короля.

— О, благодарю васъ, Таваннъ!—сказала Маргарита, обратившая вниманіе только на его послѣднія слова. — Благодарю васъ. Я пойду туда.

„Послѣ того, что я обѣщала мужу,—думала Маргарита, выходя изъ передней, — послѣ того, какъ онъ такъ по-рыцарски держалъ себя со мной, когда этотъ неблагодарный герцогъ Гизъ былъ спрятанъ въ кабинетѣ, я не могу не помочь ему“.

Она постучалась въ дверь, ведущую въ королевскіе покои.

— Король не принимаетъ никого, — сказалъ офицеръ, прiотворивъ дверь, за которой стояло два ряда солдатъ.

— Но онъ приметъ меня,—возразила Маргарита.

— Приказъ относится ко всѣмъ.

— Не можетъ быть, чтобы онъ касался королевы Наваррской, сестры короля!

— Мнѣ приказано не дѣлать никакихъ исключеній. Прошу извинить меня, ваше величество.

И офицеръ снова заперъ дверь.

— Онъ погибъ, погибъ!— воскликнула Маргарита, испуганная видомъ всѣхъ этихъ мрачныхъ лицъ, выражавшихъ если не жажду мщенія, то во всякомъ случаѣ непоколебимую рѣшимость.—Да, теперь я понимаю все. Мною воспользовались, какъ приманкой, чтобы ловить и убивать гугенотовъ!.. Нѣтъ, я войду, хотя бы мнѣ пришлось поплатиться за это жизнью!

Маргарита, какъ безумная, металась по коридорамъ и галлереямъ, какъ вдругъ, проходя мимо одной маленькой двери, она услыхала тихое, монотонное пѣніе. За дверью дрожащій голосъ пѣлъ протестантскій псаломъ.

— Это кормилица брата, это добрая Мадлена, она здѣсь!— воскликнула Маргарита, которой пришла въ голову счастливая мысль.—Она здѣсь! О, Боже, помоги мнѣ!

И, полная надежды, Маргарита тихонько постучалась въ дверь.

Послѣ разговора съ Рене и предостереженія Маргариты, Генрихъ Наваррскій, какъ мы уже знаемъ, ушелъ отъ королевы-матери, откуда маленькой Фебѣ такъ не хотѣлось выпускать его. Онъ встрѣтился съ нѣсколькими товарищами-католиками, которые, какъ бы желая оказать ему любезность, дошли вмѣстѣ съ нимъ до его покоевъ. Тамъ ждали его человѣкъ двадцать гугенотовъ. Невольно поддаваясь какимъ-то смутнымъ предчувствіямъ, носившимся въ эту роковую ночь надъ Лувромъ, они рѣшили не оставлять короля Наваррскаго одного и пришли къ нему.

При первомъ ударѣ колокола на башнѣ Сенъ-Жерменъ д'Оксерруа, отдавшемся въ ихъ сердцахъ, какъ похоронный звонъ, вошелъ Таваннъ и среди гробового молчанія сказалъ Генриху, что король Карлъ IX желаетъ говорить съ нимъ.

О сопротивленіи нечего было думать; такая мысль даже не пришла никому въ голову. Во всѣхъ галлереяхъ и коридорахъ Лувра раздавались шаги солдатъ, которыхъ собралось кругомъ дворца и въ самомъ дворцѣ около двухъ тысячъ человѣкъ. Простившись съ друзьями, Генрихъ послѣдовалъ за Таванномъ, который провелъ его въ маленькую галлерею, смежную съ покоями короля, и оставилъ одного, безоружнаго, съ сердцемъ, полнымъ неясныхъ подозрѣній.

Такъ провелъ Генрихъ два долгихъ мучительныхъ часа. Съ возрастающимъ ужасомъ слушалъ онъ звонъ колокола и громъ ружейныхъ выстрѣловъ и видѣлъ въ окно, какъ пробѣгали озаренные пламенемъ пожара и свѣтомъ факеловъ какіе-то люди, за которыми гнались, повидимому, убійцы. До него доносились яростные крики и вопли отчаянія, но онъ не могъ понять, что все это значитъ; хоть онъ хорошо зналъ Карла IX, королеву-мать и герцога Гиза, онъ все-таки не подозрѣвалъ, какая ужасная драма разыгрывалась въ эту минуту.

Генрихъ не отличался особой храбростью, но зато онъ обладалъ тѣмъ, что гораздо выше — нравственной силой. Чувствуя страхъ передъ опасностью, онъ, тѣмъ не менѣе, встрѣчалъ ее съ улыбкой, когда приходилось подвергаться ей на полѣ битвы, на свѣжемъ воздухѣ, при свѣтѣ солнца, на глазахъ у всѣхъ, при рѣзкихъ звукахъ трубъ и глухой барабанной дроби. Но теперь онъ былъ одинъ, запертый въ полутемной галлереѣ, гдѣ трудно было даже разглядѣть врага, который могъ незамѣтно подкрасться къ нему и нанести ему ударъ кинжаломъ. А потому эти два часа, которые Генрихъ провелъ здѣсь, были едва ли не самыми тяжелыми часами въ его жизни.

Въ самый разгаръ ужасной охоты на людей, когда Генрихъ началъ догадываться, что это заранѣе подготовленная рѣзня, за нимъ пришелъ капитанъ и провелъ его коридоромъ въ королевскіе покои. При ихъ приближеніи двери, какъ бы по волшебству, отворились и снова затворились, когда они вошли.

Король былъ въ своемъ оружейномъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, облокотившись на его ручки и опустивъ голову на грудь. Услыхавъ шаги, онъ поднялъ голову, и Генрихъ увидалъ, что лобъ его покрытъ крупными каплями пота.

— Здравствуйте, Генрихъ,— рѣзко сказалъ молодой король.— Оставьте насъ, ла-Шастъ.

Капитанъ удалился.

На минуту наступило тяжелое молчаніе.

Генрихъ съ безпокойствомъ оглядѣлся кругомъ и убѣдился, что, кромѣ него и короля, въ комнатѣ нѣтъ никого.

Карлъ IX вдругъ всталъ и, откинувъ назадъ свои бѣлокурые волосы, вытеръ въ то же время потъ со лба.

— Вы довольны, что находитесь въ эту минуту у меня, Генрихъ — неправда ли? — спросилъ онъ.

— Конечно, ваше величество,—отвѣтилъ король Наваррскій,— я всегда счастливъ, когда бываю у васъ.

— Вамъ лучше здѣсь, чѣмъ тамъ, а? — снова спросилъ король, не обращая вниманія на комплиментъ.

— Я не понимаю васъ, государь,—сказалъ Генрихъ.

— Посмотрите и поймете.

Увлекая за собой Генриха, Карлъ быстро подошелъ къ окну и предложилъ своему зятю взглянуть въ него. И король Наваррскій увидалъ страшные силуэты убійцъ, стоявшихъ на палубѣ судна. Они рѣзали или топили несчастныхъ, которыхъ то и дѣло приводили къ нимъ.

— Но скажите же, ради Бога,— воскликнулъ Генрихъ, поблѣднѣвъ, — что такое происходитъ нынѣшней ночью?

— Нынѣшней ночью,— отвѣтилъ король, — меня избавляютъ отъ всѣхъ гугенотовъ. Видите вы вонъ тамъ, надъ отелемъ бурбонскимъ, пламя и клубы дыма. Это горитъ домъ адмирала. Теперь взгляните вотъ сюда, на трупъ, который волокутъ католики. Это тѣло зятя адмирала — это трупъ вашего друга Телиньи.

— Что же это значитъ! — воскликнулъ король Наваррскій, тщетно отыскивая кинжалъ и дрожа отъ стыда и гнѣва: онъ чувствовалъ, что надъ нимъ издѣваются и въ то же время грозятъ ему.

— Это значитъ, — отвѣтилъ Карлъ, уже не сдерживая своей ярости и страшно поблѣднѣвъ, — это значитъ, что я не желаю

больше видѣть около себя гугенотовъ, слышите, Генрихъ? Король я или нѣтъ? Властенъ я поступать, какъ хочу?

— Но, ваше величество...

— Мое величество рѣжетъ и убиваетъ въ настоящую минуту всѣхъ некатоликовъ, — сказалъ король, гнѣвъ котораго все возрасталъ. — Такова моя воля... Вы католикъ?

— Государь, — сказалъ Генрихъ, — вспомните ваши собственныя слова: „Мнѣ нѣтъ дѣла до религіи, лишь бы мнѣ служили хорошо!"

— Ха, ха, ха! — расхохотался король. — Такъ ты хочешь, чтобы я вспомнилъ свои слова, Генрихъ? — Verba volant, какъ говоритъ моя сестра Марго... А вонъ тѣ, — прибавилъ онъ, показывая на толпу, — развѣ они тоже не служили мнѣ хорошо? Развѣ не были они храбры на полѣ битвы, мудры на совѣтѣ и преданы мнѣ всегда. Всѣ они были хорошими подданными. Но они гугеноты, а я не хочу ничего, кромѣ католиковъ.

Генрихъ молчалъ.

— Понимаете вы меня, Генрихъ? — спросилъ Карлъ.

— Понимаю, ваше величество.

— Ну?

— Ну, я не вижу причины, государь, почему король Наваррскій долженъ сдѣлать то, чего не сдѣлали всѣ эти простые, бѣдные люди. Вѣдь если эти несчастные умрутъ, то только потому, что имъ предложили то, что ваше величество предлагаете мнѣ, и они отказались, какъ отказываюсь я.

Карлъ схватилъ его за руку и устремилъ на него глаза, теперь уже не тусклые, а сверкающіе, какъ уголья.

— Такъ ты воображаешь, — сказалъ онъ, — что я бралъ на себя трудъ предлагать католичество всѣмъ, кого убиваютъ тамъ?

— Государь, — сказалъ Генрихъ, высвобождая свою руку. — Развѣ не захотѣли бы и вы умереть въ вѣрѣ вашихъ предковъ?

— Клянусь Богомъ, да! А ты?

— Ну, и я тоже, ваше величество, — отвѣтилъ Генрихъ.

Карлъ вскрикнулъ отъ ярости и, протянувъ дрожащую руку, схватилъ со стола пищаль. Генрихъ, на лбу котораго выступилъ потъ, прислонился къ шпалерамъ. Но, по привычкѣ къ самообладанію, онъ ничѣмъ не выдалъ своей тревоги и, повидимому, спокойно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ грознаго монарха. Такъ цѣпенѣетъ птица подъ взглядомъ змѣи.

Король зарядилъ пищаль и грозно топнулъ ногою.

— Хочешь ты перейти въ католичество? — спросилъ онъ, поднимая оружіе.

Генрихъ не отвѣчалъ.

Съ губъ Карла сорвалось такое ужасное проклятіе, какого никогда не раздавалось подъ сводами Лувра, и блѣдное до сихъ поръ лицо его побагровѣло.

— Смерть, месса или Бастилія?—крикнулъ онъ, прицѣливаясь въ короля Наваррскаго,

— Ваше величество,—воскликнулъ Генрихъ, — неужели же вы убьете меня, вашего брата?

Съ ловкостью, присущею его характеру, Генрихъ сумѣлъ избѣжать отвѣта на вопросъ Карла, вѣрная смерть ожидала его, если бы этотъ отвѣтъ былъ отрицательный.

Такъ какъ послѣ сильныхъ припадковъ ярости тотчасъ же начинается реакція, то Карлъ не повторилъ вопроса, съ которымъ только что обращался къ королю Наваррскому. Послѣ минутнаго колебанія онъ повернулся къ открытому окну и прицѣлился въ какого-то человѣка, бѣжавшаго но набережной.

— Нужно же мнѣ убить кого-нибудь! —крикнулъ онъ, блѣдный, какъ смерть, съ налившимися кровью глазами. И, выстрѣливъ, онъ убилъ наповалъ бѣжавшаго человѣка.

Генрихъ застоналъ.

А страшно возбужденный Карлъ безъ перерыва заряжалъ свою пищаль и стрѣлялъ, радостно вскрикивая при каждомъ удачномъ выстрѣлѣ.

„Я погибъ,—подумалъ король Наваррскій.—Когда ему не въ кого будетъ стрѣлять, онъ убьетъ меня“.

— Ну, что же, — спросилъ вдругъ кто-то позади нихъ, — кончено?

Это была Екатерина Медичи; она вошла въ комнату неслышно, въ то время, какъ раздался послѣдній выстрѣлъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми! — воскликнулъ Карлъ, отшвырнувъ свою пищаль.— Нѣтъ... онъ упрямится... не хочетъ!..

Екатерина не отвѣчала. Она медленно перевела глаза на Генриха, стоявшаго такъ же неподвижно, какъ и фигуры на шпалерахъ, къ которымъ онъ прислонился, а потомъ бросила на Карла взглядъ, какъ бы говорившій: „Почему же онъ живъ?“

— Онъ живъ... онъ живъ...— пробормоталъ Карлъ, который понялъ этотъ взглядъ и отвѣчалъ на него, — онъ живъ, потому что онъ... мой родственникъ.

Екатерина улыбнулась.

Генрихъ видѣлъ эту улыбку и понялъ, что нужно бороться, главнымъ образомъ, съ Екатериной.

— Ваше величество, — сказалъ онъ ей, — я вижу, что главная роль во всемъ этомъ принадлежитъ вамъ, а не моему зятю

Карлу. Вамъ пришла въ голову мысль заманить меня въ ловушку; вы сдѣлали изъ своей дочери приманку, которая должна была погубить насъ всѣхъ; вы разлучили меня съ женой, чтобы избавить ее отъ непріятности присутствовать при убійствѣ мужа...

— Да, но это не удастся! — воскликнулъ другой женскій голосъ, страстный и задыхающійся.

Генрихъ тотчасъ же узналъ этотъ голосъ. Карлъ, услыхавъ его, вздрогнулъ отъ удивленія, Екатерина—отъ гнѣва.

— Маргарита! — воскликнулъ Генрихъ.

— Марго! — сказалъ король.

— Моя дочь! — прошептала Екатерина.

— Въ вашихъ послѣднихъ словахъ слышится обвиненіе, — сказала Маргарита, обращаясь къ Генриху. — Обвиняя меня, вы и правы и неправы. Вы правы въ томъ, что я, дѣйствительно, служила приманкой и мной воспользовались, чтобы погубить васъ всѣхъ; неправы — потому, что я не подозрѣвала этого. Я сама спаслась отъ смерти только благодаря случайности, благодаря, можетъ-быть, забывчивости моей матери. Но какъ только я узнала, что вамъ грозитъ опасность, я тотчасъ же рѣшилась исполнить свой долгъ. А долгъ жены раздѣлять судьбу мужа. Если васъ отправятъ въ ссылку — отправлюсь и я; если васъ заключатъ въ тюрьму — я пойду съ вами; если васъ убьютъ — умру и я.

И Маргарита протянула мужу руку, которую тотъ пожалъ если не съ любовью, то во всякомъ случаѣ съ глубокой признательностью.

— Ахъ, моя бѣдная Марго! — сказалъ Карлъ. — Ты бы лучше уговорила его перейти въ католичество!

— Государь,— отвѣтила Маргарита съ тѣмъ величавымъ достоинствомъ, которое было у нея въ натурѣ,— ради васъ же самихъ, не требуйте низости отъ члена вашего дома!

Екатерина бросила на Карла выразительный взглядъ.

— Братъ! — воскликнула Маргарита, которая, такъ же хорошо, какъ и Карлъ, поняла взглядъ матери.— Не забывайте, что вы сами захотѣли сдѣлать его моимъ мужемъ.

Чувствуя на себѣ повелительный взглядъ Екатерины и умоляющій — Маргариты, Карлъ съ минуту колебался, но въ концѣ-концовъ доброе начало одержало верхъ.

— Марго права, — шепнулъ онъ Екатеринѣ, — Генрихъ — мой зять.

— Да, — отвѣтила тоже шопотомъ Екатерина, наклонившись къ его уху. — Да... но если бы онъ не былъ твоимъ зятемъ!

XI.

Боярышникъ на кладбищѣ des Innocents.

Вернувшись къ себѣ, Маргарита тщетно старалась угадать, что такое шепнула Карлу Екатерина Медичи. Часть утра прошла у нея въ заботахъ о ла-Молѣ, другая — въ отгадываніи этой трудно разрѣшимой загадки.

Король Наваррскій остался плѣнникомъ въ Луврѣ. Гугенотовъ преслѣдовали больше, чѣмъ когда-либо. За ночными убійствами послѣдовала дневная рѣзня, еще болѣе ужасная. Теперь вмѣсто набата слышались благодарственные молебны и веселый звонъ колоколовъ, производившій еще болѣе тяжелое впечатлѣніе при свѣтѣ солнца, чѣмъ похоронный звонъ во мракѣ прошлой ночи.

Но это еще не все. Случилось странное событіе. Боярышникъ, который цвѣлъ весною и потерялъ, какъ всегда, свои душистые цвѣты въ іюнѣ, снова зацвѣлъ ночью. Католики, видя въ этомъ чудо, отправились въ торжественной процессіи, съ крестомъ и хоругвями на кладбище des Innocens, гдѣ росъ этотъ боярышникъ. Выходило, какъ будто само Небо одобряетъ совершаемыя убійства, и это удвоило ревность убійцъ. А въ то время, какъ въ городѣ на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ, на каждой площади происходила рѣзня, Лувръ уже сталъ общей могилой всѣхъ протестантовъ, которые были здѣсь въ ту минуту, какъ раздался первый ударъ колокола. Король Наваррскій, принцъ Кондэ и де-Муи одни только остались въ живыхъ.

Когда Маргарита успокоилась относительно ла-Моля, раны котораго, какъ она сама признала наканунѣ, были опасны, но не смертельны — у нея осталась только одна забота: спасти жизнь своего мужа, которому угрожала опасность. Прежде всего она не могла не почувствовать состраданія къ человѣку, которому поклялась, по выраженію самого беарнца, быть если не любящей женой, то во всякомъ случаѣ вѣрной союзницей. Но за этимъ чувствомъ въ сердце королевы проникло другое, не такое чистое и безкорыстное.

Маргарита была честолюбива. Выходя за Генриха Бурбонскаго, она разсчитывала сдѣлаться королевой. Наварра, отъ которой короли французскіе и испанскіе отрывали одну провинцію за другой, уменьшилась чуть не наполовину. Но она могла сдѣлаться сильнымъ государствомъ, принявъ въ свое подданство французскихъ гугенотовъ, если бы Генрихъ Бурбонскій, дѣйствительно, оказался тѣмъ храбрымъ и мужествен

нымъ человѣкомъ, какимъ онъ выказывалъ себя въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему приходилось обнажать шпагу. Маргарита, какъ умная и проницательная женщина, понимала и предвидѣла все это. Теряя Генриха, она лишалась не только мужа, но и трона.

Въ то время, какъ она размышляла обо всемъ этомъ, раздался стукъ въ потайную дверь. Маргарита вздрогнула; только трое могли притти къ ней этимъ ходомъ: король, королева-мать и герцогъ Алансонскій. Она пріотворила дверь въ кабинетъ и, сдѣлавъ Гильонѣ и ла-Молю знакъ молчать, отперл неожиданному посѣтителю.

Этотъ посѣтитель былъ Франсуа, герцогъ Алансонскій.

Она не видала его со вчерашняго дня. Въ первую минуту ей пришло въ голову попросить его вмѣшательства въ пользу короля Наваррскаго; но она тотчасъ же оставила эту мысль. Герцогъ Алансонскій былъ противъ ея брака съ Генрихомъ. Онъ ненавидѣлъ его и не предпринималъ противъ него ничего только потому, что, какъ онъ былъ увѣренъ, Генрихъ и жена его находились въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ. И если она, Маргарита, выкажетъ хоть какое-нибудь участіе къ своему мужу, это не только не удалитъ, но, пожалуй, еще приблизитъ къ его груди одинъ изъ трехъ угрожающихъ ему кинжаловъ.

Вотъ почему Маргарита, увидавъ герцога Алансонскаго, испугалась еще больше, чѣмъ если бы къ ней вошелъ король или даже сама королева-мать. По виду Франсуа никакъ нельзя было предположить, что въ городѣ или Луврѣ происходитъ что-нибудь особенное. На немъ былъ такой же, какъ всегда, изящный щегольской костюмъ; отъ бѣлья и платья его несся запахъ духовъ, которыхъ не выносилъ Карлъ IX, но постоянно употребляли герцоги Анжуйскій и Алансонскій. Только опытный взглядъ Маргариты могъ замѣтить, что, несмотря на еще болѣе блѣдное, чѣмъ обыкновенно, лицо герцога и его дрожащія руки, красивыя и выхоленныя, какъ руки женщины, онъ былъ въ сущности доволенъ и счастливъ.

Войдя въ комнату, Франсуа подошелъ поздороваться съ Маргаритой. Но вмѣсто того, чтобы подставить ему щеку, какъ она, навѣрное бы сдѣлала, если бы на его мѣстѣ былъ король или герцогъ Анжуйскій, Маргарита нагнулась и подставила для поцѣлуя лобъ.

Герцогъ Алансонскій вздохнулъ и, приложивъ свои блѣдныя губы ко лбу сестры, началъ разсказывать ей о кровавыхъ событіяхъ этой ночи: о долгой, мучительной смерти адмирала, о мгновенной смерти Телиньи, сраженнаго пулей. Онъ говорилъ

не спѣша, останавливаясь на разныхъ ужасныхъ подробностяхъ подолгу и съ любовью, какую питали къ крови и убійствамъ онъ самъ и его два брата. Маргарита молча слушала его.

Наконецъ, разсказавъ все, герцогъ замолчалъ.

— Но вѣдь ты пришелъ не для того же только, чтобы разсказывать все это?—спросила Маргарита.

Герцогъ Алансонскій улыбнулся.

— Тебѣ нужно сказать мнѣ еще что-нибудь?

— Нѣтъ, я жду.

— Чего же?

Герцогъ пододвинулъ свое кресло поближе къ креслу сестры.

— Помнишь, ты говорила мнѣ, что выходишь за короля Наваррскаго противъ воли,—спросилъ онъ,—что это бракъ вынужденный?

— Конечно, помню. Я совсѣмъ не знала короля Наваррскаго, когда былъ рѣшенъ нашъ бракъ.

— А съ тѣхъ поръ, какъ ты узнала его? Вѣдь ты говорила и потомъ, что не чувствуешь къ нему никакой любви?

— Да, я говорила это.

— И ты увѣряла, что будешь несчастна, выйдя за него замужъ?

— Если въ бракѣ не находишь величайшаго блаженства, мой милый Франсуа, то онъ почти всегда приноситъ съ собою величайшее несчастье.

— Итакъ, я жду, дорогая Маргарита.

— Чего же ты ждешь? Объясни, пожалуйста.

— Я жду, чтобы ты выказала радость.

— А чему мнѣ радоваться?

— Тому, что, благодаря счастливой случайности, тебѣ можно будетъ возвратить себѣ свободу.

— Свободу?—повторила Маргарита, которой хотѣлось, чтобы герцогъ высказался до конца.

— Конечно, свободу. Тебя разведутъ съ королемъ Наваррскимъ.

— Разведутъ?—сказала Маргарита, устремивъ глаза на брата.

Герцогъ Алансонскій попробовалъ выдержать ея взглядъ, но, видимо, смущенный, опустилъ глаза.

— Разведутъ?—повторила Маргарита.—Мнѣ хотѣлось бы узнать объ этомъ подробнѣе. На какомъ же основаніи насъ разведутъ?

— На томъ основаніи,—пробормоталъ герцогъ,—что Генрихъ—гугенотъ.

— Но вѣдь онъ не скрывалъ своей религіи, и когда состоялся нашъ бракъ, всѣ знали, что онъ гугенотъ.

— Ну, а послѣ брака? — спросилъ герцогъ, и лицо его просіяло, несмотря на то, что онъ старался скрыть свою радость. — Что дѣлалъ Генрихъ послѣ брака?

— Ты знаешь это лучше, чѣмъ кто-либо другой, Франсуа, потому что онъ проводилъ почти цѣлые дни въ твоемъ обществѣ. Вы вмѣстѣ охотились, вмѣстѣ играли въ мячъ или въ шары...

— Цѣлые дни — такъ, — сказалъ герцогъ. — А ночи?

Маргарита замолчала и, въ свою очередь, опустила глаза.

— А ночи... — повторилъ герцогъ.

— Ну? — спросила Маргарита, чувствуя, что нужно что-нибудь сказать.

— А ночи онъ проводилъ у баронессы де-Совъ

— Почему ты знаешь это?! — воскликнула Маргарита.

— Потому что это интересовало меня, — отвѣтилъ герцогъ, поблѣднѣвъ еще больше и обрывая шитье съ своихъ рукавовъ.

Теперь Маргарита сообразила, что шепнула Карлу IX королева-мать; но она сдѣлала видъ, какъ будто ни о чемъ не догадывается.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ все это, Франсуа? — спросила она, прикинувшись глубоко опечаленной. — Не затѣмъ ли, чтобы напомнить мнѣ, что никто здѣсь не любитъ меня и не дорожитъ мною: ни тѣ, кого сама природа сдѣлала моими покровителями, ни тотъ, кого Церковь сдѣлала моимъ мужемъ?

— Ты несправедлива, — живо возразилъ герцогъ Алансонскій, придвигаясь еще ближе къ сестрѣ. — Я люблю тебя и всегда готовъ защищать и охранять тебя.

— Братъ, — сказала Маргарита, пристально взглянувъ на него. — Не нужно ли тебѣ передать мнѣ что-нибудь отъ королевы-матери?

— Мнѣ? Нѣтъ, ты ошибаешься, Маргарита, клянусь тебѣ! Почему это пришло тебѣ въ голову?

— Потому, что ты, повидимому, желаешь разорвать дружбу съ моимъ мужемъ, не хочешь больше быть его сторонникомъ.

— Его сторонникомъ? — съ удивленіемъ повторилъ герцогъ.

— Конечно, такъ. Будемъ говорить откровенно, Франсуа. Ты самъ не разъ соглашался, что тебѣ и моему мужу нужно поддерживать другъ друга, что только въ такомъ случаѣ вамъ удастся возвыситься. Этотъ союзъ...

— Сдѣлался невозможнымъ, Маргарита, — докончилъ герцогъ Алансонскій.

— Почему же это?

— Потому что король имѣетъ свои виды на твоего мужа... Извини! Я ошибся, назвавъ его твоимъ мужемъ; мнѣ слѣдовало сказать: на Генриха Наваррскаго. Наша мать угадала все. Я вступилъ въ союзъ съ гугенотами, полагая, что они въ силѣ. Но оказывается, что ихъ убиваютъ и черезъ какую-нибудь недѣлю во всемъ государствѣ не останется пятидесяти гугенотовъ. Я относился дружески къ королю. Я отнесся дружески къ королю Наваррскому, какъ къ твоему мужу. Но онъ тебѣ не мужъ. Что скажешь на это ты, не только самая красивая, но и самая умная женщина во Франціи?

— Я скажу, — отвѣтила Маргарита, — что хорошо знаю нашего брата Карла. Вчера съ нимъ былъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ гнѣва, изъ которыхъ каждый укорачиваетъ его жизнь на десять лѣтъ. Я скажу, что эти припадки повторяются теперь, къ сожалѣнію, слишкомъ часто, а потому Карлъ, по всей вѣроятности, проживетъ недолго. Я скажу, что польскій король умеръ и что на его мѣсто думаютъ избрать одного изъ французскихъ принцевъ. Я скажу, наконецъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ разрывать съ союзниками, которые, въ случаѣ войны, могутъ поддержать насъ.

— А ты! — воскликнулъ герцогъ. — Ты измѣняешь мнѣ еще больше, предпочитая посторонняго брату!

— Объяснись, Франсуа. Какъ и когда измѣнила я тебѣ?

— Вчера ты упросила короля пощадить жизнь Генриха Наваррскаго.

— Ну, что же изъ этого? — съ притворной наивностью спросила Маргарита.

Герцогъ порывисто всталъ, съ разстроеннымъ видомъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, а потомъ подошелъ къ Маргаритѣ и подалъ ей руку.

Она была холодна, какъ ледъ.

— Прощай, сестра, — сказалъ онъ. — Ты не захотѣла понять меня. Не вини же никого, кромѣ себя, за всѣ несчастія, которыя могутъ постигнуть тебя.

Маргарита поблѣднѣла, но не тронулась съ мѣста. Она проводила глазами герцога Алансонскаго и не попросила его вернуться. Но онъ, пройдя нѣсколько шаговъ по коридору, вернулся самъ.

— Послушай, Маргарита, — сказалъ онъ, — я забылъ предупредить тебя объ одномъ. Завтра въ это время короля Наваррскаго уже не будетъ въ живыхъ.

Маргарита вскрикнула: мысль, что она будетъ орудіемъ убійства, привела ее въ ужасъ, который она была не въ силахъ скрыть.

— И ты ничего не сдѣлаешь, чтобы помѣшать этому? — спросила она. — Ты не спасешь самаго лучшаго и вѣрнѣйшаго своего союзника?

— Со вчерашняго дня мой союзникъ не король Наваррскій!

— А кто же?

— Герцогъ Гизъ. Истребляя гугенотовъ, герцогъ Гизъ сдѣлался королемъ католиковъ.

— И сынъ Генриха II признаетъ своимъ королемъ герцога Лотарингскаго?

— Ты сегодня очень несообразительна, Маргарита, и ничего не понимаешь.

— Сознаюсь, что мнѣ очень трудно понять тебя.

— Ты по своему происхожденію не ниже жены герцога Гиза, а Гизъ можетъ умереть такъ же легко, какъ и король Наваррскій. Предположимъ теперь три весьма вѣроятныя вещи. Во-первыхъ, что герцога Анжуйскаго выберутъ королемъ Польши; во-вторыхъ, что ты полюбишь меня такъ же, какъ я люблю тебя; въ-третьихъ, что я буду королемъ французскимъ, а ты, а ты... королевой католиковъ.

Маргарита закрыла лицо руками. Ее ослѣпила глубина замысловъ этого юноши, котораго никто при дворѣ не считалъ особенно умнымъ и дальновиднымъ.

— Значитъ, ты не ревнуешь меня къ герцогу Гизу, какъ ревновалъ къ королю Наваррскому? — спросила послѣ небольшого молчанія Маргарита.

— Сдѣланнаго не воротишь, — глухимъ голосомъ сказалъ герцогъ Алансонскій. — И если у меня были основанія ревновать къ герцогу—ну, что жъ?—я и ревновалъ къ нему.

— Твоему прекрасному плану можетъ помѣшать только одно.

— Что же?

— То, что я уже не люблю герцога Гиза.

— А кого же ты любишь?

— Никого.

Герцогъ Алансонскій съ удивленіемъ взглянулъ на Маргариту; видно было, что и онъ, въ свою очередь не понимаетъ ея. Онъ вздохнулъ и, сжавъ холодной рукой свой пылающій лобъ, вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Маргарита глубоко задумалась. Теперь все стало ясно для нея. Король допустилъ рѣзню гугенотовъ; Екатерина и герцогъ Гизъ взяли на себя роль главныхъ испол-

телей; герцогъ Гизъ и герцогъ Алансонскій соединились, чтобы извлечь изъ избіенія гугенотовъ возможно большую пользу для себя лично. Смерть короля Наваррскаго была естественнымъ слѣдствіемъ этого избіенія. А когда онъ умретъ, Наварра погибнетъ, ею завладѣютъ. И Маргарита останется вдовой, безъ престола, безъ власти, не имѣя въ виду ничего, кромѣ монастыря, гдѣ она даже не будетъ имѣть утѣшенія. оплакивать супруга, который никогда не былъ ея мужемъ.

Въ то время, какъ она размышляла обо всемъ этомъ, королева Екатерина прислала узнать, не хочетъ ли она отправиться со всѣмъ дворомъ на кладбище des Innocents, гдѣ чудеснымъ образомъ расцвѣлъ боярышникъ.

Въ первую минуту Маргарита хотѣла отказаться, но тотчасъ же одумалась, сообразивъ, что во время этой поѣздки ей можетъ представиться случай узнать что-нибудь о судьбѣ короля Наваррскаго. Итакъ, она велѣла сказать Екатеринѣ, что съ удовольствіемъ будетъ сопровождать ее и короля.

Черезъ пять минутъ пажъ доложилъ ей, что всѣ уже готовы и собираются ѣхать. Маргарита попросила Гильону присмотрѣть за ла-Молемъ и сошла внизъ.

Король, королева-мать, Таваннъ и самые знатные и ревностные католики уже сидѣли на лошадяхъ. Маргарита быстро оглядѣла общество, состоявшее человѣкъ изъ двадцати; короля Наваррскаго не было тутъ.

Но баронесса де-Совъ была здѣсь. Она обмѣнялась взглядомъ съ Маргаритой, и та поняла, что любовница ея мужа хочетъ сказать ей что-то.

Кавалькада двинулась и вскорѣ выѣхала на улицу Сентъ-Онорэ. При видѣ короля, королевы Екатерины и знатныхъ католиковъ толпа народа двинулась за ними, какъ прорвавшійся потокъ, крича: „Да здравствуетъ король! Да здравствуютъ католики! Смерть гугенотамъ!“

Крича это, народъ размахивалъ окровавленными шпагами и дымящимися пищалями, по которымъ было видно о той долѣ участія, которое принималъ каждый въ страшной рѣзнѣ.

На улицѣ де-Прувель кавалькада встрѣтилась съ людьми, тащившими обезглавленный трупъ. Это былъ трупъ адмирала. Его тащили, чтобы повѣсить ногами вверхъ на площади Монфоконъ.

На кладбищѣ des Ionnocents духовенство, предупрежденное о пріѣздѣ короля и королевы-матери, вышло навстрѣчу ихъ величествамъ, чтобы привѣтствовать ихъ.

Въ то время, какъ Екатерина слушала обращенную къ ней рѣчь, баронесса де-Совъ поспѣшила воспользоваться удобнымъ

случаемъ и, подойдя къ Маргаритѣ, попросила позволенія поцѣловать у ней руку. Маргарита исполнила ея просьбу и баронесса, цѣлуя ей руку, незамѣтно всунула ей въ рукавъ маленькую записочку.

Несмотря на то, что Шарлотта отошла только на минуту, Екатерина замѣтила это и обернулась въ то самое время, какъ ея статсъ-дама цѣловала руку Маргариты.

Обѣ женщины увидали этотъ взглядъ, пронизавшій ихъ какъ молнія, но сдѣлали видъ, какъ будто не замѣтили его. Баронесса отошла отъ Маргариты и снова заняла свое мѣсто около королевы-матери.

Отвѣтивъ на привѣтственную рѣчь, Екатерина улыбнулась и сдѣлала своей дочери знакъ подойти къ ней.

Маргарита повиновалась.

— Ты, повидимому, очень подружилась съ баронессой де-Совъ, дочь моя? — спросила она.

Маргарита улыбнулась и придала своему прелестному лицу грустное и горькое выраженіе.

— Да, матушка, — отвѣтила она. — Змѣя ужалила меня въ руку.

— Ага! — съ улыбкой сказала Екатерина. — Ты, какъ видно, ревнуешь?

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, ваше величество, — отвѣтила Маргарита. — Я такъ же мало ревную короля Наваррскаго, какъ самъ онъ любитъ меня. Я только умѣю отличать моихъ друзей отъ враговъ. Я люблю тѣхъ, кто любитъ меня, а тѣхъ, кто ненавидитъ меня, тоже ненавижу. Вѣдь я ваша дочь, ваше величество.

Екатерина снова улыбнулась, и по ея улыбкѣ Маргарита поняла, что если у ея матери и были какія-нибудь подозрѣнія, то теперь они исчезли.

Въ это время новое, только что прибывшее общество привлекло вниманіе августѣйшихъ особъ. Пріѣхалъ герцогъ Гизъ со своей свитой, разгоряченной недавней рѣзней. Они провожали роскошно убранныя носилки, которыя остановились противъ короля.

— Герцогиня Неверская! — воскликнулъ Карлъ IX. — Выходите, выходите! Примите мои поздравленія, прекрасная и ревностная католичка! Я слышалъ, кузина, что вы, стоя у окна, стрѣляли въ гугенотовъ и даже убили камнемъ одного изъ нихъ.

Герцогиня Неверская сильно покраснѣла.

— Государь, — тихо сказала она, опускаясь на колѣни передъ королемъ, — я, напротивъ, имѣла счастье спасти одного раненаго католика.

— Хорошо, хорошо, кузина. Мнѣ можно служить двумя способами: или уничтожая моихъ враговъ, или помогая моимъ друзьямъ. Всякій дѣлаетъ, что можетъ, и я увѣренъ, что вы сдѣлали бы больше, если бъ могли.

Между тѣмъ народъ, видя, въ какомъ согласіи находятся между собою король и Лотарингскій домъ, началъ кричать: „Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ герцогъ Гизъ! Да здравствуютъ католики!“

— Вы поѣдете въ Лувръ вмѣстѣ съ нами, Генріэтта?—спросила королева-мать.

Маргарита дотронулась до локтя своей пріятельницы, которая, понявъ этотъ знакъ, сказала:

— Нѣтъ, ваше величество, если не получу на то вашего приказанія. Мнѣ нужно остаться въ городѣ съ королевой Наваррской.

— Что же вы будете дѣлать въ городѣ? — спросила Екатерина.

— Мы хотимъ взглянуть на очень рѣдкія греческія книги,— сказала Маргарита. — Ихъ нашли въ домѣ одного стараго протестантскаго пастора и перенесли въ башню Сенъ-Жакъ-де-Бутери.

— Вы бы лучше посмотрѣли, какъ будутъ бросать съ моста въ Сену послѣднихъ гугенотовъ, — сказалъ Карлъ IX. — Вотъ гдѣ мѣсто для настоящихъ французовъ.

— Мы отправимся туда, если это угодно вашему величеству, — отвѣтила герцогиня Неверская.

Екатерина кинула подозрительный взглядъ на двухъ молодыхъ женщинъ. Маргарита, слѣдившая за каждымъ ея движеніемъ, замѣтила это и, принявъ озабоченный видъ, стала тревожно оглядываться по сторонамъ.

Эта тревога, истинная или притворная, обратила на себя вниманіе Екатерины!

— Кого ты ищешь? — спросила она.

— Я ищу... ее, кажется, нѣтъ...

— Кого нѣтъ?

— Баронессы де-Совъ, — сказала Маргарита. — Или она уже вернулась въ Лувръ?

— Я говорила, что ты ревнуешь! — шепнула своей дочери Екатерина. — О, bestia!.. Ну, что же, Генріэтта, — сказала она, пожавъ плечами, — возьмите съ собой королеву Наваррскую.

Маргарита еще нѣсколько разъ безпокойно оглядѣлась по сторонамъ, а потомъ, нагнувшись къ уху своей пріятельницы, шепнула ей:

— Увези меня поскорѣе. Я должна сообщить тебѣ очен важныя вещи.

Герцогиня низко поклонилась Карлу IX и Екатеринѣ и, обратившись къ королевѣ Наваррской, спросила:

— Не соблаговолите ли вы, ваше величество, сѣсть въ мои носилки?

— Съ удовольствіемъ. Только вамъ потомъ придется отвезти меня назадъ въ Лувръ.

— Мои насилки, мои люди и я сама къ услугамъ вашего величества, — отвѣтила герцогиня.

Маргарита вошла въ носилки и знакомъ пригласила сѣсть герцогиню. Та почтительно поклонилась и заняла переднее мѣсто.

Екатерина вернулась съ своей свитой въ Лувръ той же дорогой, по которой пріѣхала. Въ продолженіе всего пути она шептала что-то на ухо королю и нѣсколько разъ показывала ему на баронессу де-Совъ. А король смѣялся своимъ обычнымъ смѣхомъ, болѣе зловѣщимъ, чѣмъ угрозы.

Какъ только носилки тронулись, Маргарита, которой уже нечего было бояться проницательныхъ глазъ Екатерины, вынула изъ рукава записочку баронессы де-Совъ и прочитала ее:

„Мнѣ приказано отдать сегодня королю Наваррскому два ключа: одинъ отъ комнаты, въ которой онъ запертъ, другой— отъ моей. И когда онъ придетъ ко мнѣ, я должна задержать его до шести часовъ утра. Подумайте, ваше величество, и рѣшите, что нужно дѣлать, не обращая вниманія на меня, не ставя мою жизнь ни во что“.

— Да, сомнѣнія нѣтъ, — сказала Маргарита, — Этой бѣдной женщиной хотятъ воспользоваться, какъ орудіемъ, чтобы погубить насъ всѣхъ. Но они увидятъ, что не такъ-то легко сдѣлать монахиню изъ королевы Марго, какъ называетъ меня мой братъ Карлъ.

— Отъ него это письмо? — спросила герцогиня Неверская, показывая на записку, которую Маргарита снова внимательно перечитала.

— Ахъ, герцогиня, мнѣ много, много нужно разсказать тебѣ, — отвѣтила Маргарита, разрывая записку на мелкіе куски.

XII.

Признанія.

— Куда же мы ѣдемъ, Генріэтта? — спросила Маргарита. — Надѣюсь, не на мостъ, съ котораго будутъ бросать въ С

гугенотовъ?-Я ужъ и безъ того видѣла достаточно убійствъ со вчерашняго дня.

— Я взяла на себя смѣлость, ваше величество...

— Прежде всего мое величество проситъ тебя забыть о моемъ величествѣ. Итакъ, куда же ты везешь меня?

— Въ отель Гиза, если вы ничего не имѣете противъ.

— Конечно, ничего. Вези меня къ. себѣ, Генріэтта. Вѣдь ни герцога Гиза ни твоего мужа тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула герцогиня, и прекрасные, зеленые, какъ изумрудъ, глаза ея радостно блеснули. — Въ отелѣ нѣтъ ни моего мужа, ни зятя, никого! Я свободна—свободна, какъ воздухъ, какъ птица, какъ облако!.. Слышите, королева, я свободна. Понимаете ли вы, сколько счастья въ этомъ словѣ: свободна? Я пріѣзжаю, уѣзжаю, распоряжаюсь! Ахъ, бѣдная королева! Вы не свободны и потому вздыхаете...

— Ты уѣзжаешь, пріѣзжаешь, распоряжаешься. И это все? Свобода нужна тебѣ только для этого? Полно, отъ такой свободы ты не была бы такъ весела.

— Ваше величество хотѣли подать мнѣ примѣръ откровенности...

— Опять, ваше величество? Ну, смотри, мы поссоримся, Генріэтта. Развѣ ты забыла нашъ уговоръ?

— Конечно, нѣтъ. Я должна относиться къ вамъ почтительно, какъ къ королевѣ, при людяхъ и быть твоимъ другомъ и повѣренной, когда мы наединѣ. Вѣдь такъ, королева—такъ, Маргарита?

— Да, да, — улыбаясь, отвѣтила королева.

— Ни фамильной вражды ни вѣроломства въ любви. Мы должны быть искренни, должны откровенно говорить другъ другу все. Это союзъ оборонительный и наступательный, заключенный съ цѣлью ловить на лету эфемерное счастье.

— Такъ, такъ, герцогиня, совершенно вѣрно. И чтобы скрѣпить союзъ, поцѣлуй меня.

Двѣ прелестныя женщины, одна—блѣдная и грустная, другая—розовая, бѣлокурая, смѣющаяся, граціозно склонились одна къ другой и крѣпко поцѣловались.

— Итакъ, у тебя есть что-то новенькое? — спросила герцогиня, съ любопытствомъ смотря на Маргариту.

— Все стало новымъ въ послѣдніе два дня.

— О, я говорю не о политикѣ, а о любви. Когда мы будемъ такихъ лѣтъ, какъ твоя мать Екатерина, мы тоже займемся политикой. Но вѣдь намъ по двадцати лѣтъ, прекрасная королева, и потому мы поговоримъ о другомъ... Ужъ ты въ самомъ дѣлѣ не полюбила ли мужа?

— Мужа? — смѣясь, спросила Маргарита.

— Ну, твой отвѣтъ успокоилъ меня.

— А то, что успокаиваетъ тебя, Генріэтта, приводитъ въ ужасъ меня. Мнѣ необходимо сблизиться съ мужемъ.

— Когда?

— Завтра.

— Неужели? Бѣдная королева! Развѣ это такъ необходимо?

— Крайне необходимо.

— Mordi! — какъ говоритъ одинъ мой знакомый, — это очень грустно!

— У тебя есть знакомый, который говоритъ: „Mordi"? — смѣясь, спросила Маргарита.

— Да.

— Кто же это?

— Ты все только спрашиваешь, тогда какъ тебѣ нужно разсказывать первой. Кончай сначала свое, а потомъ начну я.

— Вотъ тебѣ въ двухъ словахъ все: король Наваррскій влюбленъ и ко мнѣ совершенно равнодушенъ. Я не влюблена, но тоже совершенно равнодушна къ нему. И, несмотря на это, намъ въ теченіе однѣхъ сутокъ нужно измѣниться и не быть или хотя не казаться равнодушными.

— Такъ измѣнись ты; тогда, навѣрное, измѣнится и онъ.

— Это невозможно. Я меньше, чѣмъ когда-либо, расположена измѣнить эти отношенія.

— То-есть отношенія къ твоему мужу? И только къ нему, надѣюсь?

— Знаешь ли, Генріэтта? Меня мучитъ сомнѣніе.

— Какого рода?

— Религіозное. Дѣлаешь ты какое-нибудь различіе между католиками и протестантами?

— Въ политикѣ?

— Да.

— Конечно, дѣлаю.

— А въ любви?

— Въ любви — дѣло другое. Мы, женщины, такія язычницы, что допускаемъ всѣ секты и поклоняемся многимъ богамъ.

— Въ лицѣ одного?

— Да, одного, — отвѣтила герцогиня, глаза которой сверкнули самымъ языческимъ блескомъ, — того, котораго зовутъ Эротомъ, Купидономъ, Амуромъ, у котораго есть крылья, колчанъ и повязка на глазахъ... Mordi! Да здравствуетъ благочестіе!

— Однако ты молишься только за одну сторону; въ гугенотовъ ты бросаешь каменьями.

— Пусть говорятъ, что хотятъ... Замѣчала ты, Маргарита, какими каменьями становятся въ устахъ черни самыя высокія мысли, самыя великія дѣла?

— Черни?.. Да вѣдь тебѣ говорилъ комплименты по поводу твоихъ подвиговъ мой братъ Карлъ.

— Богъ съ ними, съ его комплиментами: они не нужны мнѣ. И я отвѣтила твоему брату Карлу... Развѣ ты не слыхала моего отвѣта?

— Нѣтъ, ты говорила очень тихо.

— Тѣмъ лучше, значитъ, у меня будетъ еще больше новостей для тебя... Ну, доканчивай же свое признаніе, Маргарита.

— Дѣло въ томъ... въ томъ... .

— Ну?

— Дѣло въ томъ, что я, съ своей стороны, не рѣшилась бы бросить камень, о которомъ говорилъ мой братъ Карлъ.

— Понимаю! — воскликнула Генріэтта. — Значитъ, ты выбрала гугенота? Ну, что же, бѣда не велика. Для успокоенія твоей совѣсти обѣщаю тебѣ при первомъ удобномъ случаѣ тоже выбрать себѣ гугенота.

— Ага! Значитъ, теперь ты выбрала католика?

— Mordi! — воскликнула герцогиня.

— Хорошо, хорошо, понимаю!

— А каковъ твой гугенотъ?

— Онъ — ничто для меня и, по всей вѣроятности, навсегда останется ничѣмъ.

— Но вѣдь это не мѣшаетъ тебѣ описать его. Ты знаешь, какъ я любопытна.

— Это молодой человѣкъ, красивый, какъ статуя Бенвенутто Челлини... Онъ искалъ спасенія въ моей комнатѣ.

— Ага! И ты совсѣмъ не приглашала его?

— Бѣдный юноша! Не смѣйся, Генріэтта, онъ находится въ настоящую минуту между жизнью и смертью. Онъ опасно раненъ.

— Раненый гугенотъ! Однако, это ужасно неудобно, особенно въ теперешнее время. А что же дѣлаешь ты съ этимъ гугенотомъ, который ничто для тебя и, по всей вѣроятности, навсегда останется ничѣмъ?

— Онъ лежитъ у меня въ кабинетѣ. Я скрываю его и хочу спасти.

— Онъ молодъ, онъ красивъ, онъ раненъ. Ты прячешь его у себя въ кабинетѣ и хочешь спасти. Этотъ гугенотъ будетъ очень неблагодаренъ, если не почувствуетъ къ тебѣ признательности.

— Онъ и теперь... Боюсь, что онъ признателенъ мнѣ больше, чѣмъ я бы желала.

— И онъ интересуетъ тебя, этотъ бѣдный молодой человѣкъ?

— Да, я интересуюсь имъ... изъ человѣколюбія.

— А, изъ человѣколюбія! Вотъ оно-то и губитъ насъ, женщинъ, моя бѣдная королева!

— И такъ какъ каждую минуту король, герцогъ Алансонскій, моя мать, мой мужъ, наконецъ, могутъ войти ко мнѣ...

— То ты хочешь попросить меня, чтобы я спрятала твоего гугенота у себя, пока онъ боленъ, но съ условіемъ отдать его тебѣ, когда онъ выздоровѣетъ. Вѣдь такъ?

— Смѣйся, смѣйся! Нѣтъ, увѣряю тебя, я не загадываю такъ далеко. Но если бы ты нашла средство спрятать этого бѣднаго юношу, если бы ты сохранила ему жизнь, которую я спасла, то должна сознаться, что была бы очень, очень благодарна тебѣ. Ты теперь пользуешься полной свободой въ отелѣ Гиза; тамъ нѣтъ ни твоего зятя ни твоего мужа и потому некому слѣдить за тобой и стѣснять тебя. Около твоей спальни, въ которую — какое счастье! — никто не имѣетъ права войти, есть кабинетъ, совершенно такой же, какъ у меня. Отдай его мнѣ для моего гугенота; когда онъ выздоровѣетъ, ты отворишь клѣтку и птица улетитъ.

— Тутъ есть только одно затрудненіе, моя дорогая королева: дѣло въ томъ, что клѣтка ужъ занята.

— Какъ? Значитъ, ты тоже спасла кого-нибудь?

— Это самое я и сказала твоему брату.

— А, понимаю! Такъ вотъ почему ты говорила такъ тихо, что я ничего не разслыхала.

— Слушай, Маргарита! Со мной случилась удивительная исторія, такая же чудесная и поэтичная, какъ твоя. Оставивъ тебѣ шесть солдатъ, я съ шестью остальными вернулась въ отель Гиза и видѣла, какъ грабили и подожгли домъ, отдѣленный отъ отеля моего брата только улицей де-Катръ-Фисъ. Вдругъ я услыхала крики женщинъ и проклятія мужчинъ. Я вышла на балконъ и прежде всего мнѣ бросилась въ глаза поражавшая все и всѣхъ шпага, блескъ которой, казалось, освѣщалъ всю улицу. Я съ восхищеніемъ смотрѣла на нее: я люблю все прекрасное. Потомъ я, конечно, стала искать руку, которая наносила удары этой шпагой, и человѣка, которому принадлежала эта рука. Наконецъ, я увидала его, этого героя, Аякса, и услыхала его могучій голосъ. Я пришла въ восторгъ, я трепетала, вздрагивала при каждомъ ударѣ, который угрожалъ ему, при каждомъ ударѣ, который наносилъ онъ сам

Въ эти четверть часа я испытывала такое чувство, какого не испытала никогда въ жизни, которое даже не считала возможнымъ. Я стояла неподвижно, задерживая дыханіе, и была не въ силахъ произнести ни слова, какъ вдругъ мой герой исчезъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Подъ камнемъ, который бросила въ него какая-то старуха. Тогда ко мнѣ, какъ къ Киру, вернулся даръ слова, и я закричала: „Помогите! Помогите!“ Солдаты вышли, подняли его и перенесли въ ту комнату, которую ты просишь для своего гугенота.

— Увы! Твоя исторія, моя милая Генріэтта, тѣмъ понятнѣе мнѣ, что она удивительно похожа на мою.

— Съ тою только разницей, королева, что я оказываю услугу королю и религіи, а потому мнѣ не нужно отсылать отъ себя графа Аннибала де-Коконна.

— Его зовутъ Аннибалъ де-Коконна? — расхохотавшись воскликнула Маргарита.

— Это грозное имя, не правда ли? — сказала Генріэтта. — И онъ вполнѣ достоинъ его. Какой боецъ, mordi! И сколько крови онъ пролилъ!.. Ну, надѣвай теперь маску, Маргарита: вотъ отель.

— Зачѣмъ надѣвать мнѣ маску?

— Потому, что я хочу показать тебѣ моего героя.

— Онъ красивъ?

— Во время боя онъ показался мнѣ красавцемъ. Положимъ, это было ночью и я видѣла его при свѣтѣ факеловъ. Сегодня утромъ, при дневномъ свѣтѣ, онъ, сказать правду, сталъ какъ будто похуже. Думаю, впрочемъ, что онъ понравится тебѣ.

— Значитъ, моего гугенота не примутъ въ отелѣ Гиза. Очень жаль, такъ какъ здѣсь его ни въ какомъ случаѣ не стали бы искать.

— Почему не примутъ? Я велю перенести его сюда сегодня же вечеромъ. Одинъ можетъ лежать въ правомъ углу, а другой — въ лѣвомъ.

— Но вѣдь если они узнаютъ, что одинъ изъ нихъ гугенотъ, а другой католикъ, то они съѣдятъ другъ друга.

— Ну, этого опасаться нечего. Коконна нанесли такой ударъ въ лицо, что онъ почти ничего не видитъ, а твой гугенотъ такъ раненъ въ грудь, что едва можетъ двигаться. И если ты посовѣтуешь ему не поднимать разговора о религіи, то все пойдетъ прекрасно.

— Хорошо, сдѣлаемъ такъ.

— Значитъ, рѣшено. Идемъ.

— Благодарю тебя,—сказала Маргарита, сжимая руку своей пріятельницы.

— Теперь, ваше величество, вы снова становитесь королевой, — сказала герцогиня Неверская.— Позвольте мнѣ принять васъ въ отелѣ Гиза, какъ слѣдуетъ принимать королеву Наваррскую.

Герцогиня вышла изъ носилокъ и опустилась чуть не на колѣни, помогая выйти Маргаритѣ. Потомъ, показавъ ей на дверь отеля, охраняемую двумя часовыми съ пищалями въ рукахъ, она дала ей дорогу. И Маргарита величественно пошла впередъ, а за ней, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, послѣдовала, принявъ самый почтительный видъ, Генріэтта. Придя вслѣдъ за королевой въ свою комнату, герцогиня затворила дверь и позвала свою горничную, ловкую и проворную сициліанку.

— Какъ чувствуетъ себя графъ, Мика? — спросила она поитальянски.

— Все лучше и лучше, — отвѣтила Мика.

— А что онъ дѣлаетъ?

— Онъ кушаетъ, сударыня.

— Это хорошій признакъ, — сказала Маргарита. — Если у него явился аппетитъ, значитъ, онъ выздоравливаетъ.

— Ахъ, я и забыла, что ты ученица Амбруаза Парэ... Можешь итти, Мика.

— Ты ее отпускаешь?

— Да, чтобы она караулила и никого не пускала сюда.

Мика ушла.

— Ну, что же?—спросила герцогиня.—Сама ты войдешь къ Коконна или хочешь, чтобы онъ пришелъ сюда?

— Ни то ни другое. Я хочу взглянуть на него такъ, чтобы онъ не видалъ меня.

— Но вѣдь ты въ маскѣ?

— Онъ можетъ узнать меня по волосамъ, по рукамъ, по какой-нибудь бездѣлушкѣ.

— Ого! Какая же она стала осторожная, моя прекрасная королева, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ!

Маргарита улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ остается только одинъ способъ,—сказала герцогиня.

— Какой?

— Посмотрѣть на него въ замочную скважину.

— Хорошо. Веди меня.

Герцогиня взяла Маргариту за руку, привела ее къ двери, откинула закрывавшую ее портьеру, встала на колѣни и приложила глазъ къ замку, въ которомъ не было ключа.

— Отлично! — прошептала она. — Онъ сидитъ за столомъ, обернувшись лицомъ въ нашу сторону. Иди!

Маргарита заняла мѣсто своей пріятельницы и тоже взглянула въ замочную скважину. Коконна сидѣлъ за богато сервированнымъ столомъ и, несмотря на свои раны, кушалъ съ большимъ аппетитомъ.

— О, Господи! — прошептала, отодвигаясь, Маргарита.

— Что съ тобою? — съ удивленіемъ спросила герцогиня.

— Не можетъ быть!.. Нѣтъ!.. Да!.. Клянусь Богомъ, это онъ!

— Кто онъ?

— Тсъ! — прошептала Маргарита, приподнимаясь и схвативъ за руку герцогиню. — Это тотъ самый человѣкъ, который хотѣлъ убить моего гугенота, который гнался за нимъ, не постѣснился вбѣжать въ мою спальню и ударить его шпагой въ то время, какъ тотъ чуть не лежалъ у меня въ объятіяхъ! Ахъ, Генріетта, какое счастье, что я не вошла къ нему!

— Значитъ, ты видѣла его, когда онъ бился. Онъ былъ хорошъ, не правда ли?

— Не знаю. Я смотрѣла на того, кого онъ преслѣдовалъ.

— И котораго зовутъ?..

— Ты не скажешь его имени Коконна?

— Нѣтъ, даю тебѣ слово.

— Его зовутъ Леракъ де-ла-Моль.

— А какъ ты находишь его теперь?

— Кого? Ла-Моля?

— Нѣтъ, Коконна.

— Говоря откровенно, — сказала Маргарита, — я нахожу...

И она остановилась, не докончивъ фразы.

— Такъ, такъ, — сказала герцогиня. — Ты, какъ я вижу, обидѣлась на него за то, что онъ ранилъ твоего гугенота.

— Ну, мой гугенотъ, повидимому, не остался у него въ долгу, — смѣясь, отвѣтила Маргарита. — Этотъ рубецъ подъ глазомъ...

— Значитъ, они поквитались, и намъ можно будетъ помирить ихъ. Присылай ко мнѣ своего раненаго.

— Только не теперь; я пришлю его попозднѣе.

— А когда?

— Когда ты переведешь своего въ другую комнату.

— Въ какую же?

Маргарита пристально взглянула на свою пріятельницу, которая, послѣ минутнаго молчанія, громко расхохоталась.

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему, — сказала она. — Итакъ, союзъ еще болѣе крѣпкій?

— И искренняя дружба навѣкъ, — добавила королева.

— А какой намъ выбрать пароль, если мы понадобимся другъ другу?

— Тройное имя твоего тройного бога: Eros-Cupido-Amor.

Пріятельницы поцѣловались во второй разъ, пожали руки въ двадцатый и разстались.

XIII.

Какъ иногда ключи отпираютъ совсѣмъ не тѣ двери, для которыхъ они сдѣланы.

Вернувшись въ Лувръ, королева Наваррская прошла къ себѣ. Гильона, сильно взволнованная, встрѣтила ее и сказала, что во время ея отсутствія приходила баронесса де-Совъ. Она принесла ключъ отъ комнаты, въ которой былъ запертъ Генрихъ. Его дала ей королева-мать. Екатеринѣ для какой-то цѣли было, очевидно, крайне нужно, чтобы беарнецъ провелъ эту ночь у баронессы де-Совъ.

Маргарита взяла ключъ и нѣсколько времени вертѣла его въ рукахъ. Она велѣла повторить себѣ все, что говорила баронесса, взвѣсила въ своемъ умѣ каждое ея слово и, наконецъ, поняла, какъ ей казалось, намѣреніе Екатерины.

Взявъ перо, она обмакнула его въ чернила и написала коротенькую записку.

„Вмѣсто того, чтобы итти сегодня вечеромъ къ баронессѣ де-Совъ, приходите къ королевѣ Наваррской.

„Маргарита“.

Она свернула записку въ трубочку, вложила ее въ отверстіе ключа и велѣла Гильонѣ просунуть ее подъ дверь плѣнника, когда наступитъ вечеръ.

Покончивъ съ этимъ, Маргарита вспомнила о раненомъ и, заперевъ всѣ двери, вошла въ кабинетъ.

Къ своему величайшему изумленію, она увидала, что ла-Моль одѣтъ въ свое разорванное и перепачканное въ крови платье.

Увидавъ королеву, онъ попробовалъ встать, но, пошатнувшись, не могъ удержаться на ногахъ и упалъ на диванъ, служившій ему постелью.

— Что это значитъ? — спросила Маргарита. — Почему вы такъ плохо исполняете предписанія своего доктора? Я предписала вамъ покой, а вы поступаете какъ разъ наоборотъ.

— Это не моя вина, ваше величество; — сказала Гильона. — Я просила, умоляла графа не быть такимъ безразсуднымъ,

онъ отвѣчалъ, что ни за что въ мірѣ не останется въ Луврѣ.

— Не останется въ Луврѣ? — повторила Маргарита, съ изумленіемъ смотря на графа, который опустилъ глаза. — Но вѣдь это невозможно. Вы не въ состояніи держаться на ногахъ, у васъ дрожатъ колѣни отъ слабости. Еще сегодня утромъ изъ вашей раны на плечѣ шла кровь.

— Ваше величество,— сказалъ ла-Моль,— какъ вчера вечеромъ я просилъ васъ дать мнѣ убѣжище, такъ сегодня умоляю васъ позволить мнѣ уйти.

— Я даже затрудняюсь, какъ назвать такое безумное рѣшеніе,— сказала Маргарита.— Это хуже неблагодарности.

— О, ваше величество! — воскликнулъ ла-Моль, сложивъ руки. — Не считайте меня неблагодарнымъ. Сердце мое полно признательности, которая продлится всю мою жизнь.

— Такъ она продлится недолго, — сказала Маргарита, тронутая искреннимъ тономъ его словъ. — Или ваши раны откроются и вы умрете отъ потери крови, или же прохожіе догадаются, что вы гугенотъ, и не успѣете вы сдѣлать и сотни шаговъ, какъ васъ убьютъ.

— И все-таки я долженъ уйти изъ Лувра,—прошепталъ ла-Моль.

— Должны? — сказала Маргарита, устремивъ на него свой ясный и глубокій взглядъ.—А, понимаю!—вдругъ проговорила она, слегка поблѣднѣвъ. — Должно-быть, въ городѣ есть ктонибудь, кого страшно безпокоитъ ваше отсутствіе. Ну, что же, это вполнѣ естественно и понятно. Почему вы не сказали этого прямо? Да и какъ сама я не догадалась? Оказывая гостепріимство, слѣдуетъ не только перевязывать раны гостя, но заботиться и о его сердечныхъ привязанностяхъ, облегчать не только его тѣлесныя, но и душевныя страданія.

— Вы ошибаетесь, ваше величество,—возразилъ ла-Моль.— Я почти одинокъ на свѣтѣ и совершенно одинокъ въ Парижѣ, гдѣ у меня нѣтъ ни души знакомой. Человѣкъ, ранившій меня, единственный мужчина, съ которымъ я говорилъ въ городѣ; ваше величество — единственная женщина, удостоившая меня разговоромъ.

— Но въ такомъ случаѣ почему же вы хотите уйти? — съ удивленіемъ спросила Маргарита.

— Потому что прошлую ночь ваше величество провели безъ сна, а въ нынѣшнюю...

Маргарита покраснѣла.

— Теперь ужъ поздно, Гильона, — сказала она, — тебѣ пора отнести ключъ.

Гильона улыбнулась и вышла изъ комнаты.

— Но если у васъ нѣтъ въ Парижѣ ни друзей ни знакомыхъ, — продолжала Маргарита, — то какъ же вы устроитесь?

— У меня не будетъ недостатка въ друзьяхъ, ваше величество. Спасаясь отъ гнавшихся за мной убійцъ, я вспомнилъ о своей матери, которая была католичкой. Мнѣ казалось, что ея призракъ скользитъ передо мной съ крестомъ въ рукѣ по дорогѣ къ Лувру. И далъ обѣтъ Богу принять католичество, религію моей матери, если Ему угодно будетъ сохранить мнѣ жизнь. И Господь не только сохранилъ ее, Онъ послалъ мнѣ ангела, заставившаго меня полюбить эту жизнь.

— Но вы не въ состояніи итти; черезъ нѣсколько шаговъ вы упадете безъ чувствъ.

— Я пробовалъ свои силы, ваше величество, и ходилъ по этой комнатѣ. Я, дѣйствительно, хожу медленно и чувствую при этомъ сильную боль, но это не бѣда. Лишь бы мнѣ добраться до Луврской площади, а тамъ будь, что будетъ.

Маргарита опустила голову на руку и глубоко задумалась.

— А король Наваррскій? — спросила она, съ цѣлью испытать ла-Моля.—Почему вы ничего не говорите о немъ? Развѣ, сдѣлавшись католикомъ, вы не захотите поступить къ нему на службу?

— Ваше величество,—отвѣтилъ ла-Моль, поблѣднѣвъ, — вы коснулись истинной причины, принуждающей меня уйти. Я знаю, что королю Наваррскому грозитъ страшная опасность и что едва ли даже вамъ, сестрѣ короля французскаго, удастся спасти его.

— Что вы хотите сказать?—спросила Маргарита.—О какой опасности говорите вы?

— Изъ этого кабинета слышно все, ваше величество, — нерѣшительно проговорилъ ла-Моль.

„Это правда,—подумала Маргарита.—Герцогъ Гизъ уже говорилъ мнѣ объ этомъ“.

— Что же вы слышали? — спросила она.

— Утромъ я слышалъ, что говорили вы, ваше величество, съ вашимъ братомъ.

— Съ Франсуа?—воскликнула Маргарита, и щеки ея вспыхнули.

— Съ герцогомъ Алансонскимъ, да. Потомъ, когда вы уѣхали, я слышалъ разговоръ баронессы де-Совъ съ Гильоной.

— И эти-то два разговора?..

— Совершенно вѣрно, ваше величество. Вы только недѣлю тому назадъ вышли замужъ и любите вашего мужа. Онъ придетъ сюда, будетъ говорить вамъ о своихъ тайнахъ, котор-

мнѣ не слѣдуетъ ни знать ни слушать. Это было бы нескромно съ моей стороны, а я не могу... я не долженъ... я не хочу быть нескромнымъ!

По тону, съ какимъ ла-Моль произнесъ послѣднія слова, по его дрожащему голосу и смущенному лицу Маргарита поняла истину.

— Такъ вы слышали изъ кабинета все, что говорилось въ моей комнатѣ? — спросила она.

— Да, ваше величество, — прошепталъ ла-Моль.

— И вы хотите уйти сегодня же вечеромъ, чтобы не слыхать ничего больше?

— Да, сію же минуту, ваше величество, если вы соблаговолите позволить мнѣ.

— Бѣдный юноша!—ласково, съ состраданіемъ сказала Маргарита.

Такой кроткій отвѣтъ, вмѣсто рѣзкаго замѣчанія, котораго ожидалъ ла-Моль, изумилъ его и онъ робко поднялъ голову. Взглядъ его встрѣтился со взглядомъ Маргариты, и онъ былъ не въ силахъ оторваться отъ ея ясныхъ, глубокихъ глазъ.

— Значитъ, вы считаете себя неспособнымъ хранить тайны? — тихо спросила Маргарита.

Она сидѣла, откинувшись на спинку кресла, наполовину скрытая въ тѣни, падавшей отъ тяжелой портьеры, и наслаждалась удовольствіемъ читать въ душѣ ла-Моля, оставаясь загадкой для него самого.

— У меня несчастный характеръ, ваше величество, — отвѣтилъ ла-Моль. — Я не довѣряю себѣ и счастье другого доставляетъ мнѣ мученье.

— Чье счастье? — съ улыбкой спросила Маргарита. — Да, короля Наваррскаго! Бѣдный Генрихъ!

— Какъ видите, онъ, дѣйствительно, счастливъ, ваше величество! — воскликнулъ ла-Моль.

— Почему же это?

— Потому что ваше величество жалѣетъ его.

Маргарита мяла свой ридикюль и раскручивала его витые золотые шнурки.

— Итакъ, вы не желаете видѣть короля Наваррскаго? — спросила она. — Вы ужъ окончательно рѣшили это?

— Въ настоящую минуту я боюсь безпокоить его величество.

— Такъ не хотите ли повидаться съ моимъ братомъ, герцогомъ Алансонскимъ?

— Съ герцогомъ Алансонскимъ, ваше величество?! — воскликнулъ ла-Моль. — Нѣтъ, нѣтъ, это еще хуже, чѣмъ видѣться съ королемъ Наваррскимъ.

— Почему же? — спросила Маргарита, и голосъ ея дрожалъ отъ волненія.

— Какъ плохой гугенотъ, я не могу быть слишкомъ преданнымъ слугою короля Наваррскаго, но я еще недостаточно хорошій католикъ, чтобы быть другомъ герцога Алансонскаго и герцога Гиза.

Теперь Маргарита, въ свою очередь, опустила глаза; отвѣтъ ла-Моля отозвался глубоко въ ея сердцѣ. Она сама не могла опредѣлить, пріятны или непріятны ей его слова.

Въ комнату вошла Гильона. Королева вопросительно взглянула на нее; Гильона тоже взглядомъ отвѣтила утвердительно. Ей удалось передать ключъ королю Наваррскому.

Маргарита перевела глаза на ла-Моля. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, и былъ блѣденъ, какъ человѣкъ, испытывающій не только тѣлесныя, но и душевныя муки.

— Вы очень горды, графъ, — сказала королева, — и я не рѣшаюсь сдѣлать вамъ предложеніе, которое вы навѣрное отвергнете.

Ла-Моль всталъ и, сдѣлавъ шагъ къ Маргаритѣ, хотѣлъ поклониться ей въ знакъ того, что онъ готовъ исполнить ея приказаніе, но отъ острой, жгучей, невыносимой боли слезы выступили у него на глазахъ, и онъ, чувствуя, что сейчасъ упадетъ, схватился за портьеру.

— Теперь вы видите сами, что я еще нужна вамъ! — воскликнула Маргарита и, подбѣжавъ къ нему, поддержала его.

— О, да! — прошепталъ онъ. — Какъ воздухъ, которымъ я дышу, какъ свѣтъ, который я вижу!

Въ эту минуту кто-то три раза постучалъ въ дверь.

— Слышите, ваше величество? — съ испугомъ сказала Гильона.

— Уже? — прошептала Маргарита

— Прикажете отворить?

— Погоди. Это, можетъ-быть, король Наваррскій.

— О, ваше величество! — воскликнулъ ла-Моль, чувствуя, что силы возвращаются къ нему отъ словъ Маргариты. Онъ услыхалъ ихъ, несмотря на то, что она говорила очень тихо, вполнѣ увѣренная, что только одна Гильона услышитъ ее. — О, ваше величество! Умоляю васъ на колѣняхъ, позвольте мнѣ уйти — я лучше готовъ умереть! Сжальтесь надо мною!.. А, вы не отвѣчаете!.. Ну, хорошо, я скажу вамъ все! И тогда вы, надѣюсь, сами прогоните меня!

— Молчите, несчастный! — остановила его Маргарита, испытывая невыразимое блаженство отъ упрековъ молодого человѣка. — Молчите!

Но тонъ ея, противъ ожиданія ла-Моля, не былъ ни рѣзокъ ни суровъ.

— Ваше величество, — сказалъ онъ, — повторяю вамъ, что изъ этого кабинета слышно все. Пощадите же меня... не дайте мнѣ умереть смертью, какой не могли бы придумать и самые жестокіе палачи!

— Молчите, молчите! — повторила Маргарита.

— О, вы беззжалостны, ваше величество! Вы не хотите выслушать меня! Поймите же, наконецъ, что я люблю васъ!..

— Вѣдь я говорю вамъ, чтобы вы молчали, — остановила его Маргарита и закрыла ему ротъ своей теплой, душистой ручкой. Ла-Моль схватилъ ее обѣими руками и прижалъ къ губамъ.

— Но... — прошепталъ онъ.

— Да замолчите же, наконецъ! Какъ смѣете вы бунтовать и не слушаться своей королевы!

Сказавъ это, Маргарита выбѣжала изъ кабинета, затворила дверь и, прислонившись къ стѣнѣ, прижала дрожащую руку къ сердцу, чтобы утишить его біеніе.

— Отвори, Гильона, — сказала она.

Гильона вышла изъ комнаты, и черезъ минуту изъ-за портьеры показалось умное, лукавое и немного встревоженное лицо короля Наваррскаго.

— Вы меня звали? — спросилъ онъ у Маргариты.

— Да, звала. Ваше величество получили мою записку?

— Получилъ и, признаться, былъ нѣсколько удивленъ, — отвѣтилъ Генрихъ, подозрительно оглядѣвшись по сторонамъ, но тотчасъ же успокоившись.

— И нѣсколько встревожены, не правда ли? — спросила Маргарита.

— Долженъ сознаться и въ этомъ. Но хотя меня окружаютъ смертельные враги и друзья, пожалуй, еще болѣе опасные, чѣмъ враги, я все-таки рѣшился притти. Вечеромъ, въ день нашей свадьбы, я видѣлъ искру великодушія, блеснувшую въ вашихъ глазахъ, а вчера, въ день, назначенный для моей смерти, я видѣлъ сверкавшее въ нихъ мужество.

— И что же дальше? — съ улыбкой спросила Маргарита, между тѣмъ, какъ Генрихъ пристально смотрѣлъ на нее, какъ бы стараясь заглянуть ей въ душу.

— Вспомнивъ все это, — продолжалъ онъ, — и прочитавъ вашу записку, я подумалъ: „У оставшагося безъ друзей, безоружнаго плѣнника, короля Наваррскаго есть только одинъ способъ умереть со славой, умереть такъ, чтобы о его смерти было упомянуто въ исторіи. Для этого нужно, чтобы его прела его собственная жена“. И вотъ я пришелъ.

— Вы заговорите иначе, ваше величество, — сказала Маргарита, — когда узнаете, что все, совершающееся въ эту минуту, задумано женщиной, которая любитъ васъ и которую... любите вы сами.

При этихъ словахъ Генрихъ отступилъ, и его сѣрые глаза вопросительно взглянули на королеву изъ-подъ черныхъ бровей.

— О, успокойтесь, — съ улыбкой сказала она. — Не думайте, что подъ этой женщиной я подразумѣваю себя. У меня нѣтъ такихъ претензій.

— Но вѣдь вы же прислали мнѣ ключъ? И записка эта написана вашей рукой?

— Да, записка написана и послана мною, я не отрицаю этого. Что же касается до ключа, то дѣло другое. Вамъ достаточно знать, что онъ побывалъ въ рукахъ четырехъ женщинъ прежде, чѣмъ попасть къ вамъ.

— Четырехъ женщинъ! — съ удивленіемъ воскликнулъ Генрихъ.

— Да, четырехъ, — сказала Маргарита. — Въ рукахъ королевы-матери, баронессы де-Совъ, Гильоны и моихъ.

Генрихъ задумался, стараясь разрѣшить эту загадку.

— Ну, теперь поговоримъ о дѣлѣ, — сказала Маргарита, — и главное будемъ вполнѣ откровенны другъ съ другомъ. Ходятъ слухи, что ваше величество согласились перейти въ католичество. Правда это?

— Эти слухи невѣрны. Я еще не далъ согласія.

— Но вы все-таки рѣшили дать его.

— Я пока еще думаю и обсуждаю. Что же дѣлать? Мнѣ двадцать лѣтъ, я почти король, ventre-saint-qris! Есть вещи, за которыя стоитъ пожертвовать религіей.

— И за жизнь въ томъ числѣ, неправда ли?

Генрихъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы чего-то не договариваете, — сказала Маргарита.

— Я не могу быть вполнѣ откровеннымъ съ моими союзниками. Вѣдь вы знаете, что мы только союзники. Вотъ если бы вы были, кромѣ того, и...

— И вашей женой?

— Да... и моей женой.

— Что же тогда?

— Тогда дѣло другое. Тогда я, можетъ-быть, и захотѣлъ бы остаться королемъ гугенотовъ, какъ меня называютъ. Теперь же я удовольствуюсь и тѣмъ, что мнѣ оставитъ жизнь.

Маргарита устремила на Генриха такой странный взглядъ, что онъ возбудилъ бы подозрѣніе и не такого проницательнаго человѣка, какъ онъ.

— Увѣрены вы, по крайней мѣрѣ, хоть въ томъ, что достигнете этого? — спросила она.

— Да, почти, — отвѣтилъ Генрихъ. — Вы знаете, что въ этомъ мірѣ нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ ни въ чемъ.

— Ваше величество выказываете такое безкорыстіе и такую умѣренность, что, отказавшись отъ короны и отъ религіи, вы, по всей вѣроятности, откажетесь, на это, по крайней мѣрѣ, надѣются, и отъ союза съ французской принцессой.

Въ этихъ словахъ было такое глубокое значеніе, что Генрихъ невольно вздрогнулъ, но тотчасъ же пересилилъ свое волненіе.

— Потрудитесь вспомнить, — сказалъ онъ, — что въ настоящую минуту я не воленъ поступать, какъ хочу. Я принужденъ дѣлать то, что будетъ угодно французскому королю. А если бы спросили моего мнѣнія относительно этого вопроса, отъ котораго зависитъ мой тронъ, мое счастье и моя жизнь, то, повѣрьте мнѣ, что я не сталъ бы основывать мое будущее на правахъ, какія даетъ мнѣ нашъ насильственный бракъ. Нѣтъ, я предпочелъ бы скорѣе удалиться отъ міра, уединиться въ какомъ-нибудь замкѣ и заниматься охотой или каяться въ своихъ грѣхахъ въ монастырѣ.

Это безропотное примиреніе съ своей судьбой, это отреченіе отъ всего мірского испугали Маргариту. Ей пришло въ голову, что разводъ былъ условленъ между Карломъ IX, Екатериной и королемъ Наваррскимъ. Развѣ станутъ ее щадить изъ-за того, что она сестра одного и дочь другой? Конечно, нѣтъ. Ее не постѣснятся обмануть, ею не задумаются пожертвовать. Она знала по опыту, что ей нечего разсчитывать на родственныя чувства и основывать на нихъ свою безопасность. Честолюбіе занимало слишкомъ много мѣста въ сердцѣ молодой женщины или, вѣрнѣе, молодой королевы, чтобы она стала обращать вниманіе на такіе поступки, какъ оскорбленное самолюбіе. Истинная любовь — то же честолюбіе. А когда женщина, хоть бы и самая заурядная, любитъ, она, благодаря своей любви, стоитъ выше такихъ мелочей.

— Ваше величество, повидимому, не слишкомъ вѣрите въ звѣзду, сіяющую надъ головой каждаго короля? — насмѣшливо и нѣсколько презрительно спросила Маргарита.

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ Генрихъ, — что я, несмотря на всѣ старанія, не могу найти мою звѣзду: ее закрыли нависшія надо мной грозовыя тучи.

— А если дыханіе женщины разсѣетъ эти тучи и ваша звѣзда засіяетъ еще ярче прежняго?

— Ну, это очень трудно, — сказалъ Генрихъ.

— Вы думаете, что такой женщины не существуетъ?

— Нѣтъ, я только не вѣрю въ ея могущество.

— Т.-е., вы хотите сказать, въ ея добрую волю?

— Я сказалъ въ ея „могущество“ и снова повторяю это слово. Женщина сильна только тогда, когда ее побуждаютъ дѣйствовать въ равной степени любовь и собственный интересъ. Но если она находится подъ вліяніемъ только одного изъ этихъ двухъ чувствъ, то она уязвима, какъ Ахиллъ. Ну, а на любовь этой женщины я, конечно, не могу разсчитывать.

Маргарита промолчала.

— Выслушайте меня, — сказалъ Генрихъ. — Когда раздался послѣдній ударъ колокола на башнѣ Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа, вы, конечно, должны были прежде всего подумать о томъ, какъ бы снова вернуть себѣ свободу, которой васъ лишили, чтобы погубить моихъ единовѣрцевъ. А я подумалъ о спасеніи своей жизни. Это было самое главное... Мы потеряемъ Наварру, я прекрасно знаю это. Но Наварра ничего не значитъ сравнительно съ свободой, которую вы себѣ вернете, и правомъ говорить громко въ своей спальнѣ, на что вы не осмѣливаетесь, когда кто-нибудь слушаетъ васъ изъ этого кабинета.

Несмотря на всю свою озабоченность, Маргарита не могла удержаться отъ улыбки. Король Наваррскій всталъ, собираясь уходить. Нѣсколько времени тому назадъ пробило одиннадцать часовъ и все уже уснуло или казалось спящимъ въ Луврѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери, Генрихъ вдругъ остановился: онъ только теперь вспомнилъ о томъ, что заставило его притти къ Маргаритѣ.

— Не желаете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь? — спросилъ онъ. — Или вы, можетъ-быть, хотѣли дать мнѣ случай поблагодарить васъ за отсрочку, которую даровалъ мнѣ король, благодаря вашему присутствію въ оружейномъ кабинетѣ? Долженъ сознаться, что вы пришли очень кстати — вы, какъ богиня, явились на сцену какъ разъ во-время, чтобы спасти мою жизнь.

— Несчастный! — глухимъ голосомъ воскликнула Маргарита, схвативъ за руку мужа. — Неужели вы не понимаете, что, напротивъ, еще ничто не спасено — ни ваша свобода, ни ваша корона, ни ваша жизнь? Слѣпой безумецъ! Жалкій безумецъ! Изъ моего письма вы, должно-быть, вывели заключеніе, что я назначаю вамъ любовное свиданіе? Что, оскорблен вашей холодностью, я добиваюсь удовлетворенія?

— Я, дѣйствительно... — началъ смущенный и удивленный Генрихъ.

Маргарита пожала плечами.

Въ эту минуту какой-то странный звукъ, похожій на царапанье, раздался за потайной дверью.

Маргарита схватила Генриха за руку и подвела его къ ней.

— Слушайте, — сказала она.

— Королева-мать вышла изъ своихъ покоевъ, — проговорилъ за дверью прерывающійся отъ страха голосъ.

Генрихъ тотчасъ же узналъ его; это говорила баронесса де-Совъ.

— Куда же идетъ она? — спросила Маргарита.

— Къ вашему величеству.

Послышался шелестъ шелковаго платья; онъ сталъ тише и замеръ вдали: баронесса де-Совъ торопливо ушла.

— Ого! — воскликнулъ Генрихъ.

— Я такъ и знала, — сказала Маргарита.

— А я боялся этого — и вотъ доказательство.

Онъ распахнулъ свой черный бархатный камзолъ и Маргарита увидала подъ нимъ тонкую стальную кольчугу и длинный миланскій кинжалъ, блеснувшій въ рукѣ Генриха, какъ змѣя на солнцѣ.

— Къ чему здѣсь кольчуга и кинжалъ! — воскликнула Маргарита. — Спрячьте скорѣе ваше оружіе! Сюда, дѣйствительно, идетъ королева-мать, но она идетъ одна.

— Все-таки...

— Вотъ она... я слышу ея шаги... тсъ!

И, нагнувшись къ уху Генриха, она шепнула ему нѣсколько словъ. Онъ внимательно и съ удивленіемъ выслушалъ ее и тотчасъ же скрылся за занавѣсомъ кровати.

Маргарита, съ своей стороны, бросилась къ кабинету, гдѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, ждалъ ла-Моль.

Она отворила дверь и, отыскавъ въ темнотѣ молодого человѣка, схватила его за руку.

— Молчите! — шепнула она ему, придвинувшись такъ близко, что онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея теплое дыханіе. — Молчите!

Она затворила дверь кабинета, распустила волосы, разрѣзала кинжаломъ шнуровку и, сбросивъ съ себя платье, легла въ постель.

Только что успѣла она лечь, какъ ключъ повернулся въ замкѣ.

У Екатерины были ключи ко всѣмъ дверямъ Лувра.

Поставивъ около двери спальни четырехъ караульныхъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ нею, королева-мать вошла въ комнату.

— Кто тамъ? — воскликнула Маргарита и, какъ бы испугавшись такого неожиданнаго вторженія въ ея спальню, откинула занавѣсъ и вскочила съ постели въ ночномъ бѣломъ пеньюарѣ. Увидавъ Екатерину, она подошла поцѣловать ей руку и взглянула на нее съ такимъ изумленіемъ, что обманула даже эту проницательную флорентинку.

XIV.

Вторая брачная ночь.

Королева-мать быстро оглядѣлась кругомъ. Бархатныя туфли около кровати, одежда Маргариты, разбросанная на стульяхъ, ея заспанные глаза, которые она протирала—все это убѣдило Екатерину, что дочь ея только что проснулась.

Очень довольная тѣмъ, что планъ ея удался, королева-мать улыбнулась и пододвинула кресло.

— Садись, Маргарита, — сказала она, — намъ нужно поговорить.

— Я слушаю васъ, — отвѣтила Маргарита.

— Пора тебѣ узнать, дочь моя, — сказала Екатерина, закрывъ глаза—призракъ глубокаго размышленія или желанія скрыть мысли. — Пора тебѣ узнать, какъ братъ твой и я заботимся о твоемъ счастьѣ.

Такое вступленіе, какъ понялъ бы всякій, знающій Екатерину, не предвѣщало ничего хорошаго.

„Что-то она скажетъ мнѣ?“ подумала Маргарита.

— Устраивая твой бракъ, — продолжала флорентинка, — мы, конечно, главнымъ образомъ, имѣли въ виду важныя политическія причины, которымъ часто приходится подчиняться правителямъ. Но мы никакъ не ожидали, мое бѣдное дитя, что отвращеніе короля Наваррскаго къ тебѣ, его молодой, красивой и очаровательной женѣ, дойдетъ до такой степени.

Маргарита встала и, запахнувъ пеньюаръ, сдѣлала почтительный реверансъ.

— Я услыхала только сегодня вечеромъ, — продолжала Екатерина, — иначе я пришла бы къ тебѣ раньше—что твой мужъ и не думаетъ оказывать тебѣ то вниманіе, на которое ты въ правѣ разсчитывать не только, какъ хорошенькая женщина, но и какъ французская принцесса.

Маргарита вздохнула. Ободренная этимъ вздохомъ, Екатерина снова заговорила:

— Король Наваррскій открыто содержитъ одну изъ моихъ придворныхъ дамъ, которая въ своемъ обожаніи къ нему

ходить до скандала; онъ относится презрительно къ женщинѣ съ которой удостоили соединить его. Это—несчастье, которому не можемъ помочь мы, бѣдные всемогущіе, но за которое каждый дворянинъ потребовалъ бы къ отвѣту своего зятя и вызвалъ его на дуэль или поручилъ бы сдѣлать это своему сыну.

Маргарита опустила голову.

— Уже довольно давно, — продолжала Екатерина, — я вижу по твоимъ краснымъ глазамъ и по твоимъ выходкамъ противъ баронессы де-Совъ, что сердечная рана твоя не можетъ зажить.

Маргарита вздрогнула, увидавъ, что занавѣсъ кровати слегка заколебался. Къ счастью, Екатерина не замѣтила этого.

— Эту рану, — продолжала она еще болѣе ласковымъ и любящимъ тономъ, — эту рану, дитя мое, можетъ залѣчить только рука матери. Выдавая тебя замужъ за короля Наваррскаго, мы надѣялись составить твое счастье, но надежды наши не оправдались. Оказывается, что Генрихъ каждую ночь ошибается дверью и входитъ не въ ту комнату. Мы не можемъ похвалить, чтобы такой мелкій, незначительный король ежеминутно оскорблялъ женщину твоего происхожденія, высказывая пренебреженіе къ ней самой и нисколько не заботясь о своемъ потомствѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первомъ же удобномъ случаѣ этотъ безразсудный и легкомысленный юноша обратится противъ насъ и удалитъ тебя изъ своего дома. Видя и понимая все это, мы, конечно, имѣемъ право предупредить его и устроить твою будущность болѣе достойнымъ тебя и твоего положенія образомъ.

— Ваши проникнутыя материнской любовью заботы обо мнѣ глубоко трогаютъ и радуютъ меня, — сказала Маргарита, — но осмѣлюсь все-таки напомнить вашему величеству, что король Наваррскій — мой мужъ.

Сдѣлавъ нетерпѣливый жестъ, Екатерина придвинулась ближе къ Маргаритѣ и сказала:

— Онъ твой мужъ? Развѣ достаточно одного благословенія Церкви, чтобы быть мужемъ и женой? Развѣ бракъ освящается только словами священника?.. Онъ—твой мужъ! Вотъ если бы ты была на мѣстѣ баронессы де-Совъ, дочь моя, то могла бы отвѣтить мнѣ такъ. Нѣтъ, король Наваррскій не оправдалъ нашихъ ожиданій. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сдѣлала ему честь, согласившись стать его женой, онъ отдалъ принадлежащія тебѣ права другой. Даже въ эту самую минуту, — прибавила Екатерина, возвысивъ голосъ, — онъ находится у той, другой женщины. Пойдемъ со мной—вотъ ключъ отъ комнаты баронессы де-Совъ. Иди — и ты убѣдишься сама...

— Ради Бога, говорите потише, ваше величество, — остановила ее Маргарита. — Вы не только ошибаетесь, но и...

— Ну?

— Но и можете разбудить моего мужа.

Съ этими словами Маргарита граціозно встала, взяла свѣчу изъ розоваго воска и подошла къ кровати.

Откинувъ занавѣсъ, она съ улыбкой взглянула на мать и показала ей на короля Наваррскаго. Черные волосы его разметались на подушкѣ, ротъ былъ полураскрытъ; онъ, повидимому, крѣпко и спокойно спалъ.

Поблѣднѣвъ, Екатерина отшатнулась назадъ, какъ будто пропасть разверзлась у нея подъ ногами, и изъ груди ея вырвался не крикъ, а какой-то заглушенный стонъ.

— Вы видите сами, ваше величество,—сказала Маргарита,— что дошедшіе до васъ слухи невѣрны.

Екатерина взглянула на нее и перевела глаза на Генриха. Она мысленно сопоставила его блѣдное лицо и глаза, окруженные легкой синевой, съ улыбкой Маргариты и въ нѣмой ярости закусила свои тонкія губы.

Маргарита позволила своей матери смотрѣть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на спящаго Генриха, который производилъ на нее дѣйствіе головы Медузы. Потомъ она опустила занавѣсъ и, подойдя на цыпочкахъ къ Екатеринѣ, снова сѣла около нея.

— Такъ вы говорили, ваше величество?.. — сказала она.

Екатерина нѣсколько времени пристально глядѣла на Маргариту, какъ бы стараясь измѣрить глубину наивности молодой женщины; потомъ острый взглядъ ея какъ бы притупился о спокойствіе дочери.

— Ничего,— отвѣтила она и торопливо вышла изъ комнаты.

Какъ только звукъ ея шаговъ замеръ въ глубинѣ коридора, занавѣсъ кровати снова раздвинулся, и Генрихъ упалъ на колѣни передъ Маргаритой. Глаза его блѣстѣли, руки дрожали и онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе. Онъ былъ безъ камзола, въ панталонахъ и кольчугѣ, и Маргарита, отъ души пожимая ему руку, не могла не расхохотаться при видѣ его страннаго костюма.

— Чѣмъ отблагодарю я васъ... Маргарита! — воскликнулъ онъ, осыпая поцѣлуями ея руку.

— Ваше величество, — сказала она, слегка отодвигаясь, — вы забываете, что въ эту минуту бѣдная женщина, которой вы обязаны жизнью, мучится за васъ? Баронесса де-Совъ, — прибавила она, понизивъ голосъ, — принесла вамъ въ жертву свою ревность, пославъ васъ ко мнѣ. А, можетъ-быть, к

ревности, она пожертвуетъ за васъ и жизнью. Вы лучше, чѣмъ кто-либо другой знаете, какъ опасенъ гнѣвъ моей матери.

Генрихъ вздрогнулъ и, вставъ съ колѣнъ, хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я одумалась, — кокетливо сказала Маргарита. — Безпокоиться нечего. Развѣ нельзя предположить, что получивъ ключъ, вы на этотъ разъ пожелали отдать предпочтеніе мнѣ?

— И я отдаю его вамъ, Маргарита! Если вы только согласитесь забыть...

— Ради Бога, говорите потише, ваше величество, — остановила его Маргарита, повторяя ту же фразу, которую раньше говорила матери. — Васъ могутъ услыхать изъ кабинета. А такъ какъ я еще не совсѣмъ свободна, то попрошу васъ не говорить такъ громко.

— Ого! — сказалъ Генрихъ. — Это правда. Я забылъ, что не мнѣ придется участвовать въ финалѣ этой интересной сцены. Вашъ кабинетъ...

— Войдемъ въ него, государь, — сказала Маргарита, — я хочу представить вамъ одного храбреца, раненаго во время рѣзни. Онъ рѣшился притти въ Лувръ, чтобы предупредить ваше величество объ опасности.

Королева подошла къ кабинету; Генрихъ послѣдовалъ за ней.

Дверь отворилась и король остановился пораженный, увидавъ мужчину въ этомъ предназначенномъ для всевозможныхъ сюрпризовъ кабинетѣ.

Но ла-Моль былъ удивленъ еще больше, очутившись совершенно неожиданно передъ королемъ Наваррскимъ. Генрихъ бросилъ на Маргариту ироническій взглядъ, но это нисколько не смутило ее.

— Государь, — сказала она, — теперь такое страшное время, что я боюсь, какъ бы этого раненаго не убили даже въ моихъ комнатахъ. Онъ находится на службѣ вашего величества, и я поручаю его вашему покровительству.

— Ваше величество, — сказалъ ла-Моль, — я графъ Леракъ де-ла-Моль, котораго вы ждали. Я привезъ вамъ рекомендательное письмо отъ несчастнаго Телиньи, убитаго около меня.

— Да, королева передала мнѣ письмо, — сказалъ Генрихъ. — Но развѣ у васъ нѣтъ еще другого письма отъ лангедокскаго губернатора?

— Есть, ваше величество. Мнѣ слѣдовало отдать его вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ.

— Почему же вы не отдали его мнѣ?

— Я былъ въ Луврѣ вчера вечеромъ; но ваше величество были такъ заняты, что не могли принять меня.

— Это правда. Однако вы могли бы передать мнѣ письмо черезъ кого-нибудь другого.

— Г. д'Оріакъ приказалъ мнѣ отдать его въ собственныя руки вашему величеству. Въ немъ заключаются очень важныя извѣстія и потому онъ не рѣшился довѣрить его обыкновенному посланному.

— Да, дѣйствительно,—сказалъ король, прочитавъ письмо.— Онъ совѣтуетъ мнѣ уѣзжать какъ можно скорѣе въ Беарнъ. Несмотря на то, что д'Оріакъ капитанъ, это одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей. Очень возможно, что ему, какъ губернатору провинціи, было извѣстно о томъ, что должно произойти. Ventre-saint-gris! Почему отдали вы мнѣ это письмо сегодня, а не третьяго дня?

— Я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству, — отвѣтилъ ла-Моль, — что пріѣхалъ только вчера. Какъ я ни торопился, я не могъ пріѣхать раньше.

— Очень жаль, очень жаль!—пробормоталъ король.— Если бы я получилъ письмо во-время, мы были бы теперь въ безопасности въ Ларошели или на какой-нибудь подходящей равнинѣ съ отрядомъ кавалеріи въ двѣ-три тысячи человѣкъ.

— Сдѣланнаго не воротишь, ваше величество, — вполголоса сказала Маргарита. — Вмѣсто того, чтобы терять время, жалѣя о прошломъ, гораздо благоразумнѣе подумать о будущемъ.

— Значитъ, будь вы на моемъ мѣстѣ, вы не считали бы ваше положеніе вполнѣ безнадежнымъ? — спросилъ Генрихъ, вопросительно взглянувъ на жену.

— Конечно, нѣтъ. Я считала бы, что изъ трехъ игръ я проиграла только одну.

— Ахъ, если бы я былъ увѣренъ, что вы играете вмѣстѣ со мной и держите половину, — прошепталъ Генрихъ.

— Если бы я хотѣла перейти на сторону вашихъ противниковъ, — отвѣтила Маргарита, — я не стала бы ждать такъ долго.

— Да, это вѣрно,—сказалъ Генрихъ. — Какой я неблагодарный! Вы совершенно правы: все еще можетъ перемѣниться и даже очень скоро.

— Я отъ души желаю успѣха вашему величеству, — сказалъ ла-Моль, — но едва ли вамъ удастся добиться его такъ скоро: теперь адмирала уже нѣтъ у насъ.

На лицѣ Генриха появилась лукавая улыбка, та улыбка, которую поняли при дворѣ только послѣ того, какъ онъ сталъ, французскимъ королемъ.

Онъ пристально взглянулъ на ла-Моля и обратился къ Маргаритѣ.

— Графу де ла-Молю не слѣдуетъ оставаться здѣсь. Онъ навѣрное стѣснитъ васъ, да и ему самому могутъ грозить здѣсь разные непріятные сюрпризы. Что вы намѣрены сдѣлать съ нимъ?

— Нельзя ли какъ-нибудь незамѣтно выпустить графа изъ Лувра?

— Это очень трудно.

— Такъ не уступите ли вы ему немножко мѣстечка у себя?

— Вы говорите со мной, какъ будто я все еще король гугенотовъ и у меня есть народъ. Но вѣдь вы знаете, что я уже наполовину католикъ, а народа у меня нѣтъ.

Всякая другая на мѣстѣ Маргариты поспѣшила бы сказать: „Графъ тоже думаетъ перейти въ католичество". Но она хотѣла, чтобы самъ король спросилъ ее о томъ, чего она желала. Ла-Моль, видя осторожность своей покровительницы, и еще не зная, какъ ступить на скользкой почвѣ такого опаснаго двора, какъ тогдашній французскій, тоже промолчалъ.

— Г. д'Оріакъ,—сказалъ Генрихъ, снова перечитывая привезенное ла-Молемъ письмо, — пишетъ мнѣ, что ваша мать была католичка, что потому-то онъ такъ и расположенъ къ вамъ.

— Вы, помнится, говорили мнѣ, графъ, что дали обѣтъ перемѣнить религію? — спросила Маргарита. — Я не совсѣмъ хорошо помню — вѣдь такъ, кажется. Пожалуйста, помогите мнѣ.

— Я, дѣйствительно, говорилъ это, ваше величество. Но вы отнеслись такъ холодно къ моимъ словамъ, что я не осмѣлился...

— Потому что это совсѣмъ не касалось меня, графъ, — сказала Маргарита. — Объясните все королю.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Генрихъ. — Какой обѣтъ?

— Ваше величество, — сказалъ ла-Моль, — въ то время, какъ я, раненый и безоружный, бѣжалъ отъ гнавшихся за мной убійцъ, мнѣ показалось, что тѣнь моей матери, съ крестомъ въ рукѣ, идетъ передо мной по дорогѣ въ Лувръ. И я далъ обѣтъ принять, если останусь живъ, религію моей матери, которой Господь дозволилъ выйти изъ могилы, чтобы служить мнѣ путеводительницей въ эту ужасную ночь. Меня привелъ сюда Богъ, ваше величество. Я нахожусь теперь подъ двойнымъ покровительствомъ французской принцессы и короля Наваррскаго. Жизнь моя была спасена чудеснымъ образомъ, и я долженъ исполнить данный обѣтъ, я готовъ сдѣлаться католикомъ.

Генрихъ нахмурился. Для такого скептика, какъ онъ, былъ вполнѣ ненуженъ переходъ въ другую религію изъ-за какихъ-нибудь личныхъ выгодъ; но ему казалось невѣроятнымъ, что къ тому же можетъ побудить вѣра.

„Король не хочетъ принять его подъ свое покровительство", подумала Маргарита.

Ла-Моль чувствовалъ свое неловкое и стѣсненное положеніе. Маргарита съ деликатностью женщины поспѣшила притти къ нему на помощь.

— Мы, однако, забываемъ, государь, — сказала она, — что бѣдному раненому нуженъ покой. Мнѣ самой хочется лечь... Видите?

Ла-Моль былъ, дѣйствительно, очень блѣденъ; но онъ поблѣднѣлъ отъ послѣднихъ словъ Маргариты, которыя понялъ по-своему.

— Ну, что же, этому легко помочь, — сказалъ король. — Развѣ мы не можемъ уйти?

Молодой человѣкъ бросилъ на Маргариту умоляющій взглядъ и, несмотря на присутствіе двухъ коронованныхъ особъ, опустился на стулъ. Отъ страшной усталости и охватившаго его отчаянія онъ былъ не въ силахъ держаться на ногахъ.

Маргарита поняла, сколько любви было въ его взглядѣ и сколько муки въ его слабости.

— Государь, — сказала она, — графъ рисковалъ ради васъ своей жизнью: онъ прибѣжалъ сюда раненый, чтобы увѣдомить васъ о смерти адмирала и Телиньи. А потому вашему величеству слѣдуетъ вознаградить его, оказать ему честь, за которую онъ будетъ признателенъ вамъ всю свою жизнь.

— Что же это такое?—спросилъ Генрихъ.—Приказывайте, я готовъ.

— Ваше величество переночуете сегодня вотъ здѣсь, на диванѣ, и позволите графу де-ла-Молю лечь у вашихъ ногъ. Что же касается до меня,—съ улыбкой прибавила Маргарита,— съ позволенія своего августѣйшаго супруга позову Гильону и лягу въ постель. Могу увѣрить ваше величество, что я не меньше васъ обоихъ нуждаюсь въ отдыхѣ.

Генрихъ былъ самолюбивъ, даже, пожалуй, слишкомъ; впослѣдствіи его друзья и враги упрекали его въ этомъ. Но онъ понялъ, что жена, изгонявшая его съ супружескаго ложа, пріобрѣла это право вслѣдствіе его равнодушія къ ней самой. Къ тому же Маргарита отмстила ему за это равнодушіе, спасши ему жизнь. А потому онъ не почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— Если бы графъ ла-Моль былъ въ состояніи дойти до моей спальни,—отвѣтилъ онъ,—я предложилъ бы ему мою собственную постель.

— Сегодня ни вы ни графъ не были бы въ безопасности въ вашей спальнѣ, — возразила Маргарита. — И благоразуміе требуетъ, чтобы вы провели эту ночь здѣсь.

Не дожидаясь отвѣта, она позвала Гильону и велѣла приготовить постель королю, а у него въ ногахъ—ла-Молю, который былъ, повидимому, такъ доволенъ и счастливъ оказанной ему честью, что не чувствовалъ боли отъ своихъ ранъ.

Сдѣлавъ Генриху церемонный реверансъ, Маргарита ушла въ свою спальню, заперла всѣ двери и легла въ постель.

„Нужно, чтобы завтра же у ла-Моля былъ покровитель въ Луврѣ, — подумала она. — Тотъ, кто сегодня прикидывается глухимъ, раскается въ этомъ завтра“.

Взглянувъ на Гильону, которая стояла и ждала ея приказаній, она знакомъ подозвала ее.

Та подошла.

— Слушай, Гильона, — сказала Маргарита, — нужно, чтобы завтра моему брату, герцогу Алансонскому, понадобилось подъ какимъ-нибудь предлогомъ притти ко мнѣ до восьми часовъ утра.

Въ это время пробило два часа.

Король, поговоривъ немного съ ла-Молемъ о политикѣ, такъ крѣпко заснулъ и такъ громко захрапѣлъ, какъ будто лежалъ на своей кожаной, беарнской постели.

И ла-Моль навѣрное заснулъ бы подобно королю, если бы рядомъ не было спальни королевы. Маргарита не спала. Она безпокойно перевертывалась съ боку на бокъ на своей постели. Ла-Моль, слыша это, не могъ заснуть.

„Онъ очень молодъ,—думала Маргарита,—и очень робокъ. Можетъ-быть, даже — это интересно — онъ будетъ немножко смѣшонъ. У него прекрасные глаза... онъ хорошо сложенъ... очень привлекателенъ. Но что если онъ трусъ? Онъ бѣжитъ... отрекается... Это будетъ жаль... начало было такъ хорошо... Ну, будь, что будетъ. Положимся на волю тройного бога этой сумасшедшей Генріетты.

И только къ утру Маргарита заснула, шепча: „Eros-Cupido-Amor!“

XV.

Женщина всегда достигнетъ желаемаго.

Маргарита не ошиблась: гнѣвъ Екатерины отъ разыгравшейся передъ ней комедіи, интригу которой она ясно видѣла, но измѣнить развязку не могла, долженъ былъ излиться на когонибудь. Вмѣсто того, чтобы вернуться къ себѣ, королева-мать пошла прямо къ своей статсъ-дамѣ.

...онесса де-Совъ ждала двоихъ: она надѣялась, что при...рихъ, и боялась, что ее посѣтитъ королева-мать. Въ то

время, какъ она лежала полуодѣтая въ постели, а Даріола сидѣла въ передней, въ замкѣ вдругъ повернулся ключъ и послышались медленные шаги, которые не казались тяжелыми только потому, что ихъ заглушалъ толстый коверъ. Это была не легкая, быстрая походка Генриха. Баронесса поняла, что Даріолѣ помѣшали доложить ей и, облокотившись на руку, чутко прислушиваясь, стала ждать.

Портьера приподнялась и молодая женщина вздрогнула, увидавъ Екатерину Медичи.

Королева-мать казалась спокойной; но баронесса де-Совъ, изучавшая ее въ продолженіе двухъ лѣтъ, поняла, сколько мрачныхъ мыслей и, можетъ-быть, плановъ жестокаго мщенія кроется подъ этимъ кажущимся спокойствіемъ.

Увидавъ Екатерину, Шарлотта хотѣла соскочить съ постели, но королева знакомъ остановила ее.

Бѣдная баронесса повиновалась и, въ ожиданіи надвигающейся грозы, старалась собраться съ силами.

— Передали вы ключь королю Наваррскому?—спросила Екатерина безъ малѣйшаго измѣненія въ голосѣ; только губы ея побѣлѣли.

— Да, ваше величество,— отвѣтила Шарлотта, тщетно стараясь говорить такъ же твердо и увѣренно, какъ королева.

— И вы видѣли его?

— Кого?— спросила баронесса де-Совъ.

— Короля Наваррскаго.

— Нѣтъ, ваше величество, но я его жду. Когда я услыхала, что отпирается дверь, я даже подумала, что пришелъ онъ.

Услыхавъ этотъ отвѣтъ, который могъ означать или непоколебимую увѣренность баронессы, или же ея замѣчательное умѣнье притворяться, Екатерина невольно вздрогнула и сжала въ кулакъ свою короткую, толстую руку.

— А между тѣмъ ты прекрасно знала,— сказала она съ своей злой усмѣшкой,— ты прекрасно знала, Carlotte, что король Наваррскій не придетъ къ тебѣ сегодня ночью.

— Я... я знала это, ваше величество!—воскликнула Шарлотта тономъ глубочайшаго изумленія.

— Да, знала.

— Если онъ не придетъ, значитъ онъ умеръ!—сказала баронесса, задрожавъ при одной мысли объ этомъ.

Шарлотта лгала смѣло, не задумываясь: она знала, какое ужасное мщеніе ожидаетъ ее, если ея маленькая измѣна будетъ открыта.

— Значитъ, ты не писала королю Наваррскому, Carlotta mia?—все съ той же злобной усмѣшкой спросила Екатерина

— Нѣтъ, ваше величество, — съ самымъ наивнымъ видомъ отвѣтила Шарлотта.—Да вы, кажется, ничего и не говорили мнѣ насчетъ письма.

Наступило небольшое молчаніе, во время котораго Екатерина смотрѣла на баронессу де-Совъ, какъ смотритъ на птичку змѣя, гипнотизируя ее своимъ взглядомъ.

— Ты считаешь себя красивой, — послѣ небольшой паузы сказала она,—ты считаешь себя ловкой, такъ?

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтила Шарлотта, — я знаю только, что ваше величество бывали иногда слишкомъ снисходительны ко мнѣ, когда дѣло шло о моей ловкости или красотѣ.

— Ну, такъ ты ошибалась, если думала это, — сказала, начиная горячиться, Екатерина,—а я лгала, если говорила тебѣ это. Ты дурна и глупа сравнительно съ моей дочерью Марго.

— Вы совершенно правы, ваше величество, — воскликнула Шарлотта.—Я, конечно, не стану спорить противъ этого.

— И вотъ почему,—продолжала Екатерина,—король Наваррскій отдаетъ предпочтеніе дочери. А развѣ этого ты хотѣла? Развѣ таковъ былъ нашъ уговоръ?

— О, ваше величество!—воскликнула Шарлотта и зарыдала на этотъ разъ уже непритворно. — Если это правда, то я очень несчастна!

— Да, это правда, — отвѣтила Екатерина, пронзая своимъ взглядомъ, какъ кинжаломъ, сердце Шарлотты.

— Но почему же вы это думаете? — спросила баронесса де-Совъ.

— Ступай къ королевѣ Наваррской, pazza! и ты увидишь тамъ своего любовника.

— О Боже! — прошептала баронесса.

Екатерина пожала пл(ч ми.

— Ужъ не ревнуешь ли ты? — спросила она.

— Я? — сказала Шарлотта, стараясь оправиться и скрыть свое волненіе.

— Да, ты. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ ревнуетъ француженка!

— Неужели же ваше величество полагаете, — сказала Шарлотта,—что моя ревность можетъ происходить отъ какой-нибудь другой причины, кромѣ оскорбленнаго самолюбія? Я люблю короля Наваррскаго настолько, насколько это нужно для вашего величества.

Екатерина съ минуту задумчиво смотрѣла на нее.

— То, что ты говорила, можетъ-быть, и правда, — пробормотала она.

— Ваше величество читаетъ въ моемъ сердцѣ.

— А сердце твое предано мнѣ?

— Приказывайте, ваше величество, и вы убѣдитесь.

— Хорошо. Такъ какъ ты готова жертвовать собою для меня, Carlotte, то вотъ что я потребую отъ тебя: ты должна притвориться безумно влюбленной въ короля Наваррскаго и въ особенности ревнивой — ревнивой, какъ итальянка.

— А какъ ревнуютъ итальянки, ваше величество?

— Я скажу тебѣ,— отвѣтила Екатерина и, кивнувъ головой, вышла такъ же медленно и неслышно, какъ и вошла.

Взглядъ ея расширенныхъ и сверкающихъ, какъ у кошки или пантеры, глазъ, такъ смутилъ Шарлотту, что она не могла произнести ни слова и даже боялась дышать. Только когда дверь затворилась за королевой-матерью, Даріола пришла доложить, что она, дѣйствительно, ушла, баронесса де-Совъ наконецъ свободно вздохнула.

— Даріола,—сказала она.—Сядь на кресло около моей кровати и побудь со мною до утра. Я боюсь остаться одна.

Даріола исполнила ея приказаніе. Но, несмотря на присутствіе горничной и на то, что комната, по приказанію баронессы, была ярко освѣщена, она не могла успокоиться. Въ ушахъ у нея продолжалъ звучать металлическій голосъ королевы-матери, и она заснула только къ утру.

Маргарита тоже заснула, когда уже начинало свѣтать, но проснулась, несмотря на это, при первыхъ звукахъ трубъ и лаѣ собакъ. Она тотчасъ же встала и надѣла, повидимому, простой, но въ сущности очень обдуманный и изысканный утренній костюмъ. Одѣвшись, Маргарита велѣла позвать въ переднюю придворныхъ, принадлежащихъ къ свитѣ короля Наваррскаго; потомъ, отворивъ дверь, за которой были заперты Генрихъ и ла-Моль, она бросила ласковый взглядъ на послѣдняго и сказала мужу:

— Мы заставили мою мать повѣрить тому, чего нѣтъ, но этого еще мало. Теперь вы должны, ваше величество, убѣдить весь дворъ, что между нами царствуетъ самое полное согласіе. Но успокойтесь, — со смѣхомъ прибавила она, — и хорошенько запомните мои слова, которыя при настоящихъ обстоятельствахъ, становятся торжественнымъ обѣщаніемъ: сегодня я въ послѣдній разъ подвергаю ваше величество такому жестокому испытанію.

Король Наваррскій улыбнулся и велѣлъ позвать своихъ придворныхъ.

Въ то время, какъ они кланялись ему, онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто только теперь замѣтилъ, что плащъ его остался н постели королевы. Извинившись, что принялъ ихъ такъ безп

ремонно, король взялъ плащъ изъ рукъ краснѣющей Маргариты, надѣлъ его и застегнулъ аграфъ на плечѣ. Потомъ, обернувшись къ придворнымъ, онъ спросилъ, нѣтъ ли чего новаго въ городѣ и при дворѣ.

Маргарита украдкой слѣдила за присутствующими и замѣтила, какъ были они удивлены неожиданной короткостью между нею и королемъ Наваррскимъ. Въ то время, какъ она зорко наблюдала за всѣмъ происходившимъ, доложили о прибытіи герцога Алансонскаго.

Для того, чтобы заставить его притти, Гильонѣ стоило только увѣдомить его, что король Наваррскій провелъ ночь у жены.

Франсуа вошелъ такъ стремительно, что чуть не сшибъ съ ногъ шедшихъ впереди него придворныхъ. Прежде всего онъ взглянулъ на Генриха и потомъ уже перевелъ глаза на Маргариту.

Генрихъ любезно поклонился ему; Маргарита придала своему лицу ясное и спокойное выраженіе.

Бросивъ бѣглый, но испытующій взглядъ кругомъ, герцогъ оглядѣлъ всю комнату. Онъ увидалъ постель со сбитымъ одѣяломъ, смятыя подушки на изголовьи и шляпу короля, брошенную на стулъ.

Франсуа поблѣднѣлъ, но тотчасъ же оправился.

— Братъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Генриху, — пойдете вы сегодня утромъ къ королю играть въ мячъ?

— Король дѣлаетъ мнѣ честь, приглашая меня, или же это любезность съ вашей стороны?—спросилъ Генрихъ.

— Король ничего не говорилъ мнѣ,—сказалъ, немного смутившись, герцогъ.—Но вѣдь вы обыкновенно играете съ нимъ.

Генрихъ улыбнулся. Много важныхъ перемѣнъ произошло со времени его послѣдней партіи съ королемъ и не было бы ничего удивительнаго, если бы Карлъ IX перемѣнилъ своихъ партнеровъ.

— Хорошо, я пойду, — съ улыбкой сказалъ Генрихъ.

— Такъ идемъ.

— Ты уже уходишь, Франсуа? — спросила Маргарита.

— Да.

— У тебя есть какое-нибудь спѣшное дѣло?

— Очень спѣшное.

— А если я попрошу тебя остаться на нѣсколько минутъ?

Подобная просьба была такой рѣдкостью со стороны Маргариты, что Франсуа, то краснѣя, то блѣднѣя, молча смотрѣлъ на нее.

„Что такое она хочетъ ему сказать?“ — подумалъ Генрихъ, удивленный не менѣе герцога Алансонскаго.

Маргарита, какъ бы угадавъ мысли мужа, обернулась къ нему.

— Вы можете, если угодно, итти къ королю,— сказала она съ очаровательной улыбкой.—Тайна, которую я хочу открыть моему брату, уже извѣстна вамъ; вчера вы отклонили мою просьбу, касающуюся этой самой тайны. А потому я не хочу надоѣдать вашему величеству, повторяя въ вашемъ присутствіи просьбу, которая, повидимому, произвела на васъ непріятное впечатлѣніе.

— Что же это такое? — спросилъ Франсуа, съ удивленіемъ смотря то на Маргариту, то на короля.

— Ага! — сказалъ Генрихъ, краснѣя отъ досады.— Я понимаю, на что вы намекаете. Очень сожалѣю, что не могу оказать графу ла-Молю гостепріимство, которое, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не охранило бы его отъ опасности. Но я охотно рекомендую герцогу Алансонскому человѣка, въ которомъ *вы принимаете такое участіе*. Можетъ-быть, даже, — прибавилъ онъ, чтобы придать еще больше силы своимъ словамъ, — можетъ-быть, даже вашъ братъ придумаетъ какой-нибудь способъ оставить графа де-ла-Моля... здѣсь... возлѣ васъ... что будетъ самое лучшее, не правда ли?

„Отлично, — подумала Маргарита. — Вдвоемъ они сдѣлаютъ то, чего иначе не сдѣлалъ бы ни одинъ изъ нихъ“.

— Вы должны объяснить герцогу, ваше величество, — сказала она, — почему мы интересуемся графомъ.

И, отворивъ дверь кабинета, она позвала ла-Моля.

Попавшій въ ловушку Генрихъ въ двухъ словахъ разсказалъ герцогу Алансонскому, какъ де-ла-Моль пріѣхалъ въ Парижъ и какъ онъ былъ раненъ, когда шелъ въ Лувръ, чтобы передать ему письмо д'Оріака.

Когда король кончилъ свой разсказъ, герцогъ обернулся; вышедшій изъ кабинета ла-Моль стоялъ около него.

Увидавъ красиваго и блѣднаго молодого человѣка, привлекательнаго не только своей красотой, но и блѣдностью, Франсуа почувствовалъ, что въ сердце его закрадываются новыя опасенія. Маргарита затронула сразу и его ревность и его самолюбіе.

— Братъ, — сказала она, — ручаюсь, что этотъ молодой человѣкъ будетъ полезенъ тому, кто пожелаетъ воспользоваться его услугами. Если ты возьмешь его къ себѣ на службу, онъ найдетъ въ тебѣ могущественнаго покровителя, а ты въ немъ — преданнаго слугу. Въ настоящее время нужны вѣрные союзники, въ особенности тому, — проговорила она такъ тихо, что только герцогъ Алансонскій могъ слышать ее, — кто честолюбивъ и имѣетъ несчастье быть только третьимъ принцемъ французскаго королевскаго дома.

Сказавъ это, Маргарита приложила палецъ къ губамъ въ знакъ того, что она высказала еще далеко не всю свою мысль.

— Кромѣ того, — прибавила она, — можетъ-быть, ты не согласишься съ Генрихомъ и найдешь неприличнымъ, чтобы этотъ молодой человѣкъ помѣщался такъ близко отъ моей комнаты.

— Сестра,— быстро отвѣтилъ Франсуа,— если графъ де-ла-Моль найдетъ это удобнымъ, онъ можетъ черезъ полчаса переселиться ко мнѣ. У меня ему некого и нечего бояться. И если онъ будетъ преданъ мнѣ, то можетъ разсчитывать на мое расположеніе.

Франсуа лгалъ: онъ въ глубинѣ души уже ненавидѣлъ ла-Моля.

„Отлично, я не ошиблась! — подумала Маргарита, видя, что король Наваррскій нахмурилъ брови. — Чтобы управлять вами обоими, нужно дѣйствовать на каждаго изъ васъ посредствомъ другого. Да, я поступила очень умно. Шарлотта была бы довольна мной“.

Черезъ полчаса ла-Моль, получивъ наставленія отъ Маргариты, поцѣловалъ край ея платья и взошелъ, довольно быстро для раненаго, по лѣстницѣ, ведущей въ покои герцога Алансонскаго.

Прошло два-три дня. Между королемъ Наваррскимъ и его женой установилось, повидимому, самое полное согласіе. Генриху позволили не отрекаться отъ своей религіи публично, но онъ отрекся въ присутствіи духовника короля и каждое утро присутствовалъ на мессѣ, которую служили въ Луврѣ. По вечерамъ онъ открыто уходилъ въ спальню жены, нѣсколько времени разговаривалъ съ нею, а потомъ чрезъ маленькую потайную дверь отправлялся къ баронессѣ де-Совъ, которая разсказала ему о посѣщеніи Екатерины и предупредила объ угрожающей ему опасности.

Генрихъ, получая свѣдѣнія съ двухъ сторонъ, удвоилъ осторожность въ своихъ сношеніяхъ съ королевой-матерью, и не безъ основанія, такъ какъ лицо Екатерины стало мало-по-малу проясняться. Разъ утромъ Генрихъ даже увидалъ привѣтливую улыбку на ея блѣдныхъ губахъ. Въ этотъ день онъ, какъ ни трудно это было ему, не ѣлъ ничего, кромѣ яицъ, которыя велѣлъ сварить при себѣ, и пилъ одну только воду, которую зачерпывали изъ Сены при немъ.

Убійства продолжались, но число ихъ постепенно уменьшалось. Въ послѣдніе дни было убито столько гугенотовъ, что ихъ оставалось уже немного. Большая часть погибла во время рѣзни, многіе бѣжали, нѣкоторые скрывались.

Время отъ времени шумъ и суматоха поднимались то въ одной, то въ другой части города. Это случалось, когда находили какого-нибудь гугенота. Несчастнаго убивали тутъ же на мѣстѣ или устраивали публичную казнь, смотря по тому, настигали ли его въ такомъ закоулкѣ, откуда не было выхода, или же ему удавалось бѣжать. Въ послѣднемъ случаѣ ликовала та часть города, гдѣ это происходило. Убійства нисколько не умѣрили ярость католиковъ; напротивъ, чѣмъ меньше гугенотовъ оставалось, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ разыскивали они ихъ.

Карлу IX очень нравилась эта охота на гугенотовъ. А когда онъ самъ не могъ принимать въ ней участія, то наслаждался, слушая, какъ охотятся другіе.

Разъ, послѣ игры шарами, которая, вмѣстѣ съ охотой и игрой въ мячъ, была его любимой забавой, онъ съ сіяющимъ лицомъ вошелъ къ матери въ сопровожденіи своей обычной свиты.

— Я принесъ вамъ хорошее извѣстіе, матушка, — сказалъ онъ, цѣлуя королеву, которая, замѣтивъ его радостное настроеніе, уже старалась отгадать причину этого. — Вотъ такъ новость, чортъ побери! Вѣдь знаменитый трупъ адмирала, который считали погибшимъ, неожиданно нашелся!

— Неужели? — сказала Екатерина.

— Да, да, нашелся! Вы, навѣрное, думали, какъ и я, что собаки разорвали его, но мы оба ошибались. Моему народу, моему славному, доброму народу пришла прекрасная мысль: онъ повѣсилъ адмирала на монфоконской висѣлицѣ!

Каспара сверху внизъ столкнули,
А снизу вздернули наверхъ.

— Ну, что же? — спросила Екатерина.

— Что? А то, что съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ о смерти этого добряка, мнѣ все время хотѣлось увидать его. Сегодня прекрасная погода, все кругомъ цвѣтетъ, воздухъ полонъ благоуханія, и я чувствую себя такимъ здоровымъ, какъ никогда. Сядемъ на коней, матушка, и поѣдемъ взглянуть на адмирала!

— Я съ большимъ удовольствіемъ поѣхала бы съ тобой, сынъ мой, — отвѣтила Екатерина, — но это невозможно: у меня назначено свиданіе, которое я не могу отложить. Къ тому же, — прибавила она, — отправляясь съ визитомъ къ такому важному лицу, какъ адмиралъ, мы должны пригласить съ собою весь дворъ. Это кстати дастъ прекрасный случай сдѣлать кое-какія интересныя наблюденія. Мы увидимъ, кто отправится съ нами и кто не пожелаетъ сопровождать насъ.

— Клянусь честью, вы правы, матушка! — воскликнулъ король. — Итакъ, отложимъ нашъ визитъ до завтра. Пригласит

кого найдете нужнымъ, я сдѣлаю то же... Впрочемъ, нѣтъ, еще лучше не приглашать никого. Скажемъ только, что ѣдемъ на Монфоконъ и всякій будетъ воленъ поступать, какъ угодно... До свиданія, матушка, я пойду трубить въ рогъ.

— Ты изнуряешь себя этимъ, Карлъ! Амбруазъ Парэ часто говоритъ тебѣ это, и онъ совершенно правъ. Это слишкомъ утомительное занятіе для тебя.

— Ба, ба, ба! Хорошо, если бы смерть грозила мнѣ только отъ этого. Тогда я пережилъ бы всѣхъ, а въ томъ числѣ и Генриха, который, по увѣренію Нострадамуса, будетъ нашимъ наслѣдникомъ.

Екатерина нахмурила брови.

— Больше всего опасайся того, что кажется невозможнымъ, сынъ мой, — сказала она, — и, пожалуйста, береги свое здоровье.

— Я протрублю только два или три раза, чтобы повеселить собакъ; онѣ, бѣдняжки, умираютъ со скуки. Слѣдовало бы натравить ихъ на какого-нибудь гугенота; это доставило бы имъ большое удовольствіе.

Выйдя отъ матери, Карлъ IX прошелъ въ свой оружейный кабинетъ, взялъ рогъ и сталъ трубить въ него съ такой силой, какая сдѣлала бы честь и самому Роланду. Трудно было понять, какъ изъ его слабаго, болѣзненнаго тѣла и блѣдныхъ губъ могло вылетать такое сильное дыханіе.

У Екатерины было, дѣйствительно, назначено свиданіе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ король удалился, вошла одна изъ ея служанокъ и шопотомъ сказала ей что-то. Екатерина встала, съ улыбкой кивнула придворнымъ и вышла изъ комнаты.

Флорентинецъ Ренэ, съ которымъ король Наваррскій держалъ себя такъ дипломатически вечеромъ въ день св. Варѳоломея, ждалъ королеву въ ея молельнѣ.

— А, это вы, Ренэ!—сказала Екатерина.—Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждала васъ.

Ренэ поклонился.

— Получили вы вчера мою записку?—спросила Екатерина.

— Да, я имѣлъ эту честь,—отвѣтилъ Ренэ.

— Ну, что же, исполнили вы мое порученіе? Провѣрили вы еще разъ гороскопъ, составленный Руджіери и совершенно согласный съ предсказаніемъ Нострадамуса, который утверждаетъ, что всѣ мои три сына будутъ царствовать. Въ послѣдніе дни произошло много перемѣнъ, Ренэ, и мнѣ пришло въ голову, что судьба тоже можетъ измѣниться и будетъ не такъ жестока, какъ мы ожидали.

— Вашему величеству извѣстно, — сказалъ, покачавъ головою, Ренэ, — что никакія перемѣны не могутъ повліять на судьбу; она, напротивъ, сама управляетъ событіями.

— Но вы все-таки зарѣзали ягненка?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Ренэ. — Повиноваться вамъ — мой первый долгъ.

— И каковъ же результатъ?

— Все тотъ же, ваше величество.

— Какъ? Черный ягненокъ опять заблеялъ три раза?

— Опять, ваше величество.

— Признакъ, предвѣщающій три ужасныя смерти въ моей семьѣ! — прошептала Екатерина.

— Къ несчастью, это вѣрно! — сказалъ Ренэ.

— А дальше что?

— Во внутренностяхъ ягненка оказалось то же самое, что было и у двухъ другихъ: его печень была наклонена въ обратную сторону.

— Перемѣна династіи! — пробормотала Екатерина. — Всегда, всегда, всегда одно и то же! Но нужно же что-нибудь сдѣлать, Ренэ, какъ-нибудь предотвратить это!

Ренэ покачалъ головой.

— Я уже докладывалъ вашему величеству, — сказалъ онъ, — что велѣнія судьбы измѣнить нельзя.

— Ты увѣренъ въ этомъ? — спросила Екатерина.

— Да, ваше величество.

— Помнишь ты гороскопъ Жанны д'Альбрэ?

— Помню, ваше величество.

— Скажи мнѣ его — я забыла.

— Vives honorata, marieris reformidata, regina amplificabere.

— Это, кажется, значитъ, — сказала Екатерина: — „Ты будешь почитаема при жизни“. Это невѣрно, такъ какъ она нуждалась въ самомъ необходимомъ, бѣдняжка. „Ты будешь страшна въ смерти“. И это вздоръ: мы, напротивъ, смѣялись надъ ней. „Ты будешь выше, чѣмъ когда была королевой“. А она умерла, и все ея величіе лежитъ въ могилѣ, на которой забыли даже написать ея имя.

— Ваше величество не совсѣмъ вѣрно понимаете слова: „Vives honorata“. Королева Наваррская была, дѣйствительно, почитаема всѣми при жизни. Она пользовалась любовью своихъ дѣтей и уваженіемъ своихъ приверженцевъ — любовью и уваженіемъ тѣмъ болѣе искренними, что она была бѣдна.

— Хорошо, пусть такъ, положимъ, ты правъ. Но какъ же переведешь ты выраженіе: „marieris reformidata“?

— Какъ переведу? Ну, это не трудно. „Ты будешь страшна въ смерти“.

— Хорошо. Такъ развѣ ее боялись?

— Конечно. Она и умерла только потому, что ваше величество боялись ее. Слова: „Ты будешь выше, чѣмъ когда была королевой“, тоже справедливы. Вѣдь вмѣсто тлѣннаго, земного вѣнца она, можетъ-быть, теперь заслужила, какъ королева и мученица, вѣнецъ небесный. И кто знаетъ, что еще предназначается ея потомству на землѣ?

Екатерина была страшно суевѣрна. Хладнокровіе Ренэ испугало ее, пожалуй, даже больше, чѣмъ это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же предвѣщаній. И такъ какъ она при каждомъ становившемся у нея на пути препятствіи думала прежде всего о томъ, какъ бы перешагнуть черезъ него, то и теперь она, повидимому, безъ всякаго перехода, спросила:

— Прислали духи изъ Италіи?

— Точно такъ, ваше величество.

— Пришли мнѣ ящикъ.

— Какихъ, ваше величество?

— Послѣднихъ... тѣхъ...

Екатерина остановилась.

— Тѣхъ, которые особенно любила королева Наваррская? — спросилъ Ренэ.

— Да, ихъ.

— А приготовлять ихъ, я полагаю, не нужно? Теперь ваше величество умѣете дѣлать это не хуже меня.

— Ты думаешь? Нужно только, чтобъ они удались.

— Не будетъ ли еще какихъ-нибудь приказаній, ваше величество?

— Нѣтъ, нѣтъ, — задумчиво проговорила Екатерина, — кажется, никакихъ. Но если предвѣщанія измѣнятся, тотчасъ же сообщи мнѣ. Не оставить ли намъ ягнятъ? Попробуй лучше куръ.

— Боюсь ваше величество, что это не поможетъ, и предвѣщанія останутся тѣ же.

— Дѣлай, что я приказываю.

Ренэ поклонился и вышелъ.

Екатерина съ минуту сидѣла, задумавшись, а потомъ встала и прошла въ свою спальню. Тамъ ожидали ее придворныя дамы, которымъ она сообщила о назначенной на слѣдующій день поѣздкѣ въ Монфоконъ.

Эта новость служила весь вечеръ предметомъ толковъ въ городѣ и во дворцѣ. Дамы выбирали для поѣздки самые изящные костюмы, мужчины готовили оружіе и лучшихъ коней.

Купцы заперли лавки и мастерскія, а народъ убилъ нѣсколько припасенныхъ на всякій случай гугенотовъ, чтобы составить подходящую компанію для трупа адмирала.

Шумъ и суета продолжались цѣлый вечеръ и порядочную часть ночи.

Ла-Моль проскучалъ весь день; такъ же скучно провелъ онъ и предыдущіе три дня.

Герцогъ Алонсонскій, исполняя желаніе Маргариты, помѣстилъ его у себя, но ни разу съ тѣхъ поръ не видался съ нимъ. И ла-Моль чувствовалъ себя несчастнымъ и покинутымъ, лишившись нѣжныхъ заботъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна занимала всѣ его мысли.

Онъ получалъ кое-какія извѣстія о ней отъ хирурга Амбруаза Парэ, лѣчившаго его по ея просьбѣ; но эти извѣстія, которыя передавалъ ему пятидесятилѣтній старикъ, не знавшій или дѣлавшій видъ, что не знаетъ, какъ ла-Моля интересуетъ каждая мелочь, касающаяся Маргариты, были очень неполны и недостаточны. Разъ, впрочемъ, приходила Гильона, сама отъ себя конечно, чтобы узнать о здоровьѣ раненаго. Это посѣщеніе озарило, какъ солнечный лучъ, тюрьму ла-Моля. Онъ надѣялся, что Гильона снова придетъ, но прошло уже два дня, а она не приходила.

Когда слухъ о предполагавшейся поѣздкѣ двора дошелъ до ла-Моля, онъ послалъ просить у герцога Алансонскаго позволенія сопровождать его.

— Хорошо, — сказалъ герцогъ, даже не поинтересовавшись узнать, не повредитъ ли это раненому. — Дайте ему одну изъ моихъ лошадей.

Это все, что было нужно ла-Молю. Амбруазъ Парэ пришелъ, какъ всегда, сдѣлать ему перевязку. Ла-Моль объявилъ ему, что долженъ ѣхать верхомъ и просилъ его сдѣлать перевязку какъ можно крѣпче. Обѣ раны ла-Моля, на плечѣ и на груди, уже затянулись, но были еще воспалены; болѣла только одна, на плечѣ. Амбруазъ Парэ приложилъ къ нимъ намазанную камедью тафту, бывшую въ то время въ большомъ употребленіи при пораненіяхъ, и сказалъ, что поѣздка сойдетъ для больного благополучно, если онъ не будетъ слишкомъ утомляться.

Ла-Моль былъ въ восторгѣ. Не считая небольшой слабости и легкаго головокруженія отъ потери крови, онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Къ тому же онъ былъ увѣренъ, что Маргарита приметъ участіе въ поѣздкѣ и ему удастся увидать ее. Ужъ если посѣщеніе Гильоны принесло ему облегченіе, то насколько же благодѣтельнѣе должно было подѣйствовать на него свиданіе съ Маргаритой!

Итакъ, ла-Моль истратилъ часть денегъ, полученныхъ имъ изъ дому при отъѣздѣ въ Парижъ, на покупку роскошнаго бѣлаго камзола и самаго лучшаго плаща, какой только нашелся у моднаго портного. У него же купилъ онъ сапоги изъ душистой кожи, какіе носили въ то время. Все это принесли ему утромъ, всего на полчаса позднѣе назначеннаго времени, такъ что дѣлать выговоръ не стоило. Ла-Моль торопливо одѣлся и, взглянувъ въ зеркало, остался доволенъ и своимъ костюмомъ и прической. Затѣмъ онъ быстро прошелъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Боль, которую онъ чувствовалъ при этомъ, была довольно сильна, но онъ былъ увѣренъ, что совсѣмъ забудетъ о ней, когда увидитъ Маргариту: счастье, безъ сомнѣнія, заглушитъ боль.

Вишневый плащъ, который ла-Моль выбралъ и велѣлъ сдѣлать нѣсколько длиннѣе, чѣмъ носили тогда, особенно шелъ къ нему.

Въ то время, какъ эта сцена происходила въ Луврѣ, другая въ томъ же родѣ разыгрывалась въ отели Гиза.

Человѣкъ высокаго роста, съ рыжими волосами, разсматривалъ передъ зеркаломъ красный рубецъ, очень портившій ему лицо. Онъ то расчесывалъ и душилъ свои усы, то старался сдѣлать незамѣтнымъ этотъ отвратительный рубецъ, который не поддавался никакимъ извѣстнымъ въ то время косметическимъ средствамъ и упорно появлялся на своемъ мѣстѣ. Наконецъ рыжій господинъ—читатель, конечно, уже узналъ Коконна—наложилъ на рубецъ толстый слой бѣлилъ и румянъ, но, къ его отчаянію, и это не помогло.

Вдругъ счастливая мысль блеснула у него въ умѣ. Горячее августовское солнце заливало дворъ, Коконна вышелъ туда, снялъ шляпу, закрылъ глаза и минутъ десять прогуливался по двору, поднявъ лицо вверхъ и подставляя его подъ жгучіе солнечные лучи.

Черезъ десять минутъ оно запылало какъ огонь, такъ что, по сравненію съ нимъ, рубецъ показался уже не краснымъ, а желтымъ. Очень довольный такимъ результатомъ, Коконна наложилъ на рубецъ слой румянъ, благодаря чему онъ сталъ такого же цвѣта, какъ и все лицо, а потомъ надѣлъ великолѣпный костюмъ, который принесъ ему портной еще прежде, чѣмъ онъ вздумалъ позвать его.

Нарядившись, надушившись мускусомъ и вооружившись съ головы до ногъ, Коконна во второй разъ вышелъ на дворъ и сталъ ласкать огромнаго вороного коня, который былъ бы безукоризненно красивъ, если бы его, какъ и самого Коконна, не портилъ небольшой шрамъ отъ сабельнаго удара, полученнаго имъ во время одной изъ послѣднихъ битвъ.

Коконна не обращалъ вниманія на этотъ маленькій недостатокъ и былъ въ такомъ же восторгѣ отъ коня, какъ и отъ самого себя. Вскочивъ на него за четверть часа до того, какъ собрались всѣ остальные, онъ сталъ объѣзжать его и на дворѣ нѣсколько времени слышалось то конское ржаніе, то на всевозможные лады любимое восклицаніе Коконна: „Mordi!“ Черезъ нѣсколько времени совершенно укрощенный конь, признавъ наконецъ власть всадника, смирился и покорно подчинялся каждому его движенію. Но побѣда эта не обошлась безъ шума, а шумъ—можетъ-быть, Коконна и разсчитывалъ на это—привлекъ къ окну герцогиню Неверскую. Нашъ укротитель лошадей отвѣсилъ низкій поклонъ, на который она отвѣтила очаровательной улыбкой.

Отойдя отъ окна, герцогиня велѣла позвать къ себѣ своего мажордома.

— Позаботились вы, чтобы завтракъ для графа Аннибала де-Коконна былъ приготовленъ какъ можно лучше?

— Точно такъ, баронесса. Графъ кушалъ сегодня даже съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Хорошо, — сказала баронесса и, отпустивъ мажордома, обратилась къ одному изъ лицъ своей свиты.

— Поѣдемте въ Лувръ, г. Аргюванъ, — сказала она, — и, пожалуйста, не выпускайте изъ вида графа Коконна. Онъ раненъ и слабъ, а я ни за что въ мірѣ не хотѣла бы, чтобы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Это доставило бы удовольствіе гугенотамъ, которые питаютъ къ нему страшную злобу съ Варѳоломеевской ночи.

И герцогиня съ сіяющимъ лицомъ сѣла на лошадь и поѣхала въ Лувръ, куда должно было собраться все общество.

Въ два часа пополудни длинный рядъ всадниковъ въ роскошныхъ костюмахъ, залитыхъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, свернулъ съ кладбища des Innocents на улицу Сенъ-Дени и, извиваясь между двумя рядами домовъ, засверкалъ на солнцѣ, какъ исполинская змѣя.

XVI.

Отъ трупа врага всегда пахнетъ хорошо.

Никакая блестящая процессія не могла бы дать понятія объ этомъ чудномъ зрѣлищѣ. Роскошные шелковые костюмы, бывшіе въ модѣ при Францискѣ I и завѣщанные имъ своимъ пріемникомъ, еще не превратились въ узкія, темныя платья временъ Генриха III. И костюмъ Карла IX, хоть не таке"

роскошный, какъ костюмы предшествующей эпохи, но, можетъ-быть, болѣе изящный, поражалъ своимъ великолѣпіемъ. Въ наше время не съ чѣмъ даже сравнить подобную кавалькаду. Симметрія и мундиръ—вотъ въ чемъ заключается вся роскошь нашихъ парадовъ.

Пажи, оруженосцы, мелкіе дворяне, собаки и лошади, слѣдовавшіе за королевскимъ поѣздомъ, дѣлали его похожимъ на военный отрядъ. А за этимъ отрядомъ слѣдовалъ народъ или, вѣрнѣе, народъ былъ всюду.

Онъ шелъ впереди, съ боковъ, позади. И со всѣхъ сторонъ раздавались его крики, то привѣтственные, то грозные: въ числѣ всадниковъ было много перешедшихъ въ католичество гугенотовъ, а народъ злопамятенъ.

Утромъ, въ присутствіи Екатерины и герцога Гиза, Карлъ IX сказалъ Генриху Наваррскому, какъ о вещи самой обыкновенной, о предполагающей поѣздкѣ къ монфоконской висѣлицѣ или, вѣрнѣе, къ повѣшенному на ней изувѣченному трупу адмирала. Сначала Генрихъ хотѣлъ отказаться отъ участія въ поѣздкѣ. Только этого и ждала Екатерина. При первыхъ словахъ короля Наваррскаго, изъ которыхъ уже было видно, что онъ откажется, она обмѣнялась взглядомъ и улыбкой съ герцогомъ Гизомъ. Ни то ни другое не ускользнуло отъ Генриха; онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ исправить свою ошибку.

— Впрочемъ, почему же мнѣ не поѣхать? — сказалъ онъ.— Я католикъ и у меня есть обязанности къ моей новой религіи. Ваше величество можете разсчитывать на меня, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Карлу.—Я всегда и всюду почту за счастье сопровождать васъ.

И, сказавъ это, Генрихъ быстро оглядѣлся кругомъ, чтобы узнать по нахмуреннымъ бровямъ, кому изъ присутствующихъ было непріятно его согласіе.

На него, этого сына безъ матери, короля безъ королевства, гугенота, ставшаго католикомъ, народъ смотрѣлъ, пожалуй, съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ. Его легко узнавали по длинному, характерному лицу, нѣсколько вульгарнымъ манерамъ и неприличной для короля фамильярности съ низшими, которая была слѣдствіемъ проведенной имъ въ горахъ юности и которую онъ сохранилъ до самой своей смерти.

— Къ мессѣ, Генрихъ, къ мессѣ! — иногда кричалъ ему кто-нибудь изъ толпы.

— Я слушалъ мессу вчера, — отвѣчалъ на это Генрихъ, — слушалъ ее сегодня и буду слушать завтра. Ventre saint gris! Кажется, этого вполнѣ достаточно.

Что касается до Маргариты, то она была такъ прекрасна, такъ свѣжа и изящна, что возбуждала всеобщій восторгъ. Нѣкоторая доля этого восхищенія досталась и ея соперницѣ, герцогинѣ Неверской, бѣлая лошадь, которой какъ бы гордясь своей всадницей, граціозно выгибала голову.

— Что новаго, герцогиня? — спросила Маргарита.

— Ничего, сколько мнѣ извѣстно, ваше величество, — отвѣтила герцогиня и прибавила шопотомъ:

— Что же ты сдѣлала съ гугенотомъ?

— Я нашла ему почти безопасное убѣжище, — сказала такъ же тихо Маргарита. — А что подѣлываетъ твой отчаянный забіяка?

— Онъ пожелалъ участвовать въ поѣздкѣ и ѣдетъ верхомъ на боевомъ конѣ моего мужа. Это огромная лошадь, величиною чуть не со слона. Я позволила Коконна поѣхать, такъ какъ была увѣрена, что онъ не встрѣтится съ твоимъ гугенотомъ, который изъ осторожности, конечно, остался дома.

— Если бы даже онъ и былъ здѣсь, — съ улыбкой замѣтила Маргарита, — не думаю, чтобы у нихъ вышла ссора. Мой гугенотъ—красивый юноша, но и только. Это голубь, а не коршунъ; онъ воркуетъ, но не нападаетъ. Въ концѣ-концовъ,—съ непередаваемымъ выраженіемъ прибавила она, слегка пожавъ плечами, — можетъ-быть, окажется, что онъ совсѣмъ не гугенотъ, а браманъ, и религія запрещаетъ ему проливать кровь.

— А гдѣ же герцогъ Алансонскій? — спросила Генріетта,—я что-то не вижу его.

— Онъ, должно-быть, скоро будетъ. У него сегодня утромъ заболѣли глаза, и ему не хотѣлось ѣхать. Но такъ какъ всѣ знаютъ, что онъ, не желая быть одного мнѣнія со своими братьями Карломъ и Генрихомъ, благоволитъ къ гугенотамъ, то ему дали понять, что его отсутствіе могутъ перетолковать въ дурную сторону. Тогда онъ согласился... Посмотри вонъ туда—слышишь, какой тамъ шумъ и крики? Это навѣрное герцогъ Алансонскій. Онъ, должно-быть, проѣхалъ черезъ Монмартрскія ворота.

— Да, это онъ, я узнаю его, — сказала Генріетта. — У него сегодня очень хорошій видъ. Въ послѣднее время онъ занимается собой еще больше обыкновеннаго. Ужъ не влюбился ли онъ? А хорошо быть принцемъ королевской крови! Онъ несется прямо на людей, и всѣ уступаютъ ему дорогу.

— Онъ, пожалуй, задавитъ и насъ, — смѣясь, сказала Маргарита. — Да вели же посторониться своей свитѣ, Генріетта! Если вонъ тотъ великанъ не отъѣдетъ въ сторону, то ему придется плохо.

— А, это мой храбрецъ! — сказала герцогиня. — Смотри, смотри!

Коконна, желая приблизиться къ герцогинѣ Неверской, дѣйствительно, выѣхалъ изъ ряда. Но въ ту минуту, какъ онъ пересѣкалъ наружный бульваръ, отдѣлявшій улицу отъ предмѣстья Сенъ-Дени, какой-то всадникъ изъ свиты герцога Алансонскаго, тщетно старавшійся сдержать свою понесшую лошадь, налетѣлъ на всемъ скаку на Коконна.

— Господи! — прошептала Маргарита на ухо герцогинѣ. — Да вѣдь это ла-Моль!

— Тотъ красивый, блѣдный молодой человѣкъ? — спросила герцогиня.

— Да, да, тотъ самый, который чуть не свалилъ съ лошади твоего пьемонтца.

— Но вѣдь могутъ произойти ужасныя вещи! Они смотрятъ... они узнали другъ друга.

Коконна, обернувшись, дѣйствительно, узналъ ла-Моля и отъ удивленія выпустилъ изъ рукъ поводья: онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что убилъ его или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ на нѣкоторое время неспособнымъ биться. Ла-Моль, съ своей стороны, тоже узналъ Коконна, и кровь бросилась ему въ лицо. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, которыхъ было достаточно, чтобы обнаружить волновавшія ихъ чувства, они измѣряли другъ друга глазами съ такимъ вызывающимъ видомъ, что обѣ женщины вздрогнули. Потомъ ла-Моль оглядѣлся кругомъ и, сообразивъ, должно-быть, что тутъ не мѣсто объясняться, пришпорилъ лошадь и присоединился къ свитѣ герцога Алансонскаго. Коконна стоялъ нѣсколько времени неподвижно на своемъ мѣстѣ и такъ отчаянно закручивалъ усы, что кончиками ихъ чуть не выкололъ себѣ глаза. Потомъ, видя, что ла-Моль продолжаетъ ѣхать, не говоря ни слова, тоже пришпорилъ лошадь.

— Какъ видно, я не ошиблась,—грустно и нѣсколько презрительно сказала Маргарита.— Но это ужъ слишкомъ!..

И она до крови закусила губы.

— А онъ очень красивъ, — съ сожалѣніемъ сказала герцогиня.

Въ эту минуту герцогъ Алансонскій занялъ свое мѣсто позади короля и королевы-матери. Такимъ образомъ его свитѣ, чтобы присоединиться къ нему, пришлось проѣзжать мимо Маргариты и герцогини Неверской. Ла-Моль, проѣзжая въ свою очередь мимо нихъ, снялъ шляпу, склонилъ передъ королевой Наваррской голову такъ низко, что чуть не коснулся ею шеи лошади, и, не надѣвая шляпы, ждалъ, чтобы Маргарита удостоила его взглядомъ.

Но она, не взглянувъ на него, гордо отвернулась.

Ла-Моль замѣтилъ презрительное выраженіе ея лица. Онъ поблѣднѣлъ еще больше и схватился за гриву лошади, чтобы не упасть.

— Господи! Да взгляни же на него, жестокая! — шепнула Генріетта. — Ему сейчасъ сдѣлается дурно.

— Только этого недоставало! — съ презрительной улыбкой отвѣтила Маргарита. — Нѣтъ ли съ тобой солей отъ дурноты?

Но герцогиня Неверская ошиблась.

Ла-Моль преодолѣлъ свою слабость и, оправившись, присоединился къ свитѣ герцога Алансонскаго.

До Монфокона было уже недалеко. Вдали вырисовывался зловѣщій силуэтъ висѣлицы, воздвигнутой и обновленной Энгерраномъ Мариньи.

Солдаты пошли впередъ и широкимъ кольцомъ окружили ограду. При ихъ приближеніи сидѣвшія на висѣлицѣ вороны разлетѣлись съ жалобнымъ карканьемъ.

Королевскій поѣздъ приближался. Впереди ѣхали король и Екатерина, потомъ герцогъ Анжуйскій, герцогъ Алансонскій, король Наваррскій, герцогъ Гизъ и ихъ свиты; затѣмъ слѣдовали Маргарита, герцогиня Неверская и всѣ придворныя дамы, изъ которыхъ состоялъ такъ называемый летучій эскадронъ королевы. Позади были пажи, оруженосцы, слуги и народъ, всего около десяти тысячъ человѣкъ.

На главной висѣлицѣ висѣла безформенная масса, почернѣвшій трупъ, покрытый запекшейся кровью и грязью и побѣлѣвшій мѣстами отъ насѣвшей на него пыли. У трупа не было головы, и потому его повѣсили за ноги. Но толпа, какъ всегда остроумная, замѣнила голову пукомъ соломы и надѣла на нее маску, а какой-то шутникъ, очевидно, знавшій привычки адмирала, воткнулъ этой маскѣ въ ротъ зубочистку.

Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное зрѣлище представляли всѣ эти элегантные господа и прекрасныя дамы, проѣзжавшія другъ за другомъ мимо почернѣвшихъ скелетовъ и висѣлицъ. И чѣмъ шумнѣе была ихъ веселость, тѣмъ большій контрастъ представляла она съ мертвеннымъ молчаніемъ и ледяной безчувственностью труповъ, вызывавшихъ насмѣшки, отъ которыхъ дрожали даже сами насмѣшники.

Многіе съ трудомъ выносили это зрѣлище; Генрихъ, стоявшій въ группѣ отрекшихся гугенотовъ, замѣтно поблѣднѣлъ. Несмотря на свою сдержанность и замѣчательное самообладаніе, которымъ одарила его природа, онъ былъ не въ силахъ выдерживать дольше. Сославшись на то, что не можетъ выносить смраднаго запаха разлагающихся труповъ, онъ подъѣхалъ

къ королю, стоявшему рядомъ съ Екатериной передъ тѣломъ адмирала, и сказалъ:

— Вамъ нельзя оставаться здѣсь долго, ваше величество: отъ этого несчастнаго трупа пахнетъ очень дурно.

— Ты полагаешь, Генри? — сказалъ Карлъ, глаза котораго сверкали жестокой радостью.

— Да, ваше величество.

— Ну, а я не согласенъ съ тобою... Отъ трупа врага всегда пахнетъ хорошо.

— Такъ какъ вы знали, государь,— сказалъ Таваннъ,— что мы отправимся съ визитомъ къ адмиралу, то вашему величеству слѣдовало бы пригласить Пьера Ронсара. Онъ тутъ же на мѣстѣ сочинилъ бы эпитафію старому Каспару.

— Можно обойтись и безъ него,—отвѣтилъ Карлъ IX,—мы сдѣлаемъ это сами... Вотъ, напримѣръ, не угодно ли послушать, господа, — прибавилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

Ci-gît—mais c'est mal entendu,
Pour lui le mot est trop honnête —
Ici l'amiral est pendu
Par les pieds, à faute de tête.

(Здѣсь покоится—нѣтъ, это слишкомъ много чести для него — здѣсь повѣшенъ адмиралъ за ноги, за отсутствіемъ головы).

— Браво! Браво! —закричали въ одинъ голосъ католики, а перешедшіе въ католичество гугеноты нахмурили брови и молчали.

Что же касается до Генриха, разговаривавшаго въ это время съ Маргаритой и герцогиней Неверской, то онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ сочиненной королемъ эпитафіи.

— Ну, однако, пора,— сказала Екатерина, которая начинала чувствовать себя дурно отъ ужаснаго трупнаго запаха, несмотря на то, что надушилась какъ можно больше.—Какъ ни хорошо здѣсь, а уѣзжать надо. Простимся съ адмираломъ и вернемся въ Парижъ.

Она иронически кивнула головой, какъ бы прощаясь съ другомъ, и, занявъ мѣсто во главѣ кавалькады, выѣхала на дорогу, а за ней, дефелируя передъ адмираломъ, потянулась свита.

Народъ бросился за ихъ величествами, желая насладиться до конца зрѣлищемъ блестящаго королевскаго поѣзда. Такимъ образомъ, черезъ десять минутъ послѣ отъѣзда короля около изувѣченнаго трупа адмирала не осталось никого.

Впрочемъ, нѣтъ, мы ошиблись—около него стоялъ всадникъ на вороной лошади. Должно-быть, до сихъ поръ присутствіе августѣйшихъ особъ мѣшало ему осмотрѣть хорошенько этотъ

обезображенный, почернѣвшій трупъ, и потому онъ не уѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Стоя около висѣлицы, онъ внимательно, во всѣхъ подробностяхъ разсматривалъ цѣпи, крючья, каменные столбы и самую висѣлицу. Только нѣсколько дней тому назадъ, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ не имѣлъ понятія объ усовершенствованіяхъ, которыхъ достигаетъ все въ столицѣ, и эта висѣлица казалась ему верхомъ безобразія.

Лишнее, я полагаю, говорить читателю, что этотъ одинокій зритель былъ нашъ пріятель Коконна. Проницательные глаза герцогини Неверской долго искали его въ рядахъ всадниковъ, но не могли найти.

Итакъ, графъ Аннибалъ Коконна стоялъ и созерцалъ произведеніе Энгеррана Мариньи.

Но не только герцогиня Неверская искала Коконна. Одинъ изъ участвующихъ въ кавалькадѣ всадниковъ, обращавшій на себя вниманіе своимъ бѣлымъ атласнымъ камзоломъ и красивымъ перомъ, тоже искалъ его. Внимательно посмотрѣвъ впередъ и оглядѣвшись по сторонамъ, онъ обернулся назадъ и, наконецъ, увидалъ Коконна. Силуэтъ пьемонтца и его громадной лошади вырисовывался на небѣ, пылавшемъ заревомъ заката.

Тогда всадникъ въ бѣломъ камзолѣ, отдѣлившись отъ кавалькады и свернувъ на тропинку, поѣхалъ къ висѣлицѣ.

Замѣтивъ это, герцогиня Неверская приблизилась къ Маргаритѣ и шепнула ей:

— Мы ошиблись обѣ, Маргарита. Пьемонтецъ остался сзади, а ла-Моль поѣхалъ къ нему.

— Mordi! — смѣясь, сказала Маргарита.— Значитъ, произойдетъ что-нибудь интересное. Сознаюсь, мнѣ было бы пріятно убѣдиться, что я ошиблась въ немъ.

Она обернулась и увидала ѣхавшаго къ висѣлицѣ ла-Моля.

Черезъ минуту обѣ молодыя женщины отдѣлились, въ свою очередь, отъ королевскаго поѣзда. Случай для этого былъ самый благопріятный: кавалькада ѣхала мимо тропинки, которая поворачивала назадъ, къ висѣлицѣ, и проходила шагахъ въ тридцати отъ нея.

Герцогиня шепнула нѣсколько словъ своему капитану, Маргарита сдѣлала знакъ Гильонѣ. Потомъ они всѣ четверо поѣхали по этой поперечной тропинкѣ и спрятались за кустами, какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ должна была происходить сцена, на которую имъ хотѣлось посмотрѣть. Отсюда, какъ мы уже говорили, было не больше тридцати шаговъ до висѣлицы, около которой стоялъ Коконна и въ экстазѣ жестикулировалъ передъ адмираломъ.

Маргарита сошла съ лошади. Остальные послѣдовали ея примѣру, и капитанъ взялъ за поводья всѣхъ четырехъ лошадей. Мягкая, густая трава послужила для дамъ диваномъ, на какихъ рѣдко удается сидѣть принцессамъ.

Просѣка въ кустахъ позволяла имъ видѣть все происходящее.

Ла-Моль подъѣхалъ къ Коконна сзади и дотронулся до его плеча.

Пьемонтецъ обернулся.

— Такъ, значитъ, это не сонъ? — сказалъ онъ. — Вы еще живы?

— Да, я еще живъ,—отвѣтилъ ла-Моль,—хоть и не по вашей винѣ, но живъ.

— Mordi! Я сейчасъ же узналъ васъ, несмотря на то, что вы очень поблѣднѣли. Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, вы были порумянѣе.

— И я узналъ васъ, несмотря на вашъ желтый рубецъ на лицѣ, — сказалъ ла-Моль. — Когда я наградилъ васъ имъ, вы были поблѣднѣе.

Коконна закусилъ губы; но, должно-быть, рѣшивъ продолжать разговоръ въ прежнемъ ироническомъ тонѣ, сказалъ:

— А, неправда ли, интересно, въ особенности для гугенота, посмотрѣть, какъ виситъ адмиралъ на желѣзномъ крюкѣ? И послѣ этого еще находятся люди, обвиняющіе насъ въ томъ, что мы перебили всѣхъ, даже грудныхъ гугенотиковъ!

— Я не гугенотъ, графъ, — сказалъ, поклонившись, ла-Моль.—Я имѣю честь быть католикомъ.

— А, вы перешли въ католичество?—расхохотавшись, воскликнулъ Коконна.—Однако это очень ловко!

— Я далъ обѣтъ перейти въ католичество, — продолжалъ все такъ же серьезно и вѣжливо ла-Моль,— если мнѣ удастся спастись.

— Это очень благоразумный обѣтъ, графъ,—сказалъ пьемонтецъ.—Прошу принять мои поздравленія. А не давали ли вы еще какихъ-нибудь обѣтовъ?

— Вы не ошиблись, я далъ еще одинъ,—отвѣтилъ ла-Моль, совершенно спокойно лаская свою лошадь.

— Какой же? — спросилъ Коконна.

— Повѣсить васъ вонъ на томъ гвоздѣ, пониже адмирала. Этотъ гвоздь какъ будто ждетъ васъ.

— Повѣсить? — воскликнулъ Коконна. — Живого?

— Нѣтъ, проколовъ васъ сначала шпагой,—отвѣтилъ ла-Моль.

Коконна побагровѣлъ, и глаза его засверкали.

— Дѣло въ томъ, — насмѣшливо проговорилъ онъ, — что до этого гвоздя...

— Ну, что же? До этого гвоздя?..

— Вамъ не достать. Вы еще не доросли до этого, мой маленькій ла-Моль!

— Такъ я встану на вашу лошадь, мой огромный Коконна,— сказалъ ла-Моль. — А вы полагаете, что можно безнаказанно рѣзать людей, подъ тѣмъ честнымъ и благороднымъ предлогомъ, что васъ сто противъ одного? Ну, нѣтъ! Приходитъ день расплаты и для убійцъ — теперь онъ пришелъ для васъ. Мнѣ хотѣлось бы размозжить вашу мерзкую голову, всадивъ въ нее пулю, но боюсь, какъ бы не промахнуться: у меня еще болитъ рука отъ раны, которую вы такъ предательски нанесли мнѣ.

— Мою мерзкую голову! — заревѣлъ Коконна, соскочивъ съ своего коня. — Сходите съ лошади... ну же... обнажайте шпагу!

И онъ выхватилъ изъ ноженъ свою рапиру.

— Твой гугенотъ, — шепнула королевѣ герцогиня Неверская, — назвалъ голову Коконна мерзкой. А по-твоему онъ дуренъ?

— Нѣтъ, онъ очень милъ, — смѣясь, отвѣтила Маргарита.— Гнѣвъ дѣлаетъ ла-Моля несправедливымъ... Тсъ! Смотри!

Ла-Моль, не спѣша, сошелъ съ лошади, снялъ свой вишневый плащъ, положилъ его на землю и обнажилъ шпагу.

— Охъ! — охнулъ онъ, вытягивая руку.

— Ой! — простоналъ Коконна, собираясь отпарировать ударъ. Каждый изъ нихъ былъ раненъ въ плечо и оба они отъ быстраго движенія почувствовали боль.

Взрывъ подавленнаго смѣха долетѣлъ изъ-за кустовъ. Маргарита и Генріетта не могли удержаться, увидавъ, какъ бойцы съ гримасой потирали себѣ плечи. Противники, не подозрѣвавшіе, что у нихъ есть свидѣтели, услыхали этотъ смѣхъ и, обернувшись, увидали своихъ дамъ.

Ла-Моль снова всталъ въ оборонительное положеніе, а Коконна, крикнувъ самое отчаянное „Mordi!“ сдѣлалъ выпадъ.

— Они все-таки хотятъ биться, — воскликнула Маргарита.— Если мы не остановимъ ихъ, они убьютъ другъ друга! Довольно шутокъ! Слышите, господа, перестаньте!

— Полно, оставь ихъ! — сказала Генріетта.

Она ужъ видѣла Коконна во время боя и въ глубинѣ души надѣялась, что онъ справится съ ла-Молемъ такъ же легко, какъ съ сыномъ и племянниками Меркандона.

— Они, дѣйствительно, чудо какъ хороши теперь! — сказала Маргарита. — Посмотри! Какъ великолѣпно они бьются!

И, на самомъ дѣлѣ, теперь противники уже не смѣялись и не подшучивали другъ надъ другомъ; они стали серьезны, какъ только скрестили шпаги. Оба не полагались на свои силы

при каждомъ сильномъ рѣзкомъ движеніи чувствовали сильную боль отъ прежнихъ ранъ. Несмотря на это, ла-Моль, полуоткрывъ губы и стиснувъ зубы, наступалъ на своего противника, устремивъ на него пристальный, горящій взглядъ, и медленно, но упорно, подвигался впередъ. А Коконна, видя, что ему приходится имѣть дѣло съ искуснымъ бойцомъ, отступалъ — понемногу, шагъ за шагомъ, но все-таки отступалъ. Такимъ образомъ они оба дошли до рва, по ту сторону котораго находились зрители. Здѣсь Коконна, отступавшій какъ будто лишь для того, чтобы подойти поближе къ своей дамѣ, вдругъ остановился. И въ то время, какъ ла-Моль, нападая, слишкомъ сильно размахнулъ рукою, Коконна съ быстротою молніи ударилъ его своей рапирой. Въ то же мгновеніе на бѣломъ атласномъ камзолѣ ла-Моля выступило алое пятнышко, которое стало дѣлаться все больше и больше.

— Смѣлѣе! — воскликнула герцогиня Неверская.

Отчаянный крикъ вырвался изъ груди Маргариты.

— Ахъ, бѣдный ла-Моль! — проговорила она.

Услыхавъ этотъ крикъ, ла-Моль бросилъ на королеву одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые ранятъ сердце сильнѣе шпаги, и нанесъ Коконна страшный ударъ.

На этотъ разъ обѣ женщины вскрикнули въ одинъ голосъ: шпага ла-Моля пронзила грудь Коконна и окровавленный конецъ ея показался у него за спиной.

Но не одинъ изъ бойцовъ не упалъ. Оба стояли неподвижно, смотря другъ на друга, боясь двинуться, чтобы не потерять равновѣсія. Наконецъ пьемонтецъ, получившій болѣе опасную рану, чѣмъ ла-Моль, и чувствуя, что силы его уходятъ вмѣстѣ съ льющейся изъ раны кровью, обхватилъ своего противника одной рукой и старался достать другой свой кинжалъ. Ла-Моль, съ своей стороны, собравъ всѣ силы, поднялъ руку и эфесомъ шпаги ударилъ своего противника въ лобъ. Оглушенный ударомъ Коконна упалъ; но, падая, онъ увлекъ за собой ла-Моля, и оба они покатились въ ровъ.

Маргарита и герцогиня Неверская, видя, что даже теперь, чуть не умирая, они стараются добить другъ друга, бросились къ нимъ вмѣстѣ съ капитаномъ. Но прежде, чѣмъ они успѣли добѣжать до нихъ, руки бойцовъ разжались, глаза закрылись, и они, выпустивъ оружіе вытянулись, какъ въ предсмертной судорогѣ.

— О, храбрый, храбрый ла-Моль! — воскликнула Маргарита, которая была уже не въ силахъ скрывать долѣе свое восхищеніе. — Прости, прости меня за мои подозрѣнія!

И на глазахъ у нея выступили слезы.

— Увы! Бѣдный, мужественный Аннибалъ! — прошептала баронесса, — видали вы когда-нибудь, ваше величество, такихъ неустрашимыхъ, храбрыхъ, какъ львы, бойцовъ?

И она зарыдала.

— Славные удары! — сказалъ капитанъ, стараясь унять кровь, льющуюся изъ ранъ Коконна и ла-Моля. — Эй, вы! Подъѣзжайте сюда скорѣе!

Капитанъ крикнулъ это какому-то человѣку, ѣхавшему въ телѣгѣ, выкрашенной въ красную краску, и распѣвавшему старинную пѣсню, о которой, должно-быть, напомнило ему чудо на кладбищѣ des Innocents.

— Эй! — снова крикнулъ капитанъ. — Подъѣзжайте же скорѣе, когда васъ зовутъ! Не видите вы развѣ, что этимъ господамъ нужна помощь?

Ѣхавшій въ телѣгѣ человѣкъ, грубое, отталкивающее лицо котораго странно противорѣчило его нѣжной, буканической пѣсенкѣ, остановилъ лошадь и, сойдя съ телѣги, нагнулся надъ ранеными.

— Отличныя раны! — сказалъ онъ. — Но мнѣ случалось наносить и получше.

— Кто же вы такой? — спросила Маргарита, чувствуя какой-то непобѣдимый ужасъ, котораго была не въ силахъ превозмочь.

— Я Кабошъ, сударыня, — отвѣтилъ онъ, поклонившись чуть не до земли, — палачъ города Парижа. Я везу товарищей г. адмиралу; ихъ нужно вздернуть на висѣлицу рядомъ съ нимъ.

— А я королева Наваррская, — сказала Маргарита. — Сбросьте съ вашей телѣги трупы, покройте ее попонами съ нашихъ лошадей, положите въ нее раненыхъ и тихонько поѣзжайте за нами въ Лувръ.

XVII.

Коллега Амбруаза Парэ.

Телѣга, въ которую положили Коконна и ла-Моля, повернула назадъ, въ Парижъ, и, слѣдуя за королевой и ея спутниками, доѣхала до Лувра. Тамъ она остановилась, и Кабошу щедро заплатили. Раненыхъ перенесли къ герцогу Алансонскому и послали за Амбруазомъ Парэ.

Когда онъ явился, они еще не пришли въ себя.

Ла-Моль былъ раненъ не такъ опасно, какъ Коконна. Ударъ пришелся ему пониже праваго плеча, но ни одинъ важн органъ не былъ задѣтъ; что касается до Коконна, то у

было проколото легкое и пламя свѣчи колебалось, когда ее подносили къ ранѣ.

Амбруазъ Парэ сказалъ, что не отвѣчаетъ за Коконна.

Герцогиня Неверская была въ отчаяніи. Она сама надѣялась на силу, ловкость и храбрость пьемонтца, помѣшала Маргаритѣ остановить бой. Ей очень хотѣлось помѣстить Коконна въ отелѣ Гиза и снова ухаживать за нимъ, но это было невозможно: ея мужъ долженъ былъ съ минуты на минуту вернуться изъ Рима, и ему показалось бы страннымъ, что она пригласила посторонняго поселиться у нихъ въ домѣ.

Желая скрыть причину полученныхъ Коконна и ла-Молемъ ранъ, Маргарита сказала, что они упали съ лошадей во время поѣздки. Но истина обнаружилась, благодаря свидѣтелю боя, капитану. Онъ не могъ удержаться и разболталъ о поединкѣ, расхваливая храбрость противниковъ. И скоро вся исторія стала извѣстна при дворѣ.

Амбруазъ Парэ лѣчилъ обоихъ раненыхъ, которые постепенно проходили черезъ всѣ фазы выздоровленія, въ зависимости, конечно, отъ свойства своихъ ранъ. Ла-Моль, положеніе котораго было менѣе опасно, началъ поправляться раньше. А Коконна въ это время лежалъ въ горячкѣ и возвращеніе его къ жизни ознаменовалось дикимъ и ужаснымъ бредомъ.

Хоть больныхъ помѣстили въ одной комнатѣ, ла-Моль, придя въ себя, не обратилъ никакого вниманія на своего сожителя или же сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его. Коконна, напротивъ, только что открывъ глаза, устремилъ ихъ на ла-Моля съ такимъ выраженіемъ, которое ясно доказывало, что потеря крови нисколько не повліяла на пылкій характеръ пьемонтца.

Коконна, еще не оправившійся отъ горячки, слѣдилъ за выздоровленіемъ своего врага и смотрѣлъ на него то изумленнымъ, то гнѣвнымъ, но всегда угрожающимъ взглядомъ.

Все происходившее представлялось пьемонтцу какой-то странной смѣсью фантастическаго и реальнаго. Онъ считалъ ла-Моля умершимъ, а между тѣмъ видѣлъ его призракъ, который лежалъ сначала на такой же постели, какъ онъ самъ, а потомъ началъ вставать, ходить и — о, ужасъ! — разъ даже подошелъ къ нему. Да, этотъ страшный призракъ, отъ котораго Коконна готовъ былъ бѣжать хоть въ преисподнюю, подошелъ прямо къ нему, остановился у его изголовья и устремилъ на него глаза; на его лицѣ было даже выраженіе кротости и состраданія, которое показалось Коконна какой-то адской насмѣшкой.

Тогда въ его душѣ, страдавшей, пожалуй, еще больше, чѣмъ тѣло, загорѣлась слѣпая жажда мщенія. Коконна думалъ только о томъ, какъ бы достать какое-нибудь оружіе и нанести ударъ

этому призраку ла-Моля, такъ ужасно мучившему его. Платье пьемонтца сначала лежало на стулѣ, а потомъ его унесли. Такъ какъ оно было все въ крови, то сочли за лучшее не оставлять его около больного; но кинжалъ его, которымъ, какъ всѣ полагали, ему еще долго не придется пользоваться, продолжалъ лежать на стулѣ. Коконна увидалъ его и три ночи сряду старался дотянуться до него, когда ла-Моль засыпалъ; но каждый разъ силы оставляли его и онъ падалъ въ обморокъ. Наконецъ, на четвертую ночь ему удалось схватить кинжалъ; онъ вцѣпился въ него своими судорожно скорченными пальцами и, застонавъ отъ боли, спряталъ оружіе подъ подушку.

Между тѣмъ какъ призракъ ла-Моля становился съ каждымъ днемъ все сильнѣе, самъ Коконна, постепенно занятый ужаснымъ видѣніемъ и заботами о томъ, какъ бы избавиться отъ него, напротивъ, терялъ силы.

На другой день послѣ того, какъ ему удалось достать кинжалъ, онъ увидалъ нѣчто необычайное: призракъ ла-Моля, глубоко задумавшись, прошелъ раза два или три по комнатѣ, а потомъ накинулъ плащъ, прицѣпилъ шпагу, надѣлъ фетровую шляпу съ широкими полями и, отворивъ дверь, вышелъ изъ комнаты.

Коконна облегченно вздохнулъ: онъ подумалъ, что избавился, наконецъ, отъ мучившаго его видѣнія. Въ продолженіе двухъ часовъ кровь обращалась ровнѣе у него въ жилахъ и еще не разу съ самаго поединка не чувствовалъ онъ себя такимъ спокойнымъ. Если бы ла-Моль пробылъ въ отсутствіи одинъ день, къ Коконна вернулось бы сознаніе; если бы тотъ не приходилъ недѣлю, пьемонтецъ, можетъ-быть, совсѣмъ бы выздоровѣлъ. Но, къ несчастью, ла-Моль вернулся черезъ два часа.

Его возвращеніе поразило Коконна какъ громомъ, и хотя ла-Моль пришелъ не одинъ, больной даже ни разу не посмотрѣлъ на его спутника.

А на него стоило взглянуть.

Это былъ низенькій, коренастый, сильный человѣкъ лѣтъ сорока, съ черными волосами, спускавшимися до самыхъ бровей, и длинной, не по тогдашней модѣ, черной бородой, которою заросла вся нижняя часть его лица. Да и ни въ чемъ, повидимому, не слѣдовалъ онъ модѣ. На немъ былъ кожаный камзолъ, весь въ бурыхъ пятнахъ, красные штаны, грубые кожаные башмаки, шапка того же цвѣта, какъ штаны, и широкій поясъ, на которомъ висѣлъ ножъ въ ножнахъ.

Этотъ странный субъектъ, присутствіе котораго въ Луврѣ казалось аномаліей, бросилъ на стулъ свой темный плащъ и безцеремонно подошелъ къ постели Коконна; но тотъ, какъ

поддаваясь какому-то странному очарованію, не могъ оторвать глазъ отъ стоявшаго въ сторонѣ ла-Моля. Человѣкъ въ кожаномъ камзолѣ посмотрѣлъ на больного и покачалъ головою.

— Вы ждали слишкомъ долго, — сказалъ онъ ла-Молю.

— Я не могъ выйти раньше.

— Э, чортъ возьми! Вы могли послать кого-нибудь за мною.

— Кого же, напримѣръ?

— Ахъ, да, я и забылъ, что мы въ Луврѣ. Я говорилъ съ этими дамами, но онѣ не хотѣли слушать меня. Если бы исполняли мои предписанія, вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣтамъ этого набитаго дурака Амбруаза Парэ, вы оба ужъ давно могли бы вмѣстѣ искать разныхъ приключеній или снова подраться, если бы вамъ пришла охота. Ну, посмотримъ! Вашъ пріятель понимаетъ, что ему говорятъ?

— Не совсѣмъ.

— Покажите языкъ, милостивый государь.

Коконна высунулъ языкъ ла-Молю, сдѣлавъ такую ужасную гримасу, что незнакомецъ снова покачалъ головою.

— Ого, сокращеніе мускуловъ, — пробормоталъ онъ. — Да, времени терять нельзя. Сегодня же вечеромъ я пришлю питье, которое больной долженъ принять въ три пріема съ промежутками въ часъ. Въ первый разъ ему нужно дать лѣкарство въ полночь, затѣмъ въ часъ и въ два часа.

— Хорошо.

— Кому же поручите вы давать питье?

— Я дамъ его самъ.

— А если бы какой-нибудь врачъ вздумалъ отлить немного этого питья, чтобы разложить его и узнать, изъ какихъ составныхъ частей оно состоитъ, то...

— То я вылью его до послѣдней капли.

— Вы обѣщаете и это?

— Клянусь вамъ!

— Съ кѣмъ же мнѣ прислать вамъ питье?

— Съ кѣмъ угодно.

— Но мной посланному, пожалуй, будетъ трудно добраться до васъ.

— Я ужъ думалъ объ этомъ. Пусть онъ скажетъ, что его прислалъ флорентинецъ Ренэ.

— Тотъ, который живетъ около моста Сенъ-Мишель?

— Тотъ самый. Онъ пользуется правомъ входить въ Лувръ во всякое время дня и ночи.

Незнакомецъ улыбнулся.

— Говоря по совѣсти, — сказалъ онъ, — это еще небольшое право за все, чѣмъ ему обязана королева-мать. Итакъ, мой

посланный придетъ отъ имени парфюмера Ренэ; могу же я хоть разъ воспользоваться его именемъ: самъ онъ очень часто, не имѣя никакого права, занимается моей профессіей.

— Такъ я разсчитываю на васъ. Что же касается платы...

— Ну, объ этомъ я потолкую съ самимъ больнымъ, когда онъ выздоровѣетъ.

— И можете быть спокойны — я думаю, что онъ будетъ въ состояніи щедро заплатить вамъ.

— Думаю тоже и я. Но, — съ странной улыбкой прибавилъ незнакомецъ, — такъ какъ люди, съ которыми я имѣю дѣло, обыкновенно не чувствуютъ ко мнѣ признательности, то я нисколько не удивлюсь, если и этотъ больной, вставъ на ноги, забудетъ или, вѣрнѣе, не потрудится вспомнить обо мнѣ.

— Хорошо, хорошо! — тоже улыбнувшись, сказалъ ла-Моль. — Въ такомъ случаѣ я самъ напомню ему о васъ.

— Черезъ два часа я пришлю лѣкарство.

— До свиданія.

— Какъ вы сказали?

— До свиданія.

Незнакомецъ улыбнулся.

— Я, съ своей стороны, — сказалъ онъ, — всегда говорю не „до свиданія", а „прощайте". Итакъ, прощайте. Черезъ два часа вы получите питье. Не забудьте же дать его больному въ три пріема: въ полночь, въ часъ и въ два часа.

Онъ ушелъ, и ла-Моль остался одинъ съ Коконна.

Больной слышалъ разговоръ, но не понялъ изъ него ничего: до него доносился гулъ голосовъ и не имѣющія связи слова. Изо всего разговора у него осталось въ памяти только одно слово: „Полночь".

Онъ продолжалъ слѣдить своимъ горящимъ взглядомъ за ла-Молемъ, который остался въ комнатѣ и задумчиво ходилъ взадъ и впередъ.

Неизвѣстный врачъ сдержалъ слово и въ назначенный часъ прислалъ питье. Ла-Моль поставилъ его на серебряную конфорку и легъ въ постель.

Это нѣсколько успокоило Коконна; онъ закрылъ глаза и забылся. Но въ этомъ лихорадочномъ забытьѣ его преслѣдовалъ все тотъ же призракъ, что и наяву. Онъ видѣлъ угрожающаго ему ла-Моля, и какой-то голосъ шепталъ ему на ухо: „Полночь! Полночь! Полночь!"

Вдругъ среди ночной тишины раздался бой часовъ. Они пробили двѣнадцать разъ.

Коконна открылъ свои воспаленные глаза. Горячее дыханіе его обжигало, какъ огнемъ, его сухія губы; страшная жаж

томила его пылающее горло. Маленькая ночная лампочка горѣла, какъ всегда, и при ея тускломъ свѣтѣ какія-то смутныя, призрачныя фигуры задвигались и закружились передъ глазами больного.

И вдругъ онъ съ ужасомъ увидалъ, что ла-Моль встаетъ съ постели. Онъ прошелъ раза два по комнатѣ и направился къ нему, показывая кулакъ. Коконна протянулъ руку къ кинжалу, схватилъ его и приготовился поразить своего врага.

Ла-Моль подошелъ еще ближе.

— Это ты... опять ты!—бормоталъ Коконна.—Ну, иди!.. А, ты угрожаешъ мнѣ... показываешъ кулакъ... улыбаешься!.. Ты подкрадываешься къ моей постели... Хорошо, иди, иди... я зарѣжу тебя!..

И въ то время, какъ ла-Моль нагнулся къ нему, Коконна вынулъ изъ-подъ одѣяла блеснувшій, какъ молнія, кинжалъ. Но послѣ этого усилія онъ совсѣмъ ослабѣлъ. Его протянутая къ ла-Молю рука остановилась на полпути, кинжалъ выпалъ изъ нея, и больной упалъ на изголовье.

— Полно, успокойтесь!—сказалъ ла-Моль, осторожно приподнимая голову Коконна и поднося ему ко рту чашку.—Выпейте это, у васъ страшный жаръ.

Эта-то чашка, которую держалъ ла-Моль, и превратилась въ разстроенномъ мозгу Коконна въ поднятый кулакъ.

Когда освѣжающее питье коснулось его губъ, къ нему вернулось если не сознаніе, то инстинктъ. Его охватило такое пріятное ощущеніе, какого до сихъ поръ онъ еще никогда не испытывалъ. Онъ взглянулъ на ла-Моля, который поддерживалъ его и улыбался ему. И тогда изъ глазъ больного, раньше горѣвшихъ ненавистью и злобой, выкатилась слеза, тотчасъ же высохшая на его пылающей щекѣ.

— Mordi!—пробормоталъ онъ, опускаясь на подушки.—Если я выздоровлю, вы будете моимъ другомъ, ла-Моль!

— И вы выздоровѣете,—отвѣтилъ ла-Моль,—если выпьете три чашки этого лѣкарства и забудете свои дурные сны.

Черезъ часъ ла-Моль, исполняя въ точности предписаніе неизвѣстнаго врача, всталъ и, наливъ во второй разъ чашку питья, подалъ ее больному. Но на этотъ разъ Коконна встрѣтилъ его уже не съ кинжаломъ въ рукахъ, а съ открытыми объятіями и, съ наслажденіемъ выпивъ лѣкарство, въ первый разъ послѣ поединка заснулъ спокойно.

Третья чашка произвела на него такое же чудесное дѣйствіе. Онъ началъ дышать ровнѣе, и легкая испарина выступила на его горячемъ тѣлѣ.

Амбруазъ Парэ, придя на другой день навѣстить своего паціента, улыбнулся съ довольнымъ видомъ.

— Теперь я отвѣчаю за больного, — сказалъ онъ. — Это одинъ изъ самыхъ удачныхъ случаевъ въ моей практикѣ.

Полудраматическая, полукомическая сцена между ла-Молемъ и Коконна, не лишенная въ то же время какой-то трогательной поэзіи, очень сблизила ихъ. Дружба ихъ, начавшаяся въ гостиницѣ „Прекрасная Звѣзда“ и такъ ужасно прерванная событіями Варфоломеевской ночи, стала еще горячѣе послѣ того, какъ они обмѣнялись нѣсколькими ударами шпагъ.

Въ концѣ-концовъ всѣ раны, прежнія и новыя, легкія и тяжелыя, начали мало-по-малу закрываться. Ла-Моль, вѣрный принятой на себя обязанности сидѣлки, не оставлялъ Коконна до тѣхъ поръ, пока тотъ не выздоровѣлъ окончательно. Онъ приподнималъ его на постели, когда тотъ былъ еще слабъ, поддерживалъ его, когда тотъ началъ ходить, и оказывалъ ему разныя маленькія услуги. Эти нѣжныя заботы и крѣпкій организмъ пьемонтца сдѣлали то, что онъ выздоровѣлъ гораздо скорѣе, чѣмъ ожидали.

Между тѣмъ одна и та же мысль мучила обоихъ молодыхъ людей. Въ первое время, когда они оба были опасно больны и рѣдко приходили въ сознаніе, каждому изъ нихъ казалось, что онъ видитъ около своей постели любимую женщину; но съ тѣхъ поръ, какъ они начали поправляться, ни Маргарита ни герцогиня Неверская не показывались въ ихъ комнатѣ. Въ этомъ, въ сущности, не было ничего удивительнаго. Такъ какъ одна была жена короля Наваррскаго, а другая — невѣстка герцога Гиза, то онѣ не могли выказывать публично свое участіе къ двумъ простымъ дворянамъ. Это, конечно, понимали ла-Моль и Коконна, но, тѣмъ не менѣе, ихъ очень огорчало отсутствіе Маргариты и Генріетты. А что если онѣ совсѣмъ забыли о нихъ?

XVIII.

Выходцы съ того свѣта.

Въ продолженіе нѣкотораго времени каждый изъ молодыхъ людей хранилъ отъ другого свою сердечную тайну. Наконецъ, разъ, въ минуту откровенности, они не могли удержаться и разсказали другъ другу все, скрѣпивъ такимъ образомъ свою дружбу. Безъ полной откровенности не бываетъ дружбы.

Они были безумно влюблены, одинъ — въ королеву, другой — въ герцогиню.

Для бѣдныхъ влюбленныхъ было что-то ужасное въ томъ громадномъ разстояніи, которое отдѣляло ихъ отъ любимыхъ женщинъ. Но надежда, которая живетъ въ душѣ человѣка до самой его смерти, не покидала ихъ, и они все-таки надѣялись, хоть и понимали, насколько это безразсудно съ ихъ стороны.

Какъ только здоровье ихъ стало поправляться, они оба начали сильно заниматься своей наружностью. Каждый, даже самый равнодушный къ своей внѣшности, мужчина обращается въ извѣстныхъ обстоятельствахъ къ зеркалу, ведетъ съ нимъ нѣмые разговоры и почти всегда уходитъ очень довольный. Наши герои были не изъ числа тѣхъ, кому зеркало говоритъ разныя неутѣшительныя вещи. Блѣдный, стройный, изящный ла-Моль обладалъ красивой аристократической наружностью. Высокій, богатырски сложенный, румяный Коконна былъ тоже красивъ, но въ другомъ родѣ, красотой силы. Болѣзнь послужила ему въ пользу: онъ немного похудѣлъ и поблѣднѣлъ, а знаменитый рубецъ, такъ мучившій его своимъ сходствомъ съ радугой, наконецъ, исчезъ.

Самыя нѣжныя и трогательныя заботы окружали раненыхъ. Въ тотъ день, какъ ла-Молю позволили въ первый разъ встать съ постели, онъ увидалъ утромъ приготовленный для него шлафрокъ, лежавшій на креслѣ около кровати, такое же вниманіе было оказано и Коконна, когда онъ въ первый разъ всталъ. Когда молодые люди были въ состояніи одѣться, каждому изъ нихъ принесли заранѣе полный костюмъ, при чемъ въ карманахъ обоихъ камзоловъ оказалось по туго набитому кошельку. Ла-Моль и Коконна оставили деньги у себя, но, конечно, лишь съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ, когда это окажется возможнымъ, своему неизвѣстному покровителю.

Этимъ покровителемъ былъ во всякомъ случаѣ не герцогъ: онъ не только ни разу не зашелъ къ нимъ, но даже ни разу не прислалъ справиться о ихъ здоровьѣ.

И въ сердце ла-Моля и Коконна невольно закралась надежда, что этотъ неизвѣстный покровитель — любимая имъ женщина.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ они ждали той минуты, когда имъ можно будетъ выйти. Ла-Моль, выздоровѣвшій раньше, могъ бы сдѣлать это ужъ давно; но онъ, какъ бы по безмолвному уговору, считалъ себя обязаннымъ раздѣлить судьбу друга.

Они рѣшили сдѣлать въ день выхода три визита.

Первый — къ врачу, лѣкарство котораго такъ помогло Коконна.

Второй — въ гостиницу покойнаго метра ла-Гюрьера, гдѣ они оставили своихъ лошадей и чемоданы.

Третій — къ парфюмеру Ренэ, который, кромѣ своей спеціальности, занимался еще колдовствомъ и не только продавалъ косметики и яды, но приготовлялъ еще любовныя зелья и предсказывалъ будущее.

Послѣ двухмѣсячнаго заключенія этотъ желанный день, наконецъ, наступилъ.

Мы употребили слово „заключеніе“ не по ошибкѣ: нѣсколько разъ молодые люди, въ своемъ нетерпѣніи, хотѣли ускорить этотъ день, но поставленный около двери часовой каждый разъ преграждалъ имъ дорогу. Имъ объявили, что ихъ выпустятъ только послѣ того, какъ на это получится разрѣшеніе Амбруаза Парэ.

Наконецъ, этотъ знаменитый хирургъ, найдя, что его паціенты если и не совсѣмъ выздоровѣли, то во всякомъ случаѣ были на пути къ полному выздоровленію, далъ это разрѣшеніе. И около двухъ часовъ пополудни, въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ осеннихъ дней, какими Парижъ иногда удивляетъ парижанъ, уже покорно ожидающихъ зимы, ла-Моль и Коконна, опираясь другъ на друга, вышли изъ Лувра.

Ла-Моль былъ въ своемъ вишневомъ плащѣ, который, къ его величайшему удовольствію, ему подали утромъ. Онъ вызвался быть путеводителемъ, на что Коконна безпрекословно согласился. Они шли къ врачу, питье котораго вылѣчило Коконна въ одну ночь, тогда какъ всѣ лѣкарства Амбруаза Парэ понемногу убивали его. Деньги свои, двѣстиноблей, пьемонтецъ раздѣлилъ пополамъ и одну половину рѣшилъ дать неизвѣстному эскулапу. Коконна не боялся смерти, но былъ не прочь пожить. А потому онъ и намѣренъ былъ щедро вознаградить человѣка, спасшаго ему жизнь.

Ла-Моль повелъ своего друга по различнымъ улицамъ на Рыночную площадь. Около стариннаго фонтана стоялъ восьмиугольный каменный столбъ, а на немъ деревянная башенка съ остроконечной крышей и вертящимся на ней флюгеромъ.

Въ башенкѣ, въ которой было восемь отверстій, двигалось что-то въ родѣ деревяннаго колеса. Оно раздѣлялось пополамъ и могло захватывать въ приспособленныя для этого выемки головы и руки одного или нѣсколькихъ осужденныхъ, которыхъ выставляли у отверстій.

Это странное сооруженіе, не имѣвшее ничего общаго съ окружающими его зданіями, называлось позорнымъ столбомъ.

У его подножія выросъ, какъ грибъ, безобразный, горбатый, подслѣповатый домикъ съ заросшей мохомъ крышей, похожей на кожу прокаженнаго. Это былъ домъ палача.

Въ башенкѣ стоялъ преступникъ; около него тѣснилась толпа любопытныхъ, которыхъ онъ дразнилъ, высовывая имъ языкъ. Это былъ случайно пойманный съ поличнымъ воръ изъ числа тѣхъ, которые промышляли около монфоконской висѣлицы.

Коконна подумалъ, что другъ привелъ его посмотрѣть на это интересное зрѣлище, и смѣшался съ толпой любителей, которые отвѣчали свистками и бранью на гримасы преступника.

Коконна былъ отъ природы жестокъ и потому это зрѣлище понравилось ему; онъ только жалѣлъ, что вмѣсто брани въ наглаго вора не бросаютъ каменьевъ за то, что онъ осмѣливается высовывать языкъ благороднымъ господамъ, сдѣлавшимъ ему честь своимъ приходомъ.

Когда подвижная башенка повернулась на своей оси, чтобы дать возможность полюбоваться на преступника и съ другой части площади, Коконна хотѣлъ перейти туда вслѣдъ за толпою, но ла-Моль остановилъ его, шепнувъ:

— Мы не за этимъ пришли сюда.

— А зачѣмъ же? — спросилъ Коконна.

— Сейчасъ узнаешь, — отвѣтилъ ла-Моль.

Друзья стали на „ты“ съ той памятной ночи, когда Коконна хотѣлъ зарѣзать ла-Моля.

Ла-Моль подвелъ Коконна къ домику, прислонившемуся къ позорному столбу, и подошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ окну, около котораго стоялъ, нагнувшись и опершись на подоконникъ, какой-то человѣкъ.

— А, это вы, господа! — сказалъ онъ, снимая красный колпакъ и обнаживъ голову, покрытую густыми черными волосами, спускавшимися до самыхъ бровей. — Милости просимъ!

— Кто это такой? — спросилъ Коконна, которому показалось, какъ будто онъ уже видѣлъ это лицо раньше, когда лежалъ въ горячкѣ.

— Это человѣкъ, спасшій тебѣ жизнь, — отвѣтилъ ла-Моль. — Онъ прислалъ тебѣ питье, которое такъ благодѣтельно подѣйствовало на тебя.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, любезный другъ...

И Коконна протянулъ врачу руку.

Но тотъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать то же, выпрямился и такимъ образомъ отодвинулся отъ пріятелей на разстояніе, которое занимала раньше его согнутая спина.

— Благодарю васъ за честь, — сказалъ онъ, — но, можетъ-быть, вы не пожелали бы оказать ее мнѣ, если бы знали, кто я.

— *Хоть* бы вы были самимъ дьяволомъ, — воскликнулъ *Коконна*, — я все равно считалъ бы себя обязаннымъ вамъ. Безъ *вашей* помощи я былъ бы теперь мертвъ.

— *Я* не совсѣмъ дьяволъ, — отвѣтилъ человѣкъ въ *красномъ* колпакѣ, — но многіе желали бы лучше имѣть дѣло съ *дьяволомъ*, чѣмъ со мной.

— Кто же вы такой? — спросилъ Коконна.

— Я Кабошъ, парижскій городской палачъ.

— А! — воскликнулъ Коконна, опуская протянутую руку.

— Вотъ видите! — сказалъ Кабошъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, давайте сюда вашу руку, чортъ побери!

— Вы не шутите?

— Давайте ее сюда!

— Вотъ она!

— Раскрывайте ее получше... еще... вотъ такъ!

И Коконна, вынувъ изъ кармана пригоршню приготовленныхъ для неизвѣстнаго врача золотыхъ монетъ, положилъ ихъ въ руку палача.

— Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы подали мнѣ вашу руку безъ денегъ, — сказалъ, покачавъ головою, Кабошъ. — Въ деньгахъ у меня нѣтъ недостатка, но въ людяхъ, которые подаютъ мнѣ руку, я очень нуждаюсь. Ну, все равно. Да благословитъ васъ Богъ!

— Значитъ, вы пытаете, колесуете и четвертуете людей, ломаете имъ кости и рубите головы? — сказалъ Коконна, съ любопытствомъ глядя на палача. — Очень радъ познакомиться съ вами!

— Я не все это дѣлаю самъ, — сказалъ Коконна. — Какъ у васъ, знатныхъ господъ, есть слуги, которые дѣлаютъ то, что не хочется дѣлать вамъ самимъ, такъ и у меня есть помощники, исполняющіе всю черную работу и отправляющіе на тотъ свѣтъ простой народъ. Но когда приходится имѣть дѣло съ такими господами, какъ, напримѣръ, вы или вашъ товарищъ, тогда я не уступаю этой чести никому и дѣлаю все самъ сначала до конца, т.-е. начиная съ пытки и кончая казнью.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Коконна: ему показалось, что холодная сталь коснулась его шеи. Ла-Моль, самъ не зная почему, почувствовалъ то же самое.

Но Коконна преодолѣлъ свое волненіе, котораго стыдился, и хотѣлъ пошутить съ Кабошемъ на прощанье.

— Смотрите же, метръ Кабошъ, — сказалъ онъ. — Когда придетъ моя очередь взбираться на висѣлицу Энгеррана Мариньи или на эшафотъ Немура, сдѣлайте для меня все с

— Обѣщаю вамъ это.

— И на этотъ разъ, — сказалъ Коконна, — вотъ моя рука въ знакъ того, что я принимаю ваше обѣщаніе.

И онъ протянулъ Кабошу руку, до которой тотъ робко дотронулся, хоть видно было, что ему очень хотѣлось крѣпко пожать ее.

Почувствовавъ прикосновеніе палача, Коконна слегка поблѣднѣлъ, но продолжалъ улыбаться. Ла-Молю было не по себѣ и, видя, что толпа, мѣнявшая направленіе съ каждымъ поворотомъ башенки, теперь приближается къ нимъ, дернулъ своего друга за плащъ.

Коконна, которому не меньше ла-Моля хотѣлось поскорѣе покончить эту сцену, участвуя въ которой, онъ, по живости своего характера, зашелъ дальше, чѣмъ хотѣлъ, кивнулъ Кабошу головою и послѣдовалъ за пріятелемъ.

— Ну, право же, — сказалъ ла-Моль, когда они отошли далеко, — здѣсь дышится легче, чѣмъ на Рыночной площади.

— Да, это такъ, — согласился Коконна, — но я все-таки очень доволенъ, что познакомился съ метромъ Кабошемъ. Хорошо имѣть друзей всюду.

— Даже подъ вывѣской „Прекрасной Звѣзды?“ — смѣясь, спросилъ ла-Моль.

— О, что касается до бѣднаго ла-Гюрьера, — сказалъ Коконна, — то онъ умеръ. Я видѣлъ вспыхнувшій огонекъ пищали и слышалъ, какъ ударилась пуля, точно будто въ колоколъ собора Богоматери. А когда я уходилъ, ла-Гюрьеръ лежалъ въ лужѣ крови, которая текла у него изъ носа и изо рта. Если онъ другъ, то другъ на томъ свѣтѣ.

Разговаривая такъ, молодые люди дошли до улицы Арбръ-Секъ и направились къ вывѣскѣ „Прекрасной Звѣзды“, которая все такъ же скрипѣла на прежнемъ мѣстѣ и такъ же выставляла на соблазнъ путешественникамъ свое съѣдобное и аппетитное свѣтило.

Коконна и ла-Моль думали, что всѣ въ домѣ горюютъ о покойномъ и что они увидятъ вдову въ траурѣ и слугъ съ крепомъ на рукавѣ. Но, къ ихъ величайшему изумленію, въ гостиницѣ шла обычная суета, г-жа ла-Гюрьеръ сіяла, а слуги бѣгали еще веселѣе обыкновеннаго.

„Измѣнница, — подумалъ ла-Моль. — Она, должно-быть, ужъ вышла замужъ“.

И, обратившись къ этой новой Артемидѣ, онъ сказалъ:

— Сударыня, мы знакомые бѣднаго ла-Гюрьера. Мы оставили здѣсь своихъ лошадей и чемоданы и пришли за ними.

Хозяйка пристально поглядѣла на нихъ, какъ бы стараясь припомнить ихъ лица.

— Такъ какъ не имѣю чести знать васъ, господа, — отвѣтила она, — то позвольте мнѣ позвать мужа... Сходите за хозяиномъ, Грегуаръ!

Грегуаръ прошелъ изъ первой кухни, предназначенной для общаго пользованія, во вторую, служившую при жизни ла-Гюрьера его лабораторіей. Тамъ онъ приготовлялъ своими искусными руками кушанья, которыя считалъ достойными такой чести.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ Коконна.—Всѣ они веселы и никто не думаетъ горевать. Мнѣ, право же, больно смотрѣть на это. Бѣдный ла-Гюрьеръ!

— Онъ хотѣлъ убить меня, — сказалъ ла-Моль, — но я отъ души прощаю ему.

Только что успѣлъ ла-Моль проговорить это, какъ изъ лабораторіи вышелъ человѣкъ съ кастрюлей въ рукѣ. Въ ней лежалъ жареный лукъ, который онъ мѣшалъ деревянной ложкой.

Ла-Моль и Коконна вскрикнули отъ удивленія.

Услыхавъ этотъ крикъ, вошедшій поднялъ голову и, тоже вскрикнувъ, выронилъ кастрюльку. Ложка осталась у него въ рукѣ и онъ, махая ею, какъ кропиломъ, торжественно проговорилъ:

— In nomine Patris, er Filii, et Spiritus Sancti...

— Метръ ла-Гюрьеръ!—воскликнули Коконна и ла-Моль.

— Значитъ, вы не умерли? — спросилъ Коконна.

— И вы живы? — въ свою очередь спросилъ хозяинъ.

— А между тѣмъ я видѣлъ, какъ вы упали,— продолжалъ Коконна. —Я слышалъ, какъ просвистала пуля и раздробила вамъ что-то, не знаю, что именно. А когда я уходилъ, вы лежали въ лужѣ крови, которая текла у васъ изъ носа, изо рта и, кажется, даже изъ глазъ.

— Все это правда, г. Коконна. Только, къ счастью, пуля попала мнѣ въ шишакъ и сплюснулась. Но все-таки ударъ былъ очень силенъ, и вотъ вамъ доказательства, — прибавилъ ла-Гюрьеръ, снявъ колпакъ и показывая свою голую, какъ колѣно, голову. — У меня не осталось ни волоска.

Молодые люди расхохотались, смотря на его уморительную фигуру.

— А, вы смѣетесь!—сказалъ ободренный ла-Гюрьеръ.—Значитъ, вы пришли не съ дурными намѣреніями?

— А вы, метръ ла-Гюрьеръ, излѣчились отъ своей ственной горячки?

— Да, клянусь честью. И съ тѣхъ поръ...

— Ну, что же? И съ тѣхъ поръ?..

— Я далъ обѣтъ смотрѣть только на одинъ огонь—на огонь моей кухонной печи.

— Браво! — сказалъ Коконна. — Вотъ это благоразумно... Ну-съ, а теперь поговоримъ о дѣлѣ. Мы оставили въ вашей конюшнѣ двухъ лошадей, а въ комнатѣ — два чемодана.

— А, чортъ возьми! — пробормоталъ хозяинъ, почесывая за ухомъ.

— Ну?

— Такъ вы говорите, двухъ лошадей?

— Да, въ конюшнѣ.

— И два чемодана?

— Да, въ комнатѣ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло... Вѣдь вы считали меня умершимъ, такъ?

— Считали.

— А если вы могли ошибиться, то могъ, конечно, ошибиться и я, неправда ли?

— И тоже счесть насъ умершими? Конечно.

— Ну, вотъ. А такъ какъ вы умерли безъ завѣщанія...

— Что же дальше?

— Я считалъ себя въ правѣ... Теперь я вижу, что этого не слѣдовало дѣлать...

— Договаривайте. Вы считали себя въ правѣ?...

— Распорядиться оставшимся послѣ васъ наслѣдствомъ.

— А!.. А!.. — воскликнули молодые люди.

— Но я все-таки очень радъ, что вы живы, господа.

— Значитъ, вы продали нашихъ лошадей?— спросилъ Коконна.

— Увы!

— И наши чемоданы? — спросилъ ла-Моль.

— Нѣтъ, нѣтъ, чемоданы я не продавалъ! — воскликнулъ ла-Гюрьеръ. — Я продалъ только то, что было въ нихъ.

— Послушай, ла-Моль,— сказалъ Коконна. — По-моему, это очень дерзкій негодяй. Какъ ты полагаешь, не выпотрошить ли намъ его?

Эта угроза произвела, повидимому, сильное впечатлѣніе на метра ла-Гюрьера.

— Но, мнѣ кажется, господа,—пробормоталъ онъ,—что это дѣло можно какъ-нибудь уладить...

— Я больше, чѣмъ кто-либо другой, имѣю право жаловаться на тебя, — сказалъ ла-Моль.

— Вы совершенно правы, г. графъ. Я помню, что въ несчастную минуту осмѣлился угрожать вамъ.

— Да, пулей, которая пролетѣла на разстоянiи двухъ дюймовъ отъ моей головы.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Если вы увѣрены, — сказалъ съ самымъ невиннымъ видомъ ла-Гюрьеръ, поднимая кастрюлю, — то я, конечно, не осмѣлюсь противорѣчить вамъ.

— Ну, такъ знай же, что я, съ своей стороны, ничего не требую отъ тебя.

— Какъ?

— За однимъ исключенiемъ.

— Ай! Ай! — пробормоталъ ла-Гюрьеръ.

— Чтобы ты угощалъ обѣдомъ меня и моихъ друзей каждый разъ, какъ я буду въ этой сторонѣ.

— Съ удовольствiемъ, съ удовольствiемъ! Я весь къ вашимъ услугамъ, г. графъ! — въ восторгѣ воскликнулъ ла-Гюрьеръ.

— Значитъ, это рѣшено?

— Конечно, рѣшено. А вы, г. Коконна, согласны на это? — спросилъ хозяинъ.

— Да. Только, какъ и мой другъ, съ однимъ маленькимъ условiемъ.

— Съ какимъ же?

— Ты сейчасъ же отдашь графу ла-Молю пятьдесятъ экю, которыя я проигралъ ему и оставилъ у тебя.

— У меня, г. графъ? Когда же это?

— За четверть часа до того, какъ ты продалъ мою лошадь и мой чемоданъ.

— А, понимаю! — сказалъ ла-Гюрьеръ.

И, подойдя къ шкафу, онъ вынулъ изъ него одинъ за другимъ пятьдесятъ экю и подалъ ихъ ла-Молю.

— Хорошо, — сказалъ тотъ. — Приготовьте намъ яичницу, а эти пятьдесятъ экю отдайте Грегуару.

— О, вы щедры, какъ принцы, господа! — воскликнулъ ла-Гюрьеръ. — Можете разсчитывать на меня, я готовъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Коконна, — приготовь заказанную нами яичницу, да не жалѣй масла и ветчины.

И, взглянувъ на часы, онъ обратился къ ла-Молю:

— Ты поступилъ очень благоразумно, заказавъ завтракъ. У насъ три часа свободныхъ и гораздо лучше переждать ихъ здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Это тѣмъ удобнѣе, что тутъ, если не ошибаюсь, мы на полдорогѣ къ мосту Мишель.

И молодые люди сѣли за столъ въ той самой комнатѣ, которую занимали въ памятный вечеръ 24 августа, когда Коконна предлагалъ ла-Молю сыграть на первую любовницу.

Къ чести нашихъ героевъ, слѣдуетъ прибавить, что теперь ни одному изъ нихъ не пришло въ голову предлагать такую ставку.

XIX.

Жилище Ренэ, парфюмера королевы-матери.

Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ романѣ, только пять мостовъ соединяли Парижъ съ Ситэ: де-Менье, о'Шантръ, Парижской Богоматери, Малый мостъ и Сенъ-Мишель. Одни были каменные, другіе — деревянные.

Въ многолюдныхъ частяхъ города, тамъ, гдѣ особенно часто требовалась переправа, были устроены поромы, которые съ грѣхомъ пополамъ замѣняли мосты.

Всѣ пять мостовъ были по обѣ стороны застроены домами, какъ въ настоящее время мостъ Веккіо во Флоренціи.

У каждаго изъ нихъ была своя исторія, но мы займемся здѣсь исключительно только мостомъ Сенъ-Мишеля.

Онъ былъ сооруженъ изъ камня въ 1373 году и, несмотря на то, что казался очень прочнымъ, сильно пострадалъ отъ разлива Сены 31 января 1408 года. Въ 1416 году былъ выстроенъ новый мостъ, на этотъ разъ деревянный, но въ ночь 16 декабря 1547 года и его не стало. Около 1550 года, то-есть за двадцать два года до того времени, до котораго мы дошли въ нашемъ романѣ, былъ опять сооруженъ новый деревянный мостъ, который считался еще вполнѣ надежнымъ, хотя его ужъ не разъ приходилось поправлять.

Среди домовъ, тянущихся вдоль моста Сенъ-Мишель и обращенныхъ фасадомъ къ островку, гдѣ были сожжены тампліеры, стоялъ деревянный домъ, надъ которымъ нависла широкая крыша, какъ рѣсница надъ громаднымъ глазомъ. Въ первомъ этажѣ, надъ герметически закрытой дверью нижняго, было отворено окно, въ которомъ виднѣлся красноватый свѣтъ. Онъ привлекалъ вниманіе прохожихъ, и они невольно взглядывали на низкій, широкій фасадъ дома, выкрашенный въ голубую краску и украшенный золоченой рѣзьбой. На фризѣ, отдѣлявшемъ первый этажъ отъ нижняго, была изображена толпа чертей въ самыхъ странныхъ позахъ, а между фризомъ и окномъ была прибита выкрашенная въ голубую краску вывѣска съ слѣдующей надписью:

„Ренэ-флорентинецъ, парфюмеръ ея величества королевы-матери“.

Дверь этой лавки, какъ мы уже говорили, была крѣпко-накрѣпко заперта; но лучше всякихъ запоровъ охраняла ее отъ ночныхъ нападеній страшная репутація Ренэ-парфюмера. Онъ наводилъ такой ужасъ на всѣхъ, что люди, проходившіе по мосту, приближаясь къ его дому, спѣшили перейти на другую сторону, какъ будто боялись, что запахъ духовъ дойдетъ до нихъ черезъ стѣну.

Но этого еще мало. Сосѣди Ренэ справа и слѣва, должно-быть, опасаясь скомпрометировать себя такимъ сосѣдствомъ, покинули свои жилища съ тѣхъ поръ, какъ флорентинецъ поселился на мосту Сенъ-Мишель. Такимъ образомъ два сосѣдніе съ Ренэ дома были заперты и необитаемы. А между тѣмъ многіе изъ тѣхъ, кому случалось проходить по мосту поздно вечеромъ или ночью, увѣряли, что видѣли сквозь запертыя ставни этихъ покинутыхъ домовъ свѣтъ и слышали доносившіеся оттуда звуки, похожіе на жалобы. Это доказывало, что какія-то существа — неизвѣстно только, принадлежащія къ здѣшнему или другому міру — посѣщали эти дома.

А это повело къ тому, что живущіе рядомъ съ опустѣвшими домами стали подумывать, не благоразумнѣе ли имъ послѣдовать примѣру своихъ сосѣдей.

Ренэ одинъ только пользовался правомъ не тушить огня въ назначенный часъ. Во-первыхъ, всѣ боялись его самого, а во-вторыхъ, ни ночной дозоръ ни караулъ не осмѣливались безпокоить человѣка, который былъ дорогъ королевѣ-матери вдвойнѣ: какъ соотечественникъ и какъ парфюмеръ.

Такъ какъ мы увѣрены, что философія XVIII вѣка уничтожила въ читателѣ вѣру въ магію и колдуновъ, то приглашаемъ его войти вмѣстѣ съ нами въ жилище Ренэ, которое въ тотъ суевѣрный вѣкъ наводило такой страхъ на всѣхъ.

Въ лавкѣ нижняго этажа темно; въ ней нѣтъ никого. Ее отпираютъ утромъ, иногда очень поздно, а въ восемь часовъ вечера запираютъ. Здѣсь продаются духи, мази и разные косметическіе товары, которые приготовляетъ искусный химикъ. Два ученика помогаютъ ему въ этой розничной продажѣ, но они не ночуютъ въ домѣ. За нѣсколько минутъ до того, какъ закрывается лавка, они уходятъ въ улицу Календръ, гдѣ живутъ. Утромъ они снова являются и прохаживаются около двери до тѣхъ поръ, пока ее не отопрутъ.

Итакъ, мы говорили, что лавка не освѣщена и въ ней нѣтъ никого.

Подъ нее отведена довольно длинная и довольно широкая комната; въ ней двѣ двери, изъ которыхъ каждая

на лѣстницу. Одна изъ этихъ лѣстницъ, боковая, проходитъ въ самой стѣнѣ. Другая—наружная, ее видно съ набережной Августинцевъ и съ берега, гдѣ теперь находится набережная Орфеврь.

Обѣ лѣстницы ведутъ въ комнату перваго этажа.

Она такой же величины, какъ и нижняя, но занавѣсъ раздѣляетъ ее на двѣ части. Въ глубинѣ первой—одна дверь, выходящая на наружную лѣстницу; въ боковой стѣнѣ второй—другая, ведущая въ потайной ходъ. Она заставлена высокимъ, украшеннымъ рѣзьбой шкафомъ и при помощи искуснаго механизма отворяется, когда открываютъ его. Только Екатерина и Ренэ знаютъ о существованіи этой двери. Этимъ потайнымъ ходомъ проходитъ и уходитъ королева-мать; стоя у шкафа, въ которомъ продѣланы отверстія, и, приложивъ къ нему ухо или глазъ, она слышитъ и видитъ все, происходящее въ комнатѣ.

Въ боковыхъ стѣнахъ второго отдѣленія есть еще двѣ двери, ничѣмъ не закрытыя и доступныя для всѣхъ. Одна ведетъ въ комнату безъ оконъ, освѣщенную сверху, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ печи, ретортъ, перегонныхъ кубовъ, тигелей и т. п. Это—лабораторія алхимика. Другая дверь выходитъ въ маленькую комнату, еще болѣе странную. Она совсѣмъ темная, безъ ковра и мебели; въ ней стоитъ одинъ только каменный жертвенникъ.

Полъ изъ плитняка постепенно понижается отъ средины къ краямъ. Кругомъ комнаты, около самыхъ стѣнъ, устроенъ желобъ съ воронкой, въ отверстіе которой видна темная вода Сены. На вбитыхъ въ стѣну гвоздяхъ висятъ какіе-то необыкновенные инструменты съ острыми, какъ у бритвы, лезвеями и тонкими, какъ у иглы, кончиками. Одни изъ нихъ блестятъ, какъ зеркала, другіе, напротивъ, матовые, сѣраго или темно-синяго цвѣта. Въ углу бьются двѣ курицы, связанныя одна съ другой за лапки.

Это святилище предсказателя.

Вернемся опять въ среднюю комнату, раздѣленную на два отдѣленія.

Здѣсь принимаетъ Ренэ заурядныхъ посѣтителей. Тутъ египетскіе идолы, муміи въ золоченыхъ повязкахъ, крокодилъ съ разинутой пастью, черепа съ пустыми глазными впадинами и шатающимися зубами и старыя, изгрызенныя мышами книги развлекаютъ вниманіе посѣтителя и не даютъ ему сосредоточиться. За занавѣсомъ стоятъ склянки, странной формы коробочки и зловѣщаго вида амфоры. Все это освѣщено двумя совершенно одинаковыми серебряными лампадами, которыя какъ будто похищены изъ церкви Санта-Марія-Новелла или Деи-Серви во

Флоренціи. Въ лампадахъ горитъ благовонное масло, и желтоватый свѣтъ ихъ льется съ высокаго, мрачнаго свода, съ котораго онѣ спускаются на почернѣвшихъ цѣпочкахъ.

Ренэ, скрестивъ руки на груди и покачивая головой, ходитъ большими шагами по второму отдѣленію средней комнаты. Послѣ долгаго и тягостнаго раздумья онъ остановился около песочныхъ часовъ.

— Ахъ, я забылъ перевернуть ихъ, — пробормоталъ онъ. — Песокъ весь высыпался и, можетъ-быть, уже давно.

Затѣмъ, взглянувъ на луну, выплывавшую изъ темнаго облака, нависшаго, казалось, надъ самой колокольней собора Богоматери, онъ прибавилъ:

— Девять часовъ. Если она придетъ, то черезъ часъ или полтора, какъ обыкновенно. У меня будетъ достаточно времени на все.

Въ эту минуту послышались шаги около его дома. Ренэ приложилъ ухо къ длинной трубѣ, другой конецъ которой выходилъ на улицу въ видѣ змѣиной головы.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — это не *она* и не *онъ*. Это шаги мужчинъ. Они подходятъ къ моей двери... идутъ сюда.

Раздались три удара въ дверь.

Ренэ торопливо сошелъ внизъ, но, не отворяя двери, приложилъ къ ней ухо.

Снова раздались три удара.

— Кто тамъ? — спросилъ Ренэ.

— А развѣ непремѣнно нужно назвать себя? — спросилъ кто-то за дверью.

— Да, это необходимо, — отвѣтилъ Ренэ.

— Хорошо. Я графъ Аннибалъ де-Коконна.

— А я графъ Леракъ де-ла-Моль.

— Сію минуту, господа, я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ Ренэ.

Онъ отворилъ задвижки, отодвинулъ засовы и, впустивъ молодыхъ людей, заперъ дверь на этотъ разъ только на замокъ. Потомъ онъ повелъ ихъ по наружной лѣстницѣ во второе отдѣленіе средней комнаты.

Ла-Моль, войдя, перекрестился подъ плащомъ; онъ былъ блѣденъ и руки его дрожали.

Коконна внимательно оглядѣлъ все бывшее въ комнатѣ и хотѣлъ отворить дверь въ коморку съ жертвенникомъ, но Ренэ удержалъ его руку.

— Прошу извинить меня, — сказалъ онъ. — Лицъ, дѣлающихъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, я принимаю только въ этой комнатѣ.

— А, это другое дѣло, — сказалъ Коконна. — Да къ тому же я усталъ и не прочь посидѣть.

И онъ опустился на стулъ.

На минуту наступило глубокое молчаніе. Ренэ ждалъ, чтобы который-нибудь изъ молодыхъ людей объяснился. Среди тишины слышно было тяжелое, свистящее дыханіе еще не совсѣмъ выздоровѣвшаго Коконна.

— Вы—человѣкъ ученый, — заговорилъ наконецъ пьемонтецъ. — Скажите мнѣ, пожалуйста, останусь ли я такимъ искалѣченнымъ на всю жизнь? Будетъ у меня всегда такое короткое дыханіе, не позволяющее мнѣ ѣздить верхомъ, фехтовать и ѣсть яичницу съ ветчиной?

Ренэ приложилъ ухо къ груди Коконна и внимательно выслушалъ его.

— Нѣтъ, графъ, вы выздоровѣете, — сказалъ онъ.

— Ну, вы очень обрадовали меня.

Снова наступило молчаніе.

— Можетъ-быть, вы хотите, графъ, узнать у меня еще что-нибудь? — спросилъ Ренэ.

— Да, — отвѣтилъ Коконна, — я хочу узнать, дѣйствительно ли я влюбленъ.

— Конечно, влюблены.

— Почему вы думаете?

— Потому что вы спрашиваете меня объ этомъ.

— Mordi! А вѣдь вы, пожалуй, и правы. Но въ кого?

— Въ ту, которая теперь къ каждому слову прибавляетъ: „Mordi!“

— Вы, однако, замѣчательный человѣкъ! — съ изумленіемъ сказалъ Коконна. — Ну, теперь твоя очередь, ла-Моль.

Ла-Моль смутился и покраснѣлъ.

— Э, чортъ возьми! — воскликнулъ Коконна. — Говори же!

— Говорите, — сказалъ и Ренэ.

— Я не стану спрашивать васъ, — пробормоталъ ла-Моль, голосъ котораго сначала дрожалъ, но мало-по-малу окрѣпъ.— Я не стану спрашивать васъ, дѣйствительно ли я влюбленъ. Я знаю это самъ и не стараюсь обмануть себя. Но я прошу васъ сказать мнѣ, буду ли я любимъ: сначала у меня были надежды, теперь ихъ нѣтъ.

— Можетъ-быть, вы не сдѣлали всего, что нужно, и потому сами виноваты въ этомъ?

— А что же нужно дѣлать? Развѣ, выказывая преданность и уваженіе любимой женщинѣ, не доказываемъ мы этимъ, что искренно и глубоко любимъ ее?

— Ну, такимъ путемъ не всегда добиваются успѣха, — сказалъ Ренэ, — и вы сами зн[illegible] это.

— Такъ что же остается? Предаваться отчаянію?

— Нѣтъ, нужно обратиться за помощью къ наукѣ. У каждаго человѣка есть антипатіи, которыя можно побѣдить, и симпатіи, которыя можно усилить. Желѣзо—не магнитъ; но, намагниченное, оно само начинаетъ притягивать желѣзо.

— Да, конечно, это такъ, — пробормоталъ ла-Моль, — но я ненавижу всѣ эти заговоры.

— А если ненавидите, — сказалъ Ренэ, — такъ не зачѣмъ было и приходить.

— Полно, полно, любезный другъ,—сказалъ Коконна, — перестань ребячиться... Можете вы показать мнѣ дьявола, г. Ренэ?

— Нѣтъ, графъ, не могу.

— Очень жаль, мнѣ хотѣлось бы перемолвиться съ нимъ однимъ словечкомъ. Это, можетъ-быть, ободрило бы ла-Моля.

— Ну, хорошо, — сказалъ ла-Моль, — буду говорить прямо. Я слыхалъ, что въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ изъ воску подобіе любимой женщины. Вѣрное это средство?

— Вѣрнѣйшее.

— И это не будетъ опасно для ея здоровья или жизни?

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ испробовать это средство.

— Хочешь, я начну первый?— спросилъ Коконна.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ ла-Моль. — Если я ужъ началъ, то дойду до конца!

— Вы горячо, всѣмъ сердцемъ желаете добиться взаимности вашей возлюбленной? — спросилъ Ренэ.

— О, я умираю отъ этого желанія! — воскликнулъ ла-Моль.

Въ это время кто-то постучался въ уличную дверь, но такъ тихо, что только Ренэ услыхалъ этотъ стукъ, да и то потому, что ждалъ его.

Предлагая ла-Молю незначительные вопросы, онъ въ то же время незамѣтно приложилъ ухо къ слуховой трубѣ и, различивъ голоса стоявшихъ около двери лицъ, остался, повидимому, очень доволенъ.

— Теперь, — сказалъ онъ ла-Молю, — всей силой вашей воли призовите женщину, которую вы любите.

Ла-Моль опустился на колѣни, какъ бы обращаясь къ божеству, а Ренэ вышелъ въ первое отдѣленіе комнаты и неслышно спустился внизъ по наружной лѣстницѣ. Черезъ минуту легкіе шаги послышались въ лавкѣ.

Ла-Моль, поднявшись съ колѣнъ, увидалъ около себя уже успѣвшаго вернуться Ренэ. Флорентинецъ держалъ въ рукѣ не особенно искусно вылѣпленную изъ воска фигурку въ к
и мантіи.

— Вы все еще хотите, чтобы царственная особа полюбила васъ? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣтилъ ла-Моль, — я готовъ отдать за это жизнь, готовъ погубить свою душу!

— Хорошо, — сказалъ флорентинецъ и, опустивъ кончики пальцевъ въ кружку съ водой, окропилъ голову фигурки, проговоривъ нѣсколько латинскихъ словъ.

Ла-Моль вздрогнулъ; онъ понялъ, что совершается святотатство.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ онъ.

— Я окрестилъ эту фигурку и далъ ей имя Маргариты.

— Но зачѣмъ же?

— Чтобы установить симпатію.

Ла-Моль хотѣлъ сказать что-то, помѣшать Ренэ продолжать, но насмѣшливый взглядъ Коконна остановилъ его.

Ренэ замѣтилъ намѣреніе ла-Моля.

— Мнѣ нужно ваше полное согласіе, — сказалъ онъ.

— Хорошо, продолжайте, — отвѣтилъ ла-Моль.

Ренэ начертилъ на маленькой полоскѣ красной бумаги нѣсколько католическихъ знаковъ и, продѣвъ ее въ ушко стальной иголки, проткнулъ сердце фигурки.

И странная вещь! Изъ ранки показалась капелька крови.

Потомъ Ренэ зажегъ бумажку и капля крови высохла на раскалившейся отъ огня иголкѣ, кругомъ которой растопился воскъ.

— Вотъ такъ, силою симпатіи, — сказалъ онъ, — ваша любовь проникнетъ въ сердце любимой вами женщины и оно запылаетъ любовью къ вамъ.

Коконна, какъ вольнодумецъ, тихонько посмѣивался себѣ въ усы, но ла-Моль, влюбленный и суевѣрный, чувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу.

— А теперь, — продолжалъ Ренэ, — поцѣлуйте фигурку въ губы и скажите: „Маргарита, я люблю тебя. Приди, Маргарита!“

Ла-Моль повиновался.

Въ эту минуту скрипнула отворившаяся во второмъ отдѣленіи дверь и послышались легкіе шаги.

Коконна очень хотѣлось посмотрѣть, кто пришелъ. Боясь приподнять занавѣсъ, чтобы Ренэ опять не остановилъ его, какъ въ то время, когда онъ хотѣлъ отворить дверь, пьемонтецъ вынулъ кинжалъ и, сдѣлавъ разрѣзъ въ толстомъ занавѣсѣ, заглянулъ въ него. Въ то же мгновеніе у него вырвался крикъ изумленія, а за занавѣсомъ вскрикнули двѣ женщины.

— Что такое случилось? — спросилъ ла-Моль, чуть не выронивъ изъ рукъ восковую фигурку, которую Ренэ поспѣшилъ взять у него.

— А то, — отвѣтилъ Коконна, — что герцогиня Неверская и королева Маргарита здѣсь!

— Ну, что, невѣрующіе, — съ суровой улыбкой спросилъ Ренэ, — будете вы еще послѣ этого сомнѣваться въ силѣ симпатіи?

Ла-Моль остолбенѣлъ отъ изумленія, увидавъ королеву. Коконна смутился на минуту, узнавъ герцогиню Неверскую. Первый вообразилъ, что заклинанія Ренэ вызвали призракъ Маргариты; второй, видя полуотворенную дверь, въ которую вошли прекрасные призраки, скоро объяснилъ себѣ это чудо болѣе простымъ и естественнымъ образомъ.

Между тѣмъ, какъ ла-Моль крестился и вздыхалъ такъ, что распались бы и каменныя глыбы, Коконна успѣлъ задать себѣ нѣсколько философскихъ вопросовъ и прогнать злого духа, при помощи кропила, которое называется невѣріемъ. Увидавъ въ отверстіе занавѣса изумленное лицо герцогини Неверской и насмѣшливую улыбку Маргариты, онъ рѣшилъ, что пришла пора дѣйствовать. И, понимая, что за друга можно сказать то, чего не осмѣлишься сказать за себя, онъ подошелъ не къ герцогинѣ Неверской, а къ Маргаритѣ и, преклонивъ колѣно, воскликнулъ:

— Сію минуту, ваше высочество, Ренэ, по просьбѣ моего друга, графа де-ла-Моля, вызывалъ вашу тѣнь. И вотъ, къ моему величайшему изумленію, ваша тѣнь явилась въ сопровожденіи дорогого для меня существа, которое я поручаю моему другу. Тѣнь королевы Наваррской, прикажите вашей спутницѣ уйти за занавѣсъ!

Маргарита разсмѣялась и сдѣлала знакъ Генріеттѣ, которая ушла во второе отдѣленіе комнаты.

— Ла-Моль, другъ мой, — сказалъ Коконна, — будь краснорѣчивъ, какъ Демосѳенъ, какъ Цицеронъ! Ты долженъ убѣдить герцогиню Неверскую, что я самый покорный, вѣрный и преданный ея слуга. Помни, что отъ этого зависитъ жизнь моя!

— Но... — пробормоталъ ла-Моль.

— Дѣлай, что я говорю тебѣ. А васъ, г. Ренэ, я попрошу присмотрѣть, чтобы никто не помѣшалъ намъ.

Ренэ ушелъ.

— Mordi! — воскликнула Маргарита. — Вы человѣкъ умный. Я слушаю васъ. Посмотримъ, что вы скажете мнѣ!

— Вотъ что, ваше величество. Тѣнь моего друга—это, дѣйствительно, тѣнь, доказательствомъ чему служитъ то, ч—

не произноситъ ни слова—умоляла меня воспользоваться данной мнѣ, какъ человѣку, способностью членораздѣльной рѣчи, чтобы сказать вамъ: прекрасная тѣнь, мой другъ ла-Моль лишился тѣла и дыханія изъ-за вашихъ прекрасныхъ, но суровыхъ глазъ. Если бы вы были не тѣнью королевы, а самой королевой, я, конечно, не осмѣлился бы передавать это вамъ, дочери Генриха II, сестрѣ короля Карла IX и супругѣ короля Наваррскаго. Но тѣни не знаютъ гордости и не сердятся за то, что ихъ любятъ. А потому попросите ваше тѣло полюбить хоть немножко душу бѣднаго ла-Моля. Эта душа страдаетъ. Сначала ее обидѣлъ другъ, который три раза пронзилъ ла-Моля шпагой, а потомъ ее опалилъ огонь вашихъ глазъ,—огонь, въ тысячу разъ болѣе жгучій, чѣмъ адское пламя. Пожалѣйте же эту бѣдную душу, полюбите то, что было когда-то красивымъ ла-Молемъ, и, если вы лишены дара слова, сдѣлайте какой-нибудь знакъ, улыбнитесь. Душа моего друга умна и пойметъ все. Улыбнитесь же и вы, mordi! я проколю шпагой Ренэ, чтобы онъ, пользуясь своей властью надъ тѣнями, принудилъ вашу тѣнь, которую онъ такъ кстати вызвалъ, сдѣлать что-нибудь не совсѣмъ для нея приличное.

При такомъ заклинаніи Коконна, который стоялъ передъ королевой въ позѣ Энея, сходящаго въ адъ, Маргарита не могла удержаться и громко расхохоталась. Потомъ, не промолвивъ ни слова, какъ и подобало въ такихъ обстоятельствахъ царственной тѣни, она протянула Коконна руку.

Тотъ осторожно взялъ ее въ свою и позвалъ ла-Моля.

— Тѣнь моего друга,—воскликнулъ онъ,—иди сюда скорѣе!

Ла-Моль, дрожа отъ волненія, подошелъ къ нему.

— Хорошо, — сказалъ Коконна. — А теперь наклони свое безтѣлесное, красивое смуглое лицо къ этой призрачной бѣлоснѣжной рукѣ!

И Коконна, нагнувъ голову ла-Моля, поднесъ къ его губамъ руку королевы и съ минуту держалъ ихъ въ такомъ положеніи, при чемъ прелестная ручка не дѣлала ни малѣйшей попытки освободиться изъ плѣна.

Съ губъ Маргариты не сходила улыбка, но герцогиня Неверская не улыбалась. Неожиданное появленіе молодыхъ людей взволновало ее, и еще не успѣла она оправиться, какъ страстная ревность вспыхнула въ ея сердцѣ. По ея мнѣнію, Коконна не слѣдовало такъ забывать о своихъ дѣлахъ изъ-за чужихъ.

Ла-Моль замѣтилъ, что она нахмурила брови, видѣлъ, какъ грозно блеснули ея глаза, и, несмотря на блаженство, которое испытывалъ и которому ему такъ страстно хотѣлось отдаться

вполнѣ, понялъ, какой опасности подвергается его другъ, и рѣшилъ помочь ему.

Итакъ, выпустивъ ручку Маргариты, онъ подошелъ къ герцогинѣ Неверской и, преклонивъ колѣно, взялъ ее за руку.

— О, самая прекрасная и очаровательная изъ всѣхъ женщинъ! Я говорю, конечно, о живыхъ женщинахъ, а не о тѣняхъ, — прибавилъ онъ, взглянувъ на Маргариту и улыбнувшись ей.— Позвольте душѣ, освобожденной отъ грубой земной оболочки, загладить ошибку существа тѣлеснаго, увлеченнаго дружбой. Г. Коконна только человѣкъ, правда, сильный, смѣлый и красивый, но бренный, какъ и все живущее. Omnis caro fenum. Несмотря на то, что онъ съ утра до вечера восхваляетъ мнѣ васъ, несмотря на то, что, какъ вы сами видѣли, онъ можетъ наносить страшные удары противнику, этотъ храбрый боецъ, такой краснорѣчивый съ тѣнью, не осмѣливается говорить съ женщиной. Вотъ почему онъ обратился къ тѣни королевы, а мнѣ поручилъ сказать вамъ, что онъ кладетъ къ ногамъ вашимъ свое сердце и свою душу. Онъ умоляетъ, чтобы ваши божественные глаза съ состраданіемъ взглянули на него, чтобы ваши розовые пальчики сдѣлали ему знакъ подойти, чтобы вашъ звучный, музыкальный голосъ сказалъ ему слова, которыя никогда не забываются. А если вы не сжалитесь надъ нимъ, онъ просилъ меня нанести ему во второй разъ ударъ моей шпагой; къ чему ему жизнь, если вы не позволите ему жить только для васъ одной!

Коконна говорилъ горячо и шутливо; рѣчь ла-Моля была полна чувства и трогательной нѣжности.

Когда онъ кончилъ, Генріетта, внимательно слушавшая его и не спускавшая съ него глазъ, перевела ихъ на Коконна, чтобы по выраженію его лица узнать, вѣрно ли передаетъ ла-Моль его чувства. И, должно-быть, лицо Коконна сказало ей истину: вспыхнувъ, она улыбнулась, при чемъ блеснули ея бѣлые и ровные, какъ жемчугъ, зубы, и прерывающимся отъ волненія голосомъ спросила:

— Правда это?

— Mordi! — воскликнулъ Коконна, очарованный ея взглядомъ.—Правда, правда! Клянусь въ этомъ вашей жизнью, клянусь моей смертью!

— Такъ подите сюда! — сказала Генріетта, протягивая ему руку.

Коконна подбросилъ свой бархатный беретъ и въ одно мгновеніе очутился около молодой женщины. А ла-Моль, по знаку Маргариты, подошелъ къ ней.

Въ это время Ренэ показался у двери, въ глубинѣ

— Тише! — сказалъ онъ. — Тише!

Въ ту же минуту въ стѣнѣ послышался звукъ повернувшагося въ замкѣ ключа и скрипъ отворившейся двери.

— Мнѣ кажется,—гордо сказала Маргарита,—что никто не имѣетъ права входить сюда, пока мы здѣсь!

— Даже королева-мать?—шепнулъ ей на ухо Ренэ.

Маргарита тотчасъ же бросилась къ наружной лѣстницѣ, увлекая за собою ла-Моля; Генріетта и Коконна, обнявшись, побѣжали за ними и всѣ четверо улетѣли, какъ улетаютъ при первомъ подозрительномъ звукѣ птицы, только что цѣловавшіяся носиками на цвѣтущей вѣткѣ.

XX.

Черныя куры.

Обѣ парочки исчезли какъ разъ во-время. Когда Екатерина вкладывала ключъ въ замокъ второй двери, Коконна и герцогиня Неверская только что вышли изъ комнаты и, войдя, она слышала, какъ скрипѣла лѣстница, по которой онѣ бѣжали.

Екатерина подозрительно оглядѣлась кругомъ и устремила свои проницательные глаза на Ренэ, который низко кланялся ей.

— Кто здѣсь былъ? — спросила она

— Влюбленные, которые пришли въ восторгъ, когда я увѣрилъ ихъ, что они любятъ другъ друга.

— Ну, и Богъ съ ними! — сказала Екатерина, пожавъ плечами. — Теперь тутъ нѣтъ никого?

— Никого, кромѣ вашего величества и меня.

— Исполнилъ ты мое приказаніе?

— Относительно черныхъ куръ?

— Да.

— Онѣ готовы, ваше величество.

— Ахъ, какъ жаль, что ты не еврей!

— Я... еврей? Почему же жаль?

— Потому что тогда ты могъ бы читать прекрасныя еврейскія книги о жертвоприношеніяхъ. Я велѣла перевести для себя одну изъ нихъ; въ ней говорится, что евреи искали предвѣщаній не въ сердцѣ или печени жертвъ, какъ римляне, а въ мозгу. Тамъ находили они таинственные знаки, начертанные всемогущей десницей судьбы.

— Да, это вѣрно, ваше величество. То же самое говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, старый раввинъ.

— Иногда по этимъ знакамъ, — продолжала Екатерина, — можно сдѣлать цѣлый рядъ предсказаній. Только ученые халдеи совѣтуютъ...

— Что же? — спросилъ Ренэ, видя, что королева нерѣшительно остановилась.

— Они совѣтуютъ изслѣдовать человѣческій мозгъ, такъ какъ онъ болѣе развитъ и между нимъ и волею гадателя легче установить симпатію.

— Къ сожалѣнію, это невозможно, ваше величество!

— По крайней мѣрѣ, трудно, — сказала Екатерина. — Если бы мы знали это во время Вареоломеевской ночи—а, Ренэ? Какая богатая жатва! Но первый же осужденный на казнь... да, я подумаю объ этомъ! А пока удовольствуемся тѣмъ, что у насъ есть въ настоящую минуту... Комната для жертвоприношеній готова?

— Готова, ваше величество.

— Пойдемъ туда.

Ренэ взялъ свѣчу, отъ который распространялся то легкій и острый, то сильный и удушливый запахъ, что доказывало, что она состоитъ изъ разныхъ веществъ. Свѣтя Екатеринѣ, онъ первый вошелъ въ комнату.

Королева сама выбрала изъ жертвенныхъ инструментовъ ножъ изъ синеватой стали, а Ренэ взялъ одну изъ двухъ куръ, привязанныхъ въ углу.

— Что же будемъ мы изслѣдовать? — спросилъ онъ.

— Печень у одной курицы и мозгъ у другой. Если результаты будутъ въ обоихъ случаяхъ одинаковы, придется повѣрить имъ, въ особенности, если они сойдутся съ полученными нами раньше.

— Съ чего прикажете начать, ваше величество?

— Сначала изслѣдуемъ печень.

— Хорошо, — сказалъ Ренэ и, положивъ курицу на маленькій жертвенникъ, привязалъ ее къ двумъ ввернутымъ по краямъ его кольцамъ, такъ что птица хоть и билась, но не могла сдвинуться съ мѣста.

Екатеринѣ не удалось зарѣзать ее сразу. Курица успѣла крикнуть три раза прежде, чѣмъ издохла.

— Опять то же! — прошептала Екатерина. — Три смерти!

И она вскрыла курицу.

— Печень снова наклонена влѣво, — продолжала она. — Три смерти и затѣмъ перемѣна династіи. Это ужасно, Ренэ!

— Сдѣлаемъ второй опытъ, ваше величество, — сказалъ Ренэ, — и посмотримъ, сойдутся ли предвѣщанія.

Онъ отвязалъ мертвую курицу и, бросивъ ее въ уголъ, пошелъ за другой; но та, должно-быть, предчувствуя п...

своей подруги, что предстоитъ ей самой, начала бѣгать кругомъ комнаты, а когда Ренэ загналъ ее въ уголъ, перелетѣла ему черезъ голову. При этомъ она задѣла свѣчу, которую Екатерина держала въ рукѣ, и свѣча погасла.

— Вотъ такъ угаснетъ и наша династія, Ренэ, — сказала королева. — Она исчезнетъ съ лица земли отъ дуновенія смерти. А вѣдь у меня три сына — три! — грустно прошептала она.

Ренэ взялъ у нея изъ рукъ потухшую свѣчу и пошелъ въ сосѣднюю комнату зажечь ее.

Вернувшись, онъ увидалъ, что курица забилась въ устье воронки.

— Я сразу отрѣжу ей голову, — сказала Екатерина, — и она не успѣетъ крикнуть.

Когда Ренэ привязалъ курицу, Екатерина, дѣйствительно, однимъ ударомъ отрѣзала ей голову. Но въ предсмертныхъ конвульсіяхъ курица три раза раскрывала клювъ, а затѣмъ онъ уже закрылся навсегда.

— Видишь?—сказала Екатерина.—Вмѣсто трехъ криковъ три вздоха. Всегда, всегда три. Они умрутъ всѣ трое... Посмотримъ теперь на мозгъ.

Екатерина срѣзала побѣлѣвшій гребешокъ курицы, осторожно разрѣзала ей голову и, раздѣливъ ее пополамъ, чтобы весь мозгъ былъ на виду, старалась найти въ его извилинахъ сходство съ какой-нибудь буквой.

— Опять! — вдругъ воскликнула она, всплеснувъ руками.— Опять то же! И на этотъ разъ предвѣщаніе еще яснѣе, чѣмъ прежде. Поди сюда и посмотри!

Ренэ подошелъ.

— Какая это буква? — спросила Екатерина, показывая ему одно мѣсто въ мозгу.

— „Г“, — отвѣтилъ Рене.

— А сколько разъ она повторяется?

Ренэ сосчиталъ.

— Четыре раза, — сказалъ онъ.

— Да, четыре. Теперь понимаешь? Это значитъ „Генрихъ IV“. О, я проклята въ моемъ потомствѣ! — воскликнула Екатерина, бросивъ ножъ.

Ужасенъ былъ видъ этой женщины, освѣщенной тусклымъ пламенемъ свѣчи. Она поблѣднѣла, какъ смерть, и въ отчаяніи ломала свои окровавленныя руки.

— Онъ будетъ царствовать,—тяжело вздохнувъ, сказала она.— Онъ будетъ царствовать!

— Онъ будетъ царствовать, — повторилъ Ренэ и глубоко задумался.

Однако черезъ минуту мрачное лицо Екатерины просвѣтлѣло: счастливая мысль блеснула у нея въ умѣ.

— Ренэ, — сказала она, протянувъ руку къ флорентинцу, но не повертывая къ нему опущенной на грудь головы, — Ренэ, знаешь ты ужасную исторію о перузскомъ врачѣ, который сразу отравилъ свою дочь и ея любовника?

— Знаю, ваше величество.

— А этотъ любовникъ былъ?..—задумчиво проговорила Екатерина.

— Король Владиславъ.

— Да, да, такъ! — прошептала королева. — Извѣстны тебѣ какія-нибудь подробности этой исторіи?

— У меня есть старинная книга, ваше величество, въ которой она описывается.

— Такъ пойдемъ отсюда и дай мнѣ эту книгу.

Они оба вышли изъ комнаты.

— Не будетъ ли у вашего величества какихъ-нибудь приказаній насчетъ новыхъ жертвъ? — спросилъ Ренэ.

— Нѣтъ, Ренэ, не будетъ; теперь я почти совсѣмъ убѣдилась. Но мы все-таки постараемся достать голову какого-нибудь осужденнаго; въ день казни ты условишься съ палачомъ.

Ренэ поклонился въ знакъ согласія, а потомъ, взявъ въ руки свѣчу, подошелъ къ полкамъ съ книгами, всталъ на стулъ, досталъ одну книгу и подалъ ее королевѣ.

— Что это такое? — спросила она, открывъ книгу. — „Руководство о томъ, какъ выращивать и выкармливать кречетовъ и соколовъ, чтобы сдѣлать ихъ смѣлыми и всегда готовыми летѣть на охоту“.

— Ахъ, извините, ваше величество, — сказалъ Ренэ, — я ошибся. Это сочиненіе объ охотѣ, написанное луккскимъ ученымъ для знаменитаго Каструччіо Кастракани. Оно въ такомъ же переплетѣ, какъ та книга, которую я хотѣлъ достать для васъ, и стояла рядомъ съ ней. Вотъ почему я ошибся. Это „Руководство“ — очень рѣдкая книга. Ее во всемъ свѣтѣ есть только три экземпляра: одинъ хранится въ венеціанской библіотекѣ, другой былъ купленъ вашимъ предкомъ Лоренцо и поднесенъ Пьетро Медичи королю Карлу VIII, когда тотъ былъ проѣздомъ во Флоренціи, а третій — у меня.

Спрыгнувъ со стула, Ренэ перелистывалъ разсказъ о перузскомъ врачѣ и, найдя то мѣсто, которое искалъ, подалъ Екатеринѣ книгу открытою.

Она сѣла къ столу, на который Ренэ поставилъ волшебную свѣчу, и при голубоватомъ свѣтѣ ея прочитала вполголоса нѣсколько строкъ.

— Вотъ все, что мнѣ нужно было знать, — сказала она, закрывъ книгу.

И она встала, оставивъ ее на столѣ. Въ умѣ ея зрѣла зародившаяся въ немъ мысль.

Екатерина сдѣлала нѣсколько шаговъ, наклонивъ голову, приложивъ палецъ къ губамъ и храня молчаніе.

Потомъ, вдругъ остановившись передъ Ренэ, она устремила на него свои холодные и круглые, какъ у хищной птицы, глаза и сказала:

— Признайся, что ты приготовлялъ для нея какое-нибудь зелье.

— Для кого? — вздрогнувъ, спросилъ Ренэ.

— Для баронессы де-Совъ.

— Нѣтъ, ваше величество, никогда.

— Никогда?

— Клянусь Богомъ!

— А между тѣмъ это очень похоже на колдовство. Онъ, такой непостоянный, все еще любитъ ее до безумія.

— Кто, ваше величество?

— Онъ, проклятый Генрихъ — тотъ, кто наслѣдуетъ моимъ тремъ сыновьямъ и кого будутъ называть Генрихомъ IV, хоть онъ сынъ Жанны д'Альбрэ.

И при послѣднихъ словахъ изъ груди Екатерины вырвался вздохъ, заставившій Ренэ вздрогнуть: онъ вспомнилъ о знаменитыхъ перчаткахъ, которыя приготовилъ для королевы Наваррской по приказанію Екатерины.

— А я думалъ, что король Наваррскій сошелся съ своей женой.

— Это комедія, Ренэ, комедія. Не знаю, съ какой цѣлью разыгрываютъ они ее; знаю только, что меня обманываютъ всѣ. Даже моя дочь, Маргарита, возстала противъ меня. Можетъ-быть, и она разсчитываетъ на смерть своихъ братьевъ, надѣется быть французской королевой!

— Можетъ-быть, — сказалъ Ренэ, который снова задумался и повторилъ, какъ эхо, страшное предсказаніе Екатерины.

— Ну, тамъ увидимъ, — сказала она и пошла къ двери, находящейся въ глубинѣ комнаты. Такъ какъ она была увѣрена, что они одни, то не считала нужнымъ итти по потайной лѣстницѣ.

Ренэ пошелъ впередъ, и черезъ минуту они оба очутились въ лавкѣ.

— Ты обѣщалъ приготовить мнѣ новыя косметики для рукъ и губъ, — сказала Екатерина. — Подходитъ зима, а ты знаешь, что кожа у меня очень чувствительна къ холоду.

— Я уже приготовилъ все, ваше величество, и завтра принесу вамъ.

— Завтра ты можешь застать меня не раньше девяти или десяти часовъ вечера. Я говѣю.

— Хорошо, ваше величество. Я приду въ Луврь въ девять часовъ.

— У баронессы де-Совъ прелестныя руки и губы, — равнодушно замѣтила Екатерина. — Чѣмъ она мажетъ ихъ?

— Руки?

— Да, хоть руки.

— Геліотропной мазью.

— А губы?

— Для губъ я приготовилъ ей новую, изобрѣтенную мною помаду, по баночкѣ которой хотѣлъ принести завтра вашему величеству и ей.

Екатерина на минуту задумалась.

— Впрочемъ, она очень красива, — сказала она, какъ бы отвѣчая на свою мысль, — и немудрено, что беарнецъ такъ влюбленъ въ нее.

— А главное, она глубоко предана вашему величеству, — сказалъ Ренэ, — мнѣ такъ кажется, по крайней мѣрѣ.

Екатерина улыбнулась и пожала плечами.

— Когда женщина любитъ, — сказала она, — развѣ можетъ она быть предана кому-нибудь, кромѣ своего возлюбленнаго! Ну, право же, ты приготовлялъ для нея какое-нибудь зелье?

— Нѣтъ, ваше величество, клянусь вамъ!

— Ну, хорошо, довольно объ этомъ. Покажи мнѣ новую помаду, отъ которой ея губы станутъ еще свѣжѣе и краснѣе.

Ренэ подошелъ къ полкѣ и показалъ Екатеринѣ шесть серебряныхъ, совершенно одинаковыхъ коробочекъ, стоявшихъ рядомъ.

— Вотъ единственное зелье, которое она просила у меня, — сказалъ онъ. — Я, дѣйствительно, приготовилъ эту помаду собственно для нея: кожа у нея на губахъ такъ нѣжна, что трескается и отъ солнца и отъ вѣтра.

Екатерина открыла одну коробочку; въ ней была помада прелестнаго алаго цвѣта.

— Ренэ, — сказала она, — дай мнѣ мазь для рукъ; я возьму ее съ собою.

Ренэ ушелъ со свѣчою за мазью; но, уходя, онъ видѣлъ, какъ Екатерина быстро схватила одну коробочку помады и спрятала ее подъ плащъ. Онъ привыкъ къ такимъ похищеніямъ королевы-матери и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ничего.

Доставъ мазь, Ренэ завернулъ ее въ бумагу съ гербовыми лиліями и принесъ королевѣ.

— Вотъ мазь, ваше величество, — сказалъ онъ.

— Благодарю, Ренэ, — сказала Екатерина и, послѣ небольшой паузы, прибавила:

— Отнеси баронессѣ де-Совъ губную помаду дней черезъ восемь или десять. Я сначала хочу сама попробовать ее.

И Екатерина повернулась, собираясь уходить.

— Прикажете проводить васъ, ваше величество? — спросилъ Ренэ.

— Только до конца моста, — отвѣтила Екатерина. — Около него дожидаются мои люди съ носилками.

Они дошли вмѣстѣ до угла улицы Барильери, гдѣ четверо конныхъ провожатыхъ ждали королеву около носилокъ безъ гербовъ.

XXI.

Комнаты баронессы де-Совъ.

Екатерина не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ: Генрихъ, дѣйствительно, принялся за прежнее и каждый вечеръ отправлялся къ баронессѣ де-Совъ. Сначала онъ старался дѣлать это незамѣтно, потомъ мало-по-малу недовѣрчивость его ослабѣла и онъ пересталъ принимать предосторожности. Такимъ образомъ, Екатерина имѣла полную возможность убѣдиться, что королевой Наваррской только считалась Маргарита, а на самомъ дѣлѣ была баронесса де-Совъ.

Въ началѣ этого романа мы уже сказали нѣсколько словъ о покояхъ баронессы де-Совъ. Но дверь, въ которую Даріола впустила короля Наваррскаго, тотчасъ же заперлась за нимъ и потому намъ совершенно неизвѣстенъ этотъ пріютъ тайной любви беарнца.

Читатель уже знаетъ, что комнаты баронессы де-Совъ находились во второмъ этажѣ, почти надъ самыми апартаментами Генриха. Дверь изъ нихъ вела въ коридоръ, на концѣ котораго находилось стрѣльчатое окно. Оно было составлено изъ маленькихъ стеколъ въ свинцовой оправѣ и даже въ самые ясные дни пропускало лишь слабый свѣтъ. Зимой же, начиная съ трехъ часовъ пополудни, въ коридорѣ приходилось зажигать лампу. А такъ какъ въ нее вливали столько же масла, сколько и лѣтомъ, то около десяти часовъ вечера она обыкновенно потухала. Такимъ образомъ, съ наступленіемъ зимы любовники чувствовали себя въ еще большей безопасности.

Маленькая передняя, обитая шелковой матеріей съ большими желтыми цвѣтами, пріемная, обтянутая голубымъ бархатомъ, спальня съ кроватью съ витыми колонками и шелковымъ за-

навѣсомъ изъ вишневаго атласа, съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ и двумя картинами, сюжетами которыхъ была любовь Венеры и Адониса, — вотъ каково было помѣщеніе — теперь сказали бы гнѣздышко — прелестной придворной дамы королевы Екатерины Медичи.

При болѣе внимательномъ осмотрѣ можно было замѣтить напротивъ туалета, заставленнаго всѣми необходимыми принадлежностями, маленькую дверку въ темномъ углу комнаты. Она вела въ молельню, гдѣ на возвышеніи, на которое вели двѣ ступеньки, стоялъ аналой. Въ молельнѣ, какъ бы для того, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ двухъ миѳологическихъ картинъ, о которыхъ мы упоминали, были три или четыре картины чисто духовнаго содержанія. Между ними висѣло на золоченыхъ гвоздяхъ оружіе: въ ту эпоху тайныхъ интригъ женщины тоже носили оружіе, а иногда и владѣли имъ не хуже мужчинъ.

Вечеромъ, на другой день послѣ происшествій, описанныхъ нами въ предыдущей главѣ, баронесса де-Совъ сидѣла съ королемъ Наваррскимъ на диванѣ, въ своей спальнѣ. Она говорила ему о своихъ опасеніяхъ за него и о своей любви, приводя въ доказательство того и другого самопожертвованіе, высказанное ею въ ту памятную ночь, которую Генрихъ провелъ у своей жены. Это было, какъ извѣстно читателю, спустя сутки послѣ Вореоломеевской ночи.

Генрихъ, съ своей стороны, благодарилъ баронессу. Въ этотъ вечеръ она была прелестна въ простомъ батистовомъ пеньюарѣ, и онъ очень горячо выказывалъ ей свою признательность.

Король Наваррскій былъ, дѣйствительно, влюбленъ, и потому задумчивъ. Баронесса де-Совъ, всѣмъ сердцемъ полюбившая человѣка, любить котораго ей велѣла Екатерина, то и дѣло взглядывала на Генриха, желая увидать, сходится ли выраженіе его глазъ съ его словами.

— Будьте откровенны, Генрихъ, — сказала она. — Въ ту ночь, которую вы провели въ кабинетѣ ея величества съ графомъ ла-Молемъ, не жалѣли ли вы, что онъ мѣшаетъ вамъ пройти въ спальню королевы?

— Да, дѣйствительно, очень жалѣлъ, моя дорогая, — отвѣтилъ Генрихъ, — потому что иначе, какъ черезъ эту спальню мнѣ нельзя было пройти сюда, гдѣ я такъ счастливъ въ эту минуту.

Баронесса де-Совъ улыбнулась.

— И вы съ тѣхъ поръ не были у королевы?

— Былъ нѣсколько разъ, но всегда говорилъ объ этомъ вамъ.

— И вы никогда не пойдете къ ней, не сказавъ мнѣ?

— Никогда.

— Можете поклясться въ этомъ?

— Я, конечно, не задумался бы дать вамъ клятву, если бы былъ гугенотомъ, но...

— Но что же?

— Но католическая религія, догматы которой я въ настоящее время изучаю, запрещаетъ клясться.

— Гасконецъ! — сказала, покачавъ головою, баронесса.

— Ну, теперь ваша очередь, Шарлотта, — сказалъ Генрихъ. — Будете вы откровенно отвѣчать на мои вопросы?

— Конечно, — отвѣтила молодая женщина. — Мнѣ нечего скрывать отъ васъ.

— Хорошо. Такъ объясните же мнѣ разъ навсегда, почему послѣ отчаяннаго сопротивленія, которое вы оказывали мнѣ до моего брака, вы послѣ него сдѣлались менѣе жестоки? Почему стали вы снисходительнѣе ко мнѣ, неловкому беарнцу, смѣшному провинціалу, королю слишкомъ бѣдному, чтобы поддерживать блескъ своихъ коронныхъ брилліантовъ?

— Вы просите меня, Генрихъ, — сказала баронесса, — разъяснить вамъ загадку, которую не могли разгадать въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ всѣ мудрецы міра. Никогда не спрашивайте у женщины, почему она любитъ васъ. Спрашивайте только, любитъ ли она.

— А любите вы меня, Шарлотта? — спросилъ Генрихъ.

— Я васъ люблю, — отвѣтила съ очаровательной улыбкой баронесса де-Совъ, положивъ свою прекрасную руку въ руку Генриха.

Тотъ удержалъ ее.

— А что, — продолжалъ онъ, все еще занятый своей мыслью. — А что, если я разгадалъ эту загадку, надъ которой въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ напрасно ломаютъ себѣ головы всѣ мудрецы міра — разгадалъ, по крайней мѣрѣ, относительно васъ, Шарлотта?

Баронесса покраснѣла.

— Вы любите меня, — продолжалъ Генрихъ. — Больше этого я, конечно, ничего не могу требовать и считаю себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Но вы знаете, что человѣкъ никогда не бываетъ счастливъ вполнѣ. Даже Адамъ не чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ въ раю и вкусилъ отъ древа познанія добра и зла. Вотъ почему и всѣхъ насъ мучитъ любопытство и мы всю жизнь ищемъ чего-то неизвѣстнаго. Помогите мнѣ, моя дорогая, найти то неизвѣстное, которое мучитъ меня. Скажите, не королева ли Екатерина велѣла вамъ полюбить меня?

— Говорите тише, Генрихъ,—сказала Шарлотта,—когда упоминаете о королевѣ-матери.

— Полноте!—отвѣтилъ Генрихъ такъ беззаботно и довѣрчиво, что обманулась даже баронесса де-Совъ.—Въ прежнее время, когда мы были въ дурныхъ отношеніяхъ, мнѣ, дѣйствительно, слѣдовало опасаться ее, эту добрую мать; но теперь, когда я сталъ мужемъ ея дочери...

— Мужемъ королевы Маргариты!—сказала Шарлотта, вспыхнувъ отъ ревности.

— Тсъ! На этотъ разъ вамъ слѣдуетъ говорить тише... Теперь, когда я сталъ мужемъ ея дочери, мы сдѣлались самыми лучшими друзьями въ мірѣ. Что требовалось отъ меня? Да, должно-быть, только одно: чтобы я перешелъ въ католичество. Ну, что же, благодать коснулась меня, и я, по предстательству св. Варѳоломея, сталъ католикомъ. Съ тѣхъ поръ мы живемъ въ своей семьѣ мирно, какъ добрые родные и добрые католики.

— А королева Маргарита?

— А королева Маргарита служитъ связью, соединяющею насъ всѣхъ.

— Вы мнѣ говорили, Генрихъ,—сказала Шарлотта,—что королева Наваррская, въ благодарность за мою преданность, отнеслась великодушно ко мнѣ. Если вы сказали мнѣ правду, если это великодушіе, за которое я такъ глубоко благодарна ей, искренно, то королева Маргарита служитъ лишь условною связью, которую легко разорвать. А изъ этого слѣдуетъ, что вашъ бракъ не можетъ служить для васъ опорой. Вѣдь никого не обманете вы своей притворной близостью съ королевой.

— А между тѣмъ онъ служитъ мнѣ опорой; на этомъ изголовьѣ я сплю уже въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ.

— Такъ вы обманули меня, Генрихъ!—воскликнула баронесса де-Совъ.—Значитъ, королева Маргарита, дѣйствительно, ваша жена!

Генрихъ улыбнулся.

— Знаете что?—сказала Шарлотта.—Вотъ эти улыбки ваши приводятъ меня въ такое отчаяніе, что иногда мнѣ ужасно хочется выцарапать вамъ глаза, несмотря на то, что вы король!

— А это доказываетъ, что моя притворная близость съ королевой все-таки производитъ извѣстное впечатлѣніе: бываютъ минуты, когда вамъ хочется выцарапать мнѣ глаза потому, что вы вѣрите въ эту близость.

— Генрихъ, Генрихъ!—сказала баронесса.—Мнѣ кажется, что самъ Богъ не знаетъ, что вы думаете!

— Я думаю, моя дорогая,—сказалъ Генрихъ,—что сначала Екатерина велѣла вамъ полюбить меня, потомъ заговорило ваше собственное сердце и изъ этихъ двухъ голосовъ вы слушаете теперь только голосъ вашего сердца. Я тоже люблю васъ, люблю всей душой, а потому, если бы у меня и были какія-нибудь тайны, я никогда не довѣрилъ бы ихъ вамъ, только потому, конечно, чтобы не скомпрометировать васъ. Вѣдь на расположеніе королевы-матери слишкомъ полагаться нельзя: это расположеніе тещи.

Не такого отвѣта ждала Шарлотта. Каждый разъ, какъ она начинала говорить съ Генрихомъ откровенно и старалась проникнуть въ глубину его, казалось, бездоннаго сердца, тотчасъ же какъ будто стѣна становилась между ними. Отвѣтъ короля огорчилъ ее, и у нея на глазахъ показались слезы.

Въ это время пробило десять часовъ.

— Теперь я должна проститься съ вашимъ величествомъ,— сказала Шарлотта.—Мнѣ пора ложиться въ постель: завтра я должна быть очень рано у королевы-матери.

– Значитъ, вы прогоняете меня, моя дорогая?—спросилъ Генрихъ.

— Мнѣ грустно, Генрихъ. А если я буду грустна, вамъ станетъ скучно со мной и вы разлюбите меня. Какъ видите, вамъ лучше уйти.

— Хорошо; я уйду, если вы этого требуете, Шарлотта,— сказалъ Генрихъ.—Но, надѣюсь, вы позволите присутствовать при вашемъ туалетѣ?

— Можетъ-быть, присутствуя при немъ, вы заставите ждать королеву Маргариту?

— Шарлотта,—серьезно сказалъ Генрихъ,—мы условились никогда не говорить о королевѣ Наваррской, а между тѣмъ сегодня вечеромъ мы только о ней и говоримъ.

Баронесса де-Совъ сѣла около туалета. Генрихъ поставилъ около нея стулъ и, оперщись на него колѣномъ, прислонился къ спинкѣ.

— Ну, посмотримъ, моя милая Шарлотта, — сказалъ онъ,—какъ вы будете украшать себя—украшать для меня, что бы вы тамъ ни говорили. Господи, сколько тутъ разныхъ духовъ, флаконовъ и коробочекъ!

— Да, кажется, какъ будто ихъ много,—со вздохомъ сказала Шарлотта,—а между тѣмъ, оказывается, что и всего этого было мнѣ недостаточно, чтобы всецѣло завладѣть сердцемъ вашего величества!

— Полно, не будемъ снова заводить разговоръ о политикѣ... Для чего употребляется эта нѣжная, тоненькая кисточка? Чтобы чернить брови?

— Да, ваше величество,— улыбаясь, отвѣтила баронесса,— вы угадали сразу.

— А эти хорошенькія гребенки изъ слоновой кости?

— Чтобы раздѣлять волосы.

— А эта прелестная серебряная коробочка съ чеканной крышкой?

— Ее прислалъ мнѣ Ренэ. Это чудная помада, которую онъ уже давно обѣщалъ мнѣ, чтобы еще больше смягчить губы, которыя ваше величество находитъ иногда довольно нѣжными.

Какъ только разговоръ перемѣнился и баронесса почувствовала себя въ привычной атмосферѣ кокетства, лицо ея прояснилось. Генрихъ нагнулся и, какъ бы въ подтвержденіе ея словъ, поцѣловалъ ея розовыя губки, которыя она внимательно разсматривала въ зеркало.

Отвѣтивъ на поцѣлуй, баронесса протянула руку къ серебряной коробочкѣ, о которой шла рѣчь, должно-быть, съ намѣреніемъ показать Генриху, какъ нужно употреблять помаду, но въ эту минуту кто-то постучался въ дверь передней. Влюбленные вздрогнули.

— Стучатъ, сударыня! — сказала Даріола, выглянувъ изъ-за портьеры.

— Узнай, кто это, и вернись сюда, — сказала баронесса де-Совъ.

Она обмѣнялась съ Генрихомъ тревожнымъ взглядомъ, и онъ уже хотѣлъ уйти въ молельню, гдѣ не разъ прятался, когда вошла Даріола.

— Это парфюмеръ, метръ Ренэ, сударыня, — доложила она.

Услыхавъ это имя, Генрихъ нахмурилъ брови и невольно закусилъ губы.

— Желаете, чтобы я отказала ему? — спросила Шарлотта.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Генрихъ. — Метръ Ренэ никогда не поступаетъ необдуманно; если онъ пришелъ къ вамъ, значитъ, у него есть на это основательная причина.

— Такъ, не хотите ли побыть въ молельнѣ?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Ренэ знаетъ все; ему, конечно, извѣстно и то, что я здѣсь.

— Но, можетъ-быть, вашему величеству будетъ непріятно видѣть его?

— Мнѣ? — сказалъ Генрихъ, который, несмотря на все свое самообладаніе, не могъ скрыть охватившаго его волненія. — Мнѣ! Нисколько! Правда, у насъ вначалѣ были довольно натянутыя отношенія, но съ Варѳоломеевской ночи или, вѣрнѣе, съ вечера мы поладили.

— Попроси войти, — сказала Даріолѣ баронесса де-Совъ.

Черезъ минуту появился Ренэ и однимъ быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ всю комнату.

Баронесса де-Совъ все еще сидѣла передъ туалетомъ.

Генрихъ занялъ свое прежнее мѣсто на диванѣ.

На Шарлотту падалъ яркій свѣтъ, Генрихъ сидѣлъ въ тѣни.

— Я пришелъ извиниться передъ вами, баронесса, — сказалъ съ почтительной фамильярностью Ренэ.

— Въ чемъ же это, Ренэ? — спросила баронесса тѣмъ снисходительнымъ тономъ, какимъ всегда го.орятъ хорошенькія женщины съ тѣми поставщиками, которые стараются сдѣлать ихъ еще красивѣе.

— Въ томъ, что я ужъ давно обѣщалъ приготовить помаду для вашихъ прелестныхъ губокъ, а между тѣмъ...

— А между тѣмъ исполнили свое обѣщаніе только сегодня, да? — спросила Шарлотта.

— Сегодня? — повторилъ Ренэ.

— Да, только сегодня и то вечеромъ получила я присланную вами коробочку.

— Такъ, такъ, — сказалъ Ренэ, смотря съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ на стоявшую на туалетѣ баронессы коробочку, совершенно такую же, какъ тѣ, которыя были у него въ лавкѣ.

— Я угадалъ, — пробормоталъ онъ и прибавилъ громко: — Вы ужъ употребляли эту помаду?

— Нѣтъ еще, я только что хотѣла помазать ею губы, какъ вы вошли.

На лицѣ Ренэ появилось задумчивое выраженіе; это не укрылось отъ Генриха, отъ котораго рѣдко что ускользало.

— Ну, Ренэ, что такое съ вами? — спросилъ онъ.

— Со мной? Ничего, ваше величество, — отвѣтилъ парфюмеръ. — Я смиренно жду, чтобы вы удостоили меня хоть однимъ словомъ прежде, чѣмъ я откланяюсь г-жѣ баронессѣ.

— Полно, полно! — съ улыбкой сказалъ Генрихъ. — Вы и безъ моихъ словъ знаете, что я радъ видѣть васъ.

Ренэ оглядѣлся кругомъ, обошелъ всю комнату, внимательно всматриваясь и прислушиваясь около каждой двери и портьеры а потомъ снова остановился и окинулъ однимъ взглядомъ Генриха и баронессу.

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ онъ.

Генрихъ обладалъ замѣчательнымъ инстинктомъ, который, подобно шестому чувству, охранялъ его въ продолженіе всей первой половины жизни, среди окружавшихъ его опасностей.

Онъ почувствовалъ, что въ эту минуту совершается что-то серьезное, что въ душѣ парфюмера происходитъ какая-то борьба. Оставаясь въ тѣни, Генрихъ взглянулъ на Ренэ, лицо котораго было ярко освѣщено, и сказалъ:

— Въ такой часъ и вы здѣсь, Ренэ?

— Я имѣлъ несчастье помѣшать вашему величеству? — спросилъ Ренэ, дѣлая шагъ назадъ.

— Нисколько. Мнѣ только хочется узнать одну вещь.

— Что же именно, ваше величество?

— Думали вы найти меня здѣсь?

— Я былъ увѣренъ въ этомъ.

— Значитъ, вамъ нужно было видѣть меня?

— Я во всякомъ случаѣ счастливъ, что увидалъ ваше величество.

— Вы желаете что-нибудь сказать мнѣ? — настаивалъ Генрихъ.

— Можетъ-быть, — отвѣтилъ Ренэ.

Шарлотта покраснѣла: она боялась, что Ренэ будетъ говорить о ея прошломъ поведеніи относительно Генриха. И, сдѣлавъ видъ, какъ будто, занимаясь своимъ туалетомъ, не слыхала ихъ разговора, она открыла коробочку и воскликнула:

— Ну, какой же вы милый человѣкъ, Ренэ! У этой помады прелестный цвѣтъ. Чтобы сдѣлать вамъ честь, я попробую при васъ ваше новое изобрѣтеніе.

Держа въ одной рукѣ коробочку, она взяла немного помады на кончикъ пальца другой руки, чтобы помазать себѣ губы.

Ренэ вздрогнулъ.

Баронесса съ улыбкой поднесла помаду къ губамъ.

Ренэ поблѣднѣлъ.

Генрихъ, продолжавшій сидѣть въ тѣни, пристально смотрѣлъ на нихъ, не пропуская ни одного движенія Шарлотты, ни одной перемѣны на лицѣ Ренэ.

Когда рука Шарлотты была на разстояніи всего нѣсколькихъ линій отъ губъ, Ренэ вдругъ схватилъ ее. Генрихъ вскочилъ, чтобы сдѣлать то же, но, увидавъ, что Ренэ предупредилъ его, онъ снова опустился на диванъ.

— Погодите немного, баронесса, — сказалъ съ натянутой улыбкой Ренэ. — Для того, чтобы употреблять эту помаду, нужны кое-какія указанія.

— А кто же дастъ ихъ мнѣ?

— Я.

— Когда?

— Тотчасъ же послѣ того, какъ скажу королю Наваррскому то, что мнѣ нужно сказать ему.

Шарлотта широко открыла глаза: она чувствовала, что происходить что-то таинственное, непонятное ей. Серебряная коробочка была у нея въ одной рукѣ, кончикъ пальца другой покраснѣлъ отъ помады.

Генрихъ всталъ и, подъ вліяніемъ мысли, въ сущности серьезной, а съ виду пустой, какъ и всѣ его мысли, подошелъ къ Шарлоттѣ и, несмотря на то, что ея рука была испачкана въ помадѣ, хотѣлъ поцѣловать ее.

— Одну минуту! — поспѣшно остановилъ его Ренэ. — Одну минуту!.. Соблаговолите, баронесса, вымыть сначала ваши прекрасныя руки вотъ этимъ неаполитанскимъ мыломъ, которое я забылъ прислать вамъ вмѣстѣ съ помадой и потому принесъ самъ.

Вынувъ изъ серебряной обертки зеленоватое мыло, Ренэ положилъ его въ вызолоченный тазъ, налилъ въ него воды и, преклонивъ колѣно, подалъ тазъ баронессѣ.

— Ну, право же, я не узнаю васъ, метръ Ренэ, — сказалъ Генрихъ. — Какая любезность! Всѣ придворные франты ничто передъ вами!

— Ахъ, какой чудный запахъ! — воскликнула Шарлотта, опуская руки въ душистую мыльную пѣну.

Ренэ продолжалъ прислуживать баронессѣ до конца. Когда она вымыла руки, онъ подалъ ей полотенце изъ тонкаго фримандскаго полотна, чтобы она могла вытереть ихъ.

— Вотъ теперь, ваше величество, — сказалъ онъ, — вы можете исполнить свое желаніе.

Шарлотта протянула Генриху руку, которую тотъ поцѣловалъ. Потомъ баронесса обернулась къ Ренэ, чтобы послушать, что онъ скажетъ, а король Наваррскій снова сѣлъ на диванъ. Теперь онъ былъ убѣжденъ еще больше, чѣмъ прежде, что на умѣ у парфюмера есть что-то особенное.

Флорентинецъ, которому, повидимому, было трудно начать, собрался съ духомъ и обратился къ Генриху.

XXII.

Вы будете королемъ!

— Ваше величество, — сказалъ Ренэ, — я хочу говорить съ вами о томъ, чѣмъ занимаюсь уже давно.

— О духахъ? — съ улыбкой спросилъ Генрихъ.

— Да, ваше величество... о духахъ! — съ какой-то странной усмѣшкой отвѣтилъ Ренэ.

— Говорите, я слушаю васъ; этотъ предметъ всегда интересовалъ меня.

Ренэ взглянулъ на Генриха, стараясь угадать его мысли; но видя, что это невозможно, продолжалъ:

— Одинъ изъ моихъ друзей, ваше величество, пріѣхалъ изъ Флоренціи. Онъ много занимается астрологіей.

— Да, я знаю, что это страсть флорентинцевъ, — сказалъ Генрихъ.

— Онъ вмѣстѣ съ величайшими учеными міра составлялъ гороскопы высочайшихъ особъ Европы.

— Ага! — сказалъ Генрихъ.

— А такъ какъ Бурбонскій домъ, происходящій отъ графа Клермана, шестого сына Людовика Святого, стоитъ во главѣ всѣхъ другихъ королевскихъ домовъ, то ваше величество понимаете, что былъ составленъ и вашъ гороскопъ.

Генрихъ сталъ слушать еще внимательнѣе.

— А помните вы мой гороскопъ? — спросилъ онъ съ улыбкой, которую старался сдѣлать равнодушной.

— О, вашъ гороскопъ не изъ тѣхъ, которые забываются, — отвѣтилъ, качая головою, Ренэ.

— Неужели? — иронически спросилъ Генрихъ.

— Да, государь. Этотъ гороскопъ предрекаетъ вашему величеству самую блестящую судьбу.

Глаза молодого короля блеснули, но тотчасъ же задернулись облакомъ равнодушія.

— Всѣ итальянскіе оракулы — большіе льстецы, — сказалъ онъ. — А льстецъ тотъ же лгунъ. Развѣ не предсказывали мнѣ, что я буду командовать арміями?

И Генрихъ расхохотался. Но болѣе внимательный наблюдатель, чѣмъ Ренэ, замѣтилъ бы, что онъ смѣется насильно.

— Государь, — холодно сказалъ Ренэ, — предвѣщанія гороскопа лучше.

— Что же онъ предвѣщаетъ? Что, предводительствуя этими арміями, я буду одерживать побѣды?

— Еще лучше, государь.

— Отлично, — сказалъ Генрихъ. — Вы увидите, какимъ великимъ завоевателемъ я буду!

— Вы будете королемъ!

— Ventre-saint-gris! — воскликнулъ, стараясь сдержать свое волненіе, Генрихъ, сердце котораго сильно забилось. — Я и теперь король.

— Государь, мой другъ знаетъ, что обѣщаетъ. Вы не только будете королемъ, но и будете царствовать.

— Значитъ, вашему другу нужны десять золотыхъ экю, вѣдь такъ? — все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ сказалъ Генрихъ. — Это ужъ черезчуръ великолѣпное предсказаніе, въ (

по теперешнему времени. Вотъ что я сдѣлаю, Ренэ. Такъ какъ я не богатъ, то я дамъ вашему пріятелю пять экю теперь, а остальные пять, когда его предсказані: исполнится.

— Государь, — сказала баронесса, — не забывайте, что у васъ уже есть кредиторъ, Даріола, и не будьте слишкомъ щедры на обѣщанія.

— Я надѣюсь, баронесса, что когда стану королемъ, то всѣ будутъ очень довольны, если я исполню хотя половину того, что обѣщалъ.

— Могу я продолжать, государь? — спросилъ Ренэ.

— Какъ? Значитъ, это еще не все? — воскликнулъ Генрихъ.—Если я буду императоромъ, то заплачу вашему пріятелю вдвое.

— Вернувшись съ этимъ гороскопомъ изъ Флоренціи, — продолжалъ Ренэ,—другъ мой, кромѣ того, открылъ мнѣ тайну.

— Тайну, которая касается его величества? — быстро спро сила Шарлотта.

— Думаю, что такъ, — отвѣтилъ флорентинецъ.

„Онъ затрудняется и пріискиваетъ слова, — подумалъ Генрихъ, не стараясь, съ своей стороны, помочь Ренэ. — Должнобыть, ему не особенно легко высказать эту тайну“.

— Ну, говорите же, — сказала баронесса, — въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ? Въ слухахъ объ отравленіяхъ, — отвѣтилъ Ренэ, которые ходили въ послѣднее время при дворѣ.

Слегка раздувшіяся ноздри Генриха были единственнымъ признакомъ, указывающимъ, насколько усилилось его вниманіе при такомъ неожиданномъ оборотѣ разговора.

— А вашему другу, флорентинцу,—спросилъ онъ,—извѣстно что-нибудь объ этихъ отравленіяхъ?

— Да, ваше величество.

— Какъ же вы рѣшаетесь довѣрять мнѣ чужую тайну, Ренэ, да еще такую важную? — самымъ естественнымъ тономъ спросилъ Генрихъ.

— Мой другъ хочетъ попросить у васъ совѣта, государь.

— У меня?

— Что же тутъ удивительнаго, ваше величество? Вспомните о старомъ солдатѣ изъ Акціума, который обратился за совѣтомъ къ Августу по поводу своего процесса.

— Августъ былъ адвокатомъ, Ренэ, а я не адвокатъ.

— Когда другъ мой открылъ мнѣ эту тайну, ваше величество, вы принадлежали еще къ партіи кальвинистовъ; въ то время вы были ихъ главнымъ вождемъ, а принцъ Кондэ — первымъ послѣ васъ.

— Что же дальше?

— Мой другъ надѣялся, что если вы захотите употребить ваше могущественное вліяніе на принца Кондэ, то тотъ не будетъ относиться къ нему враждебно.

— Объяснитесь, Ренэ, если хотите, чтобы я понялъ васъ,— сказалъ Генрихъ.

— Вы поймете меня съ одного слова, ваше величество. Моему другу извѣстны всѣ подробности покушенія на жизнь принца Кондэ, котораго хотѣли отравить.

— Развѣ принца Кондэ хотѣли отравить? — спросилъ Генрихъ съ необыкновенно искусно разыграннымъ удивленіемъ.— Неужели? Когда же это?

— Недѣлю тому назадъ, ваше величество.

— Кто же покушался на это? Кто-нибудь изъ его враговъ?

— Да, врагъ, котораго ваше величество знаете.

— Мнѣ помнится, что я слышалъ какіе-то толки объ этомъ, — сказалъ Генрихъ, — но я не знаю подробностей, которыя, какъ вы говорите, вашъ другъ хочетъ открыть мнѣ.

— Кондэ прислали душистое яблоко. Къ счастью, врачъ былъ у него въ то время, какъ принесли это яблоко. Онъ взялъ его изъ рукъ посланнаго и понюхалъ. Черезъ два дня гангренозная опухоль, кровоизліяніе и страшныя раны по всему лицу были наградой за его преданность или неосторожность.

— Къ несчастью,—сказалъ Генрихъ,—такъ какъ я уже наполовину католикъ, то не могу имѣть никакого вліянія на принца Кондэ. Вашъ другъ напрасно обратился ко мнѣ.

— Ваше величество можете быть полезны моему другу своимъ вліяніемъ не только на принца Кондэ, но и на принца Порсіана, братъ котораго былъ отравленъ.

— Вѣдь вы видите, Ренэ,—сказала Шарлотта,—что всѣ ваши просьбы совсѣмъ не кстати. Ваши косметики несравненно лучше.

И Шарлотта снова взяла коробочку съ губной помадой.

— Погодите немного употреблять ее, баронесса, — сказалъ Ренэ. — Выслушайте сначала, какъ бываютъ иногда изобрѣтательны злые люди.

— Вы, право же, наводите на меня сегодня страхъ, Ренэ!— воскликнула баронесса.

Генрихъ нахмурилъ брови. Но онъ видѣлъ, что у Ренэ была какая-то неизвѣстная цѣль, и рѣшилъ продолжать разговоръ, пробуждавшій въ немъ такія тяжелыя воспоминанія.

— Такъ вамъ извѣстны подробности отравленія и принца Порсіана? — спросилъ онъ.

— Да, ваше величество. Знали, что у него каждую ночь горитъ лампа около постели. Масло отравили, и онъ задохся отъ его запаха.

Генрихъ стиснулъ свои покрытыя холоднымъ потомъ руки.

— Значитъ, — сказалъ онъ, — вашему другу извѣстенъ и самый отравитель?

— Да, государь. Вотъ потому-то онъ и хотѣлъ знать, пожелаете ли вы употребить свое вліяніе на оставшагося въ живыхъ принца Порсіана, и добиться, чтобы онъ простилъ убійцу своего брата.

— Къ сожалѣнію, — отвѣтилъ Генрихъ, — такъ какъ я еще наполовину гугенотъ, то не имѣю никакого вліянія и на принца Порсіана.

— А не можете ли вы сказать, ваше величество, какъ бы отнеслись къ такому ходатайству принцъ Кондэ и принцъ Порсіанъ?

— Конечно, нѣтъ, Ренэ. Богъ, насколько я знаю, не одарилъ меня способностью читать въ сердцахъ.

— Но ваше величество можете судить по себѣ, — спокойно сказалъ флорентинецъ. — Не было ли въ вашей жизни какого-нибудь событія, настолько ужаснаго и тяжелаго для васъ, что оно могло бы служить какъ бы пробнымъ камнемъ милосердія и великодушія съ вашей стороны?

Ренэ произнесъ это слово такимъ тономъ, что даже Шарлотта невольно вздрогнула: намекъ былъ вполнѣ ясенъ.

Король Наваррскій сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе. Лицо его, сначала омрачившееся, снова прояснилось, и онъ, затаивъ въ себѣ сыновнюю скорбь, сжимавшую ему сердце, задумчиво проговорилъ:

— Въ моей жизни... какое-нибудь тяжелое событіе?.. Нѣтъ, Ренэ, ничего подобнаго у меня не было. Мнѣ приходилось терпѣть только отъ своихъ же собственныхъ сумасбродствъ и легкомыслія и не разъ выносить нужду. Но вѣдь подобныя испытанія зависятъ отъ нашей человѣческой природы и Господь посылаетъ ихъ всѣмъ.

Ренэ смотрѣлъ то на Генриха, то на Шарлотту, какъ бы желая уничтожить сдержанность одного и удержать другую. Баронесса, которую стѣснялъ этотъ разговоръ, дѣйствительно снова обернулась къ туалету и взялась за коробочку съ губной помадой.

— Но если бы вы были братомъ принца Порсіана, ваше величество, — сказалъ Ренэ, — или сыномъ принца Кондэ, если бы отравили вашего брата или убили отца...

Шарлотта слегка вскрикнула и опять поднесла помаду къ губамъ. Ренэ замѣтилъ ея движеніе, но на этотъ разъ ни словомъ ни жестомъ не остановилъ ея и только воскликнулъ:

— Ради Бога, отвѣтьте мнѣ, ваше величество? Что бы сдѣлали, если бы были на ихъ мѣстѣ?

Генрихъ собрался съ мыслями, вытеръ дрожащей рукой капли холоднаго пота, выступившія у него на лбу, и всталъ.

— Если бы я былъ на ихъ мѣстѣ, — сказалъ Генрихъ, — и зналъ навѣрное, что буду королемъ, т.-е. представителемъ Бога на землѣ, я сдѣлалъ бы то же, что дѣлаетъ Богъ — я простилъ бы ихъ.

— Баронесса! — воскликнулъ Ренэ, выхвативъ коробочку изъ рукъ Шарлотты, — отдайте мнѣ эту помаду. Мой слуга, какъ я вижу, ошибся. Я пришлю вамъ завтра другую.

XXIII.

Новообращенный.

На слѣдующій день была назначена охота въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу.

Генрихъ велѣлъ осѣдлать себѣ къ восьми часамъ утра небольшую беарнскую лошадь, которую онъ думалъ подарить баронессѣ де-Совъ, но сначала хотѣлъ попробовать самъ.

Лошадь, хоть и маленькая, но очень горячая, трясла гривой и била копытами.

Ночь была холодная, и тонкій слой льда покрывалъ землю.

Генрихъ хотѣлъ перейти черезъ дворъ къ конюшнямъ, гдѣ стояла лошадь и ждалъ его конюхъ. Когда онъ проходилъ мимо солдата-швейцарца, стоявшаго на караулѣ около двери, тотъ отдалъ ему честь и сказалъ:

— Да хранитъ Господь его величество, короля Наваррскаго!

Услыхавъ этотъ привѣтъ, беарнецъ вздрогнулъ: ему показался знакомымъ голосъ часового.

Онъ обернулся и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Де-Муи! — прошепталъ онъ.

— Да, ваше величество, де-Муи.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я хотѣлъ видѣть васъ.

— Что вамъ нужно отъ меня?

— Мнѣ нужно поговорить съ вашимъ величествомъ.

— Несчастный! — сказалъ король, подходя къ нему. — Развѣ ты не знаешь, что рискуешь своей головой?

— Да, и я все-таки здѣсь.

Генрихъ слегка поблѣднѣлъ: опасность, которой подвергалъ себя пылкій молодой человѣкъ, грозила и ему самому. Тревожно оглядѣвшись кругомъ, онъ отступилъ во второй разъ такъ же торопливо, какъ и въ первый.

Онъ увидалъ у окна герцога Алансонскаго.

Выраженіе лица Генриха и его обращеніе сразу измѣнились. Онъ взялъ мушкетъ изъ рукъ де-Муи, который, какъ мы говорили, стоялъ на часахъ, и сдѣлалъ видъ, что осматриваетъ оружіе.

— Де-Муи, — сказалъ онъ, — безъ сомнѣнія, только очень важная причина могла заставить тебя прійти сюда броситься самому въ волчью пасть?

— Совершенно вѣрно, ваше величество. Вотъ уже восемь дней, какъ я ищу случая увидать васъ. Наконецъ, вчера вечеромъ я узналъ, что ваше величество будете сегодня утромъ пробовать лошадь, и потому занялъ мѣсто часового въ Луврѣ.

— Но откуда же добылъ ты этотъ костюмъ?

— Караульный офицеръ — протестантъ и мой пріятель.

— Вотъ твой мушкетъ — оставайся здѣсь. За нами наблюдаютъ. Возвращаясь назадъ, я постараюсь поговорить съ тобою. Но если я буду молчать, не останавливай меня. Прощай.

Де-Муи снова началъ ходить мѣрнымъ шагомъ взадъ и впередъ около двери, а Генрихъ подошелъ къ лошади.

— Что это за хорошенькая лошадка? — спросилъ его изъ окна герцогъ Алансонскій.

— Я хочу попробовать ее сегодня утромъ, — отвѣтилъ Генрихъ.

— Но вѣдь это не мужская лошадь.

— Она и предназначается для одной прекрасной дамы.

— Тсъ! Это нескромно съ вашей стороны, Генрихъ: вѣдь мы увидимъ эту прекрасную даму во время охоты. И если я не узнаю, чей вы рыцарь, то, по крайней мѣрѣ, хоть узнаю, чей вы оруженосецъ.

— Ну, нѣтъ, вы не узнаете этого, — сказалъ съ своимъ напускнымъ добродушіемъ Генрихъ. — Эта прекрасная дама нездорова и не поѣдетъ на охоту.

И онъ вскочилъ на лошадь.

— Неужели? — смѣясь, сказалъ герцогъ Алансонскій. — Бѣдная баронесса де-Совъ.

— Франсуа, Франсуа! Вотъ вы — такъ, дѣйствительно, нескромны!

— А что же такое съ прекрасной Шарлоттой?

— Навѣрное не знаю, — отвѣтилъ Генрихъ, пуская лошадь въ галопъ и объѣзжая кругомъ двора. — У нея, по словамъ Даріолы, сильная головная боль, какое-то онѣмѣніе во всемъ тѣлѣ и общая слабость.

— И ея болѣзнь помѣшаетъ вамъ ѣхать съ нами?

— Это почему? — сказалъ Генрихъ. — Вы знаете, что я до безумія люблю охоту и что ничто не можетъ заставить меня отказаться отъ этого удовольствія.

— А между тѣмъ вамъ придется отказаться отъ него на этотъ разъ, — сказалъ герцогъ послѣ небольшой паузы, во время которой онъ говорилъ съ кѣмъ-то, находившимся въ глубинѣ комнаты и невидимымъ для Генриха. — Его величество прислалъ мнѣ сказать, что охота не состоится.

— Это почему?! — съ досадой воскликнулъ Генрихъ.

— Получились, какъ кажется, очень важныя письма отъ герцога Неверскаго и по этому поводу состоялось совѣщаніе, въ которомъ участвуютъ король, королева-мать и мой братъ, герцогъ Анжуйскій.

„Ага! — подумалъ Генрихъ. — Ужъ нѣтъ ли какихъ новостей изъ Польши?“

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не къ чему ѣздить здѣсь, рискуя сломать себѣ шею въ такую гололедицу. До свиданія.

Подъѣхавъ къ де-Муи, Генрихъ остановилъ лошадь.

— Попроси кого-нибудь изъ товарищей замѣнить тебя, — сказалъ онъ. — Помоги конюху разсѣдлать лошадь, а потомъ отнеси сѣдло къ сѣдельному мастеру. Онъ не успѣлъ докончить на немъ вышивку къ нынѣшнему дню. Переговоривъ съ нимъ, ты зайдешь ко мнѣ, чтобы передать его отвѣтъ.

Де-Муи поспѣшилъ исполнить приказаніе короля: онъ замѣтилъ, что герцогъ Алансонскій, у котораго, очевидно, явилось подозрѣніе, уже не было у окна.

И, дѣйствительно, только что успѣлъ де-Муи выйти изъ калитки, какъ на дворъ вышелъ герцогъ Алансонскій.

На часахъ стоялъ теперь уже настоящій швейцарецъ.

Внимательно посмотрѣвъ на него, герцогъ обернулся къ Генриху.

— Вѣдь, кажется, не съ этимъ человѣкомъ говорили вы сію минуту, Генрихъ? — спросилъ онъ.

— Да, не съ этимъ. Тотъ принадлежитъ къ моему штату и я помѣстилъ его въ швейцарскій караулъ. Онъ отправился исполнять порученіе, которое я далъ ему.

— А! — сказалъ герцогъ, какъ бы удовлетворившись этимъ отвѣтомъ. — Какъ здоровье Маргариты?

— Я сейчасъ иду къ ней.

— Развѣ вы не видали ее со вчерашняго дня?

— Я заходилъ къ ней вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, но Гильона сказала мнѣ, что она очень устала и уже заснула.

— А теперь вы не застанете ее. Она вышла.

— Ахъ, да, я и забылъ, — сказалъ Генрихъ. — Она хотѣла отправиться въ монастырь ордена Благовѣщенія.

Разговоръ не клеился. Генрихъ, повидимому, рѣшился только отвѣчать на вопросы.

Итакъ, герцогъ Алансонскій и король Наваррскій разстались. Первый сказалъ, что идетъ узнать, какія извѣстія получены отъ герцога Неверскаго, а второй отправился къ себѣ.

Не прошло послѣ этого и пяти минутъ, какъ кто-то постучался къ Генриху.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ.

— Ваше величество, — отвѣтилъ де-Муи, — я принесъ вамъ отвѣтъ сѣдельника.

Генрихъ, видимо, взволнованный, впустилъ молодого человѣка и заперъ за нимъ дверь.

— Это вы, де-Муи! — сказалъ онъ. — А я надѣялся, что вы раздумаете.

— Я раздумываю уже три мѣсяца, ваше величество, — отвѣтилъ де-Муи, — и нахожу, что пришло время дѣйствовать.

Генрихъ тревожно оглянулся.

— Не безпокойтесь, ваше величество, — сказалъ де-Муи, — мы одни и я не задержу васъ, потому что минуты дороги. Вамъ, государь, стоитъ сказать только слово и вы вернете намъ все, чего лишили насъ и нашу религію — событія этого года. Будемъ говорить ясно, коротко и откровенно.

— Я слушаю, мой храбрый де-Муи! — отвѣтилъ Генрихъ, видя, что невозможно избѣжать объясненія.

— Правда ли, что ваше величество отреклись отъ протестантской религіи?

— Правда, — сказалъ Генрихъ.

— На словахъ только или на самомъ дѣлѣ?

— Мы не можемъ не благодарить Бога, если Онъ спасаетъ намъ жизнь, — отвѣтилъ Генрихъ, стараясь избѣжать прямого отвѣта на вопросъ, какъ дѣлалъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ. — А Богъ ясно выказалъ мнѣ Свое милосердіе, избавивъ меня отъ страшной опасности.

— Сознайтесь въ одномъ, государь.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что вы отреклись не по убѣжденію, а изъ расчета. Вы отреклись, чтобы король не лишилъ васъ жизни, а не потому, что Богъ спасъ васъ отъ смерти!

— Какова бы ни была причина моего обращенія, де-Муи, — отвѣтилъ Генрихъ, — я во всякомъ случаѣ католикъ.

— Да навсегда ли останетесь вы имъ? Не перейдете ли вы снова въ протестантство, когда для васъ явится возможность, не опасаясь за жизнь, дѣйствовать вполнѣ свободно и такъ, какъ велитъ вамъ совѣсть? Знайте же, что такая возможность представляется вамъ въ настоящую минуту. Въ Ла-Рошели возстаніе; Руссильонъ и Беарнъ ждутъ только одного слова,

чтобы начать дѣйствовать; въ Гіеннѣ всѣ желаютъ войны. Скажите мнѣ, что вы сдѣлались католикомъ по принужденію и я ручаюсь за будущее.

— Человѣка моего происхожденія не принуждаютъ: то, что я сдѣлалъ, было сдѣлано мною добровольно.

— Но, ваше величество, — воскликнулъ молодой человѣкъ, сердце котораго сжалось отъ совершенно неожиданнаго для него сопротивленія Генриха. — Значитъ, вы не думаете о томъ, что, поступая такъ, вы покидаете насъ... измѣняете намъ!

Генрихъ остался невозмутимъ.

— Да, вы измѣняете намъ, ваше величество, — продолжалъ де-Муи. — Вѣдь многіе изъ насъ пріѣхали сюда, рискуя своей жизнью, чтобы спасти вашу честь и вернуть вамъ свободу. Мы приготовили все, чтобы дать вамъ престолъ, слышите вы это? У васъ будетъ не только свобода, но и власть и тронъ по вашему выбору. Черезъ два мѣсяца вы сами рѣшите, какимъ королемъ вамъ быть: Французскимъ или Наваррскимъ.

— Де-Муи, — сказалъ Генрихъ, глаза котораго блеснули при послѣднихъ словахъ молодого человѣка, — я нахожусь въ полной безопасности, я католикъ, мужъ Маргариты, братъ короля Карла, зять Екатерины. Положеніе, которое я занялъ благодаря этимъ родственнымъ отношеніямъ, даетъ мнѣ права, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на меня и извѣстныя обязанности.

— Чему же вѣрить, государь? — спросилъ де-Муи. — Говорятъ, что вашъ бракъ фиктивный, что сердце ваше свободно, что ненависть королевы Екатерины...

— Ложь! Все это ложь! — быстро прервалъ его беарнецъ. — Васъ безстыдно обманули, любезный другъ. На самомъ дѣлѣ Маргарита — моя любимая жена, Екатерина — моя мать, а королю Карлу IX принадлежитъ и мое сердце и моя жизнь.

Де-Муи вздрогнулъ, и улыбка, почти презрительная, промелькнула у него на губахъ.

— Итакъ, государь, — сказалъ онъ, уныло опустивъ руки и пристально смотря на беарнца, какъ бы стараясь заглянуть ему въ душу. — Итакъ, вотъ такой отвѣтъ принесу я моимъ братьямъ. Я скажу имъ, что король Наваррскій протягиваетъ свою руку и отдаетъ свое сердце убійцамъ гугенотовъ, я скажу имъ, что онъ сблизился съ королевой-матерью...

— Любезный де-Муи, — сказалъ Генрихъ, — сейчасъ кончится королевскій совѣтъ и мнѣ нужно итти къ королю. Я хочу узнать, какія причины заставили его отложить назначенную на сегодня охоту. Прощайте. Послѣдуйте моему примѣру, любезный другъ: перестаньте заниматься политикой, обратит[illegible] королю и перейдите въ католичество.

И Генрихъ проводилъ или, вѣрнѣе, оттѣснилъ къ выходной двери своего собесѣдника, изумленіе котораго перешло въ ярость.

Затворивъ дверь, де-Муи не могъ удержаться, чтобы не сорвать на чемъ-нибудь сердце. Скомкавъ свою шляпу, онъ бросилъ ее объ полъ и сталъ топтать ногами, какъ топчетъ быкъ плащъ матадора.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ. — Какой жалкій король! Мнѣ, право же, хочется дать себя убить здѣсь, чтобы опозорить его и запятнать навѣкъ моей кровью.

— Тише, г. де-Муи! — послышался какой-то голосъ изъ полуотворенной двери. — Тише! Васъ можетъ услыхать еще кто-нибудь, кромѣ меня.

Де-Муи быстро обернулся и увидалъ закутаннаго въ плащъ герцога Алансонскаго, который высунулъ свое блѣдное лицо въ коридоръ, чтобы убѣдиться, что за исключеніемъ его самого и де-Муи тамъ нѣтъ никого.

— Герцогъ Алансонскій!—воскликнулъ де-Муи.—Я погибъ!

— Напротивъ, — прошепталъ герцогъ, — вы, можетъ-быть, нашли то, чего искали. И вотъ вамъ доказательство: я не хочу, чтобы вы исполнили свое намѣреніе и дали убить себя здѣсь. Къ чему проливать вамъ свою кровь около двери короля Наваррскаго? Вы найдете для нея лучшее употребленіе...

Съ этими словами герцогъ распахнулъ дверь, которую до сихъ поръ держалъ полуотворенной.

— Въ этой комнатѣ живутъ два дворянина, принадлежащіе къ моей свитѣ, — сказалъ онъ. — Никто не помѣшаетъ намъ здѣсь, и мы можемъ говорить свободно. Не угодно ли вамъ войти?

— Иду, ваше высочество, — отвѣтилъ пораженный изумленіемъ заговорщикъ.

И онъ вошелъ въ комнату, дверь которой герцогъ заперъ такъ же быстро, какъ раньше король Наваррскій запиралъ свою.

Де-Муи былъ страшно раздраженъ; онъ не помнилъ себя отъ гнѣва и готовъ былъ проклинать всѣхъ и все. Но мало-помалу холодный и пристальный взглядъ юнаго герцога Франсуа произвелъ на гугенотскаго капитана такое же отрезвляющее дѣйствіе, какое производитъ на пьянаго ледяная вода.

— Если не ошибаюсь, — сказалъ онъ, — ваше высочество желаетъ говорить со мной?

— Да, г. де-Муи, — отвѣтилъ Франсуа. — Несмотря на ваше переодѣванье, лицо ваше показалось мнѣ знакомымъ, а когда вы отдали честь моему брату Генриху, я узналъ васъ... Итакъ, вы недовольны королемъ Наваррскимъ?

— Ваше высочество!

— Полно, полно! Говорите со мной откровенно. Я вамъ другъ, хоть вы, можетъ-быть, и не подозрѣваете этого.

— Я не знаю, что сказать. То, что я говорилъ королю Наваррскому, касается интересовъ, чуждыхъ вашему высочеству. Къ тому же, — прибавилъ де-Муи тономъ, который старался сдѣлать равнодушнымъ, — дѣло шло о пустякахъ.

— И вы изъ-за этихъ пустяковъ рѣшились прійти въ Лувръ, рискуя своей головой, которая оцѣнена на вѣсъ золота. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что король Наваррскій, принцъ Кондэ и вы — три главныхъ вождя гугенотовъ.

— Если вы думаете это, ваше величество, поступите со мной такъ, какъ слѣдуетъ поступить брату короля Карла и сыну королевы Екатерины.

— Съ какой же стати хотите вы, чтобы я поступилъ такъ? Вѣдь я говорилъ вамъ, что я вамъ другъ. Скажите мнѣ правду.

— Ваше высочество, клянусь вамъ...

— Не клянитесь; протестантская религія запрещаетъ клятвы, а тѣмъ болѣе ложныя.

Де-Муи нахмурилъ брови.

— Увѣряю васъ, что я знаю все, — сказалъ герцогъ.

Де-Муи продолжалъ молчать.

— Вы сомнѣваетесь? — ласково, но настойчиво спросилъ Франсуа. — Ну, что жъ, придется убѣдить васъ въ этомъ, любезный де-Муи. Увидите сами, ошибаюсь ли я. Предлагали вы нѣсколько минутъ тому назадъ моему зятю Генриху помощь вашу и вашихъ единовѣрцевъ, чтобы утвердить его на престолѣ королевства Наваррскаго?

Де-Муи съ испугомъ смотрѣлъ на герцога.

— И онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ ваше предложеніе — да?

Де-Муи продолжалъ стоять молча, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Не напомнили вы ему тогда о вашей старинной дружбѣ и одинаковой религіи? Не соблазняли ли вы, наконецъ, короля Наваррскаго надеждой, такой блестящей, что онъ былъ ослѣпленъ — надеждой получить корону Франціи? Ну, что, вѣрно ли я говорю? Это ли предлагали вы беарнцу?

— Ваше высочество! — воскликнулъ де-Муи. — Это такъ вѣрно, что я въ эту минуту спрашиваю себя, не сказать ли мнѣ вашему королевскому высочеству, что вы солгали? Не выйти ли намъ на поединокъ, чтобы смерть уничтожила возможность разглашенія этой ужасной тайны?

— Потише, потише, успокойтесь, мой храбрый де-Муи! — сказалъ герцогъ Алансонскій, не измѣнившись в[...]

сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія при такой угрозѣ.—Тайна сохранится лучше, если мы оба останемся живы, чѣмъ если одинъ изъ насъ умретъ. Выслушайте меня и оставьте въ покоѣ эфесъ вашей шпаги. Повторяю вамъ въ третій разъ, что я вамъ другъ. Отвѣчайте же мнѣ, какъ другу. Отказался король Наваррскій отъ всего, что вы предлагали ему—вѣдь такъ?

— Да, ваше высочество. Я могу сознаться въ этомъ, такъ какъ это сознаніе не компрометируетъ никого, кромѣ меня.

— Кричали вы, выйдя отъ него и топча ногами свою шляпу, что онъ жалкій король, недостойный быть вашимъ главою?

— Это правда, ваше высочество. Я, дѣйствительно, говорилъ это.

— И вы все еще придерживаетесь этого мнѣнія?

— Больше, чѣмъ когда-либо, ваше высочество.

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ вотъ что, де-Муи: находите ли вы меня, третьяго сына Генриха II и французскаго принца, достойнымъ предводителемъ для вашихъ солдатъ? И считаете ли меня настолько честнымъ, чтобы положиться на мое слово?

— Вы, ваше величество!—воскликнулъ де-Муи.—Вы... глава гугенотовъ!

— А почему же нѣтъ? Теперь время обращеній, какъ вамъ извѣстно. Генрихъ сдѣлался католикомъ, а я могу сдѣлаться протестантомъ.

— Да, конечно, ваше высочество. Я жду, чтобы вы объяснили мнѣ...

— Все это очень просто. Я объясню вамъ въ двухъ словахъ политику, какой придерживаются всѣ. Мой братъ Карлъ убиваетъ гугенотовъ, чтобы ему было свободнѣе царствовать. Мой братъ Анжуйскій позволяетъ убивать ихъ, потому что онъ наслѣдникъ моего брата Карла, который, какъ вы знаете, часто хвораетъ. Ну, а я—я дѣло другое. Мнѣ никогда не придется быть королемъ Франціи, такъ какъ у меня есть два старшихъ брата. Кромѣ того, ненависть моей матери и моихъ братьевъ отдаляетъ меня отъ трона еще больше, чѣмъ законъ природы. Я не могу разсчитывать ни на что—ни на семью, ни на славу, ни на тронъ. А между тѣмъ у меня такое же благородное сердце, какъ у моихъ старшихъ братьевъ. И вотъ, не имѣя никакихъ надеждъ во Франціи, которую они обагряютъ кровью, я рѣшилъ добыть себѣ корону своей шпагой. Слушайте, что я хочу сдѣлать, де-Муи. Я хочу быть королемъ Наваррскимъ не по праву рожденія, а по избранію. И, замѣтьте, что на это не можетъ быть никакихъ возраженій съ вашей стороны. Я не узурпаторъ, такъ какъ мой братъ Ген-

рихъ отказывается отъ вашихъ предложеній и открыто признаетъ, что королевство Наваррское—не что иное, какъ мечта. Генрихъ не можетъ дать вамъ ничего; я даю вамъ имя и шпагу. Франсуа Алансонскій, принцъ французскаго королевскаго дома, сумѣетъ защитить своихъ товарищей или своихъ сообщниковъ—называйте, какъ хотите. Ну, что же скажете вы на мое предложеніе, де-Муи?

— Оно поразило меня, ваше высочество.

— Много препятствій придется намъ побѣдить, де-Муи. Не будьте же съ самаго начала такъ требовательны къ сыну и брату короля, который самъ пришелъ къ вамъ.

— Ваше высочество, я, конечно, согласился бы, не задумываясь ни на минуту, если бы это зависѣло отъ меня одного. Но у насъ есть совѣтъ и, какъ ни блестяще ваше предложеніе, а, можетъ-быть, именно поэтому вожди партіи не согласятся принять его безъ извѣстныхъ условій.

— Это дѣло другое и вашъ отвѣтъ доказываетъ, что вы человѣкъ честный и осторожный. По тому, какъ я говорилъ съ вами, вы тоже можете судить о моей честности. Относитесь же ко мнѣ, какъ къ человѣку, котораго уважаете, а не какъ къ принцу, которому льстятъ. Скажите, есть у меня надежда на успѣхъ?

— Если ваше высочество желаете знать мое мнѣніе, то завѣряю васъ честью, что вы можете вполнѣ разсчитывать на успѣхъ послѣ того, какъ король Наваррскій отвергъ мое предложеніе. Но повторяю еще разъ, что мнѣ необходимо переговорить съ нашими главными вождями.

— Такъ переговорите съ ними,—сказалъ герцогъ Алансонскій.—Когда же дадите вы мнѣ отвѣтъ?

Де-Муи молча взглянулъ на принца; потомъ, повидимому, принявъ какое-то рѣшеніе, онъ сказалъ:

— Протяните мнѣ руку, ваше высочество. Она должна коснуться моей; тогда я буду увѣренъ, что тутъ нѣтъ измѣны.

Принцъ не только исполнилъ желаніе де-Муи, но и крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, теперь я спокоенъ, ваше высочество, — сказалъ де-Муи. — Если намъ измѣнятъ, я объявлю, что вы тутъ ни при чемъ. Безъ этого вы были бы обезчещены.

— Зачѣмъ говорите вы мнѣ все это, де-Муи, не сказавъ сначала, когда дадите мнѣ отвѣтъ на мое предложеніе?

— Если бы я сказалъ вамъ это, вы вмѣстѣ съ тѣмъ узнали бы, гдѣ находятся вожди.

Говоря это, де-Муи пристально посмотрѣлъ въ ж... герцога.

— Полно, полно, — сказалъ Франсуа, — вы, какъ я вижу, все еще сомнѣваетесь, де-Муи. Но я, конечно, и не могу разсчитывать, чтобы вы довѣрились мнѣ вполнѣ съ самаго начала. Позднѣе вы узнаете меня лучше. Связью между нами послужатъ наши общіе интересы, и тогда вы перестанете подозрѣвать меня. Итакъ, я получу отвѣтъ сегодня вечеромъ?

— Да, ваше высочество, сегодня вечеромъ, такъ какъ намъ нельзя терять времени. Гдѣ же увижусь я съ вами?

— Здѣсь, въ Луврѣ, въ этой самой комнатѣ.

— Но вѣдь въ этой комнатѣ живутъ, — сказалъ де-Муи, показывая глазами на двѣ кровати, стоявшія одна противъ другой.

— Да, въ ней живутъ двое моихъ придворныхъ.

— Мнѣ кажется, ваше высочество, что съ моей стороны было бы неблагоразумно возвращаться въ Лувръ.

— Почему это?

— Потому что если вы узнали меня, то и другіе могутъ узнать меня. Но я все-таки готовъ прійти въ Лувръ, если вы исполните мою просьбу.

— Какую?

— Дайте мнѣ пропускъ.

— Де-Муи, — сказалъ герцогъ Алансонскій, — если у васъ найдутъ мой пропускъ, это не спасетъ васъ, а меня погубитъ. Я могу сдѣлать что-нибудь для васъ лишь при одномъ условіи — чтобы въ глазахъ всѣхъ мы были совершенно посторонними, незнакомыми людьми. Если о нашихъ сношеніяхъ узнаютъ мои братья или моя мать, это будетъ стоить мнѣ жизни. Мой собственный интересъ требуетъ, чтобы я защищалъ васъ. Свободный въ своей сферѣ дѣятельности, сильный, пока остаюсь неразгаданнымъ, я могу поручиться вамъ за все, не забывайте этого. Соберитесь еще разъ съ мужествомъ, положитесь на мое слово, какъ полагались на слово короля Наваррскаго, и приходите сегодня вечеромъ въ Лувръ.

— Но какъ же я приду сюда? Я не могу войти въ Лувръ въ такомъ костюмѣ. Онъ былъ хорошъ для передней или двери. А если я надѣну свое платье, будетъ еще хуже, такъ какъ меня сейчасъ же узнаютъ.

— Погодите немного... Я думаю... да, это такъ!

Герцогъ осматривался кругомъ комнаты, и глаза его остановились на роскошномъ костюмѣ ла-Моля, лежавшемъ на постели и состоявшемъ, какъ мы знаемъ, изъ великолѣпнаго вишневаго плаща съ золотымъ шитьемъ, шапочки съ бѣлымъ перомъ, украшенной лентой съ вышитыми на ней золотыми и

серебряными маргаритками, и изъ бѣлаго атласнаго камзола, вышитаго золотомъ.

— Видите вы этотъ плащъ, это перо и этотъ камзолъ? — сказалъ герцогъ. — Это платье графа де-ла-Моля, одного изъ моихъ придворныхъ, большого щеголя. Костюмъ его произвелъ фуроръ при дворѣ, и ла-Моля узнаютъ за сто шаговъ, когда онъ надѣваетъ его. Я дамъ вамъ адресъ портного, у котораго онъ купилъ платье. Заплатите портному двойную цѣну, и у васъ будетъ къ вечеру совершенно такой же костюмъ.

Только что успѣлъ герцогъ Алансонскій сказать это, какъ въ коридорѣ послышались шаги и ключъ повернулся въ замкѣ.

— Эй, кто тамъ?—спросилъ герцогъ, бросившись къ двери и запирая ее на задвижку.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ голосъ за дверью.—Странный вопросъ! А вы кто такой? Вотъ забавно! Я прихожу къ себѣ, а меня спрашиваютъ: „Кто тамъ?“

— Это вы, графъ де-ла-Моль?

— Конечно, я. А вы кто?

Въ то время, какъ ла-Моль удивлялся, что комната его занята, и спрашивалъ себя, какой еще новый сожитель будетъ у него, герцогъ Алансонскій обернулся, держа одной рукой задвижку, а другую приложивъ къ замку.

— Знаете вы графа де-ла-Моля? — спросилъ онъ у де-Муи.

— Нѣтъ, ваше высочество.

— А онъ знаетъ васъ?

— Не думаю.

— Ну, значитъ все хорошо. Впрочемъ, вамъ все-таки лучше отвернуться и сдѣлать видъ, какъ будто вы смотрите въ окно.

Де-Муи молча повиновался. Теперь было не до разговоровъ, такъ какъ ла-Моль начиналъ терять терпѣніе и изо всей силы колотилъ въ дверь.

Герцогъ Алансонскій бросилъ еще одинъ взглядъ на де-Муи и, видя, что тотъ повернулся спиной, отворилъ дверь.

— Ваше высочество!—съ изумленіемъ воскликнулъ ла-Моль, отступая.—Извините, радиБога, извините меня, ваше высочество!

— Ничего, ничего. Мнѣ понадобилась ваша комната, чтобы принять одного человѣка.

— Сдѣлайте одолженіе, ваше высочество. Позвольте мнѣ только взять мою шляпу и плащъ, которые лежатъ на постели. Сегодня, рано утромъ на меня напали грабители на Гревской площади и я потерялъ шляпу и плащъ.

— Дѣйствительно, графъ, вашъ костюмъ порядочно пострадалъ, — съ улыбкой сказалъ Франсуа. — Вамъ, [illegible]ъ, пришлось имѣть дѣло съ ловкими молодцами!

И герцогъ Алансонскій самъ передалъ ла Молю его плащъ и шляпу. Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ въ переднюю, нисколько не интересуясь тѣмъ, что дѣлаетъ герцогъ въ его комнатѣ.

Де-Муи приблизился къ герцогу, и оба они стали прислушиваться, когда ла-Моль уйдетъ. Но онъ вскорѣ подошелъ къ двери и такимъ образомъ самъ вывелъ ихъ изъ затрудненія.

— Извините, ваше высочество, — сказалъ онъ. — Не попадался вамъ на дорогѣ графъ де-Коко́нна?

— Нѣтъ. А между тѣмъ онъ дежурный сегодня утромъ.

— Такъ его, должно-быть, зарѣзали,—пробормоталъ ла-Моль и, выйдя въ коридоръ, ушелъ.

Герцогъ прислушивался нѣсколько времени къ его удаляющимся шагамъ, а потомъ отворилъ дверь и сказалъ де-Муи:

— Посмотрите на ла-Моля повнимательнѣе и постарайтесь перенять его граціозную походку.

— Я сдѣлаю все, что могу,— отвѣтилъ де-Муи.

— Помните же,—сказалъ герцогъ,—я буду ждать васъ около полуночи въ этомъ коридорѣ. Если комната ла-Моля и Коконна будетъ свободна, я приму васъ въ ней; если же она будетъ занята, мы найдемъ другую.

— Хорошо, ваше высочество.

— Ахъ, кстати, де-Муи. Во время ходьбы размахивайте посильнѣе правой рукой; это привычка ла-Моля.

XXIV.

Улица Тизонъ и улица Клошъ Персе.

Ла-Моль торопливо, чуть не бѣгомъ, вышелъ изъ Лувра и отправился разыскивать пропавшаго Коконна.

Прежде всего онъ пошелъ на улицу Арбръ-Секъ, въ гостиницу ла-Гюрьера.

Но пьемонтца не оказалось тамъ. Ла-Гюрьеръ не забылъ о принятомъ на себя обязательствѣ и довольно любезно предложилъ ла-Молю позавтракать. Молодой человѣкъ, несмотря на свое безпокойство, позавтракалъ съ большимъ аппетитомъ.

Утоливъ голодъ, онъ снова отправился на поиски. Дойдя до Гревской набережной, ла-Моль узналъ то мѣсто, гдѣ, какъ онъ говорилъ герцогу Алансонскому, на него напали грабители.

На полѣ битвы ла-Моль увидалъ валявшійся обрывокъ пера отъ своей шляпы. Въ то время, какъ онъ грустно глядѣлъ на него, послышались тяжелые шаги и грубый голосъ крикнулъ,

чтобы онъ далъ дорогу. Ла-Моль поднялъ голову и увидалъ носилки, впереди которыхъ шли два пажа, а сзади—оруженосецъ. Носилки эти показались ему знакомыми и онъ поспѣшилъ посторониться. Молодой человѣкъ не ошибся.

— Графъ де-ла-Моль, — послышался изъ носилокъ мягкій голосъ, и бѣлая, нѣжная, какъ атласъ, ручка раздвинула занавѣски.

— Да, это я, ваше величество,—сказалъ съ низкимъ поклономъ ла-Моль.

— У васъ въ рукѣ перо, — продолжала дама. — Ужъ не влюблены ли вы, графъ, и не отыскиваете ли потерянные слѣды?

— Да, ваше величество, я, дѣйствительно, влюбленъ — влюбленъ до безумія. Но въ настоящую минуту я нашелъ мои собственные слѣды, хоть искалъ и не ихъ. Смѣю спросить о здоровьѣ вашего величества?

— Я совершенно здорова, графъ. Никогда въ жизни, кажется, не чувствовала я себя такъ хорошо. Должно-быть, это происходитъ оттого, что я провела ночь въ полномъ одиночествѣ, въ тихомъ монастырѣ.

— Въ монастырѣ? — спросилъ ла-Моль, какъ-то странно взглянувъ на Маргариту.

— Да, что же тутъ удивительнаго?

— А не будетъ нескромностью съ моей стороны спросить: въ какомъ?

— Это не тайна: въ монастырѣ ордена Благовѣщенія. А вы что дѣлаете здѣсь и почему у васъ такой встревоженный видъ?

— Я тоже провелъ ночь въ уединеніи, ваше величество, и поблизости отъ того же самаго монастыря. Теперь я ищу друга, который куда-то пропалъ, и, разыскивая его, я нашелъ эго перо.

— Его перо? Вы пугаете меня! Это опасное мѣсто.

— Успокойтесь, ваше величество, это мое перо. Я потерялъ его на этомъ мѣстѣ около пяти часовъ утра, спасаясь отъ четырехъ грабителей, которымъ, насколько я понялъ, очень хотѣлось зарѣзать меня.

Маргарита чуть не вскрикнула отъ ужаса.

— Какъ же это случилось?—спросила она.—Разскажите мнѣ.

— Очень просто, ваше величество. Было, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, около пяти часовъ утра...

— И въ пять часовъ утра вы уже вышли изъ дому?—

— Прошу извиненія, ваше величество, — отвѣтилъ ла-Моль,— я еще не возвращался домой.

— Однако, графъ! Возвращаться домой въ пять часовъ — это ужъ слишкомъ поздно, — сказала Маргарита съ насмѣшливой улыбкой, которую ла-Моль нашелъ очаровательной. — Васъ постигло вполнѣ заслуженное наказаніе.

— Я и не жалуюсь, ваше величество, — сказалъ, почтительно поклонившись, ла-Моль. — Если бы меня зарѣзали, я и тогда считалъ бы себя во сто разъ счастливѣе, чѣмъ заслуживаю. Итакъ, я возвращался черезчуръ поздно или черезчуръ рано, какъ вамъ будетъ угодно, изъ того благословеннаго дома, гдѣ провелъ въ полномъ одиночествѣ ночь. Вдругъ изъ-за угла выскочили четыре грабителя и бросились за мною, угрожая мнѣ чѣмъ-то въ родѣ необыкновенно длинныхъ сѣчекъ. И мнѣ пришлось спасаться бѣгствомъ, потому что я забылъ взять свою шпагу.

— А, понимаю, — съ самымъ наивнымъ видомъ сказала Маргарита. — Вы, должно-быть, вернулись за шпагой въ тотъ домъ, гдѣ ночевали?

Ла-Моль пристально взглянулъ на нее, какъ будто какое-то сомнѣніе возникло у него въ умѣ.

— Я бы вернулся туда и очень охотно, — отвѣтилъ онъ, — такъ какъ у моей шпаги замѣчательный клинокъ, но я не знаю, гдѣ этотъ домъ.

— Какъ? — воскликнула Маргарита, — вы не знаете, гдѣ домъ, въ которомъ провели ночь?

— Не знаю, ваше величество.

— Какъ странно! Да вѣдь это настоящій романъ.

— Да, ваше величество, мое приключеніе, дѣйствительно, очень похоже на романъ.

— Разскажите мнѣ его.

— Ваше величество приказываете мнѣ?

— Да, если нужно мое приказаніе.

— Я повинуюсь. Вчера вечеромъ, разставшись съ двумя очаровательными женщинами, съ которыми я и Коконна провели вечеръ на улицѣ Сенъ-Мишель, мы отправились ужинать къ ла-Гюрьеру...

— Что это за ла-Гюрьеръ?

— Метръ ла-Гюрьеръ, — отвѣтилъ ла-Моль, снова съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянувъ на Маргариту. — Метръ ла-Гюрьеръ — хозяинъ гостиницы „Прекрасная Звѣзда", которая находится на улицѣ Арбръ-Секъ.

— Хорошо... Итакъ, вы ужинали у ла-Гюрьера съ вашимъ другомъ Коконна?

— Да, ваше величество, съ Коконна, какъ вдругъ вошелъ ...ой-то человѣкъ и по..алъ намъ по запискѣ.

— Одинаковаго содержанія?

— Совершенно одинаковаго. Всего нѣсколько словъ: „Васъ ждутъ на улицѣ Сентъ-Антуанъ, противъ улицы Жуи“.

— А подписи не было?

— Нѣтъ. Вмѣсто подписи стояли три чудныхъ слова, трижды обѣщавшіе одно и то же, то-есть, тройное блаженство.

— Какія же это слова?

— Eros, Cupido, Amor.

— Это, дѣйствительно, прекрасныя слова. И одержали они то, что обѣщали?

— О, больше — во сто разъ больше! — восторженно воскликнулъ ла-Моль.

— Продолжайте. Мнѣ интересно знать, что случилось съ вами на улицѣ Сентъ-Антуанъ, противъ улицы Жуи.

— Насъ ждали тамъ двѣ дуэньи съ носовыми платками въ рукахъ. Онѣ потребовали, чтобы мы дали завязать себѣ глаза. Ваше величество, понимаете, конечно, что мы не возражали противъ этого и смѣло подставили головы. Моя путеводительница повела меня налѣво, путеводительница моего друга повернула съ нимъ направо и мы разстались. — Не знаю, куда привели моего друга... можетъ-быть, въ адъ. Но я... я попалъ въ рай.

— Изъ котораго васъ изгнали за излишнее любопытство?

— Совершенно вѣрно, ваше величество, вы необыкновенно хорошо угадываете. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, чтобы узнать, гдѣ я, но въ половинѣ пятаго вошла та же самая дуэнья и, снова завязавъ мнѣ глаза, вывела меня изъ дома. Пройдя со мной шаговъ сто, она взяла съ меня слово не снимать повязки до тѣхъ поръ, пока я не сосчитаю до пятидесяти, и ушла. Я счелъ до пятидесяти и, снявъ повязку, увидалъ, что стою на улицѣ сентъ-Антуанъ, противъ улицы Жуи.

— И тогда?

— И тогда, ваше величество, я чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, что не обратилъ никакого вниманія на четверыхъ напавшихъ на меня негодяевъ, отъ которыхъ едва могъ отдѣлаться. А теперь, когда я нашелъ здѣсь обрывокъ моего пера, сердце мое задрожало отъ радости. Я поднялъ перо, обѣщая себѣ всегда хранить его, какъ воспоминаніе объ этой блаженной ночи. Только одно отравляетъ мое счастье — я не знаю, что сталось съ моимъ другомъ.

— Значитъ, вашъ другъ не вернулся въ Лувръ?

— Нѣтъ, ваше величество.

Говоря это, ла-Моль съ недоумѣніемъ развелъ руками. При этомъ плащъ его распахнулся, и Маргарита увидала, что кам-

золъ ла-Моля во многихъ мѣстахъ изрѣзанъ и оттуда выглядываетъ подкладка.

— Господи, въ какомъ видѣ вашъ камзолъ!—воскликнула она.

— Да, ваше величество, — сказалъ ла-Моль, не имѣвшій ничего противъ того, чтобы ему поставили въ заслугу опасность, которой онъ подвергался. — Видите, видите!

— Почему же не перемѣнили вы камзола, если были въ Луврѣ?

— Потому что моя комната была занята.

— Кто же былъ въ ней?

— Его высочество.

— Тсъ! — прошептала Маргарита.

Ла-Моль замолчалъ.

— Кто сопровождаетъ мои носилки?—спросила она его по-латыни.

— Два пажа и оруженосецъ, — отвѣтилъ онъ на томъ же языкѣ.

— Хорошо, это варвары. Скажите мнѣ, ла-Моль, кого нашли вы у себя въ комнатѣ?

— Герцога Франсуа.

— Что же онъ дѣлалъ?

— Не знаю.

— А съ кѣмъ онъ былъ?

— Съ какимъ-то незнакомцемъ.

— Странно. Значитъ, вы такъ и не нашли Коконна?—спросила Маргарита уже по-французски.

— Не нашелъ и потому, какъ я уже докладывалъ вашему величеству, я сильно безпокоюсь.

— Ну, что же, — со вздохомъ сказала Маргарита, — я не хочу задерживать васъ дольше и отвлекать отъ поисковъ. Но мнѣ кажется, сама не знаю почему, что вашъ другъ скоро найдется и безъ этого. Впрочемъ, все равно, идите.

Носилки продолжали свой путь, а ла-Моль, желая довести свое изслѣдованіе до конца, прошелъ на улицу Сентъ-Антуанъ.

Напротивъ улицы Жуи онъ остановился.

Наканунѣ на этомъ самомъ мѣстѣ двѣ дуэньи завязали глаза ему и Коконна. Онъ повернулъ направо и сосчиталъ двадцать шаговъ, повторилъ то же самое и очутился около дома или, вѣрнѣе, около стѣны, за которой стоялъ домъ. Посреди стѣны была дверь съ навѣсомъ и бойницами, утыканная большими гвоздями.

Домъ находился на маленькой, узкой улицѣ Клошъ-Персе, которая идетъ отъ улицы Сентъ-Антуанъ и выходитъ на улицу Руа-де-Сисиль.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ ла-Моль. — Это тотъ самый домъ... я готовъ поклясться въ этомъ... Когда я входилъ, мнѣ подъ руку попались гвозди, а потомъ я сошелъ съ двухъ ступенекъ. Человѣкъ, который кричалъ: „Помогите!“ и котораго потомъ убили въ улицѣ Руа-де-Сисиль, пробѣжалъ здѣсь въ ту самую минуту, какъ я поставилъ ногу на первую ступеньку. Посмотримъ!

Ла-Моль подошелъ къ двери и постучался.

Дверь отворилась, и оттуда выглянулъ усатый привратникъ.

— Was ist das? — спросилъ онъ.

„Ага, это, какъ кажется, швейцарецъ“, подумалъ ла-Моль и сказалъ самымъ любезнымъ тономъ:

— Я хотѣлъ бы получить мою шпагу, которую я оставилъ въ этомъ домѣ, гдѣ ночевалъ.

— Ich verstehe nicht, — сказалъ привратникъ.

— Мою шпагу...

— Ich verstehe nicht.

— Которую я оставилъ... Мою шпагу, которую я оставилъ...

— Gehe zum Teufel!

И привратникъ захлопнулъ у него подъ носомъ дверь.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ ла-Моль. — Если бы у меня была моя шпага, я съ удовольствіемъ проткнулъ бы этого негодяя!

Онъ пошелъ дальше, до улицы Руа-де-Сисиль, свернулъ направо, сдѣлалъ около пятидесяти шаговъ, снова повернулъ направо и очутился въ маленькой улицѣ Тизонъ, параллельной Клошъ-Персе и необыкновенно похожей на нее. Но мало того: не прошелъ онъ и тридцати шаговъ, какъ увидалъ стѣну, а въ ней дверь съ навѣсомъ и бойницами, утыканную большими гвоздями, и двѣ ступеньки, которыя вели къ ней. Казалось, какъ будто улица Клошъ-Персе повернулась, чтобы еще разъ посмотрѣть на ла-Моля.

Тогда ему пришло въ голову, что онъ могъ ошибиться и принять поворотъ направо за поворотъ налѣво. А потому онъ постучался и въ эту дверь, съ намѣреніемъ предъявить такое же требованіе. Но на этотъ разъ, какъ онъ ни стучалъ, ему даже не отворили.

Ла-Моль прошелся еще нѣсколько разъ отъ одной продѣланной въ стѣнѣ двери къ другой и пришелъ къ весьма естественному заключенію, что у дома два выхода: на улицу Клошъ-Персе и на улицу Тизонъ. Но такое заключеніе, несмотря на всю свою логичность, не могло ни возвратить ему его шпаги, ни дать свѣдѣнія объ его исчезнувшемъ другѣ.

На минуту ла-Молю пришла въ голову мысль купить новую шпагу и зарѣзать негодяя привратника, который упрямился и

хотѣлъ говорить только по-нѣмецки; но онъ тотчасъ же одумался. Вѣдь это привратникъ Маргариты, и если она держитъ его, значитъ у нея есть на это какія-нибудь причины и ей будетъ непріятно лишиться его. Боясь поддаться искушенію, онъ около двухъ часовъ пополудни пошелъ назадъ, въ Лувръ.

На этотъ разъ комната его не была занята: ла-Моль подошелъ къ кровати, и каково же было его изумленіе, когда около своего бѣлаго атласнаго камзола онъ увидалъ знаменитую шпагу, которую онъ оставилъ въ домѣ на Клошъ-Персе!

— Колдовство, что ли это, — воскликнулъ онъ и прибавилъ со вздохомъ: — Ахъ, если бы бѣдный Коконна могъ найтись такъ же легко, какъ нашлась моя шпага!

Часа черезъ два или три послѣ того, какъ ла-Моль кончилъ свой обходъ кругомъ дома, обнесеннаго стѣною, дверь его, выходящая на улицу Тизонъ, отворилась. Было пять часовъ вечера и уже совсѣмъ стемнѣло.

Молодая женщина, закутанная въ длинный, опушенный мѣхомъ плащъ, вышла изъ этой двери и быстро направилась по улицѣ Руа-де-Сисиль. Дойдя до отеля Аржансонъ, она постучала въ калитку, немедленно отворившуюся передъ нею, вышла воротами того же отеля на улицу Вьель-Рю-дю-Тампль, подошла къ подземному входу въ отель Гиза, отперла калитку ключомъ, который вынула изъ кармана, и исчезла.

Черезъ полчаса послѣ этого изъ той же, утыканной гвоздями, двери съ навѣсомъ вышли дуэнья и молодой человѣкъ съ завязанными глазами. Она довела его до угла улицы Жоффруа-Ланье и Мортеллери и сказала ему, чтобы онъ не снималъ повязку до тѣхъ поръ, пока не сосчитаетъ до пятидесяти.

Молодой человѣкъ добросовѣстно исполнилъ приказаніе и, только сосчитавъ до пятидесяти, снялъ платокъ, которымъ были завязаны у него глаза.

— Mordi! — воскликнулъ онъ, оглядѣвшись по сторонамъ. — Будь я повѣшенъ, если знаю, куда попалъ! Шесть часовъ, — сказалъ онъ, услыхавъ бой часовъ на колокольнѣ собора Парижской Богоматери. — А что-то сталось съ бѣднымъ ла-Молемъ? Побѣгу въ Лувръ; можетъ-быть, я узнаю тамъ что-нибудь о немъ.

Съ этими словами Коконна побѣжалъ по улицѣ Мортеллери и достигъ Лувра такъ же скоро, какъ могла бы это сдѣлать порядочная лошадь.

Коконна вбѣжалъ на лѣстницу и распахнулъ дверь своей комнаты. Ла-Моля въ ней не было, а на постели лежалъ весь изрѣзанный камзолъ его, что еще болѣе усилило тревогу пьемонтца.

Онъ вспомнилъ о ла-Гюрьерѣ и побѣжалъ къ достойному хозяину „Прекрасной Звѣзды". Ла-Гюрьеръ видѣлъ ла-Моля. Ла-Моль завтракалъ у ла-Гюрьера. Услыхавъ это пьемонтецъ, успокоился, и такъ какъ былъ голоденъ, то спросилъ себѣ поужинать.

Коконна былъ именно въ такомъ состояніи, чтобы съ аппетитомъ покушать: онъ былъ спокоенъ духомъ и желудокъ его былъ пустъ. Благодаря этому, онъ такъ исправно занялся ѣдой, что ужинъ его затянулся до восьми часовъ. Подкрѣпившись двумя бутылками анжуйскаго вина, Коконна снова отправился разыскивать ла-Моля. Теперь, послѣ сытнаго ужина, дружба къ пріятелю еще усилилась, и потому онъ энергичнѣе надѣлялъ толчками всѣхъ, попадавшихся ему на дорогѣ.

Такъ прошелъ часъ. Въ продолженіе этого часа Коконна успѣлъ обѣгать всѣ улицы по сосѣдству съ Гревской набережной: Ла-Моля не было нигдѣ. Тогда Коконна рѣшилъ подождать его около входа въ Лувръ, котораго тотъ уже ни въ какомъ случаѣ не могъ миновать.

Когда до Лувра оставалось не больше ста шаговъ, Коконна, остановился на минуту и вдругъ вздрогнулъ. При слабомъ свѣтѣ фонаря около подъемнаго моста въ Лувръ онъ увидалъ вдали вишневый плащъ и бѣлое перо своего друга, который, какъ призракъ, исчезъ въ калиткѣ.

— Mordi! — воскликнулъ Коконна. — Да вѣдь это онъ!.. Эй, ла-Моль!.. Любезный другъ!.. Чортъ возьми! Я, кажется, не могу пожаловаться на слабый голосъ. Какъ же это онъ не слыхалъ меня? Но, къ счастью, и ноги у меня не хуже голоса: я догоню его.

Въ надеждѣ на это Коконна побѣжалъ во весь духъ и черезъ минуту былъ уже около Лувра; но какъ онъ ни спѣшилъ, ла-Моль уже вошелъ въ сѣни въ то время, какъ самъ онъ успѣлъ добѣжать только до двора.

— Эй, ла-Моль! — крикнулъ Коконна, бросаясь за нимъ вдогонку.—Подожди же меня. Это я, Коконна! Куда къ чорту ты такъ спѣшишь? Спасаешься ты, что ли, отъ кого?

Ла-Моль, дѣйствительно, необыкновенно быстро, какъ на крыльяхъ, поднимался по лѣстницѣ.

— А! ты не хочешь слушать меня! — воскликнулъ Коконна.— Я не нуженъ тебѣ, ты сердишься на меня! Такъ убирайся же къ чорту, mordi! Я уже совсѣмъ выбился изъ силъ.

Стоя внизу лѣстницы, Коконна кричалъ это ла-Молю, за которымъ былъ не въ состояніи бѣжать; но онъ все-таки провожалъ его глазами и видѣлъ, какъ тотъ поднялся въ первый этажъ, гдѣ были апартаменты Маргариты.

Вдругъ какая то женщина вышла оттуда и увела ла-Моля за руку.

— Ого!—пробормоталъ Коконна.—Да это, кажется, королева Маргарита. Его ждали. Ну, это дѣло другое.

И Коконна, тихонько поднявшись по лѣстницѣ, присѣлъ на бархатную скамейку, на площадкѣ перваго этажа.

„Я его подожду здѣсь,—подумалъ онъ. Впрочемъ, такъ какъ онъ у королевы Наваррской, то мнѣ, пожалуй, придется ждать слишкомъ долго... Какой холодъ, mordi! Нѣтъ, я лучше подожду въ моей комнатѣ; вѣдь онъ же во всякомъ случаѣ долженъ прійти туда".

Только что успѣлъ онъ подумать это и собирался исполнить свое намѣреніе, какъ у него надъ головой послышались легкіе, быстрые шаги и звуки любимой пѣсенки его друга. Коконна вытянулъ шею и сталъ смотрѣть въ ту сторону. Это былъ ла-Моль, спускавшійся съ верхняго этажа, гдѣ была ихъ общая комната. Увидавъ Коконна, онъ началъ перепрыгивать черезъ четыре ступеньки и черезъ минуту бросился ему въ объятія.

— Mordi, это ты! — воскликнулъ Коконна. — Какъ же ты вышелъ оттуда?

— Изъ улицы Клошъ-Персе?

— Нѣтъ, я не про то. Я спрашиваю, какъ ты вышелъ отъ королевы?

— Отъ королевы?

— Да, отъ королевы Наваррской.

— Я не входилъ къ ней.

— Полно!

— Ты бредишь, — сказалъ ла-Моль. — Я только что вышелъ изъ нашей комнаты, гдѣ ждалъ тебя цѣлыхъ два часа.

— Такъ я не за тобой бѣжалъ по Луврской площади?

— Когда?

— Да вотъ теперь.

— Нѣтъ.

— Не ты летѣлъ сломя голову по этой лѣстницѣ, какъ будто за тобой гнался цѣлый легіонъ дьяволовъ?

— Нѣтъ.

— Mordi! — вскрикнулъ Коконна. — Вино въ „Прекрасной Звѣздѣ" не настолько крѣпко, чтобы у меня могло до такой степени помутиться отъ него въ головѣ. Повторяю тебѣ, что я видѣлъ твой вишневый плащъ и твое бѣлое перо у входа въ Лувръ, что я преслѣдовалъ и то и другое до этой лѣстницы и что твой плащъ, твое перо и твою руку, размахивавшую такъ же сильно, какъ всегда, ждала здѣсь дама, которая, какъ

я подозрѣваю, была королева Наваррская. Она вмѣстѣ съ тобою вошла въ дверь, которая, если не ошибаюсь, ведетъ въ комнату прекрасной Маргариты.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ ла-Моль, поблѣднѣвъ. — Неужели ужъ измѣна?

Ла-Моль сжалъ голову руками и съ минуту колебался между уваженіемъ и ревностью. Но ревность одержала верхъ и онъ, бросившись къ двери комнаты Маргариты, принялся изо всей силы колотить въ нее, не обращая вниманіе на то, что этотъ шумъ не совсѣмъ приличенъ въ такомъ мѣстѣ.

— Смотри, насъ арестуютъ, — сказалъ Коконна. — Впрочемъ, не бѣда, это будетъ забавно. Скажи-ка, ла-Моль, неужели въ Луврѣ есть привидѣнія?

— Не знаю,— отвѣтилъ ла-Моль, блѣдный, какъ перо на его шляпѣ,— но мнѣ всегда хотѣлось увидать привидѣніе, и теперь, когда представляется удобный случай, я употреблю всѣ силы, чтобы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу.

XXV.

Вишневый плащъ.

Коконна не ошибся. Дама, остановившая человѣка въ вишневомъ плащѣ, была, дѣйствительно, королева Наваррская. Что же касается до этого человѣка, то, навѣрное, читатель ужъ догадался, что это былъ храбрый де-Муи.

Узнавъ королеву, молодой гугенотъ понялъ, что тутъ вышло какое-нибудь недоразумѣніе; но онъ не рѣшился ничего сказать изъ опасенія, что Маргарита вскрикнетъ и такимъ образомъ выдастъ его. Итакъ, онъ счелъ за лучшее послѣдовать за нею въ ея комнату.

Маргарита нѣжно пожала руку де-Муи, котораго приняла въ полусвѣтѣ за ла-Моля, и, нагнувшись ему къ уху, шепнула по-латыни:

— Sola sum; introito, carissime *).

Де-Муи, не отвѣчая, позволилъ вести себя. Но какъ только дверь затворилась за нимъ и онъ очутился въ передней, гдѣ было свѣтлѣе, чѣмъ на лѣстницѣ, Маргарита тотчасъ же увидала свою ошибку. Легкій крикъ, котораго боялся осторожный гугенотъ, сорвался съ губъ королевы, но теперь это, къ счастью. уже не могло никому повредить.

— Г. де-Муи! — проговорила она, отступая

---

*) Я одна; входи, мой дорогой.

— Да, это я, ваше величество, — отвѣтилъ де-Муи, — и я умоляю васъ позволить мнѣ уйти и не говорить никому о томъ, что я въ Луврѣ.

— Г. де-Муи, — повторила Маргарита. — Значитъ, я ошиблась!

— Я понимаю, отчего вышла эта ошибка. Ваше величество приняли меня за короля Наваррскаго. Я такого же роста, на моей шляпѣ такое же бѣлое перо и многіе, желая, конечно, польстить мнѣ, говорятъ, что у меня такая же фигура.

Маргарита пристально взглянула на де-Муи.

— Вы можете быть увѣрены въ моей скромности, — сказала она. — А такъ какъ я знаю, кого вы ищете въ Луврѣ, то, если хотите, могу провести васъ безопасно къ этому лицу.

— Извините, ваше величество, — отвѣтилъ де-Муи. — Мнѣ кажется, вы ошибаетесь...

— Какъ?! — воскликнула Маргарита. — Развѣ вы ищете не короля Наваррскаго?

— Увы, нѣтъ, ваше величество! И, къ сожалѣнію, я долженъ просить васъ скрыть отъ вашего супруга, короля Наваррскаго, даже больше, чѣмъ отъ кого-либо другого, мое присутствіе въ Луврѣ.

— Послушайте, г. де-Муи, — съ изумленіемъ сказала Маргарита, — я до сихъ поръ считала васъ однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ вождей гугенотской партіи, однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ моего мужа. Неужели я ошиблась?

— Нѣтъ, вы не ошиблись, ваше величество. Еще сегодня утромъ я былъ такимъ, какимъ вы считали меня.

— Но что же заставило васъ измѣниться съ тѣхъ поръ?

— Ваше величество, — сказалъ де-Муи, — соблаговолите не требовать отъ меня отвѣта и позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

И де-Муи, почтительно поклонившись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери. Маргарита остановила его.

— Но если бы я попросила васъ объясниться, — сказала она. — На мое слово, надѣюсь, можно положиться?

— Я не могу дать вамъ никакихъ объясненій, ваше величество.

— Однако...

— Ваше величество можете погубить меня, но вы не можете требовать, чтобы я выдавалъ моихъ новыхъ друзей.

— А ваши старые друзья? Развѣ они уже не имѣютъ на васъ никакихъ правъ?

— Тѣ, которые остались вѣрными, — да; но тѣ, которые измѣнили не только намъ, но и самимъ себѣ, — нѣтъ!

Встревоженная словами де-Муи, Маргарита сдѣлала бы, безъ сомнѣнія, еще какой-нибудь вопросъ, но въ эту минуту въ комнату вбѣжала Гильона.

— Король Наваррскій! — воскликнула она.

— Откуда онъ идетъ?

— Изъ потайного коридора.

— Проводи этого господина другимъ ходомъ.

— Это невозможно, ваше величество. Слышите?

— Стучатъ?

— Да, въ ту, другую дверь.

— Кто стучитъ?

— Не знаю.

— Узнай и приди сказать мнѣ.

— Осмѣлюсь замѣтить вашему величеству, — сказалъ де-Муи, — что если король Наваррскій увидитъ меня здѣсь въ этотъ часъ и въ этомъ костюмѣ, то я погибъ.

Маргарита схватила де-Муи за руку и подвела его къ знаменитому кабинету.

— Войдите сюда, — сказала она. — Здѣсь вы будете въ такой же безопасности, какъ у себя дома.

Де-Муи бросился въ кабинетъ и только что успѣлъ затворить дверь, какъ вошелъ Генрихъ.

На этотъ разъ Маргаритѣ не пришлось скрывать отъ мужа своей тревоги: теперь дѣло шло не о любви. Она была только немного озабочена и грустна.

Генрихъ тотчасъ замѣтилъ это.

— Вы были заняты? — спросилъ онъ.

— Я... я просто замечталась.

— И это очень идетъ къ вамъ. Я, съ своей стороны, тоже мечталъ; но вы ищете уединенія, а я, напротивъ, пришелъ подѣлиться съ вами моими мечтами.

Маргарита привѣтливо улыбнулась королю и, указавъ ему на кресло, сѣла сама на рѣзной стулъ изъ чернаго дерева.

На минуту между супругами наступило молчаніе. Генрихъ первый нарушилъ его.

— Я вспомнилъ, — сказалъ онъ, — что мои мечты о будущемъ сходились съ вашими; что хоть мы и далеки, какъ мужъ и жена, но близки въ заботахъ о нашей дальнѣйшей общей судьбѣ.

— Это правда, государь.

— Вы, насколько я понялъ, обѣщали мнѣ также быть не только моей вѣрной союзницей, но и дѣятельной помощницей во всемъ, что я предприму для нашего обоюднаго возвышенія.

— Теперь, надѣюсь, вы успокоились, — сказала Маргарита ла-Молю. — Встаньте около двери моей комнаты и не пускайте сюда никого. Если кто-нибудь покажется даже на площадкѣ лѣстницы, тотчасъ же предупредите насъ.

Ла-Моль, успокоенный и послушный, какъ ребенокъ, вышелъ, бросивъ взглядъ на Коконна, который тоже взглянулъ на него. И оба они, еще не успѣвъ опомниться отъ изумленія, очутились за дверью.

— Генрихъ! — прошепталъ ла-Моль.

— Де-Муи въ твоемъ вишневомъ плащѣ, съ твоимъ бѣлымъ перомъ и твоей, качающейся, какъ маятникъ, рукой!

— Да, — сказалъ ла-Моль. — Но если дѣло идетъ не о любви, то, безъ сомнѣнія, затѣвается какой-нибудь заговоръ.

— Mordi! Вотъ мы и впутались въ политику, — проворчалъ Коконна.

Между тѣмъ Маргарита вернулась въ спальню и сѣла около двухъ собесѣдниковъ. Отсутствіе ея продолжалось не больше минуты, но, несмотря на это, она успѣла сдѣлать многое: Гильона сторожила около потайного хода, а ла-Моль и Коконна стояли на караулѣ около двери.

— Какъ вы полагаете, — спросилъ Генрихъ, обращаясь къ женѣ, — могутъ услыхать нашъ разговоръ здѣсь?

— Тутъ двойныя стѣны, — отвѣтила Маргарита, — и промежутокъ между ними набитъ шерстью. Изъ этой комнаты не слышно ни звука.

— Полагаюсь въ этомъ случаѣ на васъ, — съ улыбкой проговорилъ Генрихъ и обратился къ де-Муи. — Ну, — сказалъ онъ, понизивъ голосъ, — зачѣмъ вы пришли сюда?

— Сюда?..

— У него не было намѣренія входить сюда, — вмѣшалась Маргарита, — я сама привела его.

— Значитъ вы...

— Я угадала все.

— Вотъ, видите, де-Муи, — сказалъ король, — значитъ, можно было догадаться.

— Г. де-Муи, — продолжала Маргарита, — видѣлся сегодня утромъ съ герцогомъ Алансонскимъ, въ комнатѣ двухъ его придворныхъ.

— Я былъ увѣренъ, что герцогъ Алансонскій постарается сойтись съ вами, — сказалъ Генрихъ.

— Это ваша вина, государь. Почему такъ упорно отказывались вы отъ моего предложенія?

— Значитъ, вы отказались? — воскликнула Маргарита. — Такъ не ошиблась, предчувствуя этотъ отказъ?

— Вы оба смѣшите меня своими восклицаніями, — сказалъ Генрихъ, качая головой. — Ко мнѣ входитъ человѣкъ и начинаетъ говорить о тронѣ, о возмущеніи, о ниспроверженіи. Онъ говоритъ это мнѣ, Генриху, государю, котораго терпятъ лишь съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ себя скромно; гугеноту, котораго пощадили съ условіемъ, что онъ будетъ разыгрывать католика! Такъ неужели же вы полагаете, что я могъ высказать свое согласіе на такія предложенія въ комнатѣ, далеко не такой безопасной, какъ эта? Ventre-saint-gris! Это могутъ предполагать только дѣти или безумцы!

— Но развѣ ваше величество не могли подать мнѣ хоть какую-нибудь надежду, если не словомъ, то знакомъ?

— Что говорилъ вамъ герцогъ Алансонскій, де-Муи? — спросилъ Генрихъ.

— Это не моя тайна, государь.

— Ахъ, Боже мой! — нетерпѣливо воскликнулъ Генрихъ, раздраженный тѣмъ, что ему приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, который такъ плохо понимаетъ его. — Я не спрашиваю у васъ, какія предложенія онъ вамъ дѣлалъ; мнѣ нужно только знать, слушалъ ли онъ нашъ разговоръ и слышалъ ли его?

— Да, государь, онъ слушалъ и слышалъ все.

— Онъ слушалъ и слышалъ! Вы сами говорите это, де-Муи. Какой же вы жалкій заговорщикъ! Если бы я высказалъ согласіе на ваше предложеніе, это погубило бы васъ самихъ. Я, конечно, не зналъ навѣрное, что герцогъ подслушиваетъ насъ, но я подозрѣвалъ это. А если не онъ, то кто-нибудь другой могъ услыхать насъ—герцогъ Анжуйскій, Карлъ IX, королева-мать. Вы не имѣете понятія о луврскихъ стѣнахъ; это отъ нихъ взялась поговорка, что „и у стѣнъ есть уши". Такъ развѣ я, зная, каковы здѣсь стѣны, могъ говорить съ вами откровенно? Полно, полно, де-Муи! Вы, какъ видно, очень невысокаго мнѣнія о сообразительности короля Наваррскаго, и меня удивляетъ только, что, ставя его такъ низко, вы все-таки явились предлагать ему корону.

— Но, ваше величество, — сказалъ де-Муи, — неужели не могли вы, отказываясь отъ этой короны, сдѣлать мнѣ какой-нибудь знакъ? Тогда я не пришелъ бы въ отчаяніе, не думалъ бы, что все потеряно.

— Ventre-saint-gris! — воскликнулъ Генрихъ. — Если герцогъ Алансонскій подслушивалъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ и видѣлъ насъ. А развѣ знакъ не можетъ погубить такъ же, какъ слово? Слушай, де-Муи, — продолжалъ король, оглядѣвшись кругомъ, — даже теперь, въ этой комнатѣ, я боюсь,

чтобы не подслушали, какъ я говорю: повтори мнѣ твои предложенія, де-Муи.

— Но, ваше величество,—въ отчаяніи воскликнулъ де-Муи,—теперь я уже заключилъ союзъ съ герцогомъ Алансонскимъ!

Маргарита всплеснула руками.

— Значитъ, теперь уже слишкомъ поздно,—сказала она.

— Пустяки, — возразилъ Генрихъ. — Поймите, что даже и тутъ ясно видно покровительство Божіе. Оставайся въ союзѣ съ герцогомъ Франсуа, де-Муи: въ этомъ наше спасеніе. Неужели ты думаешь, что я, король Наваррскій, могу поручиться за безопасность моихъ приверженцевъ? Никогда! Васъ, напротивъ, перебьютъ всѣхъ до одного при малѣйшемъ подозрѣніи. Французскій принцъ — дѣло другое. Постарайся заручиться какими-нибудь доказательствами, де-Муи, требуй гарантій. Не довольствуйся одними словами и обѣщаніями; ты такъ простодушенъ, что способенъ на это.

— О, ваше величество! Повѣрьте, что только отчаяніе отъ вашего отказа было причиной моего соглашенія съ герцогомъ. Я боялся также, что онъ выдастъ насъ, зная нашу тайну.

— А теперь тебѣ извѣстна его тайна и отъ тебя зависитъ воспользоваться этимъ какъ можно лучше. Чего онъ хочетъ? Быть королемъ Наваррскимъ? Отлично, обѣщай ему корону. Что еще нужно ему? Покинуть дворъ? Дай ему средства бѣжать, работай для него такъ же усердно, какъ работалъ бы для меня. И вмѣстѣ съ тѣмъ защищайся имъ, какъ щитомъ, подставляй его подъ всѣ удары, которые будутъ наносить намъ. Когда придется бѣжать, мы бѣжимъ оба; когда наступитъ пора сражаться и царствовать, я буду царствовать одинъ.

— Берегитесь герцога,—сказала Маргарита.—Это человѣкъ проницательный, съ мрачной душой, не знающій ни ненависти ни любви, всегда готовый относиться къ своимъ друзьямъ, какъ къ врагамъ, и къ своимъ врагамъ, какъ къ друзьямъ.

— Онъ васъ ждетъ, де-Муи? — спросилъ Генрихъ.

— Да, ваше величество.

— Гдѣ?

— Въ комнатѣ двухъ его придворныхъ.

— Когда?

— До полуночи.

— Теперь еще нѣтъ одиннадцати часовъ, — сказалъ Генрихъ,—значитъ, время не ушло. Идите къ нему.

— Можемъ мы положиться на ваше слово?—спросила Маргарита, обращаясь къ де-Муи.

— Полно, полно,—остановилъ ее Генрихъ съ той довѣрчивостью, какую онъ умѣлъ выказывать, когда этого требовали

обстоятельства. — Имѣя дѣло съ де-Муи, совершенно лишнее спрашивать объ этомъ.

— Вы правы, государь,—сказалъ де-Муи.—Но ваше слово нужно мнѣ, такъ какъ я долженъ объявить вожакамъ партіи, что вы дали мнѣ его. Вѣдь вы не католикъ въ душѣ, не правда ли?

Генрихъ пожалъ плечами.

— Вы не отказываетесь отъ наваррской короны?

— Я не отказываюсь ни отъ какой короны, де-Муи. Я только оставляю за собою право выбрать лучшую, то-есть ту, которая будетъ выгоднѣе и для меня и для васъ.

— А если до тѣхъ поръ васъ арестуютъ? Обѣщаете вы въ такомъ случаѣ, ваше величество, не открывать ничего, если даже васъ подвергнутъ пыткѣ?

— Клянусь въ этомъ Богомъ, де-Муи:

— Еще одно слово, государь. Гдѣ и когда можно мнѣ будетъ увидать васъ?

— Завтра я пришлю тебѣ ключъ отъ моей спальни; приходи ко мнѣ каждый разъ, какъ найдешь это нужнымъ, и въ любое время. Герцогъ Алансонскій будетъ отвѣчать за твое присутствіе въ Луврѣ. А пока ступай вотъ по этой лѣсенкѣ, я проведу тебя. Тѣмъ временемъ королева приведетъ сюда господина въ совершенно такомъ же вишневомъ плащѣ, какъ твой; онъ сторожитъ теперь около двери. Никому, я полагаю, не слѣдуетъ знать, что васъ двое. Не такъ ли, де-Муи? Не такъ ли, Маргарита?

И Генрихъ съ улыбкой взглянулъ на жену.

— Да,—отвѣтила Маргарита, нисколько не смутившись.— Кстати же этотъ г. де-ла-Моль находится на службѣ у моего брата, герцога.

— Такъ постарайтесь, чтобы онъ перешелъ на нашу,—совершенно серьезно сказалъ Генрихъ.—Не жалѣйте ни золота ни обѣщаній. Всѣ мои сокровища къ его услугамъ.

— Если вы желаете этого,—отвѣтила Маргарита съ одной изъ тѣхъ улыбокъ, какія свойственны женщинамъ Боккачіо,— я употреблю всѣ силы, чтобы исполнить ваше желаніе.

XXVI.

Маргарита.

Въ продолженіе разговора, приведеннаго нами въ предыдущей главѣ, ла-Моль и Коконна стояли на часахъ. Ла-Моль былъ немного грустенъ, Коконна немного озабоченъ.

— Что ты обо всемъ этомъ думаешь, любезный другъ? — спросилъ ла-Моль.

— Я думаю, — отвѣтилъ пьемонтецъ, — что затѣвается какая-то придворная интрига.

— А въ случаѣ надобности согласился бы ты взять на себя роль въ этой интригѣ?

— Слушай, что я скажу тебѣ, — отвѣтилъ Коконна, — и постарайся извлечь пользу изъ моихъ словъ. Во всѣхъ придворныхъ проискахъ, во всѣхъ королевскихъ махинаціяхъ мы не что иное, какъ тѣни. Тамъ, гдѣ король Наваррскій оставитъ обрывокъ своего пера или герцогъ Алансонскій полу своего плаща, мы оставляемъ жизнь. Королева интересуется тобой изъ каприза, ты ею изъ прихоти — вотъ и все. Можешь терять голову отъ любви, но не теряй ее изъ-за политики.

Это былъ разумный совѣтъ и потому ла-Моль, выслушивая его, имѣлъ довольно грустный видъ.

— Моя любовь къ королевѣ не простая прихоть, Аннибалъ, — сказалъ онъ. — Я люблю ее и, къ счастью или несчастью, люблю всей душой. Ты, можетъ-быть, скажешь, что это безуміе? Ну, что жъ, я согласенъ и сознаю, что я безумецъ. Но ты благоразуменъ, Коконна, и потому не долженъ страдать отъ моихъ безразсудствъ и раздѣлять мое несчастье. Ступай къ герцогу Алансонскому и не компрометируй себя.

Коконна на минуту задумался.

— Любезный другъ, — сказалъ онъ, наконецъ, поднявъ голову, — то, что ты говоришь, совершенно вѣрно. Ты влюбленъ и поступай, какъ влюбленный. Я честолюбивъ, и потому для меня жизнь дороже поцѣлуя женщины. Когда я захочу рискнуть жизнью, то поставлю свои условія. И ты, мой бѣдный Медоръ, постарайся поставить свои.

Сказавъ это, Коконна протянулъ руку ла-Молю и ушелъ, обмѣнявшись съ нимъ послѣднимъ взглядомъ.

Минутъ черезъ десять дверь отворилась и Маргарита, осторожно выглянувъ изъ нея, схватила ла-Моля за руку. Не говоря ни слова, она увлекла его въ самый дальній конецъ своей комнаты и сама заперла всѣ двери.

Придя въ свою комнату, Маргарита сѣла на стулъ изъ чернаго дерева и, притянувъ къ себѣ ла-Моля, сжала его руки въ своихъ.

— Теперь мы одни, — сказала она. — Поговоримъ серьезно!

— Серьезно, ваше величество? — спросилъ ла-Моль.

— Или о любви, да? Это вамъ нравится больше? Но вѣдь серьезное можетъ быть и въ любви.

— Хорошо, поговоримъ... о вещахъ серьезныхъ, но съ условіемъ, чтобы ваше величество не сердились на меня, если я скажу глупость.

— Я разсержусь только въ томъ случаѣ, ла-Моль, если вы будете называть меня „ваше величество". Для васъ, мой дорогой, я просто Маргарита.

— Да, Маргарита! Да, мое сокровище! — сказалъ молодой человѣкъ, пожирая королеву глазами.

— Ну, вотъ такъ хорошо. Итакъ, вы ревнуете?

— Я ревную васъ, какъ безумный, Маргарита!

— Но къ кому же вы ревнуете?

— Ко всему свѣту.

— А въ частности?

— Во-первыхъ, къ королю.

— Я полагала, что все, что вы видѣли и слышали, должно было успокоить васъ на этотъ счетъ.

— Во-вторыхъ, къ де-Муи, котораго я видѣлъ сегодня утромъ въ первый разъ и который вечеромъ уже настолько близокъ къ вамъ.

— Что же заставляетъ васъ подозрѣвать его?

— Слушайте. Я узналъ его по фигурѣ, по цвѣту волосъ, по ненависти, которую почувствовалъ къ нему. Это онъ былъ сегодня утромъ у герцога Алансонскаго!

— Ну, что же? Какое это отношеніе имѣетъ ко мнѣ?

— Герцогъ Алансонскій — вашъ братъ. Говорятъ, что вы очень любите его. Вы довѣрили ему свою сердечную тайну, и онъ, по обычаю, принятому при дворѣ, поспѣшилъ оказать вамъ содѣйствіе и привелъ къ вамъ де-Муи. Почему король, на мое счастье, былъ у васъ вмѣстѣ съ де-Муи — не знаю. Во всякомъ случаѣ будьте со мной откровенны. Такая любовь, какъ моя, имѣетъ право хоть на откровенность, за недостаткомъ другого чувства... Видите, я у вашихъ ногъ. Если ваше чувство ко мнѣ — мимолетный капризъ, я откажусь отъ милости герцога Алансонскаго и службы у него и дамъ убить себя у Ла-Рошели. Не знаю только, не убьетъ ли меня любовь раньше, чѣмъ я успѣю пріѣхать туда.

Маргарита слушала съ улыбкой эти чарующія слова и любовалась на граціозную позу колѣнопреклоненнаго ла-Моля.

— Любите вы меня? — спросила она, задумчиво опустивъ свою прелестную головку на горячую руку.

— О, Маргарита! Я люблю васъ больше жизни, больше вѣчнаго спасенія, больше всего! А вы... вы не любите меня!

— Бѣдный безумецъ! — прошептала Маргарита.

— Да, это правда! — воскликнулъ ла-Моль, все еще стоя на колѣняхъ. — Вѣдь я говорилъ вамъ, что я безумецъ!

— Такъ вы ставите вашу любовь выше всего? Это главная цѣль вашей жизни?

— Это моя единственная цѣль!

— Хорошо. Значитъ, все остальное имѣетъ для васъ лишь второстепенное значеніе. Вы меня любите, вы хотите жить около меня?

— Я молю Бога только объ одномъ: чтобы Онъ не разлучалъ меня съ вами.

— Такъ оно и будетъ. Вы мнѣ нужны, ла-Моль.

— Я нуженъ вамъ? Солнцу нуженъ свѣтящійся червякъ?

— Если я скажу вамъ, что люблю васъ, будете вы безгранично преданы мнѣ?

— А развѣ теперь я не преданъ вамъ всей душой?

— Да, но, какъ это ни странно, вы все еще сомнѣваетесь!

— О, я виноватъ, я неблагодарный или, вѣрнѣе, какъ вы сами сказали, я безумецъ! Но зачѣмъ же былъ у васъ вечеромъ де-Муи? Почему видѣлъ я его утромъ у герцога Алансонскаго? Къ чему этотъ вишневый плащъ, это бѣлое перо, это стараніе подражать моей походкѣ?.. Не васъ подозрѣваю я, Маргарита, а вашего брата!

— Несчастный! — сказала Маргарита. — Итакъ, вы воображаете, что герцогъ Франсуа доводитъ свою любезность до того, что приводитъ поклонниковъ къ своей сестрѣ? Какъ же это вы, несмотря на свою ревность, не угадали истины? Знайте, ла-Моль, что герцогъ Алансонскій закололъ бы васъ завтра же, если бы зналъ, что вы теперь здѣсь и стоите около меня на колѣняхъ, а я вмѣсто того, чтобы прогнать васъ, говорю: „Оставайтесь здѣсь, ла-Моль, потому что я люблю васъ". Слышите, люблю?

— Великій Боже! — воскликнулъ ла-Моль, откинувшись назадъ и съ ужасомъ смотря на Маргариту. — Неужели это возможно?

— Все возможно, мой другъ, въ наше время и при этомъ дворѣ. Еще одно слово: не для меня приходилъ въ Лувръ де-Муи въ такомъ же, какъ у васъ, плащѣ и въ такой же шляпѣ. Ему нужно было видѣться съ герцогомъ Алансонскимъ. Но я приняла его за васъ и привела сюда. Онъ знаетъ нашу тайну, ла-Моль, и потому его нужно щадить.

— По-моему лучше убить его. Это короче и вѣрнѣе.

— А по-моему лучше оставить его въ живыхъ: жизнь де-Муи не только полезна, но и необходима намъ. Выслушайте и взвѣсьте хорошенько мои слова прежде, чѣмъ будете

отвѣчать. Любите ли вы меня настолько, ла-Моль, чтобы порадоваться за меня, если я сдѣлаюсь королевой не фиктивной, какъ теперь, а настоящей?

— Увы! Я люблю васъ такъ горячо, что не могу не желать того же, чего желаете вы, даже и въ томъ случаѣ, если это сдѣлаетъ меня несчастнымъ на всю жизнь.

— Хорошо. Такъ хотите помочь мнѣ добиться исполненія этого желанія, что къ тому же сдѣлаетъ васъ еще счастливѣе?

— О, я потеряю васъ! — воскликнулъ ла-Моль, закрывъ лицо руками.

— Нѣтъ, напротивъ. Вмѣсто того, чтобы быть первымъ изъ моихъ слугъ, вы сдѣлаетесь первымъ изъ моимъ подданныхъ. Вотъ и все.

— Не говорите о выгодѣ... о честолюбіи. Не унижайте сами чувства, которое я питаю къ вамъ. Преданность, одна только преданность!

— Благородное сердце! — сказала Маргарита. — Хорошо, я принимаю твою преданность и сумѣю вознаградить тебя за нее.

И она протянула ла-Молю руку, которую тотъ осыпалъ поцѣлуями.

— Ну, что же? — спросила Маргарита.

— Я согласенъ, Маргарита, — отвѣтилъ ла-Моль. — Да, теперь я начинаю понимать тотъ планъ, о которомъ ходили смутные слухи у насъ, гугенотовъ, еще до Варѳоломеевской ночи. Для исполненія этого плана я, какъ и многіе другіе, болѣе достойные, чѣмъ я, былъ посланъ въ Парижъ. Вы хотите быть настоящей королевой, а не по имени только? Вы хотите быть государыней въ королевствѣ Наваррскомъ? И король Генрихъ, съ своей стороны, побуждаетъ васъ къ этому — да? Де-Муи тоже, навѣрное, участвуетъ въ заговорѣ. Но герцогъ Алансонскій — при чемъ онъ тутъ? Или герцогъ такъ... друженъ съ вами, что помогаетъ вамъ, не требуя ничего въ награду за опасность, которой подвергается?

— Герцогъ надѣется извлечь пользу для самого себя. Оставимъ его въ этомъ заблужденіи: его жизнь отвѣчаетъ за нашу.

— Но я нахожусь у него на службѣ. Развѣ могу я измѣнить ему?

— Измѣнить? А въ чемъ же измѣните вы ему? Что онъ довѣрилъ вамъ? Не онъ ли самъ, напротивъ, измѣнилъ вамъ, посовѣтовавъ де-Муи надѣть такой же плащъ и такую же шляпу, какъ ваши, чтобы тотъ могъ безопасно пройти къ

нему? Вы говорите, что находитесь у него на службѣ. Но развѣ не были вы прежде моимъ? Далъ ли онъ вамъ такое же доказательство своей дружбы, какъ я своей любви?

Ла-Моль поблѣднѣлъ и всталъ. Онъ былъ пораженъ, какъ громомъ.

— Коконна былъ правъ, — пробормоталъ онъ. — Интрига опутываетъ меня и въ концѣ-концовъ задушитъ!

— Ну? — спросила Маргарита.

— Вотъ мой отвѣтъ, — сказалъ ла-Моль. — Еще на другомъ концѣ Франціи слухи о вашемъ славномъ имени и вашей чудной красотѣ дошли до меня и коснулись моего сердца, какъ смутное желаніе неизвѣстнаго. Говорятъ, что вы любили не разъ и что ваша любовь была всегда пагубна тѣмъ, кого вы любили, такъ какъ смерть, должно-быть, изъ ревности, почти всегда похищала вашихъ возлюбленныхъ.

— Ла-Моль!..

— Не прерывайте меня, моя дорогая Маргарита. Говорятъ еще, что вы храните въ золотыхъ коробочкахъ сердца этихъ вѣрныхъ друзей *) и иногда дарите эти грустные останки воспоминаніемъ и нѣжнымъ взглядомъ. Вы вздыхаете, моя королева, ваши глаза затуманиваются? Значитъ, это правда. Сдѣлайте же меня самымъ любимымъ и самымъ счастливымъ изъ вашихъ фаворитовъ. Другихъ вы ранили въ сердца и хранили ихъ. Для меня вы сдѣлали больше: вы подвергаете опасности мою голову. Поклянитесь же мнѣ именемъ Бога, который въ этой самой комнатѣ спасъ мнѣ жизнь, сохранить мою отрубленную палачомъ голову — я предчувствую, что это будетъ — и иногда касаться ея устами. Поклянитесь, Маргарита, и я, зная, что меня ждетъ такая награда, буду, если нужно, предателемъ и негодяемъ, буду преданъ вамъ душою и тѣломъ, какъ вашъ любовникъ и сообщникъ.

— Какія ужасныя мысли, мой дорогой! — воскликнула Маргарита.

— Поклянитесь!

— Ты хочешь, чтобы я поклялась?

— Да, положа руку на крестъ, вдѣланный въ крышкѣ вотъ [illegible].

— [illegible], — сказала Маргарита. — Если — [illegible] [illegible] [illegible]

*) [illegible]

тебѣ, положа руку на этотъ крестъ, что ты будешь со мной, живой или мертвый, до тѣхъ поръ, пока я буду жива сама. И если я буду не въ состояніи спасти тебя отъ опасности, на которую ты идешь ради меня одной, — я знаю это — то я исполню твою просьбу. Я дамъ твоей бѣдной душѣ хоть то утѣшеніе, которое ты просишь.

— Еще одно слово, Маргарита. Теперь я готовъ умереть, смерть уже не пугаетъ меня. Но вѣдь, можетъ-быть, намъ удастся, и тогда я останусь живъ. Король Наваррскій будетъ королемъ, вы будете королевой. Теперь вы въ далекихъ отношеніяхъ съ вашимъ мужемъ, тогда вы сблизитесь съ нимъ и отдалитесь отъ меня. Маргарита, моя милая, моя любимая Маргарита, вы однимъ словомъ успокоили меня относительно моей смерти, — успокойте меня также и относительно моей жизни!

— О, не бойся!—воскликнула Маргарита, снова положивъ руку на крестъ. — Я твоя и тѣломъ и душою. Если я уѣду, ты послѣдуешь за мной; если король откажется взять тебя,—не уѣду и я.

— Но вы не рѣшитесь сопротивляться.

— Ты не знаешь Генриха, мой другъ. Онъ думаетъ только объ одномъ: какъ бы сдѣлаться королемъ. Это его единственное желаніе, для исполненія котораго онъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ владѣетъ, и, конечно, съ еще большимъ основаніемъ тѣмъ, что не принадлежитъ ему. Прощай.

— Вы меня прогоняете? — съ улыбкой спросилъ ла-Моль.

— Ужъ поздно, — сказала Маргарита.

— Совершенно вѣрно; но куда же мнѣ итти? Въ моей комнатѣ герцогъ Алансонскій и де-Муи.

— Да, это правда,—съ грустной улыбкой сказала Маргарита.— Къ тому же мнѣ нужно поговорить съ вами объ этомъ заговорѣ.

Съ этой ночи ла-Моль былъ уже не простымъ фаворитомъ и могъ держать высоко свою голову, которой и при его жизни и послѣ смерти предстояла такая прекрасная будущность. Но все-таки по временамъ лицо его омрачалось и тяжелыя мысли прорѣзывали глубокую морщину между бровей молодого человѣка, когда-то такого веселаго, теперь такого счастливаго!

XXVII.

Десница Божья.

Генрихъ, уходя отъ баронессы де-Совъ, сказалъ ей:

— Ложитесь въ постель, Шарлотта. Притворитесь серьезно больной и завтра весь день не принимайте ни подъ какимъ предлогомъ никого.

Шарлотта повиновалась, даже не спрашивая себя, что за причина заставила короля сдѣлать такое распоряжен е.

Къ тому же баронесса знала, что Генрихъ хранитъ въ своемъ сердцѣ тайны, которыхъ не открываетъ никому, а въ умѣ — планы, о которыхъ боится проговориться даже во снѣ. И потому она исполняла все, что онъ требовалъ отъ нея, въ полной увѣренности, что даже самыя странныя его требованія имѣютъ въ виду какую-нибудь серьезную цѣль.

Въ тотъ же вечеръ она пожаловалась Даріолѣ на сильную головную боль и головокруженіе. Это были симптомы, о которыхъ ей посовѣтовалъ упомянуть Генрихъ.

На другой день утромъ баронесса сдѣлала видъ, какъ будто хочетъ встать; но, спустивъ ноги съ кровати, она сказала, что чувствуетъ страшную слабость, и снова легла.

Эта болѣзнь, о которой Генрихъ уже говорилъ герцогу Алансонскому, была первой новостью, сообщенной Екатеринѣ, когда она спросила, почему баронесса де-Совъ не присутствуетъ, какъ всегда, при ея туалетѣ.

Екатерина промолчала и, должно-быть, для того, чтобы скрыть свою радость, отвернулась къ окну.

Мало-по-малу придворные, присутствовавшіе при выходѣ королевы, удалились и остались только три или четыре самыхъ приближенныхъ. Екатерина отпустила и ихъ, сказавъ, что желаетъ остаться одна.

Когда они ушли, королева-мать заперла дверь, подошла къ скрытому въ стѣнѣ потайному шкафу и достала книгу, истрепанные листы которой доказывали, что ее очень часто читають. Екатерина положила книгу на столъ, открыла ее на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала закладка, облокотилась на столъ и оперлась головой на руку.

— Да, это такъ,— прошептала она и прочитала: „Головная боль, общая слабость, боль въ глазахъ, опухоль нёба...“ Пока еще говорятъ только о головной боли... другіе симптомы не заставятъ себя ждать.

„— Потомъ начинается воспаленіе горла, — читала она дальше. — Оно переходитъ на желудокъ, окружаетъ сердце какъ бы огненнымъ кольцомъ и, какъ ударъ грома, поражаетъ мозгъ. На лихорадку шесть часовъ, на общее воспаленіе—двѣнадцать, на гангрену—двѣнадцать, на агонію—шесть, а всего тридцать шесть часовъ“.

— Положимъ, всасываніе произойдетъ медленнѣе, — задумчиво проговорила она, — и вмѣсто тридцати шести часовъ болѣзнь протянется сорокъ или даже сорокъ восемь часовъ. Но

почему же онъ, Генрихъ, все еще на ногахъ? Можетъ-быть, потому, что онъ мужчина, что у него крѣпкое здоровье? Или онъ, можетъ-быть, выпилъ воды и вытеръ себѣ губы послѣ того, какъ поцѣловалъ ее?

Екатерина ждала съ нетерпѣніемъ часа обѣда. Генрихъ обѣдалъ всегда за королевскимъ столомъ.

Онъ пришелъ, пожаловался на головную боль, ничего не ѣлъ и ушелъ тотчасъ же послѣ обѣда.

Екатерина прислушивалась къ нетвердымъ шагамъ уходившаго Генриха и велѣла слѣдить за нимъ. Ей донесли, что король Наваррскій отправился къ баронессѣ де-Совъ.

„Онъ самъ идетъ туда, гдѣ ждетъ его смерть, — подумала Екатерина. — Теперь уже ничто не спасетъ его“.

Король Наваррскій, дѣйствительно, пошелъ къ баронессѣ де-Совъ: ему нужно было сказать ей, чтобы она продолжала играть роль больной.

На другой день Генрихъ цѣлое утро не выходилъ изъ своей комнаты и не явился къ обѣду. Баронессѣ де-Совъ, какъ говорили, дѣлалось все хуже и хуже.

Екатерина была въ восторгѣ. Еще наканунѣ утромъ она отослала Амбруаза Парэ въ Сенъ-Жерменъ, къ одному изъ своихъ любимыхъ слугъ, который заболѣлъ. Такимъ образомъ, къ Генриху и баронессѣ де-Совъ можно будетъ пригласить человѣка, вполнѣ преданнаго ей, Екатеринѣ, и онъ скажетъ то, что она велитъ ему сказать. А если, противъ ожиданія, въ дѣло вмѣшается какой-нибудь другой врачъ и, обнаруживъ отравленіе, приведетъ въ ужасъ весь дворъ, который уже столько разъ слыхалъ о подобныхъ отравленіяхъ, то и въ такомъ случаѣ найдется выходъ: королева-мать сильно разсчитывала на ходившіе при дворѣ слухи о ревности Маргариты. Екатерина сама же распустила ихъ.

Итакъ, она спокойно ждала минуты, когда отворится дверь и блѣдный, перепуганный слуга вбѣжитъ и закричитъ:

— Король Наваррскій умираетъ, ваше величество, а баронесса де-Совъ скончалась!

Пробило четыре часа пополудни. Екатерина зашла въ птичникъ и стала бросать крошки бисквита нѣсколькимъ рѣдкимъ птицамъ, которыхъ всегда кормила сама. Хоть лицо ея было, какъ всегда, спокойно, даже мрачно, сердце ея начинало сильно биться при каждомъ легкомъ шумѣ.

Вдругъ дверь отворилась.

— Ваше величество,—сказалъ дежурный капитанъ,—король Наваррскій...

— Боленъ? — быстро прервала его Екатерина.

— Нѣтъ, ваше величество. Его величество, слава Богу, чувствуетъ себя какъ нельзя лучше.

— Такъ что же вы хотите сказать?

— Что король Наваррскій принесъ вашему величеству маленькую обезьянку очень рѣдкой породы.

Въ эту минуту вошелъ Генрихъ, держа въ рукѣ корзиночку и лаская лежащую въ ней обезьянку *уистити*.

Генрихъ улыбался и, повидимому, не обращалъ вниманія ни на что, кромѣ хорошенькой обезьянки, которую несъ. Однако, несмотря на это, онъ быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ все; въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда нельзя было иначе, ему было достаточно и одного такого взгляда. Что же касается до Екатерины, то она сильно поблѣднѣла и ея блѣдность увеличилась еще больше, когда она увидала, что на щекахъ ея зятя играетъ здоровый румянецъ.

Королеву-мать ошеломилъ этотъ ударъ. Она машинально взяла подарокъ Генриха, смущенно замѣтила, что у него очень хорошій видъ, и прибавила:

— Мнѣ тѣмъ пріятнѣе видѣть васъ такимъ цвѣтущимъ, сынъ мой, что мнѣ говорили, будто вы больны, да и сами вы жаловались при мнѣ на нездоровье. Теперь я понимаю,—стараясь улыбнуться прибавила она,—это былъ только предлогъ, а на самомъ дѣлѣ вамъ хотѣлось вырваться на свободу.

— Я былъ, дѣйствительно, очень боленъ, ваше величество,—отвѣтилъ Генрихъ,—но одно специфическое средство, которое въ большомъ употребленіи въ нашихъ горахъ и о которомъ я узналъ отъ моей матери, вылѣчило меня.

„Должно-быть, какое-нибудь противоядіе,—подумала она.— Посмотримъ... впрочемъ, нѣтъ: онъ просто остерегся, увидавъ, что баронесса де-Совъ заболѣла. Ну, право же, можно подумать, что десница Божья оберегаетъ этого человѣка!“

Екатерина съ нетерпѣніемъ ждала наступленія ночи. Баронесса де-Совъ не выходила изъ своей комнаты. Екатерина спросила о ней: ей сказали, что баронессѣ стало еще хуже.

Весь вечеръ королева-мать была въ страшной тревогѣ, и всѣ съ ужасомъ спрашивали себя, какія мысли могли взволновать ее до такой степени, что это волненіе даже отражалось на ея всегда такомъ безстрастномъ лицѣ.

Наконецъ общество разсталось. Екатерина раздѣлась съ помощью своихъ камеристокъ и легла въ постель.

Но когда весь Лувръ заснулъ, она снова встала, надѣла длинный черный шлафрокъ, взяла лампу и ключъ отъ комнаты баронессы де-Совъ и пошла къ ней.

Предвидѣлъ ли Генрихъ этотъ визитъ, или же былъ занятъ или спрятанъ гдѣ-нибудь—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ молодая женщина была одна.

Екатерина осторожно отперла дверь, прошла черезъ переднюю въ пріемную, поставила лампу на столъ, такъ какъ около больной горѣлъ ночникъ, и какъ тѣнь проскользнула въ спальню.

Даріола, откинувшись на спинку покойнаго кресла, стоявшаго около постели баронессы, крѣпко спала.

Постель была закрыта со всѣхъ сторонъ опущеннымъ пологомъ. Дыханіе молодой женщины было такъ легко, что въ первую минуту Екатеринѣ показалось, что она не дышитъ.

Потомъ она услыхала ея дыханіе и съ злобной радостью раздвинула пологъ, чтобы удостовѣриться своими собственными глазами въ дѣйствіи ужаснаго яда. Она уже заранѣе представляла себѣ синевато-блѣдное или же пылающее лихорадочнымъ румянцемъ лицо больной. Но она ошиблась. Баронесса спокойно спала; розовыя губки ея были полуоткрыты, влажная щека опиралась на граціозно согнутую руку, тогда какъ другая рука, бѣлая и нѣжная, лежала на малиновомъ шелковомъ одѣялѣ.

Екатерина не могла удержаться и вскрикнула отъ изумленія.

Этотъ крикъ разбудилъ Даріолу.

Екатерина бросилась за занавѣсъ постели

Даріола открыла глаза; но она такъ заспалась, что, даже не полюбопытствовавъ узнать, что разбудило ее, снова закрыла глаза и снова крѣпко заснула.

Тогда Екатерина вышла изъ-за занавѣса и, осмотрѣвшись кругомъ, увидала на маленькомъ столикѣ графинъ съ испанскимъ виномъ, фрукты, печенье и два стакана. Генрихъ, должно-быть, ужиналъ у баронессы, которая была совершенно здорова, такъ же, какъ и онъ.

Екатерина подошла къ туалету и взяла въ руку маленькую серебряную коробочку съ губной помадой, уже на треть пустую. Эта коробочка была совершенно такая же, какъ та, которую она послала Шарлоттѣ.

Королева захватила на золотую иглу кусочекъ помады величиною съ горошину и, вернувшись къ себѣ, предложила его обезьянѣ, которую Генрихъ подарилъ ей въ этотъ самый день. Обезьянку соблазнилъ пріятный запахъ; она жадно проглотила помаду и, свернувшись въ своей корзинѣ, снова заснула.

Екатерина подождала четверть часа.

— Отъ половины того, что она съѣла,— сказала она,— моя собака Брутъ околѣла черезъ минуту. Меня обм[illegible] Неужели

это Ренэ? Нѣтъ, не можетъ быть!.. Значитъ, Генрихъ! О, роковая судьба! Да, это ясно. Такъ какъ онъ долженъ царствовать, то не можетъ умереть! Но, можетъ-быть, надъ нимъ безсиленъ только ядъ? Попробуемъ желѣзо.

И Екатерина легла въ постель, обдумывая этотъ новый планъ, который къ утру былъ уже разработанъ во всѣхъ подробностяхъ. Это было видно изъ того, что она послала утромъ за дежурнымъ капитаномъ и, отдавъ ему письмо, велѣла отнести его по адресу и передать въ собственныя руки Лурве де-Морвелю, начальнику королевскихъ петардщиковъ, живущему около Арсенала.

XXVIII.

Письмо изъ Рима.

Прошло нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій. Въ одно прекрасное утро на дворѣ Лувра показались носилки, которые сопровождало нѣсколько придворныхъ герцога Гиза. Черезъ минуту королевѣ Наваррской доложили о герцогинѣ Неверской.

У Маргариты была въ это время баронесса де-Совъ, вышедшая изъ своей комнаты въ первый разъ послѣ своей притворной болѣзни, о которой въ продолженіе недѣли шли толки при дворѣ. Баронесса слышала отъ Генриха, что королева Наваррская безпокоится за нее, и потому пришла поблагодарить ее.

Маргарита поздравила больную съ выздоровленіемъ отъ странной болѣзни, всю серьезность которой она, какъ французская принцесса, прекрасно понимала.

— Надѣюсь, вы будете участвовать въ большой охотѣ, которая назначена на завтра? — спросила Маргарита.

— Не знаю, ваше величество, — отвѣтила баронесса, — оправлюсь ли я настолько, чтобы принять участіе въ охотѣ.

— Полно! — возразила Маргарита. — Вамъ стоитъ сдѣлать только маленькое усиліе. Къ тому же я предоставила въ распоряженіе короля беарнскую лошадку, на которой сначала разсчитывала ѣхать сама. Вамъ говорили о ней?

— Да, ваше величество, но я не знала, что она предназначалась для васъ. Если бы это было извѣстно мнѣ, я не приняла бы ее.

— Изъ гордости, баронесса?

— Нѣтъ, напротивъ, ваше величество: потому что считала бы себя недостойной такой чести.

— Итакъ, вы поѣдете?

— Ваше величество осыпаете меня милостями. Я пойду, если вы прикажете мнѣ.

Въ эту минуту доложили о герцогинѣ Неверской. Лицо Маргариты просіяло. Баронесса поняла, что двумъ молодымъ женщинамъ нужно поговорить безъ свидѣтелей, и встала.

— Итакъ, до завтра? — сказала Маргарита.

— До завтра, ваше величество.

— Кстати, баронесса, — продолжала Маргарита, — вѣдь вы знаете, что въ обществѣ я ненавижу васъ, потому что страшно ревнива.

— А наединѣ?

— Наединѣ я не только прощаю вамъ, но и благодарю васъ.

Маргарита протянула баронессѣ руку; та почтительно поцѣловала ее, сдѣлала глубокій реверансъ и ушла.

Въ то время, какъ баронесса де-Совъ бѣжала по своей лѣстницѣ, прыгая, какъ спущенная съ привязи козочка, Маргарита обмѣнивалась съ герцогиней Неверской церемонными поклонами и привѣтствіями, чтобы дать время ея свитѣ выйти изъ комнаты.

— Гильона, — сказала Маргарита, когда всѣ ушли и дверь затворилась, — не впускай сюда никого.

— Да,—прибавила герцогиня,—потому что намъ нужно поговорить объ очень важныхъ дѣлахъ.

Она сѣла въ кресло и приняла свободную, непринужденную позу, зная, что никто не придетъ мѣшать ея интимной бесѣдѣ съ королевой Наваррской.

— Ну,—съ улыбкой сказала Маргарита,—что подѣлываешь ты съ твоимъ знаменитымъ бойцомъ?

— Клянусь тебѣ, моя милая королева, — отвѣтила герцогиня, — что это какое-то миѳологическое существо. Онъ необыкновенно остроуменъ и неистощимъ по этой части. Притомъ это самый отчаянный язычникъ, когда-либо принимавшій на себя образъ католика. Я отъ него безъ ума. А ты что дѣлаешь съ своимъ Аполлономъ?

— Увы! — со вздохомъ сказала Маргарита.

— Ого! Это „увы" пугаетъ меня, милая королева! Ужъ не слишкомъ ли онъ почтителенъ и сентименталенъ, этотъ красивый ла-Моль? Если такъ, ты должна сознаться, что онъ полная противоположность своему другу Коконна.

— Нѣтъ, онъ тоже способенъ воспламеняться, — сказала Маргарита. — Это „увы" относится ко мнѣ самой.

— Что же оно означаетъ?

— Оно означаетъ, милая герцогиня, что я ужасно боюсь полюбить его.

— Ну, что жъ, тѣмъ лучше! — воскликнула Генріэтта. — Подумай только, какъ счастливо заживемъ мы тогда! Любить немножко было всегда моей мечтой, любить много — твоей. А какъ пріятно, моя милая, ученая королева, дать отдыхъ уму и волю сердцу! Ахъ, Маргарита, у меня есть предчувствіе, что мы отлично проведемъ этотъ годъ!

— Ты думаешь, — сказала королева. — А для меня, сама не знаю почему, все, напротивъ, какъ будто окутано крепомъ. Политика страшно интересуетъ меня. Кстати узнай, такъ ли на самомъ дѣлѣ преданъ твой Аннибалъ моему брату, какъ кажется? Для меня очень важно знать это.

— Ты воображаешь, что онъ, можетъ-быть, преданъ кому-нибудь или чему-нибудь? Онъ способенъ жертвовать только одному — своему честолюбію. Если твой братъ пообѣщаетъ ему что-нибудь очень завидное, — о, тогда онъ будетъ преданъ ему! Но пусть твой братъ, хотя онъ и французскій принцъ, поостережется нарушить свое обѣщаніе. Если онъ сдѣлаетъ это—горе ему!

— Неужели?

— Да, это такъ! Увѣряю тебя, Маргарита, что бываютъ минуты, когда этотъ тигръ, котораго я приручила, пугаетъ даже меня. Какъ-то на-дняхъ я ему сказала: „Смотрите, Аннибалъ, берегитесь обмануть меня!“

— Ну?

— Ну, я была въ полной увѣренности, что онъ отвѣтитъ: „Чтобы я обманулъ васъ? О, никогда!“ и т. д. А знаешь, что онъ сказалъ мнѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ слушай и суди, что это за человѣкъ. „Берегитесь и вы обмануть меня,—отвѣтилъ онъ,—хотя вы и принцесса!“ И, говоря это, онъ грозилъ мнѣ не только взглядомъ, но и пальцемъ съ длиннымъ, заостреннымъ, какъ копье, ногтемъ, который онъ поднесъ чуть не къ самому моему лицу. Въ эту минуту у него самого было такое страшное лицо, что я задрожала, несмотря на то, что меня, какъ ты знаешь, не легко испугать.

— Онъ грозилъ тебѣ, Генріэтта? Онъ осмѣлился?

— Mordi! Вѣдь и я грозила ему. Да въ концѣ-концовъ онъ, пожалуй, и правъ. Ну, теперь ты видишь, что онъ можетъ быть преданъ только до извѣстной степени или, вѣрнѣе, до совершенно неизвѣстной.

— Въ такомъ случаѣ, — задумчиво сказала Маргарита, — я поговорю съ ла-Молемъ. Тебѣ нечего больше сказать мнѣ?

— Нѣтъ, есть и даже кое-что очень интересное. Собственно для этого я и пріѣхала къ тебѣ. Я получила извѣстія.

— Изъ Рима?

— Да, пріѣхалъ курьеръ отъ моего мужа.

— Ну? Какъ же идутъ дѣла въ Польшѣ?

— Отлично, и ты, навѣрное, очень скоро избавишься отъ твоего брата, герцога Анжуйскаго.

— Значитъ, папа утвердилъ избраніе?

— Утвердилъ.

— И ты до сихъ поръ молчала!—воскликнула Маргарита.— Скорѣе, скорѣе разсказывай всѣ подробности!

— Да мнѣ положительно ничего неизвѣстно, кромѣ того, что я сказала тебѣ. Впрочемъ, погоди, я лучше дамъ тебѣ письмо мужа... Вотъ оно... Нѣтъ, это стихи Аннибала, ужаснѣйшіе стихи, но другихъ онъ писать не умѣетъ. Ну, вотъ тебѣ письмо. Нѣтъ, это опять не оно. Это записочка, которую я хотѣла попросить тебя передать Аннибалу черезъ ла-Моля... А, наконецъ-то!

И герцогиня Неверская подала королевѣ письмо мужа.

Маргарита торопливо открыла и пробѣжала его: въ немъ, дѣйствительно, не было ничего, кромѣ того, что она уже слышала отъ своей пріятельницы.

— Какъ получила ты это письмо?—спросила королева.

— Его привезъ курьеръ, присланный моимъ мужемъ, который велѣлъ ему заѣхать прежде всего въ отель Гиза и передать мнѣ это письмо, а затѣмъ уже ѣхать въ Лувръ. Я просила мужа сдѣлать такъ, потому что знала, какъ интересуютъ мою королеву вѣсти изъ Польши. Значитъ, теперь во всемъ Парижѣ только король, ты да я знаемъ эту новость, если только человѣкъ, слѣдовавшій за нашимъ курьеромъ...

— Какой человѣкъ?

— Ахъ, какая это ужасная обязанность! Представь себѣ, что этотъ несчастный курьеръ пріѣхалъ страшно измученный, разбитый, весь въ пыли. Онъ ѣхалъ семь сутокъ, и днемъ и ночью, не останавливаясь ни на минуту.

— Но что же это за человѣкъ, о которомъ ты упомянула?

— Погоди. За курьеромъ слѣдовалъ все время какой-то человѣкъ свирѣпаго вида. Онъ перемѣнялъ лошадей въ одно время съ нимъ и ѣхалъ такъ же быстро, какъ онъ. И въ продолженіе всего пути, то-есть четырехсотъ лье, нашъ бѣдный курьеръ все время ждалъ, что тотъ пуститъ въ него пулю. Оба они пріѣхали въ одно время къ Сенъ-Марсельской заставѣ, оба проскакали въ галопъ по улицѣ Муфторъ и Сотэ. Но около моста Собора Богоматери нашъ курьеръ повернулъ направо, а тотъ, другой, свернулъ черезъ площадь Шатлэ налѣво и понесся, какъ стрѣла, къ Лувру.

— Благодарю тебя, милая Генріэтта, благодарю! — воскликнула Маргарита.—Ты права—это, дѣйствительно, очень интересныя новости. Но къ кому же ѣхалъ другой курьеръ? Я узнаю это. Ну, теперь оставь меня. До вечера въ улицѣ Тизонъ, да? А завтра увидимся на охотѣ. Возьми лошадь погорячѣе, чтобы она понесла и мы могли остаться наединѣ. Я скажу вечеромъ, что тебѣ нужно разузнать у твоего Коконна.

— Ты не забудешь передать мое письмо?—смѣясь, спросила герцогиня Неверская.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся: онъ получитъ его вовремя.

Какъ только герцогиня ушла, Маргарита послала за Генрихомъ и дала ему письмо герцога Неверскаго.

— Ого!—сказалъ онъ, прочитавъ его.

Потомъ Маргарита разсказала ему о двухъ курьерахъ.

— Я самъ видѣлъ, какъ курьеръ въѣхалъ на дворъ Лувра,— сказалъ Генрихъ.

— Можетъ-быть, онъ прошелъ къ королевѣ-матери?

— Нѣтъ. Я на всякій случай вышелъ въ коридоръ, но никто не проходилъ тамъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Маргарита, глядя на мужа,— онъ...

— Отправился къ вашему брату, герцогу Алансонскому?

— Вѣроятно, такъ. Но какъ узнать это?

— Не послать ли, — небрежно замѣтилъ Генрихъ,—за кѣмънибудь изъ придворныхъ герцога и разспросить его?

— Вы, правы, государь, — сказала Маргарита, очень довольная предложеніемъ мужа. — Я пошлю за графомъ де-ла-Молемъ... Гильона! Гильона!

Молодая дѣвушка вошла въ комнату.

— Мнѣ нужно сію же минуту поговорить съ графомъ де-ла-Молемъ, — сказала Маргарита. — Постарайся разыскать его.

Генрихъ сѣлъ около стола, на которомъ лежала нѣмецкая книга съ гравюрами Альбрехта Дюрера, и сталъ разсматривать ихъ такъ внимательно, что не обернулся и даже не поднялъ головы, когда вошелъ ла-Моль.

Молодой человѣкъ, съ своей стороны, увидавъ у Маргариты короля, молча остановился около двери; онъ поблѣднѣлъ отъ безпокойства и не могъ произнести ни слова отъ изумленія.

Маргарита подошла къ нему.

— Не знаете ли вы, графъ де-ла-Моль, — спросила она, — кто сегодня дежурный у герцога Алансонскаго?

— Коконна, ваше величество,—отвѣтилъ ла-Моль.

— Узнайте, пожалуйста, у него, не проводилъ ли онъ къ герцогу человѣка, покрытаго пылью и, судя по виду, пріѣхавшаго издалека?

— Я боюсь, что онъ не скажетъ мнѣ этого, ваше величество. Въ послѣдніе дни онъ очень угрюмъ и молчаливъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ отдайте ему вотъ эту записочку; тогда онъ, навѣрное, станетъ полюбезнѣе и поразговорчивѣе.

— Отъ герцогини? О, съ этой записочкой я ручаюсь за успѣхъ!

— И прибавьте, — сказала, понизивъ голосъ, Маргарита, — что эта записка послужитъ ему пропускомъ, чтобы войти сегодня вечеромъ въ извѣстный вамъ домъ.

— А что будетъ моимъ пропускомъ?—прошепталъ ла-Моль.

— Вы скажете только ваше имя; этого будетъ вполнѣ достаточно.

— Дайте же мнѣ эту записку, — сказалъ ла-Моль.

И онъ ушелъ.

— Мы узнаемъ завтра, получилъ ли герцогъ Алансонскій извѣстія изъ Польши, — спокойно сказала Маргарита, обернувшись къ мужу.

— Этотъ графъ ла-Моль, право же, замѣчательно преданный слуга,—сказалъ беарнецъ, улыбаясь такъ, какъ умѣлъ улыбаться только онъ одинъ.—И, клянусь душой, я постараюсь вознаградить его.

XXIX.

Отъѣздъ.

Когда на другой день надъ холмами Парижа поднялось солнце, красное и безъ лучей, какъ иногда бываетъ зимою, на дворѣ Лувра уже въ продолженіе двухъ часовъ все было въ движеніи.

Великолѣпная берберійская лошадь, поджарая, но сильная, съ тонкими, какъ у оленя, ногами, на которыхъ ясно выдѣлялась сѣть переплетающихся жилокъ, била копытами, настораживала уши и фыркала, стоя на дворѣ въ ожиданіи Карла. Но самъ онъ чувствовалъ въ эту минуту еще болѣе сильное нетерпѣніе, чѣмъ его лошадь: Екатерина остановила его въ то время, какъ онъ шелъ къ собравшимся на дворѣ охотникамъ.

Они стояли въ стеклянной галлереѣ. Екатерина была, какъ всегда, холодна, блѣдна и невозмутима; Карлъ дрожалъ отъ нетерпѣнія, кусалъ ногти и билъ хлыстомъ двухъ своихъ любимыхъ собакъ. На нихъ были надѣты кольчуги, чтобы кабанъ не могъ нанести имъ вреда. Маленькій щитъ съ гербомъ Франціи былъ прикрѣпленъ у каждой собаки на груди, совершенно такъ же, какъ у пажей.

— Замѣть, Карлъ, — сказала Екатерина, — что никто, кромѣ тебя и меня, не знаетъ о скоромъ прибытіи поляковъ, а между тѣмъ король Наваррскій ведетъ себя такъ, какъ будто это извѣстно ему. Несмотря на свое отреченіе, которому я никогда не вѣрила, онъ вступаетъ въ сношенія съ гугенотами. Замѣтилъ ты, какъ часто онъ уходитъ изъ дому въ послѣдніе дни? У него есть деньги, которыхъ раньше у него никогда не бывало; онъ покупаетъ лошадей, оружіе, а въ дождливые дни занимается съ утра до ночи фехтованьемъ.

— Господи Боже мой! — нетерпѣливо сказалъ Карлъ. — Ужъ не воображаете ли вы, что онъ задумалъ убить меня или моего брата Анжуйскаго! Въ такомъ случаѣ ему придется еще немножко поучиться: вчера я одиннадцать разъ тронулъ его рапирой. А мой братъ Анжуйскій фехтуетъ еще лучше меня или, по крайней мѣрѣ, не хуже, какъ говоритъ онъ самъ.

— Слушай, Карлъ, — продолжала Екатерина, — и не относись легко къ тому, что говоритъ тебѣ мать. Скоро пріѣдутъ послы. И, вотъ увидишь, какъ только они явятся въ Парижъ, Генрихъ употребитъ всѣ силы, чтобы плѣнить ихъ. Онъ очень вкрадчивъ и лукавъ. А жена его — не понимаю, съ какой стати она помогаетъ ему! — будетъ болтать съ женами, говорить съ ними по-латыни, по-гречески, по-венгерски, Богъ знаетъ, по-каковски еще! Увѣряю тебя, Карлъ — а ты знаешь, что я никогда не ошибаюсь — увѣряю тебя, что тутъ что-то кроется!

Въ эту минуту раздался бой часовъ. Карлъ пересталъ слушать мать и началъ считать удары.

— Чортъ возьми! ужъ семь часовъ! — воскликнулъ онъ. — Часъ на ѣзду, часъ — чтобы съѣхаться на сборномъ мѣстѣ и выгнать звѣря. Значитъ, намъ придется начать охоту только въ девять часовъ. Ну, право же, матушка, вы задерживаете меня и заставляете терять время. Пошелъ, Рискту! Чортъ возьми! Слышишь, что тебѣ говорятъ?

И Карлъ ударилъ хлыстомъ большую меделянскую собаку, которая взвизгнула отъ боли.

— Карлъ, выслушай же меня, ради Бога! — снова начала Екатерина. — Не бросай на произволъ судьбы свое счастье и счастье Франціи. Охота, охота, охота — ты только это и твердишь. Тебѣ можно будетъ охотиться, сколько угодно, когда ты перестанешь быть королемъ.

— Полно, полно, матушка! — сказалъ Карлъ, поблѣднѣвъ отъ нетерпѣнія. — Объясните поскорѣе, въ чемъ дѣло, и не мучьте меня. Ну, право же, бываютъ дни, когда я положительно не понимаю васъ.

И онъ сталъ бить хлыстомъ по своему сапогу.

Екатерина сочла минуту удобной и рѣшила воспользоваться ею.

— Сынъ мой,—сказала она,— я знаю навѣрное, что де-Муи вернулся въ Парижъ. Морвель, хорошо извѣстный тебѣ, видѣлъ его. Де-Муи, безъ всякаго сомнѣнія, пріѣхалъ къ королю Наваррскому. Это еще усиливаетъ подозрѣнія, которыя мы имѣли противъ Генриха.

— Ну, вы опять начинаете нападать на моего бѣднаго Генриха! Вамъ хочется, чтобы я убилъ его — да?

— Нѣтъ.

— Такъ отправилъ бы въ ссылку? Какъ же вы не понимаете, что тамъ онъ былъ бы опаснѣе для насъ, чѣмъ въ Луврѣ, у насъ на глазахъ. Все, что бы онъ ни вздумалъ сдѣлать здѣсь, будетъ тотчасъ же извѣстно намъ.

— Да я и не хочу его ссылать.

— Такъ чего же вы, наконецъ, хотите? Говорите скорѣй!

— Я хочу, чтобы его задержали на то время, пока поляки будутъ здѣсь... Хоть бы въ Бастиліи, напримѣръ.

— Нѣтъ, клянусь честью, этого не будетъ! — воскликнулъ Карлъ.—Сегодня утромъ мы охотимся на кабана, а Генрихъ— мой самый лучшій помощникъ. Безъ него испортится вся охота. Чортъ возьми! Вы только о томъ и думаете, какъ бы противорѣчить мнѣ, матушка!

— Я не говорю, чтобы его задержали сегодня утромъ. Послы пріѣдутъ завтра или послѣзавтра. Его можно арестовать послѣ охоты, вечеромъ или ночью.

— Это дѣло другое. Потомъ мы потолкуемъ объ этомъ и рѣшимъ. Послѣ охоты можно — я ничего не имѣю противъ этого. Прощайте!..

— Карлъ, — сказала Екатерина, удерживая его за рукавъ, хоть знала, что эта задержка можетъ вызвать у него страшную вспышку гнѣва. — Генриха арестуютъ вечеромъ или ночью, но тебѣ нужно подписать приказъ объ арестѣ теперь же.

— Писать приказъ... подписывать его... итти за печатью, когда меня ждутъ, чтобы ѣхать на охоту? Это ужъ слишкомъ, чортъ возьми!

— Да нѣтъ же, я такъ люблю тебя, что не стану задерживать. Я уже все приготовила; войди сюда, ко мнѣ.

И Екатерина быстро, какъ будто ей было двадцать лѣтъ, распахнула дверь, ведущую въ ея кабинетъ. На столѣ стояла чернильница и зажженная свѣча и лежало перо, листъ пергамента и печать.

Король взялъ пергаментъ и торопливо пробѣжалъ написанное:

„Приказъ и т. д. арестовать и отправить въ Бастилію нашего брата, Генриха Наваррскаго“.

— Хорошо, готово! — сказалъ онъ, однимъ почеркомъ подписывая приказъ. — Прощайте, матушка!

И онъ выбѣжалъ изъ кабинета съ своими собаками, очень довольный, что такъ легко отдѣлался отъ Екатерины.

Собравшееся на дворѣ общество съ нетерпѣніемъ ожидало Карла; онъ никогда не опаздывалъ на охоту, и всѣ удивлялись, что онъ такъ долго не идетъ. А потому, когда онъ, наконецъ, показался, охотники привѣтствовали его восторженными криками, загонщики затрубили въ трубы, лошади заржали, собаки залаяли. Отъ всего этого шума и криковъ румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ Карла и сердце его забилось: въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ чувствовалъ себя молодымъ и счастливымъ.

Карлъ торопливо поздоровался съ дожидавшимся его блестящимъ обществомъ. Онъ кивнулъ герцогу Алансонскому, привѣтствовалъ рукою свою сестру Маргариту, прошелъ мимо Генриха, какъ будто не замѣчая его, и вскочилъ на лошадь. Снова заиграли трубы, и король выѣхалъ изъ Лувра въ сопровожденіи герцога Алансонскаго, короля Наваррскаго, королевы Маргариты, герцогини Неверской, баронессы де-Совъ, Таванна и самыхъ знатныхъ придворныхъ. Само собою разумѣется, что ла-Моль и Коконна тоже участвовали въ охотѣ. Что же касается до герцога Анжуйскаго, то онъ уже три мѣсяца былъ при осадѣ ла-Рошели.

Въ то время, какъ ждали короля, Генрихъ подъѣхалъ къ женѣ, которая, отвѣчая на его привѣтствіе, шепнула ему на ухо:

— Коконна проводилъ самъ пріѣхавшаго изъ Рима курьера къ герцогу Алансонскому.

— Значитъ, герцогу извѣстно все?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтила Маргарита. — Да это и замѣтно: лицо его такъ и сіяетъ.

— Ventre-saint-gris! — пробормоталъ Генрихъ. — Немудрено. Онъ сегодня охотится за тройной добычей: за Франціей, Польшей и Наваррой, не считая кабана.

Генрихъ поклонился женѣ и, вернувшись на свое мѣсто, позвалъ одного изъ своихъ людей, тоже беарнца, предки котораго въ продолженіе цѣлаго столѣтія служили его предкамъ. Генрихъ обыкновенно разсылалъ его съ разными порученіями по своимъ любовнымъ дѣламъ.

— Оршонъ, — сказалъ онъ, — возьми этотъ ключъ и снеси его двоюродному брату баронессы де-Совъ, который, какъ ты знаешь, живетъ у своей любовницы, на углу улицы Катръ-Фисъ. Скажи ему, что его кузинѣ нужно повидаться съ нимъ сегодня вечеромъ. Пусть онъ пройдетъ въ мою комнату и подождетъ меня тамъ. А если я опоздаю, можетъ лечь на мою постель.

— Отвѣта не нужно, ваше величество?

— Не нужно, но я долженъ знать, что ты нашелъ его и передалъ мои слова. Ключъ этотъ ты, конечно, отдашь ему въ собственныя руки — понимаешь?

— Понимаю, ваше величество.

— Погоди же, теперь тебѣ еще нельзя уѣзжать, чортъ возьми! Прежде, чѣмъ мы выѣдемъ изъ Парижа, я позову тебя подтянуть подпругу у моей лошади. Такимъ образомъ, ты останешься позади всѣхъ и тебѣ можно будетъ незамѣтно исполнить мое порученіе. А въ Бонди ты присоединишься къ намъ.

Слуга поклонился и отъѣхалъ въ сторону.

Кавалькада двинулась по улицамъ Сентъ-Оноре и Сенъ-Дени и достигла предмѣстья. Здѣсь у лошади Генриха ослабла подпруга. Оршонъ подскакалъ, чтобы подтянуть ее, и затѣмъ все произошло такъ, какъ было условлено: Генрихъ присоединился къ королевскому поѣзду, а его вѣрный слуга свернулъ на улицу Тампль.

Когда Генрихъ подъѣхалъ къ королю, тотъ былъ такъ занятъ интереснымъ разговоромъ съ герцогомъ Алансонскимъ о возрастѣ кабана и о мѣстѣ, гдѣ находится его берлога, что не замѣтилъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, отсутствіе Генриха.

Между тѣмъ, Маргарита внимательно вглядывалась въ лица окружающихъ и ей показалось, что Карлъ какъ будто смущается, когда глаза его останавливаются на лицѣ ея мужа. Герцогиня Неверская была необыкновенно весела; Коконна, тоже очень веселый, все время смѣшилъ дамъ своими шутками и остроумными выдумками.

Что касается ла-Моля, то онъ уже два раза нашелъ случай поцѣловать бѣлый съ золотой бахромой шарфъ Маргариты съ такой, свойственной влюбленнымъ, ловкостью, что это замѣтили только три или четыре человѣка.

Въ четверть девятаго пріѣхали въ Бонди.

Прежде всего Карлъ поспѣшилъ спросить, не спугнули ли звѣря. Нѣтъ, кабанъ былъ въ своемъ логовищѣ, и выслѣдившій его загонщикъ отвѣчалъ за него.

Подали завтракъ. Король выпилъ стаканъ венгерскаго и, пригласивъ дамъ садиться за столъ, ушелъ. Его мучило нетерпѣніе, и онъ, чтобы убить время, отправился взглянуть на собакъ. Лошадь онъ свою не велѣлъ разсѣдлывать: никогда еще, по его словамъ, не случалось ему ѣздить на такой великолѣпной и сильной лошади.

Во время отсутствія короля пріѣхалъ герцогъ Гизъ. Онъ былъ вооруженъ, какъ будто собрался не на охоту, а на войну; свита его состояла изъ двадцати или тридцати человѣкъ, во

оруженныхъ такъ же, какъ онъ. Герцогъ спросилъ, гдѣ король, и прошелъ къ нему.

Ровно въ девять часовъ Карлъ самъ подалъ сигналъ, протрубивъ въ рогъ. Всѣ сѣли на коней и поѣхали къ мѣсту.

Во время пути Генрихъ нашелъ случай еще разъ подъѣхать къ своей женѣ.

— Не узнали ли вы чего-нибудь новаго? — спросилъ онъ.

— Ничего, — отвѣтила Маргарита. — Я замѣтила только, что мой братъ Карлъ какъ-то странно посматриваетъ на васъ.

— Замѣтилъ это и я, — сказалъ Генрихъ.

— Приняли вы предосторожности?

— У меня на груди кольчуга, а на боку великолѣпный испанскій охотничій ножъ, острый, какъ игла, и отточенный, какъ бритва, онъ можетъ разсѣчь дублонъ.

XXX.

Морвель.

Въ то время, какъ вся эта молодежь, веселая и беззаботная, по крайней мѣрѣ, по наружности, неслась вихремъ по дорогѣ въ Бонди, Екатерина была занята серьезнымъ дѣломъ. Свернувъ драгоцѣнный пергаментъ, къ которому король Карлъ приложилъ свою печать, она велѣла позвать къ себѣ Морвеля, которому нѣсколько дней тому назадъ послала письмо.

Широкая повязка изъ тафты закрывала одинъ глазъ Морвеля; изъ-подъ нея виденъ былъ только его другой глазъ и горбатый ястребиный носъ между двумя выдающимися скулами; вся нижняя часть его лица скрывалась подъ начинавшей сѣдѣть бородой. На Морвелѣ былъ длинный, широкій плащъ, подъ которымъ, повидимому, находился цѣлый арсеналъ.

— А, вотъ и вы, г. Морвель! — сказала королева, садясь. — Вы знаете, что послѣ Варѳоломеевской ночи, во время которой вы оказали намъ такія важныя услуги, я обѣщала не оставлять васъ въ бездѣйствіи. Теперь представляется удобный случай или, вѣрнѣе, я устроила его сама. Можете поблагодарить меня.

— Смиренно благодарю, ваше величество, — отвѣтилъ Морвель какимъ-то страннымъ, униженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкимъ тономъ.

— Это великолѣпный случай, который едва ли представится вамъ въ другой разъ, — продолжала королева. — А потому воспользуйтесь имъ.

— Я жду, чтобы вы объяснились, ваше величество. Только боюсь, судя по вступленію...

— Что придется прибѣгнуть къ насилію? Такъ что же изъ этого? Развѣ такихъ именно порученій и не добиваются люди, желающіе возвыситься?

— Смѣю увѣрить, ваше величество, что я готовъ исполнить всякое ваше приказаніе, каково бы оно ни было.

— Въ такомъ случаѣ прочитайте вотъ это!

И она подала Морвелю королевскій приказъ.

Онъ прочиталъ его и поблѣднѣлъ.

— Какъ? — воскликнулъ онъ. — Это приказъ арестовать короля Наваррскаго?

— Ну, что же тутъ удивительнаго?

— Но вѣдь онъ король, ваше величество! Я, право же, сомнѣваюсь... я не принадлежу къ числу придворныхъ...

— Мое довѣріе дѣлаетъ васъ первымъ изъ моихъ придворныхъ, — отвѣтила Екатерина.

— Примите мою нижайшую благодарность, ваше величество.

— Значитъ, вы берете на себя это порученіе?

— Это мой долгъ, если ваше величество приказываетъ.

— Какъ же приметесь вы за дѣло?

— Право, не знаю, ваше величество. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы удостоили быть моей руководительницей.

— Возьмите съ собой двѣнадцать вполнѣ надежныхъ людей и даже больше, если нужно.

— Да, я понимаю. Ваше величество позволяете мнѣ воспользоваться всѣми преимуществами, и я глубоко благодаренъ за это. Но гдѣ же я арестую короля Наваррскаго?

— А гдѣ вамъ хотѣлось бы арестовать его?

— Въ такомъ мѣстѣ, которое само по себѣ служило бы мнѣ охраной, если это возможно.

— Что вы скажете о Луврѣ?

— Я считалъ бы большой милостью, если бы ваше величество дали мнѣ такое позволеніе.

— Такъ и арестуйте его въ Луврѣ.

— Гдѣ же именно?

— Въ его собственной спальнѣ.

— Когда прикажете, ваше величество?

— Сегодня же вечеромъ или лучше ночью.

— Слушаю, ваше величество. Теперь соблаговолите разъяснить, насколько почтительно долженъ я относиться къ королю въ виду его высокаго положенія.

— Почтительно!.. Высокое положеніе!.. — сказала Екатерина. — Но развѣ вы не знаете, что французскій король не обязанъ обращаться почтительно ни съ кѣмъ въ своемъ государствѣ, потому что нѣтъ никого равнаго ему по положенію?

— А если король Наваррскій будетъ оспаривать подлинность приказа, что хоть и неособенно вѣроятно, но все-таки...

— Это, напротивъ, очень вѣроятно.

— Значитъ, онъ откажется повиноваться?

— Боюсь, что такъ.

— Въ случаѣ, если онъ будетъ сопротивляться, что долженъ я дѣлать?

— А что вы дѣлаете, если вамъ сопротивляются, когда вы дѣйствуете на основаніи приказа короля и такимъ образомъ являетесь его представителемъ?

— Если мнѣ дѣлаютъ честь, давая такой приказъ, и если сопротивленіе оказываетъ простой дворянинъ, я убиваю его.

— Я уже говорила вамъ, — сказала Екатерина, — что для короля французскаго высокій санъ не имѣетъ никакого значенія.

Морвель поблѣднѣлъ; онъ начиналъ понимать.

— Ого! — сказалъ онъ. — Убить короля Наваррскаго?

— Но кто же вамъ говоритъ, чтобы вы его убили? Развѣ это есть въ приказѣ? Король желаетъ, чтобы Генриха Наваррскаго арестовали и увезли въ Бастилію; въ приказѣ только объ этомъ и говорится. Если Генрихъ допуститъ арестовать себя — отлично; но такъ какъ онъ не позволитъ этого, станетъ сопротивляться, будетъ стараться убить васъ...

Морвель поблѣднѣлъ.

— То вы будете защищаться, — докончила Екатерина. — Нельзя же требовать отъ такого храбреца, какъ вы, чтобы онъ далъ убить себя, не защищаясь. А если вамъ придется защищаться, то мало ли что можетъ случиться. Вы меня понимаете. неправда ли?

— Да, ваше величество, но...

— Ну, хотите, чтобы я послѣ словъ: „Приказъ арестовать“... прибавлю своей собственной рукой: „Жирого или мертваго“?

— Признаюсь, ваше величество, что это уничтожило бы мои сомнѣнія.

— Если вы полагаете, что безъ такой приписки вамъ нельзя исполнить моего порученія, — извольте. — Екатерина развернула пергаментъ и приписала: „живого или мертваго“.

— Теперь, надѣюсь, все въ порядкѣ? — спросила она.

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Морвель. — Я только попрошу васъ позволить мнѣ исполнить это порученіе такъ, какъ я найду удобнѣе.

— А развѣ какія-нибудь изъ моихъ распоряженій вы находите неподходящими?

— Ваше величество говорили, чтобы я взялъ съ собой двѣнадцать человѣкъ?

— Да, для большей вѣрности.

— А я попрошу позволенія взять только шестерыхъ.

— Почему же это?

— Потому что дѣло, по всей вѣроятности, кончится несчастливо для короля Наваррскаго. Еще шести человѣкамъ можно будетъ извинить, что они побоялись упустить арестанта. Другое дѣло, если ихъ будетъ двѣнадцать. Тогда всякій скажетъ, что имъ слѣдовало бы дать убить хоть половину своихъ товарищей, прежде чѣмъ покушаться на жизнь короля.

— Хорошъ король! у него даже нѣтъ королевства.

— Не королевство дѣлаетъ короля, ваше величество,— возразилъ Морвель,— а рожденіе.

— Ну, поступайте, какъ хотите. Я требую только одного— чтобы вы остались въ Луврѣ и не выходили отсюда.

— Но вѣдь мнѣ нужно собрать моихъ людей, ваше величество?

— Нѣтъ ли съ вами кого-нибудь, кому бы вы могли поручить это?

— Со мной слуга и вѣрный человѣкъ.

— Позовите его и условьтесь съ нимъ. Вѣдь вы знаете оружейный кабинетъ короля—да? Тамъ подадутъ вамъ завтракъ и вы отдадите приказанія вашему слугѣ. Эта комната ободритъ васъ, если вы начнете падать духомъ. Когда сынъ мой вернется съ охоты, вы перейдете въ мою молельню и подождете тамъ назначеннаго часа.

— Но какъ же мы войдемъ въ спальню короля Наваррскаго? У него ужъ, навѣрное, есть подозрѣнія и онъ запрется.

— У меня есть двойные ключи отъ всѣхъ дверей, — сказала Екатерина, — а задвижки отъ двери Генриха отвинтили. До скораго свиданія, г. де-Морвель. Я велю провести васъ въ оружейный кабинетъ короля... Ахъ, кстати не забудьте, что приказаніе короля должно быть исполнено въ точности и никакихъ извиненій не принимается. Неудача скомпрометировала бы честь короля. Это очень важно.

И Екатерина, не дожидаясь отвѣта, позвала начальника караула и велѣла ему провести Морвеля въ оружейный кабинетъ.

XXXI.

Охота.

Загонщикъ, выслѣдившій кабана и ручавшійся королю, что звѣрь лежитъ въ берлогѣ, не ошибся.

Какъ только ищейку пустили по слѣду, она бросилась въ чащу терновника и оттуда выскочилъ громадный кабанъ.

Онъ побѣжалъ прямо и пересѣкъ дорогу шагахъ въ пятидесяти отъ короля. Одна только ищейка, спугнувшая его, гналась за нимъ. Тотчасъ же спустили первую стаю, и собакъ двадцать бросились за кабаномъ.

Охота была страстью Карла. Какъ только кабанъ перебѣжалъ черезъ дорогу, король, трубя въ рогъ, поскакалъ за нимъ, въ сопровожденіи герцога Алансонскаго и Генриха, которому Маргарита показала знакомъ, чтобы онъ не отставалъ отъ короля.

Всѣ остальные охотники тоже послѣдовали за ними.

Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ романѣ, королевскіе лѣса были совсѣмъ не похожи на теперешніе лѣса-парки, прорѣзанные широкими аллеями, удобными для ѣзды въ экипажахъ. Деревья въ тогдашнихъ лѣсахъ были посѣяны не учеными лѣсничими. Они располагались не косыми рядами, а росли на свободѣ всюду, куда вѣтеръ занесъ сѣмена. И въ ту эпоху въ королевскихъ лѣсахъ водилось множество кабановъ, оленей, волковъ и разбойниковъ.

Изъ средины Бондійскаго лѣса около дюжины тропинокъ расходились лучами, какъ спицы колеса, и заканчивались у дороги, которая окружала ихъ, какъ ободъ. А ступицей этого колеса служилъ единственный перекрестокъ въ центрѣ лѣса. Сюда обыкновенно съѣзжались отбившіеся охотники и отсюда, завидя охоту, снова присоединялись къ ней.

Черезъ четверть часа случилось то, что всегда случается въ такихъ случаяхъ: препятствія, почти непреодолимыя, встрѣтились на пути охотниковъ и задержали ихъ, голоса собакъ замерли вдали и даже самъ король вернулся къ перекрестку, разражаясь, какъ всегда, бранью и проклятіями.

— Ну, что, Алансонскій? Что, Генрихъ? — воскликнулъ онъ. — Вы оба, чортъ возьми, спокойны и безмятежны, какъ монахини, идущія за игуменіей. Какая же это охота! Тебя, Алансонскій, какъ будто только что вынули изъ футляра, и ты такъ пропахъ духами, что собаки, навѣрное, потеряютъ слѣдъ, если ты проѣдешь между ними и кабаномъ. А вы что же, Генрихъ? Гдѣ ваша рогатина и пищаль? Ну?

— Къ чему мнѣ пищаль, государь? — сказалъ Генрихъ. — Я знаю, что ваше величество любите застрѣлить звѣря, когда онъ защищается отъ собакъ. Что же касается до рогатины, то я плохо справляюсь съ нею. Она не въ употребленіи у насъ въ горахъ; мы выходимъ на медвѣдя просто съ кинжаломъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ король. — Вернувшись въ свои Пиринеи, Генрихъ, ты долженъ будешь прислать мнѣ больше медвѣдей. Какая это, должно-быть, чудная охота!

Такъ пріятно схватиться съ звѣремъ, который можетъ задушить тебя!.. Послушайте, это, кажется, собаки? Нѣтъ, я ошибся.

Король затрубилъ въ рогъ. Въ отвѣтъ на это раздались звуки нѣсколькихъ роговъ. Вдругъ показался загонщикъ и протрубилъ сигналъ.

— Звѣрь! Звѣрь!..— воскликнулъ король.

И онъ поскакалъ въ галопъ, а за нимъ понеслись и остальные, бывшіе на перекресткѣ охотники.

Загонщикъ не ошибся. Чѣмъ дальше ѣхалъ король, тѣмъ слышнѣе становился лай собакъ, которыхъ было теперь около шестидесяти. Каждую стаю спускали, когда мимо нея пробѣгалъ кабанъ. Король увидалъ его во второй разъ и бросился за звѣремъ, трубя въ рогъ изо всѣхъ силъ.

Принцы нѣсколько времени скакали за нимъ. Но у короля была очень сильная лошадь, и онъ въ своемъ возбужденіи несся по такимъ ужаснымъ дорогамъ, черезъ такія чащи, что сначала отъ него отстали женщины, затѣмъ герцогъ Гизъ съ своей свитой и наконецъ принцы.

Такимъ образомъ всѣ, кромѣ Карла и нѣсколькихъ загонщиковъ, которые не хотѣли покинуть короля, такъ какъ ихъ соблазняла обѣщанная награда, собрались около перекрестка. Два принца стояли рядомъ на длинной тропинкѣ. Въ ста шагахъ отъ нихъ остановился герцогъ Гизъ съ своей свитой. На перекресткѣ собрались дамы.

— Не находите ли вы,—сказалъ Генриху герцогъ Алансонскій, показывая глазами на Гиза,— что этотъ человѣкъ съ своей закованной въ желѣзо свитой—настоящій король? Мы же—такіе жалкіе принцы, что онъ не удостоиваетъ насъ даже взглядомъ.

— А почему бы ему относиться къ намъ лучше, чѣмъ относятся къ намъ наши собственные родные?— спросилъ Генрихъ.— Развѣ мы съ вами не плѣнники при французскомъ дворѣ—не заложники нашей партіи?

Герцогъ Франсуа вздрогнулъ при этихъ словахъ и взглянулъ на Генриха, какъ бы вызывая его на откровенность. Но Генрихъ зашелъ и такъ дальше, чѣмъ предполагалъ, и молчалъ.

— Что вы хотите сказать, Генрихъ?— спросилъ Франсуа, недовольный тѣмъ, что зять его молчитъ и заставляетъ его самого спрашивать объясненій.

— Я говорю,— отвѣтилъ Генрихъ,— что эти такъ хорошо вооруженные люди какъ будто получили приказаніе не спускать съ насъ глазъ. Они похожи на стражей, готовыхъ помѣшать побѣгу двухъ плѣнниковъ.

— Побѣгу? Но зачѣмъ же... какъ?— спросилъ герцогъ, очень искусно прикинувшись ничего не понимающимъ.

— У васъ отличная испанская лошадь, Франсуа, — сказалъ Генрихъ, продолжая развивать все ту же мысль. — Я увѣренъ, что она можетъ сдѣлать семь лье въ часъ и двадцать лье до полудня. Погода прекрасная — такъ пріятно было бы теперь мчаться во весь опоръ! Видите вонъ ту дорогу? Неужели она не соблазняетъ васъ, Франсуа? А я такъ бы и понесся по ней!

Франсуа не отвѣчалъ и только то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Потомъ онъ вдругъ повернулъ голову, какъ бы прислушиваясь, не приближается ли охота.

„Извѣстія изъ Польши оказали свое дѣйствіе“, подумалъ Генрихъ. „У моего шурина есть свой планъ. Онъ былъ бы очень радъ, если бы я бѣжалъ; но одинъ я не сдѣлаю этого“.

Только что успѣлъ онъ подумать это, какъ показалась толпа новообращенныхъ католиковъ, вернувшихся ко двору мѣсяца два или три тому назадъ. Они подскакали къ принцамъ и, какъ-то особенно привѣтливо улыбаясь, поклонились имъ.

Герцогу Алансонскому, подготовленному намеками Генриха, стоило сказать только одно слово, сдѣлать одинъ жестъ. Эти тридцать или сорокъ всадниковъ, окружавшихъ принцевъ, какъ бы съ цѣлью охранять ихъ отъ свиты Гиза, безъ сомнѣнія, помогли бы имъ бѣжать. Но Франсуа отвернулся и, поднеся ко рту рогъ, протрубилъ сборъ.

Между тѣмъ, вновь прибывшіе, полагая, должно-быть, что колебаніе герцога Алансонскаго происходитъ отъ близости приверженцевъ Гиза, встали между ними и принцами и построились въ эшелоны съ ловкостью, доказывающею ихъ опытность въ воинскомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, теперь пришлось бы пробиваться сквозь ихъ ряды, чтобы подъѣхать къ герцогу Алансонскому и королю Наваррскому. И въ то же время передъ двумя кузенами былъ оставленъ свободный проѣздъ на уходившую вдаль дорогу.

Вдругъ изъ-за деревьевъ, шагахъ въ десяти отъ короля Наваррскаго, выѣхалъ еще какой-то всадникъ, котораго принцы до сихъ поръ не видали. Генрихъ вглядывался въ него и, когда тотъ приподнялъ шляпу, узналъ виконта Тюренна, одного изъ вожаковъ гугенотской партіи, который, какъ всѣ полагали, находился въ это время въ Пуату.

Виконтъ рѣшился даже сдѣлать знакъ, какъ бы спрашивая:

— Ѣдете вы?

Но Генрихъ, взглянувъ на безстрастное лицо и тусклые глаза герцога Алансонскаго, раза два или три покачалъ головою, какъ бы поправляя воротникъ камзола. Отвѣтъ былъ отрицательный. Виконтъ понялъ это и, пришпоривъ лошадь, исчезъ въ чащѣ.

Въ ту же минуту послышался лай приближающихся собакъ и въ концѣ тропинки, на которой поджидало общество, пробѣжалъ кабанъ; и слѣдомъ за нимъ пронеслись собаки, а затѣмъ, похожій на адскаго охотника, проскакалъ Карлъ IX, безъ шляпы, трубя въ рогъ, какъ безумный. Три или четыре загонщика слѣдовали за нимъ. Таваннъ исчезъ.

— Король! — воскликнулъ герцогъ Алансонскій и поѣхалъ за нимъ.

Генрихъ, ободренный присутствіемъ своихъ приверженцевъ, сдѣлалъ имъ знакъ подождать и подъѣхалъ къ дамамъ.

Въ это время снова послышался лай собакъ. Онъ приближался, а быстро двигавшееся облачко пара предупредило охотниковъ, чтобы они были наготовѣ.

Почти тотчасъ же показался кабанъ. Вмѣсто того, чтобы повернуть въ лѣсъ, онъ бросился по дорогѣ, прямо къ перекрестку. За кабаномъ бѣжали, насѣдая на него, тридцать или сорокъ самыхъ сильныхъ собакъ, а за собаками, шагахъ въ двадцати, несся во весь опоръ Карлъ, безъ шляпы, безъ плаща, въ изорванномъ иглами терновника платьѣ. Лицо и руки его были въ крови.

Король переставалъ трубить въ свой рогъ только для того, чтобы натравливать на кабана собакъ, и переставалъ натравливать ихъ только для того, чтобы снова браться за рогъ. Весь міръ исчезъ для него. Ели бы лошадь Карла не выдержала и упала, онъ закричалъ бы, какъ Ричардъ III: „Все царство за коня!“ Но лошадь была такъ же горяча и неутомима, какъ всадникъ. Ея ноги едва касались земли, изъ ноздрей ея, казалось, вылетало пламя.

Кабанъ, собаки и король промелькнули и исчезли, какъ видѣніе.

За королемъ слѣдовали на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ герцогъ Алансонскій и только два загонщика; остальные отстали, такъ какъ ихъ лошади совсѣмъ выбились изъ силъ.

Все общество поскакало за кабаномъ: было очевидно, что онъ скоро остановится.

Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ кабанъ свернулъ съ тропинки, бросился въ лѣсъ и, добѣжавъ до полянки, прислонился задомъ къ высокому камню, а мордой обернулся къ собакамъ.

На крики Карла, не отстававшаго отъ кабана, съѣхалось все общество.

Наступила самая интересная минута охоты. Звѣрь рѣшился, повидимому, отчаянно биться. Собаки, возбужденныя трехчасовой погоней, бросились на него съ остервенѣніемъ, которое еще усилилось отъ криковъ короля.

Всѣ охотники встали въ кругъ. Король былъ немного впереди; герцогъ Алансонскій съ пищалью и Генрихъ съ простымъ охотничьимъ ножомъ стояли позади него.

Герцогъ Алансонскій поднялъ пищаль и зажегъ фитиль; Генрихъ попробовалъ, легко ли вынимается ножъ изъ ноженъ.

Что касается до герцога Гиза, который относился нѣсколько презрительно къ псовой охотѣ, то онъ держался въ сторонѣ со всей своей свитой. Дамы тоже образовали отдѣльную группу.

Всѣ охотники съ тревожнымъ ожиданіемъ смотрѣли на кабана.

Въ сторонѣ стоялъ егерь и, напрягая всѣ силы, старался удержать двухъ громадныхъ собакъ въ кольчугахъ—любимцевъ короля. Онѣ выли и рвались на цѣпи, съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда имъ можно будетъ броситься на кабана.

Звѣрь защищался великолѣпно. Собакъ сорокъ бросились на него сразу. Онѣ окружили его и старались вцѣпиться ему въ шкуру, на которой поднялась дыбомъ щетина. Но онъ не поддавался. Сильнымъ ударомъ своихъ клыковъ онъ подбрасывалъ то одну, то другую собаку футовъ на десять отъ земли; она падала съ распоротымъ брюхомъ и, несмотря на то, что у нея вываливались внутренности, снова кидалась на кабана. Карлъ съ раздувающимися ноздрями и сверкающимъ взоромъ сидѣлъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, которая была вся въ мылѣ, и трубилъ въ рогъ, еще больше возбуждая собакъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ двадцать собакъ уже выбыли изъ строя.

— Спускайте моихъ собакъ! — крикнулъ Карлъ.

Егерь выпустилъ двухъ громадныхъ собакъ, которыхъ держалъ, и онѣ бросились въ свалку, пролагая себѣ дорогу своими желѣзными кольчугами. Добравшись до звѣря, онѣ кинулись на него и каждая впилась ему въ ухо.

Кабанъ защелкалъ клыками отъ ярости и боли.

— Браво, Дюрданъ! Браво, Рискту! — закричалъ король.— Держите его!.. Рогатину!..

— Не хотите ли мою пищаль? — спросилъ герцогъ Алансонскій.

— Нѣтъ! — воскликнулъ король. — Пуская пулю, не чувствуешь, какъ она входитъ въ тѣло, и потому это не можетъ доставить удовольствія. Когда убиваешь рогатиной—дѣло другое... Дайте рогатину!..

Королю подали рогатину съ желѣзнымъ наконечникомъ.

— Братъ, берегитесь! — воскликнула Маргарита.

— Ну же, ну! — закричала герцогиня Неверская.— Не промахнитесь, ваше величество!

— Будьте покойны, герцогиня! — отвѣтилъ Карлъ.

Онъ наставилъ рогатину и бросился на кабана, который не могъ избѣжать удара, такъ какъ его держали собаки. Однако, когда онъ увидалъ рогатину, ему все-таки удалось немного отклониться въ сторону и оружіе вмѣсто того, чтобы попасть ему въ грудь, скользнуло по лопаткѣ и ударилось о камень, къ которому онъ прислонялся.

— Тысяча чертей! — воскликнулъ король.— Я промахнулся!.. Рогатину!..

Королю подали другую рогатину.

Въ эту минуту кабанъ, предвидя ожидавшую его участь и желая избѣжать ея, вырвалъ у собакъ свои разорванныя уши. Ощетинившись, съ налитыми кровью глазами, щелкая клыками, онъ опустилъ голову и бросился къ лошади короля.

Карлъ, какъ опытный охотникъ, предвидѣлъ это нападеніе. Онъ натянулъ поводья и заставилъ лошадь подняться на дыбы. Но, должно-быть, онъ слишкомъ сильно натянулъ ихъ: лошадь опрокинулась и упала на спину.

Всѣ зрители вскрикнули отъ ужаса: подъ лошадь попала нога короля.

— Выпустите поводья, государь, выпустите поводья!—воскликнулъ Генрихъ.

Король выпустилъ ихъ, схватившись лѣвой рукой за сѣдло, старался вытащить правой свой охотничій ножъ. Но ножъ, придавленный всею тяжестью его тѣла, не вынимался изъ ноженъ.

— Кабанъ! Кабанъ! — воскликнулъ король: — Алансонскій... ко мнѣ!

Между тѣмъ лошадь, почувствовавъ свободу и какъ бы понимая, какой опасности подвергается ея сѣдокъ, напрягла всѣ силы и успѣла немного приподняться. Въ это время герцогъ Франсуа, къ которому обратился за помощью Карлъ, страшно поблѣднѣлъ и выстрѣлилъ изъ пищали. Но пуля попала не въ кабана, находившагося всего въ двухъ шагахъ отъ короля, а въ ногу лошади, и та снова упала.

Въ ту же минуту кабанъ распоролъ клыкомъ сапогъ короля.

— О! — прошепталъ посинѣвшими губами герцогъ Алансонскій.—Какъ кажется, герцогъ Анжуйскій будетъ французскимъ королемъ, а я польскимъ!

Кабанъ, дѣйствительно, уже собирался распороть клыкомъ ногу Карла, когда тотъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то приподнимаетъ ему руку. Блеснуло какое-то острое оружіе. Оно поднялось и вонзилось до рукоятки подъ лопатку звѣря, а потомъ чья-то рука въ желѣзной рукавицѣ оттащила отъ короля голову кабана.

Карлъ, которому, наконецъ, удалось высвободить изъ-подъ лошади ногу, съ трудомъ всталъ и, увидавъ на себѣ кровь, по

— Государь, — сказалъ Генрихъ, который, все еще стоя на колѣняхъ, удерживалъ пораженнаго въ сердце кабана. — Государь, все кончилось благополучно. Я успѣлъ во-время оттолкнуть клыкъ и ваше величество не ранены.

Сказавъ это, онъ всталъ съ колѣнъ, а кабанъ упалъ, и у него изъ пасти полилось еще больше крови, чѣмъ изъ раны.

Карлъ, окруженный испуганными лицами, слыша крики ужаса, которые могли смутить и самаго мужественнаго человѣка, чуть было не упалъ самъ около издыхающаго кабана. Но ему удалось оправиться. Обернувшись къ королю Наваррскому, онъ сжалъ ему руку и устремилъ на него глаза, въ которыхъ первый разъ въ его жизни блеснуло настоящее, неподдѣльное чувство.

— Благодарю, Генрихъ! — сказалъ онъ.

— Мой бѣдный братъ! — воскликнулъ, подходя къ Карлу герцогъ Алансонскій.

— А, это ты, Франсуа! — сказалъ король. — Куда же дѣвалась твоя пуля, знаменитый стрѣлокъ?

— Она, должно-быть, сплющилась о шкуру кабана, — отвѣтилъ герцогъ.

— Господи! — воскликнулъ вдругъ Генрихъ, необыкновенно ловко прикинувшись изумленнымъ. — Посмотрите-ка, Франсуа! Ваша пуля попала въ ногу лошади короля.

— Гмъ! Неужели это правда? — спросилъ король.

— Это, дѣйствительно, могло случиться, — отвѣтилъ перепуганный принцъ. — У меня такъ дрожала рука!

— И все-таки для хорошаго стрѣлка это очень странный выстрѣлъ, Франсуа, — сказалъ, нахмуривъ брови, король. — Благодарю еще разъ, Генрихъ!.. А теперь вернемтесь въ Парижъ, господа! — прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ. — Съ меня ужъ вполнѣ достаточно.

Маргарита подъѣхала къ Генриху, чтобы поздравить его.

— Да, поздравляй его, Марго, — сказалъ король, — и отъ всего сердца. — Безъ него король французскій назывался бы теперь Генрихомъ III.

— Герцогъ Анжуйскій и безъ того мой врагъ, — сказалъ Генрихъ, обращаясь къ Маргаритѣ, — а теперь онъ еще больше не взлюбитъ меня. Но какъ же быть? Всякій дѣлаетъ, что можетъ. Спросите хоть у герцога Алансонскаго.

И Генрихъ, вытащивъ изъ трупа кабана свой охотничій ножъ, два или три раза погрузилъ его въ землю, чтобы вытереть съ него кровь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Александръ Дюма.

Королева Марго.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.

Москва.—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 31 августа 1905 г.

I.

Братья.

Спасая Карла, Генрихъ спасъ не только жизнь человѣка: онъ помѣшалъ тремъ государствамъ перемѣнить королей.

На самомъ дѣлѣ, въ случаѣ смерти Карла IX герцогъ Анжуйскій сдѣлался бы французскимъ королемъ, герцогъ Алансонскій, по всей вѣроятности, польскимъ. А такъ какъ герцогъ Анжуйскій былъ любовникомъ г-жи Кондэ, то весьма возможно, что онъ отдалъ бы корону Наваррскую мужу въ награду за любезность жены.

Изъ всей этой перетасовки не вышло бы ничего хорошаго для Генриха; онъ только очутился бы во власти другого государя. Да вдобавокъ вмѣсто Карла IX, который относился къ нему довольно снисходительно, на французскій престолъ вступилъ бы герцогъ Анжуйскій, во всемъ похожій на Екатерину. Герцогъ поклялся убить его и, навѣрное, сдержалъ бы свое слово.

Всѣ эти соображенія пришли въ голову Генриху въ то время, какъ кабанъ бросился на Карла IX. Мы знаемъ, къ чему привели эти быстро, какъ молнія, промелькнувшія мысли: Генрихъ понялъ, что отъ жизни Карла зависитъ его собственная жизнь.

Короля спасла преданность Генриха, побудительную причину которой онъ не могъ понять.

Но Маргарита поняла все и была поражена страннымъ мужествомъ Генриха, которое, какъ молнія, сверкало только во время грозы.

Къ сожалѣнію, еще недостаточно было не допустить воцаренія герцога Анжуйскаго — оставалось еще сдѣлаться королемъ самому. Нужно было оспаривать Наварру у герцога Алансонскаго и принца Кондэ, а главное бѣжать отъ этого двора, гдѣ приходилось ходить между двумя пропастями.

На возвратномъ пути изъ Бонди Генрихъ все время раздумывалъ о своемъ положеніи. Когда онъ пріѣхалъ въ Лувръ, у него уже былъ готовъ планъ.

Не снимая сапогъ, не перемѣнивъ испачканнаго въ крови платья, Генрихъ пошелъ къ герцогу Алансонскому. Тотъ, сильно взволнованный, ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

Герцога передернуло, когда онъ увидалъ Генриха.

— Я понимаю, — сказалъ тотъ, взявъ его за руки,— я понимаю, мой дорогой братъ, что вы сердитесь на меня. Вѣдь я первый обратилъ вниманіе короля на то, что ваша пуля попала въ ногу лошади, а не въ кабана, въ котораго вы цѣлились. Но что же дѣлать? Я такъ удивился, что не могъ удержаться. Къ тому же, король все равно увидалъ бы это и самъ, не правда ли?

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія,—пробормоталъ герцогъ.— Но я все-таки не могу не приписать такого доноса злому умыслу съ вашей стороны. Вы сами видѣли, къ чему это повело: у брата Карла явились подозрѣнія, и это можетъ испортить наши отношенія.

— Мы сейчасъ потолкуемъ объ этомъ. А чтобы вы сами могли судить, съ злымъ ли умысломъ я проболтался, я и пришелъ къ вамъ.

— Хорошо, — сказалъ такъ же сдержанно, какъ всегда, герцогъ Алансонскій, — говорите, Генрихъ, я слушаю васъ.

— Когда вы выслушаете меня, Франсуа, вы увидите, какъ я отношусь къ вамъ: я хочу, отбросивъ осторожность, сдѣлать вамъ одно признаніе. И когда я сдѣлаю его, вамъ можно будетъ однимъ словомъ погубить меня.

— Что же это такое? — нѣсколько тревожно спросилъ Франсуа.

— А между тѣмъ, — продолжалъ Генрихъ, — я долго колебался говорить съ вами объ этомъ, въ особенности послѣ того, какъ вы прикидывались ничего непонимающимъ сегодня.

— Ну, право же, — сказалъ, поблѣднѣвъ, Франсуа, — я не понимаю, на что вы намекаете, Генрихъ.

— Ваши интересы такъ дороги мнѣ, братъ, что я не могу скрытничать съ вами. Знайте же, что гугеноты дѣлали мнѣ предложенія.

— Предложенія? — сказалъ герцогъ Алансонскій. — Какого рода?

— Одинъ изъ нихъ, де-Муи де-Сенъ-Фаль, сынъ храбраго де-Муи, убитаго Морвелемъ... вы, навѣрное, знаете его?

— Знаю.

— Такъ онъ, рискуя жизнью, явился ко мнѣ съ цѣлью до- ... что я плѣнникъ.

— ...ужели? И что же вы отвѣтили ему?

— Вы знаете, братъ, что я горячо люблю Карла, спасшаго мнѣ жизнь, и что королева Екатерина замѣнила мнѣ мать. А потому я, конечно, отказался отъ предложеній де-Муи.

— Что же онъ предлагалъ вамъ?

— Гугеноты хотятъ возстановить престолъ Наваррскій, а такъ какъ онъ принадлежитъ мнѣ по наслѣдству, то они и предлагаютъ мнѣ его.

— Такъ. И де-Муи вмѣсто согласія, о которомъ просилъ васъ, получилъ отказъ?

— Формальный, даже письменный. Но съ тѣхъ поръ...

— Вы передумали? — прервалъ его герцогъ Алансонскій.

— Нѣтъ, я только замѣтилъ, что де-Муи, недовольный мною, обратился съ своими требованіями къ другому.

— Къ кому же? — быстро спросилъ Франсуа.

— Не знаю. Можетъ-быть, къ принцу Кондэ

— Да, это возможно, — сказалъ герцогъ.

— Впрочемъ, — продолжалъ Генрихъ, — у меня есть средство узнать навѣрное, кого онъ выбралъ главой гугенотовъ.

Франсуа поблѣднѣлъ еще больше.

— Но между гугенотами существуетъ рознь, — продолжалъ Генрихъ. — Де-Муи храбрый и честный человѣкъ, но онъ представитель только одной партіи. Ну, а другая партія еще не потеряла надежды возвести на престолъ Генриха Наваррскаго, который хоть и отказался въ первую минуту, но потомъ могъ отдумать.

— Вы полагаете?

— Я каждый день получаю все новыя доказательства этого. Замѣтили вы, изъ кого состояла группа всадниковъ, присоединившихся къ намъ на охотѣ?

— Да, изъ новообращенныхъ католиковъ.

— А узнали вы ихъ предводителя, сдѣлавшаго мнѣ знакъ?

— Узналъ. Это былъ виконтъ де-Тюреннъ.

— Поняли вы, что они предлагали мнѣ?

— Они предлагали вамъ бѣжать.

— Изъ этого вы можете заключить, — сказалъ Генрихъ, — что есть другая партія, желанія которой не сходятся съ желаніями де-Муи.

— Другая партія? — спросилъ Франсуа, тревога котораго все усиливалась.

— Да, и очень сильная. Для того, чтобы добиться успѣха, слѣдовало бы соединить обѣ партіи: Тюренна и де-Муи. Заговоръ разгорается, войска готовы и ждутъ только сигнала. Положеніе очень серьезно, и я долженъ какъ можно скорѣе рѣшиться на что-нибудь. Но я колеблюсь между двумя рѣшеніями и пришелъ посовѣтоваться съ вами, какъ съ другомъ.

— Скажите лучше, какъ съ братомъ.

— Да, какъ съ братомъ.

— Говорите же, я слушаю.

— Прежде всего я долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ, Франсуа, чтобы вы лучше поняли меня. У меня нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ желаній; я простой дворянинъ, привыкшій къ деревенской жизни, бѣдный, неловкій, застѣнчивый. Ремесло заговорщика представляетъ для меня столько неудобствъ, что за нихъ не можетъ вознаградить надежда, хоть бы даже и вѣрная, получить корону.

— Нѣтъ, вы клевещете на себя, — возразилъ Франсуа. — Не можетъ быть, чтобы вы, принцъ, имѣя въ виду блестящую будущность, согласились ограничиться такой жалкой ролью. Я не вѣрю тому, что вы говорите.

— А между тѣмъ это правда, — сказалъ Генрихъ. — И если бы у меня былъ настоящій другъ, я отказался бы въ его пользу отъ власти, которую предлагаетъ мнѣ моя партія гугенотовъ. Но у меня нѣтъ такого друга, — съ грустной улыбкой прибавилъ Генрихъ.

— А можетъ быть и есть. Вы, навѣрное, ошибаетесь.

— Нѣтъ, ventre-saint-gris! Кромѣ васъ, Франсуа, никто не расположенъ ко мнѣ здѣсь. А мнѣ жаль Наварру. Я не хочу, чтобы она страдала отъ страшныхъ внутреннихъ междоусобій, которыя могутъ повести къ тому, что корона достанется человѣку недостойному. По-моему, ужъ лучше предупредить короля о томъ, что происходитъ. Я не буду называть никого, не стану входить ни въ какія подробности; я только хочу предотвратить катастрофу.

— О, Боже, что такое вы говорите? — воскликнулъ герцогъ Алансонскій, который былъ не въ состояніи скрыть свой ужасъ. — Какъ? Вы, единственная надежда партіи послѣ смерти адмирала, — вы, гугенотъ, принявшій католичество, какъ всѣ полагаютъ, только для виду, — вы хотите поднять ножъ на вашихъ братьевъ? Генрихъ, Генрихъ, неужели вы не понимаете, что, поступая такъ, вы подвергнете кальвинистовъ новой рѣзнѣ, вызовете вторую Варѳоломеевскую ночь? Развѣ вы не знаете, что Екатерина ждетъ только случая, чтобы перерѣзать всѣхъ гугенотовъ, оставшихся въ живыхъ?

Герцогъ дрожалъ, и на блѣдномъ лицѣ его выступили красныя пятна. Онъ сжималъ руку Генриха, умоляя его отказаться отъ намѣренія, которое могло погубить всѣ его расчеты.

— Вы думаете, что отъ этого произойдетъ столько бѣдъ? — добродушно сказалъ Генрихъ. — Но мнѣ кажется, что если король дастъ слово. то не пострадаетъ никто.

— Слово короля Карла, Генрихъ?.. Развѣ не давалъ онъ слово адмиралу? Не давалъ онъ его Телиньи и даже вамъ самому? Вѣрьте мнѣ, Генрихъ: если вы сдѣлаете это, то погубите ихъ всѣхъ. И даже не только ихъ, но и всѣхъ вступившихъ съ ними въ какія-либо сношенія.

Генрихъ задумался на минуту.

— Если бы я пользовался властью при дворѣ, то поступилъ бы иначе, — сказалъ онъ. — На вашемъ, напримѣръ, мѣстѣ, Франсуа, на мѣстѣ французскаго принца, можетъ-быть, намѣстника престола...

Франсуа иронически покачалъ головою.

— Что же сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ, Генрихъ?

— На вашемъ мѣстѣ, братъ, я всталъ бы во главѣ движенія, чтобы руководить имъ, — отвѣтилъ Генрихъ. — Мое имя и мое значеніе охранили бы мятежниковъ отъ опасности. И я извлекъ бы пользу для себя, а во-вторыхъ, для короля изъ предпріятія, которое иначе можетъ быть страшнымъ зломъ для Франціи.

Герцогъ Алансонскій съ восторгомъ слушалъ эти слова, и лицо его просвѣтлѣло.

— И вы полагаете, — сказалъ онъ, — что это средство удобоисполнимо и что оно можетъ устранить все, чего мы опасаемся?

— Да, я увѣренъ въ этомъ, — отвѣтилъ Генрихъ. — Гугеноты васъ любятъ. Ваша скромность, ваше высокое положеніе, благосклонность, съ какой вы всегда относились къ гугенотамъ, — все это дѣлаетъ ихъ вашими вѣрными слугами.

— Но вѣдь вы же сами говорили, что у гугенотовъ двѣ партіи. Тѣ изъ нихъ, которые стоятъ на вашей сторонѣ, можетъ-быть, не захотятъ перейти на мою?

— Я устрою это. У меня есть средство и даже два повліять на нихъ и доброе ихъ согласіе.

— Что же это за средства?

— Во-первыхъ, довѣріе, съ какимъ относятся ко мнѣ ихъ вожаки; во-вторыхъ, страхъ, который они будутъ чувствовать къ вамъ, когда узнаютъ, что вамъ извѣстны ихъ имена.

— А кто скажетъ мнѣ эти имена?

— Я, ventre-saint-gris!

— Вы сдѣлаете это?

— Слушайте, Франсуа, — сказалъ Генрихъ, — я уже говорилъ вамъ, что не люблю здѣсь никого, кромѣ васъ. Должно-быть, это происходитъ оттого, что васъ преслѣдуютъ, какъ и меня. Къ тому же жена моя очень привязана къ вамъ.

Франсуа вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Повѣрьте мнѣ, братъ, — продолжалъ Генрихъ, — возьмите это дѣло въ свои руки и будьте королемъ Наваррскимъ. Если вы дадите мнѣ мѣстечко за своимъ столомъ да хорошій лѣсъ для охоты, я буду считать себя вполнѣ счастливымъ.

— Быть королемъ Наваррскимъ! — сказалъ герцогъ. — Но если...

— Если герцогъ Анжуйскій будетъ королемъ Польскимъ — такъ? Я докончилъ вашу мысль?

Франсуа почти съ ужасомъ взглянулъ на Генриха.

— Слушайте же, Франсуа, — сказалъ Генрихъ, — вотъ это-то я и имѣю въ виду. Сознаюсь въ этомъ, такъ какъ отъ васъ все равно ничто не укроется. Итакъ, если герцогъ Анжуйскій будетъ королемъ Польскимъ, а нашъ братъ Карлъ — чего Боже упаси! — умретъ, то вѣдь отъ По до Парижа только двѣсти лье, тогда какъ отъ Кракова до Парижа — четыреста. И вы ужъ успѣете получить наслѣдство въ то время, какъ герцогъ Анжуйскій узнаетъ, что его братъ Карлъ скончался. Вотъ тогда, если вы будете довольны мною, Франсуа, вы отдадите мнѣ королевство Наваррское, которое будетъ только одной изъ жемчужинъ вашей короны. И я приму его. Самое худшее, что можетъ случиться съ вами, это то, что вы останетесь королемъ Наваррскимъ, будете жить со мной и моей семьей и станете родоначальникомъ королевской династіи. А какое положеніе занимаете вы здѣсь? Вы бѣдный, гонимый принцъ, третій сынъ короля, рабъ двухъ старшихъ братьевъ, которые изъ пустого каприза могутъ каждую минуту отправить васъ въ Бастилію.

— Да, да! — воскликнулъ Франсуа, — я сознаю все это, сознаю такъ хорошо, что не понимаю, почему вы сами отказываетесь отъ того, что предлагаете мнѣ. Неужели у васъ ничего здѣсь не бьется?

И герцогъ Алансонскій приложилъ руку къ сердцу Генриха.

— Есть тяжести, — съ улыбкой сказалъ Генрихъ, — которыя не всѣ руки могутъ поднять. Я, съ своей стороны, даже не стану пробовать поднимать эту тяжесть. Когда я подумаю, какъ это утомительно, во мнѣ пропадаетъ всякое желаніе власти.

— Значитъ, вы на самомъ дѣлѣ отказываетесь, Генрихъ?

— Я говорилъ это де-Муи и повторяю вамъ.

— Но въ подобныхъ вещахъ, — сказалъ герцогъ Алансонскій, — недостаточно словъ: нужны доказательства.

Генрихъ облегченно вздохнулъ, какъ боецъ, чувствующій, что силы его противника начинаютъ ослабѣвать.

— Я докажу это сегодня же вечеромъ, — сказалъ онъ. — Въ девять часовъ вы получите имена главныхъ заговорщиковъ и планъ заговора. Я уже передалъ де-Муи мой актъ отреченія.

Франсуа взялъ руку Генриха и крѣпко сжалъ ее въ своихъ.

Въ эту минуту Екатерина вошла въ комнату, какъ всегда, безъ доклада.

— Вмѣстѣ!—съ улыбкой сказала она.—Какіе дружные братья!

— Надѣюсь, что такъ, ваше величество,—спокойно сказалъ Генрихъ, между тѣмъ, какъ герцогъ Алансонскій поблѣднѣлъ отъ безпокойства.

Сказавъ это, Генрихъ отошелъ въ сторону, чтобы не мѣшать разговору Екатерины съ сыномъ.

Королева-мать вынула изъ ридикюля великолѣпный аграфъ.

— Этотъ аграфъ я получила изъ Флоренціи,—сказала она,— и хочу подарить тебѣ, Франсуа. Носи его на перевязи своей шпаги.

И она прибавила, понизивъ голосъ:

— Если ты сегодня вечеромъ услышишь шумъ въ комнатѣ твоего брата Генриха, оставайся у себя.

Франсуа пожалъ руку матери.

— Можно мнѣ, — спросилъ онъ, — показать ему чудный подарокъ, который вы мнѣ сдѣлали?

— Можешь не только показать, но и подарить ему отъ своего имени и отъ моего. Я уже заказала для него другой, совершенно такой же аграфъ.

— Слышите, Генрихъ? — сказалъ Франсуа. — Моя добрая матушка дала мнѣ вотъ этотъ аграфъ и, что еще дороже для меня, позволила подарить его вамъ.

Генрихъ пришелъ въ восхищеніе отъ подарка и разсыпался въ благодарностяхъ.

— Мнѣ немножко нездоровится, — сказала Екатерина, когда онъ кончилъ, — и я лягу въ постель. Карлу тоже не по себѣ послѣ этого приключенія на охотѣ и онъ хочетъ лечь. Значитъ, сегодня вечеромъ мы будемъ ужинать не всѣ вмѣстѣ, а каждый у себя... Ахъ, Генрихъ, я и забыла поблагодарить васъ за ваше мужество и находчивость. Вы спасли жизнь вашего брата и короля и будете вознаграждены за это.

— Я уже и такъ вознагражденъ, ваше величество,— поклонившись, отвѣтилъ Генрихъ.

— Да, сознаніемъ исполненнаго долга,—сказала Екатерина,— но этого еще недостаточно. Повѣрьте, что я и Карлъ постараемся расквитаться съ вами.

— Все, что я получу отъ васъ и моего добраго брата, будетъ принято мною съ благодарностью.

Съ этими словами Генрихъ поклонился и вышелъ.

„Теперь, любезный братецъ Франсуа,—думалъ онъ, выходя,— я увѣренъ, что мнѣ придется бѣжать одному. У заговора

теперь и сердце и голова. Только нужно поостеречься. Екатерина дѣлаетъ мнѣ подарокъ, Екатерина обѣщаетъ мнѣ награду. Тутъ уже, навѣрное, кроется какая-нибудь чертовщина. Сегодня вечеромъ нужно потолковать съ Маргаритой".

II.

Благодарность короля Карла IX.

Морвель пробылъ часть дня въ оружейномъ кабинетѣ короля. А передъ тѣмъ, какъ должны были вернуться охотники, Екатерина велѣла перевести его въ свою молельню вмѣстѣ съ его людьми.

Карлъ IX, вернувшись, узналъ отъ кормилицы, что какой-то человѣкъ пробылъ довольно долго у него въ кабинетѣ, и пришелъ въ страшный гнѣвъ. Но когда кормилица описала ему наружность этого человѣка и прибавила, что это тотъ самый, котораго она какъ-то вечеромъ приводила къ нему сама, король узналъ Морвеля и, вспомнивъ о приказѣ, который заставила подписать его утромъ мать, онъ понялъ все.

— Однако! — пробормоталъ онъ. — Въ тотъ самый день, какъ онъ спасъ мнѣ жизнь. Время выбрано очень неудачно.

Карлъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, намѣреваясь итти къ матери, но какая-то мысль остановила его.

— Чортъ возьми! — сказалъ онъ. — Если я заговорю съ ней объ этомъ, у насъ начнется споръ безъ конца. Лучше будетъ дѣйствовать поодиночкѣ и дѣлать каждому свое.

— Кормилица, — сказалъ онъ, — запри хорошенько всѣ двери и предупреди королеву Елизавету*), что мнѣ немножко нездоровится послѣ паденія съ лошади и я буду спать здѣсь.

Кормилица ушла, а Карлъ принялся сочинять списки, такъ какъ для исполненія принятаго имъ намѣренія было еще слишкомъ рано.

За этимъ занятіемъ время проходило необыкновенно быстро для короля. Пробило девять часовъ, а ему казалось, что нѣтъ еще и семи. Сосчитавъ удары, Карлъ всталъ.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ онъ. — Теперь самое время.

Онъ взялъ плащъ и шпагу и вышелъ въ маленькую потайную дверь, продѣланную въ стѣнѣ; о существованіи этой двери не знала даже Екатерина.

---

*) Карлъ IX былъ женатъ на Елизаветѣ Австрійской, дочери Максимиліана.

Карлъ отправился прямо къ королю Наваррскому, но не засталъ его. Послѣ разговора съ герцогомъ Алансонскимъ Генрихъ зашелъ къ себѣ только на минутку, чтобы переодѣться, и тотчасъ же ушелъ.

„Должно-быть, онъ отправился ужинать къ Марго,—подумалъ король.—Сегодня они были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось“.

И король пошелъ къ Маргаритѣ.

А у Маргариты сидѣли въ это время герцогиня Неверская, Коконна и ла-Моль и она угощала ихъ вареньемъ и пирожнымъ.

Карлъ постучалъ въ входную дверь. Гильона отворила ее и, увидавъ короля, пришла въ такой ужасъ, что едва могла поклониться ему и вмѣсто того, чтобы предупредить свою госпожу о прибытіи августѣйшаго гостя, она только вскрикнула и пропустила Карла безъ доклада.

Король прошелъ черезъ переднюю и, руководимый взрывами громкаго смѣха, направился въ столовую.

„Бѣдный Генрихъ, — думалъ онъ, — онъ веселится, не подозрѣвая ничего дурного!“

Карлъ приподнялъ портьеру и выставилъ свое смѣющееся лицо.

— Это я! — сказалъ онъ.

Маргарита испуганно вскрикнула; это лицо, хоть и веселое, произвело на нее дѣйствіе головы медузы. Она занимала мѣсто напротивъ двери и первая увидала Карла.

Мужчины сидѣли къ нему спиной.

— Его величество! — съ ужасомъ воскликнула Маргарита, вскочивъ съ мѣста.

Трое присутствующихъ совсѣмъ растерялись; только одинъ Коконна сохранилъ хладнокровіе. Онъ тоже всталъ, но съ такой искусной неловкостью, что опрокинулъ столъ, а вмѣстѣ съ нимъ хрусталь, посуду и свѣчи.

Въ одно мгновеніе комната погрузилась въ глубокій мракъ и наступило мертвое молчаніе.

— Спасайся!—шепнулъ ла-Молю Коконна.—Смѣлѣй! Смѣлѣй!

Ла-Моль не заставилъ повторять себѣ этого. Онъ бросился къ стѣнѣ и сталъ ощупью пробираться къ спальнѣ, чтобы спрятаться въ хорошо извѣстномъ ему кабинетѣ.

Но, войдя въ спальню, онъ столкнулся съ какимъ-то человѣкомъ, вышедшимъ изъ потайного хода.

— Что все это значитъ? — воскликнулъ въ темнотѣ Карлъ, въ голосѣ котораго слышалось сильное нетерпѣніе. — Почему при моемъ появленіи поднялась вся эта суматоха? Неужели я

такой нежеланный гость?.. Генрихъ! Генрихъ! Гдѣ ты? Отвѣчай мнѣ.

— Мы спасены! — шепнула Маргарита, схвативъ руку, которую приняла за руку ла-Моля. — Король думаетъ, что мой мужъ находится въ числѣ гостей.

— И я, со своей стороны, не стану разувѣрять его, — также тихо отвѣтилъ Генрихъ. — Можете быть покойны.

— Боже! — воскликнула Маргарита, тотчасъ же выпустивъ руку короля Наваррскаго, которую держала.

— Тише! — остановилъ ее Генрихъ.

— Тысяча чертей! — крикнулъ Карлъ. — Да о чемъ вы тамъ перешептываетесь? Генрихъ, гдѣ ты?

— Я здѣсь, государь, — отвѣтилъ король Наваррскій.

— Чортъ возьми! — шепнулъ Коконна, стоявшій въ углу съ герцогиней Неверской.— Дѣло усложняется.

— Теперь мы погибли вдвойнѣ,— сказала Генріэтта.

Коконна, смѣлый до безразсудства, пришелъ къ заключенію, что въ концѣ-концовъ все-таки придется зажечь свѣчи и что чѣмъ скорѣе сдѣлать это, тѣмъ лучше. А потому онъ выпустилъ руку герцогини Неверской, поднялъ подсвѣчникъ и, раздувъ уголекъ жаровни, зажегъ свѣчу.

Комната освѣтилась.

Карлъ IX вопросительно оглядѣлся кругомъ.

Генрихъ стоялъ рядомъ съ женой; герцогиня Неверская была одна, въ углу; Коконна стоялъ посреди комнаты со свѣчой въ рукѣ и освѣщалъ всю сцену.

— Извините насъ, братъ, — сказала Маргарита. — Мы не ожидали васъ.

— И ваше величество ужасно насъ испугали, — прибавила Генріэтта.

— Я, съ своей стороны, до того перепугался,— сказалъ Генрихъ, сообразивъ все, — что, вскочивъ съ мѣста, даже опрокинулъ столъ.

„Отлично,—подумалъ, взглянувъ на Генриха, Коконна.—Вотъ мужъ, понимающій все съ полуслова!“

— Какой здѣсь разгромъ!— сказалъ Карлъ.— И ужинъ твой пропалъ, Генрихъ. Пойдемъ со мной, ты докончишь его въ другомъ мѣстѣ. Сегодня я угощаю тебя.

— Ваше величество сдѣлаетъ мнѣ честь...

— Да, мое величество сдѣлаетъ тебѣ честь увести тебя изъ Лувра. Одолжи мнѣ его, Марго; я возвращу его тебѣ завтра утромъ.

— Вамъ не нужно мое позволеніе,— отвѣтила Маргарита.— Ваше желаніе — законъ.

— Я только возьму другой плащъ, государь,— сказалъ Генрихъ,— и сію минуту вернусь.

— Это совершенно лишнее, — возразилъ король. — И этотъ плащъ хорошъ.

— Но, ваше величество,— пробормоталъ беарнецъ.

— Повторяю тебѣ, чтобы ты не ходилъ къ себѣ. Тысяча чертей! Развѣ ты не слышишь, что я говорю? Ну, иди со мной!

— Да, да, ступайте, — сказала вдругъ Маргарита, сжавъ руку мужа. По странному взгляду, который бросилъ на него Карлъ, она поняла, что дѣло идетъ о чемъ-то серьезномъ.

— Я готовъ, ваше величество, — сказалъ Генрихъ.

Но король не ушелъ тотчасъ. Онъ обратилъ вниманіе на Коконна, продолжавшаго зажигать свѣчи.

— Кто это? — спросилъ онъ, оглядывая пьемонтца съ головы до ногъ. — Ужъ не ла-Моль ли?

„Отъ кого могъ онъ услыхать про ла-Моля?“ подумала Маргарита.

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ Генрихъ.— Г. де-ла-Моля здѣсь нѣтъ, и я очень сожалѣю, что не могу представить его вашему величеству въ одно время съ г. Коконна. Это два неразлучныхъ друга; оба они состоятъ на службѣ у герцога Алансонскаго.

— А! У нашего знаменитаго стрѣлка, — сказалъ Карлъ. — Такъ! А графъ де-ла-Моль, какъ кажется, гугенотъ? — прибавилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Обращенный въ католичество, государь, — отвѣтилъ Генрихъ. — Я ручаюсь за него, какъ за себя.

— Если ты ручаешься за него, Генрихъ, то, послѣ того, что ты сдѣлалъ для меня сегодня, я не имѣю права сомнѣваться въ немъ. Однако мнѣ все-таки хотѣлось бы увидать этого ла-Моля. Ну, все равно, отложимъ это до другого раза.

Снова внимательно оглядѣвъ комнату, Карлъ поцѣловалъ Маргариту и, взявъ подъ руку ея мужа, увелъ его.

У воротъ Лувра Генрихъ хотѣлъ остановиться на минуту, чтобы поговорить съ кѣмъ-то, но король не допустилъ этого.

— Иди скорѣе, Генрихъ, — сказалъ онъ. — Говорю тебѣ, что сегодня вечеромъ воздухъ Лувра нездоровъ для тебя. Повѣрь же мнѣ, наконецъ, чортъ возьми!

— Ventre-saint-gris! — пробормоталъ Генрихъ.—Что же станется съ де-Муи, который будетъ ждать меня въ моей спальнѣ? Только бы воздухъ Лувра не оказался для него еще вреднѣе, чѣмъ для меня!

— Какъ видно, Генрихъ, — сказалъ король, когда они прошли по подъемному мосту, — ты не имѣешь ничего про-

того, что придворные герцога Алансонскаго ухаживаютъ за твоей женой?

— Изъ чего вы заключаете это, ваше величество?

— Развѣ этотъ Коконна не ухаживаетъ за Марго?

— Кто это сказалъ вамъ?

— Все равно, кто бы ни сказалъ.

— Это чистый вздоръ, ваше величество. Коконна, дѣйствительно, влюбленъ, но только въ герцогиню Неверскую.

— Неужели?

— Это вѣрно, ваше величество.

Карлъ расхохотался.

— Вотъ такъ штука!—сказала онъ.—Пусть-ка попробуетъ теперь Гизъ разсказывать мнѣ сказки! У него вытянется лицо, когда я, съ своей стороны, намэкну ему на подвиги его невѣстки. Впрочемъ, —подумавъ, прибавилъ король, —я хорошенько не помню, про кого онъ мнѣ говорилъ: про Коконна или про ла-Моля.

— Ни тотъ ни другой тутъ ни при чемъ, ваше величество,—сказалъ Генрихъ.—Я увѣренъ въ чувствахъ моей жены.

— Тѣмъ лучше, Генрихъ, тѣмъ лучше,—сказалъ король.—Для меня это гораздо пріятнѣе. Клянусь честью, ты такой славный малый, что я скоро буду, кажется, не въ состояніи обойтись безъ тебя.

Сказавъ это, король какъ-то особенно свистнулъ, и въ то же мгновеніе изъ-за угла улицы Бовье вышли четыре человѣка и присоединились къ нимъ. А затѣмъ они всѣ вмѣстѣ отправились въ центральную часть города.

Пробило десять часовъ.

— Ну, что же?—сказала Маргарита, когда Карлъ и мужъ ея ушли.—Сядемъ мы опять за столъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила герцогиня,—я еще до сихъ поръ не могу оправиться отъ страха. Да здравствуетъ домикъ на улицѣ Клошъ-Персе! Въ него нельзя войти, не осадивъ его, и тамъ наши храбрецы имѣютъ право обнажать шпаги... Чего ищете вы подъ стульями и въ шкапахъ, Коконна?

— Я ищу моего друга ла-Моля,—отвѣтилъ пьемонтецъ.

— Поищите его около моей спальни,—сказала Маргарита,—тамъ есть кабинетъ...

— Хорошо; я пойду туда.

И онъ отправился въ спальню.

— Ну, до чего же мы дошли?—послышался въ темнотѣ голосъ ла-Моля.

— Mordi!—мы дошли до десерта.

— А король Наваррскій?

— Онъ ничего не видалъ. Это очень удобный мужъ, и я отъ души желаю, чтобы у моей жены былъ такой же. Боюсь только, что это исполнится лишь въ томъ случаѣ, если она выйдетъ замужъ во второй разъ.

— А король Карлъ?

— Король — дѣло другое. Онъ увелъ мужа.

— Это вѣрно?

— Говорю тебѣ, что такъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ мнѣ честь взглянуть на меня съ боку, когда оказалось, что я на службѣ у герцога Алансонскаго, и искоса, когда узналъ, что я твой другъ.

— Ты думаешь, что ему дурно говорили обо мнѣ?

— Нѣтъ, я думаю, напротивъ, что ужъ слишкомъ хорошо. Но дѣло не въ этомъ. Наши дамы хотятъ, какъ кажется, отправиться на улицу Руа де-Сисиль. Идемъ провожать ихъ!

— Это невозможно, какъ ты знаешь и самъ.

— Почему невозможно?

— Потому что мы сегодня дежуримъ у герцога Алансонскаго.

— Mordi! А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такъ! Я все забываю, что мы состоимъ на службѣ и превратились изъ дворянъ въ лакеевъ.

Друзья вернулись къ Маргаритѣ и Генріэттѣ и объяснили, что имъ необходимо присутствовать при вечерней аудіенціи герцога.

— Хорошо, — сказала герцогиня Неверская, — а мы, съ своей стороны, отправимся.

— Можно узнать куда? — спросилъ Коконна.

— Вы слишкомъ любопытны, — сказала герцогиня. — Quaere et invenies.

Молодые люди поклонились и торопливо пошли къ герцогу Алансонскому.

Герцогъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и, повидимому, ждалъ ихъ.

— Вы являетесь слишкомъ поздно, господа, — сказалъ онъ.

— Еще только десять часовъ, ваше высочество, — возразилъ Коконна.

Герцогъ вынулъ свои часы.

— Да, вы правы, — сказалъ онъ. — А между тѣмъ въ Луврѣ всѣ уже улеглись.

— Точно такъ, ваше высочество. Прикажете ввести придворныхъ для вечерней аудіенціи?

— Я попрошу васъ, напротивъ, отпустить ихъ всѣхъ.

Молодые люди исполнили это приказаніе и вернулись къ герцогу.

— Ваше высочество ляжете въ постель или будете работать? — спросилъ Коконна.

— Ни то ни другое. Вы свободны до завтра, господа.

Друзья поклонились и вышли изъ комнаты.

— Сегодня, какъ кажется, никто въ Луврѣ не ночуетъ дома, — шепнулъ на ухо ла-Молю Коконна. — Ночь будетъ чортовски веселая, и мы тоже должны получить свою долю веселья.

Молодые люди вбѣжали на лѣстницу, перепрыгивая черезъ четыре ступеньки, взяли свои плащи и шпаги и бросились въ погоню за дамами, которыхъ и догнали на углу улицы Сентъ-Оноре.

А въ это время герцогъ Алансонскій сидѣлъ, запершись, у себя въ спальнѣ, и, чутко прислушиваясь, ждалъ, когда совершится то, на что намекнула ему мать.

III.

Богъ располагаетъ.

Глубокая тишина царила въ Луврѣ.

Маргарита и герцогиня Неверская отправились въ улицу Тизонъ. Коконна и ла-Моль побѣжали догонять ихъ. Король и Генрихъ ушли въ городъ. Герцогъ Алансонскій сидѣлъ у себя и съ какой-то смутной тревогой ожидалъ событій, о которыхъ упомянула его мать. Екатерина легла въ постель, а баронесса де-Совъ, сидя у ея изголовья, читала ей итальянскія сказки, слушая которыя, добрая королева отъ души смѣялась.

Давно уже Екатерина не была въ такомъ хорошемъ расположеніи духа. Съ аппетитомъ поужинавъ вмѣстѣ съ своими придворными дамами, посовѣтовавшись съ врачомъ и просмотрѣвъ дневной счетъ своего двора, она заказала молебенъ объ успѣхѣ какого-то важнаго предпріятія, отъ котораго, по ея словамъ, зависѣло счастье ея дѣтей. Екатерина, какъ настоящая флорентинка, имѣла обыкновеніе заказывать молебны и мессы объ удачномъ окончаніи дѣлъ, извѣстныхъ только Богу да ей.

Въ заключеніе всего королева-мать приняла Ренэ и выбрала у него нѣсколько новыхъ саше и духовъ.

— Узнайте, у себя ли моя дочь, королева Наваррская, — сказала она. — Если она дома, попросите ее притти посидѣть со мной.

Пажъ, которому Екатерина отдала это приказаніе, вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту вернулся въ сопровожденіи Гильоны.

— Что это значить? — спросила Екатерина. — Я желала видѣть мою дочь, а не служанку.

— Ваше величество, — сказала Гильона, — я сочла долгомъ лично доложить вашему величеству, что королева Наваррская вышла съ герцогиней Неверской.

— Вышла въ такой часъ?! — воскликнула Екатерина, нахмуривъ брови. — Куда же это?

— Въ собраніе алхимиковъ, — отвѣтила Гильона, — въ отелѣ герцога Гиза, въ павильонѣ герцогини Неверской.

— А когда она вернется домой? — спросила Екатерина.

— Собраніе затянется далеко за полночь, — отвѣтила Гильона, — и потому ея величество, по всей вѣроятности, останется у герцогини до утра.

— Маргарита счастлива, — сказала какъ бы про себя Екатерина. — У нея есть друзья, она королева, ее называютъ „ваше величество“. Да, она очень счастлива.

При этихъ словахъ присутствующіе съ трудомъ удержались отъ улыбки.

— Ну, что же, если ея нѣтъ... — продолжала Екатерина. — Вѣдь вы говорите, что она вышла?

— Да, съ полчаса тому назадъ, ваше величество.

— Все къ лучшему. Можете итти.

Гильона поклонилась и ушла.

— Продолжайте читать, Шарлотта, — сказала королева.

Шарлотта снова принялась за чтеніе.

Минутъ черезъ десять Екатерина прервала ее.

— Ахъ, кстати, — сказала она, — нужно отослать стражу изъ галлереи.

Это былъ сигналъ, котораго ждалъ Морвель.

Приказаніе Екатерины исполнили, и баронесса де-Совъ продолжала читать сказку.

Она читала безъ перерыва уже около четверти часа, какъ вдругъ до спальни донесся крикъ, такой дикій и ужасный, что волосы поднялись дыбомъ у присутствующихъ.

Вслѣдъ за крикомъ раздался пистолетный выстрѣлъ.

— Почему перестали вы читать, Шарлотта? — спросила Екатерина.

— Развѣ вы не слыхали, ваше величество? — спросила, поблѣднѣвъ, молодая женщина.

— Чего?

— Крика.

— И пистолетнаго выстрѣла, — прибавилъ капитанъ Нансэ.

— Крикъ и пистолетный выстрѣлъ? — повторила Екатерина. — Я, съ своей стороны, не слыхала ничего. Да и что же это за рѣдкость въ Луврѣ?.. Читайте, читайте, Шарлотта!

— Послушайте сами, ваше величество, — сказала баронесса, между тѣмъ какъ капитанъ Нансэ стоялъ, положивъ руку на эфесъ шпаги, но не смѣя уйти безъ позволенія королевы. — Раздаются какіе-то шаги... проклятія!

— Не прикажете ли узнать, въ чемъ дѣло, ваше величество? — спросилъ капитанъ Нансэ.

— Это совершенно лишнее, оставайтесь здѣсь, — отвѣтила Екатерина, опершись на локоть и приподнимаясь, какъ бы съ цѣлью придать еще больше силы своему приказанію. — Кто же будетъ охранять меня въ случаѣ какой-нибудь тревоги? Это просто, должно-быть, подрались пьяные швейцарцы.

Спокойствіе королевы представляло такой странный контрастъ съ ужасомъ, охватившимъ всѣхъ присутствующихъ, что баронесса де-Совъ, несмотря на свою робость, снова заговорила.

— Но вѣдь тамъ, навѣрное, убиваютъ кого-нибудь, ваше величество! — воскликнула она.

— Кого же, напримѣръ?

— Можетъ-быть, короля Наваррскаго, ваше величество. Шумъ слышенъ въ той сторонѣ, гдѣ его спальня.

— Глупая! — пробормотала королева. — Она всюду видитъ своего короля Наваррскаго!

— Боже, Боже! — воскликнула Шарлотта, упавъ въ кресло.

— Ну, вотъ и кончено, — сказала Екатерина и прибавила, обращаясь къ капитану. — Надѣюсь, что если произошелъ какой-нибудь безпорядокъ во дворцѣ, вы велите строго наказать виновныхъ... Читайте, Шарлотта!

И Екатерина опустилась на подушки. Она казалась слабой, изнеможенной, и присутствующіе замѣтили, что у нея на лбу выступили крупныя капли пота.

Баронесса де-Совъ не могла ослушаться такого рѣшительнаго приказанія; но только глаза и голосъ повиновались ему. Мысли ея были заняты другимъ; она съ ужасомъ представляла себѣ страшную опасность, которой подвергался ея возлюбленный. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ старалась она пересилить свое волненіе, но, наконецъ, не выдержала: голосъ ея ослабѣлъ, книга выпала изъ рукъ, и она лишилась сознанія.

Въ это время шумъ еще болѣе усилился. Въ коридорѣ послышались торопливые, тяжелые шаги, а потомъ раздалось два выстрѣла, отъ которыхъ зазвенѣли стекла въ окнахъ.

Екатерина удивлялась, что борьба продолжается такъ долго, встала съ постели и остановилась, выпрямившись во весь ростъ, блѣдная, съ широко открытыми глазами. Видя, что капитанъ бирается выбѣжать изъ комнаты, она остановила его.

Оставайтесь здѣсь всѣ, — сказала она, — я пойду сама и посмотрю, что такое тамъ происходитъ.

А вотъ что тамъ происходило или, вѣрнѣе, что произошло тамъ;

Оршанъ передалъ утромъ де-Муи ключъ отъ спальни Генриха. Въ отверстіе ключа была засунута свернутая въ трубочку бумажка, которую де-Муи вынулъ булавкой.

На бумажкѣ былъ написанъ пароль для входа въ Луврь въ эту ночь.

Кромѣ того, Оршанъ передалъ де-Муи на словахъ, что король Наваррскій проситъ его прійти къ нему въ Лувръ въ десять часовъ вечера.

Въ половинѣ десятаго де-Муи надѣлъ кольчугу, крѣпость которой уже не разъ испыталъ на дѣлѣ, а поверхъ нея шелковый камзолъ. Потомъ онъ пристегнулъ шпагу, засунулъ за поясъ пистолеты и накинулъ знаменитый вишневый плащъ, такой же, какъ у ла-Моля.

Мы знаемъ, что Генрихъ зашелъ только переодѣться и отправился къ Маргаритѣ. Онъ пришелъ къ ней какъ разъ во-время, чтобы замѣнить собою въ глазахъ короля ла-Моля, съ которымъ столкнулся въ спальнѣ. Въ эту самую минуту де-Муи, благодаря присланному ему Генрихомъ паролю, а въ особенности благодаря своему вишневому плащу, входилъ въ ворота Лувра.

Молодой человѣкъ отправился прямо къ королю Наваррскому, стараясь, по обыкновенію, подражать какъ можно лучше походкѣ ла-Моля. Въ передней его встрѣтилъ Оршанъ.

— Г. де-Муи, — сказалъ горецъ, — король ушелъ, но велѣлъ мнѣ провести васъ въ его спальню и попросить, чтобы вы подождали его тамъ. Если ему придется опоздать, онъ позволяетъ вамъ лечь на его постель.

Де-Муи вошелъ, не предлагая, съ своей стороны, никакихъ вопросовъ.

Чтобы не терять даромъ времени, гугенотъ взялъ перо и чернила и, подойдя къ висѣвшей на стѣнѣ великолѣпной картѣ Франціи, принялся отмѣчать и считать станціи отъ Парижа до По.

Но это занятіе отняло у него не болѣе четверти часа. И, покончивъ съ нимъ, де-Муи положительно не могъ придумать, что ему дѣлать.

Онъ раза два или три обошелъ кругомъ комнаты, протеръ себѣ глаза, зѣвнулъ, сѣлъ, потомъ всталъ и снова сѣлъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ воспользоваться позволеніемъ Генриха, въ которомъ, въ виду фамильярныхъ отношеній, существовав-

шихъ въ ту эпоху между принцами и придворными, не было, въ сущности, ничего особеннаго. Итакъ, де-Муи положилъ на ночной столикъ свои пистолеты, поставилъ на него лампу и растянулся на стоявшей въ глубинѣ комнаты постели съ темнымъ балдахиномъ, положивъ около себя обнаженную шпагу. Такъ какъ въ передней сторожилъ Оршанъ, то де-Муи былъ вполнѣ увѣренъ, что никто не застигнетъ его врасплохъ, и крѣпко заснулъ. И при этомъ онъ храпѣлъ такъ громко, что могъ бы поспорить въ этомъ отношеніи съ самимъ королемъ Наваррскимъ.

Въ это время шесть сбировъ со шпагами въ рукахъ и пистолетами за поясомъ тихо проскользнули въ коридоръ, изъ котораго маленькая дверка вела въ покои Екатерины, а большая — къ Генриху.

Впереди шелъ Морвель. Кромѣ обнаженной шпаги и кинжала, у него за поясомъ были засунуты его вѣрные пистолеты, прикрѣпленные серебряными аграфами.

Дойдя до двери Генриха, Морвель остановился.

— Вы знаете навѣрное, что часовыхъ нѣтъ въ коридорѣ? — спросилъ онъ, обратившись къ одному изъ людей, повидимому, начальнику маленькаго отряда.

— Да, тамъ нѣтъ ни одного.

— Хорошо. Теперь нужно только узнать, здѣсь ли тотъ, кого мы ищемъ.

— Позвольте! — сказалъ начальникъ сбировъ, схвативъ за руку Морвеля, собиравшагося отворить дверь. — Вѣдь здѣсь спальня короля Наваррскаго.

— Никто и не споритъ съ вами, — отвѣтилъ Морвель.

Сбиры съ удивленіемъ переглянулись, а начальникъ ихъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— И вы хотите, — сказалъ онъ, — арестовать кого-то въ этотъ часъ въ Луврѣ, въ комнатѣ короля Наваррскаго?

— А что же скажете вы, — спросилъ Морвель, — если я объявлю вамъ, что нужно арестовать самого короля Наваррскаго?

— Я скажу, что это дѣло серьезное и что безъ приказа, подписаннаго королемъ Карломъ IX...

— Прочитайте вотъ это, — прервалъ его Морвель.

И, вынувъ изъ кармана приказъ, онъ подалъ его начальнику сбировъ.

— Хорошо, — сказалъ тотъ, прочитавъ его, — въ такомъ случаѣ я не могу возразить ничего.

— И вы готовы исполнить приказъ?

— Готовъ.

— Хорошо, — сказалъ Морвель. — Такъ мы устроимся вотъ какъ: двое останутся около этой двери, двое будутъ стоять около двери спальни и двое войдутъ въ нее вмѣстѣ со мной.

— А дальше? — спросилъ начальникъ сбировъ.

— Выслушайте меня внимательно, — продолжалъ Морвель. — Мы не должны допускать ни криковъ ни сопротивленія со стороны того, кого намъ приказано арестовать. За всякое противодѣйствіе этому приказу — смерть.

— Ну, идемъ! — сказалъ начальникъ сбировъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, который долженъ былъ войти вмѣстѣ съ нимъ въ спальню Генриха. — Приказъ ясенъ.

— Вполнѣ, — подтвердилъ Морвель.

— Бѣдный король Наваррскій! — сказалъ одинъ изъ сбировъ. — Должно-быть, ему ужъ на роду написана такая судьба.

— Она написана и здѣсь, — замѣтилъ Морвель, взявъ у начальника сбировъ приказъ и спрятавъ его въ грудной карманъ камзола.

Потомъ онъ вложилъ въ замокъ данный ему Екатериной ключъ и, оставивъ около входной двери двухъ сбировъ, вошелъ съ остальными четырьмя въ переднюю.

— Ага! — шепнулъ онъ, услыхавъ долетавшій сюда изъ спальни громкій храпъ. — Мы, какъ кажется, найдемъ здѣсь того, кого ищемъ!

Оршанъ, думая, что вошелъ король, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и очутился лицомъ къ лицу съ пятью вооруженными людьми.

При видѣ Морвеля, прозваннаго „Убійцей королей", вѣрный слуга отступилъ и заслонилъ дверь спальни.

— Кто вы? — спросилъ онъ. — Что вамъ нужно?

— Гдѣ твой господинъ? — сказалъ Морвель. — Приказываю тебѣ отвѣчать именемъ короля!

— Мой господинъ?

— Да, король Наваррскій.

— Короля Наваррскаго нѣтъ дома, — отвѣтилъ Оршанъ, продолжая охранять дверь, — и потому вамъ незачѣмъ входить сюда.

— Это ложь! — сказалъ Морвель. — Дай дорогу!

Беарнцы упрямы. Оршанъ заворчалъ, какъ собака его родныхъ горъ, и не двинулся съ мѣста.

— Вы не войдете, — повторилъ онъ, — короля Наваррскаго нѣтъ дома.

И онъ ухватился за дверь.

Морвель сдѣлалъ знакъ. Четыре сбира бросились на упрямца и оттащили его отъ двери, за которую онъ держался, а когда онъ хотѣлъ крикнуть, Морвель зажалъ ему ротъ рукой

Оршанъ вцѣпился зубами въ руку Морвеля, который съ глухимъ крикомъ отдернулъ ее и ударилъ слугу по головѣ эфесомъ своей шпаги. Оршанъ пошатнулся и упалъ, крича: „Убійцы! Убійцы! Убійцы!“

Голосъ его замеръ, и онъ потерялъ сознаніе.

Два сбира остановились около двери, а остальные два и Морвель вошли въ спальню.

При свѣтѣ горѣвшей на ночномъ столикѣ лампы они увидали кровать съ опущеннымъ занавѣсомъ.

— А онъ, какъ кажется, уже не храпитъ, — шепнулъ начальникъ сбировъ.

— Ну, сразу! — сказалъ Морвель.

Въ отвѣтъ на это изъ-за занавѣса раздался хриплый крикъ, похожій скорѣе на львиный ревъ, чѣмъ на человѣческій голосъ. Занавѣсъ стремительно распахнулся, и сбиры увидали сидящаго на постели человѣка въ кольчугѣ и шишакѣ, закрывавшемъ ему лобъ до самыхъ глазъ. Онъ держалъ въ рукахъ пистолеты; шпага лежала у него на колѣняхъ.

Волосы поднялись дыбомъ на головѣ Морвеля, когда онъ узналъ де-Муи. Онъ страшно поблѣднѣлъ и отшатнулся назадъ, какъ будто увидалъ призракъ.

Де-Муи всталъ съ постели и сдѣлалъ шагъ впередъ. Такимъ образомъ, тотъ, кому слѣдовало бы защищаться, нападалъ; тотъ же, кому нужно было нападать, отступалъ.

— А, злодѣй! — глухимъ голосомъ сказалъ де-Муи. — Ты хочешь убить меня, какъ убилъ моего отца!

Только два сбира, вошедшіе въ спальню вмѣстѣ съ Морвелемъ, слышали эти слова. Сказавъ ихъ, де-Муи прицѣлился въ лобъ Морвеля. Тотъ опустился на колѣни въ ту минуту, какъ де-Муи спускалъ курокъ, и когда раздался выстрѣлъ стоявшій позади Морвеля, сбиръ упалъ, пораженный въ сердце. Морвель тоже выстрѣлилъ, но пуля его сплющилась о кольчугу де-Муи.

Бросившись впередъ, гугенотъ однимъ ударомъ шпаги разсѣкъ голову другому сбиру и, обернувшись къ Морвелю, напалъ на него.

Бой былъ ужасенъ, но продолжался не долго. Черезъ нѣсколько минутъ Морвель почувствовалъ, что холодная сталь вонзается ему въ шею. Онъ дико вскрикнулъ и упалъ навзничь, опрокинувъ лампу, которая потухла.

Пользуясь темнотою, де-Муи, сильный и быстрый, какъ герой Гомера, бросился, наклонивъ голову, къ двери въ переднюю. Сбивъ съ ногъ одного сбира и оттолкнувъ другого, онъ ромелькнулъ, какъ молнія, между двумя сбирами, охраняв-

шими входную дверь, и выстрѣлилъ наудачу два раза въ коридоръ. Теперь онъ былъ спасенъ: у него оставался еще одинъ заряженный пистолетъ, не считая шпаги, наносившей такіе страшные удары.

Съ минуту де-Муи колебался, не зная, бѣжать ли ему къ герцогу Алансонскому, дверь къ которому, какъ ему показалось, немножко пріотворилась, или постараться уйти изъ Лувра. Рѣшившись на послѣднее, онъ снова побѣжалъ быстрѣе, соскочилъ съ десяти ступенекъ, добрался до воротъ, сказалъ пароль и крикнулъ, убѣгая:

— Ступайте наверхъ, тамъ убиваютъ именемъ короля!

Слова эти ошеломили часовыхъ, и безъ того уже встревоженныхъ доносившимися до нихъ выстрѣлами. А въ то время, какъ они стояли въ недоумѣніи, де-Муи свернулъ въ улицу де-Кокъ и исчезъ, не получивъ ни одной царапины.

Это происходило въ ту самую минуту, когда Екатерина остановила капитана Нансэ, сказавъ:

— Оставайтесь здѣсь всѣ. Я пойду сама и посмотрю, что такое тамъ происходитъ.

— Но вашему величеству можетъ грозить опасность, — возразилъ капитанъ. — Мой долгъ слѣдовать за вами.

— Останьтесь здѣсь! — сказала Екатерина еще болѣе повелительнымъ тономъ, чѣмъ въ первый разъ. — Королей охраняетъ сила болѣе могущественная, чѣмъ оружіе, сдѣланное человѣческими руками.

Капитанъ повиновался.

Екатерина взяла лампу, всунула босыя ноги въ бархатныя туфли и вышла изъ спальни. Войдя въ коридоръ, гдѣ еще не успѣлъ разлетѣться дымъ отъ выстрѣловъ, она неслышно, какъ тѣнь, двинулась къ комнатамъ короля Наваррскаго.

Кругомъ стояла глубокая тишина.

Дойдя до входной двери, Екатерина переступила черезъ порогъ и увидала въ передней лежащаго безъ чувствъ Оршана.

— А, вотъ слуга! — сказала она. — Немного подальше мы, навѣрное, увидимъ и господина.

И Екатерина вошла въ спальню.

Тутъ она задѣла ногой за что-то лежащее на полу и, опустивъ лампу, увидала, что это сбиръ съ разсѣченной головой. Онъ былъ мертвъ.

На разстояніи шаговъ трехъ отъ него лежалъ пораженный въ сердце начальникъ сбировъ, изъ груди котораго вырывалось предсмертное хрипѣніе.

Наконецъ, около постели лежалъ еще человѣкъ. Кровь лилась ручьями изъ двухъ ранъ у него на шеѣ; онъ бы[...]

денъ, какъ смерть, и, вытягивая свои скорченныя руки, тщетно старался приподняться.

Это былъ Морвель.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Екатерины. Она увидала, что кровать пуста и, оглядѣвшись кругомъ, напрасно искала между тремя людьми, лежавшими въ лужахъ крови, того, кого надѣялась найти.

Морвель узналъ Екатерину. Глаза его широко раскрылись, и онъ сдѣлалъ полный отчаянія жестъ.

— Ну, что же?—вполголоса спросила Екатерина.—Гдѣ онъ? Что съ нимъ сталось? Несчастный! Неужели вы дали ему спастись?

Морвель старался сказать что-то, но изъ его груди вырывались только хриплые, безсвязные звуки; красноватая пѣна показалась у него на губахъ и онъ покачалъ головою въ знакъ того, что не можетъ говорить.

— Да говори же!—воскликнула Екатерина.—Скажи хоть одно только слово!

Морвель показалъ на свою рану. Изъ груди его снова вырвалось нѣсколько безсвязныхъ звуковъ; онъ сдѣлалъ еще одно усиліе и, захрипѣвъ, потерялъ сознаніе.

Екатерина оглядѣлась по сторонамъ: ее окружали только трупы и умирающіе; лужи крови стояли на полу и гробовая тишина окутывала эту сцену.

Королева снова попробовала заговорить съ Морвелемъ, но на этотъ разъ онъ даже не пошевелился и лежалъ неподвижно. Изъ грудного кармана его камзола высовывалась какая-то бумага; это былъ подписанный королемъ приказъ объ арестѣ. Екатерина схватила его и спрятала къ себѣ на грудь.

Въ эту минуту сзади нея скрипнулъ паркетъ. Она обернулась и увидала стоявшаго около двери герцога Алансонскаго. Не выдержавъ, онъ пришелъ сюда и не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, которое представилось ему.

— Ты здѣсь?—сказала Екатерина.

— Да, ваше величество,—отвѣтилъ герцогъ.—Господи, что же такое здѣсь происходитъ?

— Иди къ себѣ, Франсуа, ты скоро узнаешь все.

Герцогъ Алансонскій зналъ гораздо больше, чѣмъ предполагала Екатерина. Онъ сталъ прислушиваться, какъ только раздались шаги сбировъ въ коридорѣ. Увидавъ, что эти люди вошли къ королю Наваррскому и сопоставивъ это со словами Екатерины, онъ понялъ, что должно произойти, и радовался, что рука сильнѣе его собственной поразитъ его опаснаго друга.

Вскорѣ раздались выстрѣлы. Франсуа услыхалъ, какъ кто-то пробѣжалъ по коридору, а затѣмъ дверь на лѣстницу распахнулась, коридоръ освѣтился и онъ увидалъ хорошо знакомый ему вишневый плащъ

— Де-Муи! — воскликнулъ герцогъ. — Де-Муи у короля Наваррскаго! Нѣтъ, это невозможно! Должно-быть, это ла-Моль.

Тревога охватила его. Онъ вспомнилъ, что сама Маргарита поручила его покровительству этого молодого человѣка, и рѣшилъ удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ пробѣжалъ по корридору.

Франсуа торопливо поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату двухъ пріятелей. Она была пуста, но въ углу висѣлъ вишневый плащъ ла-Моля. Теперь герцогъ уже не сомнѣвался: человѣкъ, котораго онъ видѣлъ мелькомъ, былъ не ла-Моль, а де-Муи.

Опасаясь, что гугенота схватятъ и онъ выдастъ тайну заговора, герцогъ, поблѣднѣвъ отъ ужаса, бросился къ воротамъ Лувра. Тамъ онъ узналъ, что человѣкъ въ вишневомъ плащѣ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ только что пробѣжалъ здѣсь, крикнувъ, что въ Луврѣ убиваютъ именемъ короля.

— Онъ ошибся, — пробормоталъ герцогъ Алансонскій. — Именемъ не короля, а королевы-матери.

Успокоившись относительно де-Муи, Франсуа пошелъ въ спальню короля Наваррскаго и увидѣлъ Екатерину, которая, какъ гіена, бродила среди мертвыхъ тѣлъ.

Исполняя приказаніе матери, онъ вернулся къ себѣ, прикинувшись спокойнымъ, несмотря на то, что тревожныя мысли волновали его.

Екатерина, въ отчаяніи отъ этой новой неудачи, позвала капитана Нансэ и распорядилась, чтобы вынесли трупы, а раненаго Морвеля отнесли домой, и не велѣла будить короля.

— Онъ опять-таки спасся! — пробормотала она, идя къ себѣ съ низко опущенной головой.—Десница Божія охраняетъ этого человѣка. Онъ будетъ царствовать! Онъ будетъ царствовать!

Отворяя дверь своей спальни, Екатерина провела рукой по лбу и постаралась улыбнуться.

— Что такое случилось, ваше величество? — спросили всѣ придворные, кромѣ баронессы де-Совъ, которая отъ волненія не могла произнести ни слова.

— Пустяки,—отвѣтила Екатерина.—Простая ссора и больше ничего.

— О! — воскликнула вдругъ баронесса де-Совъ, показывая на то мѣсто, гдѣ прошла королева. — Ваше величество говоритъ, что это пустяки, а между тѣмъ каждый шагъ вашъ оставляетъ кровавый слѣдъ на коврѣ!

IV.

Ночь королей.

Карлъ шелъ рядомъ съ Генрихомъ, опираясь на его руку, за ними слѣдовали четверо придворныхъ, впереди шли двое слугъ съ факелами.

— Уходя изъ Лувра, — сказалъ король, — я испытываю такое же пріятное чувство, какъ въ то время, когда вхожу въ прекрасный лѣсъ. Я дышу вольнѣе, я живу, я свободенъ!

Генрихъ улыбнулся.

— Въ такомъ случаѣ вашему величеству было бы хорошо въ горахъ Беарна! — сказалъ онъ.

— Да, и я понимаю, почему тебѣ такъ хочется вернуться туда, — сказалъ король. — Если это желаніе будетъ ужъ очень сильно и ты не выдержишь, — смѣясь, прибавилъ онъ, — то совѣтую тебѣ принять всѣ предосторожности: моя мать Екатерина такъ горячо любитъ тебя, что ни въ какомъ случаѣ не захочетъ разстаться съ тобой.

— Что будетъ дѣлать ваше величество сегодня вечеромъ? — спросилъ Генрихъ, спѣша перемѣнить опасный разговоръ.

— Я хочу кое съ кѣмъ познакомить тебя, Генрихъ. Ты скажешь свое мнѣніе.

— Я къ услугамъ вашего величества.

— Направо, направо! Мы идемъ въ улицу де-Барръ.

Короли прошли въ сопровожденіи своей свиты по улицѣ Саваннери и увидали, какъ изъ потайной двери отеля Кондэ вышли двое мужчинъ, закутанныхъ въ плащи. Одинъ изъ нихъ неслышно затворилъ за собой дверь.

— Ого! — сказалъ король Генриху, который, по своему обыкновенію, смотрѣлъ, но молчалъ. — На это нужно обратить вниманіе.

— Почему же государь?

— Я сказалъ это не на твой счетъ, Генрихъ, — съ улыбкой отвѣтилъ король. — Ты увѣренъ въ своей женѣ. Ну, а твой кузенъ Кондэ не совсѣмъ увѣренъ въ своей, а если увѣренъ, то очень глупо дѣлаетъ, чортъ побери!

— Но почему же вы знаете, ваше величество, что эти господа были у жены Кондэ?

— Предчувствіе говоритъ мнѣ это и предосторожности, которыя они принимаютъ. Увидавъ насъ, они прислонились къ двери и не трогаются съ мѣста. Кромѣ того, покрой плаща одного изъ нихъ, того, который пониже ростомъ... Чортъ возьми! Это было бы очень странно!

— Что?

— Такъ, ничего. Мнѣ пришла въ голову одна мысль... Идемъ!

И онъ направился прямо къ двумъ незнакомцамъ, которые, замѣтивъ это, пошли въ противоположную сторону.

— Эй, господа! — крикнулъ король. — Остановитесь!

— Намъ, что ли, говорятъ это? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

Король и Генрихъ вздрогнули, услыхавъ его голосъ

— Узнаешь ты этотъ голосъ, Генрихъ? — спросилъ король

— Государь, — отвѣтилъ беарнецъ, — если бы вашъ братъ, герцогъ Анжуйскій, не былъ въ настоящую минуту у Ла-Рошели, я поклялся бы, что это говорилъ онъ.

— Ну, значитъ, онъ не тамъ, — сказалъ Карлъ, — вотъ и все.

— А кто же это съ нимъ?

— Развѣ ты не узнаешь его спутника?

— Нѣтъ, государь.

— А между тѣмъ онъ такого роста, что его не трудно узнать. Ты сейчасъ увидишь его... Эй, остановитесь же, господа! — снова крикнулъ король. — Не слышите вы что ли чортъ возьми!

— Развѣ вы караульные, что останавливаете насъ? — спросилъ тотъ, который былъ выше ростомъ, высвобождая руку изъ складокъ плаща.

— Считайте насъ хоть за караульныхъ, — отвѣтилъ король, — но остановитесь, когда вамъ приказываютъ.

— Ты сейчасъ увидишь изверженіе вулкана, — шепнулъ онъ на ухо Генриху.

— Васъ восемь человѣкъ, — воскликнулъ высокій незнакомецъ, протянувъ руку и открывъ лицо, — но если бы васъ было хоть сто, я все равно сказалъ бы вамъ: „Прочь съ дороги!“

— Это герцогъ Гизъ! — прошепталъ Генрихъ.

— А, нашъ кузенъ Лотарингскій! — сказалъ король. — Наконецъ-то вы показались!

— Король! — воскликнулъ герцогъ.

Что касается до его спутника, то онъ старался еще плотнѣе завернуться въ плащъ и стоялъ неподвижно, обнаживъ голову изъ уваженія къ королю.

— Государь, — сказалъ герцогъ Гизъ, — я навѣщалъ мою невѣстку, г-жу Кондэ.

— Такъ... И вы взяли съ собой одного изъ вашихъ придворныхъ? Кого же?

— Ваше величество не знаете его, — отвѣтилъ герцогъ.

— Въ такомъ случаѣ мы познакомимся, — сказалъ король.

И, подойдя къ спутнику Гиза, онъ велѣлъ слугѣ приблизиться съ факеломъ.

— Прошу извиненія, братъ! — сказалъ съ худо скрытой досадой герцогъ Анжуйскій, открывъ лицо и поклонившись.

— А, это ты, Генрихъ!.. Но нѣтъ, это невозможно, я ошибаюсь... Мой братъ Анжуйскій не пошелъ бы ни къ кому, не повидавшись сначала со мной. Онъ знаетъ, что для принцевъ крови, въѣзжающихъ въ Парижъ, есть только одна дорога — въ ворота Лувра.

— Простите, государь, — отвѣтилъ герцогъ Анжуйскій. — Я прошу ваше величество извинить мой легкомысленный поступокъ.

— А что же дѣлалъ ты, братъ, въ отелѣ Кондэ? — насмѣшливо спросилъ король.

— Да, навѣрное, то самое, о чемъ вы только что говорили мнѣ, ваше величество, — замѣтилъ Генрихъ и, шепнувъ что-то на ухо королю, громко расхохотался.

— Что же это такое? — надменно спросилъ герцогъ Гизъ, который, какъ и всѣ придворные, привыкъ относиться нѣсколько свысока къ бѣдному королю Наваррскому. — Почему мнѣ нельзя навѣстить мою невѣстку? Вѣдь герцогъ Алансонскій навѣщаетъ же свою.

Генрихъ слегка покраснѣлъ.

— Какую невѣстку? — спросилъ Карлъ. — У него, насколько я знаю, есть только одна—королева Елизавета.

— Прошу извиненія, государь! Я хотѣлъ сказать: свою сестру, королеву Маргариту. Полчаса тому назадъ мы видѣли ея носилки, по сторонамъ которыхъ шли два какихъ-то франтика.

— Неужели?—спросилъ Карлъ. — Что скажешь ты на это, Генрихъ?

— Что королева Наваррская вольна отправиться, куда ей угодно, хоть я не думаю, чтобы она выѣхала изъ Лувра.

— А я увѣренъ въ этомъ, — сказалъ Гизъ.

— И я тоже, — замѣтилъ герцогъ Анжуйскій. — Носилки остановились на улицѣ Клошъ-Персе.

— Должно-быть, и ваша невѣстка, — сказалъ, обращаясь къ герцогу Гизу, Карлъ, — не эта, а вонъ та, — прибавилъ онъ, указавъ сначала на отель Кондэ, а потомъ на отель Гиза, — тоже отправилась вмѣстѣ съ нею. Онѣ, какъ вы знаете, неразлучны.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, ваше величество.

— Что же тутъ непонятнаго? Это, напротивъ, совершенно ясно. Вотъ потому-то носилки и сопровождали два франта.

— Если королева Наваррская и моя невѣстка ведутъ себя неприлично, — сказалъ Гизъ, — то попросимъ короля прекратить это.

— Оставимъ въ покоѣ г-жу Кондэ и герцогиню Неверскую, — вмѣшался Генрихъ. — За свою сестру у короля нѣтъ никакихъ основаній безпокоиться, а я вполнѣ увѣренъ въ своей женѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу выяснить это дѣло, — сказалъ король. — Только займемся имъ сами. Такъ вы говорите, братъ, что носилки остановились на улицѣ Клошъ-Персе?

— Да, государь.

— Вы узнаете мѣсто?

— Узнаю, государь.

— Такъ пойдемте туда и, хоть бы намъ пришлось поджечь этотъ домъ, мы узнаемъ, кто скрывается тамъ!

Съ такимъ намѣреніемъ, довольно опаснымъ для тѣхъ, кого оно касалось, два короля и два принца направились на улицу Сентъ-Антуанъ.

Когда они дошли до улицы Клошъ-Персе, Карлъ, не желавшій вмѣшивать въ дѣло постороннихъ, отослалъ придворныхъ, сказавъ, что они могутъ располагать своимъ временемъ, но въ шесть часовъ утра должны ждать его около Бастиліи съ двумя верховыми лошадьми.

На улицѣ Клошъ-Персе было только три дома, и поиски были тѣмъ легче, что двери двухъ домовъ отворились при первомъ же требованіи; одинъ изъ нихъ находился на углу улицы Сентъ-Антуанъ, другой—на углу улицы Руа де-Сисиль.

Что же касается до третьяго дома, то проникнуть въ него было нелегко. Его охранялъ уже извѣстный читателю нѣмецъ-привратникъ, человѣкъ очень несговорчивый. Въ эту ночь Парижу, казалось, было суждено представлять примѣры замѣчательной вѣрности слугъ.

Несмотря на то, что герцогъ Гизъ осыпалъ привратника угрозами на самомъ чистомъ саксонскомъ нарѣчіи, что Генрихъ Анжуйскій предлагалъ ему набитый золотомъ кошелекъ, а Карлъ называлъ себя начальникомъ патруля,—вѣрный нѣмецъ оставался непоколебимъ. А когда они все-таки продолжали настаивать, онъ просунулъ между желѣзными перекладинами дуло пищали. Но эта угроза только насмѣшила короля, его брата и герцога Гиза: желѣзныя полосы не позволяли пищали повернуться въ сторону и она могла быть опасна только для слѣпого, который всталъ бы противъ самаго дула. Что касается до Генриха Наваррскаго, то онъ не принималъ ника-

стія въ переговорахъ и сталъ поодаль, какъ бы нисколько не интересуясь всѣмъ происходившимъ.

Убѣдившись, что нельзя ни запугать ни соблазнить привратника, герцогъ Гизъ сдѣлалъ видъ, какъ будто уходитъ съ своими спутниками. Но они ушли недалеко. На углу улицы Сентъ-Антуанъ герцогъ нашелъ то, чего искалъ: это былъ громадный камень, одинъ изъ такихъ, какіе употребляли три тысячи лѣтъ тому назадъ Аяксъ, Теламанъ и Деамедъ. Гизъ взвалилъ его на плечи и пошелъ назадъ, сдѣлавъ своимъ спутникамъ знакъ слѣдовать за нимъ. Между тѣмъ привратникъ, думая, что незнакомцы, которыхъ онъ принялъ за грабителей, ушли совсѣмъ, заперъ калитку, но не успѣлъ еще задвинуть ее засовомъ. Герцогъ Гизъ воспользовался этимъ и съ страшной силой бросилъ камень въ калитку. Замокъ отлетѣлъ вмѣстѣ съ кускомъ дерева, въ которомъ былъ врѣзанъ, и калитка распахнулась, сваливъ съ ногъ привратника. Падая, онъ громко вскрикнулъ, чтобы предупредить объ опасности гарнизонъ, который безъ этого могъ бы быть застигнутъ врасплохъ.

Въ эту самую минуту ла-Моль переводилъ съ Маргаритой идиллію Θеокрита, а Коконна, ссылаясь на то, что онъ тоже грекъ, пилъ съ Генріэттой сиракузское вино. Крикъ привратника прервалъ и ученый и веселый разговоръ.

Въ одно мгновеніе осажденные потушили свѣчи, открыли окна и бросились на балконъ. Ла-Моль и Коконна, увидавъ подъ нимъ какихъ-то говорившихъ мужчинъ, стали бросать имъ въ головы все, что попадалось подъ руку, и въ то же время подняли страшный шумъ, размахивая шпагами, которыя съ громомъ ударялись плашмя объ стѣну. Королю, самому ожесточенному изъ осаждающихъ, попала въ плечо серебряная кружка, въ герцога Анжуйскаго полетѣло блюдо съ кампотомъ изъ лимоновъ и апельсиновъ, а въ герцога Гиза—большой кусокъ дичины.

Одинъ Генрихъ остался невредимъ. Онъ тихонько распрашивалъ привратника, котораго Гизъ привязалъ къ калиткѣ, но тотъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ какъ всегда:

— Ich verstehe nicht!

Женщины ободряли осажденныхъ и подавали имъ разные метательные снаряды, которые градомъ сыпались на осаждающихъ.

— Чортъ побери! — воскликнулъ Карлъ, когда брошенный съ балкона табуретъ ударилъ его по головѣ, нахлобучивъ ему шляпу до самаго носа.—Отворяйте сію же минуту или я велю повѣсить васъ всѣхъ!

— Мой братъ! — шепнула Маргарита ла-Молю.

— Король! — тихо сказалъ тотъ Генріэттѣ.

— Король! Король!—остановила герцогиня Коконна, тащившаго къ окну сундукъ. Онъ предназначалъ его для герцога Гиза, въ котораго, главнымъ образомъ, цѣлился, хоть и не зналъ его. — Говорю же вамъ, король!

Коконна оставилъ сундукъ и съ удивленіемъ взглянулъ на герцогиню.

— Король? — повторилъ онъ.

— Да, король.

— Значитъ, нужно бѣжать?

— Конечно. Ла-Моль и Маргарита уже ушли. Идемъ скорѣе!

— Куда?

— Да идемъ же!

Генріэтта схватила Коконна за руку и провела его черезъ потайную дверь въ сосѣдній домъ. А оттуда они вмѣстѣ съ Маргаритой и ла-Молемъ убѣжали черезъ калитку, выходившую на улицу Тизонъ.

— Гарнизонъ, какъ кажется, сдается, — сказалъ Карлъ.

Подождали нѣсколько минутъ; ни звука не доносилось до осаждающихъ.

— Должно-быть, они замышляютъ какую-нибудь хитрость,— сказалъ герцогъ Гизъ.

— Вѣрнѣе, они узнали голосъ моего брата короля,— возразилъ герцогъ Анжуйскій, — и обратились въ бѣгство.

— Имъ во всякомъ случаѣ придется пройти здѣсь,—сказалъ Карлъ.

— Да, если только у дома нѣтъ другого выхода,—замѣтилъ герцогъ Анжуйскій.

— Кузенъ, — сказалъ король герцогу Гизу, — возьмите-ка опять вашъ камень да выбейте эту дверь.

Герцогъ счелъ лишнимъ прибѣгать къ такой мѣрѣ. Эта дверь была не такъ крѣпка, какъ калитка, и онъ выбилъ ее ударомъ ноги.

— Факелы! — крикнулъ король.

Слуги подошли. Факелы потухли, но ихъ снова зажгли. Карлъ IX взялъ одинъ факелъ и подалъ другой герцогу Анжуйскому.

Гизъ пошелъ впередъ, держа шпагу въ рукѣ.

Генрихъ Наваррскій замыкалъ шествіе.

Вошли въ первый этажъ.

Въ столовой былъ сервированъ или, вѣрнѣе, десервированъ ужинъ, который, главнымъ образомъ, доставлялъ осажденнымъ метательные снаряды. Канделабры валялись на полу, мебель была разбросана, какъ попало, и вся посуда, кромѣ серебряной, была разбита вдребезги.

Перешли въ гостиную. Тамъ тоже не нашлось ничего, что могло бы выдать тѣхъ, кто былъ здѣсь. Греческія и латинскія книги и нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ — вотъ все, что увидали тамъ.

Спальня охраняла тайну еще лучше. Спускавшаяся съ потолка лампа съ алебастровымъ шаромъ была зажжена, но, повидимому, никто даже не входилъ въ спальню.

— Есть, навѣрное, другой выходъ, — сказалъ король.

— Навѣрное, такъ, — согласился герцогъ Анжуйскій

— Но гдѣ же онъ? — спросилъ герцогъ Гизъ.

Искали всюду, но не нашли ничего.

— Гдѣ привратникъ? — спросилъ король.

— Я привязалъ его къ калиткѣ, — отвѣтилъ герцогъ Гизъ.

— Разспросите его, кузенъ.

— Онъ не станетъ отвѣчать.

— Пустяки! Если развести небольшой огонекъ да немножко погрѣть ему ноги, такъ заговоритъ.

Генрихъ посмотрѣлъ въ окно.

— Привратника нѣтъ тамъ, — сказалъ онъ.

— Кто же отвязалъ его? — быстро спросилъ герцогъ Гизъ.

— Чортъ побери! — воскликнулъ король. — Значитъ, мы ничего не узнаемъ.

— Какъ видите, государь, — сказалъ Генрихъ, — нѣтъ никакихъ доказательствъ, что моя жена и невѣстка герцога Гиза были здѣсь.

— Это правда, — сказалъ Карлъ. — Не даромъ говорится, что не оставляютъ никакого слѣда: птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ и женщина...

— Итакъ, — прервалъ его Генрихъ, — намъ теперь лучше всего...

— Привести себя въ порядокъ, — докончилъ король. — Мнѣ позаботиться о моемъ ушибѣ, тебѣ, Анжуйскій, вытереть апельсинный сиропъ, а вамъ, Гизъ, счистить съ себя жиръ отъ жаркого изъ кабана.

И они всѣ четверо ушли, даже не потрудившись затворить за собою дверь.

— Куда вы отправляетесь, господа? — спросилъ король у своего брата и герцога Гиза, когда дошли до улицы Сентъ-Антуанъ.

— Къ Нантулье, государь, — отвѣтилъ герцогъ Анжуйскій. — Онъ ждетъ насъ ужинать, меня и кузена Лотарингскаго. Не пойдете ли и вы съ нами, ваше величество?

— Нѣтъ, благодарю, мы идемъ въ противоположную сторону. Хотите взять слугу съ факеломъ?

— Нѣтъ, ваше величество, — поспѣшно отвѣтилъ герцогъ Анжуйскій. — Просимъ принять нашу глубокую благодарность.

— Онъ боится, что я велю подсматривать за нимъ, — шепнулъ на ухо Генриху Наваррскому король и, взявъ его подъ руку, сказалъ:

— Идемъ, Генрихъ. Сегодня я угощаю тебя ужиномъ.

— Значитъ, мы пойдемъ не въ Лувръ? — спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, повторяю тебѣ это еще разъ, упрямецъ! Идемъ!

И онъ пошелъ вмѣстѣ съ Генрихомъ по улицѣ Жаффруа-Ланье.

V.

Анаграмма.

На половинѣ улицы Жаффруа-Ланье начиналась улица Гарнье, на другомъ концѣ которой тянулась направо и налѣво улица де-Барръ.

На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ угла, по направленію къ улицѣ Мортеллери, стоялъ уединенный домикъ въ саду, окруженномъ высокой стѣною съ калиткой.

Карлъ вынулъ изъ кармана ключъ, отперъ калитку и, пропустивъ впередъ Генриха и слугу съ факеломъ, снова заперъ ее за собою.

Въ домѣ было освѣщено только одно окно. Карлъ съ улыбкой показалъ на него Генриху.

— Государь, я не понимаю, — сказалъ тотъ.

— Ты сейчасъ поймешь.

Генрихъ съ удивленіемъ взглянулъ на Карла. Въ лицѣ и голосѣ короля была кротость, совершенно преображавшая его. Онъ былъ такъ непохожъ на себя, что Генрихъ не узнавалъ его.

— Я говорилъ тебѣ, Генрихъ, — сказалъ король, — что, уходя изъ Лувра, я ухожу какъ будто изъ ада. А входя сюда, я вхожу въ рай.

— Я очень счастливъ, — отвѣтилъ Генрихъ, — что ваше величество удостоили взять меня съ собою на небо.

— Дорога туда узка, — продолжалъ король, поднимаясь по узенькой лѣсенкѣ, — но это еще увеличиваетъ сходство съ раемъ.

— Какой же ангелъ охраняетъ входъ въ вашъ эдемъ, государь?

— Ты сейчасъ увидишь, — отвѣтилъ Карлъ.

Сдѣлавъ Генриху знакъ тихонько слѣдовать за нимъ, онъ отворилъ одну дверь, потомъ другую и остановился на порогѣ, шепнувъ:

— Гляди!

Генрихъ подошелъ и остановился какъ вкопанный, смотря на одно изъ самыхъ чудныхъ зрѣлищъ, какія когда-либо видѣлъ.

Молодая женщина лѣтъ восемнадцати или девятнадцати спала, положивъ голову на постель спящаго ребенка. Она прижимала къ губамъ его маленькія ножки, а длинные волосы ея разсыпались по плечамъ, какъ золотыя волны.

— О, государь,—прошепталъ король Наваррскій,—кто эта прелестная красавица?

— Это ангелъ моего рая, Генрихъ, — отвѣтилъ король. — Она одна только любитъ меня, какъ человѣка, а не какъ короля.

Генрихъ улыбнулся.

— Да, какъ человѣка, — повторилъ Карлъ. — Она любила меня, еще не зная, что я король.

— А съ тѣхъ поръ, какъ узнала?

— Съ тѣхъ поръ, какъ узнала, — сказалъ Карлъ со вздохомъ, доказывающимъ, какъ тяжела казалась ему иногда его кровавая корона, — она все же любитъ меня. Можешь по этому судить самъ.

Король подошелъ на цыпочкахъ къ молодой женщинѣ и слегка прикоснулся губами къ ея розовой щечкѣ.

Но какъ ни легко было это прикосновеніе, она все-таки проснулась.

— Карлъ! — прошептала она, открывая глаза.

— Слышишь? — сказалъ Генриху король. — Она называетъ меня Карломъ. Королева зоветъ меня государемъ.

— Вы не одни? — воскликнула молодая женщина.

— Не одинъ, моя дорогая Марія. Я привелъ къ тебѣ другого короля. Онъ счастливѣе меня, потому что не носитъ короны, и несчастнѣе, потому что у него нѣтъ Маріи Тушэ. Каждому свое.

— Это король Наваррскій? — спросила Марія.

— Да, онъ самый, мое дитя. Подойди, Генрихъ.

Когда Генрихъ подошелъ, король взялъ его за правую руку.

— Взгляни на эту руку, Марія, — сказалъ онъ. — Это рука добраго брата и вѣрнаго друга. Не случись ея сегодня...

— Что же, Карлъ?

— Не случись ея сегодня, Марія, у нашего ребенка не было бы отца.

Марія вскрикнула, упала на колѣни и, схвативъ руку Генриха, поцѣловала ее.

— Хорошо, Марія, хорошо, — сказалъ Карлъ.

— А чѣмъ же вы отблагодарили его, ваше величество?

— Я отплатилъ ему тѣмъ же.

Генрихъ съ удивленіемъ взглянулъ на Карла.

— Ты потомъ поймешь мои слова, Генрихъ,—сказалъ тотъ.— А пока взгляни вотъ сюда.

И онъ подошелъ къ постели, на которой лежалъ ребенокъ.

— Если бы этотъ толстенькій мальчуганъ, — сказалъ король, — спалъ не здѣсь, въ скромномъ домикѣ на улицѣ де-Барръ, а въ Луврѣ, это измѣнило бы многое въ настоящемъ, а можетъ-быть, и въ будущемъ *).

— Мнѣ пріятнѣе, что онъ здѣсь, а не въ Луврѣ, — сказала Марія. — Тутъ онъ спитъ спокойнѣе.

— Не будемъ же мѣшать ему, — сказалъ король. — Такъ хорошо спать, не зная тревожныхъ сновъ.

— Не угодно ли вашему величеству пройти туда? — спросила Марія, показывая на одну изъ дверей.

— Да, идемъ ужинать, — отвѣтилъ король.

— Вы попросите короля Наваррскаго извинить меня, мой дорогой Карлъ? — сказала Марія.

— Въ чемъ же это?

— Въ томъ, что я отослала слугъ... Государь,—продолжала Марія, обращаясь къ Генриху, — Карлъ любитъ, чтобы никто, кромѣ меня, не прислуживалъ ему.

— Ventre-saint-gris! — воскликнулъ Генрихъ,— это вполнѣ понятно.

Мужчины прошли въ столовую, а любящая, заботливая мать накрыла маленькаго Карла теплымъ одѣяломъ. Онъ спалъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ, которому завидовалъ его отецъ, и не проснулся.

Укрывъ ребенка, Марія тоже вошла въ столовую.

— Здѣсь приготовлено только два прибора, — сказалъ Карлъ.

— Позвольте мнѣ прислуживать вамъ обоимъ, — сказала Марія.

— Вотъ видишь, Генрихъ, ты приносишь мнѣ несчастье,— сказалъ Карлъ.

— Почему же это, государь?

— Развѣ ты не слышишь?

— Прости, прости меня, Карлъ! — сказала Марія.

— Хорошо, прощаю. Только садись вотъ здѣсь, между нами.

— Изволь.

Она принесла еще одинъ приборъ, сѣла между двумя королями и стала угощать ихъ.

---

*) Этотъ ребенокъ — знаменитый впослѣдствіи герцогъ Ангулемскій, умершій въ 1650 году—былъ незаконнымъ сыномъ Карла IX.

— А вѣдь пріятно, — сказалъ король, — имѣть такое мѣстечко, гдѣ можно ѣсть и пить, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь другой попробовалъ сначала кушанье и вино!

— Повѣрьте, государь, — отвѣтилъ Генрихъ, — что я цѣню это счастье больше, чѣмъ кто-либо другой.

— Такъ скажи же ей, Генрихъ, что для того, чтобы это счастье продолжалось, ей не слѣдуетъ вмѣшиваться въ политику, а въ особенности знакомиться съ моей матерью.

— Королева Екатерина, дѣйствительно, любитъ ваше величество такъ горячо, что, навѣрное, стала бы ревновать,—отвѣтилъ Генрихъ, желая уклониться отъ опасной откровенности короля.

— Рекомендую тебѣ, Марія, — сказалъ Карлъ, — одного изъ самыхъ осторожныхъ и проницательныхъ людей, какихъ я когда-либо зналъ. Онъ провелъ при дворѣ всѣхъ, а это не шутка. Можетъ-быть, только я одинъ понимаю, что происходитъ, не говорю, у него въ сердцѣ, но въ умѣ.

— Государь, — сказалъ Генрихъ, — мнѣ жаль, что, преувеличивая одно, вы сомнѣваетесь въ другомъ.

— Я не преувеличиваю ничего, Генрихъ, — отвѣтилъ король. — Придетъ день, когда тебя узнаютъ... А какъ хорошо составляетъ онъ анаграммы, Марія,—прибавилъ онъ.— Попроси его составить анаграмму изъ твоего имени и увидишь, какъ легко онъ это дѣлаетъ.

— Что можно найти въ имени такой незначительной женщины, какъ я?—возразила Марія.—Что хорошаго можетъ получиться изъ буквъ, изъ которыхъ случайно произошло имя Маріи Тушэ?

— Напротивъ,—возразилъ Генрихъ,—составить изъ вашего имени анаграмму такъ легко, что въ этомъ не будетъ никакой заслуги съ моей стороны.

— Ага! Онъ ужъ придумалъ что-то,—сказалъ Карлъ.—Видишь, Марія?

Генрихъ вынулъ записную книжку, вырвалъ изъ нея листокъ, написалъ на немъ:

Marie Touchet (Марія Тушэ).

а подъ этимъ именемъ:

Je charme tout (я очаровываю все)

и подалъ листокъ молодой женщинѣ.

— Это, право же, невѣроятно!—воскликнула она.

— Что тамъ такое?—спросилъ Карлъ.

— Я не рѣшаюсь прочитать вслухъ, ваше величество,— отвѣтила Марія.

— Je charme tout, — сказалъ Генрихъ. — Вотъ какая анаграмма выходитъ изъ имени Маріи Тушэ. Я только поставилъ, какъ это обыкновенно дѣлается, „j“ вмѣсто „i“.

— Вѣрно, вѣрно! — воскликнулъ Карлъ. — Буква въ букву! Я хочу, чтобы эта анаграмма была твоимъ девизомъ, Марія: она необыкновенно подходитъ къ тебѣ. Благодарю, Генрихъ, Я велю сдѣлать этотъ девизъ изъ бриллiантовъ и подарю его тебѣ, Марія.

Ужинъ кончился. Два часа пробило на колокольнѣ собора Богоматери.

— А теперь, Марія, — сказалъ Карлъ, — ты дашь Генриху, въ благодарность за его комплиментъ, кресло, гдѣ бы онъ могъ заснуть до утра. Только, пожалуйста, подальше отъ насъ, а то онъ ужаснѣйшимъ образомъ храпитъ. Если ты проснешься раньше, разбуди меня; въ шесть часовъ утра мы должны быть около Бастиліи. Спокойной ночи, Генрихъ, устраивайся, какъ знаешь, но,—прибавилъ онъ, подойдя къ Генриху и положивъ ему руку на плечо,—но заклинаю тебя жизнью — слышишь, Генрихъ?—заклинаю тебя жизнью, не уходи отсюда безъ меня, а тѣмъ болѣе не возвращайся въ Лувръ!

Генрихъ, у котораго ужъ и безъ того возникли подозрѣнія, не могъ, конечно, отнестись легко къ этому совѣту.

Карлъ IX ушелъ въ спальню, а Генрихъ, неприхотливый, какъ горецъ, устроился въ креслѣ и скоро доказалъ на дѣлѣ, что у короля были достаточныя основанія помѣстить его подальше отъ себя.

Рано утромъ, когда еще только начинало свѣтать, Карлъ разбудилъ его. Такъ какъ Генрихъ не раздѣвался, то ему не пришлось терять много времени на туалетъ. Король казался счастливымъ и улыбался такъ, какъ никогда не улыбался въ Луврѣ. Часы, которые онъ проводилъ въ домикѣ на улицѣ де-Барръ, были самыми счастливыми часами въ его жизни.

Карлъ и Генрихъ прошли черезъ спальню. Молодая женщина спала на своей постели; ребенокъ спалъ около нея, въ колыбели. Оба они улыбались во снѣ.

Карлъ съ минуту смотрѣлъ на нихъ съ глубокой нѣжностью, а потомъ обернулся къ Генриху и сказалъ ему:

— Если ты когда-нибудь узнаешь, какую услугу я оказалъ тебѣ нынѣшней ночью, а со мной случится несчастье, вспомни объ этомъ мальчикѣ!

Не давъ Генриху времени сдѣлать какой-нибудь вопросъ, Карлъ осторожно поцѣловалъ въ лобъ Марію и ребенка и, прошептавъ: — До свиданія, мои дорогіе! — вышелъ изъ комнаты.

Генрихъ, задумавшись, послѣдовалъ за нимъ.

Придворные, которымъ Карлъ велѣлъ ждать около Бастиліи, стояли тамъ, держа въ поводу двухъ верховыхъ лошадей.

Карлъ знакомъ предложилъ Генриху сѣсть на одну изъ нихъ, вскочилъ на другую самъ и направился къ внѣшнимъ бульварамъ.

— Куда мы ѣдемъ? — спросилъ Генрихъ.

— Я хочу узнать, — отвѣтилъ Карлъ, — для одной ли только г-жи Кондэ пріѣхалъ въ Парижъ герцогъ Анжуйскій и есть ли въ его сердцѣ столько же честолюбія, сколько любви.

Генрихъ не понялъ ничего изъ этого объясненія и молча послѣдовалъ за Карломъ.

Когда они доѣхали до Марэ и передъ ними открылось предмѣстье Сенъ-Лоранъ, Карлъ показалъ Генриху вдаль. Въ сѣроватомъ утреннемъ туманѣ смутно виднѣлись какіе-то всадники въ сѣрыхъ плащахъ и мѣховыхъ шапкахъ. За ними ѣхалъ тяжело нагруженный фургонъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались, фигуры ихъ выдѣлялись яснѣе и Генрихъ замѣтилъ среди нихъ какого-то человѣка въ длинномъ темномъ плащѣ и шляпѣ, какія носили въ то время во Франціи. Онъ тоже ѣхалъ верхомъ, разговаривая съ своими спутниками.

— Ага! — съ улыбкой проговорилъ Карлъ, — я такъ и думалъ.

— Если я не ошибаюсь, — сказалъ Генрихъ, — этотъ всадникъ въ темномъ плащѣ — герцогъ Анжуйскій?

— Онъ самый, — отвѣтилъ Карлъ. — Отъѣдемъ немножко въ сторону, Генрихъ: я не хочу, чтобы насъ увидали.

— А кто же эти люди въ сѣрыхъ плащахъ и мѣховыхъ шапкахъ? — спросилъ Генрихъ. — И что такое въ этомъ фургонѣ?

— Эти люди — польскіе послы, — отвѣтилъ Карлъ, — а въ фургонѣ везутъ корону... Ну, теперь поѣдемъ назадъ, Генрихъ, — прибавилъ онъ, повернувъ лошадь и пуская ее въ галопъ къ воротамъ Тампля. — Я видѣлъ все, что хотѣлъ увидать.

V.

Возвращеніе въ Луврь.

Когда убрали трупы сбировъ, перенесли раненаго Морвеля къ нему въ домъ, вымыли ковры и привели все въ порядокъ въ спальнѣ короля Наваррскаго, Екатерина отпустила своихъ придворныхъ дамъ и попробовала заснуть. Но ударъ былъ слишкомъ жестокъ и разочарованіе слишкомъ сильно. Этотъ ненавистный Генрихъ постоянно ускользалъ изъ ея обыкновенно смертоносныхъ сѣтей. Его какъ будто охраняла какая-то непобѣдимая сила. Екатерина упорно называла ее случайностью, но внутренній голосъ говорилъ ей, что это не случайность, а судьба. Мысль, что слухъ объ этомъ новомъ покушеніи, рас-

пространившись въ Луврѣ и внѣ его, еще болѣе усилить вѣру Генриха и гугенотовъ въ будущее, приводила Екатерину въ отчаяніе. И если бы въ эту минуту случай, съ которымъ она такъ неудачно боролась, привелъ къ ней ея врага, она, вѣроятно, постаралась бы съ помощью маленькаго флорентинскаго кинжала, всегда висѣвшаго у нея на поясѣ, разрушить велѣнія судьбы, слишкомъ благосклонной къ Генриху.

Ночные часы, такіе долгіе для того, кто ждетъ и не спитъ, медленно проходили одинъ за другимъ, а Екатерина все еще не смыкала глазъ. Множество новыхъ плановъ назрѣвало въ ея разгоряченномъ мозгу. Какъ только что начало свѣтать, она встала, одѣлась безъ посторонней помощи и пошла къ Карлу

Часовые, привыкшіе къ тому, что она приходила къ королю во всякое время дня и ночи, пропустили ее.

Екатерина прошла черезъ переднюю въ оружейный кабинетъ. Тамъ сидѣла кормилица Карла.

— Что мой сынъ? — спросила королева.

— Король не велѣлъ входить къ нему до восьми часовъ, ваше величество, — отвѣтила кормилица.

— Это приказаніе не можетъ относиться ко мнѣ, кормилица.

— Оно не исключаетъ никого, ваше величество.

Екатерина улыбнулась.

— Да, я знаю, — сказала кормилица, — я хорошо знаю, что никто здѣсь не осмѣливается оказывать сопротивленіе вашему величеству. А потому и умоляю васъ снизойти къ просьбѣ бѣдной женщины и не ходить дальше.

— Мнѣ нужно поговорить съ сыномъ, кормилица.

— Я отворю дверь только по формальному приказанію вашего величества.

— Такъ я приказываю тебѣ, — сказала Екатерина.

При такомъ приказаніи королевы-матери, къ которой всѣ относились еще почтительнѣе и которой боялись еще больше, чѣмъ самого Карла, кормилица подала Екатеринѣ ключъ. Но та обошлась безъ него.

Она вынула изъ кармана свой собственный ключъ отъ комнаты сына и торопливо отперла дверь.

Спальня была пуста, постель Карла не смята. Его борзая собака, Актіонъ, спавшая на медвѣжьей шкурѣ, лежавшей вмѣсто ковра около кровати, встала и лизнула бѣлыя, какъ мраморъ, руки Екатерины.

— А, его нѣтъ! — сказала королева, нахмуривъ брови. — Въ такомъ случаѣ я подожду.

Она въ тяжеломъ раздумьѣ сѣла у выходившаго на дворъ Лувра окна, изъ котораго были видны главныя ворота.

Два часа просидѣла королева около него, блѣдная и неподвижная, какъ мраморная статуя. Наконецъ, на дворъ въѣхала группа всадниковъ, во главѣ которыхъ были Карлъ и Генрихъ Наваррскій.

Тогда Екатерина поняла все: очевидно, Карлъ, не желая спорить съ нею и уговаривать ее не трогать Генриха, увезъ его съ собою и такимъ образомъ спасъ.

— Слѣпой! Слѣпой! Слѣпой! — прошептала королева.

Черезъ минуту въ оружейномъ кабинетѣ послышались шаги.

— Теперь, когда мы вернулись въ Лувръ, государь, — сказалъ Генрихъ, — объясните мнѣ, пожалуйста, почему вы увели меня отсюда и какую услугу вы мнѣ оказали.

— Нѣтъ, нѣтъ, Генрихъ, — смѣясь, отвѣтилъ Карлъ. — Когда-нибудь ты узнаешь все, но въ настоящую минуту это тайна. Знай только, что мнѣ придется выдержать изъ-за тебя ужасную ссору съ моей матерью.

Сказавъ это, Карлъ откинулъ портьеру и очутился лицомъ къ лицу съ Екатериной.

Сзади короля виднѣлось изъ-за его плеча блѣдное, встревоженное лицо беарнца.

— А, вы здѣсь, матушка! — сказалъ, нахмуривъ брови, Карлъ.

— Да, сынъ мой, — отвѣтила Екатерина. — Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— Со мной?

— Да, съ тобой однимъ.

— Ну, что жъ, — сказалъ Карлъ, обернувшись къ Генриху, — если нельзя избѣжать этого, то чѣмъ скорѣе покончить, тѣмъ лучше.

— Я ухожу, государь, — сказалъ Генрихъ.

— Да, оставь насъ, — отвѣтилъ Карлъ. — И такъ какъ ты католикъ, Генрихъ, то сходи за меня къ мессѣ, а я выслушаю проповѣдь.

Генрихъ поклонился и вышелъ.

Карлъ IX поспѣшилъ предупредить вопросы, которые могла предложить ему мать.

— Ну, матушка, — сказалъ онъ, стараясь обратить все въ шутку, — вы, конечно, ждали меня затѣмъ, чтобы побранить; вѣдь такъ? Я самымъ нечестивымъ образомъ разстроилъ вашъ маленькій планъ. Но не могъ же я, чортъ возьми, позволить, чтобы арестовали и заключили въ Бастилію человѣка, только что спасшаго мнѣ жизнь? Съ вами мнѣ тоже ссориться не хотѣлось: я добрый сынъ. Да и Богъ наказываетъ дѣтей, непочтительныхъ къ матери, чему примѣромъ можетъ служить мой

братъ Францискъ II. А потому простите меня и сознайтесь, что я сыгралъ съ вами ловкую шутку.

— Ты ошибаешься, Карлъ, — сказала Екатерина, — это не шутка.

— Нѣтъ, не ошибаюсь, вы сами кончите тѣмъ, что согласитесь со мной.

— Ты своей неосторожностью, — продолжала Екатерина, — разрушилъ планъ, благодаря которому мы могли открыть многое.

— Планъ? Да развѣ васъ можетъ затруднить неудача одного плана, матушка? Вы придумаете еще двадцать другихъ и на этотъ разъ я, съ своей стороны, обѣщаю помогать вамъ.

— Теперь твоя помощь не принесетъ пользы, — возразила Екатерина.— Онъ предупрежденъ и будетъ остерегаться.

— Постойте, поговоримъ толкомъ. Что имѣете вы противъ Генриха?

— То, что онъ составляетъ заговоры.

— Такъ это ваше всегдашнее обвиненіе. Но развѣ не составляютъ заговоры всѣ въ этомъ миломъ королевскомъ дворцѣ, который называется Лувромъ?

— А онъ самый главный изъ всѣхъ и онъ тѣмъ опаснѣе, что никто не подозрѣваетъ его.

— Какъ Лоренцино! — замѣтилъ Карлъ.

— Выслушай меня, — сказала Екатерина, лицо которой омрачилось при этомъ имени, напомнивъ ей одну изъ самыхъ кровавыхъ катастрофъ въ исторіи Флоренціи. — У меня есть средство доказать, что я права.

— Какое же, матушка?

— Спроси у Генриха, кто былъ сегодня ночью у него въ спальнѣ.

— У него въ спальнѣ... сегодня ночью?

— Да. И если онъ скажетъ тебѣ...

— Ну?

— Въ такомъ случаѣ я соглашусь, что ошиблась.

— Но если это была женщина? Не можемъ же мы требовать...

— Женщина?

— Да.

— И эта женщина убила двухъ караульныхъ и опасно ранила Морвеля?

— Ого! Это становится серьезно,— сказалъ король. Значитъ: была пролита кровь?

— Трое остались на мѣстѣ.

— А тотъ, кто такъ ловко расправился съ ними?

— Остался цѣлъ и невредимъ и успѣлъ убѣжать.

— Клянусь Гогомъ и Магогомъ, какой храбрецъ! — воскликнулъ Карлъ.—Я хочу узнать, кто это, и послѣдую вашему совѣту, матушка.

— Ну, а я говорю тебѣ заранѣе, что ты ничего не узнаешь, по крайней мѣрѣ, отъ Генриха.

— А отъ васъ, матушка? Этотъ человѣкъ не могъ убѣжать, не оставивъ за собой никакихъ слѣдовъ. Можетъ-быть, замѣтили, какъ онъ былъ одѣтъ?

— Замѣтили только, что на немъ былъ очень изящный вишневый плащъ.

— Вишневый плащъ? — сказалъ Карлъ. — Я знаю только одинъ такой плащъ, и настолько замѣтный, что онъ, дѣйствительно, могъ броситься въ глаза.

— Вотъ именно, — сказала Екатерина. — Подожди меня здѣсь, сынъ мой; я посмотрю, исполнили ли мои приказанія.

Екатерина ушла и Карлъ остался одинъ. Онъ съ разсѣяннымъ видомъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, насвистывая охотничью пѣсню. Одна рука его была въ карманѣ, а другая опущена и каждый разъ, какъ онъ останавливался, Актіонъ спѣшилъ лизнуть ее.

Что касается до Генриха, то онъ, выходя отъ короля, былъ сильно встревоженъ. Вмѣсто того, чтобы итти по коридору, онъ пошелъ по маленькой потайной лѣсенкѣ, о которой мы уже не разъ упоминали и которая вела во второй этажъ. Но не успѣлъ онъ взойти и на четыре ступеньки, какъ на первомъ же поворотѣ увидалъ какую-то тѣнь и, остановившись, взялся за рукоятку кинжала. Но эта тѣнь оказалась женщиной. Она схватила Генриха за руку и нѣжнымъ, хорошо знакомымъ голосомъ шепнула:

— Слава Богу, государь, вы цѣлы и невредимы! Я ужасно боялась за васъ. Но Господь, должно-быть услышалъ мою молитву.

— Что же такое случилось? — спросилъ Генрихъ.

— Вы узнаете это, какъ придете къ себѣ. Не безпокойтесь объ Оршанѣ: я велѣла перенести его къ себѣ.

И молодая женщина, какъ бы случайно встрѣтившись съ Генрихомъ на лѣстницѣ, быстро прошла мимо него.

— Какъ странно! — пробормоталъ Генрихъ. — Что же все это значитъ и что такое съ Оршаномъ?

Къ сожалѣнію, баронесса де-Совъ не могла услыхать его вопроса: она была уже далеко.

На верху лѣстницы внезапно появилась другая тѣнь; это былъ мужчина.

— Тсъ! — сказалъ онъ.

— А, это вы, Франсуа!

— Не называйте меня по имени.

— Что все это значитъ?

— Ступайте къ себѣ и узнаете. А потомъ осторожно выйдите въ коридоръ, внимательно оглядитесь по сторонамъ, чтобы узнать, не слѣдятъ ли за вами, и проходите ко мнѣ; моя дверь будетъ только притворена.

И съ этими словами Франсуа исчезъ такъ же быстро, какъ исчезаютъ во время театральнаго представленія духи и привидѣнія, проваливаясь подъ сцену.

— Ventre-saint-gris!— пробормоталъ Генрихъ.— Загадка продолжается, но такъ какъ разгадку я могу узнать у себя, то и пойду къ себѣ.

Однако Генрихъ не совсѣмъ спокойно продолжалъ свой путь. Онъ былъ впечатлителенъ — въ молодости впечатлительность замѣняетъ суевѣріе. Все отражалось, какъ въ зеркалѣ, въ его душѣ, а то, что онъ слышалъ, предвѣщало ему какое то несчастье.

Онъ подошелъ къ своей двери и прислушался: изъ комнаты не доносилось ни звука. Да и Шарлотта сказала, чтобы онъ шелъ къ себѣ и потому можно было войти, не опасаясь. Въ передней Генрихъ быстро оглядѣлся. Комната была пуста; не было здѣсь никакихъ слѣдовъ того, что произошло.

— Оршана, дѣйствительно, нѣтъ, — прошепталъ Генрихъ.

И онъ вошелъ въ спальню.

Тутъ онъ сразу понялъ все.

Несмотря на то, что воды не жалѣли, на полу остались большія красныя пятна; одно кресло было сломано, занавѣсъ кровати изрѣзанъ шпагами, венеціанское зеркало разбито попавшей въ него пулей, а на стѣнѣ остался отпечатокъ опиравшейся на нее окровавленной руки. Все это служило доказательствомъ, что въ этой, теперь тихой, какъ могила, комнатѣ происходилъ смертельный бой.

Генрихъ мрачно оглядѣлъ все это, провелъ рукою по влажному лбу и прошепталъ:

— Теперь я понимаю, какую услугу оказалъ мнѣ король. Меня хотѣли убить... А де-Муи? Что сдѣлали они съ де-Муи? Негодяи! Они, навѣрное, убили его.

Желая услыхать отъ герцога Алансонскаго всѣ подробности происшедшаго такъ же сильно, какъ тотъ желалъ сообщить ихъ, Генрихъ взглянулъ въ послѣдній разъ на все окружающее и вышелъ въ коридоръ.

Удостовѣрившись, что тамъ нѣтъ никого, король вбѣжалъ къ герцогу Алансонскому и быстро притворилъ за собою дверь.

Франсуа ждалъ его въ первой комнатѣ. Приложивъ палецъ къ губамъ, онъ схватилъ Генриха за руку и провелъ его въ маленькій, совершенно отдѣльный кабинетъ въ башнѣ. Тамъ никто не могъ подслушать ихъ разговора.

— Ахъ, какая ужасная ночь, Генрихъ! — сказалъ герцогъ.

— Что же такое случилось?

— Васъ хотѣли арестовать.

— Меня?

— Да, васъ.

— За что?

— Не знаю. Гдѣ вы были?

— Король увелъ меня вчера вечеромъ въ городъ.

— Значитъ, онъ зналъ, — сказалъ герцогъ Алансонскій. — Но если вы уходили, то кто же былъ у васъ въ спальнѣ?

— Развѣ кто-нибудь былъ у меня? — спросилъ Генрихъ, прикидываясь изумленнымъ.

— Да, какой-то мужчина. Услыхавъ шумъ, я прибѣжалъ къ вамъ на помощь, но было уже слишкомъ поздно.

— Этого человѣка арестовали? — съ безпокойствомъ спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, онъ спасся, опасно ранивъ Морвеля и убивъ двухъ сбировъ.

— А, храбрый де-Муи! — воскликнулъ Генрихъ.

— Значитъ, это былъ де-Муи? — быстро спросилъ герцогъ Алансонскій.

Генрихъ понялъ свою ошибку.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю, — отвѣтилъ онъ. — Я просилъ его какъ-нибудь зайти ко мнѣ. Мнѣ хотѣлось сговориться съ нимъ относительно нашего бѣгства и предупредить его, что я передалъ вамъ всѣ мои права на Наваррскій престолъ.

— Но вѣдь если это узнается, — сказалъ, поблѣднѣвъ, герцогъ Алансонскій, — мы пропали!

— Да, Морвель не станетъ молчать, — замѣтилъ Генрихъ.

— Онъ опасно раненъ въ шею, — сказалъ герцогъ. — Хирургъ, дѣлавшій ему перевязку, говорилъ мнѣ, что раньше восьми дней онъ не будетъ въ состояніи произнести ни слова.

— Восемь дней! Ну, до тѣхъ поръ де-Муи успѣетъ скрыться въ безопасное мѣсто.

— Но вѣдь возможно и то, что это былъ не де-Муи, — сказалъ герцогъ.

— Вы думаете?

— Да. Этотъ человѣкъ исчезъ такъ быстро, что замѣтили только его вишневый плащъ.

— А такой плащъ, — сказалъ Генрихъ, — скорѣе подходитъ какому-нибудь придворному щеголю, чѣмъ солдату. Никому и въ голову не придетъ, что подъ такимъ плащомъ скрывается де-Муи.

— Вы правы, — согласился герцогъ, — скорѣе ужъ можно бы подозрѣвать...

Онъ нерѣшительно остановился.

— Что это былъ графъ де-ла-Моль? — спросилъ Генрихъ.

— Думаю, что такъ. Я видѣлъ, какъ убѣгалъ этотъ человѣкъ, и въ первую минуту принялъ его за графа де-ла-Моля.

— Приняли? Такъ очень, можетъ-быть, что это и былъ онъ.

— А ему не извѣстно ничего?

— Рѣшительно ничего. Во всякомъ случаѣ ничего важнаго.

— Ну, право же, я начинаю убѣждаться, что это былъ графъ де-ла-Моль.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Генрихъ. — Это было бы очень непріятно Маргаритѣ: она принимаетъ въ немъ большое участіе.

— Участіе? — взволнованно спросилъ герцогъ Алансонскій.

— Конечно. Развѣ вы забыли, что она сама рекомендовала его вамъ?

— Да, это правда, — глухимъ голосомъ проговорилъ Франсуа. — Впрочемъ, я, хоть и невольно, оказалъ ей услугу. Чтобы вишневый плащъ не могъ служить уликой противъ графа де-ла-Моля, я сходилъ къ нему въ комнату и принесъ плащъ сюда.

— Вы поступили очень предусмотрительно. А знаете, теперь я не только готовъ подержать пари, но и принять присягу, что это былъ графъ.

— Даже на судѣ?

— Клянусь честью, да, — отвѣтилъ Генрихъ. — Ему, должно-быть, нужно было передать мнѣ что-нибудь отъ Маргариты.

— Если бы я могъ быть увѣренъ, что вы поддержите меня, — сказалъ герцогъ, — я, право же, обвинилъ бы его.

— А если вы обвините его, братъ, — сказалъ Генрихъ, — я, понятно, не стану опровергать васъ.

— А королева?

— Да, дѣйствительно, — согласился Генрихъ.

— Нужно узнать, какъ она приметъ это, — сказалъ герцогъ,

— Я пойду и узнаю.

— Не думаю, чтобы она стала противорѣчить намъ, — продолжалъ герцогъ. — Этотъ молодой человѣкъ пріобрѣтетъ ре-

путацію храбреца, да еще въ кредитъ. Возможно, впрочемъ, что ему придется заплатить и капиталъ и проценты.

— Что же дѣлать! — замѣтилъ Генрихъ. — Въ этомъ мірѣ ничто не дается даромъ.

Съ улыбкой кивнувъ герцогу, Генрихъ осторожно выглянулъ въ коридоръ. Убѣдившись, что тамъ нѣтъ никого, онъ быстро проскользнулъ къ лѣстницѣ, ведущей въ комнаты Маргариты, и исчезъ.

Королева Наваррская была встревожена не меньше мужа. Ее сильно безпокоило ночное нападеніе, въ которомъ участвовали король, герцогъ Анжуйскій, Генрихъ и Гизъ. Они, положимъ, не открыли ничего такого, что могло бы компрометировать ее: привратникъ, котораго ла-Моль и Коконна отвязали отъ калитки, увѣрилъ ихъ, что былъ нѣмъ, какъ могила. Но Маргарита понимала, что два короля и два принца, съ которыми пришлось имѣть дѣло простымъ дворянамъ, Коконна и ла-Молю, не стали бы утруждать себя изъ-за пустяковъ и не пытались бы ворваться въ домъ на улицѣ Клошъ-Персе, не имѣя на то достаточныхъ основаній. Маргарита провела остальную часть ночи у герцогини и вернулась въ Лувръ на разсвѣтѣ. Она тотчасъ же легла, но заснуть не могла и вздрагивала при малѣйшемъ шорохѣ.

Вдругъ она услыхала, что кто-то постучалъ въ потайную дверь. Когда Гильона доложила ей, что пришелъ Генрихъ, она велѣла впустить его. Король Наваррскій остановился около двери. Ничто не указывало на то, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ мужемъ. Тонкія губы его, какъ всегда, улыбались и ничто въ его лицѣ не выдавало тѣхъ ужасныхъ минутъ, которыя ему только что пришлось пережить.

Онъ вопросительно взглянулъ на Маргариту, какъ бы спрашивая ее, позволитъ ли она ему остаться съ ней наединѣ. Маргарита поняла взглядъ мужа и знакомъ отпустила Гильону.

— Я знаю, какъ привязаны вы къ своимъ друзьямъ, — сказалъ Генрихъ, когда Гильона ушла, — и мнѣ очень жаль, что я долженъ сообщить вамъ непріятное извѣстіе.

— Какое? — спросила Маргарита.

— Одинъ изъ нашихъ лучшихъ слугъ очутился въ очень неловкомъ положеніи.

— Кто же именно?

— Да этотъ любезный графъ де-ла-Моль.

— Графъ де-ла-Моль очутился въ неловкомъ положеніи? Но почему же?

— Потому что былъ замѣшанъ въ томъ, что произошло нынѣшней ночью.

Несмотря на все свое самообладаніе, Маргарита вспыхнула.

— А что же такое произошло? — наконецъ спросила она, собравшись съ духомъ.

— И вы еще спрашиваете? — воскликнулъ Генрихъ. — Неужели вы не слыхали шума, который былъ ночью въ Луврѣ?

— Не слыхала.

— Примите въ такомъ случаѣ мои поздравленія, — съ самымъ наивнымъ видомъ сказалъ Генрихъ. — У васъ замѣчательно крѣпкій сонъ.

— Но что же такое случилось? — спросила Маргарита.

— Случилось то, что наша добрая матушка приказала Морвелю и шестерымъ сбирамъ арестовать меня.

— Васъ?

— Да, меня.

— За что же?

— Развѣ можетъ кто-нибудь проникнуть въ тайны такого ума, какъ умъ нашей матери, и разгадать причины ея поступковъ? Я отношусь къ нимъ съ уваженіемъ, но не понимаю ихъ.

— И васъ не было дома?

— Дѣйствительно такъ, вы отгадали. Вчера вечеромъ король пригласилъ меня сопровождать его. Но если не было меня, зато въ моей спальнѣ былъ другой.

— Кто же этотъ другой?

— Какъ кажется, графъ де-ла-Моль.

— Графъ де-ла-Моль? — съ изумленіемъ воскликнула Маргарита.

— И какой молодецъ этотъ провансалецъ! — продолжалъ Генрихъ. — Представьте себѣ, что онъ ранилъ Морвеля и убилъ двухъ сбировъ!

— Ранилъ г. Морвеля и убилъ двоихъ... Это невозможно!

— Неужели вы сомнѣваетесь въ его храбрости?

— Нѣтъ, я говорю только, что графъ де-ла-Моль не могъ быть у васъ.

— Почему же?

— Потому что... потому что... — смутившись, отвѣтила Маргарита, — потому что онъ былъ въ другомъ мѣстѣ.

— А если онъ можетъ доказать алиби — дѣло другое. Онъ скажетъ, гдѣ былъ, и обвиненіе падетъ само собою.

— Гдѣ былъ? — быстро проговорила Маргарита.

— Безъ сомнѣнія... Его сегодня же задержатъ и допросятъ. Къ сожалѣнію, противъ него есть доказательства...

— Доказательства? Какія же?

— Человѣкъ, такъ отчаянно защищавшійся, былъ въ вишневомъ плащѣ.

— Не у одного только графа де-ла-Моля есть вишневый плащъ, — возразила Маргарита. — Я знаю другого...

— Конечно, — прервалъ ее Генрихъ, — и я знаю его. Но тогда произойдетъ вотъ что: если у меня былъ не ла-Моль, значитъ былъ тотъ, другой, въ такомъ же вишневомъ плащѣ. Вы знаете, кто этотъ другой?

— О, Боже!

— Вотъ въ этомъ то и затрудненіе. Вы, навѣрное, видѣли его, какъ и я—ваше волненіе доказываетъ это. Потолкуемъ же, какъ люди, которые говорятъ о чемъ-нибудь очень заманчивомъ... о тронѣ, напримѣръ... объ очень драгоцѣнномъ... о жизни, положимъ... Если де-Муи арестуютъ—мы пропали..

— Да, я понимаю это.

— Тогда какъ ла-Моль не можетъ скомпрометировать никого. Вы не считаете его способнымъ выдумать какую-нибудь исторію... увѣрять, напримѣръ, что онъ былъ съ дамами... или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Если вы опасаетесь только этого,—отвѣтила Маргарита,— то можете успокоиться: онъ не скажетъ ничего подобнаго.

— Такъ вы полагаете, что онъ будетъ молчать—молчать даже и въ томъ случаѣ, если ему придется поплатиться за это жизнью?

— Да, онъ будетъ молчать.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ.

— Ну, значитъ, все къ лучшему, — сказалъ Генрихъ, вставая.

— Вы уходите? — быстро спросила Маргарита.

— Ухожу. Это все, что я хотѣлъ сказать вамъ.

— И вы идете?..

— Чтобы постараться вывести насъ всѣхъ изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ насъ человѣкъ въ вишневомъ плащѣ.

— О, Боже, Боже мой! — съ отчаяніемъ воскликнула Маргарита, ломая руки. — Бѣдный молодой человѣкъ!

— А право же, — сказалъ Генрихъ, уходя, — этотъ графъ де-ла-Моль премилый и преуслужливый человѣкъ!

VII.

Приговоръ.

Карлъ вернулся домой веселый и довольный; но послѣ десятиминутнаго разговора съ матерью настроеніе его рѣзко измѣнилось. Казалось, Екатерина передала ему свой гнѣвъ, а у него взяла его веселое расположеніе духа.

— Графъ де-ла-Моль! — говорилъ Карлъ. — Графъ де-ла-Моль!.. Нужно позвать Генриха и герцога Алансонскаго; Генриха—потому что этотъ молодой человѣкъ бывшій гугенотъ, а герцога Алансонскаго—потому что онъ находится у него на службѣ.

— Зови ихъ, если хочешь, сынъ мой, — отвѣчала Екатерина, — ты все равно ничего не узнаешь. Я боюсь, что Генрихъ и Франсуа гораздо дружнѣе между собою, чѣмъ кажется. Разспрашивая ихъ, ты только возбудишь въ нихъ подозрѣнія; по-моему, лучше подождать нѣсколько дней и слѣдить за ними. Если ты дашь виновнымъ вздохнуть, сынъ мой, если ты заставишь ихъ повѣрить, что они обманули твою проницательность, то, ободренные, торжествующіе, они сами выдадутъ себя. И тогда мы узнаемъ все.

Карлъ ходилъ взадъ и впередъ, не зная, на что рѣшиться, сдерживая свой гнѣвъ и прижимая руку къ сердцу, въ которомъ уже зародилось подозрѣніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу ждать,—сказалъ онъ наконецъ.— Вы не знаете, матушка, каково ждать, когда мучатъ подозрѣнія. Къ тому же эти дворянчики становятся съ каждымъ днемъ все заносчивѣе; еще сегодня ночью два какихъ-то нахала осмѣлились сопротивляться мнѣ... Если графъ де-ла-Моль невиненъ—отлично; но я желаю знать, гдѣ былъ графъ де-ла-Моль сегодня ночью въ то время, какъ убивали моихъ людей въ Луврѣ, а на меня самого нападали на улицѣ Клошъ-Персе. Пусть позовутъ ко мнѣ сначала герцога Алансонскаго, а потомъ Генриха; я допрошу ихъ порознь. Вы можете оставаться здѣсь, матушка.

Екатерина сѣла. Благодаря своему твердому, рѣшительному характеру, она умѣла пользоваться каждымъ, казалось, бы, даже неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы достичь своей цѣли. Отъ столкновенія исходитъ звукъ или искра. Звукъ указываетъ путь; искра освѣщаетъ.

Вошелъ герцогъ Алансонскій. Разговоръ съ Генрихомъ подготовилъ его къ этому свиданію, и онъ былъ спокоенъ.

Отвѣты его были точны и ясны. Матушка просила его оставаться у себя и потому онъ не знаетъ, что происходило ночью. Но такъ какъ комнаты его выходятъ въ тотъ же коридоръ, что и комнаты короля Наваррскаго, то онъ слышалъ ночью какой-то шумъ, потомъ крики и пистолетные выстрѣлы. Только тутъ рѣшился онъ пріотворить дверь въ коридоръ и увидѣлъ быстро пробѣжавшаго человѣка въ вишневомъ плащѣ.

Карлъ и Екатерина переглянулись.

— Въ вишневомъ плащѣ?—переспросилъ король.

— Да, — отвѣтилъ герцогъ Алансонскій.

— И при видѣ этого плаща у тебя не явилось никакихъ подозрѣній?

Герцогъ Алансонскій употребилъ всѣ силы, чтобы солгать какъ можно естественнѣе.

— Въ первую минуту, ваше величество,— отвѣтилъ онъ, — мнѣ, дѣйствительно, показалось, что это одинъ изъ моихъ придворныхъ.

— Кто же именно?

— Графъ де-ла-Моль.

— Почему же графъ де-ла-Моль не находился при тебѣ, какъ того требовала его обязанность?

— Я отпустилъ его вечеромъ.

— Хорошо, можете итти,— сказалъ король.

Герцогъ Алансонскій направился къ двери, въ которую вошелъ.

— Нѣтъ, не сюда, — остановилъ его Карлъ, — пройди вонъ въ ту дверь.

И онъ указалъ ему на дверь, ведущую въ комнату кормилицы.

Карлъ не хотѣлъ, чтобы герцогъ Алансонскій и Генрихъ встрѣтились.

Онъ не зналъ, что они уже видѣлись и въ нѣсколько минутъ успѣли сговориться между собою.

Послѣ герцога Алансонскаго вошелъ Генрихъ. Онъ заговорилъ первый, не дожидаясь вопросовъ короля.

— Государь, — сказалъ онъ, — я очень радъ, что вы прислали за мной. Я только что хотѣлъ самъ итти къ вамъ и искать у вашего величества правосудія.

Карлъ нахмурилъ брови.

— Да, правосудія,—повторилъ Генрихъ.—Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить васъ, государь, за то, что вы увели меня вчера съ собою. Теперь я знаю, что вы спасли мнѣ жизнь. Но за что же, за какіе проступки хотѣли меня убить?

— Васъ хотѣли не убить, а арестовать, — живо возразила Екатерина.

— Пусть такъ,—сказалъ Генрихъ.— Но развѣ я совершилъ какое-нибудь преступленіе, что меня хотѣли арестовать? Если меня считали виновнымъ вчера вечеромъ, то я остался такимъ же и сегодня утромъ. Скажите, въ чемъ меня обвиняютъ, государь?

Карлъ нерѣшительне взглянулъ на мать, не зная, что отвѣчать.

— Вы принимаете у себя подозрительныхъ людей, сынъ мой, — сказала Генриху Екатерина.

— Такъ. И сношенія съ этими подозрительными людьми компрометируютъ меня, не правда ли?

— Да, Генрихъ.

— Такъ назовите мнѣ этихъ людей, назовите ихъ мнѣ! Кто они? Поставьте меня съ ними на очную ставку!

— Генрихъ, дѣйствительно, имѣетъ право требовать объясненія,—замѣтилъ король.

— И я требую его!—сказалъ Генрихъ, понимая выгоду своего положенія. — Я требую его у моего добраго брата Карла, у моей доброй матери Екатерины. Развѣ не держалъ я себя, какъ хорошій мужъ, съ тѣхъ поръ, какъ женился на Маргаритѣ? Спросите у нея сами. Или какъ вѣрный католикъ? Можете справиться у моего духовника. Или, наконецъ, какъ добрый родственникъ? Въ этомъ поручатся всѣ, участвовавшіе во вчерашней охотѣ.

— Да, это правда, Генрихъ,— сказалъ король.— Но что же дѣлать? Говорятъ, что ты составляешь заговоры.

— Противъ кого же?

— Противъ меня.

— Если бы это обвиненіе было справедливо, — возразилъ Генрихъ, — мнѣ стоило только не вмѣшиваться вчера, когда ваша раненая лошадь не могла подняться, а разсвирѣпѣвшій кабанъ бросился на васъ.

— А вѣдь онъ правъ, матушка!—воскликнулъ Карлъ.

— Но кто же былъ у васъ ночью?—спросила Екатерина.

— Въ теперешнее время трудно отвѣчать даже за себя, а ужъ не только за другихъ, — отвѣтилъ Генрихъ. — Я вышелъ въ семь часовъ вечера; въ десять мой братъ Карлъ увелъ меня съ собою и я оставался съ нимъ всю ночь. А быть съ его величествомъ и въ то же время знать, что дѣлается у меня, я никоимъ образомъ не могъ.

— И, тѣмъ не менѣе, оказывается,—сказала Екатерина,— что одинъ изъ вашихъ людей ранилъ г. Морвеля и убилъ двухъ караульныхъ.

— Одинъ изъ моихъ людей? Кто же это? — спросилъ Генрихъ.

— Всѣ указываютъ на графа де-ла-Моля.

— Графъ де-ла-Моль не принадлежитъ къ моей свитѣ, ваше величество. Онъ находится на службѣ у герцога Алансонскаго, которому рекомендовала его ваша дочь.

— Но кто же все-таки былъ у тебя, Генрихъ? — спросилъ Карлъ. — Де-ла-Моль?

— Какъ же могу я знать это, ваше величество? Можетъ-быть, это былъ онъ, а можетъ-быть, нѣтъ. Графъ де-ла-Моль — хорошій слуга, глубоко преданный королевѣ Наваррской. Онъ часто приходилъ ко мнѣ съ какимъ-нибудь порученіемъ то отъ нея, то отъ самого герцога Алансонскаго. Я не могу утверждать, что это былъ не ла-Моль.

— Это былъ онъ, — сказала Екатерина. — Узнали его вишневый плащъ.

— У графа де-ла-Моля есть вишневый плащъ?

— Да.

— А человѣкъ, такъ отдѣлавшій моихъ людей, — сказалъ Карлъ, — и г. Морвеля...

— Былъ въ вишневомъ плащѣ? — спросилъ Генрихъ.

— Совершенно вѣрно.

— Мнѣ нечего возразить на это, — сказалъ Генрихъ. — Но мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допрашивать не меня, такъ какъ я даже не былъ дома, а графа де-ла-Моля, который, по вашимъ словамъ, былъ у меня. Только я долженъ обратить вниманіе, ваше величество, на одно обстоятельство.

— А именно?

— Если бы приказъ объ арестѣ предъявили мнѣ, и я, вмѣсто того, чтобы повиноваться, сталъ бы оказывать сопротивленіе, то, конечно, я былъ бы виноватъ и достоинъ наказанія. Но вѣдь хотѣли арестовать не меня, а человѣка, до котораго этотъ приказъ совсѣмъ не относится. Его хотѣли задержать несправедливо, онъ защищался, кстати сказать, великолѣпно, и имѣлъ на это полное право.

— Однако... — начала было Екатерина.

— Въ приказѣ было сказано, чтобы арестовали меня? — спросилъ Генрихъ.

— Да, — отвѣтила Екатерина, — и самъ король подписалъ его.

— А было тамъ прибавлено, чтобы, въ случаѣ моего отсутствія, арестовали того, кого найдутъ у меня въ спальнѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, если не будетъ доказано, что я заговорщикъ, а человѣкъ, бывшій у меня въ комнатѣ, — мой сообщникъ, онъ долженъ считаться невиннымъ... Государь, — прибавилъ Генрихъ, обращаясь къ королю, — я не уйду изъ Лувра. По одному слову вашего величества, я готовъ отправиться въ любую тюрьму, въ какую вамъ угодно будетъ заключить меня. Но пока то, въ чемъ меня обвиняютъ, не доказано, я имѣю право называться и называюсь вѣрнымъ подданнымъ и братомъ вашего величества.

И съ достоинствомъ, котораго до сихъ поръ не замѣчали въ немъ, Генрихъ поклонился Карлу и вышелъ.

— Браво, Генрихъ! — сказалъ Карлъ, когда король Наваррскій ушелъ.

— Браво? Потому что онъ одержалъ надъ нами верхъ? — спросила Екатерина.

— Такъ что же изъ этого? Когда я съ нимъ фехтую и онъ дотрогивается до меня шпагой, развѣ я не кричу ему „браво“? Вы напрасно относитесь къ нему такъ презрительно, матушка.

— Сынъ мой, — сказала Екатерина, сжимая руку Карла, — я не презираю, а боюсь его.

— И совершенно напрасно, матушка, Генрихъ—мой другъ. Если бы онъ желалъ мнѣ зла, то, какъ онъ самъ говоритъ, ему стоило не вмѣшиваться, когда кабанъ бросился на меня.

— Да, чтобы герцогъ Анжуйскій, его смертельный врагъ, сдѣлался французскимъ королемъ?

— Почему бы Генрихъ ни спасъ мнѣ жизнь, — сказалъ Карлъ, — онъ во всякомъ случаѣ спасъ ее и я не хочу, чтобы ему дѣлали непріятности, чортъ побери! Что касается до графа де-ла-Моля, то я потолкую о немъ съ Алансонскимъ, у котораго онъ находится на службѣ.

Слова эти означали конецъ аудіенціи, и Екатерина ушла, не совсѣмъ довольная.

Ла-Моль, какъ человѣкъ незначительный, казался ей слишкомъ ничтожной жертвой.

Войдя къ себѣ, Екатерина увидала поджидавшую ее Маргариту.

— А, это ты, дочь моя, — сказала она. — Я посылала за тобой вчера вечеромъ.

— Да, я знаю, ваше величество. Меня не было дома.

— А сегодня утромъ?

— А сегодня утромъ я пришла предупредить васъ, что вы собираетесь сдѣлать большую несправедливость.

— Какую же?

— Вы хотите отдать приказъ арестовать графа де-ла-Моля?

— Ты ошибаешься, дочь моя. Я не приказываю арестовать никого. Приказываетъ король, а не я.

— Не будемъ спорить о словахъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, — сказала Маргарита. — Графа де-ла-Моля арестуютъ?

— Очень возможно.

— Его обвиняютъ въ томъ, что нынѣшней ночью онъ убилъ въ спальнѣ короля Наваррскаго двухъ караульныхъ и ранилъ г. Морвеля?

— Да, его, дѣйствительно, обвиняютъ въ этомъ.

— И совершенно несправедливо, ваше величество, — сказала Маргарита. — Графъ де-ла-Моль невиненъ.

— Невиненъ? — воскликнула Екатерина, вздрогнувъ отъ радости: она поняла, что Маргарита можетъ разъяснить ей многое.

— Да, невиненъ, — сказала Маргарита. — Онъ не можетъ быть виновнымъ, такъ какъ не былъ у короля.

— А гдѣ же онъ былъ?

— У меня, ваше величество.

— У тебя?

— Да, у меня.

Никакой гнѣвной вспышки, какой можно было ожидать отъ Екатерины, послѣ такого признанія принцессы королевской крови, не послѣдовало. Она только скрестила руки на груди.

— И если графа де-ла-Моля арестуютъ, — проговорила она послѣ небольшой паузы, — и станутъ допрашивать...

— То онъ скажетъ гдѣ и съ кѣмъ онъ былъ, — отвѣтила Маргарита, хоть была совершенно увѣрена въ противномъ.

— Если это такъ, то ты права, дочь моя. Арестовать графа де-ла-Моля нельзя.

Маргарита вздрогнула: ей показалось, что въ тонѣ, какимъ Екатерина произнесла эти слова, кроется какой-то ужасный и тайный смыслъ. Но возражать ей было нечего—вѣдь просьбу ея исполнили.

— Итакъ, у короля былъ не графъ де-ла-Моль, — сказала Екатерина. — Значитъ, тамъ былъ кто-то другой.

Маргарита молчала.

— Ты знаешь, кто это былъ, дочь моя? — спросила Екатерина.

— Нѣтъ, матушка, — нерѣшительно отвѣтила Маргарита.

— Полно, будь откровенна до конца.

— Повторяю вамъ, ваше величество, что не знаю, — снова сказала Маргарита, невольно поблѣднѣвъ.

— Хорошо, хорошо, мы разслѣдуемъ это,—равнодушно проговорила Екатерина.—Можешь итти, дочь моя. Не безпокойся, мать позаботится, чтобы твоя репутація не пострадала.

Маргарита ушла.

— А, они заодно! — пробормотала Екатерина. — Генрихъ и Маргарита сговариваются между собою. Мужъ закрываетъ глаза на все, лишь бы жена молчала. Вы очень ловки, дѣти мои, и, навѣрное, воображаете себя сильными. Но вся ваша сила въ союзѣ, а я разобью васъ поодиночкѣ. Да и наступитъ же, наконецъ, день, когда Морвель будетъ въ состояніи произнести хоть одно слово или написать нѣсколько буквъ, и въ этотъ

день мы узнаемъ все... Да, узнаемъ, но къ тому времени виновный будетъ уже въ безопасности. Самое лучшее разъединить ихъ теперь же.

Придя къ такому рѣшенію, королева снова пошла къ сыну. Онъ разговаривалъ съ герцогомъ Алансонскимъ.

— А, это вы, матушка?—нахмуривъ брови, сказалъ Карлъ.

— Почему же ты не прибавилъ „опять"? Вѣдь ты подумалъ это, Карлъ.

— Въ моихъ мысляхъ я не обязанъ отдавать отчетъ никому, — отвѣтилъ король тѣмъ довольно грубымъ тономъ, какимъ говорилъ иногда даже съ Екатериной.—Что вамъ нужно? Говорите скорѣе.

— Я пришла сказать тебѣ, Карлъ, что ты былъ правъ. А ты ошибался, Франсуа.

— Въ чемъ? — спросили оба брата.

— У короля Наваррскаго былъ не графъ де-ла-Моль.

— Неужели? — воскликнулъ, поблѣднѣвъ, Франсуа.

— А кто же? — спросилъ Карлъ.

— Пока еще неизвѣстно, — отвѣтила Екатерина,— мы узнаемъ все, когда Морвель будетъ въ состояніи говорить. Оставимъ пока этотъ вопросъ въ сторонѣ—онъ скоро разъяснится— и вернемся къ графу де-ла-Молю.

— Если графъ де-ла-Моль не былъ у короля Наваррскаго,— сказалъ Карлъ,— то какое же вамъ дѣло до того, матушка?

— Онъ, дѣйствительно, не былъ у короля, но онъ былъ... у королевы.

— У королевы? — расхохотавшись, воскликнулъ Карлъ.

— У королевы? — пробормоталъ, поблѣднѣвъ, какъ смерть, герцогъ Алансонскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! — сказалъ король. — Гизъ говорилъ мнѣ, что ему попались навстрѣчу носилки Марго.

— Что же это доказываетъ?—возразила королева.— Вѣдь у нея есть домъ въ городѣ.

— На улицѣ Клошъ-Персе? — воскликнулъ король.

— Да.

— О, это ужъ слишкомъ! — сказалъ герцогъ Алансонскій.— И она же сама рекомендовала мнѣ графа де-ла-Моля!

— А, теперь понимаю! — сказалъ вдругъ король.— Значитъ, это онъ защищался противъ насъ нынѣшней ночью и швырнулъ мнѣ въ голову серебряную кружку! Негодяй!

— Да, да, негодяй! — повторилъ Франсуа.

— Вы правы, дѣти мои, — сказала Екатерина, какъ бы не понимая, какія чувства волнуютъ ея сыновей. — Если этотъ господинъ проговорится, выйдетъ ужасный скандалъ. Онъ мо-

жетъ погубить репутацію французской принцессы; для этого ему достаточно только выпить лишнее.

— Или расхвастаться, — добавилъ Франсуа.

— Конечно, конечно, — согласился Карлъ. — Но не можемъ же мы довести дѣла до суда, если Генрихъ не выступитъ истцомъ.

— Сынъ мой, — сказала Екатерина, положивъ руку на плечо Карла и какъ бы стараясь этимъ движеніемъ обратить его вниманіе на свои слова, — выслушай меня внимательно. Совершонъ ужасный поступокъ и можетъ произойти скандалъ. Но не съ помощью судей и палача наказываются такія преступленія противъ августѣйшихъ особъ. Если бы вы были простыми дворянами, то мнѣ нечего было бы учить васъ — вы оба храбры. Но одинъ изъ васъ король, а другой — принцъ, и потому вы не можете биться съ дворяниномъ. Отомстите, какъ принцы.

— Тысяча чертей! — воскликнулъ Карлъ. — Вы правы, матушка, я постараюсь придумать что-нибудь.

— Я помогу вамъ, братъ, — сказалъ Франсуа.

— А я, — сказала Екатерина, развязывая черный шелковый шнурокъ съ кистями на концахъ, который три раза опоясывалъ ея талью и спускался до колѣнъ, — я ухожу и оставляю вамъ вотъ это вмѣсто себя.

И она бросила шнурокъ къ ногамъ братьевъ.

— А, понимаю, — сказалъ Карлъ.

— Этотъ шнурокъ... — проговорилъ герцогъ Алансонскій, поднимая его.

— Это наказаніе и молчаніе, — торжествующимъ тономъ докончила Екатерина. — Только, — добавила она, — слѣдовало бы посвятить во все это Генриха и добиться его участія.

И она ушла.

— Его будетъ не трудно уговорить, когда онъ узнаетъ, что жена измѣняетъ ему, — сказалъ герцогъ Алансонскій. — Итакъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ королю, — вы согласны съ мнѣніемъ матушки?

— Вполнѣ, — отвѣтилъ король. — Это будетъ непріятно Маргаритѣ, но доставитъ удовольствіе Генриху.

Позвавъ караульнаго офицера, Карлъ велѣлъ попросить къ себѣ короля Наваррскаго, но тотчасъ же измѣнилъ свое рѣшеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ, — я пойду къ нему самъ. А ты, Алансонскій, предупреди Анжуйскаго и Гиза.

И король, выйдя изъ комнаты, пошелъ по винтовой лѣсенкѣ, которая вела во второй этажъ, къ самой двери Генриха.

VIII.

Планы мщенія.

Послѣ допроса, который Генрихъ выдержалъ такъ блистательно, онъ воспользовался свободной минутой и отправился къ баронессѣ де-Совъ. Тамъ онъ нашелъ Оршана, совершенно оправившагося послѣ своего обморока. Генрихъ сталъ разспрашивать его, но узналъ немногое. Оршанъ могъ только сообщить ему, что какіе-то вооруженные люди ворвались къ нимъ и что ихъ начальникъ ударилъ его по головѣ эфесомъ шпаги, отчего онъ потерялъ сознаніе.

Объ Оршанѣ никто не справлялся. Екатерина видѣла его въ то время, какъ онъ лежалъ безъ чувствъ, и приняла его за мертваго. Онъ пришелъ въ себя, когда она удалялась, а капитанъ Нансэ, которому она поручила привести все въ порядокъ, еще не успѣлъ прійти.

Генрихъ попросилъ Шарлотту оставить у себя Оршана до тѣхъ поръ, пока не получатся извѣстія отъ де-Муи, который, какъ онъ надѣялся, долженъ былъ скоро прислать ему вѣсточку о себѣ. Тогда онъ отправитъ къ нему отвѣтъ съ Оршаномъ и вмѣсто одного вѣрнаго человѣка ему можно будетъ разсчитывать на двоихъ.

Принявъ такое рѣшеніе, Генрихъ вернулся къ себѣ и сталъ, глубоко задумавшись, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ король.

— Ваше величество! — воскликнулъ Генрихъ, бросившись къ нему навстрѣчу.

— Я самъ... Ну, право же, Генрихъ, ты такой славный малый, что я начинаю любить тебя все больше и больше!

— Ваше величество слишкомъ милостивы ко мнѣ.

— У тебя есть только одинъ недостатокъ, Генрихъ.

— Какой? Тотъ, что я предпочитаю псовую охоту соколиной? Вы не разъ упрекали меня въ этомъ, государь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я подразумѣвалъ не это, Генрихъ. Я говорилъ о другомъ.

— Въ такомъ случаѣ соблаговолите объясниться, ваше величество, и я постараюсь исправиться, — сказалъ Генрихъ, видя по улыбкѣ Карла, что тотъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Твой недостатокъ состоитъ въ томъ, Генрихъ, что, несмотря на свои прекрасные глаза, ты видишь не такъ хорошо, какъ бы слѣдовало.

— Неужели же я, самъ того не подозрѣвая, близорукъ?

— Хуже, Генрихъ, еще хуже. Ты слѣпъ.

— Слѣпъ? — сказалъ беарнецъ. — Но, можетъ-быть, такое несчастье случается со мной только въ то время, какъ я закрываю глаза?

— Да, да, ты на это способенъ, — замѣтилъ Карлъ. — Во всякомъ случаѣ я намѣренъ открыть ихъ тебѣ.

— Я слушаю, государь.

— Когда вчера вечеромъ Гизъ сказалъ, что видѣлъ носилки твоей жены и что ее сопровождалъ какой-то франтъ, ты не захотѣлъ повѣрить ему?

— Государь, — отвѣтилъ Генрихъ, — развѣ можно повѣрить, что сестра вашего величества способна на такой неблагоразумный поступокъ?

— Когда онъ сказалъ, что твоя жена отправилась на улицу Клошъ-Персе, ты тоже не захотѣлъ повѣрить ему?

— Развѣ возможно предположить, государь, чтобы французская принцесса такъ рисковала своей репутаціей?

— Когда мы осаждали домъ на улицѣ Клошъ-Персе, — продолжалъ король, — и въ меня пустили серебряной кружкой, попавшей мнѣ въ плечо, герцогу Анжуйскому швырнули апельсинный компотъ на голову, а Гизу кабанью ногу въ лицо, видѣлъ ты на балконѣ двоихъ мужчинъ и двухъ женщинъ?

— Я не видалъ никого. Ваше величество, можетъ-быть, припомните, что я разспрашивалъ привратника.

— А я видѣлъ ихъ.

— Если ваше величество видѣли, значитъ, они были тамъ.

— Да, я видѣлъ двоихъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Ну, такъ теперь мнѣ извѣстно навѣрное, что одна изъ этихъ женщинъ была Марго, а одинъ изъ мужчинъ — графъ де-ла-Моль.

— Какъ же это такъ? — спросилъ Генрихъ. — Вѣдь если графъ де-ла-Моль былъ на улицѣ Клошъ-Персе, то онъ не могъ быть здѣсь.

— Онъ и не былъ здѣсь. Но теперь вопросъ не въ томъ, кто былъ тутъ — мы узнаемъ все, когда этотъ оселъ Морвель будетъ въ состояніи писать или говорить. Дѣло въ томъ, что Марго обманываетъ тебя.

— Не слѣдуетъ вѣрить всякимъ сплетнямъ, государь.

— Вѣдь я же говорилъ тебѣ, что ты не только близорукъ, а совсѣмъ слѣпъ, чортъ возьми! Повѣрь же мнѣ, наконецъ, упрямецъ! Повторяю тебѣ, что Марго обманываетъ тебя. Мы сегодня вечеромъ задушимъ ея возлюбленнаго.

Генрихъ вздрогнулъ и съ изумленіемъ взглянулъ на короля.

— Сознайся, Генрихъ, что въ глубинѣ души ты ничего не ...ѣешь противъ этого, — продолжалъ король. — Марго, конечно,

раскричится, какъ сто тысячъ воронъ, но, клянусь честью, тѣмъ хуже для нея. Я не хочу, чтобы тебя дѣлали несчастнымъ. Герцогъ Анжуйскій можетъ сколько угодно обманывать Кондэ; мнѣ до этого дѣла нѣтъ, такъ какъ Кондэ — мой врагъ. Но ты... ты мой братъ... Больше, чѣмъ братъ — ты мой другъ.

— Однако, государь...

— И я не хочу, чтобы тебя оскорбляли и издѣвались надъ тобою. Ужъ довольно давно ты служишь предметомъ насмѣшекъ всѣхъ этихъ дворянчиковъ, которые пріѣзжаютъ изъ провинціи подбирать наши крохи и ухаживать за нашими женами. Тебя обманули, Генрихъ, это можетъ случиться со всякимъ. Но, клянусь, я дамъ тебѣ случай великолѣпнѣйшимъ образомъ отомстить. Вотъ увидишь, что завтра всѣ будутъ говорить: „А король Карлъ, должно-быть, очень любитъ своего брата Генриха: нынѣшней ночью онъ заставилъ графа де-ла-Моля преуморительно высунуть языкъ“.

— Это ужъ рѣшено, государь?

— Рѣшено и подписано. Мы расправимся съ нимъ сами: я, Анжуйскій, Алансонскій и Гизъ. Король, два принца крови и владѣтельный герцогъ, не считая тебя. Кажется, этому господину не на что будетъ пожаловаться.

— Какъ, не считая меня?

— Да вѣдь ты, конечно, будешь съ нами?

— Я?

— Да, ты. Ты по-королевски нанесешь этому молодцу ударъ кинжаломъ въ то время, какъ мы накинемъ ему петлю на шею.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, ваше величество. Но почему вы знаете...

— Чортъ возьми! Этотъ негодяй, какъ кажется, хвастался. Онъ видается съ Марго то въ Луврѣ, то въ ея домѣ, на улицѣ Клошъ-Персе. Они вмѣстѣ сочиняютъ стихи, пасторали... Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на стихи этого франта!.. Смотри же, возьми съ собой кинжалъ поострѣе.

— Государь, — сказалъ Генрихъ, — принимая во вниманіе всѣ обстоятельства...

— Что такое?

— Ваше величество согласитесь, что мое присутствіе и личное участіе въ этомъ дѣлѣ было бы не совсѣмъ прилично. Оно касается меня слишкомъ близко, и потому мое вмѣшательство можетъ быть приписано жестокости. Ваше величество мстите за честь сестры, мстите фату, хвалившемуся благосклонностью Маргариты и оклеветавшему ее. Съ вашей стороны такая месть вполнѣ понятна и не можетъ повредить репутаціи

моей жены, которую я продолжаю считать невинной. Но если и я приму участіе въ этомъ дѣлѣ, то выйдетъ ужъ нѣчто другое. Это будетъ ужъ не правосудіе, а мстительность, не заслуженное наказаніе, а убійство, и жену мою станутъ считать не оклеветанной, а виновной.

— Чортъ возьми! Твои слова — чистое золото, Генрихъ. Я сейчасъ только говорилъ матушкѣ, что ты уменъ, какъ чортъ!

И Карлъ ласково взглянулъ на Генриха, который поклонился, благодаря за комплиментъ.

— Но ты все-таки доволенъ, что тебя избавятъ отъ этого франта?—спросилъ король.

— Все, что дѣлаетъ ваше величество,—хорошо,—отвѣтилъ Генрихъ.

— Ну, и отлично, предоставь мнѣ дѣйствовать за тебя. Будь спокоенъ, все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

— Я вполнѣ полагаюсь на ваше величество.

— Въ которомъ часу приходитъ онъ обыкновенно къ твоей женѣ?

— Около девяти часовъ вечера.

— А уходитъ?

— До меня. Мнѣ ни разу не случалось встрѣчаться съ нимъ.

— А именно?

— Около одиннадцати часовъ.

— Хорошо. Ступай сегодня къ Марго въ полночь; къ этому времени все ужъ будетъ кончено.

И Карлъ, дружески пожавъ Генриху руку и еще разъ увѣривъ его въ своемъ расположеніи, вышелъ, насвистывая свою любимую охотничью пѣсню.

— Ventre-saint-gris! — пробормоталъ Генрихъ, провожая глазами уходившаго короля. — Готовъ поручиться, что всю эту чертовщину придумала королева-мать. Она ужъ не знаетъ, что выдумать, чтобы поссорить насъ, меня и жену. Такихъ примѣрныхъ супруговъ!

И Генрихъ засмѣялся такъ, какъ смѣялся, когда никто не могъ ни видѣть ни слышать его.

Около семи часовъ вечера, въ тотъ самый день, какъ происходило все это, красивый молодой человѣкъ, только что взявшій ванну, стоялъ передъ зеркаломъ въ одной изъ комнатъ Лувра и, причесываясь и прихорашиваясь, напѣвалъ пѣсню.

Около него спалъ или, вѣрнѣе, потягивался, лежа на постели, другой молодой человѣкъ.

Первый былъ нашъ пріятель ла-Моль, о которомъ было столько толковъ въ этотъ день, второй — его другъ Коконна.

Ла-Моль не слыхалъ грома надвигавшейся на него грозы и не видалъ блеска сверкавшей молніи. Вернувшись къ себѣ въ три часа утра, онъ лежалъ въ постели до трехъ часовъ пополудни и то спалъ, то мечталъ, строя воздушные замки на томъ зыбучемъ пескѣ, который называется жизнью. Потомъ онъ всталъ, взялъ ванну, пообѣдалъ у метра ла-Гюрьера и, вернувшись въ Лувръ, занялся своимъ туалетомъ, собираясь отправиться, какъ всегда, къ королевѣ.

— Такъ ты говоришь, что обѣдалъ? — зѣвая, спросилъ Коконна.

— Да, и съ большимъ аппетитомъ.

— Почему же ты не взялъ меня съ собою? Какой ты эгоистъ!

— Ты спалъ такъ крѣпко, что мнѣ не хотѣлось будить тебя. А знаешь что? Устрой себѣ ужинъ вмѣсто обѣда. Главное, не забудь спросить у ла-Гюрьера то анжуйское винцо, которое онъ получилъ на-дняхъ.

— Хорошо оно?

— Спроси только и увидишь самъ.

— А ты куда собираешься?

— Куда я собираюсь? — сказалъ ла-Моль, удивляясь, что пріятель сдѣлалъ ему такой вопросъ. — Я иду ухаживать за королевой.

— А не пойти ли мнѣ пообѣдать въ нашъ домикъ на улицѣ Клошъ-Персе? — сказалъ Коконна. — Тамъ, навѣрное, найдутся остатки отъ вчерашняго ужина и есть очень недурное аликанте.

— Это будетъ неблагоразумно съ твоей стороны, Аннибалъ, послѣ того, что случилось сегодня ночью. Къ тому же съ насъ взяли слово не ходить туда однимъ... Передай-ка мнѣ мой плащъ!

— Ахъ, да, — сказалъ Коконна, — я и забылъ, что мы дали слово... Да куда же къ чорту провалился твой плащъ?.. А, вотъ онъ!

— Нѣтъ, это не тотъ. Ты даешь мнѣ черный, а мнѣ нуженъ вишневый. Королева находитъ, что онъ идетъ ко мнѣ больше.

— Ищи его самъ, — сказалъ Коконна, оглядѣвшись по сторонамъ, — я не могу найти его.

— Не можешь найти? Да гдѣ же онъ?

— Ты, должно-быть, продалъ его.

— Съ какой стати? У меня еще есть шесть экю.

— Такъ надѣнь мой.

— Ну, нѣтъ! Въ зеленомъ камзолѣ и желтомъ плащѣ я буду похожъ на попугая.

— Клянусь честью, ты ужъ слишкомъ разборчивъ! Въ такомъ случаѣ устраивайся самъ, какъ знаешь.

Въ ту минуту, какъ ла-Моль, перерывъ все, началъ осыпать проклятіями воровъ, забирающихся даже въ Луврь, въ комнату вошелъ пажъ герцога Алансонскаго съ драгоцѣннымъ плащомъ въ рукахъ.

— А, вотъ онъ! — воскликнулъ ла-Моль. — Наконецъ!

— Вотъ вашъ плащъ, г. графъ, — сказалъ пажъ. — Его высочество держалъ пари относительно его цвѣта и, желая удостовѣриться, правъ ли онъ, велѣлъ принести плащъ къ себѣ.

— Я искалъ его только потому, что собирался выйти, — отвѣтилъ ла-Моль. — Но если онъ нуженъ его высочеству...

— Нѣтъ, г. графъ, онъ больше уже не нуженъ ему.

Пажъ ушелъ, а ла-Моль надѣлъ плащъ.

— Ну, какъ же ты рѣшилъ? — спросилъ онъ.

— Пока еще никакъ, — отвѣтилъ Коконна.

— Будешь ты дома вечеромъ?

— Какъ же ты хочешь, чтобы я зналъ это?

— Ты не знаешь, что будешь дѣлать черезъ два часа?

— Я знаю, что буду дѣлать, но не знаю, что меня заставятъ дѣлать.

— Кто? Герцогиня Неверская?

— Нѣтъ, герцогъ Алансонскій.

— Я, дѣйствительно, замѣтилъ, — сказалъ ла-Моль, — что онъ съ нѣкотораго времени очень любезенъ съ тобой.

— Да, это правда, — согласился Коконна.

— Значитъ, тебѣ нечего безпокоиться за будущее, — смѣясь, сказалъ ла-Моль. — Онъ выведетъ тебя въ люди.

— Полно! Младшій-то сынъ?

— Ему такъ хочется сдѣлаться старшимъ, — сказалъ ла-Моль, — что небо, можетъ-быть, совершитъ чудо ради него... Итакъ, ты не знаешь, гдѣ будешь вечеромъ?

— Не знаю.

— Такъ убирайся къ чорту... или лучше прощай!

— Какой чудакъ этотъ ла-Моль! — проворчалъ Коконна, когда другъ его ушелъ. — Онъ хочетъ, чтобы я сказалъ, гдѣ буду вечеромъ. А какъ могу я знать это? Я знаю только одно, что мнѣ хочется спать!

И онъ снова легъ.

А ла-Моль отправился къ королевѣ. Въ извѣстномъ читателю коридорѣ онъ встрѣтился съ герцогомъ Алансонскимъ.

— А, это вы, графъ де-ла-Моль? — сказалъ герцогъ.

— Да, ваше высочество, — отвѣтилъ, почтительно поклонившись, ла-Моль.

— Вы уходите изъ Лувра?

— Нѣтъ, ваше высочество, я иду засвидѣтельствовать мое почтеніе ея величеству, королевѣ Наваррской.

— А въ которомъ часу вы уйдете отъ нея, графъ де-ла-Моль?

— Вашему высочеству угодно что-нибудь приказать мнѣ?

— Пока нѣтъ; но мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами вечеромъ.

— Въ которомъ часу?

— Между девятью и десятью.

— Я буду имѣть честь явиться въ это время къ вашему высочеству.

Ла-Моль поклонился и пошелъ дальше.

— Этотъ герцогъ, — пробормоталъ онъ, — бываетъ иногда блѣденъ, какъ настоящій мертвецъ. Странно!

Черезъ минуту онъ постучалъ въ дверь, ведущую въ покои королевы Наваррской. Поджидавшая его Гильона тотчасъ же провела его къ Маргаритѣ.

Королева была занята работой, повидимому, сильно утомившей ее. Листъ бумаги со множествомъ помарокъ и томъ Изократа лежали около нея. Она сдѣлала ла-Молю знакъ подождать и, докончивъ фразу, бросила перо и предложила молодому человѣку сѣсть около нея.

Ла-Моль такъ и сіялъ. Никогда, казалось, не былъ онъ такъ красивъ и такъ веселъ.

— Рѣчь Изократа!—воскликнулъ онъ, взглянувъ на книгу.— Что вы будете дѣлать съ нею?.. Ого, вы переводите съ греческаго на латинскій: Ad Sarmatiae legatos reginae Margaritae concio!.. Значитъ, вы хотите привѣтствовать этихъ варваровъ по-латыни?

— Что же дѣлать? — отвѣтила Маргарита. — Вѣдь они не говорятъ по-французски.

— Но какъ же можете вы писать отвѣтъ, не зная, что скажутъ они?

— Я могла бы отвѣтить вамъ, что буду говорить, не подготовившись, но обманывать васъ я не хочу. Мнѣ дали заранѣе прочитать ихъ рѣчь, и я отвѣчаю на нее.

— Значитъ, послы пріѣдутъ скоро?

— Они уже здѣсь съ сегодняшняго утра.

— Но никто еще не знаетъ этого?

— Да, они пріѣхали инкогнито. Торжественный въѣздъ ихъ отложенъ, какъ кажется, до послѣзавтра. Вы увидите, — съ довольнымъ видомъ прибавила Маргарита, — что мой отвѣтъ составленъ по-цицероновски. Впрочемъ, довольно объ этихъ пустякахъ. Поговоримъ о томъ, что случилось съ вами

— Со мной?

— Да.

— Что же такое со мной случилось?

— Полноте! Какъ вы ни храбритесь, а я все-таки замѣчаю, что вы сегодня блѣднѣе обыкновеннаго.

— Должно-быть, оттого, что я слишкомъ много спалъ. Смиренно сознаюсь въ этомъ.

— Не будьте такимъ фанфарономъ, ла-Моль. Я знаю все.

— Такъ потрудитесь сказать мнѣ, въ чемъ дѣло. Я, съ своей стороны, не знаю ничего.

— Хорошо, отвѣчайте мнѣ откровенно. Что спрашивала у васъ королева-мать?

— Королева-мать? Развѣ она хотѣла говорить со мною?

— Какъ? Вы не видались съ нею?

— Нѣтъ.

— А съ королемъ Карломъ?

— И съ нимъ нѣтъ.

— А съ королемъ Наваррскимъ?

— Тоже нѣтъ.

— Ну, а герцога Алансонскаго вы видѣли?

— Да, я встрѣтился съ нимъ сію минуту въ коридорѣ.

— Что онъ вамъ сказалъ?

— Что ему нужно будетъ дать какія-то приказанія между девятью и десятью часами вечера.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Странно!

— Что же кажется вамъ страннымъ?

— То, что вы ничего не знаете.

— А что такое случилось?

— Случилось то, что въ продолженіе всего нынѣшняго дня вы висѣли надъ пропастью!

— Я?

— Да, вы.

— Какимъ это образомъ?

— Слушайте. Сегодня ночью хотѣли арестовать короля Наваррскаго. Его не было дома, а въ его спальнѣ застали де-Муи. Онъ убилъ троихъ и убѣжалъ такъ быстро, что замѣтили только его вишневый плащъ.

— Ну?

— Ну, этотъ вишневый плащъ, который разъ обманулъ меня, обманулъ и другихъ. Васъ подозрѣваютъ, васъ даже обвиняютъ въ тройномъ убійствѣ. Сегодня утромъ васъ хотѣли арестовать, судить и — кто знаетъ? — можетъ-быть, обви-

нить. Вѣдь для того, чтобы спасти свою жизнь, вы, навѣрное, не захотѣли бы сказать, гдѣ вы были?

— Сказать, гдѣ я былъ?! — воскликнулъ ла-Моль. — Компрометировать васъ, моя прекрасная королева? О, вы правы! Я умеръ бы съ радостью, чтобы избавить даже отъ одной слезы ваши чудные глаза!

— Увы! Мои чудные глаза пролили бы въ такомъ случаѣ много слезъ! — сказала Маргарита.

— Но какъ же утихла такая гроза?

— Угадайте.

— Какъ могу я угадать.

— Было только одно средство доказать, что вы не были въ спальнѣ короля Наваррскаго.

— Какое?

— Сказать, гдѣ вы были.

— Ну?

— Ну, я и сказала это.

— Кому?

— Моей матери.

— И королева Екатерина...

— Знаетъ, что я люблю васъ.

— О, ваше величество, послѣ того, что вы сдѣлали для меня, вы можете требовать отъ меня всего, всего! Вашъ поступокъ великъ и прекрасенъ, Маргарита! Моя жизнь принадлежитъ вамъ!

— Надѣюсь, такъ какъ я вырвала ее у тѣхъ, кто хотѣлъ отнять ее у меня. Но теперь вы спасены.

— И вами! — воскликнулъ молодой человѣкъ. — Моей обожаемой королевой!

Въ эту минуту раздался звонъ разбитаго стекла, и что-то съ громомъ упало на полъ. Ла-Моль въ ужасѣ отшатнулся назадъ; Маргарита вскрикнула и устремила глаза на разбитое окно.

Въ него влетѣлъ камень величиною съ яйцо; онъ еще катился по полу.

Ла-Моль тоже увидалъ разбитое стекло и камень, который кто-то бросилъ въ него.

— Какой дерзкій осмѣлился!.. — воскликнулъ онъ, бросившись къ окну.

— Погодите минутку, — остановила его Маргарита, — къ камню какъ будто что-то привязано.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ, — сказалъ ла-Моль, — какая-то бумажка.

Маргарита схватила камень и сняла обернутую кругомъ него узенькую полоску бумаги. Она была привязана къ камню

бечевкой, другой конецъ которой спускался наружу черезъ отверстіе разбитаго стекла.

Маргарита развернула записку и прочитала ее.

— Несчастный! — воскликнула она.

И протянула ее ла-Молю, который стоялъ блѣдный и неподвижный, какъ статуя Ужаса.

Съ сердцемъ, сжатымъ тяжелымъ предчувствіемъ, онъ взялъ записку и прочиталъ:

„Графа де-ла-Моля ждутъ съ длинными шпагами въ коридорѣ, ведущемъ къ герцогу Алансонскому. Можетъ-быть, онъ сочтетъ болѣе благоразумнымъ спастись черезъ это окно и присоединиться къ де-Муи въ Мантѣ?"

— Не думаю, — сказалъ ла-Моль, прочитавъ записку, — чтобы эти шпаги были длиннѣе моей!

— Да, но ихъ можетъ быть десять противъ вашей одной.

— Какой же другъ прислалъ намъ эту записку? — спросилъ ла-Моль.

Маргарита взяла у него бумажку и внимательно посмотрѣла на нее.

— Почеркъ короля Наваррскаго! — воскликнула она. — Если предупреждаетъ онъ, значитъ, опасность существуетъ на самомъ дѣлѣ. Бѣгите, ла-Моль, бѣгите — я сама прошу васъ объ этомъ!

— Какъ же я убѣгу? — спросилъ ла-Моль.

— Черезъ это окно. Вѣдь въ запискѣ прямо указывается на него.

— Вамъ стоитъ приказать, моя королева, — воскликнулъ ла-Моль, — и я выпрыгну изъ него, хоть бы мнѣ пришлось разбиться насмерть!

— Постойте, постойте! — остановила его Маргарита, — къ веревкѣ, кажется, привязано что-то тяжелое.

— Посмотримъ, — сказалъ ла-Моль.

Они оба стали тянуть веревку и съ радостью увидали, что къ ней привязана сплетенная изъ шелка и конскаго волоса лѣстница.

— Вы спасены! — воскликнула Маргарита.

— Небо совершило чудо!

— Нѣтъ, король Наваррскій оказалъ намъ услугу.

— А если это, напротивъ, ловушка? — сказалъ ла-Моль. — Если лѣстница оборвется, какъ только я ступлю на нее? Вѣдь вы сегодня признались, что любите меня.

Маргарита, у которой отъ радости выступилъ на щекахъ яркій румянецъ, поблѣднѣла при этихъ словахъ, какъ смерть.

— Вы правы, — сказала она, — это очень возможно.

И она бросилась къ двери.

— Что вы хотите дѣлать?! — воскликнулъ ла-Моль.

— Удостовѣриться, дѣйствительно ли васъ ждутъ въ коридорѣ.

— Нѣтъ, я не допущу этого! Чтобы ихъ ярость обратилась на васъ...

— Что же могутъ они сдѣлать французской принцессѣ? Какъ женщина и какъ принцесса крови, я вдвойнѣ неприкосновенна.

Королева сказала это съ такимъ достоинствомъ, что ла-Моль не сталъ возражать ей: онъ понялъ, что она ничѣмъ не рискуетъ и что онъ долженъ предоставить ей поступать по-своему.

Приказавъ Гильонѣ сторожить около двери, Маргарита сказала ла-Молю, чтобы онъ, смотря по обстоятельствамъ, или бѣжалъ, или дожидался ея возвращенія, и вышла въ коридоръ. Онъ велъ въ библіотеку и нѣкоторыя пріемныя залы, а въ самомъ концѣ примыкалъ къ покоямъ короля, королевы и къ потайной лѣсенкѣ, которая вела къ Генриху и герцогу Алансонскому.

Хоть было только девять часовъ вечера, всѣ лампы уже потушили и въ коридорѣ было темно; только подальше, за поворотомъ, мерцалъ слабый свѣтъ.

Королева Наваррская смѣло шла впередъ. Когда она прошла около трети коридора, до нея донесся какой-то шопотъ. Говорившіе старались сдерживать голоса, и это придавало шопоту что-то таинственное и ужасное. Но въ то же мгновеніе онъ прекратился, и все снова погрузилось въ безмолвіе, а слабый свѣтъ сталъ какъ будто еще слабѣе.

Маргарита продолжала итти впередъ, туда, гдѣ ждала ее опасность, если только эта опасность существовала на самомъ дѣлѣ. И чѣмъ дальше она шла, тѣмъ полнѣе становилась окружавшая ее зловѣщая тишина, а около блѣднаго трепещущаго свѣта выдѣлялась яснѣе заслонявшая его тѣнь какъ будто руки.

Когда Маргарита дошла до поворота, какой-то человѣкъ выступилъ впередъ и, принявъ руку, которой заслонялъ пламя свѣчи въ серебряномъ вызолоченномъ подсвѣчникѣ, воскликнулъ:

— Вотъ онъ!

Маргарита очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ братомъ Карломъ. Сзади него стоялъ съ шелковымъ шнуркомъ въ рукѣ герцогъ Алансонскій. Подальше, въ темнотѣ, смутно виднѣлись какія-то двѣ фигуры; у нихъ въ рукахъ блестѣли обнаженныя шпаги.

Маргарита быстрымъ взглядомъ окинула все. Сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, она сдержала охватившій ее ужасъ и съ улыбкой сказала Карлу:

— Вы хотите сказать: „Вотъ она!“ государь?

— Это ты, Марго? — сказалъ король. — Куда идешь ты въ такое время?

— Въ такое время? Развѣ ужъ очень поздно?

— Я спрашиваю, куда ты идешь?

— За рѣчами Цицерона; я, кажется, оставила книгу у матушки.

— Почему же ты не взяла съ собой свѣчи?

— Я думала, что коридоръ освѣщенъ.

— Ты идешь отъ себя?

— Да.

— Что дѣлаешь ты сегодня вечеромъ?

— Я приготовляю отвѣтъ на рѣчь польскихъ пословъ. Вѣдь завтра будетъ совѣтъ и всѣ мы должны представить наши рѣчи на просмотръ вашему величеству.

— А помогаетъ тебѣ кто-нибудь въ этой работѣ?

— Да, братъ, — отвѣтила Маргарита, собравъ всѣ силы, — мнѣ помогаетъ графъ де-ла-Моль. Онъ человѣкъ ученый.

— Такой ученый, — сказалъ герцогъ Алансонскій, — что я просилъ его помочь и мнѣ, когда онъ кончитъ съ тобою, Маргарита. Мнѣ вѣдь далеко до тебя.

— И ты ждешь его? — самымъ естественнымъ тономъ спросила Маргарита.

— Да, — нетерпѣливо отвѣтилъ герцогъ Алансонскій.

— Такъ я пришлю его къ тебѣ, Франсуа; мы уже кончили.

— А твоя книга? — спросилъ Карлъ.

— Я пошлю за ней Гильону.

Братья переглянулись.

— Ну, иди, — сказалъ король, — а мы будемъ продолжать нашъ обходъ.

— Обходъ? Вы ищете кого-нибудь?

— Да, мы ищемъ маленькаго краснаго человѣчка. Вѣдь ты знаешь, что въ нашемъ старомъ Луврѣ иногда появляется красный человѣчекъ? Алансонскій увѣряетъ, что видѣлъ его, и мы отправились на поиски за нимъ.

— Желаю вамъ успѣха, — сказала Маргарита.

Она пошла къ себѣ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оглянулась назадъ: около стѣны коридора виднѣлись четыре тѣни, казалось, совѣщавшіяся о чемъ-то.

Въ одно мгновеніе Маргарита очутилась около своей двери.

— Отвори, Гильона! — сказала она. — Отвори скорѣе!

Гильона исполнила приказаніе.

Маргарита бросилась въ комнату; ла-Моль, спокойный и рѣшительный, стоялъ, держа обнаженную шпагу въ рукѣ.

— Бѣгите! — воскликнула королева. — Бѣгите, не теряя ни минуты! Васъ ждутъ въ коридорѣ—васъ хотятъ убить!

— Вы приказываете мнѣ бѣжать? — спросилъ ла-Моль.

— Да, да, я хочу этого. Мы должны разстаться, если хотимъ когда-нибудь снова свидѣться.

Во время отсутствія Маргариты ла-Моль прикрѣпилъ лѣстницу къ окну. Но прежде, чѣмъ ступить на нее, онъ нѣжно поцѣловалъ руку королевы.

— Если эта лѣстница-ловушка, — сказалъ онъ, — и я умру за васъ, Маргарита, не забывайте своего обѣщанія.

— Это не обѣщаніе, ла-Моль, это клятва. Не бойтесь ничего. Прощайте.

Ободренный ея словами ла-Моль сталъ быстро спускаться по лѣстницѣ. Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь.

Маргарита слѣдила глазами за ла-Молемъ и обернулась только тогда, когда онъ благополучно спустился на землю.

— Ваше величество! — сказала Гильона. — Ваше величество!

— Что такое? — спросила Маргарита.

— Король стучитъ въ дверь.

— Отвори.

Гильона повиновалась.

Король и три герцога, которымъ, должно-быть, надоѣло ждать, стояли около двери.

Карлъ вошелъ въ комнат.

Маргарита съ улыбкой поспѣшила къ нему навстрѣчу.

Онъ быстро оглядѣлся кругомъ.

— Что вы ищете, братъ? — спросила Маргарита.

— Я ищу... я ищу... Чортъ возьми! Я ищу графа де-ла-Моля!

— Графа де-ла-Моля?

— Да, гдѣ онъ?

Маргарита взяла брата за руку и подвела его къ окну.

Два всадника скакали во весь опоръ къ лѣсу; одинъ изъ нихъ снялъ свой бѣлый шелковый шарфъ и махнулъ имъ въ знакъ прощальнаго привѣтствія. Эти два всадника были ла-Моль и Оршанъ.

Маргарита показала на нихъ Карлу.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ.

— Это значитъ, — отвѣтила Маргарита, — что герцогъ Алансонскій можетъ спрятать въ карманъ свой шелковый шнурокъ, а герцогъ Анжуйскій и Гизъ вложить въ ножны свои шпаги: графъ де-ла-Моль не пойдетъ сегодня вечеромъ по

IX.

Атриды.

Вернувшись въ Парижъ, герцогъ Анжуйскій, который, какъ извѣстно, былъ любимымъ сыномъ Екатерины, не могъ тотчасъ же по пріѣздѣ увидаться съ нею.

Свиданіе съ матерью было для него не простымъ подчиненіемъ этикету, не тягостной формальностью, а пріятной сыновней обязанностью. Если самъ герцогъ не любилъ матери, то во всякомъ случаѣ былъ увѣренъ, что она горячо любитъ его.

Екатерина, дѣйствительно, любила этого сына больше другихъ, можетъ-быть, за его храбрость или за красивую наружность,—Екатерина была не только мать, но и женщина, или же, наконецъ, за то, что онъ, какъ увѣряли злые языки, напоминалъ ей время, когда она была счастлива съ человѣкомъ, котораго тайно любила.

Однако, Екатерина знала о возвращеніи въ Парижъ герцога Анжуйскаго; Карлъ узналъ это только потому, что случай привелъ его къ отелю Кондэ въ ту самую минуту, какъ его братъ выходилъ оттуда. Карлъ ждалъ его на другой день, а потому Генрихъ Анжуйскій надѣялся, что ему удастся скрыть отъ короля два обстоятельства: свой визитъ къ прекрасной Маріи Клевской, принцессѣ Кондэ, и свое совѣщаніе съ польскими послами.

Объ этомъ-то совѣщаніи, относительно котораго Карлъ не зналъ ничего вѣрнаго, и хотѣлъ герцогъ Анжуйскій поговорить съ матерью. Разговоръ этотъ выяснитъ и читателю то, что ему осталось непонятнымъ.

Когда, наконецъ, давно ожидаемый Генрихъ Анжуйскій вошелъ къ матери, она, всегда холодная и сдержанная, обняла его и прижала къ груди съ такой горячей материнской любовью, какой трудно было ожидать отъ ея зачерствѣлаго сердца.

Выпустивъ сына изъ объятій, Екатерина посмотрѣла на него и снова начала цѣловать.

— Такъ какъ Небо доровало мнѣ счастіе обнять васъ безъ свидѣтелей, матушка,—сказалъ Генрихъ Анжуйскій,—то я попрошу васъ утѣшить меня. Я несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

— Боже мой!—воскликнула Екатерина.—Что же такое случилось съ тобою, дитя мое?

— Ничего такого, чего бы вы не знали, матушка. Я люблю, я любимъ, но эта же самая любовь дѣлаетъ меня несчастнымъ.

— Объясни, что ты хочешь сказать, сынъ мой?

— Эти послы... отъѣздъ...

— Да, — сказала Екатерина. — Послы пріѣхали; значитъ, тебѣ скоро придется уѣзжать.

— Спѣшить некуда, — возразилъ герцогъ, — но я знаю, что король ускоритъ мой отъѣздъ. Онъ ненавидитъ, подозрѣваетъ меня и хочетъ избавиться отъ меня!

Екатерина улыбнулась.

— Давая тебѣ престолъ, бѣдняжка!

— Все равно, матушка, я не хочу уѣзжать, — грустно сказалъ Генрихъ. — Я, французскій принцъ, воспитанный лучшею изъ матерей, привыкшій къ обществу образованныхъ людей, любимый одной изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ въ мірѣ — я долженъ буду уѣхать въ снѣга, на край свѣта! И мнѣ придется умирать тамъ медленной смертью среди грубыхъ людей, которые пьютъ съ утра до ночи и судятъ о достоинствахъ своего короля, какъ о достоинствахъ винной бочки, смотря по ея содержимому... Нѣтъ, матушка, я не хочу уѣзжать... я умру!

— Вполнѣ ли ты откровененъ со мною? — спросила Екатерина, сжимая руки сына. — Настоящая ли это причина?

Генрихъ опустилъ глаза, какъ бы не рѣшаясь признаться даже матери въ томъ, что происходило въ его сердцѣ.

— Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь другой причины, — продолжала Екатерина, — не такой романической, болѣе основательной и имѣющей большее отношеніе къ политикѣ?

— Не моя вина, матушка, — сказалъ герцогъ Анжуйскій, — что эта мысль пришла мнѣ въ голову и занимаетъ меня сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Вѣдь вы же сами говорили мнѣ, что гороскопъ, составленный при рожденіи брата Карла, предвѣщаетъ ему раннюю смерть.

— Да, это такъ, — отвѣтила Екатерина, — но гороскопы не всегда говорятъ правду. Мнѣ въ послѣднее время даже начинаетъ казаться, что всѣ они лгутъ.

— Однако гороскопъ Карла все-таки предвѣщаетъ ему раннюю смерть?

— Въ немъ упоминается о четверти вѣка, но не извѣстно, къ чему это относится: къ его жизни или царствованію.

— Такъ устройте, матушка, чтобы мнѣ можно было не уѣзжать. Карлу скоро минетъ двадцать четыре года; значитъ, вопросъ рѣшится черезъ годъ.

Екатерина глубоко задумалась.

— Подумайте только, матушка, — воскликнулъ Генрихъ. — какое ужасное разочарованіе пришлось бы мнѣ испы-

бы оказалось, что я промѣнялъ французскую корону на польскую! Какъ мучительна была бы мысль, что я самъ лишилъ себя возможности царствовать въ Луврѣ, жить среди образованнаго, изящнаго двора вмѣстѣ съ лучшей изъ матерей, совѣты которой наполовину облегчили бы мнѣ трудъ. Вы помогали моему отцу, матушка, нести бремя правленія и, навѣрное, согласились бы помогать мнѣ. Я чувствую, что былъ бы великимъ королемъ!

— Полно, полно, сынъ мой, не приходи въ отчаяніе, — сказала Екатерина, любимой и всегдашней мечтой которой была именно такая будущность. — Не придумалъ ли ты самъ какой-нибудь способъ устроить это?

— Да, конечно. Вотъ потому-то я и вернулся раньше, чѣмъ меня ждали. Я видѣлся съ послами, познакомился съ Ласко, самымъ главнымъ изъ нихъ, и постарался при первомъ же свиданіи сдѣлать все, чтобы возбудить въ нихъ ненависть ко мнѣ. Надѣюсь, мнѣ удастся достичь этого.

— Это не хорошо, сынъ мой, — сказала Екатерина. — Нужно всегда ставить благо Франціи выше нашихъ мелкихъ личныхъ интересовъ.

— А развѣ благо Франціи требуетъ, чтобы въ случаѣ смерти Карла на французскій престолъ вступилъ герцогъ Алансонскій или король Наваррскій?

— Король Наваррскій? Никогда, никогда! — прошептала Екатерина, на лицѣ которой появилось тревожное выраженіе, какъ бывало всегда, когда рѣчь заходила о воцареніи Генриха.

— Да и братъ Алансонскій, — продолжалъ герцогъ Анжуйскій, — нисколько не лучше Генриха и любитъ васъ не больше, чѣмъ онъ.

— Что же сказалъ Ласко? — спросила Екатерина.

— Ласко какъ будто колебался и самъ, когда я настаивалъ, чтобы онъ просилъ аудіенціи. Ахъ, если бы онъ написалъ въ Польшу, если бы отмѣнили это избраніе!

— Пустяки, сынъ мой. Постановленіе сейма не можетъ быть отмѣнено.

— Но развѣ нельзя устроить, матушка, чтобы поляки вмѣсто меня сдѣлали своимъ королемъ моего брата?

— Если это и невозможно, то во всякомъ случаѣ очень трудно, — отвѣтила Екатерина.

— Все равно! Попробуйте, поговорите съ королемъ, матушка! Сошлитесь на мою любовь къ принцессѣ Кондэ, скажите, что я люблю ее до безумія, что я теряю голову. Онъ же кстати видѣлъ самъ, какъ я выходилъ изъ отеля Кондэ

вмѣстѣ съ Гизомъ, который всегда готовъ оказать мнѣ дружескую услугу.

— Да, съ цѣлью образовать лигу. Ты этого не замѣчаешь, сынъ мой, но я отлично вижу.

— Пусть такъ, а пока я самъ пользуюсь имъ. Развѣ не лучше, если люди служатъ намъ, имѣя въ виду свою собственную выгоду?.

— Что сказалъ король, встрѣтившись съ тобой?

— Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто повѣрилъ тому, что только любовь заставила меня вернуться въ Парижъ.

— А спрашивалъ онъ тебя, какъ проведешь ты остатокъ ночи?

— Да, я сказалъ, что буду ужинать у Нантулье. И я тамъ ужасно нашумѣлъ, чтобы слухъ объ этомъ дошелъ до короля и онъ не сомнѣвался, что я, дѣйствительно, былъ у Нантулье.

— Такъ онъ не знаетъ, что ты видѣлся съ Ласко?

— Не знаетъ.

— Тѣмъ лучше. Я поговорю съ нимъ за тебя, мой дорогой. Но вѣдь его грубая натура не поддается никакому вліянію, ты самъ знаешь это.

— Ахъ, матушка, какое счастье, если бы мнѣ можно было остаться здѣсь. Тогда я, если только это возможно, любилъ бы васъ еще больше, чѣмъ теперь.

— Если ты не уѣдешь, тебя пошлютъ на войну.

— Это ничего не значитъ, лишь бы мнѣ остаться во Франціи.

— Тебя убьютъ.

— Отъ горя и тоски еще легче умереть, чѣмъ отъ ранъ... Но Карлъ не захочетъ, чтобы я остался; онъ ненавидитъ меня.

— Онъ завидуетъ тебѣ, мой прекрасный побѣдитель—это вѣрно. Но кто же велитъ тебѣ быть такимъ храбрымъ и счастливымъ? Зачѣмъ, несмотря на свои двадцать лѣтъ, ты одерживаешь побѣды, какъ цезарь Александръ?.. Ну, пока не открывайся никому, прикидывайся покорнымъ и старайся угождать королю. Сегодня какъ разъ соберется совѣтъ, на которомъ будутъ читать и обсуждать отвѣтныя рѣчи посламъ. Разыгрывай роль польскаго короля и предоставь все остальное мнѣ... Ахъ, кстати, чѣмъ же кончилась ваша вчерашняя экспедиція?

— Она не удалась, матушка. Влюбленнаго предупредили и онъ спасся черезъ окно.

— Узнаю же я когда-нибудь, кто разрушаетъ всѣ мои планы! — воскликнула Екатерина.—Иногда мнѣ кажет[illegible] [illegible]ли это правда, то горе ему!

— Итакъ, матушка?— спросилъ герцогъ Анжуйскій.

— Предоставь свое дѣло мнѣ, — отвѣтила Екатерина.

Она нѣжно поцѣловала сына и отпустила его.

Вскорѣ къ Екатеринѣ собрались всѣ члены королевскаго дома. Карлъ былъ въ духѣ: смѣлость Маргариты не только не разсердила его, но даже понравилась ему. До ла-Моля ему въ сущности не было никакого дѣла, а поджидалъ онъ его съ такимъ нетерпѣніемъ въ коридорѣ только потому, что находилъ въ этомъ нѣкоторое сходство съ охотой.

Герцогъ Алансонскій былъ, напротивъ, мраченъ и озабоченъ. Непріязнь, которую онъ и безъ того чувствовалъ къ ла-Молю, превратилась въ ненависть съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что тотъ любимъ Маргаритой. А сама Маргарита была задумчива и въ то же время внимательно слѣдила за всѣмъ: ей было о чемъ вспоминать и что наблюдать.

Польскіе послы прислали текстъ рѣчей, которыя должны были произнести.

Маргарита, которой никто не сдѣлалъ никакого намека на вчерашнее, прочитала рѣчи и затѣмъ всѣ, кромѣ Карла, представили свои отвѣты. Король оставилъ безъ поправокъ рѣчь Маргариты, нашелъ неподходящими многія выраженія въ рѣчи Алансонскаго, а отвѣтъ Анжуйскаго объявилъ никуда негоднымъ. Его нужно поправить и передѣлать заново.

Это совѣщаніе не вызвало еще никакой вспышки, но сильно раздражило нѣкоторыхъ.

Генрихъ Анжуйскій, которому приходилось передѣлывать почти всю свою рѣчь, пошелъ, чтобы заняться этимъ.

Маргарита, не получавшая отъ короля Наваррскаго никакихъ извѣстій послѣ брошенной имъ въ окно записки, отправилась къ себѣ, надѣясь, что онъ придетъ къ ней.

Герцогъ Алансонскій, замѣтившій какую-то нерѣшительность во взглядѣ своего брата, Анжуйскаго, и видѣвшій, какъ значительно переглянулся тотъ съ матерью, рѣшилъ, что они замышляютъ что-то, и ушелъ къ себѣ, чтобы пораздумать объ этомъ. Наконецъ самъ король собирался итти въ свою кузницу, чтобы закончить копье, которое выковалъ своими собственными руками, но Екатерина остановила его.

Карлъ, опасавшійся, что она опять заведетъ какой-нибудь споръ и будетъ противорѣчить ему, пристально взглянулъ на нее и спросилъ:

— Ну, что еще нужно?

— Сдѣлать тебѣ только одинъ вопросъ, Карлъ. Мы упустили его изъ виду, а между тѣмъ онъ довольно важенъ. Въ какой день дашь ты аудіенцію посламъ?

— А, это правда, — сказалъ, снова садясь, король. — Потолкуемъ объ этомъ, матушка. Какой же день кажется вамъ удобнѣе?

— Я думала, — отвѣтила Екатерина, — что въ твоемъ молчаніи, въ томъ, что ты какъ будто забылъ коснуться этого вопроса, кроется глубокій расчетъ.

— Нисколько, — сказалъ Карлъ. — Почему вы это думали, матушка?

— Потому что, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, сынъ мой, — тихо проговорила Екатерина, — намъ не слѣдовало бы показывать полякамъ, что мы черезчуръ спѣшимъ получить ихъ корону.

— Напротивъ, матушка. Они, съ своей стороны, очень спѣшили и ѣхали почти безъ остановки изъ Варшавы. Мы должны заплатить имъ вѣжливостью за вѣжливость, честью за честь.

— Въ одномъ отношеніи ты, можетъ-быть, и правъ, а въ другомъ — права я. Итакъ, ты полагаешь, что нужно поспѣшить съ аудіенціей?

— Клянусь честью, да. Неужели вы не согласны съ этимъ?

— Ты знаешь, сынъ мой, что я всегда придерживаюсь такого мнѣнія, какое имѣетъ цѣлью увеличить твою славу. По моему, излишняя торопливость съ твоей стороны можетъ вызвать разные непріятные толки. Ее, пожалуй, припишутъ твоему желанію избавить французскій королевскій домъ отъ расходовъ на твоего брата, которые онъ, впрочемъ, выкупаетъ своей преданностью и славой.

— При отъѣздѣ моего брата изъ Франціи я одарю его такъ щедро, что никто не осмѣлится даже подумать это.

— На каждое мое возраженіе, — сказала Екатерина, — у тебя находится такой прекрасный отвѣтъ, что я сдаюсь. Не забудь только, что для пріема пословъ этого воинственнаго народа, который судитъ о могуществѣ государства по внѣшности, нужно выставить побольше войска. А у насъ здѣсь, кажется, не особенно много солдатъ.

— Вы ошибаетесь, матушка, — возразилъ Карлъ. — Я предвидѣлъ это обстоятельство и приготовился. Я вызвалъ сюда два батальона изъ Нормандіи и одинъ изъ Гіенни; моя рота стрѣлковъ прибыла вчера изъ Бретани, а легкая конница изъ Турени пріѣдетъ въ Парижъ сегодня. И въ то время, какъ воображаютъ, что у меня здѣсь не больше четырехъ полковъ, я располагаю двадцатью тысячами солдатъ.

— А! — съ изумленіемъ сказала Екатерина. — Значитъ, теперь тебѣ недостаетъ только одного... Это, впрочемъ, не трудно достать.

— Чего?

— Денегъ.

— Вы опять-таки ошибаетесь, матушка. У меня хранится въ Бастиліи 1.400.000 экю, да изъ моихъ личныхъ средствъ я получилъ на-дняхъ 800.000 экю. А если и этого будетъ мало, то у Нантулье приготовлено для меня еще триста тысячъ экю.

Екатерина вздрогнула. Она привыкла видѣть Карла вспыльчивымъ и жестокимъ, но ни разу до сихъ поръ не видала его такимъ предусмотрительнымъ.

— Ты подумалъ обо всемъ, Карлъ, — сказала она. — Это удивительно! Если портные, ювелиры и золотошвейки поторопятся, тебѣ, пожалуй, можно будетъ дать аудіенцію посламъ раньше шести недѣль.

— Шести недѣль! — воскликнулъ Карлъ. — Портные, ювелиры и золотошвейки работаютъ съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали объ избраніи моего брата. Въ случаѣ крайности они могли бы кончить сегодня; черезъ три-четыре дня все будетъ, во всякомъ случаѣ, готово.

— А! Ты спѣшишь даже больше, чѣмъ я думала, сынъ мой, — сказала Екатерина.

— Честь за честь — я уже говорилъ вамъ это.

— Тебѣ, какъ видно, кажется очень лестной эта честь, сдѣланная французскому дому?

— Безъ сомнѣнія.

— И тебѣ очень хочется видѣть на польскомъ тронѣ французскаго принца?

— Совершенно вѣрно.

— Значитъ, ты обращаешь главное вниманіе на событіе, на фактъ, а не на лицо. И кто бы тамъ ни царствовалъ...

— Довольно, матушка! Покончимъ съ этими пререканіями. Поляки сдѣлали прекрасный выборъ. Это народъ воинственный, имъ нуженъ король-полководецъ, что вполнѣ логично, чортъ возьми! Анжуйскій какъ разъ по нихъ. Герой Жарнака и Монфокона какъ будто созданъ для этого народа. Кого же по вашему я долженъ былъ послать въ Польшу? Алансонскаго? Но вѣдь онъ трусъ. Хорошее понятіе составили бы въ такомъ случаѣ поляки о домѣ Валуа!.. Алансонскій! Да онъ обратится въ бѣгство, какъ только первая пуля просвиститъ около его ушей! Генрихъ Анжуйскій — дѣло другое. Это храбрецъ. Онъ не выпускаетъ шпаги изъ рукъ — онъ всегда впереди... Смѣлѣй! Руби, коли, убивай!.. Да, Анжуйскій дастъ полякамъ возможность биться съ утра до ночи, круглый годъ. Онъ не можетъ пить много — это правда; но зато онъ совер-

шенно хладнокровно будетъ водить ихъ на смерть. Онъ будетъ тамъ въ своей сферѣ, этотъ славный Генрихъ!.. Поле битвы! Звуки трубъ! Барабанный бой!.. Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ полководецъ! Да здравствуетъ побѣдитель!.. Его будутъ провозглашать императоромъ по три раза въ годъ! Онъ прославитъ французскій домъ и династію Валуа... Положимъ. его могутъ убить, но, чортъ возьми, это будетъ славная смерть!

Екатерина вздрогнула, и глаза ея засверкали.

— Скажи ужъ прямо, — воскликнула она, — что ты хочешь избавиться отъ Генриха Анжуйскаго, что ты не любишь своего брата.

— Ха, ха, ха! — расхохотался Карлъ.—Такъ вы догадались, что я хочу избавиться отъ него? Вы поняли, что я не люблю его? А какъ же иначе? Любить брата? А за что мнѣ любить его?.. Ха, ха, ха! Это, право же, смѣшно!

Лихорадочный румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ Карла и становился все ярче по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.

— А онъ любитъ меня? — продолжалъ король. — А вы любите меня? Развѣ, кромѣ моихъ собакъ, Маріи Тушэ и кормилицы, меня любитъ хоть кто-нибудь?.. Да, да, я не люблю брата, я люблю только себя, слышите? И я не мѣшаю моему брату поступать такъ же, какъ поступаю я!

— Карлъ,—сказала Екатерина, тоже начиная горячиться,— такъ какъ ты открылъ мнѣ свое сердце, то и я открою тебѣ свое. Ты дѣйствуешь какъ слабый король, какъ монархъ, поддающійся вліянію дурныхъ совѣтниковъ. Ты отсылаешь брата, единственную опору трона, брата, вполнѣ достойнаго быть твоимъ преемникомъ въ случаѣ твоей смерти, и оставляешь свою корону на произволъ судьбы. Алансонскій, какъ ты и самъ говорилъ, молодъ, неспособенъ, слабъ, хуже, чѣмъ слабъ — трусъ!.. А за нимъ стоитъ беарнецъ — понимаешь ты это?

— Тысяча чертей!—воскликнулъ Карлъ.—Какое мнѣ дѣло, что будетъ, когда не будетъ меня самого? За Алансонскимъ стоитъ беарнецъ, говорите вы? Ну, что же, тѣмъ лучше!.. Я сказалъ, что не люблю никого... Я ошибся... Я люблю Генриха. Да, я люблю этого славнаго Генриха. У него честный, прямой взглядъ и теплая рука, а я вижу кругомъ себя только лживые глаза и пожимаю только ледяныя руки. Онъ не способенъ измѣнить мнѣ, я готовъ поклясться въ этомъ! Къ тому же я обязанъ вознаградить его: мать этого бѣдняжки отравили и, какъ я слышалъ, люди, принадлежащіе къ моей семьѣ... Впрочемъ. пока я совершенно здоровъ. Если же я заболѣю,

то позову Генриха къ себѣ, попрошу не оставлять меня, буду принимать пищу только изъ его рукъ и, умирая, сдѣлаю его королемъ Франціи и Наварры. Тогда, чортъ возьми, вмѣсто того, чтобы смѣяться у моего гроба, подобно моимъ братцамъ, онъ будетъ плакать или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ видъ, что плачетъ.

Эти слова поразили Екатерину какъ громомъ. Остолбенѣвъ отъ ужаса, она мрачно взглянула на короля и воскликнула:

— Генрихъ Наваррскій! Чтобы онъ сталъ королемъ французскимъ, устранивъ моихъ дѣтей?.. Посмотримъ!.. Такъ вотъ почему хочешь ты удалить изъ Франціи моего сына?

— Вашего сына?.. А я кто же такой? Сынъ волчицы, что ли, какъ Ромулъ?—воскликнулъ съ сверкающими глазами Карлъ, дрожа отъ гнѣва. — Вашъ сынъ?.. Да, вы правы, французскій король не вашъ сынъ, у французскаго короля нѣтъ ни братьевъ ни матери, у него только подданные. Къ чему королю французскому чувства, ему нужна одна воля. Онъ обойдется безъ любви, но хочетъ, чтобы ему повиновались!

— Ты не такъ понялъ мои слова, Карлъ. Я назвала Генриха Анжуйскаго сыномъ потому, что онъ скоро покинетъ меня. Въ эту минуту я люблю его больше потому, что боюсь потерять. Развѣ желаніе матери не разставаться съ сыномъ— преступленіе?

— А я говорю, что вамъ придется разстаться съ нимъ, что онъ уѣдетъ изъ Франціи, что онъ отправится въ Польшу! И все это въ теченіе двухъ дней. Попробуйте прибавить еще хоть одно слово—и онъ уѣдетъ завтра! А если вы не смиритесь, не опустите вашей гордо поднятой головы и не перестанете смотрѣть такъ грозно, то я задушу его сегодня же вечеромъ, какъ вы хотѣли, чтобы задушили вчера любовника вашей дочери. Только ему не удастся ускользнуть отъ меня, какъ ускользнулъ ла-Моль!

При такой угрозѣ Екатерина смирилась и склонила голову, но почти тотчасъ же снова подняла ее.

— Бѣдное дитя! — сказала она. — Твой братъ хочетъ убить тебя! Но не бойся, тебя защититъ мать!

— А! Мнѣ оказываютъ сопротивленіе!—воскликнулъ Карлъ.— Клянусь кровью Христа, онъ умретъ не вечеромъ, а сейчасъ, сію же минуту!.. Оружіе!.. Кинжалъ!.. Ножъ!.. А?..

Оглядѣвшись кругомъ и не найдя никакого оружія, Карлъ увидалъ маленькій кинжалъ, который мать его всегда носила на поясѣ. Онъ выхватилъ его изъ кожаныхъ ноженъ, украшенныхъ инкрустаціей изъ серебра, и бросился изъ комнаты искать Генриха Анжуйскаго. Но нервы его были такъ натя-

нуты, силы такъ напряжены, что онъ не выдержалъ. Добѣжавъ до передней, онъ вдругъ почувствовалъ страшную слабость, ноги его подкосились, и онъ упалъ, выронивъ кинжалъ, который воткнулся въ полъ.

Кровь хлынула у него изъ носа и изо рта.

— Господи! — прошепталъ онъ. — Меня убиваютъ! Ко мнѣ! Ко мнѣ!

Екатерина, послѣдовавшая за королемъ, видѣла, какъ онъ упалъ. Съ минуту смотрѣла она на него холодно, безучастно, не трогаясь съ мѣста. Потомъ, придя въ себя, королева, побуждаемая не материнской любовью, а затруднительностью положенія, отворила дверь и крикнула:

— Королю дурно! Помогите!.. Помогите!..

Слуги, офицеры и придворные сбѣжались со всѣхъ сторонъ и засуетились около молодого короля. Но прежде всѣхъ прибѣжала кормилица и, бросившись къ блѣдному, какъ смерть, Карлу, приподняла его.

— Меня хотятъ убить, кормилица... меня хотятъ убить! — прошепталъ Карлъ, обливаясь кровью.

— Тебя хотятъ убить, мой Шарло!—воскликнула кормилица, устремляя поочередно на лица окружающихъ такой взглядъ, что даже сама Екатерина не выдержала его и отступила. — Кто же это хочетъ тебя убить?

Карлъ вздохнулъ и лишился чувствъ.

— Король очень боленъ!—сказалъ Амбруазъ Парэ, за которымъ тотчасъ же послали.

„Теперь волей-неволей придется отложить аудіенцію", подумала Екатерина.

И она пошла къ Генриху Анжуйскому, который съ тревогой ждалъ ее въ молельнѣ, чтобы узнать результатъ такого важнаго для него разговора.

X.

Гороскопъ.

Разсказавъ герцогу Анжуйскому все, что произошло, Екатерина вышла изъ молельни и пошла къ себѣ.

Тамъ ее ждалъ Ренэ.

Королева разговаривала съ нимъ въ первый разъ послѣ того, какъ была у него въ лавкѣ, на мосту Сенъ-Мишель.

Она написала ему наканунѣ, и Ренэ явился лично, чтобы отвѣтить на ея записку.

— Ну, что же, видѣли вы его? — спросила Екатер...

— Видѣлъ.
— Какъ его здоровье?
— Скорѣе лучше, чѣмъ хуже.
— Можетъ онъ говорить?
— Нѣтъ, у него рана въ гортани.
— Вѣдь я говорила вамъ, что въ такомъ случаѣ его нужно заставить писать.
— Я уже пробовалъ и самъ онъ старался изо всѣхъ силъ. Но ему удалось написать, да и то очень неразборчиво, только двѣ буквы, а потомъ онъ упалъ въ обморокъ: яремная вена открылась и онъ страшно ослабѣлъ отъ потери крови.
— Видѣли вы эти буквы?
— Вотъ онѣ.

Ренэ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее Екатеринѣ. Она торопливо развернула ее.

— Это „М“, а это „О“, — сказала она. — Неужели же это былъ на самомъ дѣлѣ ла-Моль, а вся эта комедія, которую разыграла Маргарита, была только средствомъ отвлечь подозрѣнія?
— Осмѣлюсь, съ позволенія вашего величества, — сказалъ Ренэ, — высказать свое мнѣніе относительно этого обстоятельства, повидимому, затрудняющаго ваше величество. Я полагаю, что графъ де-ла-Моль слишкомъ влюбленъ, чтобы серьезно заниматься политикой.
— Вы думаете?
— Да. И такъ какъ онъ влюбленъ въ королеву Наваррскую, то едва ли можетъ быть преданнымъ слугою ея мужа. Истинная любовь не бываетъ безъ ревности.
— Такъ вы полагаете, что онъ сильно влюбленъ?
— Я увѣренъ въ этомъ.
— Обращался онъ къ вамъ за помощью?
— Да.
— Что же онъ просилъ у васъ? Какое-нибудь приворотное зелье?
— Нѣтъ, я вылѣпилъ ему восковую фигурку.
— И прокололи ей сердце?
— Да.
— Эта фигурка сохранилась?
— Сохранилась.
— Она у васъ?
— У меня.
— Неужели эти фигурки на самомъ дѣлѣ производятъ дѣйствіе, какое имъ приписываютъ?
— Ваше величество можете судить объ этомъ лучше меня.

— Королева Наваррская любитъ ла-Моля?

— Она любитъ его такъ сильно, что готова погубить себя ради него. Вчера она спасла ему жизнь, рискуя своей репутацiей и своей собственной жизнью. И послѣ этого вы все еще сомнѣваетесь, ваше величество!

— Въ чемъ?

— Въ наукѣ.

— Это происходитъ отъ того, что наука измѣнила мнѣ,— отвѣтила Екатерина, пристально глядя на Ренэ, который, не смутившись, выдержалъ ея взглядъ.

— Когда же это?—спросилъ онъ.

— Вы знаете, что я хочу сказать. Впрочемъ, можетъ-быть, я ошибаюсь и была виновата не наука, а ученый.

— Я не понимаю васъ, ваше величество.

— Ваши косметики не выдохлись Ренэ?

— Нѣтъ, ваше величество, онѣ сильно пахнутъ, когда получаются прямо отъ меня; но возможно, что при передачѣ черезъ другiя руки...

Екатерина улыбнулась и покачала головой.

— Ваша помада сдѣлала чудеса, Ренэ,—сказала она.—Губы баронессы де-Совъ стали еще свѣжѣе и розовѣе, чѣмъ прежде.

— Моя помада тутъ не при чемъ, ваше величество,— отвѣтилъ Ренэ.—Баронесса де-Совъ, какъ и всякая хорошенькая женщина, очень капризна. Она больше ни слова не говорила мнѣ о помадѣ, а я, съ своей стороны, послѣ словъ вашего величества счелъ за лучшее совсѣмъ не посылать ее ей. Всѣ баночки до сихъ поръ у меня, кромѣ одной. Она куда-то исчезла; я не знаю, кто и съ какой цѣлью взялъ ее у меня.

— Хорошо, Ренэ,—сказала Екатерина,—впослѣдствiи мы, можетъ-быть, еще разъ потолкуемъ объ этомъ. А пока поговоримъ о другомъ.

— Я слушаю, ваше величество.

— Что нужно знать для того, чтобы опредѣлить, сколько приблизительно лѣтъ проживетъ человѣкъ?

— День его рожденiя, его возрастъ и знакъ Зодiака, подъ которымъ онъ родился.

— И только?

— Нѣтъ, нужны еще его волосы и кровь.

— Значитъ, если я принесу вамъ его волосы и кровь, если скажу, сколько ему лѣтъ, когда и подъ какимъ знакомъ Зодiака онъ родился, вы узнаете приблизительно время его смерти?

— Да, ошибка можетъ быть только въ нѣсколько дней.

— Хорошо. Его волосы у меня есть, а кровь я достану.

— Онъ родился днемъ или ночью?

— Вечеромъ, въ двадцать три минуты шестого.

— Будьте у меня завтра въ пять часовъ, ваше величество. Опытъ слѣдуетъ произвести въ самую минуту рожденія.

— Хорошо, — отвѣтила Екатерина, — мы придемъ.

Ренэ поклонился и вышелъ, какъ будто не обративъ вниманія на это „мы“, означавшее, что королева придетъ, противъ своего обыкновенія, не одна.

На другой день, рано утромъ, Екатерина пошла къ Карлу. Въ полночь она посылала узнавать о его здоровьи; ей доложили, что у короля Амбруазъ Парэ, и что онъ рѣшилъ пустить больному кровь, если у того не пройдетъ сильное нервное возбужденіе.

Еще блѣдный отъ потери крови, дрожа во снѣ, Карлъ спалъ, положивъ голову на плечо своей вѣрной кормилицы, которая прислонилась къ его постели и въ продолженіе трехъ часовъ не перемѣняла положенія, чтобы не разбудить короля.

Кровавая пѣна выступала иногда на губахъ больного, и кормилица вытирала ее тонкимъ, вышитымъ батистовымъ платкомъ. На изголовьѣ лежалъ другой платокъ, весь въ крови.

Въ первую минуту Екатеринѣ пришло въ голову взять этотъ платокъ, но она тотчасъ же одумалась: кровь на платкѣ была смѣшана со слюною и не годилась. Королева спросила у кормилицы, пускалъ ли врачъ кровь ея сыну. Та отвѣтила утвердительно и прибавила, что крови вытекло такъ много, что королю два раза дѣлалось дурно.

Королева-мать, имѣвшая нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ, какъ всѣ принцессы того времени, пожелала взглянуть на кровь. Въ этомъ не представилось никакого затрудненія, такъ какъ врачъ велѣлъ сохранить ее для изслѣдованія.

Тазъ съ кровью стоялъ въ кабинетѣ, рядомъ со спальней. Екатерина прошла туда, наполнила кровью флаконъ, который съ этой цѣлью захватила съ собой, и вернулась въ спальню, положивъ руки въ карманы, чтобы не увидали ея испачканныхъ въ крови пальцевъ.

Когда она выходила изъ кабинета, Карлъ открылъ глаза и, увидавъ ее, вспомнилъ, какъ сквозь сонъ, свою ссору съ ней.

— А, это вы! — сказалъ онъ. — Можете объявить вашему возлюбленному Генриху Анжуйскому, что пріемъ будетъ завтра!

— Онъ будетъ, когда ты захочешь, милый Карлъ, — отвѣтила Екатерина. — Успокойся и засни.

Какъ бы послушавшись ея совѣта, король закрылъ глаза, и Екатерина вышла изъ комнаты. Но какъ только дверь затворилась за нею, Карлъ приподнялся на постели и задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Канцлера!.. Печать!.. Дворъ!.. Позвать всѣхъ сюда!..

Кормилица съ ласковой настойчивостью снова положила голову короля къ себѣ на плечо и стала убаюкивать его, какъ ребенка.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу больше спать, кормилица!—сказалъ король.—Позови ко мнѣ придворныхъ, я буду заниматься сегодня утромъ.

Когда Карлъ говорилъ такимъ тономъ, ему приходилось повиноваться, и даже кормилица, несмотря на особыя льготы, предоставленныя ей ея питомцемъ, не рѣшилась возражать ему.

Позвали всѣхъ, кого потребовалъ къ себѣ король, и пріемъ пословъ былъ назначенъ не на завтра—это было немыслимо,—а черезъ пять дней.

Около пяти часовъ королева-мать и герцогъ Анжуйскій отправились къ Ренэ, который, въ ожиданіи ихъ, приготовилъ все нужное для таинственной церемоніи.

Въ комнатѣ направо, то-есть въ комнатѣ жертвоприношеній, краснѣла на пылающей жаровнѣ полоса стали; по причудливымъ арабескамъ, которыя появлялись на ней, предсказатель узнавалъ будущее человѣка, о которомъ его спрашивали. На жертвенникѣ лежала книга судьбы. Прошлая ночь была ясная, благодаря чему Ренэ могъ сдѣлать наблюденія надъ движеніемъ и положеніемъ созвѣздій.

Генрихъ Анжуйскій вошелъ первый! На немъ былъ парикъ; маска закрывала его лицо, длинный плащъ—фигуру. Королева пришла вслѣдъ за нимъ. Если бы ей не было извѣстно заранѣе, что здѣсь ее будетъ ждать сынъ, она не узнала бы его.

Екатерина сняла маску; герцогъ Анжуйскій не пожелалъ снять свою.

— Дѣлалъ ты наблюденія нынѣшней ночью, Ренэ?—спросила Екатерина.

— Да, ваше величество,—отвѣтилъ онъ.—Звѣзды ужъ разсказали мнѣ прошлое. Тотъ, о комъ вы меня спрашиваете, обладаетъ, какъ и всѣ родившіеся подъ знакомъ Рака, пылкимъ сердцемъ и непомѣрной гордостью. Это человѣкъ могущественный. Онъ прожилъ уже около четверти вѣка и до сихъ поръ судьба была благосклонна къ нему: богатство и слава—все было къ его услугамъ. Вѣдь такъ, ваше величество?

— Можетъ-быть,—отвѣтила Екатерина.

— Принесли вы его волосы и кровь?

— Вотъ они.

И Екатерина передала Ренэ прядь свѣтлыхъ, съ рыжимъ оттѣнкомъ волосъ и флаконъ съ кровью.

Ренэ взболтнулъ кровь, чтобы смѣшать фибринъ съ сывороткой, и осторожно нагнулъ флаконъ. Большая капля к— ча

раскаленную сталь, зашипѣла и разлилась, образуя фантастическіе узоры.

— О, ваше величество! — воскликнулъ Ренэ,—онъ выноситъ ужасныя страданія... Я вижу, какъ онъ мечется отъ боли! Слышите, какъ онъ стонетъ, какъ зоветъ на помощь? Видите, какъ все превращается въ кровь кругомъ него, а около его смертнаго одра завязывается страшный бой? Смотрите, вотъ капля... вотъ шпаги!..

— Долго будетъ продолжаться это? — спросила Екатерина, дрожа отъ волненія и удерживая за руку Генриха Анжуйскаго, который, въ своемъ нетерпѣніи, наклонился надъ самой жаровней.

Ренэ подошелъ къ жертвеннику и повторилъ кабалистическую молитву съ такой вѣрой и такимъ жаромъ, что жилы вздулись у него на вискахъ и все тѣло его дрожало нервной дрожью и подергивалось конвульсіями, какъ у древней Пиѳіи на треножникѣ.

Наконецъ, объявивъ, что теперь все уже готово, Ренэ взялъ въ одну руку флаконъ съ кровью, а въ другую — прядь волосъ и сказалъ Екатеринѣ, чтобы она открыла наудачу книгу и замѣтила первыя, попавшіяся ей на глаза слова. А самъ онъ вылилъ на стальную полосу всю оставшуюся кровь и бросилъ на пылающіе уголья прядь волосъ, прошептавъ какое-то заклинаніе на еврейскомъ языкѣ, котораго не понималъ самъ.

Въ то же мгновеніе Екатерина и герцогъ Анжуйскій увидали на стальной полосѣ бѣлую фигуру, похожую на покойника, завернутую въ саванъ.

Другая фигура, какъ будто женская, склонялась надъ первой.

Волосы, которые Ренэ бросилъ на уголья, вспыхнули и одинъ длинный языкъ пламени взлетѣлъ вверхъ.

— Годъ! — воскликнулъ Ренэ. — Пройдетъ только годъ, и человѣкъ этотъ умретъ и одна только женщина будетъ плакать надъ нимъ... Нѣтъ, я ошибся... вонъ тамъ, на краю полосы, стоитъ другая женщина... она держитъ на рукахъ какъ будто ребенка...

Екатерина вопросительно взглянула на герцога Анжуйскаго, какъ бы спрашивая его, кто эти двѣ женщины.

Ренэ замолчалъ, и тотчасъ же все исчезло со стальной полосы и она стала совершенно чистой.

Между тѣмъ Екатерина открыла наудачу книгу и прочитала голосомъ, сильно измѣнившимся, несмотря на все самообладаніе, слѣдующее двустишіе:

Такъ погибъ тотъ, кого трепетали,
Раньше, много раньше, чѣмъ ожидали.

На минуту наступила глубокая тишина.

— А что предвѣщаетъ нынѣшній мѣсяцъ, — спросила Екатерина, — тому, другому... ты знаешь?

— Все, какъ всегда, благопріятствуетъ ему, ваше величество. Но...

— Но что же?

— Во время моихъ наблюденій одна изъ его звѣздъ была задернута темнымъ облакомъ.

— Темнымъ облакомъ! — воскликнула Екатерина. — Значитъ, есть все-таки надежда...

— О комъ говорите вы, ваше величество? — спросилъ герцогъ Анжуйскій.

Екатерина отвела сына отъ пылающей жаровни и сказала ему что-то шопотомъ.

Въ это время Ренэ опустился на колѣни и вылилъ себѣ на ладонь послѣднюю каплю крови, оставшуюся на днѣ флакона.

— Странное противорѣчіе! — сказалъ онъ. — Оно доказываетъ, насколько неосновательны утвержденія обыкновенной науки, которой занимаются заурядные люди. Всякій другой, кромѣ меня, какой-нибудь ученый или врачъ, даже самъ Амбруазъ Парэ, нашелъ бы, что эта чистая, здоровая, богатая жизненными соками кровь предвѣщаетъ долгую жизнь тому, у кого она взята. А между тѣмъ эта жизнь угаснетъ прежде, чѣмъ пройдетъ годъ.

Екатерина и Генрихъ Анжуйскій обернулись и слушали.

Глаза принца сверкали въ отверстія маски.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Ренэ, — что заурядные ученые знаютъ только настоящее, тогда какъ намъ открыты и прошлое и будущее.

— Итакъ, — спросила Екатерина, — ты увѣренъ, что онъ умретъ прежде, чѣмъ пройдетъ годъ?

— Это такъ же вѣрно, — отвѣтилъ Ренэ, — какъ то, что мы трое, теперь живые, будемъ, въ свою очередь, лежать въ могилѣ.

— Но вѣдь ты говорилъ, что у него здоровая кровь, что она обѣщаетъ долгую жизнь?

— Да, при естественномъ порядкѣ вещей. Но если какая-нибудь несчастная случайность...

— Слышишь? — шепнула Екатерина Генриху, — несчастная случайность...

— Тѣмъ болѣе слѣдовало бы мнѣ остаться, — тоже шопотомъ сказалъ онъ.

— Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать — это невозможно!

— Благодарю, — сказалъ, обращаясь къ Ренэ, герцогъ Анжуйскій, стараясь измѣнить свой голосъ, — возьми этотъ кошелекъ.

— Пойдемте, графъ,— сказала Екатерина сыну, придавая ему этотъ титулъ, чтобы сбить съ толку Ренэ.

И они ушли.

— Вы видите, матушка, — сказалъ Генрихъ, — несчастная случайность! Что если это предсказаніе исполнится, а меня не будетъ здѣсь? За четыреста льё отсюда...

— Четыреста льё можно проѣхать въ восемь дней, сынъ мой.

— Да, но еще неизвѣстно, позволятъ ли мнѣ уѣхать эти люди! Ахъ, если бы мнѣ можно было подождать!..

— Какъ знать? — сказала Екатерина. — Эта несчастная случайность, о которой говорилъ Ренэ, можетъ-быть, и есть та самая, отъ которой король вчера слегъ въ постель?.. Ну, ступай къ себѣ, сынъ мой, а я пройду калиткой августинскаго монастыря; моя свита ждетъ меня тамъ. Иди, Генрихъ, и старайся не раздражать брата, если увидишься съ нимъ.

XI.

Порученіе.

Когда герцогъ Анжуйскій вернулся въ Лувръ, ему прежде всего поспѣшили сообщить, что торжественный въѣздъ пословъ назначенъ черезъ четыре дня. Портные и ювелиры уже ждали принца съ великолѣпными костюмами и драгоцѣнными украшеніями, которые король заказалъ для него.

Въ то время, какъ герцогъ чуть не со слезами на глазахъ примѣрялъ ихъ, стараясь скрыть свое раздраженіе, Генрихъ Наваррскій любовался на чудную орденскую цѣпь изъ изумрудовъ, на шпагу съ золотымъ эфесомъ и драгоцѣнное кольцо— подарки, которые прислалъ ему утромъ король.

Герцогъ Алансонскій получилъ какое-то письмо и заперся у себя, чтобы прочитать его на свободѣ.

Что касается до Коконна, то онъ разыскивалъ своего друга по всему Лувру.

Нисколько не удивившись, что ла-Моль не вернулся ночью, Коконна сталъ безпокоиться, когда тотъ не пришелъ и утромъ. А потому онъ отправился искать пріятеля. Прежде всего онъ пошелъ въ гостиницу ла-Гюрьера, изъ гостиницы ла-Гюрьера— на улицу Клошъ-Персе, изъ улицы Клошъ-Персе — на улицу Тизонъ, изъ улицы Тизонъ — на мостъ Сенъ-Мишель и, наконецъ, съ моста Сенъ-Мишель — въ Лувръ.

Разыскивая ла-Моля, Коконна обращался съ разспросами къ разнымъ лицамъ и иногда съ такимъ требовательнымъ, вызывающимъ тономъ, что тѣ считали себя оскорбленными. Кон-

чилось тѣмъ, что ему пришлось драться на дуэли съ троими придворными. Коконна дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ же добросовѣстно и старательно, какъ всегда: онъ убилъ одного противника и ранилъ двухъ другихъ.

Въ концѣ-концовъ Коконна узналъ, что ла-Моля подстерегали въ коридорѣ. Пьемонтецъ пришелъ въ отчаяніе; онъ рѣшилъ, что король и принцы или убили его друга, или заключили его въ подземную тюрьму.

Услыхавъ, что герцогъ Алансонскій тоже участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, Коконна, не обращая вниманія на то, что Франсуа — принцъ королевской крови, отправился къ нему, какъ къ простому дворянину, требовать объясненія.

Въ первую минуту герцогъ Алансонскій хотѣлъ вышвырнуть за дверь дерзкаго, осмѣлившагося требовать у него отчета въ его поступкахъ, но Коконна говорилъ такъ рѣшительно, глаза его сверкали такъ грозно, а исторія о трехъ дуэляхъ въ теченіе сутокъ поставила его такъ высоко во мнѣніи всѣхъ, что герцогъ сдержался и отвѣтилъ съ самой привѣтливой улыбкой:

— Любезный Коконна, король, дѣйствительно, очень разгнѣвался, получивъ ударъ по плечу серебряной кружкой, герцогъ Анжуйскій разобидѣлся, когда ему вылили на голову апельсинный компотъ, а герцогъ Гизъ былъ оскорбленъ, получивъ пощечину кабаньей ногой. Они рѣшили убить графа де-ла-Моля, но другъ вашего друга спасъ его отъ опасности, и попытка не удалась. Даю вамъ честное слово.

— А! — сказалъ Коконна, вздохнувъ при такомъ увѣреніи, какъ кузнечный мѣхъ. — Хорошо, что такъ счастливо кончилось, mordi! Хотѣлъ бы я знать, кто этотъ другъ, чтобы поблагодарить его.

Герцогъ Алансонскій не отвѣтилъ ни слова, но улыбнулся еще очаровательнѣе, чѣмъ прежде. Эта улыбка, какъ бы говорила Коконну, что другъ, котораго ему хочется поблагодарить, не кто иной, какъ принцъ.

— Вы были такъ милостивы ко мнѣ, ваше высочество, — сказалъ пьемонтецъ, — что разсказали мнѣ начало исторіи. Довершите же ваше благодѣяніе и откройте мнѣ, чѣмъ она кончилась. Ла-Моля хотѣли убить, говорите вы, но не убили. Хорошо. Такъ что же съ нимъ сдѣлали? Я не трусъ и могу вынести дурное извѣстіе. Его бросили въ подземную тюрьму — вѣдь такъ? Тѣмъ лучше, это научитъ его осторожности. Онъ никогда не слушаетъ моихъ совѣтовъ. Къ тому же его можно освободить оттуда. Справляются и съ камнями!

Герцогъ Алансонскій покачалъ головой.

— Хуже всего то, мой храбрый Коконна, — сказалъ онъ, — что послѣ этого происшествія твой другъ исчезъ неизвѣстно куда.

— Mordi! — воскликнулъ пьемонтецъ, снова поблѣднѣвъ. — Если даже онъ попалъ въ адъ, я и въ такомъ случаѣ разыщу его.

— Слушай, — сказалъ Алансонскій, которому, хоть и по другимъ причинамъ, хотѣлось не меньше Коконна узнать, гдѣ ла-Моль, — я дамъ тебѣ дружеекій совѣтъ.

— Сдѣлайте милость, ваше высочество, — сказалъ Коконна.

— Сходи къ королевѣ Маргаритѣ: она, навѣрное, знаетъ, гдѣ тотъ, о комъ ты безпокоишься.

— Долженъ сознаться, ваше высочество, — сказалъ Коконна, — что мнѣ и самому приходило это въ голову, но я не рѣшаюсь. Ужъ не говоря о томъ, что чувствую къ королевѣ Маргаритѣ глубочайшее уваженіе и всегда теряюсь въ ея присутствіи, я еще боялся застать ее въ слезахъ. Но такъ какъ ваше высочество увѣряете, что ла-Моль живъ и ея величество знаетъ, гдѣ онъ, я соберусь съ духомъ и пойду къ ней.

— Иди, любезный Коконна, иди! — сказалъ герцогъ Франсуа. — И когда узнаешь, куда скрылся ла-Моль, сообщи мнѣ: я, право же, безпокоюсь за него не меньше тебя. Только не забывай одного, Коконна.

— Чего?

— Не говори королевѣ, что пришелъ по моему совѣту, а не то ты рискуешь не узнать ничего.

— Если ваше высочество полагаете, — сказалъ Коконна, — что мнѣ слѣдуетъ молчать объ этомъ, то я буду нѣмъ, какъ рыба.

— Добрый принцъ, славный принцъ, великодушный принцъ! — бормоталъ про себя пьемонтецъ, идя къ королевѣ Наваррской.

Маргарита слышала объ отчаяніи Коконна и была увѣрена, что онъ придетъ къ ней. Узнавъ, какими подвигами ознаменовалъ онъ свое горе о другѣ, она почти простила ему его не совсѣмъ любезное обращеніе съ своей пріятельницей, герцогиней Неверской, съ которой онъ ужасно поссорился два или три дня тому назадъ. Эта-то ссора и помѣшала ему обратиться за разъясненіемъ къ герцогинѣ.

Коконна тотчасъ же провели къ королевѣ.

Онъ вошелъ и, какъ всегда въ ея присутствіи, почувствовалъ смущеніе, о которомъ упоминалъ герцогу Алансонскому и которое вызывалъ въ немъ скорѣе ея глубокій умъ, чѣмъ высокій санъ. Но Маргарита такъ привѣтливо улыбнулась, что Коконна тотчасъ же оправился.

— Умоляю, ваше величество сжалиться надо мною и вернуть мнѣ моего друга! — воскликнулъ онъ. — Или, по крайней

мѣрѣ, хоть скажите мнѣ, что съ нимъ сталось. Я не могу жить безъ него. Представьте себѣ Дамона безъ Питія или Ореста безъ Пилада и, хоть ради этихъ героевъ, сжальтесь надъ моимъ горемъ. Клянусь вамъ, что я люблю моего друга не меньше, чѣмъ каждый изъ нихъ любилъ своего.

Маргарита улыбнулась и, взявъ съ Коконна слово молчать, разсказала ему, какъ ла-Моль спасся, спустившись въ окно. Но, несмотря на всѣ просьбы пьемонтца, она не захотѣла открыть ему, гдѣ находится въ настоящую минуту его другъ. Это было не особенно пріятно Коконну и онъ пустился на разныя дипломатическіе намеки и хитрости, изъ которыхъ Маргарита ясно увидала, что герцогъ Алансонскій не меньше самого Коконна желаетъ узнать мѣстопребываніе ла-Моля.

— Если вамъ такъ хочется имѣть какія-нибудь положительныя свѣдѣнія о вашемъ другѣ, — сказала королева, — обратитесь къ королю Наваррскому. Онъ одинъ имѣетъ право говорить; я, съ своей стороны, могу только сказать вамъ, что тотъ, кого вы ищете, живъ. Повѣрьте моему слову.

— У меня есть доказательство еще болѣе вѣрное, ваше величество,—отвѣтилъ Коконна,—я не замѣчаю на вашихъ прекрасныхъ глазахъ слѣдовъ слезъ.

Находя, должно-быть, что больше ужъ нечего прибавлять къ этой фразѣ, которая такъ прекрасно выражала его мысль и его высокое мнѣніе о достоинствахъ ла-Моля, Коконна откланялся. Онъ рѣшилъ помириться съ герцогиней Неверской, не ради ея самой, а съ цѣлью узнать отъ нея то, чего не удалось ему узнать отъ Маргариты.

Сильное горе—чувство ненормальное, отъ котораго человѣкъ старается избавиться какъ можно скорѣе. Сердце ла-Моля сжалось при мысли о разлукѣ съ Маргаритой, и если онъ согласился бѣжать, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы спасти не свою жизнь, а репутацію королевы.

На другой день вечеромъ онъ уже снова вернулся въ Парижъ, надѣясь, что Маргарита выйдетъ на балконъ и ему удастся увидѣть ее. А Маргарита, съ своей стороны, дѣйствительно, просидѣла весь вечеръ у окна, какъ будто тайный голосъ шепнулъ ей о возвращеніи ла-Моля. Итакъ, они увидались и испытали то неизъяснимое блаженство, какое всегда даетъ запрещенное удовольствіе.

Ла-Моль съ своимъ мечтательнымъ и романтическимъ характеромъ находилъ даже какое-то особое очарованіе въ тайнѣ и опасности этого свиданія. Но истинно влюбленный чувствуетъ себя счастливымъ только въ то время, какъ видитъ или обладаетъ; онъ не можетъ не страдать въ разлукѣ. И

страстно желая вернуть къ себѣ Маргариту, старался приблизить эту минуту, то-есть ускорить бѣгство короля Наваррскаго.

Что касается до Маргариты, то она всѣмъ сердцемъ отдавалась счастью быть любимой такъ нѣжно и преданно. Иногда она была недовольна собою за эту слабость. Она съ своимъ мужественнымъ характеромъ до сихъ поръ относилась нѣсколько презрительно къ мелочамъ, въ которыхъ проявляется любовь и которыя даютъ такое полное, глубокое счастье людямъ съ нѣжной душой. Но теперь она была уже не та. Каждый день, около девяти часовъ вечера, она выходила въ бѣломъ пеньюарѣ на балконъ и была счастлива, видя на набережной держащагося въ тѣни всадника, который при ея появленіи прикладывалъ руку къ губамъ и къ сердцу. Иногда Маргарита бросала ему записку, въ которую была завернута какая-нибудь драгоцѣнная вещица. Ла-Моль быстро схватывалъ и пряталъ на грудь: она была дорога ему не своей цѣнностью, а тѣмъ, что принадлежала любимой женщинѣ. И Маргарита не уходила съ балкона до тѣхъ поръ, пока не замиралъ вдали стукъ копытъ его лошади, которую онъ пускалъ во весь опоръ, когда ѣхалъ къ Лувру, и которая двигалась такъ медленно, когда приходилось отправляться въ обратный путь, что, казалось, была сдѣлана изъ дерева, какъ знаменитый конь, погубившій Трою.

Такимъ образомъ, видаясь съ ла-Молемъ каждый день, королева знала, что съ нимъ не случилось никакой бѣды, и потому не безпокоилась за него. Принимать же его у себя или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ она отказывалась, изъ опасенія, что за нимъ будутъ слѣдить.

Эти свиданія на испанскій ладъ начались на другой день послѣ бѣгства ла-Моля и продолжались до пріема пословъ, который, какъ мы знаемъ, отложили на нѣсколько дней. Этой отсрочки потребовалъ Амбруазъ Парэ.

Наканунѣ назначеннаго для аудіенціи дня, около девяти часовъ вечера, въ то время, какъ всѣ въ Луврѣ были заняты приготовленіями къ предстоящему торжеству, Маргарита открыла окно и вышла на балконъ. Только что успѣла она ступить на него, какъ ла-Моль, не дожидаясь ея записки, торопливо бросилъ ей свою и такъ ловко, что она упала прямо къ ея ногамъ. Маргарита поняла, что онъ хочетъ сообщить ей какое-то важное извѣстіе, и вошла въ комнату, чтобы прочитать записку.

На первой страницѣ было написано:

„Мнѣ нужно поговорить съ королемъ Наваррскимъ, ваше величество. Дѣло очень спѣшное. Я жду“.

А на другой половинѣ листка, которую можно было оторвать отъ первой, Маргарита прочла:

„Дайте мнѣ возможность поцѣловать васъ, какъ я цѣлую васъ мысленно. Я жду“.

Только что успѣла королева прочитать эти слова, какъ послышался голосъ короля Наваррскаго, который, со своей всегдашней деликатностью, постучался въ дверь и спросилъ у Гильоны, можетъ ли онъ войти.

Королева разорвала письмо пополамъ и, спрятавъ одинъ листокъ на грудь, а другой въ карманъ, поспѣшно затворила окно и бросилась къ двери.

— Войдите, государь,— сказала она.

Несмотря на то, что Маргарита старалась затворить окно какъ можно тише и осторожнѣе, Генрихъ услыхалъ легкій стукъ. Такъ какъ онъ жилъ среди людей, которымъ не довѣрялъ и которыхъ ему приходилось остерегаться, то зрѣніе и слухъ его были постоянно напряжены и стали почти такъ же тонки, какъ у дикаря. Но король Наваррскій не принадлежалъ къ числу тирановъ-мужей, не позволяющихъ своимъ женамъ дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться звѣздами.

Генрихъ улыбался и былъ любезенъ, какъ всегда.

— Пока придворные примѣряютъ парадные костюмы,— сказалъ онъ,— я хотѣлъ поговорить съ вами о моихъ дѣлахъ. Вѣдь вы продолжаете считать ихъ и своими, неправда ли?

— Разумѣется,— отвѣтила Маргарита.— Развѣ у насъ не общіе интересы?

— Вотъ потому-то я и хотѣлъ потолковать съ вами. Чему приписываете вы упорное стараніе герцога Алансонскаго избѣгать меня въ послѣдніе дни? Онъ даже уѣхалъ третьяго дня въ Сенъ-Жерменъ. Хочется ли ему бѣжать изъ Франціи одному, такъ какъ за нимъ мало слѣдятъ, или же онъ совсѣмъ раздумалъ уѣзжать? Скажите мнѣ, пожалуйста, ваше мнѣніе. Я очень цѣню его и во всякомъ случаѣ приму во вниманіе.

— Поведеніе моего брата, конечно, не можетъ не безпокоить васъ,— отвѣтила Маргарита.— Я думала сегодня объ этомъ весь день. По-моему, герцогъ Алансонскій перемѣнился потому, что перемѣнились обстоятельства.

— То-есть, вы хотите сказать, что въ виду болѣзни Карла IX и избранія польскимъ королемъ герцога Анжуйскаго онъ не прочь остаться въ Парижѣ и не упускать изъ вида французской короны?

— Да, я такъ думаю.

— Ну, что жъ, пусть онъ остается,— сказалъ Генрихъ,— Только это измѣняетъ весь нашъ планъ. Если я уѣду одинъ,

мнѣ придется принимать втрое больше предосторожностей, такъ какъ имя и присутствіе вашего брата уже не будетъ охранять меня... Но какъ странно, что до сихъ поръ ничего не слышно о де-Муи. Онъ примолкъ и не даетъ знать о себѣ— это такъ непохоже на него. Не получили ли вы какихъ-нибудь извѣстій отъ него?

— Я, государь?—съ изумленіемъ сказала Маргарита.—Но съ какой стати...

— Что же тутъ удивительнаго?—возразилъ король.—Это, напротивъ, было бы вполнѣ естественно. Желая сдѣлать мнѣ одолженіе, вы спасли жизнь графа де-ла-Моля. Онъ отправился въ Мантъ... но вѣдь оттуда легко можно и вернуться.

— А, теперь я поняла загадку, которую до сихъ поръ никакъ не могла разгадать,—сказала Маргарита.—Уходя, я оставила окно открытымъ, а вернувшись, нашла на коврѣ какую-то записку.

— Вотъ видите!

— Я ничего не поняла въ ней,—продолжала Маргарита,— и не придала ей никакого значенія. Можетъ-быть, я поступила необдуманно и эта записка отъ де-Муи?

— Очень возможно,—сказалъ Генрихъ,—даже навѣрное такъ. Могу я прочитать записку?

— Конечно, государь,—отвѣтила Маргарита, вынувъ изъ кармана листокъ и подавая королю.

Генрихъ взглянулъ на него.

— Это какъ будто почеркъ ла-Моля?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Мнѣ показалось, что почеркъ поддѣланъ.

— Ну, все равно, прочитаемъ.

И онъ прочелъ:

„Мнѣ нужно поговорить съ королемъ Наваррскимъ, ваше величество. Дѣло очень спѣшное. Я жду“.

— Ага!—воскликнулъ Генрихъ.—Вы видите... онъ говоритъ, что ждетъ?

— Конечно, вижу,—сказала Маргарита.—Ну, что же дѣлать?

— Какъ что дѣлать, ventre-saint-gris! Я хочу, чтобы онъ пришелъ сюда.

— Чтобы онъ пришелъ?—съ удивленіемъ повторила Маргарита, устремивъ на мужа свои прекрасные глаза.—Какъ можете вы говорить это, государь?.. Вѣдь Карлъ хотѣлъ убить его... примѣты его описаны... ему угрожаютъ... И вы говорите, чтобы онъ пришелъ! Но развѣ это возможно? Развѣ двери существуютъ для тѣхъ, которые...

— Принуждены спасаться бѣгствомъ черезъ окно... вѣдь вы это хотѣли сказать?

— Да, это. Вы докончили мою мысль.

— Такъ въ чемъ же затрудненіе? Если они уже знаютъ дорогу въ окно, пусть и входятъ такимъ путемъ, такъ какъ двери имъ недоступны. Вѣдь это же очень просто.

— Вы думаете? — сказала Маргарита, краснѣя отъ радости при мысли о свиданіи съ ла-Молемъ.

— Конечно.

— Но какъ же добраться до окна? — спросила королева.

— Развѣ вы не сохранили лѣстницу, которую я бросилъ вамъ въ него? Неужели вы, всегда такая предусмотрительная, на этотъ разъ измѣните себѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, лѣстница у меня, — сказала Маргарита.

— Ну, значитъ все въ порядкѣ.

— Что же прикажете дѣлать теперь, ваше величество?

— Что дѣлать? — сказалъ Генрихъ. — Привяжите лѣстницу къ балкону и спустите ее. Если де-Муи, этотъ вѣрный другъ, ждетъ тамъ и желаетъ войти, мы дадимъ ему возможность исполнить желаніе.

Не теряя хладнокровія, Генрихъ взялъ свѣчу и сталъ свѣтить Маргаритѣ, искавшей лѣстницу. Поиски продолжались недолго: лѣстница лежала въ шкафу, въ знаменитомъ кабинетѣ.

— Ну, вотъ она! — сказалъ Генрихъ. — Теперь, если это не затруднитъ васъ, привяжите ее къ балкону.

— Почему же должна это сдѣлать я, а не вы, государь? — спросила Маргарита.

— Потому что чѣмъ лучше заговорщикъ, тѣмъ онъ осторожнѣе. Нашъ другъ, увидавъ мужчину, можетъ испугаться... понимаете?

Маргарита улыбнулась и привязала лѣстницу.

— Отлично, — сказалъ Генрихъ, отходя въ уголъ комнаты.— Теперь подойдите поближе къ periламъ, чтобы онъ видѣлъ васъ; а теперь покажите ему лѣстницу—вотъ такъ! Я увѣренъ, что де-Муи не заставитъ себя ждать.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ какой-то человѣкъ, дрожа отъ радости, перешагнулъ черезъ перила балкона, но, видя, что королева не идетъ къ нему навстрѣчу, нерѣшительно остановился. Вмѣсто Маргариты къ нему подошелъ король.

— А вѣдь это не де-Муи—это графъ де-ла-Моль, — любезно сказалъ онъ. — Здравствуйте, графъ, войдите, пожалуйста.

Ла-Моль былъ ошеломленъ. Если бы онъ еще не успѣлъ ступить на балконъ и стоялъ на лѣстницѣ, то, навѣрное, уг бы съ нея при такомъ неожиданномъ появленіи Генрихе

— Вы хотѣли поговорить съ королемъ о важномъ дѣлѣ,— сказала Маргарита. — Я предупредила его и онъ пришелъ.

Генрихъ отошелъ къ окну и сталъ затворять его.

— Я люблю тебя, — прошептала Маргарита, сжимая руку ла-Моля.

— Ну, графъ, — сказалъ Генрихъ, пододвигая ему стулъ,— что скажете?

— Я разстался съ г. де-Муи у заставы, государь, — отвѣтилъ ла-Моль. — Онъ желаетъ знать, говорилъ ли Морвель и извѣстно ли, что онъ, де-Муи, былъ въ спальнѣ вашего величества.

— Нѣтъ еще, но это скоро узнается, и потому мы должны поторопиться.

— То же самое думаетъ и онъ, государь. Если герцогу Алансонскому можно ѣхать завтра вечеромъ, то де-Муи будетъ ждать у Сенъ-Марсельскихъ воротъ съ отрядомъ въ сто пятьдесятъ человѣкъ; другой отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ присоединится къ вамъ въ Фонтенбло, а оттуда вы проѣдете въ Блуа, Ангулемъ и Бордо.

— Я, съ своей стороны, буду готовъ завтра, — сказалъ Генрихъ, обращаясь къ женѣ, — а вы?

Ла-Моль тревожно взглянулъ на Маргариту.

— Я уже дала вамъ слово, — отвѣтила она мужу. — Всюду, куда поѣдете вы, поѣду и я. Но и Алансонскій долженъ ѣхать въ одно время съ нами. Съ нимъ нельзя держаться средины; нужно выяснить: за насъ онъ или противъ насъ. Если онъ будетъ колебаться и не скажетъ ничего опредѣленнаго, намъ придется остаться.

— Знаетъ онъ объ этомъ планѣ, графъ де-ла-Моль?— спросилъ Генрихъ.

— Онъ долженъ былъ получить на-дняхъ письмо отъ г. де-Муи.

— А онъ ни слова не говорилъ мнѣ.

— Остерегайтесь его, — сказала Маргарита, — остерегайтесь его, государь!

— Будьте покойны, я остороженъ... А какъ же мы передадимъ де-Муи нашъ отвѣтъ?

— Это ужъ предусмотрѣно, ваше величество, — сказалъ ла-Моль. — Завтра, во время пріема пословъ, де-Муи будетъ въ залѣ, хоть, можетъ-быть, вы не узнаете его, такъ какъ онъ будетъ переодѣтъ. Онъ проситъ королеву вставить въ свою рѣчь какую-нибудь фразу, изъ которой онъ могъ бы догадаться, согласны вы или нѣтъ, долженъ онъ васъ ждать или уѣзжать. Если герцогъ Алансонскій откажется, де-Муи обѣщаетъ въ двѣ недѣли устроить все уже отъ вашего имени.

— Этотъ де-Муи, право же, неоцѣненный человѣкъ!.. Можете вы вставить въ свою рѣчь такую фразу, Маргарита?

— Конечно, это нетрудно.

— Такъ завтра я переговорю съ Алансонскимъ. Скажите де-Муи, чтобы онъ былъ на своемъ посту и понималъ съ полуслова.

— Онъ будетъ на мѣстѣ, государь.

— Передайте ему мой привѣтъ. Съ вами, навѣрное, есть слуга, лошадь?

— Оршонъ дожидается меня на набережной.

— Такъ поспѣшите къ нему, графъ... Нѣтъ, нѣтъ, не въ окно... Это хорошо только въ крайности. Если васъ увидятъ, вы можете скомпрометировать королеву. Кому же придетъ въ голову, что вы совершаете такое странное путешествіе ради меня?

— Но какъ же мнѣ выйти изъ Лувра, государь?

— Мы выйдемъ вмѣстѣ, я знаю пароль. Вы въ плащѣ, я тоже. Мы завернемся въ нихъ и насъ безъ всякаго затрудненія пропустятъ въ ворота. Къ тому же мнѣ нужно отдать Оршону кое-какія приказанія. Подождите здѣсь, я посмотрю, нѣтъ ли кого въ коридорѣ.

И Генрихъ съ самымъ естественнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ ла-Моля и королеву наединѣ.

— Когда увижу я васъ? — спросилъ ла-Моль.

— Завтра вечеромъ, если мы уѣдемъ, а если намъ придется остаться, то на-дняхъ въ домѣ на улицѣ Клошъ-Персе.

— Пойдемте, графъ, — сказалъ Генрихъ, входя въ комнату, — въ коридорѣ нѣтъ никого.

Ла-Моль почтительно поклонился королевѣ.

— Дайте ему поцѣловать вашу руку, — сказалъ ей король. — Графъ де-ла-Моль оказалъ намъ большую услугу.

Маргарита повиновалась.

— Кстати, спрячьте получше лѣстницу, — прибавилъ Генрихъ. — Это вещь необходимая для заговорщиковъ и можетъ понадобиться въ любую минуту... Идемъ, графъ де-ла-Моль!

XII.

Послы.

На другой день все населеніе Парижа двинулось къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью, черезъ которое должны были совершить свой въѣздъ въ столицу польскіе послы. Двойной р... швейцарцевъ сдерживалъ толпу, а отряды конницы очи...

дорогу знати и придворнымъ дамамъ, ѣхавшимъ навстрѣчу посламъ.

Вскорѣ около Сентъ-Антуанскаго аббатства показалась группа всадниковъ въ красныхъ съ желтымъ костюмахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ и подбитыхъ мѣхомъ плащахъ; они держали въ рукахъ широкія, кривыя сабли, похожія на турецкія.

За ними слѣдовала другая группа всадниковъ, костюмы которыхъ поражали чисто восточной роскошью. А затѣмъ ѣхали четыре посла, великолѣпные представители самаго баснословнаго изъ рыцарскихъ государствъ XVI вѣка.

Одинъ изъ этихъ пословъ былъ епископъ Краковскій. На немъ былъ полудуховный, полувоенный костюмъ, сверкающій золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Епископъ ѣхалъ на чудномъ конѣ съ длинной развѣвающейся гривой и гордой поступью; никто бы не подумалъ, что въ теченіе цѣлаго мѣсяца благородное животное дѣлало по пятнадцати льё въ день и притомъ по дорогамъ, которыя отъ дождей стали почти непроходимыми.

Рядомъ съ епископомъ ѣхалъ воевода Ласко, могущественный вельможа, богатый и гордый, какъ король.

За двумя главными послами слѣдовали еще два, тоже очень знатныхъ посла. А за ними ѣхало множество польскихъ пановъ; на ихъ лошадяхъ была такая чудная сбруя, украшенная золотомъ и драгоцѣнными каменьями, что народъ громко выражалъ свое восхищеніе. И, дѣйствительно, эти пріѣзжіе, которыхъ презрительно называли варварами, совершенно затмили французовъ своимъ блескомъ и роскошью.

Екатерина до послѣдней минуты не теряла надежды, что король отмѣнитъ свое рѣшеніе—онъ былъ еще очень слабъ— и такимъ образомъ пріемъ пословъ не состоится. Но когда торжественный день наступилъ и Карлъ, блѣдный, какъ смерть, надѣлъ великолѣпную королевскую мантію, Екатерина поняла, что нужно покориться хоть наружно этой желѣзной волѣ. И ей начало казаться, что для Генриха Анжуйскаго будетъ, пожалуй, лучше всего отправиться въ почетную ссылку, къ которой его приговорили.

Кромѣ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ Карломъ, когда мать его выходила изъ кабинета, онъ совсѣмъ не говорилъ съ нею со времени сцены, послѣ которой онъ слегъ въ постель и чуть не умеръ. Всѣ въ Луврѣ знали, что между Карломъ и Екатериной произошла страшная ссора, но никто не зналъ, изъ-за чего она вышла. И эта холодность между ними, это молчаніе наводили страхъ на самыхъ смѣлыхъ придворныхъ, и они трепетали, какъ трепещутъ птицы во время тяжелой тишины, предвѣщающей грозу.

Всѣ въ Луврѣ готовились къ пріему пословъ, но вяло и неохотно, какъ будто предстояло не празднество, а какая-нибудь печальная церемонія. Знали, что Екатерина чуть не дрожала, и потому дрожали всѣ.

Большая пріемная зала Лувра была приготовлена для аудіенціи и, такъ какъ подобныя торжества всегда бывали публичныя, то часовые и дворцовая стража получили приказъ пускать въ Лувръ столько народу, сколько могли вмѣстить всѣ его залы и дворы.

Что касается до Парижа, то онъ имѣлъ такой видъ, какой имѣетъ всякій большой городъ при подобныхъ обстоятельствахъ: на улицахъ была толкотня, всѣ торопились, всѣхъ мучило любопытство. Однако болѣе внимательный наблюдатель замѣтилъ бы одну особенность: въ толпѣ, среди добродушныхъ, наивно удивляющихся всему горожанъ было довольно много людей, закутанныхъ въ плащи, которые переглядывались между собою, дѣлали какіе-то знаки, если были далеко другъ отъ друга, и быстро, значительно перешептывались, когда сходились. Они съ большимъ интересомъ слѣдили за поѣздомъ, старались держаться поблизости отъ него и, повидимому, получали приказанія отъ какого-то почтеннаго старика, черные, живые глаза котораго блестѣли какъ молодые, несмотря на то, что у него была уже совсѣмъ сѣдая борода. Старику этому удалось, собственными ли усиліями, или съ помощью своихъ товарищей, проскользнуть въ Лувръ однимъ изъ первыхъ; благодаря любезности начальника швейцарцевъ, оставшагося вѣрнымъ гугенотомъ и послѣ отреченія, онъ даже занялъ мѣсто какъ разъ позади пословъ, напротивъ Маргариты и Генриха Наваррскаго.

Генрихъ, знавшій отъ ла-Моля, что де-Муи будетъ присутствовать при пріемѣ, оглядывался кругомъ, отыскивая его. Наконецъ глаза его встрѣтились съ глазами старика и уже не отрывались отъ него. А послѣ сдѣланнаго этимъ старикомъ знака у короля Наваррскаго не осталось уже никакихъ сомнѣній, что это, дѣйствительно, де-Муи. Молодой гугенотъ былъ такъ хорошо переряженъ, что и самому Генриху было трудно признать въ этомъ сѣдомъ старикѣ того храбреца, который съ такимъ успѣхомъ отразилъ нападеніе нѣсколько дней тому назадъ.

Генрихъ что-то шепнулъ Маргаритѣ, и она тоже взглянула на де-Муи. А потомъ ея прекрасные глаза устремились въ глубину залы: она искала ла-Моля, но безуспѣшно—его не было нигдѣ.

Начались рѣчи. Первую произнесъ Ласко, обращаясь къ королю. Онъ отъ имени сейма просилъ его согласія на принятіе польской короны французскимъ принцемъ.

Карлъ выразилъ свое согласіе коротко и ясно и представилъ посламъ своего брата, герцога Анжуйскаго, расхваливая его храбрость. Онъ говорилъ по-французски; переводчикъ переводилъ его рѣчь фразу за фразой. И когда начиналъ говорить переводчикъ, король подносилъ къ губамъ платокъ, на которомъ каждый разъ появлялось новое кровавое пятно.

Когда Карлъ кончилъ, Ласко обратился къ герцогу Анжуйскому и, поклонившись, началъ новую рѣчь, на этотъ разъ по-латыни. Онъ отъ имени польскаго народа предложилъ герцогу корону Польши.

Генрихъ Анжуйскій отвѣтилъ на томъ же языкѣ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что онъ съ признательностью принимаетъ корону и благодаритъ за оказанную ему честь. Во все время его рѣчи Карлъ стоялъ, сжавъ губы и устремивъ на брата взглядъ, грозный и неподвижный, какъ взглядъ орла.

Послѣ рѣчи Анжуйскаго Ласко взялъ лежавшую на пунцовой бархатной подушкѣ корону Ягеллоновъ и подалъ ее Карлу, между тѣмъ какъ двое польскихъ вельможъ надѣвали на герцога королевскую мантію.

Карлъ сдѣлалъ брату знакъ. Тотъ преклонилъ колѣно, и Карлъ самъ возложилъ ему на голову корону. А потомъ два короля обнялись и обмѣнялись поцѣлуемъ, полнымъ самой глубокой ненависти.

И въ ту же минуту герольдъ провозгласилъ:

— Александръ-Эдуардъ-Генрихъ Французскій, герцогъ Анжуйскій, коронованъ на царство польское. Да здравствуетъ польскій король!

— Да здравствуетъ польскій король! — повторило въ одинъ голосъ все собраніе.

Потомъ Ласко обратился къ Маргаритѣ. Прекрасная королева должна была говорить послѣдняя. Такъ какъ ей было предоставлено произнести рѣчь только изъ любезности, чтобы она могла блеснуть своей ученостью, то всѣ съ нетерпѣніемъ ждали ея отвѣта на латинскомъ языкѣ. Мы знаемъ, что Маргарита сама сочинила его.

Ласко произнесъ, обращаясь къ ней, настоящій панегирикъ. Несмотря на свое сарматское происхожденіе, онъ поддался очарованію, которое производила на всѣхъ прелестная королева Наваррская. Языкомъ Овидія, но слогомъ Ронсара Ласко сказалъ, что, выѣхавъ изъ Варшавы глубокой ночью, онъ и его спутники не могли бы найти дорогу, если бы имъ, какъ волхвамъ, не свѣтили двѣ путеводныя звѣзды. Эти звѣзды становились все ярче по мѣрѣ того, какъ они приближались къ Франціи, и теперь они видятъ, что это были не звѣзды, а

прекрасные глаза королевы Наваррской. Затѣмъ, переходя отъ Евангелія къ Корану, отъ Сиріи къ Каменистой Аравіи, отъ Назарета къ Меккѣ, Ласко закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ готовъ поступить такъ же, какъ поступали горячіе поклонники пророка. Когда имъ выпадало счастье увидать его гробницу, они выкалывали себѣ глаза: по ихъ мнѣнію, послѣ такого чуднаго зрѣлища уже не стоило смотрѣть ни на что.

Рѣчь Ласко вызвала громъ рукоплесканій; знавшіе по-латыни выражали свое одобреніе, потому что были согласны съ мнѣніемъ оратора; незнавшіе тоже рукоплескали, чтобы не дать замѣтить, что они не поняли ни слова.

Маргарита граціозно поклонилась любезному сармату и, устремивъ глаза на де-Муи, начала свою отвѣтную рѣчь:

„Quod nunc hac in aulâ insperati adestis exultaremes ego et conjux, nisi ideo immineret calamitas, scilicet non solum fratris sed etiam amici orbitas“ *).

Эти слова имѣли двоякій смыслъ. Хоть Маргарита говорила ихъ де-Муи, но они могли относиться и къ Генриху Анжуйскому. А потому этотъ послѣдній поблагодарилъ ее поклономъ.

Карлу показалось, что онъ не читалъ этой фразы въ рѣчи Маргариты, которую просматривалъ нѣсколько дней тому назадъ. Но онъ не придавалъ большого значенія словамъ сестры, такъ какъ рѣчь ея не касалась политики и была простымъ актомъ вѣжливости. Къ тому же Карлъ довольно плохо зналъ латинскій языкъ.

Между тѣмъ Маргарита все такъ же по-латыни продолжала:

„Намъ грустно разставаться съ тобою, грустно, что мы не можемъ сопровождать тебя. Но та же судьба, которая требуетъ, чтобы ты немедленно покинулъ Парижъ, приковываетъ къ этому городу насъ. Уѣзжай же, милый братъ, уѣзжай, дорогой другъ, уѣзжай для насъ. Наши надежды и пожеланія будутъ сопутствовать тебѣ“.

Читатель, безъ сомнѣнія, понимаетъ, съ какимъ вниманіемъ слушалъ де-Муи эти слова, которыя относились къ нему одному, хоть Маргарита и обращалась къ брату. Генрихъ Наваррскій уже раза два или три отрицательно покачалъ головой, показывая этимъ молодому гугеноту, что герцогъ Алансонскій отказался; но этотъ жестъ могъ быть случайнымъ движеніемъ и де-Муи не положился бы на него, если бы его не подтвердили

---

*) Ваше неожиданное присутствіе въ этой залѣ доставило бы величайшее удовольствіе моему мужу и мнѣ, если бы не влекло за собой большого горя—потери не только брата, но и друга.

слова Маргариты. Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на нее и слушалъ, стараясь не проронить ни одного слова, его черные глаза, сверкавшіе изъ-подъ сѣдыхъ бровей, обратили на себя вниманіе Екатерины. Она вздрогнула, какъ отъ электрическаго удара, и уже не спускала глазъ съ де-Муи.

— Какой странный старикъ,—говорила она про себя, стараясь не выдать своего волненія, несогласнаго съ правилами этикета.—Кто онъ? И почему онъ такъ внимательно смотритъ на Маргариту, а Маргарита и Генрихъ, съ своей стороны, такъ же внимательно глядятъ на него.

Королева Наваррская продолжала свою рѣчь, обращаясь теперь уже исключительно къ польскому послу и отвѣчая на его любезности. Между тѣмъ Екатерина никакъ не могла успокоиться и тщетно ломала себѣ голову, стараясь догадаться, кто такой этотъ старикъ. Въ это время къ ней подошелъ церемоніймейстеръ и подалъ ей надушеный атласный конвертъ. Она вынула изъ него письмо и прочитала слѣдующее:

„Благодаря укрѣпляющему лѣкарству, которое я далъ Морвелю, силы его нѣсколько возстановились и онъ могъ написать имя человѣка, бывшаго въ спальнѣ короля Наваррскаго. Это де-Муи".

— Де-Муи,—прошептала королева.—Да, я предчувствовала это... Но старикъ... А! aspetto!.. Да, вѣдь этотъ старикъ...

Екатерина съ минуту сидѣла неподвижно, полуоткрывъ ротъ и не сводя глазъ съ де-Муи.

Потомъ, обратившись къ капитану Нансэ, стоявшему около нея, она сказала ему шопотомъ:

— Посмотрите, только незамѣтно, вонъ туда... на посла Ласко, который говоритъ теперь... Какъ разъ позади него стоитъ старикъ съ сѣдой бородой, въ черномъ бархатномъ платьѣ. Видите вы его?

— Да, ваше величество, — отвѣтилъ капитанъ.

— Не выпускайте его изъ вида.

— Вѣдь вы говорите про того старика, ваше величество, которому король Наваррскій дѣлаетъ знакъ?

— Именно такъ. Возьмите съ собой солдатъ—человѣкъ десять — и встаньте съ ними около воротъ Лувра. Когда этотъ старикъ выйдетъ, пригласите его обѣдать отъ имени короля. Если онъ пойдетъ за вами, отведите его въ какую-нибудь комнату и оставьте тамъ подъ стражей; если же онъ не захочетъ итти, задержите его живого или мертваго. Ступайте скорѣй!

Къ счастью, Генрихъ, котораго мало интересовала рѣчь Маргариты, внимательно слѣдилъ за Екатериной и не пропустилъ ни одной перемѣны въ выраженіи ея лица. Видя, что

она не спускаетъ глазъ съ де-Муи, онъ встревожился. А когда она позвала Нансэ, онъ понялъ все.

Тогда-то и подалъ онъ де-Муи замѣченный капитаномъ Нансэ знакъ, какъ бы говорившій: „Вы открыты; спасайтесь, не теряя ни минуты!“

Де-Муи понялъ этотъ знакъ, такъ хорошо завершившій ту часть рѣчи Маргариты, которая относилась къ нему. Онъ тотчасъ же замѣшался въ толпу и исчезъ.

Но Генрихъ успокоился за него только послѣ того, какъ капитанъ Нансэ вернулся къ Екатеринѣ и шепнулъ ей что-то, отъ чего ее всю передернуло: капитанъ, очевидно, доложилъ ей, что пришелъ слишкомъ поздно и не могъ исполнить ея порученія.

Наконецъ пріемъ кончился.

Маргарита еще разговаривала съ Ласко, но теперь это былъ уже не официальный разговоръ.

Король всталъ, поклонился и, съ трудомъ держась на ногахъ, вышелъ, опираясь на плечо Амбруаза Парэ, который не оставлялъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ заболѣлъ.

Екатерина, блѣдная отъ гнѣва, и Генрихъ, онѣмѣвшій отъ горя, послѣдовали за нимъ.

Герцогъ Алансонскій держался въ сторонѣ во все время пріема, и король, не спускавшій глазъ съ герцога Анжуйскаго, не взглянулъ на него ни разу.

Новый польскій король считалъ себя погибшимъ. Вдали отъ матери, похищенный этими сѣверными варварами, онъ походилъ на сына земли, Антея, потерявшаго всю силу, когда Геркулесъ приподнялъ его на воздухъ. Герцогу Анжуйскому казалось, что, переступивъ за границу Франціи, онъ навсегда лишится права на французскій престолъ.

Вмѣсто того, чтобы пойти къ королю, онъ отправился къ матери.

Екатерина была такъ же мрачна и озабочена, какъ онъ самъ: она думала о Генрихѣ Наваррскомъ и ясно представляла себѣ его лукавое, насмѣшливое лицо, на которое часто взглядывала во время аудіенціи. Казалось, сама судьба расчищаетъ дорогу этому беарнцу, отстраняя съ его пути королей, принцевъ, убійцъ, всѣхъ его враговъ и всѣ препятствія.

Увидавъ своего любимаго сына въ коронѣ и королевской мантіи, но блѣднаго, убитаго горемъ и съ мольбою сложившаго такія же красивыя, какъ у нея, руки, Екатерина встала и пошла къ нему навстрѣчу.

— О, матушка! — воскликнулъ пылкій король. — Итакъ, я сужденъ умереть въ изгнаніи!

— Неужели ты уже успѣлъ забыть предсказаніе Рене, сынъ мой?— спросила Екатерина. — Не безпокойся, ты недолго пробудешь тамъ.

— Умоляю васъ, матушка, при первомъ же признакѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи, что французскій престолъ можетъ освободиться, тотчасъ же дайте мнѣ знать!

— Будь покоенъ, сынъ мой,— сказала Екатерина.—Съ твоего отъѣзда и до того дня, котораго ждемъ мы оба, осѣдланная лошадь будетъ стоять день и ночь въ моей конюшнѣ, а у меня въ передней будетъ сидѣть курьеръ, готовый ѣхать въ Польшу.

XIII.

Орестъ и Пиладъ.

Съ отъѣздомъ Генриха Анжуйскаго миръ и счастье, казалось, вернулись въ Лувръ, къ домашнему очагу этой семьи Атридовъ.

У короля прошло его грустное настроеніе. Онъ снова поздоровѣлъ и охотился съ Генрихомъ, а оставаясь дома, говорилъ съ нимъ же объ охотѣ. Король упрекалъ беарнца только въ одномъ — въ томъ, что тотъ не любитъ соколиной охоты — и увѣрялъ, что онъ былъ бы совершенствомъ, если бы умѣлъ вынашивать соколовъ и кречетовъ такъ же хорошо, какъ дрессировалъ ищеекъ и гончихъ.

Екатерина снова стала любящей матерью: она была нѣжна съ Карломъ и герцогомъ Алансонскимъ, ласкова съ Генрихомъ и Маргаритой, любезна съ герцогиней Неверской и баронессой де-Совъ.

Подъ предлогомъ, что Морвель былъ раненъ, исполняя ея порученіе, она довела свою доброту до того, что два раза ѣздила навѣщать его въ домъ, на улицѣ Серизе.

Свиданія Маргариты съ ла-Молемъ продолжались.

Каждый вечеръ она открывала свое окно и обмѣнивалась съ молодымъ человѣкомъ знаками и письмами. И въ каждомъ письмѣ ла-Моль напоминалъ своей прекрасной королевѣ, что, въ награду за его изгнаніе, она обѣщала подарить ему нѣсколько чудныхъ минутъ въ домѣ на Клошъ-Персе.

Одинъ только человѣкъ чувствовалъ себя одинокимъ и покинутымъ въ Луврѣ, въ которомъ воцарились теперь миръ и тишина. То былъ нашъ пріятель, графъ Аннибалъ де-Коконна.

Ему, конечно, было пріятно знать, что ла-Моль живъ; много, конечно, значило и то, что его продолжала любить герцогиня Неверская, одна изъ самыхъ причудливыхъ и непостоянныхъ

женщинъ въ мірѣ. Но все это, по его мнѣнію, не стоило и часа, проведеннаго съ ла-Молемъ. Какъ хорошо было имъ вмѣстѣ, когда они сидѣли за бутылкой вина у ла-Гюрьера или бродили по такимъ закоулкамъ Парижа, гдѣ всякому порядочному человѣку очень легко получить рану и потерять кошелекъ.

Отсутствіе ла-Моля, огорчавшее Коконна, было непріятно и герцогинѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ ла-Моль, Коконна лишился всего, что ей особенно нравилось въ немъ, то-есть своей неистощимой веселости и остроумія. Это повело къ тому, что въ одинъ прекрасный день герцогиня явилась къ Маргаритѣ и стала умолять ее вернуть ла-Моля, безъ котораго Коконна сталъ самъ на себя не похожъ.

Маргарита сдалась на ея просьбу не только изъ состраданія къ ней, но и потому, что сама желала этого, да и ла-Моль постоянно умолялъ ее о томъ же. Итакъ, она назначила Генріэттѣ на другой же день свиданіе въ домѣ съ двумя выходами; тамъ они сойдутся всѣ четверо и никто не помѣшаетъ имъ хорошенько потолковать обо всемъ.

Коконна прочиталъ безъ особаго удовольствія записочку герцогини Неверской, которая приглашала его въ половинѣ десятаго въ улицу Тизонъ. Но онъ все-таки отправился на мѣсто свиданія, гдѣ уже ждала Генріэтта, страшно раздраженная тѣмъ, что ей пришлось прійти первой.

— Съ вашей стороны, графъ, — воскликнула она, — очень невѣжливо заставлять себя ждать — не говорю уже принцессу, а женщину!

— Ждать!—сказалъ Коконна.—Какъ бы не такъ! Я думаю, напротивъ, что мы пришли раньше времени.

— Я — да.

— И я тоже. Готовъ поручиться, что теперь нѣтъ еще десяти часовъ.

— А я звала васъ въ половинѣ десятаго!

— Я и вышелъ изъ Лувра въ девять часовъ. Кстати сказать, я сегодня дежурный и потому мнѣ придется покинуть васъ черезъ часъ.

— Чему вы очень рады?

— Клянусь честью, нѣтъ! Герцогъ очень требователенъ и капризенъ. Ужъ если нужно, чтобы кто-нибудь бранилъ меня, то мнѣ пріятнѣе выслушивать упреки изъ вашихъ хорошенькихъ губокъ, чѣмъ изъ его кривого рта.

— Ну, это все-таки немножко полюбезнѣе, — сказала герцогиня. — Итакъ, вы говорите, что вышли изъ Лувра въ девять часовъ?

— Да, съ намѣреніемъ итти прямо сюда. Но, дойдя до угла улицы Гренель, я увидалъ человѣка, похожаго на ла-Моля.

— Опять этотъ ла-Моль!

— Да, опять, съ вашего позволенія или безъ позволенія.

— Какъ вы грубы! Сдѣлайте милость, кончайте вашъ разсказъ.

— Не я началъ его. Вы сами спросили меня, почему я опоздалъ.

— Конечно. Развѣ, по-вашему, я должна была являться сюда первой?

— Такъ вѣдь вамъ никого не нужно искать.

— Вы невыносимы... Ну, что же дальше? На углу улицы Гренель вы увидали человѣка, похожаго на ла-Моля... Что такое у васъ на камзолѣ?.. Кровь?..

— А, онъ, должно-быть, обрызгалъ меня, когда падалъ.

— Значитъ вы дрались?

— Полагаю, что такъ.

— За вашего ла-Моля?

— За кого же мнѣ драться? За женщину что ли?

— Благодарю!

— Я пошелъ за этимъ человѣкомъ, который осмѣлился походить на моего друга. На улицѣ Кокильеръ я догналъ его, прошелъ немножко впередъ, обернулся и, нагнувшись къ самому его лицу, сталъ разглядывать его при свѣтѣ, падавшемъ изъ лавки. Оказалось, что это не ла-Моль.

— Ну, и отлично.

— А ему показалось совсѣмъ не отлично. „Милостивый государь, — сказалъ я. — Издали вы осмѣливаетесь походить на моего друга, графа де-ла-Моля, а вблизи—вы какой-то нищій, бродяга“. Онъ обидѣлся и выхватилъ шпагу; я сдѣлалъ то же. Послѣ третьяго выпада этотъ невѣжа упалъ и обрызгалъ меня кровью!

— Вы подали ему, по крайней мѣрѣ, помощь?

— Я только что хотѣлъ сдѣлать это, какъ мимо меня проѣхалъ всадникъ. На этотъ разъ, герцогиня, я готовъ поклясться, что это былъ ла-Моль. Къ несчастью, лошадь его скакала въ галопъ. Я побѣжалъ за ней, а прохожіе, остановившіеся посмотрѣть на нашъ поединокъ, бросились за мной. Такъ какъ изъ-за этихъ негодяевъ, которые съ криками и гиканьемъ гнались за мною, меня могли принять за вора, то мнѣ пришлось остановиться и разогнать всю эту ватагу. А пока я занимался этимъ и терялъ время, всадникъ исчезъ. Я кинулся въ ту сторону, куда онъ поѣхалъ, обращался ко всѣмъ, разспрашивалъ, говорилъ, какой масти его лошадь... это не повело ни

къ чему—его не видалъ никто. Наконецъ я страшно усталъ и пошелъ суда.

— Потому что устали? Какъ это мило! — воскликнула герцогиня.

— Послушайте, моя дорогая, — сказалъ Коконна, непринужденно развалившись въ креслѣ, — вы, какъ кажется, опять хотите нападать на меня изъ-за этого бѣднаго ла-Моля. Поймите же, наконецъ, что вы не правы. Дружба... это... это... Жаль, что я не такъ уменъ и ученъ, какъ мой другъ — тогда я придумалъ бы какое-нибудь сравненіе, чтобы вы поняли мою мысль. Дружба... Это, такъ сказать, звѣзда, тогда какъ любовь... любовь... а, вотъ оно!.. любовь — это свѣча. Вы, можетъ-быть, скажете, что есть нѣсколько сортовъ...

— Любви?

— Нѣтъ, свѣчей, и что одни хуже, а другіе лучше, какъ, напримѣръ, свѣчи изъ розоваго воска. Хорошо, я согласенъ, возьмемъ для сравненія самую лучшую, то-есть розовую. Но вѣдь какъ ни хороша свѣча, а она все-таки въ концѣ-концовъ сгораетъ, тогда какъ звѣзда горитъ всегда. На это вы, конечно, можете, возразить мнѣ, что когда одна свѣча сгоритъ, то вставляютъ другую...

— Г. Коконна, вы фатъ!

— Такъ!

- Г. Коконна, вы невѣжа!

— Такъ! Такъ!

— Г. Коконна, вы негодяй!

— Сударыня, предупреждаю васъ, что вы заставите меня жалѣть о ла-Молѣ втрое больше, чѣмъ прежде.

— Вы не любите меня?

— Напротивъ, герцогиня, вы ошибаетесь, я боготворю васъ. Но я могу любить, обожать васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хвалить моего друга. Что же терять даромъ время!

— Значитъ, вы теряете даромъ время, когда бываете со мной?

— Я хочу только сказать, что этотъ бѣдный ла-Моль не выходитъ у меня изъ головы.

— Вы любите его больше, чѣмъ меня,—это низко! Я васъ ненавижу... Слышите, Аннибалъ? Будьте откровенны, скажите прямо, что предпочитаете его мнѣ. Но предупреждаю васъ, если вы дорожите имъ больше, чѣмъ мною...

— Генріэтта, прекраснѣйшая изъ герцогинь! Ради вашего же собственнаго спокойствія, не задавайте мнѣ такихъ щекотливыхъ вопросовъ! Я люблю васъ больше, чѣмъ всѣхъ женщинъ, а ла-Моля больше, чѣмъ всѣхъ мужчинъ.

— Отличный отвѣтъ! — сказалъ кто-то

Шелковая портьера приподнялась, часть стѣны, раздѣлявшей двѣ комнаты, вдвинулась въ устроенную для этого выемку, и въ образовавшейся такимъ образомъ двери появился ла-Моль, какъ прекрасный портретъ Тиціана въ золоченой рамѣ.

— Ла-Моль!—воскликнулъ Коконна, не обращая никакого вниманія на Маргариту и даже не поблагодаривъ ее за сдѣланный ему сюрпризъ. — Ла-Моль, другъ мой, мой дорогой ла-Моль!

И онъ бросился въ объятія своего пріятеля, сваливъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и опрокинувъ столъ, попавшійся ему на дорогѣ.

Ла-Моль тоже горячо обнялъ его, а потомъ обратился къ герцогинѣ Неверской.

— Простите, герцогиня,—сказалъ онъ,—если мое имя, не кстати произнесенное, разстраивало иногда ваши дружескія бесѣды съ Коконна. Не по своей винѣ, конечно, — прибавилъ онъ, нѣжно взглянувъ на королеву,—не приходилъ я раньше.

— Видишь, Генріэтта, — сказала Маргарита, — я исполнила твою просьбу — вотъ онъ!

— Неужели же, — спросилъ ла-Моль, — я обязанъ этимъ только просьбѣ герцогини?

— Только ея просьбѣ,—отвѣтила Маргарита, но тотчасъ же прибавила: — Позволю вамъ не вѣрить ни одному слову изъ того, что я говорю, ла-Моль.

Коконна, который уже разъ десять прижималъ друга къ своему сердцу и не отходилъ отъ него, поднесъ ему къ лицу канделабръ, чтобы лучше разсмотрѣть его, и въ заключеніе преклонилъ колѣно передъ Маргаритой и поцѣловалъ край ея платья.

— Ну, слава Богу, — сказала герцогиня, — теперь вы, можетъ-быть, найдете меня сносной?

— Mordi!—воскликнулъ Коконна, — я найду васъ очаровательной, какъ всегда, только скажу вамъ это еще горячѣе, чѣмъ прежде. Какъ знать, что здѣсь нѣтъ человѣкъ тридцати поляковъ, сарматовъ или какихъ-нибудь другихъ варваровъ— гиперборейцевъ. Я заставилъ бы ихъ признать васъ царицею красоты!

— Постой, постой, Коконна! — остановилъ его ла-Моль. — А королева?

— Ну, что же, я все-таки не откажусь отъ своихъ словъ,— шутливо сказалъ Коконна,—герцогиня—царица красоты, а королева—краса царицъ.

Но что бы ни говорилъ ни дѣлалъ Коконна, онъ былъ весь охваченъ счастьемъ видѣть своего друга и не глядѣлъ ни на кого, кромѣ него

— А знаешь что, моя прекрасная королева, — сказала Генріэтта, — оставимъ этихъ нѣжныхъ друзей наединѣ — дадимъ имъ поговорить между собою... Имъ нужно многое поразсказать другъ другу и мы только помѣшаемъ имъ. Это, конечно, не совсѣмъ лестно для насъ, но дѣлать нечего. Только такимъ путемъ можно возстановить здоровье Коконна. Сдѣлай это для меня, Маргарита: я, къ несчастью, имѣю глупость любить вонъ ту отвратительную голову—помнишь, кто назвалъ ее такъ?

Маргарита шепнула нѣсколько словъ ла-Молю, который, хоть былъ очень радъ свидѣться съ другомъ, находилъ его въ эту минуту ужъ слишкомъ нѣжнымъ и требовательнымъ. Тѣмъ временемъ Коконна старался вызвать на уста Генріэтты улыбку и ласковое слово. И усилія его скоро увѣнчались успѣхомъ.

Маргарита и Генріэтта ушли въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ.

Друзья остались одни.

Прежде всего Коконна сталъ, конечно, разспрашивать ла-Моля о роковомъ вечерѣ, когда того чуть было не убили. И, слушая разсказъ пріятеля, пьемонтецъ, котораго, какъ мы знаемъ, не пугала никакая опасность, дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Но зачѣмъ же ты убѣжалъ и заставилъ меня такъ безпокоиться за тебя? — воскликнулъ онъ. — Почему не пошелъ ты прямо къ нашему патрону, герцогу Алансонскому? Онъ, конечно, защитилъ бы тебя, спряталъ гдѣ-нибудь у себя. Тогда я могъ бы видаться съ тобою, а самъ прикинулся бы грустнымъ. И эти ослы-придворные повѣрили бы, что я горюю о тебѣ.

— Къ герцогу?—вполголоса проговорилъ ла-Моль.—Къ герцогу Алансонскому?

— Да. Изъ его словъ я понялъ, что онъ спасъ тебѣ жизнь.

— Я обязанъ жизнью королю Наваррскому, — возразилъ ла-Моль.

— Неужели? Ты увѣренъ въ этомъ?

— Вполнѣ.

— Какой славный, какой добрый этотъ король Наваррскій! А при чемъ же тутъ былъ герцогъ Алансонскій?

— Онъ держалъ шнурокъ и хотѣлъ задушить меня.

— Mordi!—воскликнулъ Коконна.— Вѣрно ли это, ла-Моль? Неужели этотъ блѣдный, тщедушный принцъ, дѣйствительно, хотѣлъ задушить тебя? Mordi!.. Я скажу ему завтра же, что думаю о немъ!

— Съ ума ты, что ли, сошелъ?

— Да, это правда, онъ можетъ снова приняться за то же... Но все равно... Я не могу оставить это такъ!

— Полно, полно, Коконна, успокойся и не забудь, что теперь уже половина двѣнадцатаго и что ты сегодня дежурный.

— Очень мнѣ нужно это дежурство!.. Пусть себѣ ждетъ!.. Дежурный!.. Развѣ я останусь на службѣ у человѣка, который хотѣлъ задушить тебя? Ты шутишь, конечно!.. Нѣтъ! Тутъ, по-моему, вмѣшалось само Провидѣніе: мнѣ было предназначено найти тебя, чтобы больше ужъ не разставаться съ тобою. Я останусь здѣсь.

— Одумайся, Коконна, вѣдь ты, кажется, не пьянъ!

— Да, къ счастью. Ели бы я былъ пьянъ, то поджегъ бы Лувръ.

— Перестань, Аннибалъ, не будь же такъ безразсуденъ. Ты долженъ итти къ герцогу. Служба—дѣло священное.

— А ты пойдешь со мной?

— Ты самъ знаешь, что это невозможно.

— Развѣ ты думаешь, что они снова будутъ стараться убить тебя?

— Нѣтъ, я не думаю этого. Я слишкомъ ничтоженъ, чтобы противъ меня былъ составленъ настоящій заговоръ. Въ одну несчастную минуту имъ просто пришла фантазія убить меня—вотъ и все. Принцы были въ веселомъ настроеніи въ тотъ вечеръ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Да ничего особеннаго: буду ѣздить по окрестностямъ, совершать прогулки...

— Такъ и я буду ѣздить и гулять съ тобою. Мы отлично заживемъ вмѣстѣ. И если на тебя нападутъ, насъ будетъ двое и мы расправимся съ ними какъ нельзя лучше. Пусть-ка попробуетъ явиться тогда твой жалкій герцогъ. Я пришпилю его, какъ бабочку, къ стѣнѣ!

— По крайней мѣрѣ, хоть возьми у него отпускъ.

— Да, навсегда.

— Въ такомъ случаѣ предупреди его, что уходишь.

— Вотъ это справедливо. Противъ этого я спорить не стану. Я сейчасъ же напишу ему.

— Напишешь? Это будетъ большая неловкость, Коконна. Вѣдь онъ принцъ крови.

— Да, крови! крови моего друга!—воскликнулъ, вращая глазами, Коконна.

„Ну, пусть его!—подумалъ ла-Моль.—Если онъ присоединится къ намъ и уѣдетъ съ нами, ему черезъ нѣсколько дней не будетъ никакого дѣла до принца“.

Коконна взялъ перо и быстро сочинилъ краснорѣчивое посланіе, которое мы и предлагаемъ вниманію читателя:

„Ваше высочество!

„Вы такъ хорошо изучили древнихъ писателей, что не можете не знать трогательной исторіи Ореста и Пилада, двухъ героевъ, прославившихся своими несчастіями и своей дружбой. Ла-Моль несчастенъ, какъ Орестъ, а у меня такое же любящее сердце, какъ у Пилада. Мой другъ занятъ въ настоящую минуту очень важнымъ дѣломъ и нуждается въ моей помощи, въ которой я не могу отказать ему. Въ виду этого я, съ позволенія вашего высочества, выхожу въ отставку, такъ какъ намѣренъ раздѣлить участь ла-Моля, какова бы она ни была. Вы, конечно, поймете, что только крайняя необходимость заставляетъ меня отказаться отъ службы у вашего высочества, и надѣюсь, не откажете мнѣ въ прощеніи. А потому я беру на себя смѣлость назваться вашего королевскаго высочества покорнѣйшимъ и почтительнѣйшимъ слугою графомъ Аннибаломъ Коконна, неразлучнымъ другомъ ла-Моля".

Написавъ этотъ шедевръ, Коконна прочиталъ его вслухъ ла-Молю, который пожалъ плечами.

— Ну, что скажешь? — спросилъ Коконна, не замѣтившій этого движенія или сдѣлавшій видъ, что не замѣтилъ его.

— Я скажу, — отвѣтилъ ла-Моль, — что герцогъ Алансонскій будетъ смѣяться надъ нами обоими вмѣстѣ.

— Но вѣдь это, по-моему, все-таки лучше, чѣмъ если бы онъ задушилъ насъ поодиночкѣ?

— Одно, можетъ-быть, не помѣшаетъ другому, — смѣясь, сказалъ ла-Моль.

— Все равно. Будь, что будетъ, а я пошлю письмо завтра утромъ... Гдѣ мы ночуемъ сегодня?

— У метра ла-Гюрьера. Знаешь, въ той комнатѣ, гдѣ ты хотѣлъ зарѣзать меня, когда мы еще не были Орестомъ и Пиладомъ.

— Отлично. Значитъ, съ ла-Гюрьеромъ я и пошлю мое письмо.

Въ эту минуту портьера приподнялась.

— Ну, что же дѣлаютъ Орестъ и Пиладъ? — спросили въ одинъ голосъ Маргарита и Генріэтта.

— Mordi! — воскликнулъ Коконна. — Орестъ и Пиладъ умираютъ отъ голода и отъ любви.

На другой день въ девять часовъ утра метръ ла-Гюрьеръ, дѣйствительно, отнесъ въ Лувръ почтительное посланіе графа Аннибала Коконна.

XIV.

Оршонъ.

Герцогъ Алансонскій, сомнѣвающійся во всемъ, даже въ самомъ существованіи своемъ, отказался бѣжать изъ Франціи. Но, несмотря на этотъ отказъ, Генрихъ сблизился съ нимъ, если возможно, еще больше, чѣмъ прежде.

Изъ этой близости Екатерина вывела заключеніе, что они хотятъ дѣйствовать заодно и замышляютъ что-то. Она попробовала обратиться съ разспросами къ Маргаритѣ; но Маргарита была достойной ея дочерью и обладала способностью избѣгать неудобныхъ объясненій. Она такъ осторожно отвѣчала на вопросы матери, что, не оставивъ безъ отвѣта ни одного изъ нихъ, въ сущности ничего не разъяснила ей. И послѣ этого разговора недоумѣніе Екатерины не только не разсѣялось, но еще больше увеличилось.

Екатерина понимала, что союзъ съ Франсуа даетъ Генриху большое преимущество, и рѣшила прежде всего уничтожить этотъ союзъ. Принявъ такое рѣшеніе, она стала необыкновенно внимательна къ герцогу Алансонскому, опутывая его сѣтями нѣжности и ласки съ терпѣніемъ и упорствомъ рыболова, который, забросивъ неводъ далеко отъ рыбы, осторожно и незамѣтно подвигаетъ его, охватывая имъ свою добычу со всѣхъ сторонъ.

Герцогъ Франсуа, замѣтивъ все возраставшую нѣжность матери, самъ пошелъ ей навстрѣчу. Генрихъ, съ своей стороны, дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ ничего, но слѣдилъ за своимъ союзникомъ еще внимательнѣе, чѣмъ прежде.

Разъ утромъ, когда только что взошло солнце, предвѣщая прекрасный день, какой-то блѣдный мужчина вышелъ, опираясь на палку и съ трудомъ передвигая ноги, изъ маленькаго домика около арсенала и направился на улицу Пти-Мюскъ.

Пройдя по бульвару, окружавшему рвы Бастиліи, незнакомецъ свернулъ около Сентъ-Антуанскихъ воротъ направо и вошелъ въ садъ де-л'Арбалетъ. Сторожъ встрѣтилъ его низкими, почтительными поклонами.

Въ саду, который, какъ показывало его названіе, принадлежалъ частному обществу стрѣлковъ, не было никого. Но если бы тутъ были гуляющіе, они, навѣрное, обратили бы вниманіе на этого блѣднаго человѣка. По его длиннымъ усамъ и походкѣ, въ которой, несмотря на то, что онъ шелъ очень тихо, замѣтна была военная выправка, видно было, что это какой-нибудь офицеръ, еще не оправившійся отъ ранъ и вышедшій погулять на солнышкѣ, чтобы укрѣпить свои силы.

Но — странная вещь! — когда случайно распахивался плащъ, въ который былъ закутанъ, несмотря на теплую погоду, этотъ, повидимому, такой безобидный человѣкъ, у него за поясомъ оказывался цѣлый арсеналъ: два большихъ пистолета, широкій кинжалъ и длинная шпага, которая съ каждымъ его шагомъ ударяла его по дрожащимъ, исхудалымъ ногамъ.

Войдя въ садъ, онъ добрался до маленькой бесѣдки, обращенной къ бульвару, отъ котораго она отдѣлялась только густо-разросшейся живой изгородью и узкимъ рвомъ. Незнакомецъ легъ на дерновую скамью, около стола; черезъ нѣсколько минутъ сторожъ, бывшій въ то же время содержателемъ трактира, принесъ ему чашку бульона.

Больной пробылъ въ бесѣдкѣ около десяти минутъ и ужъ нѣсколько разъ подносилъ ко рту чашку, отпивая маленькими глотками бульонъ, какъ вдругъ лицо его страшно исказилось: онъ увидалъ ѣхавшаго по тропинкѣ — теперешняя улица де-Напль — закутаннаго въ широкій плащъ всадника, который остановился около бастіона, какъ бы поджидая кого-то.

Минутъ черезъ пять, когда лежавшій въ бесѣдкѣ больной — читатель, навѣрное, ужъ узналъ Морвеля — немножко оправился отъ волненія, какой-то молодой человѣкъ въ костюмѣ пажа подошелъ къ всаднику.

Не видимый за густой зеленью бесѣдки, Морвель могъ хорошо видѣть и слышать все происходившее у бастіона. И читатель пойметъ, какъ жадно онъ глядѣлъ и какъ внимательно слушалъ, когда узнаетъ, что всадникъ и юноша въ костюмѣ пажа были де-Муи и Оршонъ.

Они оба оглядѣлись кругомъ; Морвель смотрѣлъ на нихъ, сдерживая дыханіе.

— Вы можете говорить, сударь, — сказалъ Оршонъ, который былъ моложе и потому довѣрчивѣе, — никто не увидитъ и не услышитъ насъ здѣсь.

— Хорошо, — отвѣтилъ де-Муи. — Ступай къ баронессѣ де-Совъ и отдай ей эту записку, если она будетъ дома; а если не застанешь ее, положи записку за зеркало, куда обыкновенно кладетъ свои письма король, и подожди въ Луврѣ. Если получишь отвѣтъ, ты знаешь, куда принести его; если отвѣта не будетъ, приходи ко мнѣ вечеромъ съ латнымъ нагрудникомъ туда, куда я тебѣ говорилъ.

— Да, знаю, — сказалъ Оршонъ.

— Ну, мнѣ пора уѣзжать: у меня очень много дѣла сегодня. А ты не торопись, это совершенно лишнее. Тебѣ незачѣмъ приходить въ Лувръ раньше, чѣмъ онъ будетъ тамъ, а ему, какъ кажется, даютъ сегодня утромъ урокъ соколиной

охоты. Не скрывайся, когда придешь во дворецъ, пусть тебя видятъ всѣ. Ты выздоровѣлъ и пришелъ поблагодарить баронессу де-Совъ за то, что она съ такой добротой ухаживала за тобой во время болѣзни. Ну, отправляйся!

Морвель слушалъ, не спуская глазъ съ разговаривающихъ; потъ выступилъ у него на лбу. Въ первую минуту онъ хотѣлъ было отстегнуть отъ пояса пистолетъ и выстрѣлить въ де-Муи, но тотчасъ же одумался. На де-Муи была великолѣпная кольчуга — онъ замѣтилъ ее, когда у того распахнулся плащъ — и потому пуля сплющится о кольчугу или попадетъ въ такое мѣсто, что рана будетъ несмертельна. Къ тому же де-Муи силенъ, хорошо вооруженъ и, конечно, легко справится съ нимъ, еще слабымъ отъ незаживших ранъ. Итакъ, Морвель вздохнулъ и отказался отъ своего намѣренія.

— Какъ жаль, — прошепталъ онъ, — что я не могу убить его здѣсь безъ свидѣтелей, кромѣ только этого мальчишки, въ котораго я могъ бы пустить вѣрную пулю!

Но въ ту же минуту Морвелю пришло въ голову, что записка, которую Оршонъ долженъ былъ передать баронессѣ де-Совъ, будетъ, пожалуй, поважнѣе даже жизни вождя гугенотовъ.

„А, ты опять ускользнешь отъ меня сегодня! — думалъ онъ. — Хорошо, уходи цѣлъ и невредимъ. Но наступитъ и мой чередъ, хоть бы мнѣ пришлось послѣдовать за тобою въ адъ, изъ котораго ты вышелъ, чтобы погубить меня, если я самъ не погублю тебя!"

Въ то время, какъ Морвель думалъ это, де-Муи закрылъ лицо плащомъ и быстро поѣхалъ по направленію къ Тамплю.

Тогда Морвель всталъ, чувствуя себя крѣпче и сильнѣе, чѣмъ ожидалъ, вернулся къ себѣ и велѣлъ осѣдлать лошадь. А затѣмъ, рискуя, что раны его откроются, онъ поскакалъ въ галопъ къ Лувру.

Черезъ пять минутъ послѣ того, какъ Морвель въѣхалъ въ ворота, Екатерина уже знала все, что произошло, и дала ему тысячу золотыхъ экю, которыя обѣщала за арестъ короля Наваррскаго.

„Если я не ошибаюсь, — подумала она, — де-Муи и будетъ тѣмъ темнымъ облакомъ, которое Ренэ нашелъ въ гороскопѣ этого проклятаго беарнца!"

Черезъ четверть часа послѣ Морвеля въ Лувръ пришелъ Оршонъ. Слѣдуя совѣту де-Муи, онъ нисколько не скрывался и, поболтавъ съ знакомыми слугами, отправился къ баронессѣ де-Совъ.

Тамъ была только одна Даріола. Баронессу минутъ пять тому назадъ потребовали къ Екатеринѣ, чтобы переписать какія-то важныя письма.

— Хорошо, я подожду, — сказалъ Оршонъ.

И, пользуясь тѣмъ, что считался своимъ человѣкомъ въ домѣ, онъ прошелъ въ спальню баронессы и, удостовѣрившись, что тамъ нѣтъ никого, положилъ записку за зеркало.

Только что успѣлъ опустить руку, какъ вошла Екатерина.

Оршонъ поблѣднѣлъ: ему показалось, что королева-мать, войдя, прежде всего бросила быстрый, проницательный взглядъ на зеркало.

— Что дѣлаешь ты тутъ? — спросила она. — Ты ищешь баронессу де-Совъ?

— Точно такъ, ваше величество. Я давно не видалъ баронессу и пришелъ поблагодарить ее.

— Значитъ, ты любишь мою милую Шарлотту?

— Всѣмъ сердцемъ, ваше величество.

— И ты, говорятъ, вѣрный слуга? Ты неспособенъ измѣнить ей?

— Конечно, ваше величество. Вѣдь баронесса де-Совъ заботилась обо мнѣ больше, чѣмъ я того заслуживалъ, такъ какъ я простой слуга.

— Почему же и когда она заботилась о тебѣ? — спросила Екатерина, дѣлая видъ, какъ будто не знаетъ, что случилось съ юношей.

— Когда я былъ раненъ, ваше величество.

— Бѣдняжка! — сказала Екатерина. — Когда же это?

— Когда хотѣли арестовать короля Наваррскаго. Я такъ испугался, увидавъ солдатъ, что сталъ кричать и звать на помощь. Одинъ ударилъ меня шпагой по головѣ, и я потерялъ сознаніе.

— Бѣдняжка! — повторила Екатерина. — Но теперь ты совсѣмъ оправился?

— Точно такъ, ваше величество.

— И ты ищешь короля Наваррскаго, чтобы снова поступить къ нему на службу?

— Нѣтъ, ваше величество. Король Наваррскій, узнавъ, что я осмѣлился сопротивляться приказу вашего величества, отказалъ мнѣ отъ мѣста.

— Неужели? — съ участіемъ сказала Екатерина. — Такъ я сама позабочусь о тебѣ... Однако если ты желаешь видѣть баронесу де-Совъ, то тебѣ долго придется ждать ее. Она у меня, въ моемъ кабинетѣ, и очень занята.

Съ этими словами Екатерина ушла въ сосѣднюю комнату. Думая, что Оршонъ, можетъ-быть, еще не успѣлъ положить записку за зеркало, она оставила его одного, чтобы дать ему возможность сдѣлать это.

Между тѣмъ Оршону, встревоженному неожиданнымъ приходомъ королевы-матери, пришло въ голову, не замышляетъ ли она чего-нибудь противъ его господина. Вдругъ надъ головой его послышались три легкихъ удара въ потолокъ. Это былъ условленный сигналъ, которымъ онъ предупреждалъ объ опасности короля Наваррскаго, когда былъ тотъ у баронессы де-Совъ.

Отъ этихъ трехъ ударовъ дрожь пробѣжала по тѣлу Оршона. Онъ сообразилъ, въ чемъ дѣло: это предупреждали объ опасности его самого. Юноша бросился къ зеркалу и схватилъ положенную за него записку.

Екатерина, уходя, не совсѣмъ плотно закрыла портьеру. Остановившись по ту сторону ея, она приложила глазъ къ отверстію и стала слѣдить за каждымъ движеніемъ Оршона. Она видѣла, что онъ бросился къ зеркалу, но не могла разсмотрѣть, положилъ ли онъ туда записку, или взялъ ее обратно.

— Ну, что же онъ такъ долго не уходитъ? — прошептала нетерпѣливая флорентинка.

И она, улыбаясь, вошла въ спальню.

— Ты еще здѣсь? — сказала она. — Чего же ты ждешь? Вѣдь я говорила тебѣ, что позабочусь о тебѣ и устрою тебя. Развѣ ты не вѣришь мнѣ?

— Боже избави, ваше величество! — сказалъ Оршонъ.

Онъ подошелъ къ королевѣ, преклонилъ колѣно, поцѣловалъ край ея платья и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Въ передней онъ увидалъ капитана Нансэ, ожидавшаго приказаній Екатерины. И это еще увеличило его подозрѣнія.

Какъ только портьера опустилась за Оршономъ, королева бросилась къ зеркалу. Но напрасно шарила она за нимъ дрожащей отъ нетерпѣнія рукой — записки не было нигдѣ.

А между тѣмъ она сама видѣла, какъ юноша подходилъ къ зеркалу. Значитъ, онъ не положилъ записку, а взялъ ее. Да, судьба покровительствуетъ ея противникамъ. Мальчикъ становится взрослымъ человѣкомъ, вступая въ борьбу съ ней.

Она снова стала искать за зеркаломъ, заглядывала за него, шарила — ничего!

— Ну, самъ виноватъ! — воскликнула она. — Я не желала ему зла, но онъ взялъ записку и рѣшилъ свою судьбу... Г. Нансэ!

Капитанъ поспѣшилъ явиться на зовъ Екатерины.

— Что угодно приказать вашему величеству? — спросилъ онъ.

— Вы были въ передней?

— Точно такъ, ваше величество.

— Видѣли вы уходившаго отъ меня юношу?

— Да, онъ только сію минуту ушелъ.

— Вѣдь онъ еще не можетъ быть далеко?

— Онъ, навѣрное, еще не успѣлъ сойти съ лѣстницы.

— Позовите его назадъ.

— Какъ его зовутъ, ваше величество?

— Оршонъ. Если онъ не захочетъ вернуться, приведите его силой. Но не пугайте его, если онъ не будетъ сопротивляться. Я должна говорить съ нимъ сію же минуту.

Капитанъ бросился изъ комнаты.

Оршонъ, дѣйствительно, еще не успѣлъ сойти съ лѣстницы: онъ шелъ очень медленно, надѣясь встрѣтить или увидать въ одномъ изъ коридоровъ короля Наваррскаго или баронессу де-Совъ.

Услыхавъ, что его зовутъ, Оршонъ вздрогнулъ.

Въ первую минуту онъ хотѣлъ было бѣжать, но тотчасъ же оставилъ эту мысль, разсудивъ, что его попытка къ бѣгству можетъ погубить все.

— Кто меня зоветъ? — спросилъ онъ.

— Я, Нансэ, — отвѣтилъ капитанъ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ.

— Мнѣ некогда, — сказалъ Оршонъ, — я спѣшу.

— Отъ имени ея величества, королевы-матери, — прибавилъ капитанъ, подходя къ нему.

Юноша вытеръ выступившій на лбу потъ и снова сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Капитанъ шелъ за нимъ.

Сначала Екатерина думала задержать Оршона, велѣть обыскать его и завладѣть запиской, которая, какъ она знала, была у него. А чтобы оправдать этотъ обыскъ, она рѣшила обвинить его въ воровствѣ и съ этою цѣлью уже взяла съ туалета брилліантовый аграфъ, пропажу котораго хотѣла приписать ему. Но потомъ королевѣ пришло въ голову, что такая мѣра опасна: у Оршона явятся подозрѣнія, онъ предупредитъ короля Наваррскаго и тотъ станетъ остерегаться.

Она, конечно, могла бы отправить юношу въ тюрьму; но она знала, что слухъ объ этомъ тотчасъ же разнесется по Лувру и заставитъ Генриха держаться настоpожѣ.

Но записку нужно было все-таки достать во что бы то ни стало: эта записка отъ де-Муи къ королю Наваррскому могла открыть цѣлый заговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — прошептала Екатерина, положивъ аграфъ на прежнее мѣсто, — это не годится... Но какъ же быть съ запиской?.. Она, можетъ-быть, и не стоитъ того...— Екатерина говорила такъ тихо, что сама едва могла разслышать свои

слова. — Ну, что же, это не моя вина — виноватъ онъ самъ. Почему не положилъ онъ записки за зеркало?.. Я должна получить ее!

Въ эту минуту вошелъ Оршонъ.

Должно-быть, выраженіе лица Екатерины испугало его. Юноша поблѣднѣлъ и остановился около двери; онъ былъ еще очень молодъ и не умѣлъ хорошо владѣть собой.

— Вы приказали позвать меня, ваше величество?—сказалъ онъ.—Что прикажете?

Лицо Екатерины просвѣтлѣло, какъ будто лучъ солнца вдругъ упалъ на него.

— Я велѣла позвать тебя,—сказала она,—потому что твое лицо понравилось мнѣ и я хочу теперь же, не откладывая, исполнить мое обѣщаніе и заняться твоей судьбой. Насъ, королевъ, часто обвиняютъ въ забывчивости; но въ этомъ виновато не сердце наше, а умъ, занятый серьезными дѣлами. Я вспомнила, что въ рукахъ королей—счастье ихъ подданныхъ, и послала за тобой.

Ничего не подозрѣвавшаго Нансэ изумляла такая необыкновенная доброта королевы.

— Ты умѣешь ѣздить верхомъ, Оршонъ?

— Умѣю, ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я дамъ тебѣ письмо, которое ты отвезешь въ Сенъ-Жерменъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Велите приготовить ему лошадь, Нансэ.

Капитанъ исчезъ.

— Идемъ, Оршонъ!—сказала Екатерина.

Она пошла впередъ; юноша послѣдовалъ за нею.

Королева-мать спустилась въ слѣдующій этажъ, вошла въ коридоръ, въ который выходили покои короля и герцога Алансонскаго, сошла по винтовой лѣстницѣ еще однимъ этажомъ ниже, отворила дверь въ галлерею, отъ которой были ключи только у нея и у короля, и, пропустивъ впередъ Оршона, вошла сама и заперла за собою дверь. Въ эту галлерею выходили нѣкоторыя комнаты короля и королевы-матери. Какъ галлерея замка св. Ангела въ Римѣ или дворца Питти во Флоренціи, она могла служить убѣжищемъ въ случаѣ опасности.

Екатерина и Оршонъ вошли въ эту полутемную галлерею, дверь которой была заперта. Они сдѣлали шаговъ двадцать.

Вдругъ Екатерина обернулась, и на лицѣ ея появилось то же мрачное выраженіе, какое видѣлъ на немъ Оршонъ нѣсколько времени тому назадъ. Ея круглые, какъ у кошки или пантеры, глаза, казалось, сверкали въ темнотѣ.

— Остановись! — сказала она.

По спинѣ Оршона пробѣжала дрожь. Смертельный холодъ, точно погребальный покровъ, спускался со свода; темный полъ казался крышкой гроба.

Проницательный взглядъ Екатерины пронизывалъ юношу.

Онъ отступилъ и прислонился къ стѣнѣ.

— Гдѣ записка, которую тебѣ поручили передать королю Наваррскому? — спросила королева.

— Записка? — пробормоталъ Оршонъ.

— Ну, да, которую ты долженъ былъ, въ случаѣ его отсутствія, положить за зеркало?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, ваше величество.

— Я говорю про записку, которую тебѣ передалъ де-Муи часъ тому назадъ около сада де-л'Арбалетъ.

— У меня нѣтъ никакой записки, — отвѣтилъ Оршонъ. — Вы ошибаетесь, ваше величество.

— Ты лжешь! — сказала Екатерина. — Отдай мнѣ записку, и я сдержу свое обѣщаніе.

— Какое?

— Я обогащу тебя.

— У меня нѣтъ никакой записки, ваше величество.

Екатерина скрипнула зубами, но тотчасъ же улыбнулась.

— Если ты отдашь ее мнѣ, — сказала она, — то получишь тысячу золотыхъ экю.

— У меня нѣтъ записки, ваше величество.

— Двѣ тысячи экю.

— Все равно. Такъ какъ у меня нѣтъ записки, то я не могу дать ее.

— Десять тысячъ экю, Оршонъ.

Юноша, видя, что гнѣвъ Екатерины увеличивается, подумалъ, что есть только одно средство спасти короля Наваррскаго: проглотить записку де-Муи. Онъ поднесъ руку къ карману, но Екатерина догадалась о его намѣреніи и удержала его руку.

— Полно, полно, — смѣясь, сказала она. — Теперь я вижу, что ты вѣренъ своему господину. Когда короли берутъ себѣ новаго слугу, имъ не мѣшаетъ испытать, надежный ли это человѣкъ, или нѣтъ. Теперь я знаю, что на тебя можно положиться. Вотъ мой кошелекъ — это первая награда. А теперь отнеси записку королю Наваррскому и скажи ему, что съ нынѣшняго дня ты состоишь у меня на службѣ. Ступай, ты можешь выйти одинъ черезъ ту дверь, въ которую мы вошли. Ключъ остался въ замкѣ.

И Екатерина, подавъ изумленному Оршону кошелекъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и приложила руку къ стѣнѣ

Юноша стоялъ, не рѣшаясь тронуться съ мѣста. Ему не вѣрилось, что гроза, собиравшаяся у него надъ головой, прошла мимо.

— Ну, не дрожи же такъ, — сказала Екатерина. — Вѣдь я говорила тебѣ, что ты можешь уходить, а если захочешь вернуться, то будущность твоя обезпечена.

— Благодарю васъ, ваше величество, — отвѣтилъ Оршонъ.— Значитъ, вы прощаете меня?

— Не только прощаю, но и награждаю. Ты прехорошенькій вѣстникъ любви и отлично разносишь любовныя записочки. Только ты забываешь, что твой господинъ ждетъ тебя.

— Ахъ, это правда! — воскликнулъ Оршонъ, бросившись къ двери.

Въ ту же минуту Екатерина нажала пружину, и не успѣлъ Оршонъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ полъ раздался у него подъ ногами. Юноша пошатнулся, взмахнулъ руками и, дико вскрикнувъ, провалился въ подземную тюрьму Лувра.

— Теперь, по милости этого упрямца, — сказала Екатерина, — мнѣ придется спускаться внизъ по лѣстницѣ въ полтораста ступенекъ!

Она пошла къ себѣ, зажгла потайной фонарь и вернулась въ галлерею. Поправивъ пружину, королева отворила дверь, выходившую на винтовую лѣстницу, которая спускалась какъ будто въ самыя нѣдра земли. А затѣмъ, побуждаемая ненасытнымъ любопытствомъ, она дошла до желѣзной двери подземной тюрьмы и отворила ее.

Тамъ лежалъ бѣдный Оршонъ, окровавленный, разбитый, изувѣченный паденіемъ съ высоты ста футовъ.

Онъ еще дышалъ.

По ту сторону толстой стѣны слышенъ былъ шумъ Сены; ея воды, просачиваясь подъ землей, доходили до подножія лѣстницы.

Екатерина вошла въ сырую, зловонную яму, въ которую, вѣроятно, часто падали такимъ образомъ люди, обыскала Оршона и вынула записку. Удостовѣрившись, что это та самая, которая ей нужна, Екатерина толкнула умирающаго ногой и нажала пружину. Дно наклонилось, и тѣло, увлекаемое своею собственною тяжестью, исчезло по направленію къ рѣкѣ.

Екатерина затворила дверь, поднялась по лѣстницѣ и, запершись въ своемъ кабинетѣ, развернула записку. Вотъ что прочитала она:

„Сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, на улицѣ Арбръ-Секъ, въ гостиницѣ „Прекрасной Звѣзды". Если придете — не отвѣчайте ничего; если не придете — скажите посланному *нѣтъ*.

„Де-Муи де-Сенъ-Фаль".

Екатерина съ улыбкой читала эту записку; она думала только о предстоящей побѣдѣ, совершенно забывая, какой цѣной купила эту побѣду. Да и что такое въ сущности былъ этотъ Оршонъ? Красивый юноша съ вѣрнымъ сердцемъ и преданной душой — вотъ и все. Смерть его не могла, конечно, перевѣсить ни на минуту чашку вѣсовъ, на которыхъ взвѣшивались судьбы народовъ.

Прочитавъ записку, Екатерина тотчасъ же поднялась къ баронессѣ де-Совъ и положила записку за зеркало.

Сходя внизъ, она встрѣтилась въ коридорѣ съ капитаномъ Нансэ.

— Приказаніе вашего величества исполнено, — сказалъ Нансэ. — Лошадь готова.

— Лошадь не нужна, капитанъ, — отвѣтила Екатерина. — Я заставила разговориться этого юношу и онъ оказался настолько глупъ, что я не рѣшилась дать ему порученіе, о которомъ говорила. Я дала ему денегъ и отослала его черезъ черный ходъ.

— А какъ же порученіе?

— Какое?

— Которое ваше величество хотѣли дать ему въ Сенъ-Жерменъ. Не прикажете ли исполнить его мнѣ или кому-нибудь изъ моихъ людей?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила Екатерина, — вамъ и вашимъ людямъ найдется сегодня вечеромъ другое дѣло.

И она пошла къ себѣ, надѣясь, что черезъ нѣсколько часовъ судьба короля Наваррскаго будетъ въ ея рукахъ.

XV.

Гостиница „Прекрасной Звѣзды".

Черезъ два часа послѣ того, какъ Екатерина, цѣною человѣческой жизни, добыла нужную ей записку, баронесса де-Совъ, кончивъ свое занятіе у королевы, пошла къ себѣ. Тотчасъ же вслѣдъ за нею явился Генрихъ.

Онъ узналъ отъ Даріолы, что приходилъ Оршонъ, и потому прежде всего подошелъ къ зеркалу и вынулъ записку, содержаніе которой мы уже знаемъ.

„Генрихъ во всякомъ случаѣ пойдетъ на свиданіе, — думала королева-мать. — Если бы онъ даже не хотѣлъ итти, ему теперь уже некому сказать „нѣтъ".

И въ этомъ отношеніи Екатерина не ошиблась.

Генрихъ спросилъ у Даріолы, гдѣ Оршонъ, и узналъ отъ нея, что онъ ушелъ съ королевой-матерью. Но такъ какъ за-

писка была на мѣстѣ и король зналъ, что юноша не выдастъ его, то онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго безпокойства.

Генрихъ обѣдалъ, какъ всегда, у короля, который на этотъ разъ подсмѣивался надъ нимъ, вспоминая всѣ промахи, какіе онъ дѣлалъ утромъ, во время соколиной охоты.

Генрихъ оправдывался тѣмъ, что онъ житель горъ, а не равнинъ, но обѣщалъ королю исправиться.

Екатерина была необыкновенно любезна и, выходя изъ-за стола, попросила Маргариту посидѣть съ ней весь вечеръ.

Въ восемь часовъ Генрихъ, взявъ съ собою двухъ придворныхъ, вышелъ съ ними въ ворота Сентъ-Оноре, сдѣлалъ большой обходъ, переправился на поромѣ черезъ Сену, прошелъ до улицы Сенъ-Жакъ и тамъ отпустилъ своихъ спутниковъ, какъ будто собираясь итти на любовное свиданіе. На углу улицы де-Матюренъ стоялъ всадникъ, закутанный въ плащъ. Король подошелъ къ нему.

— Мантъ, — сказалъ всадникъ.

— По, — отвѣтилъ король.

Всадникъ тотчасъ же сошелъ съ лошади. Генрихъ завернулся въ забрызганный грязью плащъ и, вскочивъ на взмыленную лошадь, поѣхалъ по улицѣ Лагарпъ, свернулъ черезъ мостъ Сенъ-Мишель на улицу Бартелеми, переправился еще разъ черезъ Сену по мосту де-Менье, а затѣмъ поѣхалъ по набережной на улицу Арбръ-Секъ, въ гостиницу „Прекрасной Звѣзды“.

Ла-Моль и Коконна были въ это время тамъ.

Ла-Моль сидѣлъ въ общей залѣ — мы знаемъ ее — и писалъ длинное любовное письмо. Коконна былъ въ кухнѣ съ ла-Гурьеромъ. Онъ смотрѣлъ, какъ жарится на вертелѣ шесть куропатокъ, и спорилъ съ своимъ пріятелемъ, трактирщикомъ, относительно того, сколько времени слѣдуетъ ихъ держать на огнѣ.

Въ эту минуту Генрихъ постучалъ въ дверь.

Грегуаръ отворилъ ему и повелъ лошадь въ конюшню, а король Наваррскій вошелъ въ залу, постукивая сапогами, какъ бы стараясь отогрѣть озябшія ноги.

— Эй, метръ ла-Гурьеръ! — крикнулъ ла-Моль, продолжая писать, — васъ спрашиваютъ.

Ла-Гюрьеръ вышелъ изъ кухни и оглядѣлъ Генриха съ головы до ногъ. Его плащъ изъ грубаго сукна не внушалъ ему большого уваженія.

— Кто вы такой? — спросилъ онъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Генрихъ. — Я — гасконскій дворянинъ и пріѣхалъ въ Парижъ представиться ко двору.

— Что вамъ нужно?

— Комнату и ужинъ.

— Гмъ! А есть у васъ слуга?

Это, какъ мы знаемъ, былъ обычный вопросъ ла-Гурьера.

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Генрихъ,— но я намѣренъ взять слугу, когда разбогатѣю.

— Я не отдаю господскихъ комнатъ безъ комнаты для слуги.

— А если я заплачу вамъ за ужинъ набль съ тѣмъ, что мы потолкуемъ объ условіяхъ завтра?

— Ого! Вы очень великодушны! — сказалъ ла-Гурьеръ, подозрительно глядя на Генриха.

— Дѣло въ томъ, что я пригласилъ одного пріятеля прійти сюда поужинать со мною. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что проведу вечеръ и переночую въ вашей гостиницѣ. Мнѣ рекомендовалъ ее одинъ мой землякъ... Есть у васъ хорошее арбуазское вино?

— У меня есть такое, какого не пьетъ и самъ беарнецъ.

— Отлично! За него будетъ особая плата... А вотъ и мой гость!

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ человѣкъ нѣсколькими годами старше Генриха; у него на боку висѣла длиннѣйшая рапира.

— Ага! Вы очень аккуратны, любезный другъ! — сказалъ онъ.— Вамъ пришлось проѣхать двѣсти миль и вы все-таки явились минута въ минуту. Это дѣлаетъ вамъ честь.

— Это вашъ гость? — спросилъ у Генриха ла-Гурьеръ.

— Да, — отвѣтилъ тотъ и, подойдя къ вновь прибывшему, пожалъ ему руку. — Велите подать намъ ужинъ, хозяинъ!

— Здѣсь или въ вашей комнатѣ?

— Гдѣ хотите.

— Послушайте, метръ ла-Гурьеръ, — шепнулъ ла-Моль, подозвавъ къ себѣ хозяина, — избавьте насъ, пожалуйста, отъ этихъ гугенотовъ. При нихъ мнѣ и Коконна нельзя будетъ говорить о нашихъ дѣлахъ.

— Грегуаръ, накрой на столъ и подай ужинъ въ номеръ второй, въ третьемъ этажѣ, — распорядился ла-Гурьеръ. — Пожалуйте, господа!

Генрихъ и его знакомый послѣдовали за Грегуаромъ, который шелъ впереди и свѣтилъ имъ.

Ла-Моль слѣдилъ за ними глазами до тѣхъ поръ, пока они не скрылись изъ вида. Обернувшись, онъ увидалъ Коконна, который выставилъ голову изъ двери кухни; устремленные въ одну точку вытаращенные глаза и разинутый ротъ придавали его лицу выраженіе величайшаго изумленія.

Ла-Моль подошелъ къ нему.

— Mordi! — сказалъ Коконна. — Видѣлъ ты?

— Кого?

— Этихъ двухъ пріѣзжихъ. Я готовъ поклясться, что это...

— Кто?

— Король Наваррскій и человѣкъ въ вишневомъ плащѣ.

— Можешь клясться, сколько угодно, но только не слишкомъ громко.

— Ты, значитъ, тоже узналъ ихъ?

— Конечно.

— Что имъ тутъ нужно?

— Навѣрное, какая-нибудь любовная интрижка.

— Удары шпаги, по-моему, гораздо лучше всѣхъ этихъ любовныхъ интригъ. Сейчасъ я былъ готовъ поклясться, а теперь могъ бы подержать пари...

— Насчетъ чего?

— Что тутъ дѣло идетъ о какомъ-нибудь заговорѣ.

— Ты сошелъ съ ума!

— Говорю же тебѣ...

— А я говорю тебѣ, что если они замышляютъ заговоръ, то это ихъ дѣло.

— Это правда, — согласился Коконна. — Вѣдь я теперь не на службѣ у герцога Алансонскаго. — Пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ.

И такъ какъ куропатки, которыхъ Коконна считалъ самымъ вкуснымъ блюдомъ заказаннаго ужина, зажарились именно такъ, какъ онъ любилъ, то онъ позвалъ ла-Гурьера и попросилъ его снять ихъ съ вертела.

Между тѣмъ Генрихъ и де-Муи усѣлись въ своей комнатѣ.

— Видѣли вы Оршона, государь? — спросилъ де-Муи, когда Грегуаръ накрылъ на столъ.

— Нѣтъ, но я получилъ записку, которую онъ положилъ за зеркало. Оказывается, что королева-мать входила въ то время, какъ Оршонъ былъ тамъ; бѣдняжка, должно-быть, перепугался и поспѣшилъ уйти. Кромѣ того, Даріола говоритъ, что Екатерина долго разговаривала съ нимъ и въ первую минуту это встревожило меня.

— Нѣтъ, опасаться нечего: этотъ плутишка очень ловокъ. И хоть королева-мать знаетъ свое дѣло, я готовъ поручиться, что она ничего не добьется отъ него.

— А вы сами видѣли потомъ Оршона, де-Муи? — спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, но я увижу его сегодня вечеромъ. Въ полночь онъ зайдетъ за мною сюда и принесетъ мнѣ латный нагрудникъ. Дорогой я узнаю отъ него все.

— А человѣкъ, который стоялъ на углу улицы Матюренъ?

— Какой человѣкъ?

— Который далъ мнѣ вотъ этотъ плащъ и лошадь. Вы увѣрены въ немъ?

— Да, на него можно вполнѣ положиться. Кромѣ того, онъ не знаетъ вашего величества и не имѣетъ понятія, съ кѣмъ обмѣнялся паролемъ.

— Итакъ, мы можемъ спокойно поговорить о дѣлахъ?

— Конечно. Къ тому же внизу сторожитъ ла-Моль.

— Отлично.

— Ну, что говоритъ герцогъ Алансонскій, ваше величество?

— Герцогъ Алансонскій не хочетъ уѣзжать, де-Муи. Онъ объяснился со мною откровенно на этотъ счетъ. Избраніе герцога Анжуйскаго польскимъ королемъ и болѣзнь короля Карла измѣнили его намѣренія.

— Значитъ, нашъ планъ не удался изъ-за него?

— Да.

— И онъ измѣняетъ намъ?

— Пока еще нѣтъ, но, конечно, сдѣлаетъ это при первомъ удобномъ случаѣ.

— Трусъ! Предатель! Почему онъ не отвѣчалъ на мои письма?

— Чтобы имѣть улики, но самому не давать ихъ. Итакъ, все пошло прахомъ, де-Муи!

— Напротивъ, государь, все идетъ какъ нельзя лучше. Вы знаете сами, что всѣ, кромѣ одной только партіи Кондэ, были за васъ, и если вступали въ сношенія съ герцогомъ, то лишь для виду, надѣясь, что онъ можетъ служить имъ защитой. Но теперь и эта партія перешла на вашу сторону — я уладилъ все въ день пріема пословъ. Чтобы бѣжать съ герцогомъ Алансонскимъ, вамъ было бы достаточно ста человѣкъ; теперь я могу дать вамъ полторы тысячи. Черезъ восемь дней всѣ приготовленія закончатся и люди будутъ стоять эшелонами на дорогѣ въ По. Это будетъ уже не бѣгство, а отступленіе. Достаточно ли вамъ полторы тысячи человѣкъ, государь? Будете ли вы считать себя въ безопасности съ такимъ войскомъ?

Генрихъ съ улыбкой хлопнулъ де-Муи по плечу.

— Ты знаешь, де-Муи, — сказалъ онъ, — и знаешь только одинъ, что король Наваррскій далеко не такъ труслявъ, какъ думаютъ.

— Конечно, знаю, государь, и надѣюсь, что скоро вся Франція узнаетъ это.

— Но когда составляютъ заговоръ, необходимъ успѣхъ. А первое условіе успѣха—рѣшимость. Для того же, чтобы рѣшиться на что-нибудь быстро и твердо, нужно вѣрить въ успѣхъ.

— Вѣдь вы часто ѣздите на охоту съ королемъ, ваше величество?

— Мы охотимся черезъ каждые восемь-десять дней то съ собаками, то съ соколами.

— Когда вы охотились въ послѣдній разъ?

— Сегодня.

— Значитъ, черезъ восемь-десять дней. вы опять отправитесь на охоту?

— Конечно, а можетъ-быть, и раньше.

— По-моему, теперь самое подходящее время. Герцогъ Анжуйскій уѣхалъ и о немъ забыли и думать. Король поправляется съ каждымъ днемъ. Насъ теперь почти совсѣмъ не преслѣдуютъ. Будьте какъ можно любезнѣе съ королевой-матерью и герцогомъ Алансонскимъ. Повторяйте ему, что не можете ѣхать безъ него, и постарайтесь, чтобы онъ повѣрилъ вамъ. Это послѣднее будетъ, конечно, не легко.

— Не безпокойся, онъ повѣритъ мнѣ.

— Вы полагаете, что онъ вполнѣ довѣряетъ вамъ?

— Нѣтъ! Но онъ вѣритъ всему, что говоритъ моя жена.

— А королева, дѣйствительно, готова помогать намъ?

— Да, у меня есть доказательства. Къ тому же она честолюбива и мысль о Наваррской коронѣ не даетъ ей покоя.

— Хорошо. Мнѣ нужно знать, гдѣ вы будете охотиться въ слѣдующій разъ: въ Бонди, Сенъ-Жерменѣ или Рамбулье. Увѣдомьте меня объ этомъ за три дня и прибавьте, что вы готовы. Во время охоты ла-Моль быстро проѣдетъ около васъ; пришпорьте тотчасъ же свою лошадь и скачите за нимъ во весь опоръ. Если королева-мать пожелаетъ остановить васъ, то ей придется послать за вами погоню. Ну, а нормандскимъ лошадямъ не увидать и подковъ нашихъ берберійскихъ и испанскихъ коней.

— Хорошо, де-Муи.

— Есть ли у васъ деньги, государь?

Генрихъ сдѣлалъ гримасу, какую дѣлалъ всю жизнь при такомъ вопросѣ.

— Немного, — отвѣтилъ онъ, — но, должно-быть, у Марго есть.

— Ну, чьи бы онѣ ни были, захватите ихъ съ собой какъ можно больше.

— А ты что будешь дѣлать эти дни?

— Послѣ того, какъ я занимался такъ усердно дѣлами вашего величества, вы, можетъ-быть, позволите мнѣ немного заняться своими?

— Занимайся, де-Муи, занимайся. Но что же у тебя за дѣла?

— Слушайте, государь. Оршонъ сказалъ мнѣ вчера—онъ очень не глупый юноша—что встрѣтился около арсенала съ этимъ разбойникомъ Морвелемъ, который выздоровѣлъ, благодаря попеченіямъ Ренэ и теперь грѣется на солнышкѣ, какъ змѣя, на которую онъ очень похожъ.

— А, понимаю!—сказалъ Генрихъ.

— Понимаете? Прекрасно... Вы будете когда-нибудь королемъ, и если захотите отмстить кому-нибудь, какъ хочу я, то отмстите по-королевски. Я солдатъ и долженъ отмстить, какъ солдатъ. Итакъ, когда я устрою наши дѣла, то-есть дней черезъ пять или шесть, я тоже пойду прогуляться около арсенала и пригвозжу этого негодяя Морвеля къ землѣ нѣсколькими ударами рапиры. Только тогда я съ легкимъ сердцемъ уѣду изъ Парижа.

— Устраивай свои дѣла, любезный другъ,—сказалъ Генрихъ.—А, кстати, доволенъ ты ла-Молемъ?

— Да, это прекрасный молодой человѣкъ, преданный вамъ душою и тѣломъ. Вы можете полагаться на него, какъ на меня самого. Онъ храбръ...

— И главное скроменъ,—сказалъ Генрихъ.—Мы возьмемъ его съ собою въ Наварру, де-Муи, и придумаемъ, чѣмъ вознаградить его,—съ лукавой улыбкой прибавилъ онъ.

Только что успѣлъ король Наваррскій сказать это, какъ дверь распахнулась и вбѣжалъ блѣдный, взволнованный ла-Моль.

— Скорѣе, ваше величество!—сказалъ онъ.—Домъ окруженъ!

— Окруженъ?—воскликнулъ Генрихъ, вскочивъ съ мѣста.—Кѣмъ?

— Королевской стражей.

— Ого!—сказалъ де-Муи, вынимая пистолеты.—Значитъ, придется драться?

— Къ чему тутъ пистолеты!—сказалъ ла-Моль.—Что можете вы сдѣлать противъ пятидесяти человѣкъ?

— Онъ правъ,—сказалъ король,—и если бы была какая-нибудь возможность уйти...

— Она есть, ваше величество, я знаю это по опыту. Если вы захотите послѣдовать за мной...

— А де-Муи?

— Г. де-Муи тоже можетъ итти съ нами. Только вы оба должны торопиться...

На лѣстницѣ послышались шаги.

— Слишкомъ поздно! — сказалъ Генрихъ.

— Ахъ, если бы можно было задержать ихъ только на 5 минутъ! — воскликнулъ ла-Моль. — Тогда я поручился бы за жизнь короля.

— Я задержу ихъ, — сказалъ де-Муи. — Идите, государь, идите!

— А ты?

— Не безпокойтесь за меня, ваше величество. Уходите.

И де-Муи торопливо спряталъ тарелку, стаканъ и салфетку короля, чтобы подумали, что онъ ужиналъ одинъ.

— Идите, ваше величество! — сказалъ ла-Моль, схвативъ короля за руку и увлекая его къ лѣстницѣ.

— Де-Муи!.. Мой вѣрный де-Муи! — воскликнулъ Генрихъ, протягивая ему руку.

Де-Муи поцѣловалъ ее и, заставивъ короля почти силою выйти изъ комнаты, заперъ за нимъ дверь на задвижку.

— Да, да, я понимаю, — сказалъ Генрихъ, — онъ отдастся имъ въ руки, а мы спасемся. Но кто же это выдалъ насъ?

— Пойдемте, государь—они сейчасъ придутъ.

И, дѣйствительно, свѣтъ факеловъ началъ скользить вверхъ по узкой лѣстницѣ, а снизу доносился звонъ оружія.

— Скорѣе, государь, скорѣе! — сказалъ ла-Моль.

И онъ повелъ короля въ темнотѣ, поднялся въ верхній этажъ, отворилъ дверь въ спальню, гдѣ его когда-то хотѣли убить, заперъ ее на задвижку, вошелъ въ слѣдующую комнату и открылъ окно.

— Боитесь вы лазать по крышамъ, ваше величество? — спросилъ онъ.

— Полноте! — отвѣтилъ Генрихъ. — Вѣдь я охотился за пиринейскими сернами!

— Ну, такъ идите за мной. Я знаю дорогу и буду вашимъ путеводителемъ.

Ла-Моль первый вылѣзъ въ окно и прошелъ по широкому желобу до ложбинки, образуемой двумя крышами. На нее выходило слуховое окно чердака; оно было безъ стекла.

— Ну, вотъ мы и у пристани, государь! — сказалъ ла-Моль.

— Ага! Тѣмъ лучше, — отвѣтилъ Генрихъ.

И онъ вытеръ лобъ, покрытый крупными каплями пота.

— Теперь остались уже сущіе пустяки, — продолжалъ ла-Моль. — Изъ чердака мы выйдемъ на лѣстницу, а потомъ въ коридоръ и на улицу. Разъ, такою же ужасной ночью, какъ нынѣшняя, я проходилъ этой дорогой.

Ла-Моль влѣзъ въ окно, разыскалъ дверь и, очутившись на верху винтовой лѣстницы, подалъ королю веревку, служившую вмѣсто перилъ, и сказалъ:

— Ступайте за мной, государь!

Спустившись съ нѣсколькихъ ступенекъ, Генрихъ остановился около окна, выходившаго на дворъ гостиницы „Прекрасной звѣзды". Тамъ, на лѣстницѣ, тѣснились солдаты: одни изъ нихъ держали въ рукахъ шпаги, другіе — факелы.

Вдругъ посреди одной группы король Наваррскій увидалъ де-Муи. Онъ былъ безъ шпаги и спокойно спускался съ лѣстницы.

— Бѣдный де-Муи! — сказалъ Генрихъ. — Такой храбрый и такой преданный!

— Клянусь честью, онъ совершенно спокоенъ! — воскликнулъ ла-Моль. — Видите, ваше величество? Каково, онъ даже смѣется! Ну, значитъ, онъ придумалъ какую-нибудь ловкую штуку — онъ такъ рѣдко смѣется!

— А этотъ молодой человѣкъ, который былъ съ вами? — спросилъ король.

— Кто? Графъ Коконна?

— Да, графъ Коконна. Онъ, пожалуй, тоже попадется.

— Нѣтъ, за него я не безпокоюсь, государь. Увидавъ солдатъ, онъ спросилъ у меня: „Рискуемъ мы чѣмъ-нибудь?" — „Головою", — отвѣтилъ я. — „А ты спасешься?" — „Надѣюсь". — „Такъ и я спасусь", сказалъ онъ. И ручаюсь, государь, что онъ сдержитъ свое слово. Коконна возьмутъ только тогда, когда онъ самъ пожелаетъ этого.

— Ну, значитъ, все прекрасно, — сказалъ Генрихъ. — Постараемся добраться до Лувра.

— Это нетрудно, ваше величество, — отвѣтилъ ла-Моль. — Завернемся въ плащи и выйдемъ. На шумъ, навѣрное, сбѣжалось много народу и насъ тоже примутъ за простыхъ зрителей.

Наружная дверь была отворена, а улица, дѣйствительно, такъ запружена народомъ, что Генрихъ и ла-Моль едва выбрались изъ толпы.

Наконецъ имъ удалось выйти на улицу Аверанъ. Проходя затѣмъ на улицѣ де-Пули, они увидали де-Муи, который шелъ по площади Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа, въ сопровожденіи конвоя подъ начальствомъ капитана Нансэ.

— Его, какъ кажется, ведутъ въ Лувръ, — сказалъ Генрихъ. — А вѣдь ворота запрутъ, чортъ возьми! Будутъ спрашивать имена всѣхъ входящихъ... Изъ того, что я приду вслѣдъ за нимъ, могутъ вывести заключеніе, что мы были вмѣстѣ.

— Такъ войдите въ Лувръ не черезъ ворота, государь.

— А какъ же я войду?

— Ваше величество можете воспользоваться окномъ королевы Наваррской.

— Ventre-saint-gris! Вы правы, графъ де-ла-Моль! — воскликнулъ Генрихъ. — А я совсѣмъ и забылъ о немъ... Но какъ же предупредить королеву?

— О, ваше величество, вы такъ ловко бросаете камни! — сказалъ, почтительно поклонившись, ла-Моль.

XVI.

Де-Муи де-Сенъ-Фаль.

На этотъ разъ Екатерина приняла всѣ предосторожности и была увѣрена въ успѣхѣ.

Въ девять часовъ она отпустила Маргариту, вполнѣ увѣренная, что та не знаетъ, что замышляется противъ ея мужа, а потомъ пошла къ королю и попросила его лечь въ постель немножко попозднѣе.

Заинтересованный торжествующимъ видомъ Екатерины, котораго она, несмотря на свою сдержанность, не могла скрыть, Карлъ сталъ разспрашивать ее, но она уклонилась отъ отвѣта.

— Я могу сказать только одно, — отвѣтила она. — Сегодня вечеромъ ты избавишься отъ своихъ двухъ самыхъ опасныхъ враговъ.

Карлъ сдѣлалъ движеніе бровями, какъ бы говоря: „Хорошо, посмотримъ!“ и свистнулъ. Борзая собака подползла къ нему на брюхѣ и положила ему на колѣни свою умную голову.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ Екатерина чутко прислушивалась, на дворѣ Лувра раздался выстрѣлъ.

— Что это такое? — спросилъ Карлъ, нахмуривъ брови; а собака вскочила и насторожила уши.

— Ничего, — отвѣтила Екатерина, — это сигналъ, вотъ и все.

— А что означаетъ этотъ сигналъ?

— Онъ означаетъ, что съ этой минуты твой единственный, твой главный врагъ будетъ уже не въ состояніи вредить тебѣ.

— Убили, что ли, кого-нибудь? — спросилъ Карлъ и устремилъ на Екатерину властный взглядъ, какъ бы желая напомнить ей, что смерть и помилованіе зависятъ исключительно только отъ одного короля.

— Нѣтъ, государь, не убили никого, но задержали двоихъ.

— У насъ вѣчно ведутся какіе то таинственные переговоры, — сказалъ Карлъ, — замышляются заговоры, о которыхъ ничего не знаетъ король. Чортъ возьми! Я вѣдь, кажется, не младенецъ, матушка, и не нуждаюсь въ помочахъ! Если хотите царствовать, отправляйтесь съ вашимъ сыномъ Генрихомъ въ Польшу. Но, а здѣсь вамъ не удастся это.

— Сегодня я въ послѣдній разъ вмѣшиваюсь въ твои дѣла, сынъ мой, — сказала Екатерина. — Но это дѣло начато уже давно, и такъ какъ мы всегда находимъ, что я ошибаюсь, то мнѣ хотѣлось доказать тебѣ, что я была права.

Въ эту минуту въ передней послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ и стукъ опущенныхъ на полъ ружейныхъ прикладовъ. Черезъ минуту капитанъ Нансэ попросилъ позволенія войти къ королю.

— Пусть войдетъ! — быстро сказалъ Карлъ.

Капитанъ вошелъ и, поклонившись королю, сказалъ, обращаясь къ Екатеринѣ:

— Приказаніе вашего величества исполнено: онъ арестованъ.

— Какъ *онъ?* — тревожно спросила Екатерина. — Развѣ вы задержали только одного?

— Тамъ и былъ только одинъ, ваше величество.

— Защищался онъ?

— Нѣтъ, онъ ужиналъ, когда мы вошли, и отдалъ свою шпагу при первомъ же требованіи.

— Кто это? — спросилъ король.

— Ты сейчасъ увидишь, — отвѣтила Екатерина. — Введите арестанта, де-Нансэ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ де-Муи.

— Де-Муи! — воскликнулъ король. — Въ чемъ же дѣло.

— Съ позволенія вашего величества, — совершенно спокойно отвѣтилъ де-Муи, — мнѣ самому слѣдовало бы сдѣлать этотъ вопросъ.

— Вмѣсто того, чтобы спрашивать это у короля, — вмѣшалась Екатерина, — лучше скажите его величеству, кто былъ въ извѣстную вамъ ночь въ спальнѣ короля Наваррскаго? Откройте ему имя того, кто, какъ мятежникъ, сопротивлялся приказу короля и убилъ двухъ караульныхъ и ранилъ Морвеля.

— Вы на самомъ дѣлѣ знаете, кто это былъ? — спросилъ Карлъ.

— Да, ваше величество, — отвѣтилъ де-Муи. — Вамъ угодно знать имя этого человѣка?

— Мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось бы узнать его.

— Извольте, ваше величество. Его имя—де-Муи Сенъ-Фал.

— Это были вы?

— Я самъ, государь.

Удивленная такой смѣлостью, Екатерина отступила на шагъ.

— А какъ осмѣлились вы сопротивляться королевскому приказу? — спросилъ Карлъ.

— Во-первыхъ, государь, я не зналъ, что ворвавшіеся ко мнѣ люди дѣйствуютъ по приказу вашего величества; во-вторыхъ, я видѣлъ въ ту минуту только одного человѣка, г. де-Морвеля, убійцу моего отца и адмирала. Я вспомнилъ тогда, что полтора года тому назадъ, вечеромъ 24 августа, ваше величество обѣщали мнѣ въ этой самой комнатѣ наказать убійцу. Такъ какъ съ тѣхъ поръ произошло много важныхъ событій, то я полагалъ, что они отвлекли ваши мысли, государь, и вы на время забыли о своемъ обѣщаніи. И когда я увидалъ Морвеля около себя, я подумалъ, что само Небо послало мнѣ его. Вы знаете остальное, ваше величество. Я бился съ нимъ, какъ съ убійцей, а съ его людьми, какъ съ разбойниками.

Карлъ не отвѣчалъ ничего. Сблизившись съ Генрихомъ, онъ сталъ въ послѣднее время смотрѣть на многое иначе, чѣмъ прежде. Королева-мать запомнила нѣсколько выраженій по поводу Варѳоломеевской ночи, въ которыхъ даже высказывалось что-то въ родѣ угрызеній совѣсти.

— Но зачѣмъ же вы пришли въ такой часъ къ королю Наваррскому? — спросила королева.

— А это цѣлая исторія и очень длинная, — отвѣтилъ де-Муи, — но если его величество будетъ имѣть терпѣніе выслушать ее...

— Да, да, говорите, — прервалъ его Карлъ.

— Я повинуюсь, государь, — поклонившись, отвѣтилъ де-Муи.

Екатерина сѣла и тревожно взглянула на молодого гугенота.

— Мы слушаемъ, — сказалъ Карлъ. — Сюда, Актсонъ!

Собака снова подошла къ королю и сѣла около него.

— Я пришелъ къ королю Наваррскому, ваше величество, — началъ де-Муи, — какъ уполномоченный моихъ братьевъ, вашихъ вѣрныхъ подданныхъ гугенотовъ.

Екатерина сдѣлала Карлу знакъ.

— Будьте покойны, матушка, — сказалъ онъ, — я слушаю внимательно... Продолжайте, г. де-Муи, продолжайте. Зачѣмъ же вы пришли?

— Я пришелъ предупредить короля Наваррскаго, что онъ своимъ отреченіемъ отъ нашей религіи потерялъ довѣріе гугенотской партіи. Но, тѣмъ не менѣе, ради памяти его отца, Антуана Бурбонскаго, а въ особенности ради памяти матери его, мужественной Жанны д'Альбрэ, имя которой дорого намъ, мы

рѣшили оказать ему знакъ уваженія, обратившись къ нему съ просьбой отказаться отъ своихъ правъ на наваррскую корону.

— А что онъ отвѣтилъ?—воскликнула Екатерина, которая, несмотря на свое самообладаніе, не могла сдержать волненія при такомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Но вѣдь эта корона наваррская, — сказалъ Карлъ, — которую безъ моего позволенія перебрасываютъ съ одной головы на другую, какъ кажется, отчасти принадлежитъ и мнѣ?

— Гугеноты, больше чѣмъ кто-либо, признаютъ верховную власть, о которой вы упомянули, государь. А потому-то они и надѣялись, что ваше величество согласитесь исполнить ихъ просьбу и возложить эту корону на голову лица, дорогого вамъ.

— На голову дорогого мнѣ лица? — воскликнулъ Карлъ. — Чортъ возьми! О какой это головѣ говорите вы? Я не понимаю васъ.

— Я говорю о герцогѣ Алансонскомъ, государь.

Екатерина поблѣднѣла, какъ смерть, и бросила на де-Муи сверкающій взглядъ.

— А мой братъ Алансонскій зналъ это?

— Зналъ, ваше величество.

— И онъ соглашался принять наваррскую корону?

— Да, если на то будетъ позволеніе вашего величества.

— Эта корона, дѣйствительно, подойдетъ какъ нельзя лучше моему брату, Алансонскому,—сказалъ король.—И какъ это я не подумалъ объ этомъ! Благодарю, де-Муи. Это очень удачная мысль.

— Я уже давно доложилъ бы вамъ обо всемъ, государь, — сказалъ де-Муи,—если бы не это несчастное дѣло съ Морвелемъ. Я боялся, что ваше величество гнѣвается на меня.

— А какъ же отнесся Генрихъ къ этому проекту?—спросила Екатерина.

— Король Наваррскій, ваше величество, подчинился желанію своихъ братьевъ и отрекся отъ принадлежащихъ ему правъ.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнула Екатерина,—его отреченіе должно быть у васъ?

— Дѣйствительно такъ, ваше величество, и, къ счастью, я захватилъ его съ собою. Оно подписано и на немъ проставлено число.

— Оно подписано раньше происшествія въ Луврѣ?

— Да, кажется, наканунѣ.

Де-Муи вынулъ изъ кармана отреченіе въ пользу герцога Алансонскаго, написанное рукою Генриха и подписанное имъ, судя по проставленному числу, наканунѣ того дня, какъ его хотѣли арестовать.

— Да, отреченіе написано, какъ слѣдуетъ,—сказалъ Карлъ,— все въ порядкѣ.

— А что требовалъ Генрихъ взамѣнъ его отреченія?—спросила Екатерина.

— Ничего; онъ сказалъ, что дружба его величества съ избыткомъ вознаградитъ его за потерю короны.

Екатерина закусила губы и сжала свои прекрасныя руки.

— Если все было ужъ рѣшено между вами и королемъ Наваррскимъ,—сказала она,—зачѣмъ же вы видѣлись съ нимъ сегодня вечеромъ?

— Я... съ королемъ Наваррскимъ?—сказалъ де-Муи.— Г. де-Нансэ, арестовавшій меня, можетъ засвидѣтельствовать, что я былъ одинъ. Потрудитесь спросить у него, ваше величество.

— Г. де-Нансэ!—позвалъ король.

Капитанъ вошелъ.

— Г. де-Муи былъ совершенно одинъ въ гостиницѣ „Прекрасной Звѣзды"?—спросила Екатерина.

— Въ комнатѣ г. де-Муи былъ одинъ,—отвѣтилъ капитанъ,— но въ гостиницѣ—нѣтъ.

— А кто же былъ съ нимъ?

— Я не знаю, съ нимъ ли былъ этотъ господинъ, ваше величество. Я знаю только, что онъ убѣжалъ въ заднюю дверь, тяжело ранивъ двухъ моихъ солдатъ.

— И вы узнали этого человѣка?

— Узналъ не я, а мои солдаты.

— Кто же это былъ?—спросилъ Карлъ IX.

— Графъ Аннибалъ де-Коконна.

— Аннибалъ де-Коконна!—задумчиво проговорилъ король.— Тотъ самый, который съ такимъ ожесточеніемъ убивалъ гугенотовъ въ Варѳоломеевскую ночь?

— Графъ де-Коконна находится на службѣ у герцога Алансонскаго,—добавилъ Нансэ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Карлъ.—Можете итти, капитанъ Нансэ, и въ другой разъ прошу васъ не забывать...

— Чего, ваше величество?

— Того, что вы состоите на моей службѣ и должны повиноваться только мнѣ.

Капитанъ почтительно поклонился и вышелъ.

Де-Муи взглянулъ на Екатерину, и насмѣшливая улыбка промелькнула у него на губахъ.

На минуту наступило молчаніе.

Екатерина теребила кисть своего пояса. Карлъ гладилъ собаку.

— Но какая же цѣль была у васъ,— спросилъ онъ.—Хотѣли вы дѣйствовать силою?

— Противъ кого, ваше величество?

— Противъ Генриха, противъ Франсуа или противъ меня?

— Государь, мы имѣли отреченіе вашего шурина и согласіе вашего брата. А позволенія вашего величества, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, мы хотѣли просить, когда случилось это роковое происшествіе въ Луврѣ.

— Ну, что же, матушка, — сказалъ Карлъ, — по-моему во всемъ этомъ нѣтъ ничего дурного... Вы были въ правѣ просить себѣ короля, г. де-Муи. Да, Наварра можетъ и должна быть отдѣльнымъ государствомъ. Даже болѣе: это королевство какъ будто предназначено для моего брата, Алансонскаго. Ему такъ хочется получить корону, что, когда я надѣваю свою, онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ. Единственнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ ему сдѣлаться королемъ Наваррскимъ, были права Генриха; но такъ какъ Генрихъ отказывается отъ нихъ добровольно...

— Добровольно, государь.

— То, значитъ, такъ угодно Богу! Вы можете, г. де-Муи, вернуться къ вашимъ братьямъ, которыхъ я наказалъ... можетъ-быть, слишкомъ строго. Но это дѣло моей совѣсти, въ которомъ я дамъ отвѣтъ только Богу. Скажите имъ, что такъ какъ они желаютъ имѣть королемъ Наваррскимъ герцога Алансонскаго, то король Французскій согласенъ исполнить ихъ желаніе. Съ этой минуты Наварра дѣлается отдѣльнымъ государствомъ, а Франсуа—ея королемъ. Я требую только отсрочки въ восемь дней для необходимыхъ приготовленій. Я хочу, чтобы мой братъ выѣхалъ изъ Парижа съ блескомъ и роскошью, приличествующими королю. Ступайте, г. де-Муи... Капитанъ Нансэ, пропустите г. де-Муи, онъ свободенъ.

— Государь,—сказалъ де-Муи, дѣлая шагъ впередъ,—ваше величество позволитъ мнѣ?..

— Да, — отвѣтилъ король.

И онъ протянулъ молодому гугеноту руку.

Де-Муи преклонилъ колѣно и поцѣловалъ руку короля.

— Кстати,—сказалъ Карлъ, удерживая его, когда онъ хотѣлъ встать, — вы просили меня наказать этого разбойника Морвеля?

— Да, государь.

— Я не могу исполнить вашу просьбу, такъ какъ онъ скрывается неизвѣстно гдѣ. Но если вы случайно встрѣтитесь съ нимъ, то можете расправиться съ нимъ сами. Позволяю вамъ это отъ всего сердца.

— Ахъ, ваше величество, это такая большая милость! — воскликнулъ де-Муи. — Я тоже не знаю, гдѣ онъ, но, будьте покойны, я разыщу его!

Онъ почтительно поклонился королю и королевѣ и ушелъ. при чемъ солдаты, которые привели его сюда, не сдѣлали ни малѣйшей попытки остановить его. Пройдя коридоромъ, де-Муи бросился къ воротамъ и чуть не однимъ прыжкомъ очутился съ площади Сенъ-Жерменъ-д'Оксерруа около гостиницы „Прекрасной Звѣзды". Тамъ онъ взялъ свою лошадь и черезъ три часа былъ уже за крѣпкими стѣнами Манта.

Екатерина, затаивъ злобу, вернулась къ себѣ, а оттуда прошла къ Маргаритѣ.

Войдя, она увидала Генриха, который былъ въ шлафрокѣ и, повидимому, собирался ложиться въ постель.

— О, сатана, — пробормотала Екатерина, — помоги бѣдной королевѣ, которой не хочетъ помогать Богъ!

XVII.

Двѣ головы для одной короны.

— Попросить ко мнѣ герцога Алансонскаго! — сказалъ Карлъ, когда Екатерина ушла.

Капитанъ Нансэ, рѣшившійся послѣ словъ короля повиноваться только ему одному, бросился со всѣхъ ногъ къ герцогу Алансонскому и передалъ ему приказаніе Карла.

Герцогъ Алансонскій вздрогнулъ. Онъ всегда дрожалъ передъ Карломъ, а съ тѣхъ поръ, какъ сталъ заговорщикомъ, началъ, и не безъ основанія, бояться его еще больше.

Несмотря на это, онъ не медля ни минуты, съ умышленной торопливостью, отправился къ брату.

Карлъ стоялъ, насвистывая сквозь зубы охотничью пѣсню.

Входя, герцогъ Алансонскій замѣтилъ въ тусклыхъ глазахъ Карла хорошо знакомое ему выраженіе глубокой ненависти.

— Ваше величество посылали за мной, — сказалъ герцогъ. — Что прикажете?

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, любезный братъ, — отвѣтилъ король, — что въ награду за твою нѣжную дружбу ко мнѣ я хочу исполнить самое горячее твое желаніе.

— Мое желаніе?

— Да. Припомни, чего ты давно уже желаешь и боишься просить у меня. Вотъ это самое я и дамъ тебѣ.

— Государь, — сказалъ Франсуа, — клянусь, я желаю только одного — чтобы ваше величество были здоровы.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ быть доволенъ, Франсуа. Я былъ боленъ, когда пріѣзжали поляки, но теперь болѣзнь моя прошла, а отъ разсвирѣпѣвшаго кабана, который бросился на меня, меня спасъ Генрихъ. И въ послѣднее время я чувствую себя какъ нельзя лучше. А потому ты, и не будучи дурнымъ братомъ, могъ бы пожелать чего-нибудь другого.

— Я не желалъ ничего, государь.

— Полно, полно, Франсуа,—начиная терять терпѣніе, сказалъ Карлъ.—Ты желалъ получить наваррскую корону и съ этой цѣлью вступилъ въ переговоры съ Генрихомъ и де-Муи. Ты хотѣлъ, чтобы одинъ отказался отъ нея, а другой помогъ тебѣ получить ее. Ну, и все вышло по-твоему. Генрихъ отрекся отъ своихъ правъ, а де-Муи передалъ мнѣ твою просьбу. Такимъ образомъ, эта желанная корона...

— Что же?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Алансонскій.

— Эта корона твоя.

Франсуа поблѣднѣлъ какъ смерть; потомъ кровь, отхлынувшая ему къ сердцу, бросилась ему въ лицо, и яркій румянецъ вспыхнулъ у него на щекахъ. Милость короля въ эту минуту приводила его въ отчаяніе.

— Но, государь,—сказалъ онъ, дрожа отъ волненія и тщетно стараясь оправиться,—я ничего подобнаго не желалъ и не просилъ.

— Очень можетъ быть, потому что ты слишкомъ скроменъ; но зато другіе желали и просили за тебя.

— Клянусь, государь, что никогда...

— Не клянись.

— Значитъ, вы меня изгоняете, государь?

— Ты называешь это изгнаніемъ, Франсуа? Однако ты прихотливъ!.. На что же лучшее могъ ты разсчитывать?

Алансонскій въ отчаяніи закусилъ губы.

— Честное слово,—продолжалъ король самымъ добродушнымъ тономъ,—я никакъ не думалъ, что ты пользуешься такой популярностью, Франсуа, а въ особенности у гугенотовъ. Но они такъ желаютъ имѣть тебя своимъ королемъ, что теперь я вижу свою ошибку. Да и для меня это очень удобно. Чего же лучше, если во главѣ партіи, съ которой мы ведемъ борьбу въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, будетъ стоять не посторонній человѣкъ, а любящій и неспособный предать меня братъ? Это, какъ по волшебству, всюду внесетъ миръ, не говоря уже о томъ, что мы всѣ трое будемъ королями. Одинъ бѣдный Генрихъ останется не при чемъ и будетъ только моимъ другомъ. Но онъ не честолюбивъ и удовольствуется этимъ титуломъ, не нужнымъ никому другому.

— Вы ошибаетесь, государь! Титулъ вашего друга нуженъ мнѣ... я больше, чѣмъ кто-либо другой имѣю право, на него. Генрихъ только вашъ зять, тогда какъ я вашъ братъ по крови и, что еще важнѣе, по сердцу... Умоляю васъ, государь, не отсылайте меня отъ себя!

— Полно, полно, Франсуа, — возразилъ король, — это было бы твоимъ несчастьемъ.

— Почему же?

— По многимъ причинамъ.

— Но вѣдь вы никогда не найдете такого вѣрнаго друга, какъ я, государь. Съ самаго дѣтства я ни разу не покидалъ васъ...

— Знаю, знаю, и иногда мнѣ даже хотѣлось, чтобы ты былъ подальше.

— Что вы хотите сказать, ваше величество?

— Ничего, ничего... А какая тамъ чудная охота, Франсуа, — я, право же, завидую тебѣ! Знаешь ли ты, что въ этихъ чортовыхъ горахъ охотятся на медвѣдей, какъ у насъ здѣсь на кабановъ? Ты пришлешь оттуда намъ всѣмъ великолѣпнѣйшія шкуры. Идя на медвѣдя, охотникъ беретъ съ собой только кинжалъ. Онъ поджидаетъ звѣря, дразнитъ его и старается разсердить. Медвѣдь бросается на охотника и въ четырехъ шагахъ отъ него поднимается на заднія лапы. Въ это-то мгновеніе и нужно всадить ему кинжалъ въ сердце, какъ сдѣлалъ Генрихъ съ кабаномъ во время нашей послѣдней охоты. Это очень опасно, но ты смѣлъ, Франсуа, и такая опасность будетъ для тебя удовольствіемъ.

— Ваши слова, государь, еще увеличиваютъ мое горе: вѣдь мнѣ придется охотиться безъ васъ!

— Тѣмъ лучше, чортъ возьми! — воскликнулъ король. — Намъ не особенно удобно охотиться вмѣстѣ.

— Я не понимаю васъ, государь.

— Когда ты охотишься со мной, ты приходишь въ такой восторгъ и такое волненіе, что изъ великолѣпнѣйшаго стрѣлка превращаешься въ никуда негоднаго. Вѣдь обыкновенно ты изъ любого ружья можешь попасть въ ста шагахъ въ сороку — всѣ мы знаемъ это. А между тѣмъ, когда мы охотились въ послѣдній разъ, ты вмѣсто кабана, въ котораго цѣлился и который былъ всего въ двадцати шагахъ отъ тебя, ранилъ въ ногу мою лучшую лошадь. И нужно еще замѣтить, что ты стрѣлялъ изъ своей собственной, хорошо знакомой тебѣ пищали. Чортъ возьми! Тутъ поневолѣ призадумаешься, Франсуа.

— Я былъ такъ взволнованъ... простите, государь, — пробормоталъ Франсуа, побагровѣвъ.

— Да, да, я понимаю, что все дѣло тутъ въ волненіи, которое я цѣню по достоинству. Вотъ именно потому-то, что ты такъ волнуешься, Франсуа, я и говорю тебѣ, что намъ лучше охотиться порознь. Подумай объ этомъ, братъ, но не въ моемъ присутствіи, которое, какъ я вижу, смущаетъ тебя, а наединѣ. Тогда ты, можетъ-быть, согласишься, что я имѣю основаніе бояться, какъ бы во время слѣдующей охоты ты опять не взволновался и не убилъ на этотъ разъ уже не лошадь, а самого всадника. Чортъ возьми! Отъ того, что пуля полетитъ немного выше или ниже, чѣмъ слѣдуетъ, въ государствѣ могутъ произойти большія перемѣны. У насъ даже былъ такой примѣръ въ нашей собственной семьѣ. Когда Монгоммери случайно тоже, можетъ-быть, слишкомъ взволновавшись, убилъ нашего отца, Генриха II, это повело къ тому, что нашъ братъ, Францискъ II, вступилъ на престолъ, а отца, Генриха II, отвезли въ Сенъ-Дени. Господь и изъ самой незначительной мелочи можетъ сдѣлать многое.

Герцогъ Алансонскій почувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу при этомъ ужасномъ намекѣ.

Его разгадали и совершенно ясно высказали ему это.

Карлъ, скрывавшій подъ шутливымъ тономъ свое раздраженіе, былъ, пожалуй, еще ужаснѣе, чѣмъ если бы онъ открыто обнаружилъ гнѣвъ и ненависть, наполнявшіе его сердце. И Алансонскій въ первый разъ почувствовалъ угрызенія совѣсти или, вѣрнѣе, въ первый разъ пожалѣлъ, что затѣялъ преступное дѣло, не имѣвшее успѣха.

Онъ боролся, пока могъ, но подъ этимъ послѣднимъ ударомъ принужденъ былъ склонить голову.

Карлъ устремилъ на него свой ястребиный взглядъ, впивая въ себя, такъ сказать, всѣ ощущенія, смѣнявшіяся въ сердцѣ Франсуа. И онъ понималъ ихъ, благодаря глубокому изученію членовъ своей семьи, такъ хорошо, какъ будто сердце брата было для него открытой книгой.

Онъ молчалъ съ минуту, смотря на неподвижнаго и совершенно уничтоженнаго Франсуа, а потомъ сказалъ твердымъ голосомъ, въ которомъ звучала ненависть:

— Я объявилъ мое рѣшеніе, братъ, и это рѣшеніе неизмѣнно: ты уѣдешь.

Алансонскій сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь возражать. Но Карлъ продолжалъ:

— Я хочу, чтобы Наварра гордилась тѣмъ, что ея король — братъ Французскаго короля. Власть, почести — у тебя будетъ все, приличествующее твоему происхожденію, какъ у твоего брата Генриха, и такъ же, какъ онъ, — прибавилъ съ

Карлъ, — ты будешь благословлять меня изъ твоей далекой страны.

— Государь...

— Ты долженъ согласиться или, вѣрнѣе, подчиниться моему рѣшенію, — прервалъ его Карлъ.

— Но, ваше величество, — сказалъ Франсуа, — вы забываете своего друга Генриха.

— Генриха? Да вѣдь я же говорилъ тебѣ, что онъ не хочетъ быть королемъ Наваррскимъ, что онъ уступаетъ свои права тебѣ. Генрихъ веселый малый, а не такой вялый и блѣдный, какъ ты. Онъ хочетъ смѣяться и веселиться на свободѣ — у него нѣтъ никакого желанія носить корону и ради этого умирать съ тоски, подобно намъ.

— Значитъ, ваше величество приказываете мнѣ заняться...

— Нѣтъ, нѣтъ, не заботься ни о чемъ, Франсуа. Я устрою все самъ. Положись въ этомъ на меня, какъ на любящаго тебя брата. Ну, а теперь, когда мы рѣшили все, ступай. Можешь передать, если хочешь, нашъ разговоръ своимъ друзьямъ. Это и безъ того скоро узнается всѣми, я постараюсь объ этомъ. Можешь итти, Франсуа.

Отвѣчать было нечего. Герцогъ поклонился и ушелъ, затаивъ въ душѣ своей ярость. Ему очень хотѣлось повидаться съ Генрихомъ и поговорить съ нимъ о происшедшемъ. Но тотъ куда-то скрылся, и онъ вмѣсто него нашелъ Екатерину.

Увидавъ королеву, Франсуа постарался скрыть отъ нея свое горе и улыбнулся. Онъ былъ не такъ счастливъ, какъ герцогъ Анжуйскій, и искалъ въ ней не мать, а только союзницу и потому-то не хотѣлъ дать ей замѣтить свое душевное состояніе: когда онъ подошелъ къ Екатеринѣ, у него на лицѣ остался только легкій слѣдъ безпокойства.

— Вы слышали важную новость? — спросилъ онъ.

— Я слышала, что тебя хотятъ сдѣлать королемъ.

— Это очень милостиво со стороны брата.

— Неправда ли?

— И, мнѣ кажется, что я долженъ поблагодарить за это ваше величество. Если вы посовѣтовали брату дать мнѣ корону наваррскую, то вамъ обязанъ я, что сдѣлаюсь королемъ. Жаль только мнѣ ограбить Генриха.

— Ты, повидимому, очень любишь его, сынъ мой? — спросила Екатерина.

— Да, люблю, — отвѣтилъ герцогъ Алансонскій, — въ послѣднее время мы очень сблизились.

— Такая дружба, право же, весьма поучительна, въ особенности между принцами. При дворѣ дружба считается очень непрочной, сынъ мой.

— Вы забываете, матушка, что мы не только друзья, но почти братья?

На губахъ Екатерины промелькнула странная улыбка.

— А развѣ у королей бываютъ братья? — сказала она.

— Но вѣдь ни онъ ни я не были королями, когда мы подружились. Мы даже были увѣрены, что никогда не будемъ царствовать; вотъ потому-то и полюбили мы другъ друга.

— Да, но теперь обстоятельства перемѣнились.

— Перемѣнились?

— Конечно, такъ. Развѣ не можете вы стать королями оба?

По нервной дрожи герцога и румянцу, вспыхнувшему у него на щекахъ, Екатерина увидала, что нанесенный ею ударъ попалъ ему прямо въ сердце.

— Генрихъ — король! — воскликнулъ онъ. — Но какого же государства?

— Одного изъ самыхъ лучшихъ въ христіанскомъ мірѣ.

— Что такое вы говорите, матушка? — спросилъ, поблѣднѣвъ, герцогъ Алансонскій.

— То, что добрая мать обязана сказать своему сыну — то, о чемъ ты и самъ не разъ думалъ, Франсуа.

— Я? — сказалъ герцогъ. — Клянусь, матушка, ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову.

— Охотно вѣрю тебѣ, потому что твой другъ, твой братъ, Генрихъ, какъ ты его называешь, очень ловокъ и хитеръ, несмотря на свое кажущееся простодушіе. Онъ умѣетъ хранить тайны лучше, чѣмъ ты хранишь свои, Франсуа. Напримѣръ, говорилъ онъ тебѣ когда-нибудь, что де-Муи его повѣренный?

— Де-Муи? — съ изумленіемъ сказалъ онъ, — какъ будто ему показалось страннымъ, что это имя могло имѣть какое-нибудь отношеніе къ ихъ разговору.

— Да, гугенотъ де-Муи де-Сенъ-Фаль, тотъ самый, который чуть не убилъ Морвеля. Онъ тайно разъѣзжаетъ по Франціи, является переодѣтый въ Парижъ, интригуетъ и набираетъ войско, чтобы поддержать твоего брата Генриха противъ твоей семьи.

Екатерина, не знавшая, что Франсуа извѣстно не только это, но и многое другое, встала, какъ бы собираясь уходить. Франсуа остановилъ ее.

— Еще одно слово, если позволите, матушка. Такъ какъ вы удостоили меня довѣріемъ, то я попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ можетъ Генрихъ съ своими незначительными средствами и вліяніемъ быть опаснымъ для моей семьи?

— Ребенокъ! — съ улыбкой сказала Екатерина. — Знай же, что у него больше тридцати тысячъ приверженцевъ, что ему

стоитъ сказать слово и эти тридцать тысячъ человѣкъ явятся въ ту же минуту, какъ изъ-подъ земли. И притомъ это гугеноты, то-есть самые храбрые солдаты въ мірѣ. Кромѣ того... кромѣ того, онъ пользуется покровительствомъ, котораго ты не сумѣлъ или не хотѣлъ добиться.

— Чьимъ покровительствомъ?

— На его сторонѣ король, который любитъ его и покровительствуетъ ему, который изъ зависти къ твоему брату, королю польскому, и ненависти къ тебѣ ищетъ себѣ наслѣдника. И ты слѣпъ, если не видишь, что онъ ищетъ его не въ нашей семьѣ.

— Король?.. Вы думаете, матушка?

— Развѣ ты не замѣтилъ, какъ нѣжно любитъ онъ Генриха, своего друга Генриха?

— Да, это такъ, матушка, это такъ!

— И что тотъ платитъ ему тѣмъ же. Да, этотъ самый Генрихъ, забывая, что король хотѣлъ застрѣлить его въ Варѳоломеевскую ночь, ползаетъ теперь передъ нимъ, какъ собака. которая лижетъ прибившую ее руку.

— Да, да,—пробормоталъ Франсуа,—я замѣтилъ, что Генрихъ никогда не противорѣчитъ брату Карлу.

— И старается угодить ему во всемъ,—добавила Екатерина.

— Рѣшительно во всемъ,—согласился Франсуа.—Король, какъ вы знаете, постоянно подсмѣивается надъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ охотиться съ соколами. И это, оказывается, такъ непріятно Генриху, что онъ собирается изучать соколиную охоту. Еще вчера... да, не дальше, какъ вчера, онъ просилъ у меня какой-нибудь подходящей для этого книги.

— Постой!—сказала Екатерина, и глаза ея блеснули, какъ будто какая-то счастливая мысль пришла ей въ голову.—Постой... Отлично. Онъ долженъ получить эту книгу.

— Я искалъ, матушка, но ничего не нашелъ.

— Я найду сама, найду непремѣнно... и ты дашь ему книгу. какъ бы отъ себя.

— Но что же выйдетъ изъ этого?

— Согласенъ ты слѣпо повиноваться мнѣ во всемъ, что касается Генриха, котораго ты не любишь, что бы ты тамъ ни говорилъ.

Алансонскій улыбнулся.

— И котораго я ненавижу,—добавила Екатерина.

— Да, я буду повиноваться вамъ.

— Послѣзавтра приходи за книгой сюда. Ты возьмешь ее у меня, отнесешь Генриху... и...

— И что же?

— И предоставишь Богу, Провидѣнію или случаю сдѣлать остальное.

Франсуа хорошо зналъ, что мать его не имѣла привычки полагаться на Бога, Провидѣніе или случай, когда приходилось предпринимать что-нибудь для тѣхъ, кого она любила, или противъ тѣхъ, кого ненавидѣла. Но онъ не сказалъ ни слова и, поклонившись въ знакъ того, что готовъ исполнить ея приказаніе, пошелъ къ себѣ.

„Что такое она замышляетъ? — думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.—Не понимаю. Одно только вполнѣ ясно для меня— она хочетъ дѣйствовать противъ нашего общаго врага. И пусть ее дѣйствуетъ“.

Въ это время Маргарита получила черезъ ла-Моля письмо отъ де-Муи на имя Генриха. Такъ какъ въ политикѣ между супругами не было тайнъ, то она распечатала письмо и прочитала его.

Должно-быть, содержаніе его показалось ей интереснымъ, потому что, пользуясь уже наступившими сумерками, она прошла въ потайной ходъ, поднялась по винтовой лѣстницѣ и, внимательно оглядѣвшись кругомъ, проскользнула, какъ тѣнь, въ переднюю короля Наваррскаго.

Послѣ исчезновенія Оршона она была всегда пуста.

Это исчезновеніе, о которомъ мы не упоминали съ тѣхъ поръ, какъ читатель узналъ о трагической смерти юноши, сильно безпокоило Генриха. Онъ обращался съ разспросами къ женѣ и баронессѣ де-Совъ, но и та и другая знали не больше его самого.

Другой на мѣстѣ Генриха побоялся бы, пожалуй, разспрашивать объ Оршонѣ и не сталъ бы говорить объ его исчезновеніи. Но Генрихъ былъ очень предусмотрителенъ. Онъ понималъ, что молчаніе выдастъ его. Странно было бы, если бы, лишившись такъ таинственно слуги и повѣреннаго, онъ не предпринялъ ничего, чтобы отыскать его. А потому Генрихъ, нисколько не скрывая своей тревоги, разспрашивалъ о юношѣ совершенно открыто въ присутствіи короля и даже королевы-матери. Онъ обращался съ этими разспросами ко всѣмъ, начиная съ часового у воротъ Лувра и кончая караульнымъ офицеромъ въ передней короля. Но всѣ эти разспросы и поиски не привели ни къ чему. И Генрихъ былъ, повидимому, такъ огорченъ этимъ и такъ привязанъ къ своему пропавшему слугѣ, что объявилъ о своемъ намѣреніи не брать на его мѣсто никого до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что онъ уже не вернется никогда

Итакъ, передняя была пуста, когда въ нее вошла Маргарита. Какъ ни легки были шаги королевы, Генрихъ услыхалъ ихъ и обернулся.

— Вы! — воскликнулъ онъ.

— Да, — отвѣтила Маргарита. — Прочитайте скорѣе.

И она подала ему развернутое письмо.

Вотъ что прочиталъ Генрихъ:

„Ваше величество, наступила минута привести въ исполненіе нашъ планъ бѣгства. Послѣзавтра назначена соколиная охота по берегу Сены, отъ Сенъ-Жермена до Мезона, то-есть до самаго конца лѣса.

„Не отказывайтесь сопровождать короля, несмотря на то, что будутъ охотиться съ соколами. Надѣньте подъ камзолъ самую лучшую кольчугу, возьмите самую острую шпагу и сядьте на самую быструю вашу лошадь.

„Около полудня, когда охота будетъ во всемъ разгарѣ и король поскачетъ за своимъ соколомъ, отдѣлитесь отъ другихъ вмѣстѣ съ королевой Наваррской, если она будетъ участвовать въ охотѣ.

„Пятьдесятъ человѣкъ изъ нашихъ будутъ дожидаться въ павильонѣ Франциска I; у насъ есть ключъ отъ этого павильона. Никто не узнаетъ, что они скрываются тамъ: они придутъ ночью и жалюзи будутъ спущены.

„Проѣзжайте по аллеѣ де-Віолетъ, на концѣ которой буду сторожить я; направо отъ этой аллеи, на небольшой полянкѣ, васъ будутъ ждать ла-Моль и Коконна съ двумя осѣдланными лошадьми. Этими свѣжими конями вамъ и королевѣ Наваррской можно будетъ воспользоваться, если ваши лошади устанутъ.

„До свиданія, ваше величество. Приготовляйтесь; мы, съ своей стороны будемъ готовы“.

— Вы согласны? — спросила Маргарита.

— Согласенъ, — отвѣтилъ Генрихъ. — Не безпокойтесь, я не отступлюсь отъ своего намѣренія.

— Будьте героемъ, государь! Это не трудно — вамъ стоитъ только итти своимъ путемъ. И добудьте мнѣ хорошій тронъ.

Легкая улыбка промелькнула на тонкихъ губахъ Генриха. Онъ поцѣловалъ руку жены и, напѣвая старинную пѣсню, вышелъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого въ коридорѣ.

Принятая имъ предосторожность оказалась не лишнею. Въ ту минуту, какъ онъ отворилъ дверь въ коридоръ, герцогъ Алансонскій вышелъ изъ своей передней. Генрихъ знакомъ предупредилъ Маргариту и сказалъ громко

— А, это вы, братъ! Милости просимъ!

По сдѣланному королемъ знаку Маргарита поняла все и бросилась въ маленькую уборную, на двери которой висѣла тяжелая портьера.

Герцогъ Алансонскій робко вошелъ и оглядѣлся кругомъ.

— Мы одни, Генрихъ? — вполголоса спросилъ онъ.

— Совершенно одни. Что такое случилось? Вы какъ будто чѣмъ-то сильно разстроены.

— Дѣло въ томъ, что мы открыты, Генрихъ.

— Открыты?

— Да, де-Муи арестованъ.

— Я знаю это.

— Ну, и онъ разсказалъ королю все.

— Что же именно?

— Что я добиваюсь Наваррскаго престола и составилъ заговоръ, чтобы завладѣть имъ.

— Дѣло плохо! — сказалъ Генрихъ. — Значитъ, вы очутились въ очень непріятномъ положеніи, мой бѣдный Франсуа. Но почему же васъ не арестовали?

— Не понимаю самъ. Король подсмѣивался надо мной, прикидываясь, какъ будто желаетъ сдѣлать меня королемъ Наваррскимъ. Онъ, должно-быть, хотѣлъ выпытать у меня признаніе, но я не сказалъ ничего.

— И отлично сдѣлали, ventre-saint-gris! — сказалъ беарнецъ. — Будемъ смѣло отрицать все—отъ этого зависитъ наша жизнь.

— Да, положеніе очень затруднительное. Вотъ потому-то я и пришелъ посовѣтоваться съ вами, Генрихъ. Какъ вы думаете, что мнѣ теперь дѣлать: бѣжать или оставаться здѣсь?

— Вѣдь вы видѣли короля, онъ говорилъ съ вами...

— Да, конечно.

— Такъ вы вѣрнѣе меня можете судить, что нужно дѣлать Поступайте, какъ вамъ кажется лучше.

— По-моему, лучше остаться.

При всемъ умѣньи владѣть собой Генрихъ не могъ удержаться отъ движенія радости. И какъ ни незамѣтно оно было, Франсуа увидалъ его.

— Такъ останьтесь, — сказалъ Генрихъ.

— А вы?

— Если вы останетесь, то у меня нѣтъ никакого основанія уѣзжать. Я хотѣлъ сопровождать васъ, потому что всѣмъ сердцемъ преданъ вамъ, потому что не хотѣлъ покинуть брата, котораго люблю.

— Значитъ, всѣ наши планы рушились, — сказалъ Алансонскій. — И вы сдаетесь при первой же неуда

— Я не считаю неудачей остаться здѣсь, — возразилъ Генрихъ. — Мнѣ, съ моимъ беззаботнымъ характеромъ, хорошо вездѣ.

— Ну, пусть будетъ такъ,—сказалъ Алансонскій,—довольно объ этомъ. Но если вы примете какое-нибудь другое рѣшеніе, тотчасъ же сообщите его мнѣ.

— Само собой разумѣется, чортъ возьми! — отвѣтилъ Генрихъ.—Вѣдь мы же обѣщали не имѣть никакихъ тайнъ другъ отъ друга.

Алансонскій не сказалъ ничего и ушелъ, глубоко задумавшись: разъ, во время разговора, ему показалось, что портьера уборной заколебалась.

Только что успѣлъ онъ уйти, какъ эта портьера приподнялась, и вошла Маргарита.

— Какого вы мнѣнія относительно этого визита?—спросилъ Генрихъ.

— Я думаю, что случилось что-нибудь новое и неожиданное.

— А какъ вы полагаете, что именно?

— Теперь еще не знаю ничего, но скоро узнаю.

— А пока?

— А пока не забудьте прійти ко мнѣ завтра вечеромъ.

— Приду непремѣнно, — отвѣтилъ Генрихъ, любезно поцѣловавъ руку жены.

И Маргарита вернулась къ себѣ съ такими же предосторожностями, какія принимала, идя къ Генриху.

XVIII.

Книга о соколиной охотѣ.

Прошло тридцать шесть часовъ со времени событій, разсказанныхъ нами въ предыдущей главѣ. Еще только начинало свѣтать, но всѣ въ Луврѣ уже проснулись, какъ бывало всегда въ дни охоты. Исполняя приказаніе матери, герцогъ Алансонскій пришелъ къ ней.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ кабинета, въ который не дозволялось входить никому; тамъ она обыкновенно производила свои химическіе опыты.

Изъ неплотно ли притворенной двери, или отъ платья королевы распространился съ ея приходомъ въ спальню какой-то сильный, но довольно пріятный запахъ, а въ отверстіе двери ...цогъ Алансонскій увидалъ густое облако дыма.

... съ любопытствомъ заглянулъ туда.

— Нѣтъ ли чего новаго со вчерашняго дня? — спросила Екатерина, спрятавъ руки, на которыхъ виднѣлись кое-гдѣ красновато-желтыя пятнышки.

— Нѣтъ, матушка.

— Видѣлся ты съ Генрихомъ?

— Да.

— Онъ все еще отказывается уѣзжать?

— Самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Лгунъ!

— Что вы говорите, матушка?

— Я говорю, что онъ уѣдетъ.

— И вы позволите ему уѣхать?

— Не только позволю, но даже считаю его отъѣздъ необходимымъ.

— Я не понимаю васъ, матушка.

— Выслушай меня внимательно, Франсуа. Одинъ очень искусный врачъ далъ мнѣ книгу о соколиной охотѣ, которую ты передашь Генриху. И этотъ самый врачъ предупредилъ меня, что король Наваррскій скоро заболѣетъ очень серьезно, что его поразитъ одна изъ тѣхъ изнурительныхъ болѣзней, при которыхъ наука безсильна и которыя не поддаются никакому лѣченію. Если Генриху, дѣйствительно, суждено скоро умереть, то, какъ ты, конечно, понимаешь и самъ, будетъ гораздо лучше, если онъ умретъ далеко отсюда, а не здѣсь, во дворцѣ.

— Да, это было бы слишкомъ тяжело для насъ, — сказалъ герцогъ.

— А въ особенности для твоего брата Карла, — добавила Екатерина. — И, напротивъ, если Генрихъ умретъ послѣ своего бѣгства, король посмотритъ на его смерть, какъ на посланное ему Небомъ наказаніе.

— Вы правы, матушка, — сказалъ Франсуа, съ восхищеніемъ смотря на королеву, — онъ долженъ уѣхать. Но вполнѣ ли вы увѣрены въ томъ, что онъ уѣдетъ?

— Всѣ приготовленія для этого уже сдѣланы имъ. Сборное мѣсто назначено въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу; пятьдесятъ гугенотовъ проводятъ его въ Фонтенбло, гдѣ будетъ ждать отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ.

— А сестра Марго ѣдетъ съ нимъ? — нерѣшительно спросилъ герцогъ, замѣтно поблѣднѣвъ.

— Да, это рѣшено, — отвѣтила Екатерина. — Но когда Генрихъ умретъ, Маргарита вернется сюда вдовой и свободной.

— Генрихъ на самомъ дѣлѣ умретъ? Это вѣрно?

— Врачъ, давшій мнѣ книгу, нисколько не сомнѣвается въ этомъ.

— А гдѣ эта книга, матушка?

Екатерина тихо направилась къ таинственному кабинету, отворила дверь, вошла въ нее и черезъ минуту появилась снова, держа книгу въ рукѣ.

Герцогъ Алансонскій взглянулъ съ нѣкоторымъ ужасомъ на книгу, которую подавала ему мать.

— Что это за книга, матушка? — вздрогнувъ, спросилъ онъ.

— Я уже говорила тебѣ, сынъ мой,—отвѣтила Екатерина,— что въ ней описывается, какъ слѣдуетъ выкармливать кречетовъ и соколовъ. Она написана ученымъ Каструччіо Кастракани, тираномъ луккскимъ.

— Что же мнѣ съ ней дѣлать?

— Отнести ее твоему другу Генриху, который просилъ у тебя какой-нибудь книги о соколиной охотѣ. Такъ какъ сегодня онъ охотится съ Карломъ, то, навѣрное, захочетъ прочитать хотя нѣсколько страницъ, чтобы доказать королю, что слѣдуетъ его совѣтамъ и учится. Отдай книгу самому Генриху.

— Нѣтъ, я никогда не рѣшусь, — возразилъ герцогъ Алансонскій, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Но почему же? — спросила Екатерина.—Что такого особеннаго въ этой книгѣ? Въ ней только немного слиплись листы, потому что давно уже никто не снималъ ее съ полки. Не вздумай читать ее самъ, Франсуа; перевертывая страницы, приходится каждый разъ мочить палецъ, а это отнимаетъ много времени и очень надоѣдаетъ.

— Значитъ, только тотъ, кому очень хочется сдѣлаться хорошимъ соколинымъ охотникомъ, не посмотритъ ни на потерю времени ни на скуку?

— Именно такъ, сынъ мой. Я вижу, что ты понялъ меня.

— А вотъ и Генрихъ идетъ по двору! — воскликнулъ герцогъ Алансонскій. — Давайте книгу, матушка. Я отнесу книгу къ нему; вернувшись, онъ увидитъ ее.

— Мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы ты отдалъ ее ему самому, Франсуа. Это было бы вѣрнѣе.

— Я уже говорилъ вамъ, матушка, что никогда не рѣшусь на это, — возразилъ герцогъ.

— Ну, хорошо, иди. Но, по крайней мѣрѣ, положи книгу на видномъ мѣстѣ.

— Развернуть ее?.. Ничего, если я разверну ее?

— Ничего.

И герцогъ Алансонскій взялъ дрожащей рукой книгу, которую Екатерина совершенно спокойно подала ему.

— Бери, бери, — сказала Екатерина, — если я держу ее, значитъ, ничего опаснаго нѣтъ. Къ тому же ты въ перчаткахъ.

Но и этого показалось еще недостаточно герцогу Алансонскому: онъ завернулъ книгу въ плащъ.

— Иди скорѣе,—сказала Екатерина.—Генрихъ каждую минуту можетъ вернуться.

Герцогъ вышелъ, шатаясь отъ волненія.

Мы уже нѣсколько разъ вводили читателя въ покои короля Наваррскаго и давали ему возможность присутствовать при происходившихъ тамъ сценахъ, то веселыхъ, то ужасныхъ, смотря по тому, улыбался или грозилъ геній-покровитель будущаго французскаго короля.

Но никогда еще въ этихъ стѣнахъ, запятнанныхъ кровью убитыхъ, обрызганныхъ виномъ оргій, пропитанныхъ ароматомъ любви,—никогда еще въ этомъ уголкѣ Лувра не появлялось такого блѣднаго лица, какъ лицо герцога Алансонскаго, вошедшаго съ своей книгой въ рукѣ въ спальню короля Наваррскаго.

А между тѣмъ въ комнатѣ, какъ и разсчитывалъ герцогъ, не было никого и ничей любопытный или тревожный взглядъ не слѣдилъ за нимъ. Утренніе лучи солнца заливали пустую спальню. На стѣнѣ висѣла шпага, которую де-Муи совѣтовалъ Генриху взять съ собою. Нѣсколько колецъ отъ кольчуги валялось на полу. Туго набитый кошелекъ и короткій кинжалъ лежали на столѣ, а въ каминѣ виднѣлась кучка свѣжаго, еще не слежавшагося пепла. Изъ всего этого герцогъ Алансонскій вывелъ заключеніе, что король Наваррскій надѣлъ кольчугу, запасся деньгами и сжегъ компрометирующія его бумаги.

„Матушка не ошиблась,—подумалъ онъ.—Этотъ лгунъ обманывалъ меня“.

Такое заключеніе какъ будто придало герцогу новыя силы. Оглядѣвъ всѣ уголки въ комнатахъ, приподнявъ всѣ портьеры и убѣдившись, наконецъ, что никто не подглядываетъ за нимъ, онъ вынулъ книгу, быстро положилъ ее рядомъ съ кошелькомъ на столъ и прислонилъ къ рѣзному дубовому пюпитру. Потомъ, вытянувъ руку въ перчаткѣ, онъ нерѣшительно, со страхомъ, развернулъ книгу. Она открылась на рисункѣ, изображавшемъ соколиную охоту.

Открывъ книгу, Алансонскій отскочилъ назадъ и, снявъ перчатку, бросилъ ее въ пылающій каминъ, гдѣ Генрихъ жегъ какія-то бумаги.

Алансонскій стоялъ около камина до тѣхъ поръ, пока перчатка не сгорѣла до тла, а затѣмъ свернулъ плащъ, въ кото-

ромъ была завернута книга, сунулъ его подъ мышку и торопливо пошелъ къ себѣ. Въ то время, какъ онъ съ сильно бьющимся сердцемъ входилъ въ переднюю, на винтовой лѣстницѣ послышались шаги. Вполнѣ увѣренный, что это идетъ Генрихъ, Франсуа заперъ за собою дверь.

Франсуа сѣлъ, взялъ книгу и попробовалъ читать. Но мысли его были заняты не тѣмъ. Лихорадочное ожиданіе охватило его, біеніе артерій въ вискахъ отдавалось въ головѣ. Ему, какъ это иногда бываетъ во снѣ, казалось, что онъ видитъ сквозь стѣны. Взглядъ его устремлялся въ спальню Генриха, несмотря на тройную преграду, отдѣлявшую его отъ нея.

Чтобы отвлечь мысли отъ того, что чудилось ему, герцогъ старался сосредоточить свое вниманіе на чемъ-нибудь другомъ. Но напрасно осматривалъ онъ оружіе, перебиралъ драгоцѣнныя вещи или ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ все время видѣлъ передъ собою ужасную, развернутую на рисункѣ книгу, лежащую на пюпитрѣ. И этотъ рисунокъ, на который онъ взглянулъ лишь мелькомъ, представлялся ему теперь совершенно ясно, со всѣми, самыми незначительными подробностями. На немъ былъ изображенъ охотникъ верхомъ на лошади. Онъ несся во весь опоръ по болоту и, бросивъ приманку, звалъ улетѣвшаго сокола. Какъ ни сильна была воля герцога, воспоминаніе одерживало надъ нею верхъ.

И не одна только книга представлялась ему. Онъ видѣлъ, какъ подходилъ къ ней король Наваррскій, какъ онъ разсматривалъ рисунокъ, какъ старался перевернуть страницу и, когда это не удавалось, мочилъ палецъ и перевертывалъ ее.

Несмотря на то, что сцена эта происходила не на самомъ дѣлѣ, что герцогъ только воображалъ ее себѣ, онъ все-таки задрожалъ отъ ужаса и принужденъ былъ опереться на столъ. Въ эту минуту на дворѣ показался Генрихъ. Онъ на минуту остановился около слугъ, которые навьючивали на двухъ муловъ все нужное для охоты, и, отдавъ имъ какія-то приказанія, пошелъ къ входной двери.

Франсуа замеръ на мѣстѣ. Значитъ, не Генрихъ входилъ по потайной лѣстницѣ. Значитъ, всѣ муки, которыя пришлось ему вынести въ послѣднюю четверть часа, были напрасны. Онъ думалъ, что все уже кончилось, а между тѣмъ ничего еще не начиналось.

Герцогъ Алансонскій вышелъ изъ спальни и остановился, прислушиваясь, около двери передней. На этотъ разъ ошибки быть не могло—это, навѣрное, шелъ Генрихъ. Франсуа узналъ его походку и услыхалъ звонъ его шпоръ.

Дверь къ Генриху отворилась и тотчасъ же снова заперлась.

Алансонскій вернулся къ себѣ въ спальню и бросился въ кресло. Холодный потъ выступилъ на лбу Франсуа.

— Будетъ онъ звать на помощь?—прошепталъ онъ.—Сразу ли подѣйствуетъ ядъ... Нѣтъ, не можетъ быть: матушка говорила, что онъ умретъ отъ изнурительной болѣзни.

Прошло минутъ десять—цѣлый вѣкъ душевной муки, безумнаго ужаса и страшныхъ видѣній. Герцогъ Алансонскій былъ не въ силахъ выдерживать дольше. Онъ всталъ и вышелъ въ пріемную, гдѣ уже начали собираться придворные.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ онъ,—я иду къ королю.

И чтобы заглушить свою тревогу или, можетъ-быть, подготовить себѣ алиби, герцогъ Алансонскій спустился внизъ, къ брату. Зачѣмъ онъ шелъ къ нему? Онъ самъ не сумѣлъ бы отвѣтить на это... Что могъ онъ сказать королю?.. Ничего... Ему не нуженъ былъ Карлъ, онъ просто бѣжалъ отъ Генриха.

Франсуа сошелъ внизъ по винтовой лѣстницѣ и увидалъ, что дверь, ведущая въ покои короля, полуотворена.

Часовые пропустили его безъ доклада: въ дни охоты на этикетъ не обращали вниманія и свободно пропускали всѣхъ.

Франсуа прошелъ черезъ переднюю, салонъ и спальню, не встрѣтивъ никого.

„Карлъ, навѣрное, въ своемъ оружейномъ кабинетѣ", подумалъ онъ и прошелъ туда изъ спальни.

Король сидѣлъ около стола на рѣзномъ креслѣ съ высокой остроконечной спинкой, спиною къ двери, въ которую вошелъ Франсуа. Онъ, повидимому, былъ сильно чѣмъ-то занятъ.

Герцогъ сдѣлалъ на цыпочкахъ нѣсколько шаговъ впередъ. Карлъ читалъ.

— Чортъ возьми! — вдругъ воскликнулъ онъ. — Какая великолѣпная книга!

Герцогъ Алансонскій пододвинулся ближе.

— Проклятые листы!—пробормоталъ король и, поднеся палецъ ко рту, помочилъ его и съ трудомъ перевернулъ страницу. — Ихъ точно нарочно склеили, чтобы скрыть отъ человѣческихъ глазъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, заключающіяся здѣсь!

Франсуа бросился впередъ.

Книга, которую читалъ Карлъ, была та самая, которую онъ отнесъ къ Генриху. Глухой крикъ невольно вырвался у него.

— А, это ты, Франсуа! — сказалъ, обернувшись, король. — Иди, иди! А я читаю чудеснѣйшую книгу о соколиной охотѣ— это лучшая изъ всѣхъ, какія я когда-либо видалъ.

Въ первую минуту герцогъ Алансонскій хотѣлъ вырвать книгу изъ рукъ брата; но адская мысль промелькнула у него въ умѣ

страшная улыбка исказила его побѣлѣвшія губы, и онъ провелъ рукою по глазамъ, какъ бы ослѣпленный внезапнымъ свѣтомъ.

Черезъ минуту, немного оправившись, но не трогаясь съ мѣста, онъ спросилъ:

— Какъ же эта книга попала въ руки вашему величеству?

— Да очень просто. Сегодня утромъ я зашелъ къ Генриху посмотрѣть, готовъ ли онъ, но не засталъ его. А вмѣсто того я нашелъ вотъ это сокровище, которое и принесъ сюда, чтобы на свободѣ почитать его.

И король снова помочилъ палецъ и перевернулъ непослушную страницу.

— Государь,—пробормоталъ герцогъ Алансонскій, чувствуя, что волосы поднимаются дыбомъ у него на головѣ и сердце замираетъ отъ ужаса, — я пришелъ сказать вамъ...

— Дай мнѣ сначала докончить главу, Франсуа, — отвѣтилъ Карлъ, — а потомъ говори, что хочешь. Я прочелъ ужъ пятьдесятъ страницъ.

„Значитъ онъ двадцать пять разъ попробовалъ яду, — подумалъ Франсуа. — Мой братъ погибъ!"

XIX.

Соколиная охота.

Карлъ продолжалъ читать. Книга такъ заинтересовала его, что онъ пожиралъ страницы, которыя, какъ мы знаемъ, слиплись одна съ другой.

Герцогъ Алансонскій съ ужасомъ слѣдилъ за чтеніемъ короля, послѣдствія котораго предвидѣлъ только онъ одинъ.

„Что же это будетъ?—думалъ онъ.—Какъ! Я уѣду, отправлюсь въ ссылку, буду добиваться призрачной короны, тогда какъ Генрихъ Наваррскій при первомъ же извѣстіи о болѣзни Карла вернется въ какую-нибудь крѣпость, миляхъ въ двадцати отъ столицы, и будетъ сторожить добычу, которую посылаетъ намъ случай. Онъ въ одну минуту можетъ явиться въ Парижъ, и прежде чѣмъ польскій король узнаетъ о смерти брата, на престолъ вступитъ новая династія. Нѣтъ, это невозможно!"

Вотъ какія мысли промелькнули у Франсуа, когда онъ въ первую минуту, поддаваясь невольному чувству ужаса, хотѣлъ остановить Карла. Герцогъ хотѣлъ еще разъ вступить въ борьбу съ рокомъ, охранявшимъ Генриха и преслѣдовавшимъ домъ Валуа.

Въ одно мгновеніе планъ его относительно Генриха измѣнился. Отравленную книгу читалъ не онъ, а Карлъ. Обречен-

ному на смерть Генриху можно было позволить уѣхать; но такъ какъ судьба снова спасла его, то онъ долженъ остаться. Генрихъ, заключенный въ Бастилію или Венсенъ, далеко не такъ страшенъ, какъ король Наваррскій во главѣ тридцатитысячнаго войска.

Герцогъ Алансонскій далъ Карлу дочитать главу, а когда тотъ кончилъ, сказалъ:

— Вы приказали мнѣ ждать, ваше величество, и я ждалъ, хоть и съ большимъ нетерпѣніемъ: мнѣ нужно сообщить вамъ извѣстія величайшей важности.

— А! Къ чорту!—воскликнулъ Карлъ, на блѣдныхъ щекахъ котораго выступилъ румянецъ, потому ли, что его слишкомъ взволновало чтеніе, или же потому, что началъ дѣйствовать ядъ.—Къ чорту! Если ты будешь твердить мнѣ одно и то же, то уѣдешь, какъ уѣхалъ польскій король. Я избавился отъ него, избавлюсь и отъ тебя. Ни слова больше объ этомъ!

— Я хочу говорить не о своемъ отъѣздѣ, — сказалъ Франсуа.—Ваше величество затронули самое дорогое для меня чувство, усумнились въ моей преданности вамъ, какъ брата, и вѣрности, какъ подданнаго. Я хочу доказать вамъ, государь что я не измѣнникъ.

— Ну, въ чемъ дѣло?—спросилъ Карлъ, облокотившись на книгу, скрестивъ ноги и смотря на герцога Алансонскаго съ видомъ человѣка, который, какъ это ни непріятно ему, рѣшился вооружиться терпѣніемъ. — Что тамъ такое? Какія-нибудь новыя сплетни? Новое обвиненіе?

— Нѣтъ, государь, несомнѣнный заговоръ, который я только изъ глупой деликатности не открывалъ вамъ до сихъ поръ.

— Заговоръ? — сказалъ Карлъ. — Посмотримъ, что это за заговоръ.

— Въ то время, какъ ваше величество будете охотиться, король Наваррскій уѣдетъ въ Сенъ-Жерменскій лѣсъ. Тамъ будутъ ждать его приверженцы и онъ бѣжитъ съ ними.

— А, я такъ и зналъ! — воскликнулъ Карлъ. — Еще новая клевета на моего бѣднаго Генриха. Когда же, наконецъ, вы оставите его въ покоѣ?

— Ваше величество узнаете очень скоро, говорю ли я правду, или клевещу на Генриха.

— Скоро?

— Да, потому что король Наваррскій уѣдетъ сегодня.

Король всталъ.

— Слушай, — сказалъ онъ, — еще одинъ разъ я отнесусь серьезно къ твоимъ измышленіямъ. Но предупреждаю васъ, тебя и твою мать, что это будетъ ужъ въ послѣдній разъ

Позвать короля Наваррскаго! — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Это средство не годится, государь,— сказалъ Франсуа,— такъ вы не узнаете ничего. Генрихъ станетъ, конечно, отпираться, предупредить своихъ сообщниковъ и они исчезнуть. А потомъ меня и мою мать обвинятъ въ клеветѣ.

— Такъ чего же тебѣ нужно?

— Выслушайте меня, какъ брата, ваше величество, въ любви и преданности котораго вы скоро сами убѣдитесь. Сдѣлайте такъ, чтобы настоящій виновный, тотъ, кто въ продолженіе двухъ лѣтъ измѣняетъ вамъ мысленно, а теперь хочетъ измѣнить на дѣлѣ, былъ наконецъ, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, уличенъ и наказанъ по заслугамъ.

Карлъ молча подошелъ къ окну и открылъ его: кровь бросилась ему въ голову.

— Ну, что же по-твоему нужно дѣлать? — спросилъ онъ, обернувшись. — Говори, Франсуа.

— По-моему, государь, — сказалъ герцогъ Алансонскій, — нужно окружить Сенъ-Жерменскій лѣсъ тремя отрядами легкой конницы. Въ назначенное время, положимъ хоть въ одиннадцать часовъ, они тронутся всѣ сразу къ павильону Франциска I, въ которомъ я, какъ бы случайно, предложу собраться для обѣда, и будутъ по дорогѣ захватывать съ собою всѣхъ, находящихся въ лѣсу. Когда я увижу, что Генрихъ уѣзжаетъ, я спущу сокола и поскачу какъ будто за нимъ, а на самомъ дѣлѣ въ павильонъ, гдѣ и захватятъ короля Наваррскаго съ его сообщниками.

— Мысль недурна,— сказалъ король. — Позвать начальника караула.

Алансонскій приложилъ къ губамъ серебряный свистокъ, висѣвшій у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ, и свистнулъ въ него.

Вошелъ караульный офицеръ.

Карлъ подозвалъ его и шопотомъ отдалъ ему приказанія.

Въ это время Актсонъ вдругъ началъ бѣгать и прыгать по комнатѣ. У него что-то было въ зубахъ; онъ бросилъ свою добычу, а потомъ снова кинулся на нее и началъ рвать.

Карлъ обернулся и разразился бранью: Актсонъ рвалъ драгоцѣнную книгу объ охотѣ, рѣдкое сочиненіе, котораго во всемъ мірѣ было только три экземпляра. Карлъ схватилъ хлыстъ и изо всей силы ударилъ Актсона. Собака взвизгнула и спряталась подъ столъ, покрытый длинной скатертью.

Король поднялъ книгу. Къ счастью, оказалось, что въ ней недостаетъ только одного листка, да и то не текста, а ри-

сунка. Карлъ расправилъ ее и положилъ на полку, откуда не могъ достать ее Актсонъ. Герцогъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за братомъ. Ему очень хотѣлось, чтобы эта книга, исполнивъ свое назначеніе, поскорѣе исчезла куда-нибудь.

Пробило шесть часовъ.

Въ это время Карлъ обыкновенно выходилъ на дворъ. Тамъ, сидя на лошадяхъ, покрытыхъ великолѣпными попонами, ждали его дамы и мужчины въ роскошныхъ костюмахъ. Сокольники держали на рукахъ соколовъ въ клобучкахъ; нѣсколько егерей, у которыхъ висѣли на перевязи рога, тоже собирались ѣхать на случай, если королю — какъ это бывало не разъ — надоѣстъ соколиная охота и придетъ фантазія затравить лань или косулю.

Король вышелъ изъ оружейнаго кабинета, заперъ за собою дверь и положилъ ключъ въ карманъ.

Сходя съ лѣстницы, Карлъ вдругъ остановился и приложилъ руку ко лбу. Ноги его дрожали; задрожали онѣ и у герцога.

— Сегодня что-то похоже на грозу, — пробормоталъ онъ.

— Гроза... въ январѣ? — сказалъ Карлъ. — Ты сошелъ съ ума! Нѣтъ, у меня просто кружится голова. Я усталъ — вотъ и все... Они убьютъ меня своими заговорами и ненавистью! — вполголоса прибавилъ онъ.

Выйдя на дворъ, король оправился. Свѣжій утренній воздухъ, крики охотниковъ, шумныя привѣтствія собравшагося общества произвели на него свое обычное дѣйствіе.

Онъ вздохнулъ свободно и оживился.

Прежде всего онъ отыскалъ глазами Генриха. Тотъ стоялъ рядомъ съ Маргаритой.

Эти примѣрные супруги, повидимому, такъ любили другъ друга, что не могли разстаться ни на минуту.

Увидавъ Карла, Генрихъ пришпорилъ лошадь и въ одно мгновеніе очутился около него.

— Какой великолѣпный конь! — сказалъ король. — Ты какъ будто собрался охотиться на ланей, Генрихъ. Или ты забылъ, что сегодня соколиная охота?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ крикнулъ:

— Ѣдемъ, господа, ѣдемъ! Мы должны начать охоту въ девять часовъ.

Король произнесъ эти слова, нахмуривъ брови и почти угрожающимъ тономъ.

Екатерина смотрѣла на дворъ изъ окна Лувра. Изъ-за приподнятой шторы виднѣлось ея блѣдное лицо.

По знаку короля, вся эта разряженная, раззолоченная и раздушенная толпа двинулась во главѣ съ нимъ къ воротамъ Лувра и понеслась, какъ лавина, по дорогѣ въ Сенъ-Жер-

менъ, среди криковъ народа, привѣтствовавшаго молодого короля, который сидѣлъ грустный и задумчивый на своей бѣлой, какъ снѣгъ, лошади.

— Что онъ говорилъ вамъ?—спросила Маргарита, когда Генрихъ вернулся къ ней.

— Онъ расхвалилъ мою лошадь.

— Значитъ, ему что-нибудь извѣстно. Будьте осторожны.

На губахъ Генриха промелькнула его всегдашняя улыбка, которой онъ какъ бы говорилъ Маргаритѣ:

„Не безпокойтесь, моя дорогая“.

Какъ только блестящая кавалькада выѣхала со двора, Екатерина опустила штору.

Она замѣтила, что Генрихъ блѣднѣе обыкновеннаго, что какая-то нервная дрожь пробѣгаетъ у него по тѣлу и что онъ о чемъ-то шопотомъ совѣщался съ Маргаритой.

— На этотъ разъ,—прошептала она съ своей флорентинской улыбкой,—мнѣ кажется, этотъ милый Генрихъ попался!

Желая удостовѣриться, дѣйствительно ли это такъ, Екатерина переждала четверть часа, чтобы дать время охотникамъ выѣхать изъ Парижа, а затѣмъ вышла въ коридоръ, поднялась по винтовой лѣстницѣ и съ помощью двойного ключа отперла дверь въ покои короля Наваррскаго.

Но напрасно искала она книгу. Тщетно глаза ея перебѣгали со столовъ на кресло, съ полокъ на шкапы — книги не было нигдѣ.

— Франсуа, должно-быть, ужъ унесъ ее,—прошептала она.—Это очень благоразумно.

И она вернулась къ себѣ, почти увѣренная въ успѣхѣ.

Черезъ полтора часа быстрой ѣзды король и его свита прибыли въ Сенъ-Жерменъ. Въ мрачный и величественный старинный замокъ, поднимавшійся среди разбросанныхъ по горѣ домовъ, рѣшили не заходить и проѣхали черезъ деревянный мостъ, бывшій какъ разъ противъ дуба, который до сихъ поръ называется „дубомъ Сюлли“. Потомъ слѣдовавшимъ за охотой баркамъ, расцвѣченнымъ флагами, дали знакъ трогаться съ мѣста, чтобы королю и его спутникамъ было легче переправляться черезъ рѣку.

Въ ту же минуту вся эта веселая молодежь, одушевленная такими различными интересами, понеслась по роскошному лугу, разстилавшемуся у подошвы Сенъ-Жермена.

Впереди короля, державшаго на рукѣ любимаго сокола, ѣхали сокольники въ зеленыхъ камзолахъ и высокихъ сапогахъ. Они сдерживали собакъ и ударяли по камышу, росшему на берегу рѣки, чтобы выгнать птицъ.

Солнце, скрывавшееся до сихъ поръ за облаками, вдругъ выплыло изъ-за нихъ. Золото и драгоцѣнные каменья придвор-

ныхъ засверкали подъ его лучами, и вся кавалькада превратилась въ какой-то огненный потокъ.

Въ эту минуту изъ камыша выпорхнула съ протяжнымъ жалобнымъ крикомъ цапля.

— Haw! Haw! — закричалъ Карлъ, снявъ съ своего сокола клобучокъ и пуская его за цаплей.

— Haw! Haw! — закричали всѣ, стараясь ободрить птицу.

Ослѣпленный яркимъ свѣтомъ соколъ, не поднимаясь вверхъ, описалъ кругъ, а затѣмъ увидалъ цаплю и погнался за ней.

Но цапля, птица, повидимому, очень не глупая, вылетѣвшая изъ камыша шаговъ за сто отъ охотниковъ, не теряла даромъ времени и, пока король снималъ съ сокола клобучокъ и самъ соколъ привыкалъ къ свѣту, успѣла подняться высоко. Такимъ образомъ, когда врагъ увидалъ ее, она была ужъ на разстоянiи футовъ пятисотъ отъ земли и, махая своими сильными крыльями, продолжала быстро подниматься вверхъ.

— Haw! Haw! „Желѣзный Клювъ"! — кричалъ Карлъ, ободряя сокола. — Докажи намъ, что ты хорошей породы! Haw! Haw!

Какъ будто повинуясь приказанiю короля, благородная птица стрѣлой понеслась за цаплей.

— А, трусиха! — воскликнулъ Карлъ. Онъ пустилъ лошадь въ галопъ и скакалъ, закинувъ голову назадъ, чтобы не потерять изъ виду птицъ. — А, трусиха, ты стараешься улетѣть отъ него? Ну, нѣтъ, „Желѣзный Клювъ" — птица рѣдкой породы. Погоди... погоди! Вотъ увидишь!.. Haw, „Желѣзный Клювъ", haw!

Зрѣлище было, дѣйствительно, очень интересное. Птицы приближались одна къ другой или, вѣрнѣе, соколъ приближался къ цаплѣ.

Вопросъ былъ въ томъ, которая изъ нихъ окажется наверху при этомъ первомъ столкновенiи.

У страха оказались крылья быстрѣе, чѣмъ у храбрости.

Соколъ въ своемъ стремительномъ полетѣ пролетѣлъ подъ цаплей, а не надъ нею, какъ бы слѣдовало. Она воспользовалась этимъ и ударила его своимъ длиннымъ клювомъ.

Этотъ ударъ былъ такъ силенъ, что ошеломленный соколъ перевернулся три раза въ воздухѣ. Въ первую минуту можно было подумать, что онъ станетъ спускаться. Но, подобно храброму воину, который, получивъ рану, начинаетъ биться еще отчаяннѣе, соколъ съ рѣзкимъ, угрожающимъ крикомъ снова устремился за цаплей.

А она и на этотъ разъ поспѣшила воспользоваться своимъ преимуществомъ. До сихъ поръ она поднималась отвѣсно вверхъ, а теперь перемѣнила направленiе и круто свернула къ лѣсу, надѣясь такимъ образомъ ускользнуть отъ врага.

Но соколъ былъ, дѣйствительно, хорошей породы и обладалъ вѣрнымъ глазомъ. Онъ не допустилъ ее до этого и, какъ стрѣла, понесся наперерѣзъ ей. Бѣдняжка жалобно вскрикнула и снова полетѣла вверхъ, какъ въ первый разъ.

Черезъ нѣсколько секундъ птицы поднялись къ самымъ облакамъ. Цапля казалась теперь не больше жаворонка, а соколъ превратился въ черную точку, которую съ каждой минутой было все труднѣе разсмотрѣть.

Карлъ и придворные не трогались съ мѣста. Они стояли, устремивъ глаза на птицъ.

— Браво! Браво, „Желѣзный Клювъ"! — воскликнулъ вдругъ Карлъ. — Смотрите, смотрите, господа, онъ наверху! Haw! Haw!

— Я не вижу ни сокола ни цапли, — сказалъ Генрихъ.

— Если ты не видишь ихъ, Генрихъ, — сказалъ король, — то можешь слышать, по крайней мѣрѣ, хоть цаплю. Слышишь? Она проситъ пощады!

Съ неба, дѣйствительно, донеслось два-три жалобныхъ крика, но услыхать ихъ могло только очень чуткое ухо.

— Смотри! — крикнулъ Карлъ. — Онѣ сейчасъ начнутъ спускаться и гораздо скорѣе, чѣмъ поднимались.

Только что успѣлъ онъ сказать это, какъ птицы начали спускаться и съ каждой секундой становились виднѣе.

Пока это были еще двѣ черныя точки, одна побольше, другая поменьше. Маленькая была наверху.

— Смотрите, смотрите! — снова закричалъ Карлъ. — „Желѣзный Клювъ" побѣдилъ.

И, на самомъ дѣлѣ, цапля даже не пыталась защищаться. Она старалась летѣть какъ можно скорѣе и на непрерывные удары сокола отвѣчала лишь жалобными криками. Вдругъ она сложила крылья и стала падать, какъ камень. Но и соколъ сдѣлалъ то же, а когда она хотѣла распустить крылья, онъ сильнымъ ударомъ ошеломилъ ее, и она, кружась, снова полетѣла внизъ. Соколъ не отставалъ отъ нея, и какъ только она коснулась земли, онъ бросился на нее, и его побѣдный крикъ заглушилъ ея жалобный стонъ.

— Къ соколу!.. Къ соколу!.. — закричалъ Карлъ, пустивъ лошадь въ галопъ.

Но вдругъ онъ сдержалъ коня, вскрикнулъ, выпустилъ поводья и схватился рукой за гриву.

Услыхавъ крикъ короля, придворные бросились къ нему. Лицо его побагровѣло, глаза дико блуждали.

— Нѣтъ... ничего! — сказалъ онъ. — Я вдругъ почувствовалъ страшную боль въ желудкѣ... какъ будто отъ раскаленнаго желѣза... Ѣдемъ... это ничего.

И Карлъ снова пустилъ лошадь въ галопъ.

Герцогъ Алансонскій поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ? — спросилъ Генрихъ у Маргариты. — Опять что-то новое.

— Не знаю, — отвѣтила она. — Замѣтили вы, какъ вдругъ покраснѣло лицо у брата?

— Да, а это большая рѣдкость, — отвѣтилъ Генрихъ.

Когда все общество подъѣхало къ тому мѣсту, гдѣ спустились птицы, соколъ уже пробилъ клювомъ черепъ цапли.

Карлъ соскочилъ съ лошади, чтобы посмотрѣть на нихъ поближе. Но, ступивъ на землю, онъ почувствовалъ такое сильное головокруженіе, что былъ принужденъ схватиться за сѣдло. И ему страшно захотѣлось спать.

— Братъ, братъ, что такое съ вами?! — воскликнула Маргарита.

— Должно-быть, то же самое, что было съ Порціей, когда она глотала пылающіе уголья. У меня горитъ все внутри и мнѣ кажется, что я дышу пламенемъ.

Сказавъ это, Карлъ дохнулъ и какъ будто удивился, что у него изо рта не вылетѣло огня.

Сокола сняли съ убитой цапли и надѣли на него клобучокъ. Всѣ столпились около Карла.

— Что же это такое? — сказалъ онъ. — Пустяки это или нѣтъ?.. Должно-быть, отъ солнца кровь прилила мнѣ къ головѣ и къ глазамъ... Будемъ продолжать охоту, господа! Вонъ цѣлая стая дикихъ утокъ... Спускайте соколовъ... спускайте всѣхъ! Мы славно позабавимся!

Тотчасъ же пустили пять или шесть соколовъ, и они понеслись за дичью, а придворные, съ королемъ во главѣ, поскакали къ рѣкѣ.

— Ну, что скажете? — спросилъ Генрихъ у Маргариты.

— Я нахожу, что теперь очень удобная минута, — отвѣтила она. — Если король не оглянется, мы легко можемъ доѣхать до лѣса.

Генрихъ подозвалъ охотника, несшаго цаплю и въ то время, какъ шумная, блестящая кавалькада неслась внизъ по склону, онъ остался одинъ, позади всѣхъ, сдѣлавъ видъ, какъ будто разсматриваетъ мертвую птицу.

XX.

Павильонъ Франциска I.

Аллея де-Віолетъ образуетъ длинный зеленый сводъ, гдѣ среди лавенды и вереска не рѣдкость увидать зайца, тревожно настораживающаго уши, или чутко прислушивающуюся лань

Направо отъ аллеи на полянкѣ полулежали на травѣ двое мужчинъ, подостлавъ подъ себя дорожные плащи. Тутъ же, у нихъ подъ рукой, лежали ихъ длинные шпаги и мушкеты съ широкимъ дуломъ. По изящному костюму этихъ молодыхъ людей можно было принять за веселыхъ героевъ Боккаччіо, а по вооруженію—за лѣсныхъ бандитовъ, которыхъ сто лѣтъ спустя рисовалъ съ натуры Сальваторъ Роза.

Это были ла-Моль и Коконна.

Ла-Моль, опираясь на колѣно и на руку, прислушивался, какъ заяцъ или лань, о которыхъ мы только что упоминали.

— Мнѣ показалось,—сказалъ онъ,—что охота приближается къ намъ. Я даже слышалъ крики сокольниковъ.

— А теперь я не слышу ничего,—замѣтилъ Коконна, отнесшійся къ сообщенію пріятеля съ самымъ философскимъ равнодушіемъ.—Должно-быть, охота удалилась... Я говорилъ тебѣ, что эта полянка не годится для наблюденій. Насъ, положимъ, не видятъ, но зато и мы сами ничего не видимъ.

— Ты несправедливъ, Аннибалъ,—сказалъ ла-Моль.—Намъ необходимо было спрятать куда-нибудь пару нашихъ лошадей да пару запасныхъ, не считая ещё двухъ муловъ, до такой степени навьюченныхъ, что я, право, не понимаю, какъ они поспѣютъ за нами. И нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не удалось бы намъ сдѣлать это такъ хорошо, какъ здѣсь, за этими старыми буками и вѣковыми дубами. Я, съ своей стороны, не только не осуждаю де-Муи, какъ ты, но еще признаю, что онъ подготовилъ и устроилъ все обдуманно и съ знаніемъ дѣла, какъ настоящій заговорщикъ.

— Такъ,—сказалъ Коконна.—Вотъ этого-то слова я и ждалъ. Значитъ, мы участвуемъ въ заговорѣ?

— Нѣтъ, мы только служимъ королю и королевѣ.

— Которые замышляютъ заговоръ, что въ сущности и выходитъ одно и то же.

— Я уже говорилъ тебѣ, Коконна,—сказалъ ла-Моль,—что нисколько не принуждаю тебя участвовать въ этомъ предпріятіи. Я взялся за него, потому что меня побуждаетъ къ этому чувство, котораго ты не раздѣляешь и не можешь раздѣлять.

— Mordi! Развѣ я говорю, что ты принуждаешь меня? Во всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы заставить Коконна сдѣлать то, чего онъ не хочетъ. Но неужели ты думаешь, я могу пустить тебя одного и не послѣдовать за тобой, въ особенности когда вижу, что ты идешь къ чорту!

— Смотри, Аннибалъ!—прошепталъ ла-Моль.—Вонъ тамъ, кажется, промелькнула ея бѣлая лошадь... Какъ странно! Отъ одной мысли, что она проѣдетъ тутъ, у меня бьется сердце!

— Это не странно, а смѣшно, — зѣвая, проговорилъ Коконна. — У меня сердце не бьется.

— Нѣтъ, это не она, — сказалъ ла-Моль. — Что же это значитъ? Вѣдь назначено было въ полдень.

— Это значитъ, что полдень еще не наступилъ и что у насъ есть время поспать.

Съ этими словами Коконна улегся поудобнѣе на своемъ плащѣ, какъ бы собираясь примѣнить свои слова къ дѣлу. Но едва коснулся онъ ухомъ земли, какъ поднялъ палецъ и сдѣлалъ ла-Молю знакъ молчать.

— Что такое? — спросилъ тотъ.

— Тише! На этотъ разъ слышу что-то я.

— Странно! Какъ я ни прислушиваюсь, а положительно ничего не слышу.

— Такъ взгляни вотъ на эту лань, — сказалъ Коконна, приподнимаясь и положивъ руку на плечо ла-Моля.

И Коконна показалъ ла-Молю на лань.

Она стояла неподвижно, немного нагнувшись, какъ бы собираясь щипать траву. Вдругъ она подняла голову, украшенную великолѣпными рогами и, чутко прислушиваясь, повернула въ ту сторону, откуда, должно-быть, доносился шумъ. А потомъ, безъ всякой видимой причины, лань понеслась, какъ стрѣла, и исчезла.

Въ ту же минуту издали донесся уже яснѣе какой-то глухой шумъ. Человѣкъ неопытный принялъ бы его за шумъ вѣтра; наши пріятели поняли, что это отдаленный топотъ скачущихъ въ галопъ лошадей.

Ла-Моль въ одно мгновеніе былъ на ногахъ.

— Вотъ они! — сказалъ онъ.

Коконна тоже всталъ, но не такъ стремительно. Пріятели какъ будто помѣнялись характерами: теперь ла-Моль былъ пылокъ, пьемонтецъ спокоенъ. Это происходило отъ того, что первый участвовалъ въ предпріятіи отъ всего сердца, а второй — помимо воли.

Скоро ровные, мѣрные звуки стали слышнѣе. Издали донеслось ржаніе, услыхавъ которое лошади ла-Моля и Коконна, стоявшія за деревьями, шагахъ въ десяти отъ нихъ, насторожили уши. А затѣмъ по аллеѣ промелькнула, какъ призракъ, женщина на бѣломъ конѣ. Она обернулась къ друзьямъ и, сдѣлавъ имъ какой-то знакъ, исчезла.

— Королева! — воскликнули они въ одинъ голосъ.

— Что это значитъ? — спросилъ Коконна.

— Она сдѣлала вотъ такъ, — сказалъ ла-Моль. — Это значитъ: „Ждите!“

— Нѣтъ, она сдѣлала вотъ такъ, — возразилъ Коконна, — что значитъ: „Уѣзжайте!“

— По-моему, она хотѣла сказать: „Подождите меня!“

— А по-моему: „Спасайтесь!“

— Такъ будемъ дѣйствовать каждый по-своему. Ты уѣзжай, а я останусь.

Коконна пожалъ плечами и снова улегся.

Въ эту минуту по той же аллеѣ, по которой проѣхала королева, но съ противоположной стороны, пронесся отрядъ всадниковъ, въ которыхъ друзья узнали протестантовъ.

— Чортъ возьми! — сказалъ, вставая, Коконна, — это становится серьезно.

Только что успѣлъ онъ сказать это, какъ между деревьями пронесся, какъ молнія, всадникъ и, перепрыгивая черезъ рвы, кусты и всѣ преграды, подъѣхалъ къ пріятелямъ.

У него было по пистолету въ каждой рукѣ и во время своей бѣшеной скачки онъ управлялъ лошадью уже не руками, а колѣнями.

— Г. де-Муи! — воскликнулъ Коконна, сдѣлавшись вдругъ еще оживленнѣе ла-Моля. — Г. де-Муи бѣжитъ! Значитъ нужно спасаться!

— Да, и скорѣе, скорѣе! — крикнулъ гугенотъ. — Бѣгите!.. Все погибло!.. Я свернулъ съ дороги, чтобы предупредить васъ. Уѣзжайте!

Такъ какъ де-Муи, говоря это, продолжалъ ѣхать впередъ, то друзья услыхали конецъ его фразы, когда онъ былъ уже довольно далеко.

— А королева? — закричалъ ему вслѣдъ ла-Моль.

Но де-Муи былъ уже на такомъ большомъ разстояніи, что не могъ услыхать его, а тѣмъ болѣе отвѣтить ему.

Коконна не долго раздумывалъ надъ тѣмъ, что нужно дѣлать. И въ то время, какъ ла-Моль стоялъ неподвижно, провожая глазами де-Муи, мелькавшаго между деревьями, вѣтки которыхъ раздвигались передъ нимъ и снова возвращались на прежнее мѣсто, когда онъ проѣзжалъ, Коконна бросился за лошадьми. Вскочивъ на одну изъ нихъ, онъ подалъ поводъ другой ла-Молю.

— Ѣдемъ! — сказалъ онъ. — Я повторяю слова де-Муи, а онъ человѣкъ умный, Ну, ѣдемъ же, ла-Моль!

— Одну минуту! — возразилъ тотъ. — Вѣдь для чего-нибудь да пришли же мы сюда?

— Но, надѣюсь, не для того, чтобы насъ повѣсили, — сказалъ Коконна. — Совѣтую тебѣ не терять времени. Я хорошо

знаю только одно: ужъ если спасается бѣгствомъ де-Муи де-Сенъ-Фаль, то позволительно бѣжать всѣмъ.

— Де-Муи де-Сенъ-Фалю не нужно увозить королеву Маргариту, — возразилъ ла-Моль. — Де-Муи де-Сенъ-Фаль не любитъ королеву Маргариту.

— Mordi! И очень хорошо дѣлаетъ. Пожалуй, отъ этой любви и онъ сталъ бы дѣлать такія же глупости, какія дѣлаешь ты. Пусть провалится ко всѣмъ чертямъ такая любовь, изъ-за которой два храбреца могутъ поплатиться головою! Садись же на лошадь, ла-Моль!

— Уѣзжай самъ; я не только не мѣшаю тебѣ, но даже прошу тебя объ этомъ. Твоя жизнь дороже моей. Спасай ее.

— Ты долженъ былъ сказать мнѣ: „Пойдемъ на висѣлицу вмѣстѣ, Коконна!“ а не говорить: „Спасайся одинъ!“

— Полно, любезный другъ, — возразилъ ла-Моль, — висѣлица существуетъ для простого народа, а не для дворянъ.

— Я начинаю думать, — со вздохомъ сказалъ Коконна, — что поступилъ очень умно, принявъ предосторожность подружиться съ палачомъ.

— Что за ужасы приходятъ тебѣ въ голову, Коконна!

— Но что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать? — нетерпѣливо спросилъ пьемонтецъ.

— Мы отыщемъ королеву... Отыщемъ короля.

— Гдѣ?

— Не знаю. Но мы найдемъ ихъ и сдѣлаемъ вдвоемъ то, чего не рѣшились сдѣлать пятьдесятъ человѣкъ.

— Ты стараешься подѣйствовать на мое самолюбіе — это плохой признакъ.

— А теперь на лошадей и ѣдемъ!

— Наконецъ-то! Слава Богу!

Ла-Моль схватился за луку сѣдла и вложилъ ногу въ стремя; но въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ вскочить на лошадь, кто-то крикнулъ повелительнымъ голосомъ:

— Стой! Сдавайтесь!..

Изъ-за дуба вышелъ солдатъ, потомъ другой, потомъ тридцать. Они принадлежали къ отряду легкой конницы, но сошли съ лошадей и, ползкомъ пробираясь за деревьями, обыскивали весь лѣсъ.

— Что я тебѣ говорилъ? — прошепталъ Коконна.

Солдаты были еще шаговъ за тридцать отъ нихъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Коконна у офицера, командовавшаго отрядомъ.

Вмѣсто отвѣта офицеръ велѣлъ солдатамъ прицѣлитьс

— Садись на лошадь, ла-Моль,—шепнулъ Коконна,—время еще есть. Садись и ускачемъ!

— Не вздумайте стрѣлять, господа, — продолжалъ онъ уже громко, обращаясь къ солдатамъ. — Вы можете убить не враговъ, а друзей.

— Тутъ деревья, — снова шепнулъ онъ, обращаясь къ ла-Молю, — имъ будетъ трудно стрѣлять и они не попадутъ въ насъ.

— Нѣтъ, это невозможно,— отвѣтилъ ла-Моль.—Вѣдь намъ нельзя захватить съ собой лошадь Маргариты и двухъ муловъ. Эта лошадь и мулы могутъ послужить уликами противъ нея, тогда какъ я своими отвѣтами отклоню всѣ подозрѣнія. Уѣзжай одинъ... Уѣзжай скорѣе!

— Мы сдаемся, господа! — сказалъ Коконна, вынувъ шпагу и протягивая ее.

Солдаты опустили мушкеты.

— Но почему же мы должны сдаться? — спросилъ Коконна.

— Спросите это у короля Наваррскаго.

— Какое преступленіе мы совершили?

— Вы узнаете это отъ герцога Алансонскаго.

Коконна и ла-Моль переглянулись; имя ихъ врага, произнесенное при настоящихъ обстоятельствахъ, не могло, конечно, подѣйствовать на нихъ ободряющимъ образомъ.

Но ни тотъ ни другой не оказали сопротивленія. Коконна предложили сойти съ лошади, что онъ исполнилъ безъ возраженій, а потомъ друзей окружили и повели къ павильону.

Около павильона, построеннаго при Людовикѣ XII, но прозваннаго павильономъ Франциска I, потому что этотъ король обыкновенно назначалъ его сборнымъ мѣстомъ во время охоты, было что-то въ родѣ хижины или шалаша для псарей и загонщиковъ. Теперь хижина была едва видна изъ-за торчащихъ кругомъ нея алебардъ, шпагъ и ружей и походила на кучку взрытой кротомъ въ хлѣбномъ полѣ земли, окруженную со всѣхъ сторонъ колосьями.

Сюда-то и привели плѣнниковъ.

Оставимъ ихъ пока тамъ и объяснимъ читателю, почему они попали въ такое непріятное положеніе.

Гугеноты собрались, какъ было условлено, въ павильонѣ Франциска I, ключъ отъ котораго былъ у де-Муи.

Сдѣлавшись или, вѣрнѣе, воображая, что сдѣлались хозяевами лѣса, они разставили въ нѣсколькихъ мѣстахъ часовыхъ. Но, благодаря находчивости капитана Нансэ, распорядившагося, чтобы солдаты, принадлежащіе къ отряду легкой кон-

ницы, замѣнили свои бѣлые шарфы красными, этихъ часовыхъ захватили безъ выстрѣла: нападеніе было такъ неожиданно, что они даже не пытались защищаться.

Захвативъ часовыхъ, солдаты продолжали облаву, постепенно суживая кругъ. Де-Муи, который, какъ мы знаемъ, ждалъ короля въ аллеѣ де-Віолетъ, увидалъ мелькомъ ихъ красные шарфы и, замѣтивъ, что они крадутся, скрываясь за деревьями, почувствовалъ подозрѣніе. Отъѣхавъ въ сторону, чтобы не попасться солдатамъ на глаза, онъ сталъ слѣдить за ними и понялъ, что они хотятъ окружить павильонъ.

А черезъ минуту на концѣ главной аллеи показались бѣлые султаны и блеснули пищали королевскаго конвоя.

Въ заключеніе де-Муи узналъ и самого короля, а на противоположномъ концѣ увидалъ Генриха Наваррскаго.

Тогда онъ сдѣлалъ своей шляпой въ воздухѣ знакъ креста; это былъ условленный сигналъ, означающій, что все пропало.

Де-Муи, вонзивъ шпоры въ бока своей лошади, понесся во весь опоръ и на минуту свернулъ съ дороги, чтобы предупредить объ опасности ла-Моля и Коконна.

Между тѣмъ король, замѣтившій отсутствіе Генриха и Маргариты, ѣхалъ въ сопровожденіи Алансонскаго къ хижинѣ, чтобы посмотрѣть, какъ они выйдутъ оттуда. Онъ велѣлъ запереть тамъ всѣхъ, кого найдутъ не только въ павильонѣ, но и въ лѣсу.

Герцогъ Алансонскій, вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ, скакалъ рядомъ съ королемъ. Карлъ былъ не въ духѣ и раздраженіе его еще усиливалось отъ страшной боли, которую онъ чувствовалъ по временамъ. Раза два или три съ нимъ даже чуть не сдѣлалось дурно, а разъ у него была рвота съ кровью.

— Ну, скорѣе! — сказалъ онъ, подъѣхавъ къ павильону. — Я спѣшу вернуться въ Лувръ. Выгоните всѣхъ этихъ гугенотовъ изъ ихъ норы. Сегодня же кстати день св. Блэза, двоюроднаго брата св. Варѳоломея.

При этихъ словахъ короля алебарды, шпаги и пищали, окружавшія хижину, зашевелились и черезъ минуту гугеноты, захваченные въ павильонѣ и въ лѣсу, стали выходить одинъ за другимъ. Но короля Наваррскаго, Маргариты и де-Муи не было среди нихъ.

— Гдѣ же Генрихъ и Марго? — спросилъ Карлъ. — Ты обѣщалъ, что они будутъ здѣсь, Франсуа, и ихъ нужно отыскать, чортъ возьми!

— Мы не видали ни короля ни королеву Наваррскихъ, ваше величество, — сказалъ капитанъ Нансэ.

— Вотъ они! — воскликнула герцогиня Неверская.

Дѣйствительно, въ эту минуту въ концѣ аллеи, выходившей къ рѣкѣ, показались Генрихъ и Маргарита со своими соколами. Они ѣхали совершенно спокойно, точно ничего особеннаго не случилось, и, какъ настоящіе влюбленные, держались такъ близко другъ отъ друга, что ихъ лошади касались головами.

XXI.

Допросъ.

Когда въ концѣ аллеи показались молодые супруги, Алансонскій поблѣднѣлъ, а Карлъ облегченно вздохнулъ: въ глубинѣ души онъ желалъ, чтобы подозрѣнія герцога обратились противъ него же самого.

— Онъ опять ускользнулъ, — пробормоталъ Франсуа, поблѣднѣвъ.

Въ эту минуту король снова почувствовалъ такую страшную боль въ желудкѣ, что выпустилъ поводья, схватился обѣими руками за бока и началъ кричать, какъ безумный.

Генрихъ, бывшій шагахъ въ двухстахъ отъ него, поскакалъ къ нему; но когда онъ подъѣхалъ, король уже оправился.

— Откуда вы явились? — спросилъ Карлъ такимъ рѣзкимъ тономъ, что Маргарита встревожилась.

— Мы... мы охотились, братъ, — отвѣтила она.

— Охота была на берегу рѣки, а не въ лѣсу.

— Мой соколъ полетѣлъ за фазаномъ, государь, — сказалъ Генрихъ, — когда мы немного отстали, чтобы взглянуть на убитую цаплю.

— А гдѣ же фазанъ?

— Вотъ онъ, государь. Посмотрите, какой красивый!

И Генрихъ съ самымъ невиннымъ видомъ показалъ королю птицу, перья которой отливали пурпуромъ, золотомъ и лазурью.

— Но почему же не присоединились вы ко мнѣ, затравивъ фазана? — спросилъ Карлъ.

— Потому что мы въ это время были въ лѣсу, государь. Фазанъ улетѣлъ сюда и мы послѣдовали за нимъ. А когда мы вернулись къ рѣкѣ, то увидали, что вы уже далеко и направляетесь въ лѣсъ.

— А всѣ эти господа? — спросилъ Карлъ. — Они, должно-быть, тоже хотѣли присоединиться къ охотѣ?

— Какіе господа? — сказалъ Генрихъ, вопросительно оглядываясь кругомъ.

— Какіе? Да ваши гугеноты, чортъ возьми! — воскликнулъ Карлъ. — Если кто-нибудь приглашалъ ихъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не я.

— Конечно, не вы, государь, — сказалъ Генрихъ. — Но, можетъ-быть, они явились, желая видѣть герцога Алансонскаго.

— Герцога Алансонскаго? Почему же это? — спросилъ король.

— Меня? — воскликнулъ герцогъ.

— Что же тутъ удивительнаго? — сказалъ Генрихъ. — Вѣдь вы говорили вчера, что сдѣлались королемъ Наваррскимъ. Ну, вотъ гугеноты, которые хотѣли имѣть васъ королемъ, и явились поблагодарить васъ за то, что вы приняли корону, а короля за то, что онъ позволилъ вамъ это. Не такъ ли, господа?

— Да, да! — закричало сразу голосовъ двадцать. — Да здравствуетъ герцогъ Алансонскій! Да здравствуетъ король Карлъ!

— Я не король гугенотовъ, — сказалъ Франсуа, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, и прибавилъ, искоса взглянувъ на Карла: — Надѣюсь, что никогда и не буду имъ.

— А знаете, Генрихъ, — сказалъ король, — что все это кажется мнѣ довольно страннымъ.

— Государь, — твердо проговорилъ король Наваррскій, — можно, право же, подумать, что съ меня снимаютъ допросъ!

— А если бы это, дѣйствительно, былъ допросъ, что отвѣтили бы вы мнѣ?

— Что я такой же король, какъ и вы, государь, — гордо сказалъ Генрихъ. — Не корона даетъ королевскій санъ, а рожденіе. Я могъ бы отвѣтить вамъ, какъ брату и другу, но отказываюсь отвѣчать, какъ судьѣ.

— Хотѣлъ бы я знать, — пробормоталъ Карлъ, — чему же, наконецъ, мнѣ вѣрить!

— Когда приведутъ г. де-Муи, вы узнаете это, ваше величество, — сказалъ герцогъ Алансонскій.

— Г. де-Муи здѣсь? — спросилъ король.

Въ первую минуту Генрихъ встревожился и обмѣнялся взглядомъ съ Маргаритой; но тревога его продолжалась недолго.

На вопросъ короля не отвѣтилъ никто.

— Г. де-Муи здѣсь нѣтъ, ваше величество, — сказалъ послѣ небольшой паузы капитанъ Нансэ. — Нѣкоторымъ изъ моихъ людей показалось, какъ будто они видѣли его, но утверждать это положительно не можетъ ни одинъ.

Герцогъ Алансонскій пробормоталъ проклятіе.

— Государь, — сказала Маргарита, показывая на ла-Моля и Коконна, которые слышали весь разговоръ и на находчивость которыхъ она считала возможнымъ положиться. — Государь, вотъ двое придворныхъ герцога Алансонскаго. Спросите ихъ.

— Я велѣлъ арестовать ихъ, — сказалъ герцогъ, — именно съ цѣлью доказать, что они не состоятъ у меня на службѣ.

Карлъ взглянулъ на двухъ пріятелей и вздрогнулъ, снова увидавъ ла-Моля.

— Опять этотъ провансалецъ! — пробормоталъ онъ.

Коконна почтительно поклонился.

— Что дѣлали вы, когда васъ арестовали? — спросилъ Карлъ.

— Мы говорили о войнѣ и о любви, государь.

— Сидя на лошадяхъ? Вооруженные съ головы до ногъ? Готовые къ бѣгству?

— Нѣтъ, государь,— возразилъ Коконна. — Вашему величеству невѣрно передали. Мы лежали подъ тѣнью бука.

— А, вы лежали подъ тѣнью бука?

— Да, государь, и если бы мы знали за собой какую-нибудь вину и думали, что можемъ навлечь на себя гнѣвъ вашего величества, то, конечно, не дали бы задержать себя... Послушайте, господа,—прибавилъ Коконна, обращаясь къ солдатамъ, — скажите, какъ честные воины: могли мы спастись бѣгствомъ, если бы захотѣли?

— Да, это такъ, —отвѣтилъ начальникъ отряда.—И долженъ прибавить, что при нашемъ появленіи эти господа не тронулись съ мѣста.

— Потому, должно-быть, что ихъ лошади были далеко, — замѣтилъ герцогъ Алансонскій.

— Прошу извинить меня, ваше высочество, — сказалъ Коконна. — Я сидѣлъ на лошади, а ла-Моль держалъ за поводъ свою.

— Правда это? — спросилъ король.

— Правда, ваше величество, — отвѣтилъ офицеръ. — Г. де-Коконна, увидавъ насъ, даже соскочилъ съ лошади.

Коконна улыбнулся и сдѣлалъ такую мину, какъ будто говорилъ: „Вотъ видите, государь!“

— А запасныя лошади, а мулы, а вьюки на нихъ? — спросилъ герцогъ.

— Развѣ мы конюхи? — сказалъ Коконна. — Прикажите позвать кучера, который смотрѣлъ за ними.

— Его нѣтъ, — задыхаясь отъ ярости, отвѣтилъ герцогъ.

— Значитъ, онъ испугался и убѣжалъ, — замѣтилъ Коконна.—Нельзя требовать отъ слуги смѣлости дворянина.

— Все то же и то же, — сказалъ герцогъ Алансонскій, скрипнувъ зубами. — Къ счастью, государь, я предупредилъ васъ, что эти господа уже нѣсколько времени не состоятъ у меня на службѣ.

— Неужели я такъ несчастливъ, — воскликнулъ Коконна, — что уже не считаюсь на службѣ у вашего высочества?

— Чортъ возьми! Вамъ это извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо другому, милостивый государь, такъ какъ вы сами же увѣдомили меня объ этомъ довольно дерзкимъ письмомъ, которое я, къ счастью, сохранилъ; оно даже здѣсь со мною.

— А я надѣялся, что ваше высочество простили меня за это письмо, написанное въ минуту раздраженія. Я тогда только что узналъ, что ваше высочество поджидали въ коридорѣ Лувра моего друга ла-Моля и хотѣли задушить его...

— Довольно!—прервалъ его Карлъ.—Теперь мы уже знаемъ все... Генрихъ,—обратился онъ къ королю Наваррскому,—даете вы слово, что не будете дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству?

— Даю, ваше величество.

— Возвращайтесь въ Парижъ съ капитаномъ Нансэ и оставайтесь подъ арестомъ у себя въ комнатѣ. А вы, господа, — сказалъ король, обращаясь къ ла-Молю и Коконна, — отдайте ваши шпаги.

Ла-Моль взглянулъ на Маргариту. Она улыбнулась.

Ла-Моль тотчасъ же вынулъ шпагу и подалъ ее капитану.

То же сдѣлалъ и Коконна.

— А г. де-Муи такъ и не нашли? — спросилъ король.

— Не нашли, ваше величество,—отвѣтилъ Нансэ.

— Тѣмъ хуже, — сказалъ король.— Ну, ѣдемъ въ Парижъ. Мнѣ холодно и у меня кружится голова.

— Это, должно-быть, оттого, что васъ разгнѣвали, государь, — замѣтилъ Франсуа.

— Можетъ-быть... Что это?.. У меня темнѣетъ въ глазахъ!.. Гдѣ же арестованные? Я не вижу ихъ... Неужели ужъ наступилъ вечеръ?.. О, Боже!.. Я горю!.. Помогите! Помогите!..

И несчастный король, выпустивъ поводья и протянувъ руки, упалъ бы навзничь, если бы его не поддержали перепуганные этимъ новымъ припадкомъ придворные.

Франсуа вытеръ выступившій на лбу потъ; онъ одинъ зналъ причину этихъ мучительныхъ припадковъ.

Король Наваррскій, находившійся уже подъ охраною капитана Нансэ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту сцену.

„А вѣдь, пожалуй, вышло очень счастливо, что моя попытка къ бѣгству не удалась?“ подумалъ онъ.

Онъ взглянулъ на Марго. Она съ изумленіемъ переводила глаза съ него на короля и съ короля снова на него.

На этотъ разъ Карлъ потерялъ сознаніе. Его положили на носилки и покрыли плащомъ, который снялъ съ себя одинъ изъ придворныхъ. А потомъ поѣздъ тихо двинулся въ Парижъ.

Какъ все измѣнилось въ нѣсколько часовъ! Утромъ выѣхали изъ Парижа увѣренные въ успѣхѣ заговорщики и веселый король, а возвращался назадъ умирающій король, окруженный арестованными мятежниками.

Маргарита, не ослабѣвшая, несмотря ни на что, кивнула мужу и проѣхала такъ близко отъ ла-Моля, что онъ услыхалъ два греческихъ слова, которыя она шепнула ему.

— Что она тебѣ сказала?—спросилъ Коконна.

— Чтобы я ничего не боялся.

— Тѣмъ хуже,—пробормоталъ пьемонтецъ.—Это значитъ, что намъ предстоитъ что-нибудь очень дурное. Каждый разъ, какъ мнѣ говорили эти слова въ видѣ ободренія, въ меня сію же минуту попадала пуля или мнѣ наносили рану шпагой...

Во время пути король пришелъ въ себя и нѣсколько оживился. Въ Нантеррѣ онъ даже хотѣлъ снова сѣсть на лошадь, но его отговорили.

— Позвать ко мнѣ метра Амбруаза Парэ,—сказалъ Карлъ, пріѣхавъ въ Лувръ.

Онъ сошелъ съ носилокъ, поднялся по лѣстницѣ, опираясь на руку Таванна, и, войдя въ спальню, никого не велѣлъ пускать къ себѣ.

Всѣ замѣтили, что король какъ-то особенно серьезенъ. Во время дороги онъ казался задумчивымъ, не говорилъ ни съ кѣмъ и, повидимому, совсѣмъ забылъ о заговорѣ и о заговорщикахъ. Его, очевидно, озабочивала только болѣзнь.

Эта болѣзнь, такая внезапная, такая странная, напоминала ту, отъ которой умеръ его братъ, Францискъ II. Тѣ же самые признаки были и у него за нѣсколько времени передъ смертью.

Онъ вошелъ къ себѣ въ спальню, прилегъ на кушетку, прислонился головой къ подушкамъ и, подумавъ, что Амбруазъ Парэ можетъ опоздать, если его не застанутъ дома, рѣшилъ употребить съ пользою свободное время.

Онъ хлопнулъ въ ладоши и сказалъ вошедшему офицеру:

— Попросите ко мнѣ короля Наваррскаго.

Карлъ запрокинулъ голову. Онъ чувствовалъ въ ней страшную тяжесть, ему было трудно связать мысли, и какое-то кровавое облако застилало ему глаза. Сильная жажда мучила его, несмотря на то, что онъ уже выпилъ цѣлый графинъ воды.

Въ то время, какъ онъ лежалъ въ полузабытьѣ, дверь отворилась и вошелъ Генрихъ. Капитанъ Нансэ привелъ его, но самъ вернулся въ переднюю.

Король Наваррскій подождалъ, чтобы дверь затворилась за нимъ. Тогда онъ подошелъ къ королю.

— Вамъ угодно было видѣть меня, ваше величество? — сказалъ онъ. —Я здѣсь.

Король вздрогнулъ, услыхавъ его голосъ, и невольнымъ движеніемъ протянулъ ему руку.

— Ваше величество забываете,—сказалъ Генрихъ, опуская руки, — что я теперь не братъ вашъ, а арестантъ.

— Да, правда, — отвѣтилъ Карлъ. — Благодарю, что напомнили. Вы, кажется, обѣщали разсказать мнѣ все откровенно, когда мы будемъ наединѣ.

— И я готовъ исполнить мое обѣщаніе. Спрашивайте, государь.

Король налилъ на ладонь холодной воды и приложилъ руку ко лбу.

— Правъ былъ герцогъ Алансонскій, обвиняя васъ? Отвѣчайте, Генрихъ.

— Только наполовину. Бѣжать собирался самъ герцогъ Алансонскій, а я долженъ былъ сопровождать его.

— Почему же хотѣли вы уѣхать? — спросилъ Карлъ. — Вы были недовольны мною, Генрихъ?

— Нѣтъ, государь, къ вамъ я не могъ относиться иначе, какъ съ самой глубокой благодарностью. Господь, читающій въ сердцахъ нашихъ, знаетъ, какъ нѣжно люблю я моего брата и короля.

— Не въ характерѣ человѣка, — сказалъ король, — бѣжать отъ людей, которые любятъ его и которыхъ любитъ онъ самъ.

— Я и хотѣлъ бѣжать не отъ тѣхъ, кто любитъ меня, — возразилъ Ганрихъ,—а отъ тѣхъ, кто ненавидитъ. Ваше величество позволяете мнѣ говорить совершенно откровенно?

— Говорите.

— Меня ненавидятъ герцогъ Алансонскій и королева-мать, государь.

— Относительно герцога Алансонскаго не спорю, — сказалъ король, — но королева-мать необыкновенно внимательна къ вамъ.

— Вотъ потому-то я и остерегаюсь ее, ваше величество.

— Ея?

— Да, королевы-матери и тѣхъ, кто окружаютъ ее. Вы знаете, государь, что несчастье королей не въ томъ, что имъ дурно служатъ, а въ томъ, что ужъ слишкомъ хорошо.

— Объяснитесь. Вы обѣщали быть вполнѣ откровенны со мной.

— И ваше величество видите, что я исполняю мое обѣщаніе. Вы говорите, государь, что любите меня?

— То-есть, я любилъ васъ до вашей измѣны, Генрихъ.

— Предположите, что вы все еще любите меня, государь.

— Хорошо.

— Если вы любите меня, то, конечно, не желаете мнѣ смерти — вѣдь такъ?

— Я былъ бы въ отчаяніи, если бъ съ тобой случилось какое-нибудь несчастіе, Генрихъ.

— А оно два раза чуть не случилось.

— Какъ такъ?

— Да, два раза Провидѣніе спасло мнѣ жизнь. Положимъ, во второй разъ вы, государь, были моимъ Провидѣніемъ.

— А въ первый разъ?

— Человѣкъ, который былъ бы очень удивленъ, если бы ему сказали, что онъ игралъ роль Провидѣнія. Это парфюмеръ Ренэ. Безъ помощи вашего величества меня бы зарѣзали...

Карлъ нахмурилъ брови. Онъ вспомнилъ ночь, когда увелъ Генриха въ домъ на улицѣ де-Барръ.

— А безъ помощи Ренэ? — спросилъ онъ.

— Я былъ бы отравленъ, государь.

— Чортъ возьми! Однако ты счастливъ, Генрихъ!—сказалъ король, стараясь улыбнуться, но отъ сильной боли, которую онъ вдругъ почувствовалъ, улыбка превратилась въ гримасу.— Спасать жизнь — не дѣло Ренэ.

— Итакъ, меня спасли два чуда, государь: чудо раскаянія со стороны флорентинца и чудо доброты съ вашей стороны. Долженъ сознаться, ваше величество, что я сталъ бояться, какъ бы Небу не надоѣло дѣлать чудеса, и, слѣдуя пословицѣ „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“, рѣшилъ бѣжать.

— Почему не разсказалъ ты мнѣ всего этого раньше, Генрихъ?

— Если бы я сказалъ вамъ это вчера, то былъ бы доносчикомъ.

— А сегодня?

— Сегодня — дѣло другое. Меня обвиняютъ, и я защищаюсь.

— Увѣренъ ты въ первомъ покушеніи на твою жизнь, Генрихъ?

— Увѣренъ такъ же, какъ и во второмъ.

— И тебя хотѣли отравить? Чѣмъ?

— Губной помадой.

— Какъ же отравляютъ губной помадой?

— Спросите у Ренэ, государь. Вѣдь отравляютъ же перчатками.

Карлъ нахмурилъ брови, но мало-по-малу лицо его снова прояснилось.

— Да, да,—сказалъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собой.— Все живое старается избѣжать смерти. И разумъ, конечно, можетъ сдѣлать то, что дѣлаетъ инстинктъ.

— Ну, что же, ваше величество?—спросилъ Генрихъ.—Довольны вы моей откровенностью и вѣрите вы, что я сказалъ вамъ все?

— Да, Генрихъ, да, ты славный малый. И ты полагаешь, что люди, покушавшіеся на твою жизнь, не ограничатся этими двумя попытками, что нужно ждать еще новыхъ покушеній?

— Каждый вечеръ, ваше величество, я удивляюсь, что я еще живъ.

— А знаешь, почему тебя хотятъ убить, Генрихъ? Потому что знаютъ, какъ я люблю тебя. Но не безпокойся: они будутъ наказаны. А пока ты свободенъ.

— И вы позволите мнѣ уѣхать изъ Парижа, государь?—спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты знаешь, что я не могу обойтись безъ тебя. Чортъ побери! Нужно же мнѣ имѣть около себя хоть одного человѣка, который любитъ меня.

— Если ваше величество желаете оставить меня здѣсь, то я попрошу у васъ одной милости.

— Какой?

— Удержите меня не какъ друга, а какъ арестанта.

— Какъ арестанта?

— Да. Развѣ вы не видите, государь, что меня губитъ ваша дружба!

— Тебѣ хочется, чтобы я ненавидѣлъ тебя?

— Не на самомъ дѣлѣ, конечно, а для отвода глазъ. Ваша ненависть, государь, спасетъ меня. Пока я буду считаться въ немилости, не будутъ спѣшить убить меня.

— Я не знаю, чего ты желаешь, Генрихъ,—сказалъ Карлъ,—не знаю твоей цѣли. Но я буду очень удивленъ, если твои желанія не исполнятся и ты не достигнешь своей цѣли.

— Итакъ, я могу разсчитывать на вашу строгость, государь?

— Можешь.

— Ну, значитъ, все хорошо... А теперь что прикажете, ваше величество?

— Теперь ступай къ себѣ, Генрихъ. Мнѣ нездоровится; я взгляну на собакъ и лягу въ постель.

— Вашему величеству слѣдовало бы позвать врача,—сказалъ Генрихъ.—Ваше болѣзнь, можетъ-быть, серьезнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Я послалъ за Амбруазомъ Парэ.

— Вотъ это хорошо. Теперь я буду спокойнѣе за васъ.

— Клянусь Богомъ, Генрихъ,—сказалъ король,—ты, кажется, одинъ изъ всей моей семьи любишь меня!

— Вы такъ думаете, государь?

— Честное слово!

— Такъ отрекомендуйте меня капитану Нансэ, какъ ужаснаго преступника, которому не прожить и мѣсяца. Это дастъ мнѣ возможность любить васъ дольше.

— Г. Нансэ! — крикнулъ Карлъ.

Вошелъ капитанъ.

— Поручаю вамъ величайшаго преступника въ государствѣ, — сказалъ король. — Вы отвѣчаете за него головой.

Генрихъ, съ разстроеннымъ лицомъ, послѣдовалъ за капитаномъ Нансэ.

XXII.

Актсонъ.

Оставшись одинъ, Карлъ удивился, что къ нему до сихъ поръ не пришелъ ни одинъ изъ двухъ самыхъ вѣрныхъ друзей его. Эти два друга были кормилица Мадлена и борзая собака Актсонъ.

„Кормилица, навѣрное, ушла пѣть псалмы къ какому-нибудь знакомому гугеноту, — подумалъ король, — а Актсонъ, должно-быть, еще дуется на меня за то, что я ударилъ его хлыстомъ сегодня утромъ“.

Карлъ взялъ свѣчу и пошелъ къ кормилицѣ. Онъ не ошибся: ея не было дома. Изъ комнаты Мадлены король направился въ оружейный кабинетъ.

Но въ эту минуту съ нимъ сдѣлался такой же припадокъ, какъ и раньше. Онъ почувствовалъ невыносимую боль въ желудкѣ, какъ будто тамъ поворачивали раскаленнымъ желѣзомъ. Неутолимая жажда мучила его. На столѣ стояла чашка молока; король выпилъ ее однимъ глоткомъ и немножко оправился.

Снова взявъ свѣчу, которую поставилъ было на столъ, онъ вошелъ въ кабинетъ.

Къ величайшему его изумленію, Актсонъ не подбѣжалъ къ нему. Заперли его, что ли? Но въ такомъ случаѣ онъ навѣрное бы вылъ, почуявъ, что его господинъ вернулся съ охоты.

Карлъ свистнулъ, позвалъ — никто не пришелъ на его зовъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Свѣтъ упалъ въ уголъ кабинета; въ этомъ углу неподвижно лежала собака.

— Актсонъ! — крикнулъ Карлъ. — Сюда!

Собака не двинулась.

Карлъ бросился къ ней и дотронулся до нея; тѣло ея ужъ охолодѣло и вытянулось. Изъ ея пасти упало на полъ нѣсколько капель желчи и слюны, смѣшанной съ кровью. Актсонъ

нашелъ въ кабинетѣ беретъ короля и издохъ, положивъ голову на вещь, напоминавшую ему о любимомъ господинѣ.

При этомъ зрѣлищѣ Карлъ забылъ свои страданія, и вся его энергія вернулась къ нему. Кровь закипѣла у него въ жилахъ, и онъ хотѣлъ крикнуть, позвать кого-нибудь. Но королей порабощаетъ ихъ собственное величіе. Они привыкли сдерживать первый порывъ, первое движеніе, которому невольно поддаются простые смертные подъ вліяніемъ страсти или самоохраненія. Карлъ разсудилъ, что тутъ кроется измѣна, и промолчалъ.

Онъ опустился на колѣни передъ собакой и пытливымъ взглядомъ окинулъ трупъ: глаза были стекловидны, языкъ красенъ и покрытъ пузырями. Актсонъ издохъ отъ какой-то странной болѣзни, и дрожь пробѣжала по тѣлу короля, когда онъ понялъ это.

Онъ снова надѣлъ перчатки, которыя передъ этимъ снялъ и заткнулъ за поясъ, и, приподнявъ посинѣвшую губу собаки, сталъ осматривать зубы. Въ промежуткахъ между ними и на острыхъ клыкахъ виднѣлись какіе-то бѣловатые обрывки.

Король взялъ одинъ изъ нихъ — оказалось, что это бумага.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали бумажки, десны собаки сильно распухли и были разъѣдены какъ будто купоросомъ.

Карлъ внимательно оглядѣлся кругомъ. На коврѣ валялись два-три кусочка бумаги, похожей на ту, которая была во рту собаки. На одномъ изъ нихъ, побольше другихъ, выдѣлялись слѣды рисунка.

Волосы поднялись дыбомъ на головѣ Карла: это былъ обрывокъ картинки, которую Актсонъ вырвалъ изъ книги о соколиной охотѣ.

— А, книга была отравлена!—проговорилъ онъ, поблѣднѣвъ.

Потомъ, вспомнивъ, какъ читалъ ее, онъ воскликнулъ:

— Тысяча чертей! Вѣдь, перевертывая страницы, я каждый разъ подносилъ палецъ ко рту и мочилъ его. Эти боли, эта дурнота, рвота... Я погибъ!

Съ минуту Карлъ оставался неподвижнымъ подъ гнетомъ этой ужасной мысли. Потомъ, приподнявшись съ глухимъ стономъ, онъ бросился къ двери своего кабинета.

— Позвать метра Ренэ!—крикнулъ онъ.—Метра Ренэ-флорентинца! Сію минуту послать на мостъ Сенъ-Мишель! Черезъ десять минутъ Ренэ долженъ быть здѣсь. Отправить за нимъ верхового съ запасной лошадью. Если придетъ метръ Амбруазъ Парэ, пусть подождетъ.

Дежурный бросился со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

— Я узнаю, кто далъ эту книгу Генриху, — пробормоталъ Карлъ.—Узнаю, хоть бы мнѣ пришлось подвергнуть пыткѣ всѣхъ!

Потъ выступилъ у него на лбу. Онъ сжалъ руки и, съ трудомъ переведя дыханіе, устремилъ глаза на трупъ собаки.

Черезъ десять минутъ Ренэ робко и не безъ тревоги постучался въ дверь короля. У нѣкоторыхъ людей совѣсть никогда не бываетъ чиста.

— Войдите! — сказалъ Карлъ.

Парфюмеръ вошелъ. Карлъ приблизился къ нему и устремилъ на него повелительный взглядъ.

— Вѣдь вы хорошій химикъ, не такъ ли? — спросилъ король.

— Государь...

— И вы знаете все, что знаютъ самые лучшіе врачи?

— Ваше величество преувеличиваете мои познанія.

— Нѣтъ, я слышалъ это отъ матушки. Къ тому же я довѣряю вамъ и мнѣ пріятнѣе посовѣтоваться съ вами, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Посмотрите, пожалуйста, — прибавилъ король, показывая на трупъ собаки, — что такое у нея въ зубахъ и опредѣлите, отчего она издохла.

Исполняя приказаніе короля, Ренэ взялъ свѣчу и нагнулся къ собакѣ. Карлъ стоялъ, устремивъ на него глаза и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ слова, которое должно было быть или его смертнымъ приговоромъ, или залогомъ спасенія.

Ренэ вынулъ изъ кармана скальпель, открылъ его и снялъ кончикомъ кусочекъ бумажки, приставшей къ деснамъ собаки; потомъ онъ долго и внимательно смотрѣлъ на кровь и гной, выступавшіе изъ каждой язвы.

— Это очень неутѣшительные симптомы, ваше величество, — сказалъ онъ.

Ледяная дрожь пробѣжала по тѣлу Карла и проникла до самаго сердца.

— Собака была отравлена—вѣдь такъ?—спросилъ онъ.

— Боюсь, что такъ, ваше величество.

— А какимъ ядомъ?

— Думаю, что минеральнымъ.

— Можете вы узнать навѣрное, была ли она отравлена?

— Да, конечно, если вскрою желудокъ.

— Такъ вскройте его. Я хочу разъяснить это дѣло.

— Нужно позвать кого-нибудь, чтобы помочь мнѣ.

— Я самъ помогу вамъ, — сказалъ Карлъ. — Какіе признаки найдемъ мы, если собака, дѣйствительно, отравлена?

— Красноту и переполненныя кровью вены.

— Посмотримъ, — сказалъ Карлъ. — Начинайте.

Ренэ однимъ ударомъ скальпеля вскрылъ желудокъ собаки и обѣими руками раздвинулъ его. Карлъ, опустившись около

него на колѣни, держалъ свѣчу въ судорожно сжатой, дрожащей рукѣ и свѣтилъ ему.

— Посмотрите, ваше величество! — сказалъ Ренэ. — Оказалось именно то, чего я ожидалъ.

— А что испытывалъ бы человѣкъ, если бы нечаянно отравился тѣмъ же ядомъ?

— Сильную головную боль, страшное жженіе въ желудкѣ, какъ будто отъ раскаленныхъ угольевъ, и рвоту.

— А была бы у него жажда? — спросилъ Карлъ.

— Неутолимая.

— Такъ... точь въ точь! — пробормоталъ король.

— Я не могу понять цѣли этихъ вопросовъ, ваше величество.

— Все равно, отвѣчайте на мои вопросы, вотъ и все.

— Спрашивайте, ваше величество.

— Какое противоядіе слѣдовало бы принять человѣку, отравившемуся тѣмъ же ядомъ, какъ и моя собака?

Ренэ на минуту задумался.

— Минеральныхъ ядовъ много, — сказалъ онъ. — Ваше величество имѣете какое-нибудь понятіе о томъ, какъ отравилась собака?

— Да. Она вырвала листокъ изъ книги и изгрызла его.

— И эта книга у вашего величества?

— Вотъ она, — сказалъ Карлъ, взявъ съ полки руководство въ соколиной охотѣ и подавая его Ренэ.

Въ глазахъ парфюмера промелькнуло изумленіе, не ускользнувшее отъ Карла. Онъ показалъ, гдѣ былъ оторванъ листъ.

— А могу я оторвать еще одинъ листокъ, ваше величество? — спросилъ Ренэ.

— Пожалуйста.

Ренэ оторвалъ листокъ и поднесъ его къ свѣчѣ. Онъ вспыхнулъ и въ то же мгновеніе по комнатѣ распространился сильный чесночный запахъ.

— Собака отравилась мышьякомъ, — сказалъ Ренэ.

— А какое противоядіе отъ него?

Ренэ покачалъ головой.

— Какъ? — хриплымъ голосомъ проговорилъ Карлъ. — Вы не знаете никакого противоядія?

— Самымъ лучшимъ и дѣйствительнымъ считаются яичные бѣлки, сбитые съ молокомъ, но...

— Но что?

— Но ихъ нужно принять немедленно, а иначе...

— А иначе?

— Ваше величество, это одинъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ.

— А между тѣмъ онъ убиваетъ не сразу? — сказалъ Карлъ.

— Не сразу, но зато вѣрно, сколько бы времени ни прошло до смерти. Иногда этимъ даже пользуются и разсчитываютъ на это.

Карлъ оперся на мраморный столъ.

— Вамъ знакома эта книга? — спросилъ онъ, положивъ руку на плечо Ренэ.

— Но, ваше величество...—пробормоталъ Ренэ, поблѣднѣвъ.

— Когда я показалъ ее вамъ, вы выдали себя.

— Клянусь, ваше величество...

— Выслушайте меня, Ренэ, — сказалъ король. — Вы отравили королеву Наваррскую перчатками; вы отравили принца Порсіана парами масляной лампы; вы пытались отравить Кондэ яблокомъ. Я велю рвать вамъ тѣло раскаленными клещами, если вы не скажете мнѣ, чья эта книга.

Флорентинецъ понялъ, что нельзя шутить съ гнѣвомъ Карла, и рѣшилъ взять смѣлостью.

— А если я скажу правду, ваше величество, кто поручится, что мнѣ не придется вынести еще болѣе жестокаго наказанія, чѣмъ то, которое грозитъ мнѣ, если я смолчу?

— Я поручусь за это.

— Вы дадите мнѣ ваше королевское слово?

— Даю слово, что вамъ не придется отвѣчать за это.

— Въ такомъ случаѣ я сознаюсь, что эта книга моя.

— Ваша?— воскликнулъ Карлъ, отступивъ и съ изумленіемъ глядя на парфюмера.

— Да, моя.

— Какъ она попала сюда?

— Не знаю. Королева-мать взяла ее у меня.

— Королева-мать? — воскликнулъ Карлъ.

— Да.

— Но зачѣмъ же?

— Она, кажется, хотѣла отнести ее королю Наваррскому, который просилъ у герцога Алансонскаго какой-нибудь книги для изученія соколиной охоты.

— А, понимаю, — сказалъ Карлъ. — Книга была, дѣйствительно, у Генриха. Да, это рокъ — онъ преслѣдуетъ меня!

Карлъ закашлялся сухимъ, удушливымъ кашлемъ и снова почувствовалъ сильную боль въ желудкѣ. Два-три заглушенныхъ стона вырвалось у него и онъ упалъ въ кресло.

— Что съ вами, ваше величество?— спросилъ перепуганный Ренэ.

— Ничего,—отвѣтилъ Карлъ.—Дайте мнѣ воды, я хочу пить.

Ренэ налилъ стаканъ воды и дрожащей рукой подалъ его королю. Тотъ выпилъ воду однимъ глоткомъ.

— А теперь, — сказалъ король, взявъ перо и обмакнувъ его въ чернила, — пишите на книгѣ. Я вамъ продиктую:

„Это руководство къ соколиной охотѣ я далъ королевѣ-матери, Екатеринѣ Медичи“.

Ренэ взялъ перо и написалъ.

— Подпишитесь.

Флорентинецъ подписался.

— Ваше величество обѣщали, что меня не тронутъ, — сказалъ онъ.

— И я сдержу свое слово. Съ моей стороны вамъ нечего опасаться.

— А со стороны королевы-матери?

— Ну, это не мое дѣло, — сказалъ Карлъ. — Если на васъ нападутъ — защищайтесь.

— Могу я уѣхать изъ Франціи, ваше величество, если увижу, что моей жизни грозитъ опасность?

— Я отвѣчу вамъ на это черезъ двѣ недѣли.

— А до тѣхъ поръ?

Король нахмурилъ брови и приложилъ палецъ къ своимъ посинѣвшимъ губамъ.

— Будьте покойны, государь.

И, радуясь, что отдѣлался такъ легко, флорентинецъ поклонился и вышелъ.

Въ это время кормилица отворила дверь своей комнаты.

— Что съ тобою, Шарло? — спросила она.

— Я ходилъ по росѣ, кормилица, и мнѣ нездоровится.

— Ты въ самомъ дѣлѣ очень блѣденъ, Шарло.

— Дай мнѣ руку, кормилица, и помоги дойти до постели.

Кормилица подбѣжала къ нему. Карлъ оперся на нее и прошелъ въ спальню.

— Ну, теперь я лягу. Не пускай ко мнѣ никого.

— А если придетъ метръ Амбруазъ Парэ?

— Скажи ему, что я чувствую себя лучше и онъ не нуженъ мнѣ.

— Не хочешь ли принять какого-нибудь лѣкарства?

— Самаго простого: бѣлковъ, сбитыхъ съ молокомъ...

XXIII.

Венсенскій замокъ.

Генриха, по приказанію Карла, отвезли въ тотъ же вечеръ въ Венсенъ. Такъ назывался знаменитый замокъ, отъ котораго въ настоящее время остались только развалины — колоссальная руина, дающая понятіе о его быломъ величіи.

Генрихъ совершилъ это путешествіе въ носилкахъ. Конвой изъ восьми человѣкъ сопровождалъ его, а впереди ѣхалъ капитанъ Нансэ съ приказомъ короля.

Около двери тюремной башни поѣздъ остановился. Капитанъ Нансэ сошелъ съ лошади, отперъ дверку носилокъ, которая была заперта на замокъ, и, почтительно поклонившись, попросилъ короля Наваррскаго выйти.

Генрихъ повиновался безъ возраженій. Всякое жилище казалось ему надежнѣе Лувра, а чуть не дюжина запертыхъ дверей между нимъ и выходомъ изъ тюрьмы представляла для него большое удобство, такъ какъ эти двери охраняли его отъ Екатерины Медичи.

Августѣйшій узникъ прошелъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ черезъ подъемный мостъ, черезъ трое дверей нижняго этажа башни, черезъ три двери внизу лѣстницы, а затѣмъ, слѣдуя за капитаномъ Нансэ, который продолжалъ итти впереди него, поднялся въ первый этажъ. Капитанъ, видя, что онъ хочетъ итти дальше, остановилъ его.

— Помѣщеніе вашего величества здѣсь, — сказалъ онъ.

— Ага! Значитъ, меня хотятъ помѣстить въ первомъ этажѣ, — остановившись, сказалъ Генрихъ. — Это большая честь.

— Къ вамъ относятся, какъ къ лицу коронованному, ваше величество.

„Ахъ, чортъ возьми! — подумалъ Генрихъ, — я не считалъ бы униженіемъ, если бы мнѣ отвели комнату во второмъ или третьемъ этажѣ. А здѣсь уже слишкомъ хорошо, такъ что могутъ явиться подозрѣнія“.

— Угодно вашему высочеству слѣдовать за мной? — спросилъ Нансэ.

Они вошли въ коридоръ, который привелъ ихъ въ довольно большую и какого-то зловѣщаго вида залу съ темными стѣнами.

Генрихъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ оглядѣлся кругомъ.

— Гдѣ мы? — спросилъ онъ.

— Это зала пытокъ, ваше величество.

— Ага! — сказалъ Генрихъ.

И онъ еще внимательнѣе посмотрѣлъ на все окружающее Въ комнатѣ было всего понемножку: разныя приспособленія для пытки водой, клещи, клинья для „испанскихъ сапогъ“ и т. п. Кругомъ залы стояли каменныя скамьи для несчастныхъ, ожидающихъ пытки, а надъ этими скамьями, на нихъ и подъ ними были ввернуты въ стѣну желѣзныя кольца.

Генрихъ продолжалъ итти, не говоря ни слова, но не упуская изъ виду ни малѣйшей подробности всѣхъ этихъ ужас-

ныхъ орудій, начертавшихъ, такъ сказать, исторію вынесенныхъ здѣсь страданій.

Внимательно оглядывая все, Генрихъ не смотрѣлъ себѣ подъ ноги и оступился.

— Что это такое? — спросилъ онъ.

И онъ показалъ на что-то въ родѣ желоба, выдолбленнаго въ сырыхъ плитахъ пола.

— Это стокъ, ваше величество.

— Развѣ сюда протекаетъ дождь?

— Нѣтъ, тутъ течетъ кровь, ваше величество.

— Такъ! — сказалъ Генрихъ.—А скоро дойдемъ мы до моей комнаты?

— Вотъ она, ваше величество, — отвѣтилъ кто-то.

Въ темнотѣ смутно виднѣлась, точно призракъ, человѣческая фигура. Голосъ показался Генриху знакомымъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и узналъ говорившаго.

— А, это вы, Болье! — воскликнулъ онъ. — Какого чорта дѣлаете вы тутъ?

— Я только что назначенъ комендантомъ Венсенской крѣпости, государь.

— И вашъ дебютъ, любезный другъ, можетъ назваться блестящимъ. Вашъ первый заключенный—король.

— Прошу извиненія, ваше величество,—возразилъ Болье,— но я еще до васъ принялъ двухъ арестантовъ: графа де-ла-Моля и графа де-Коконна.

— Ахъ, да, я видѣлъ, какъ арестовали этихъ несчастныхъ. Какъ выносятъ они заключеніе?

— Каждый по-своему. Одинъ веселъ, другой печаленъ; одинъ поетъ, другой вздыхаетъ.

— Который вздыхаетъ?

— Графъ де-ла-Моль, ваше величество.

— Клянусь честью,—сказалъ Генрихъ,—я больше понимаю того, который вздыхаетъ, чѣмъ того, который поетъ. По тому, что я видѣлъ, тюрьма не кажется мнѣ веселой. А въ которомъ этажѣ ихъ комнаты?

— Въ самомъ верхнемъ, въ четвертомъ.

Генрихъ вздохнулъ. Вотъ гдѣ хотѣлось бы быть и ему.

— А теперь потрудитесь показать мнѣ мою комнату, г. Болье, — сказалъ онъ. — Мнѣ хочется поскорѣе устроиться тамъ: я очень усталъ сегодня.

— Пожалуйте, ваше величество,—сказалъ Болье, показывая Генриху на отворенную дверь комнаты.

— Номеръ второй, — сказалъ Генрихъ. — А почему же не первый?

— Потому что онъ предназначается для другого, ваше величество.

— Ага! Значитъ, вы ждете арестанта болѣе высокаго происхожденія, чѣмъ я?

— Прошу васъ, государь, не требовать отъ меня отвѣта. Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы ослушаться и нарушить мой долгъ повиновенія вашему величеству.

— А, это дѣло другое, — сказалъ Генрихъ.

И онъ сталъ еще задумчивѣе: этотъ номеръ первый, видимо, заинтересовалъ его.

Обращеніе коменданта было все такъ же почтительно. Разсыпаясь въ извиненіяхъ за недостатокъ удобствъ, онъ ввелъ Генриха въ назначенную ему комнату, поставилъ около двери двухъ часовыхъ и вышелъ.

— Теперь, — сказалъ онъ, обращаясь къ тюремному сторожу,—идемъ къ другимъ.

И г. Болье, слѣдуя за сторожемъ, поднялся въ четвертый этажъ.

Отворивъ одну за другой двѣ двери, изъ которыхъ каждая была заперта на два замка и задвинута тремя толстыми засовами, сторожъ подошелъ къ третьей.

Только что дотронулся онъ до нея, какъ веселый голосъ крикнулъ ему:

— Mordi! Отворяйте скорѣе, хоть бы для того, чтобы освѣжить воздухъ. Ваша печка такъ натоплена, что тутъ можно задохнуться.

И Коконна, котораго читатель, конечно, узналъ по его любимому восклицанію, однимъ прыжкомъ очутился около двери.

— Постойте, сударь, — сказалъ сторожъ, — я пришелъ не для того, чтобы выпустить васъ. Г. комендантъ желаетъ войти къ вамъ.

— А что ему нужно здѣсь?

— Онъ хочетъ навѣстить васъ.

— Слишкомъ много чести для меня, — сказалъ Коконна. — Милости просимъ!

Какъ разъ въ эту минуту Болье вошелъ въ комнату. Дружеская улыбка, появившаяся было на губахъ Коконна, мгновенно исчезла отъ его ледяной вѣжливости—той вѣжливости, которая свойственна комендантамъ крѣпостей, тюремнымъ сторожамъ и палачамъ.

— Есть съ вами деньги? — спросилъ онъ у Коконна.

— Ни одного экю, — отвѣтилъ тотъ.

— А драгоцѣнныя вещи?

— Только одинъ перстень.

— Позволите вы мнѣ обыскать васъ?

— Mordi! — воскликнулъ Коконна, вспыхнувъ отъ гнѣва. — Счастливо для васъ, что я въ тюрьмѣ, да и вы тоже!

— Приходится исполнять все, состоя на службѣ у короля.

— Значитъ, честные люди, которые грабятъ на Новомъ мосту, тоже служатъ королю? Mordi! Какъ же несправедливъ былъ я до сихъ поръ! Представьте себѣ, что я считалъ ихъ ворами!

— До свиданія,—сказалъ, поклонившись, Болье.—Сторожъ, заприте дверь.

И комендантъ ушелъ съ великолѣпнымъ изумруднымъ перстнемъ Коконна. Герцогиня Неверская подарила его пьемонтцу, чтобы онъ, глядя на него, вспоминалъ цвѣтъ ея глазъ.

— Идемъ къ другому,—сказалъ сторожу комендантъ.

Комната ла-Моля имѣла еще болѣе мрачный видъ, чѣмъ та, которую занималъ Коконна. Слабый свѣтъ, падавшій изъ четырехъ амбразуръ, постепенно суживающихся кнаружи, слабо освѣщалъ ее. А желѣзныя рѣшетки въ нихъ были перекрещены такъ искусно, что темныя полосы мѣшали заключенному видѣть даже небо.

Ла-Моль сидѣлъ въ углу и не обратилъ никакого вниманія на вошедшихъ.

Комендантъ остановился около двери и съ минуту смотрѣлъ на заключеннаго, который продолжалъ сидѣть неподвижно, опустивъ голову на руки.

— Здравствуйте, графъ де-ла-Моль, — сказалъ Болье.

Молодой человѣкъ тихо поднялъ голову.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ.

— Я пришелъ обыскать васъ, — продолжалъ комендантъ.

— Это лишнее,— отвѣтилъ ла-Моль, — я самъ отдамъ вамъ все, что у меня есть.

— А что у васъ есть?

— Около трехсотъ экю, драгоцѣнныя вещи, кольца.

Ла-Моль вынулъ все изъ кармановъ, снялъ съ палецъ кольца и сорвалъ аграфъ съ своей шляпы.

— Больше у васъ нѣтъ ничего?

— Ничего, насколько я знаю.

— А что виситъ у васъ на шеѣ, на шелковомъ шнуркѣ?

— Это не драгоцѣнная вещь, это реликвія.

— Снимите ее.

— Какъ? Вы требуете?..

— Мнѣ приказано оставить вамъ только платье. А реликвія — не платье.

У ла-Моля вырвалось гнѣвное движеніе, которое представляло такой контрастъ съ его грустной и полной достоинства

сдержанностью, что посѣтители испугались больше, чѣмъ могла бы ихъ испугать какая-нибудь рѣзкая выходка со стороны другого, не такого сдержаннаго человѣка.

Но ла-Моль сейчасъ же опомнился.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — вы получите, что требуете.

Отвернувшись какъ бы затѣмъ, чтобы быть ближе къ свѣту, ла-Моль снялъ мнимую реликвію — на самомъ дѣлѣ это былъ медальонъ съ портретомъ. Онъ вынулъ портретъ и, прижавъ его нѣсколько разъ къ губамъ, выронилъ его, какъ будто нечаянно, изъ рукъ, а затѣмъ изъ всей силы наступилъ на него каблукомъ и раздробилъ его на мелкіе кусочки.

— Милостивый государь! —воскликнулъ комендантъ.

Онъ нагнулся, чтобы посмотрѣть, не уцѣлѣло ли хоть что-нибудь отъ неизвѣстной вещи, которую ла-Моль не хотѣлъ отдать ему; но миніатюра превратилась буквально въ пыль.

— Королю нуженъ былъ этотъ медальонъ, — сказалъ ла-Моль, — но онъ не имѣлъ никакого права на портретъ.

— Я буду жаловаться его величеству,—сказалъ Болье.

И не простившись съ ла-Молемъ, не прибавивъ больше ни слова, онъ ушелъ въ ярости, предоставивъ сторожу запирать на этотъ разъ двери безъ него.

Сторожъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но, увидавъ, что комендантъ уже началъ сходить съ лѣстницы, вернулся назадъ.

— Хорошо же я сдѣлалъ, г. графъ,—сказалъ онъ,—что попросилъ васъ дать мнѣ впередъ сто экю, за которые обѣщалъ доставить вамъ свиданіе съ вашимъ другомъ. Если бы они остались у васъ, комендантъ взялъ бы ихъ вмѣстѣ съ остальными тремястами, и тогда я, по совѣсти, ничего не могъ бы сдѣлать для васъ. Но вы заплатили мнѣ впередъ, и я обѣщалъ вамъ, что вы увидитесь съ вашимъ пріятелемъ... Пойдемте... Честный человѣкъ долженъ держать свое слово.

Онъ отворилъ дверь, и черезъ минуту ла-Моль очутился лицомъ къ лицу съ Коконна, который шагалъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ.

Друзья бросились другъ другу въ объятія.

Сторожъ сдѣлалъ видъ, какъ будто отираетъ слезу, и пошелъ караулить, чтобы никто не засталъ заключенныхъ врасплохъ или, вѣрнѣе, чтобы не застали на мѣстѣ преступленія его самого.

— А! Наконецъ, вотъ и ты! — сказалъ Коконна. — Этотъ ужасный комендантъ дѣлалъ тебѣ визитъ?

— Такъ же, какъ и тебѣ, я полагаю.

— И онъ отобралъ у тебя все?

— Тоже все, какъ и у тебя.

— О, у меня не было ничего, кромѣ кольца Генріэтты.

— А деньги?

— Я отдалъ ихъ всѣ сторожу, чтобы онъ доставилъ мнѣ свиданіе съ тобой.

— Ага! — сказалъ ла-Моль.—Такъ онъ получилъ изъ двухъ рукъ. Я далъ ему сотню экю.

— Тѣмъ лучше, что нашъ сторожъ негодяй.

— Разумѣется. За деньги онъ сдѣлаетъ все, что угодно.

— Понимаешь ты, почему насъ арестовали?

— Конечно... Насъ выдали.

— И выдалъ этотъ отвратительный герцогъ Алансонскій. Не даромъ же я хотѣлъ свернуть ему шею.

— А какъ ты думаешь, наше дѣло серьезное?

— Боюсь, что такъ.

— Значитъ, можетъ дойти и... до пытки?

— Да, я ужъ объ этомъ думалъ.

— Что будешь ты говорить, если дѣло дойдетъ до этого?

— А ты?

— Я буду молчать, — сказалъ ла-Моль, и лихорадочный румянецъ выступилъ у него на щекахъ.

— А если со мной позволятъ себѣ сдѣлать такую подлость, то, ручаюсь тебѣ, что я наговорю очень много.

— Что же ты скажешь? — быстро спросилъ ла-Моль.

— О, не безпокойся, я наговорю много такого, что помѣшаетъ герцогу Алансонскому спокойно спать по ночамъ.

Ла-Моль хотѣлъ сказать что-то, но не успѣлъ произнести ни слова: сторожъ, должно-быть, услыхавъ какой-нибудь подозрительный шумъ, вбѣжалъ къ пріятелямъ, втолкнулъ каждаго изъ нихъ въ его комнату и заперъ за ними двери.

XXIV.

Восковая фигура.

Въ продолженіе восьми дней Карлъ не вставалъ съ постели. У него была изнурительная лихорадка и какіе-то ужасные припадки, похожіе на эпилептическіе. Послѣ такихъ припадковъ король, изнеможенный, съ угасшимъ взоромъ, падалъ на руки кормилицы, но не говорилъ ни слова.

Генрихъ сидѣлъ подъ арестомъ въ своей камерѣ и, по его же собственной просьбѣ, съ которой онъ обратился къ Карлу, къ нему не допускали никого, даже Маргариту. Въ глазахъ всѣхъ это была полнѣйшая опала. Екатерина и Алансонскій радовались, считая его погибшимъ, а Генрихъ ѣлъ и пилъ спокойнѣе, надѣясь, что о немъ забыли.

Никто при дворѣ не подозрѣвалъ причины болѣзни короля. Метръ Амбруазъ Парэ и его коллега Мазиль, принявъ результатъ за причину, утверждали, что это воспаленіе желудка. Они прописали самую строгую діэту, что помогало дѣйствію прописаннаго Ренэ питья. Кормилица приносила Карлу три раза въ день сбитые съ молокомъ бѣлки и этимъ онъ главнымъ образомъ и питался.

Ла-Моль и Коконна сидѣли въ самомъ строгомъ заключеніи въ Венсенѣ. Маргарита и герцогиня Неверская пытались разъ десять добиться свиданія съ ними или, по крайней мѣрѣ, хотя передать имъ письма, но все было тщетно.

Разъ утромъ Карлъ, почувствовавъ себя довольно хорошо, велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ придворныхъ. Они попрежнему являлись каждое утро ко времени обычнаго выхода короля, хотя никакихъ выходовъ уже не было. Итакъ, двери спальни отворили. По блѣднымъ щекамъ Карла, по его пожелтѣвшему лбу и лихорадочному блеску ввалившихся, окруженныхъ темными кругами глазъ, видно было, какіе ужасные слѣды оставила на немъ его неизвѣстная болѣзнь.

Королевская спальня быстро наполнилась любопытными и заинтересованными придворными.

Екатерину, герцога Алансонскаго и Маргариту увѣдомили, что король принимаетъ.

Они пришли почти одновременно. Екатерина, какъ всегда, спокойная, Алансонскій улыбающійся, Маргарита разстроенная.

Королева-мать сѣла у изголовья Карла, не замѣтивъ взгляда, который онъ бросилъ на нее, когда она подходила. Герцогъ Алансонскій всталъ въ ногахъ кровати. Маргарита облокотилась на столъ. Увидавъ худое, блѣдное лицо брата и его впалые глаза, она невольно вздохнула и слезы показались у нея на глазахъ.

Карлъ, внимательно слѣдившій за всѣмъ, услыхалъ ея вздохъ, увидалъ ея слезы и слегка кивнулъ ей головой.

Этотъ едва замѣтный знакъ ободрилъ бѣдную королеву Наваррскую, и лицо ея просвѣтлѣло. Она боялась за мужа, она дрожала за возлюбленнаго. За себя она нисколько не боялась. Зная хорошо ла-Моля, она была увѣрена, что можетъ положиться на него.

— Какъ ты себя чувствуешь, мой дорогой?— спросила Екатерина.

— Лучше, матушка, лучше.

— А что говорятъ твои врачи?

— Мои врачи? А, они необыкновенно искусны, матушка! — хохотавшись, отвѣтилъ Карлъ. — Признаюсь, я испытываю

величайшее наслажденіе, слушая ихъ разсужденія о моей болѣзни...

— Что они прописываютъ тебѣ, сынъ мой?

— Кто пойметъ ихъ стряпню? — отвѣтилъ король.

— Хорошо, если бы братъ могъ встать и выйти на солнце,— сказалъ герцогъ Алансонскій. — Охота, которую онъ такъ любитъ, принесла бы ему большую пользу.

— Да,—замѣтилъ Карлъ съ улыбкой, значеніе которой герцогъ не могъ понять.—Впрочемъ, послѣдняя охота, напротивъ, повредила мнѣ.

Онъ произнесъ эти слова такимъ страннымъ тономъ, что разговоръ, въ который не вмѣшивался никто изъ придворныхъ, сразу оборвался.

Послѣ небольшой паузы король слегка кивнулъ головой. Придворные поняли, что пріемъ кончился, и удалились одинъ а другимъ.

Герцогъ Алансонскій сдѣлалъ было шагъ впередъ, чтобы подойти къ брату, но внутреннее чувство остановило его. Онъ поклонился и вышелъ.

Маргарита схватила руку, которую протянулъ ей Карлъ, пожала, а потомъ поцѣловала ее и тоже ушла.

— Добрая Марго! — прошепталъ король.

Екатерина продолжала сидѣть у изголовья кровати. Оставшись съ ней наединѣ, Карлъ отодвинулся подальше съ тѣмъ чувствомъ ужаса, съ какимъ отшатываются отъ змѣи.

Дѣло въ томъ, что у Карла, благодаря объясненію Ренэ, а еще болѣе, пожалуй, уединенію и размышленію, не оставалось и послѣдняго утѣшенія — сомнѣній. Онъ прекрасно зналъ, кому и чему обязанъ своею болѣзнью. А потому, когда Екатерина подошла къ постели и протянула руку, такую же холодную, какъ и ея взглядъ, онъ вздрогнулъ и испугался.

— Вы остаетесь, матушка?—спросилъ онъ.

— Да, сынъ мой,— отвѣтила Екатерина,— мнѣ нужно поговорить съ тобой о серьезныхъ вещахъ.

— Говорите, — сказалъ Карлъ, отодвигаясь еще дальше.

— Ты сейчасъ называлъ своихъ врачей необыкновенно искусными. А чѣмъ они выказали свое искусство съ тѣхъ поръ, какъ ты заболѣлъ?

— Положимъ, ничѣмъ... Но если бы знали, что они говорили!.. Ну, право же, можно пожелать заболѣть изъ одного удовольствія послушать ихъ ученыя разсужденія.

— А я скажу тебѣ, что, по-моему, всѣ эти ученые врачи совсѣмъ не понимаютъ твоей болѣзни.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Что они обращаютъ вниманіе только на результатъ, но не знаютъ причины.

— Это очень возможно, — сказалъ Карлъ, не понимая, къ чему клонитъ королева.

— А потому они лѣчатъ симптомы вмѣсто того, чтобы лѣчить самую болѣзнь.

— Клянусь душою,—съ изумленіемъ воскликнулъ Карлъ,— я думаю, что вы правы, матушка!

— И такъ какъ твоя продолжительная болѣзнь мучаетъ меня и тревожитъ все государство, то я, съ своей стороны, тоже обратилась за совѣтомъ къ ученымъ людямъ.

— Къ врачамъ?

— Нѣтъ, къ тѣмъ, кто изучаетъ науку болѣе глубокую, науку, которая даетъ возможность узнавать, что дѣлается не только въ тѣлѣ, но и въ душѣ человѣка.

— Чудная наука!—сказалъ король.—Жаль, что королей не учатъ ей... И пришли вы къ какому-нибудь результату?

— Къ тому, котораго ожидала. Я принесла тебѣ лѣкарство, сынъ мой, которое исцѣлитъ твое тѣло и твою душу.

Карлъ вздрогнулъ. Ему пришло въ голову, что мать его, находя, что онъ слишкомъ долго не умираетъ, задумала намѣренно закончить то, что начала безъ умысла.

— Гдѣ же это лѣкарство?—спросилъ Карлъ, облокотившись на руку и смотря на мать.

— Выслушай меня, сынъ мой, — сказала Екатерина.— Слыхалъ ты когда-нибудь о людяхъ, которые могутъ убивать своихъ враговъ, несмотря ни на какое разстояніе?

— Съ помощью желѣза или яда?—спросилъ Карлъ, не спуская глазъ съ безстрастнаго лица матери.

— Нѣтъ, съ помощью другихъ средствъ, болѣе вѣрныхъ, болѣе ужасныхъ, — отвѣтила Екатерина.

— Я не понимаю васъ, матушка.

— Вѣришь ты въ магію и кабалистику, сынъ мой?

Карлъ сдержалъ презрительную и недовѣрчивую усмѣшку.

— Даже очень, — отвѣтилъ онъ.

— Онѣ-то и причина твоей болѣзни, — быстро проговорила Екатерина.— Врагъ, не рѣшившійся напасть на тебя открыто, задумалъ погубить тебя тайно.

— Кто же этотъ врагъ? — спросилъ Карлъ, возмущенный такимъ коварствомъ.

— Поищи его самъ, сынъ мой,—отвѣтила Екатерина.—Вспомни о планѣ бѣгства, который обезпечивалъ безнаказанность убійцѣ.

— Убійцѣ? — воскликнулъ Карлъ.— Вы говорите „убійцѣ“? ...чить, меня хотѣли убить, матушка?

— Да, сынъ мой, — сказала она. — Ты, можетъ-быть, еще сомнѣваешься; но я вполнѣ увѣрена въ этомъ.

— Я никогда не сомнѣваюсь въ вашихъ словахъ,—съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ король. — А какъ же хотѣли меня убить? Очень интересно было бы узнать это.

— Посредствомъ магіи, сынъ мой.

— Объяснитесь, матушка, — сказалъ король.

— Если бы этотъ врагъ, о которомъ я говорю, — въ глубинѣ души ты, навѣрное, уже угадалъ, кто это, — принялъ всѣ мѣры и спасся бѣгствомъ, увѣренный въ успѣхѣ, никто, можетъ-быть, не открылъ бы причины твоихъ страданій. Но, къ счастью, твой братъ охранялъ тебя.

— Какой братъ? — спросилъ Карлъ

— Герцогъ Алансонскій.

— Ахъ, да, я все забываю, что у меня есть братъ, — съ горькимъ смѣхомъ сказалъ Карлъ. — Итакъ, вы говорите...

— Что онъ обнаружилъ составленный противъ тебя умыселъ. Но пока Франсуа, какъ неопытный юноша, разыскивалъ слѣды того, что считалъ не преступленіемъ, а скорѣе легкомысленнымъ поступкомъ, я, съ своей стороны, старалась найти доказательства другого, гораздо болѣе серьезнаго замысла. Я хорошо знаю душу виновнаго.

— Можно подумать, что вы говорите о королѣ Наваррскомъ? — сказалъ Карлъ, желая узнать, до чего можетъ дойти притворство Екатерины.

Она скромно опустила глаза

— Вѣдь я же велѣлъ арестовать его и заключить въ Венсенскій замокъ за этотъ легкомысленный поступокъ, — продолжалъ король. — Или онъ еще виновнѣе, чѣмъ я предполагалъ?

— Бываютъ у тебя припадки изнурительной лихорадки? — спросила Екатерина.

— Бываютъ, — нахмуривъ брови, отвѣтилъ Карлъ.

— Чувствуешь ты страшный жаръ внутри, жаръ, доходящій до самаго сердца.

— Да, — еще мрачнѣе отвѣтилъ Карлъ.

— И острыя боли въ головѣ, которыя отдаются въ глазахъ и въ мозгу, какъ удары стрѣлъ?

— Да, да... я чувствую все это. О, вы отлично описываете мою болѣзнь!

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, — отвѣтила Екатерина. — Посмотри!

И она вынула что-то изъ кармана.

Это была фигурка дюймовъ въ шесть изъ желтоватаго воска. На ней была вылѣпленная изъ воска одежда, осыпанная золотыми блестками, и такая же королевская мантія.

— Что это за фигурка?—спросилъ Карлъ.

— Видишь, что у нея на головѣ?

— Корона.

— А въ сердцѣ?

— Иголка.

— Узнаешь ты себя?

— Себя?

— Да, это ты въ твоей коронѣ и мантіи.

— Кто же вылѣпилъ эту фигурку?—спросилъ Карлъ, котораго утомляла эта комедія.—Должно-быть, король Наваррскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Не онъ? Въ такомъ случаѣ я ничего не понимаю.

— Я сказала „нѣтъ" для большей точности. Я отвѣтила бы „да", если бы ты задалъ мнѣ вопросъ въ другой формѣ.

Карлъ молчалъ. Онъ старался проникнуть въ глубину этой мрачной души, которая становилась еще таинственнѣе каждый разъ, какъ онъ надѣялся разгадать ее.

— Эту фигурку нашелъ генеральный прокуроръ Лагель при обыскѣ въ домѣ человѣка, который въ день охоты держалъ наготовѣ запасную лошадь для короля Наваррскаго.

— У графа де-ла-Моля?—спросилъ Карлъ.

— У него самаго. Взгляни, пожалуйста, еще разъ на воткнутую въ сердце иглу и посмотри, какая буква написана на привязанномъ къ ней ярлычкѣ.

— Буква „М",—сказалъ Карлъ.

— Т.-е. „mort"—смерть. Это магическая формула, сынъ мой. Заклинатель пишетъ, если можно такъ выразиться, свое желаніе на ранѣ, которую наноситъ.

— Итакъ, вы полагаете, матушка,—сказалъ Карлъ,—что меня хотѣлъ убить графъ де-ла-Моль?

— Да, но онъ игралъ роль кинжала, ранящаго въ сердце, а не руки, направляющей кинжалъ.

— И въ этомъ заключается причина моей болѣзни?—спросилъ Карлъ.—Что же нужно сдѣлать, чтобы она прошла? Вы, навѣрное, знаете, моя добрая матушка: вы всю свою жизнь занимались кабалистикой и магіей.

— Смерть заклинателя разрушаетъ чары,—отвѣтила Екатерина.—А когда чары будутъ разрушены, твоя болѣзнь пройдетъ.

— Неужели?—съ удивленіемъ спросилъ Карлъ.

— Ты не знаешь и этого?

— Вѣдь я не колдунъ, — отвѣтилъ Карлъ.
— Ну, теперь ты, надѣюсь, убѣдился, не правда ли?
— Разумѣется.
— И потому не будешь безпокоиться?
— Нисколько.

Лицо Екатерины прояснилось.

— Слава Богу! — воскликнула она, какъ будто вѣрила въ Бога.

— Да, слава Богу! — иронически сказалъ Карлъ. — Теперь я знаю, кому приписать положеніе, въ которомъ я нахожусь, и кого, слѣдовательно, нужно наказать.

— И ты накажешь?..

— Графа де-ла-Моля. Вѣдь вы говорили, что виноватъ онъ.

— Я говорила, что онъ былъ орудіемъ.

— Итакъ, прежде всего графа де-ла-Моля; это самое главное. Всѣ эти припадки, которыми я страдаю, могутъ вызвать опасныя подозрѣнія. Необходимо пролить на это дѣло свѣтъ и такимъ образомъ обнаружить истину

— Значитъ, графъ де-ла-Моль...

— Подходитъ какъ нельзя болѣе, а потому съ него мы и начнемъ. Я считаю его виновнымъ, а если у него есть сообщникъ, онъ назоветъ его.

— Да, назоветъ, — пробормотала про себя Екатерина, — а если онъ заупрямится, ему развяжутъ языкъ. У насъ есть для этого вѣрныя средства... Итакъ, ты позволяешь начать слѣдствіе? — прибавила она громко, вставъ съ мѣста.

— Да, я желаю этого, — отвѣтилъ Карлъ.

Екатерина пожала руку сына, не обративъ вниманія на нервную дрожь, которая при ея прикосновеніи пробѣжала по ней, и вышла изъ комнаты. Она не слыхала язвительнаго смѣха короля и страшнаго проклятія, послѣдовавшаго за этимъ смѣхомъ.

Король нѣсколько нерѣшительно глядѣлъ вслѣдъ матери. Благоразумно ли онъ поступилъ, давъ волю этой женщинѣ, которая въ нѣсколько часовъ могла надѣлать много такого, чего ужъ нельзя будетъ поправить?

Въ ту минуту, какъ онъ смотрѣлъ на портьеру, опустившуюся за Екатериной, сзади него послышался легкій шорохъ. Онъ оглянулся и увидалъ Маргариту, которая приподняла портьеру изъ коридора, ведущаго въ комнату кормилицы.

Маргарита была блѣдна; глаза ея дико блуждали, и она съ трудомъ переводила дыханіе.

— О, государь, государь! — воскликнула она, бросившись къ постели брата. — Вѣдь вы знаете, что она лжетъ?

— Кто „она?“ — спросилъ Карлъ.

— Слушайте, Карлъ! Конечно, очень дурно... ужасно... обвинять свою мать. Но я подозрѣваю, что она осталась для того, чтобы снова преслѣдовать ихъ. Клянусь жизнью и душою—клянусь вашей жизнью и вашей душою, что она лжетъ!

— Преслѣдовать ихъ?.. Кого преслѣдуетъ она?

Оба они инстинктивно говорили шопотомъ; казалось, имъ было страшно слушать другъ друга.

— Во-первыхъ, Генриха, вашего Генриха, который любитъ васъ и преданъ вамъ больше, чѣмъ кто-либо другой.

— Ты полагаешь, Марго? — спросилъ Карлъ.

— О, да, я увѣрена въ этомъ.

— Ну, и я тоже, — сказалъ Карлъ.

— Если вы увѣрены въ этомъ, — съ изумленіемъ проговорила Маргарита, — такъ зачѣмъ же вы велѣли арестовать его и отвести въ Венсенъ?

— Потому что онъ самъ просилъ меня объ этомъ. Можетъ-быть, онъ ошибается, а можетъ-быть, и нѣтъ. Какъ бы то ни было, онъ думаетъ, что будетъ въ большей безопасности въ опалѣ, чѣмъ въ милости, вдали отъ меня, чѣмъ вблизи, въ Венсенѣ, чѣмъ въ Луврѣ.

— А, понимаю! — сказала Маргарита. — Значитъ, онъ въ безопасности?

— Ну, еще бы! Болье отвѣчаетъ мнѣ за него головой.

— О, благодарю, благодарю, братъ, за Генриха. Но...

— Но что? — спросилъ Карлъ.

— Но есть еще одинъ человѣкъ, государь, въ которомъ мнѣ, можетъ-быть, не слѣдовало бы принимать участія...

— Кто же это?

— Государь, пощадите меня!.. Я едва бы осмѣлилась назвать его брату — я не смѣю назвать его королю!

— Это графъ де-ла-Моль, вѣдь такъ? — спросилъ Карлъ.

— Увы! — сказала Маргарита. — Вы разъ уже хотѣли убить его, государь, и онъ только чудомъ спасся отъ вашего мщенія.

— Въ то время онъ былъ виновенъ только въ одномъ преступленіи, Марго; но теперь, когда онъ совершилъ другое...

— Онъ не виноватъ въ этомъ другомъ, государь.

— Но развѣ ты не слыхала, моя бѣдная Марго, какъ обвиняла его наша добрая матушка?

— Вѣдь я же говорила вамъ, Карлъ, — сказала Маргарита, понизивъ голосъ, — я говорила вамъ, что она лжетъ!

— Ты, можетъ-быть, не знаешь, что у графа де-ла-Моля была найдена при обыскѣ восковая фигурка?

— Нѣтъ, я знаю это, братъ.

— Что въ сердце этой фигурки воткнута иголка, а къ иголкѣ прикрѣпленъ ярлычокъ съ буквой „М“?

— Мнѣ извѣстно и это.

— Что на фигуркѣ надѣта королевская мантія, что у ней на головѣ — королевская корона?

— Я знаю все, все.

— Что же ты скажешь на это?

— Я скажу, что фигурка въ королевской мантіи и коронѣ изображаетъ не мужчину, а женщину.

— Зачѣмъ же ей въ сердце воткнута иголка?

— Это сдѣлано съ цѣлью пробудить любовь въ сердцѣ этой женщины, а совсѣмъ не для того, чтобы умертвить посредствомъ колдовства мужчину.

— А буква „М“?

— Оно не значитъ „Mort“, какъ сказала вамъ матушка!

— Такъ что же оно значитъ? — спросилъ Карлъ.

— Оно значитъ... Это начальная буква имени женщины, которую любилъ ла-Моль.

— А какъ зовутъ эту женщину?

— Ее зовутъ Маргаритой, — отвѣтила королева Наваррская, упавъ на колѣни передъ постелью Карла.

Она взяла его руку въ свои и прижала къ этой рукѣ залитое слезами лицо.

— Тише, сестра! — сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови и тревожно оглядываясь по сторонамъ. — Какъ слышала ты сама, такъ могутъ услыхать и тебя.

— О, мнѣ все равно! — отвѣтила Маргарита, поднявъ голову.—Пусть хоть весь свѣтъ слышитъ меня! И передъ всѣмъ свѣтомъ скажу я, что низко, воспользовавшись любовью благороднаго человѣка, позорить его честь подозрѣніемъ въ убійствѣ.

— А если я признаюсь тебѣ, Марго, что знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что есть и чего нѣтъ?

— Братъ!

— Если я скажу, что считаю ла-Моля невиннымъ?

— Вы это знаете?

— И что мнѣ извѣстенъ настоящій виновникъ?

— Настоящій виновникъ! — воскликнула Маргарита. — Значитъ, было совершено преступленіе?

— Да. Вольное или невольное, но во всякомъ случаѣ преступленіе.

— Противъ васъ?

— Да, противъ меня.

— Не можетъ быть!

— Не можетъ быть?.. Взгляни на меня, Марго.

Маргарита посмотрѣла на брата и вздрогнула, увидавъ, какъ онъ блѣденъ.

— Я не проживу и трехъ мѣсяцевъ, Марго, — сказалъ Карлъ.

— Вы, братъ? Ты, мой Карлъ?

— Меня отравили, Марго.

Маргарита невольно вскрикнула.

— Тише, тише! — остановилъ ее Карлъ. — Нужно убѣдить всѣхъ, что причина моей смерти — колдовство.

— И вы знаете преступника?

— Знаю.

— Вы сказали, что это не ла-Моль?

— Нѣтъ, не онъ.

— И не Генрихъ, конечно... О, Боже! Неужели это?..

— Кто?

— Нашъ братъ... Алансонскій?.. — прошептала Маргарита.

— Можетъ-быть.

— Или... или... — Маргарита еще больше понизила голосъ, какъ будто сама ужаснувшись того, что хотѣла сказать,—или... наша мать?

Карлъ молчалъ.

Маргарита прочла въ его взглядѣ истину.

— О, Боже, Боже! — прошептала она. — Нѣтъ, это невозможно!

— Невозможно? — съ рѣзкимъ смѣхомъ сказалъ Карлъ. — Очень жаль, что здѣсь нѣтъ Ренэ; онъ разсказалъ бы тебѣ, какъ было дѣло.

— Онъ, Ренэ?

— Да. Онъ, напримѣръ, разсказалъ бы тебѣ, что женщина, которой онъ не осмѣливается отказать ни въ чемъ, взяла изъ его библіотеки книгу объ охотѣ; что каждый листокъ этой книги былъ пропитанъ тонкимъ ядомъ; что ядъ, назначенный кому-то—не знаю кому,—поразилъ, по несчастной случайности или по волѣ Неба, другого человѣка, а не того, кому онъ предназначался. Но такъ какъ Ренэ нѣтъ, то, если хочешь, можешь взглянуть на книгу; она лежитъ у меня въ кабинетѣ. Изъ сдѣланной на ней рукою Ренэ надписи ты увидишь, что эту книгу, способную убить еще двадцать человѣкъ, онъ далъ своей соотечественницѣ.

— Тише, Карлъ, тише, — остановила его, въ свою очередь, Маргарита.

— Теперь ты видишь, почему нужно, чтобы мою смерть приписали колдовству?

— Но это ужасно! Пощадите, сжальтесь, государь! Вѣдь вы знаете, что онъ невиненъ!

— Да, знаю, но нужно, чтобы его считали виновнымъ. Ты должна перенести смерть своего возлюбленнаго: она спасетъ честь французскаго королевскаго дома. Вѣдь я же терплю и молча жду смерти, чтобы тайна умерла вмѣстѣ со мною.

Маргарита опустила голову, понимая, что король не сдѣлаетъ ничего для спасенія ла-Моля. И она ушла въ слезахъ, зная, что никто не поможетъ ей.

Тѣмъ временемъ Екатерина, какъ и предвидѣлъ Карлъ, не теряла ни минуты. Она написала государственному прокурору Лагелю письмо, которое исторія сохранила отъ слова до слова. Оно выясняетъ все дѣло, бросая на него кровавый свѣтъ.

„Г. прокуроръ, сегодня вечеромъ я узнала навѣрное, что графъ де-ла-Моль виновенъ въ колдовствѣ. Въ его квартирѣ, въ Парижѣ, было найдено много подозрительныхъ бумагъ и книгъ. Прошу васъ обратиться къ предсѣдателю и начать какъ можно скорѣе слѣдствіе по дѣлу о восковой фигуркѣ съ воткнутой въ сердце иголкой. Это было сдѣлано съ цѣлью повредить королю.

„Екатерина“.

XXV.

Невидимые щиты.

На другой день послѣ того, какъ Екатерина написала вышеприведенное письмо, комендантъ вошелъ къ Коконна въ сопровожденіи весьма внушительной свиты. Она состояла изъ двухъ солдатъ съ алебардами и четырехъ судебныхъ чиновниковъ въ черныхъ мантіяхъ.

Коконна попросили сойти въ залу, гдѣ его ждали прокуроръ Лагель и двое судей, чтобы, по приказанію Екатерины, снять съ него допросъ.

Въ продолженіе восьми дней, которые Коконна провелъ въ тюрьмѣ, онъ много размышлялъ. Кромѣ того, онъ каждый день сходился на нѣсколько минутъ съ ла-Молемъ. Благодаря этимъ свиданіямъ, друзья сговорились между собою о томъ, какъ вести себя во время допроса, и рѣшили отрицать все. А потому Коконна былъ увѣренъ, что при нѣкоторой ловкости дѣло ихъ приметъ благопріятный оборотъ. Противъ нихъ было не больше уликъ, чѣмъ противъ другихъ. Генрихъ и Маргарита не пытались бѣжать, ничѣмъ не выдали себя. И, благодаря тому, что эти главные преступники оставались на свободѣ, нельзя было обвинять и ихъ, ла-Моля и Коконна. Друзья

не знали, что Генрихъ содержится въ заключеніи въ одномъ замкѣ съ ними, а любезность тюремнаго сторожа доказывала, что они пользуются какимъ-то тайнымъ покровительствомъ, что ихъ охраняютъ „невидимые щиты".

До сихъ поръ нашихъ двухъ заключенныхъ допрашивали только о планахъ короля Наваррскаго, о его намѣреніи бѣжать и о томъ, какое участіе принимали они сами въ этомъ дѣлѣ. На всѣ эти вопросы Коконна отвѣчалъ весьма неопредѣленно и необыкновенно ловко. Онъ готовился отвѣчать точно такъ же и на этотъ разъ и даже придумалъ заранѣе нѣсколько удачныхъ фразъ; но ему не пришлось воспользоваться ими, потому что его стали допрашивать совсѣмъ о другомъ.

Теперь судьи желали знать, одинъ или нѣсколько разъ былъ онъ у Ренэ и одну или нѣсколько восковыхъ фигурокъ заказывалъ тому ла-Моль.

Несмотря на то, что эти вопросы застали Коконна врасплохъ, онъ все-таки замѣтилъ, что обвиненіе было не такъ серьезно, какъ могло бы быть: дѣло шло не о преступленіи противъ короля, а о фигуркѣ, изображавшей королеву.

А потому Коконна очень весело отвѣтилъ, что онъ и его другъ уже давно перестали играть въ куклы, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что судьи нѣсколько разъ улыбались, слушая его отвѣты.

По окончаніи допроса пьемонтецъ вернулся въ свою комнату съ такимъ шумомъ и такъ весело распѣвая, что ла-Моль, для котораго онъ продѣлывалъ все это, пришелъ къ самымъ благопріятнымъ заключеніямъ.

Наступила его очередь итти внизъ. Онъ такъ же, какъ и Коконна, съ удивленіемъ замѣтилъ, что ему предлагаютъ уже не прежніе вопросы. Его спросили о его визитахъ къ Ренэ. Онъ отвѣтилъ, что былъ у флорентинца только одинъ разъ. Затѣмъ пожелали узнать, тогда ли заказалъ онъ ему восковую фигурку. Онъ сказалъ, что Ренэ принесъ ее уже совсѣмъ готовою. Его спросили, было ли это изображеніе мужчины. Онъ объяснилъ, что фигурка изображала женщину. Наконецъ на вопросъ, не смерть ли мужчины была цѣлью этого колдовства, онъ отвѣтилъ, что его цѣлью было желаніе возбудить любовь въ сердцѣ женщины.

Вопросы эти задавались ла-Молю то такъ, то иначе, на сотни разныхъ ладовъ. Но какъ ни старались сбить его, онъ постоянно отвѣчалъ одно и то же.

Судьи нѣсколько нерѣшительно переглянулись, не зная, что предпринять; ихъ вывела изъ затрудненія записка, которую въ эту минуту подали прокурору.

Вотъ ея содержаніе

„Если обвиняемый не сознается, прибѣгните къ пыткѣ.

„Е.“

Прокуроръ положилъ записку въ карманъ, улыбнулся ла-Молю и вѣжливо отпустилъ его. И молодой человѣкъ вошелъ въ свою камеру почти такой же успокоенный, хоть и не такой веселый, какъ Коконна.

Черезъ часъ около комнаты ла-Моля послышались шаги, и онъ увидалъ, что какая-то невидимая рука просунула ему подъ дверь письмо.

На минуту надежда, почти такая же мучительная, какъ и обманутое ожиданіе, пробудилось у него въ сердцѣ. Дрожа отъ волненія, ла-Моль схватилъ письмо и чуть не умеръ отъ радости, узнавъ почеркъ.

„Мужайтесь, — прочиталъ онъ, — я бодрствую“.

— О, если она бодрствуетъ, — воскликнулъ ла-Моль, осыпая поцѣлуями бумагу, къ которой прикасалась любимая рука, — если она бодрствуетъ, то я спасенъ!

Для того, чтобы ла-Моль понялъ смыслъ этой записки и повѣрилъ вмѣстѣ съ Коконна въ „невидимые щиты“, какъ тотъ выразился, мы должны попросить читателя отправиться вмѣстѣ съ нами въ домикъ на улицѣ Клошъ-Персе. Тамъ, въ комнатѣ, гдѣ происходило столько счастливыхъ сценъ, гдѣ еще не испарилось благоуханіе, гдѣ все было полно сладостныхъ воспоминаній, превратившихся теперь въ мучительную тревогу, полулежала на бархатныхъ подушкахъ женщина съ разбитымъ сердцемъ.

— Быть королевой, быть молодой, могущественной, богатой, красивой и страдать такъ, какъ страдаю я! — воскликнула она. — О, это невозможно!

Страшно взволнованная, она вскочила, начала ходить, вдругъ останавилась, прижалась пылающимъ лбомъ къ холодному мрамору, подняла блѣдное, залитое слезами лицо и, со стономъ ломая руки и совсѣмъ разбитая, упала на кресло.

Вдругъ портьера приподнялась; послышалось легкое шуршаніе шелка, и появилась герцогиня Неверская.

— А, это ты! — воскликнула Маргарита. — Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя! Ну, что новаго?

— Я принесла тебѣ плохія новости, моя дорогая. Екатерина сама слѣдитъ за веденіемъ слѣдствія.

— А Ренэ?

— Онъ арестованъ.

— Прежде, чѣмъ тебѣ удалось говорить съ нимъ?

— Да.

— А наши заключенные?

— Я получила свѣдѣнія о нихъ отъ сторожа.

— Ну?

— Ну, они видятся каждый день. Третьяго дня у нихъ дѣлали обыскъ. Чтобы не отдать твой портретъ, ла-Моль разбилъ его вдребезги.

— Милый ла-Моль!

— Аннибалъ смѣялся въ лицо слѣдователямъ.

— Какой смѣлый этотъ Аннибалъ! Что же дальше?

— Сегодня утромъ ихъ допрашивали о планѣ бѣгства короля Генриха и о его намѣреніи произвести возмущеніе въ Наваррѣ. Они ничего не сказали.

— О, я была въ этомъ увѣрена. Только это молчаніе такъ же гибельно для нихъ, какъ и признаніе.

— Конечно, но мы спасемъ ихъ.

— Ты, значитъ, думала о нашемъ планѣ.

— Я уговорилась съ Болье. Ахъ, моя дорогая королева, какой онъ несговорчивый и жадный! Намъ придется поплатиться жизнью одного человѣка и тремястами тысячъ экю.

— Ты говоришь, что онъ жаденъ и несговорчивъ? А между тѣмъ онъ удовольствовался только жизнью одного человѣка и тремястами тысячъ экю. Но вѣдь это совсѣмъ даромъ.

— Даромъ?.. Триста тысячъ экю?.. За всѣ твои драгоцѣнности, съ придачей моихъ, не выручишь столько.

— Объ этомъ нечего безпокоиться. Заплатитъ король Наваррскій... герцогъ Алансонскій... мой братъ Карлъ...

— Полно, ты сама не знаешь, что говоришь... Я добыла эти триста тысячъ экю.

— Какъ же ты добыла ихъ? Это секретъ?

— Для всѣхъ, кромѣ тебя.

— О, Господи! — сказала Маргарита, улыбаясь сквозь слезы. — Ужъ не украла ли ты ихъ?

— Помнишь ты этого ужаснаго Нантулье?

— Богача, ростовщика?

— Да, такъ вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ увидалъ проходившую мимо знакомую тебѣ блондинку съ зелеными глазами, въ волосахъ которой сверкали три рубина—одинъ на лбу и два на вискахъ — такая прическа очень идетъ къ ней. Не зная, что эта женщина — герцогиня, ростовщикъ воскликнулъ: „За три поцѣлуя на мѣстѣ этихъ трехъ рубиновъ я дамъ три брилліанта по сто тысячъ экю каждый!“

— А дальше, Генріэтта?

— А дальше, моя дорогая, я получила брилліанты и продала ихъ.

— Ахъ, Генріэтта, Генріэтта!—прошептала Маргарита.

И она пожала руку герцогинѣ.

— Итакъ,— продолжала Генріэтта,— благодаря тремъ бриліантамъ, у насъ есть триста тысячъ экю и человѣкъ.

— Человѣкъ? Какой человѣкъ?

— Котораго нужно убить. Ты забыла, что нужно убить человѣка?

— И ты нашла такого?

— Нашла.

— За такую же цѣну?

— За такую цѣну я нашла бы ихъ тысячу,—отвѣтила Генріэтта. — Нѣтъ, нѣтъ, это будетъ стоить всего пятьсотъ экю.

— И ты за пятьсотъ экю нашла человѣка, который согласился, чтобы его убили?

— Да, слушай. Сторожъ, которому поручено смотрѣть за ла-Молемъ и Коконна, отставной солдатъ, прекрасно понимающій, что такое рана. Онъ не прочь спасти нашихъ друзей, но не желаетъ терять изъ-за этого мѣсто. Ловко нанесенный ударъ кинжаломъ уладитъ все. Мы вознаградимъ сторожа, начальство, съ своей стороны, тоже дастъ ему награду. И, такимъ образомъ, этотъ честный человѣкъ получитъ съ обѣихъ сторонъ и олицетворитъ сказку о пеликанѣ.

— Но ударъ кинжаломъ... — начала было Маргарита.

— Не безпокойся, — прервала ее Генріэтта, — его нанесетъ Аннибалъ.

— Онъ, дѣйствительно, самый подходящій для этого человѣкъ,—смѣясь, сказала Маргарита. — Онъ нанесъ ла-Молю три удара шпагой и кинжаломъ, а ла-Моль все-таки не умеръ. Да, на него можно положиться.

— Злая! Мнѣ слѣдовало бы остановиться на этомъ и не говорить ничего больше; ты, право же, заслуживаешь этого.

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, умоляю тебя! Ну, какъ же мы ихъ спасемъ?

— Вотъ какъ будетъ дѣло: тюремная церковь — единственное мѣсто, куда допускаются постороннія женщины, не арестантки. Насъ спрячутъ тамъ. Тутъ друзья наши найдутъ два кинжала. Дверь ризницы будетъ отперта заранѣе. Коконна ранитъ сторожа, который упадетъ и притворится мертвымъ. Въ эту минуту появляемся мы, набрасываемъ плащи на плечи нашихъ друзей и бѣжимъ съ ними черезъ заднюю дверь ризницы. Такъ какъ мы знаемъ пароль, то насъ пропускаютъ безъ затрудненія.

— А потомъ, когда мы выйдемъ?

— Двѣ лошади будутъ стоять около воротъ. Ла-Моль и Коконна вскакиваютъ на нихъ и уѣзжаютъ въ Лотарингію, откуда время отъ времени возвращаются сюда инкогнито.

— Ахъ, я оживаю!—воскликнула Маргарита.—Значитъ, мы ихъ спасемъ?

— Я почти ручаюсь за это.

— И скоро?

— Дня черезъ три, черезъ четыре. Болье предупредить насъ.

— А что, если тебя узнаютъ въ Венсенѣ? Это можетъ погубить весь нашъ планъ.

— Какъ же это меня узнаютъ? Я прихожу туда переодѣтая монахиней, подъ покрываломъ, изъ-подъ котораго никто не видитъ и кончика моего носа.

— Дѣло въ томъ, что намъ нужно быть какъ можно осторожнѣе.

— Точно я этого не знаю, mordi! какъ сказалъ бы бѣдный Коконна.

— А король Наваррскій? Справилась ты о немъ?

— Конечно.

— Ну, и что же?

— Ну, онъ, повидимому, никогда еще не былъ такъ веселъ и счастливъ, какъ теперь. Онъ поетъ, отлично обѣдаетъ и проситъ только одного: чтобы его стерегли какъ можно лучше.

— И хорошо дѣлаетъ. А моя мать?

— Я уже говорила тебѣ, что она сама руководитъ слѣдствіемъ и старается, насколько возможно, ускорить его.

— Но вѣдь у нея нѣтъ никакихъ подозрѣній противъ насъ?

— А какъ можетъ она подозрѣвать насъ? Наша тайна въ рукахъ людей, которые, ради своей собственной выгоды, должны хранить ее. Ахъ, я узнала, что она велѣла парижскимъ судьямъ быть наготовѣ.

— Намъ нужно спѣшить, Генріэтта. Если нашихъ бѣдныхъ заключенныхъ переведутъ въ другую тюрьму, намъ придется начинать все сначала.

— Будь покойна. Я не меньше тебя желаю видѣть ихъ на свободѣ.

— О, да, я знаю это. И благодарю, тысячу разъ благодарю тебя за твои старанія добиться этого.

— Прощай, Маргарита. Я снова выступлю въ походъ.

— О, какъ я люблю тебя, Генріэтта! — воскликнула Маргарита, бросившись въ объятія герцогини.

Потомъ подруги разстались, сговорившись сойтись завтра и затѣмъ видаться каждый день въ томъ же домѣ и въ одинъ и тотъ же часъ.

Вотъ этихъ-то двухъ прелестныхъ, любящихъ женщинъ и называлъ Коконна „невидимыми щитами“.

XXVI.

Судьи.

— Ну, что же, любезный другъ, — сказалъ ла-Молю Коконна, увидѣвшись съ нимъ послѣ допроса, во время котораго въ первый разъ зашла рѣчь о восковой фигурѣ, — по-моему, все идетъ прекрасно. Скоро судьи откажутся отъ насъ, а это совсѣмъ не то, что отказъ врача лѣчить кого-нибудь: когда врачъ отказывается отъ больного, это значитъ, что онъ не можетъ спасти его; а когда судья отказывается отъ обвиняемаго, это значитъ, напротивъ, что онъ потерялъ надежду отправить его на тотъ свѣтъ.

— Да, — отвѣтилъ ла-Моль, — мнѣ даже кажется, что этимъ вѣжливымъ обращеніемъ, снисходительностью сторожей и легкостью, съ какой отворяются передъ нами двери, мы обязаны покровительству любимыхъ нами женщинъ. Но я совсѣмъ не узнаю г. Болье, судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что мнѣ разсказывали о немъ.

— Ну, а я узнаю его,—сказалъ Коконна.—Только его помощь обойдется имъ дорого. Но бѣда невелика. Одна изъ нихъ принцесса, а другая—королева. Обѣ онѣ богаты и никогда не представится имъ случая употребить деньги съ большею пользою, чѣмъ теперь... Ну-съ, повторимъ вкратцѣ нашъ урокъ. Насъ ведутъ въ тюремную церковь и оставляютъ подъ присмотромъ нашего сторожа. Мы находимъ въ условленномъ мѣстѣ по кинжалу; я прокалываю брюхо сторожу...

— Нѣтъ, нѣтъ, въ такомъ случаѣ ты лишишь его возможности получить пятьсотъ экю. Лучше руку.

— Руку? Да такая рана погубитъ этого бѣднаго малаго. Всѣ тотчасъ же поймутъ, что онъ былъ слишкомъ снисходителенъ къ намъ, а я къ нему. Ужъ лучше я раню его въ правый бокъ, но такъ ловко, что кинжалъ скользнетъ по ребрамъ. Такой ударъ безопасенъ и не можетъ возбудить подозрѣнія.

— Хорошо, пусть такъ. А потомъ...

— Потомъ мы забаррикадируемъ скамейками главный входъ, а наши двѣ принцессы выбѣгутъ къ намъ и Генріэтта отворитъ заднюю дверь. Клянусь честью, я теперь люблю Генріэтту еще больше, чѣмъ прежде.

— Черезъ нѣсколько минутъ, — сказалъ ла-Моль тѣмъ трепетнымъ голосомъ, который, какъ музыка, слетаетъ съ губъ,— черезъ нѣсколько минутъ мы въ лѣсу. Горячій поцѣлуй каждому изъ насъ—и мы веселы и сильны. Можешь ты себѣ представить, Аннибалъ, какъ мы несемся на быстрыхъ коняхъ,

легкой тревогой въ сердцѣ? Небольшой страхъ — это такъ пріятно! Такъ хорошо чувствовать его на волѣ, когда есть шпага на боку, когда пришпориваешь быструю лошадь и она несется, какъ стрѣла!

— Да, это такъ, — согласился Коконна,—но другое дѣло— испытать страхъ въ четырехъ стѣнахъ. Я могу судить объ этомъ, такъ какъ испыталъ нѣчто подобное. Когда Болье съ своимъ блѣднымъ лицомъ вошелъ въ первый разъ въ мою камеру и позади него блеснули въ полусвѣтѣ алебарды и послышался звонъ оружія, клянусь честью, я тотчасъ же подумалъ о герцогѣ Алансонскомъ и мнѣ показалось, что я сію минуту увижу его отвратительное лицо между двумя солдатами съ аллебардами.

— Значитъ, — сказалъ ла-Моль, который былъ занятъ своими мыслями и не слушалъ разсужденій друга, — значитъ, онѣ подумали обо всемъ, даже о томъ, куда намъ скрыться. Мы уѣдемъ въ Лотарингію, любезный другъ. По правдѣ сказать, я бы предпочелъ Наварру: тамъ я былъ бы у нея. Но Наварра далеко и потому Нанси удобнѣе. Мы будемъ всего въ восьмидесяти лье отъ Парижа. Знаешь, Аннибалъ, о чемъ я жалѣю, покидая тюрьму?

— Ужъ, конечно, нѣтъ. Я, съ своей стороны, оставляю всѣ мои сожалѣнія здѣсь.

— Мнѣ жаль, что мы не можемъ взять съ собою нашего сторожа, вмѣсто того...

— Да онъ и самъ не захотѣлъ бы отправиться съ нами: это было бы слишкомъ невыгодно для него. Подумай только: пятьсотъ экю отъ насъ да награда отъ начальства, а можетъ-быть и повышеніе. Какъ онъ будетъ счастливъ, этотъ плутъ, когда я убью его!.. Что такое съ тобою?

— Ничего. Мнѣ пришла въ голову одна мысль.

— Должно-быть, не особенно веселая, потому что ты страшно поблѣднѣлъ.

— Я раздумывалъ о томъ, зачѣмъ насъ поведутъ въ церковь.

— Что же тутъ раздумывать? — сказалъ Коконна.—Конечно, затѣмъ, чтобы мы могли причаститься.

— Но вѣдь въ церковь водятъ только приговоренныхъ къ пыткѣ или осужденныхъ на смерть, — пояснилъ ла-Моль.

— Ого, это заслуживаетъ вниманія, — сказалъ Коконна, тоже слегка поблѣднѣвъ. — Поразспросимъ-ка на этотъ счетъ вонъ того честнаго малаго, котораго мнѣ скоро нужно будетъ убить... Эй, сторожъ! Любезный другъ!

— Вы звали меня, сударь? — спросилъ сторожъ, стоявшій на караулѣ. — Что вамъ угодно?

— Вѣдь рѣшено, что мы бѣжимъ изъ церкви — такъ?

— Тише! — сказалъ сторожъ, съ ужасомъ оглядываясь по сторонамъ.

— Не безпокойся, никто не услышитъ насъ.

— Да, сударь, изъ церкви.

— Значитъ, насъ поведутъ въ церковь?

— Конечно, такъ ужъ водится.

— Такъ водится?

— Да, сударь. Осужденнымъ на смерть всегда позволяютъ провести ночь въ церкви.

Коконна и ла-Моль вздрогнули и переглянулись.

— Значитъ, вы думаете, что насъ приговорятъ къ смерти? — спросили они въ одинъ голосъ.

— Конечно... да вѣдь и вы думаете то же самое.

— Какъ и мы? — сказалъ ла-Моль.

— Разумѣется. Если бы вы не думали этого, то не собирались бы бѣжать.

— А, знаешь, въ его словахъ много правды, — сказалъ ла-Молю Коконна.

— Да... И я знаю еще, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, что мы рѣшаемся на очень рискованное предпріятіе.

— А я! — воскликнулъ сторожъ. — Развѣ вы полагаете, что я ничѣмъ не рискую?.. Что, если г. графъ забудется и ранитъ меня не въ тотъ бокъ?

— Насъ приговорятъ къ смерти! — прошепталъ ла-Моль.— Нѣтъ, это невозможно!

— Невозможно? Почему же? — спросилъ сторожъ.

— Тсъ! — шепнулъ Коконна. — Мнѣ показалось, что внизу отворилась дверь.

— Такъ оно и есть, — сказалъ сторожъ. — Идите, господа — идите по своимъ камерамъ.

— А какъ вы думаете, когда будетъ судъ? — спросилъ ла-Моль.

— Самое позднее завтра. Но не безпокойтесь: тѣ, кого нужно извѣстить объ этомъ, будутъ извѣщены.

— Такъ обнимемся, Аннибалъ, и простимся съ этими стѣнами.

Друзья бросились другъ другу въ объятія, а потомъ разошлись по своимъ комнатамъ.

До семи часовъ вечера не произошло ничего особеннаго. На Венсенскій замокъ спустилась темная, дождливая ночь, какъ нельзя болѣе подходящая для бѣгства. Коконна принесли ужинъ, который онъ съѣлъ съ своимъ обычнымъ аппетитомъ, раздумывая въ то же время о предстоящемъ ему удовольствіи мокнуть подъ этимъ дождемъ, стучавшимъ въ стѣны

Онъ уже началъ дремать подъ глухой, монотонный шумъ вѣтра, какъ вдругъ ему показалось, что этотъ шумъ какъ-то сразу усилился, а вѣтеръ сталъ еще съ большею яростью завывать въ трубѣ. Это явленіе происходило каждый разъ, какъ отворяли одну изъ камеръ верхняго этажа, а въ особенности ту, которая была напротивъ комнаты Аннибала. И по этимъ признакамъ онъ всегда узнавалъ, что къ нему сейчасъ войдетъ сторожъ: они означали, что онъ уходитъ отъ ла-Моля.

Однако на этотъ разъ Коконна тщетно вытягивалъ шею и напрягалъ слухъ.

Время проходило, а къ нему не шелъ никто.

— Странно, — говорилъ себѣ Коконна.— Отъ ла-Моля вышли, а ко мнѣ не идутъ. Или ла-Моль позвалъ къ себѣ сторожа? Ужъ не заболѣлъ ли онъ? Не понимаю, что это значитъ!

Все возбуждаетъ подозрѣніе и тревогу въ заключенномъ, точно такъ же, какъ все можетъ вызвать въ немъ надежду и радость.

Прошло полчаса... часъ... полтора часа.

Коконна началъ уже засыпать съ досады, какъ вдругъ услыхалъ, что въ замокъ вкладываютъ ключъ.

— Ого! — пробормоталъ онъ, вскочивъ. — Неужели ужъ пришло время отъѣзда и насъ поведутъ въ церковь прежде объявленія приговора? Mordi! Какъ пріятно будетъ ѣхать въ такую темную ночь, когда въ двухъ шагахъ ничего не видно. Только бы лошади не сбились съ дороги!

Онъ хотѣлъ обратиться съ разспросами къ сторожу, но тотъ приложилъ палецъ къ губамъ и бросилъ на Коконна выразительный взглядъ.

Позади него слышался шумъ и виднѣлись какія-то тѣни.

Вдругъ Коконна различилъ въ темнотѣ двѣ каски, блеснувшія отъ упавшаго на нихъ свѣта.

— Что значитъ эта зловѣщая свита? — вполголоса сказалъ онъ. — Куда же мы идемъ?

Сторожъ не отвѣтилъ ни слова. Изъ груди его вырвался только вздохъ, похожій на стонъ.

— Mordi! — пробормоталъ Коконна.— Что за проклятая жизнь! Всегда крайности и никогда нѣтъ твердой почвы подъ ногами. То шлепаешь на сто футовъ въ водѣ, то паришь надъ облаками! А средины нѣтъ... Скажите, пожалуйста, куда мы идемъ?

— Слѣдуйте за стражей, — отвѣтилъ какой-то шепелявый голосъ. И Коконна понялъ, что съ солдатами, которыхъ онъ видѣлъ мелькомъ, былъ еще кто-то.

— А. г. де-ла-Моль? — снова спросилъ пьемонтецъ. — Гдѣ онъ? Что съ нимъ сталось?

— Слѣдуйте за стражей, — повторилъ тѣмъ же тономъ тотъ же голосъ.

Приходилось повиноваться. Коконна вышелъ изъ комнаты и увидѣлъ человѣка въ черной одеждѣ, голосъ котораго такъ не понравился ему. Это былъ маленькій, горбатый судебный приставъ; онъ, должно-быть, поступилъ и на службу въ судъ собственно для того, чтобы подъ длиннымъ платьемъ не видно было его кривыхъ ногъ.

Они медленно спустились съ винтовой лѣстницы. Въ первомъ этажѣ стража остановилась.

Дверь отворилась. У Коконна были глаза рыси, чутье ищейки. Онъ почуялъ судей и увидалъ въ темномъ углу фигуру человѣка съ засученными рукавами, при видѣ котораго потъ выступилъ у него на лбу. Тѣмъ не менѣе, онъ улыбнулся, склонилъ голову налѣво, какъ было принято въ то время у щеголей, и, подбоченившись, вошелъ въ залу.

Подняли портьеру, и Коконна увидалъ судей и актуаріусовъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сидѣлъ на скамьѣ ла-Моль.

Коконна подвели къ судьямъ. Онъ съ улыбкой кивнулъ ла-Молю и остановился въ ожиданіи.

— Ваше имя? — спросилъ предсѣдатель.

— Маркъ-Аннибалъ де-Коконна,—любезно отвѣтилъ пьемонтецъ, — графъ де-Монпантье, Шено и другихъ мѣстъ... Полагаю, впрочемъ, что все это уже извѣстно вамъ?

— Гдѣ вы родились?

— Въ Сенъ-Коломбанѣ, близъ Сузы.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать семь лѣтъ и три мѣсяца.

— А теперь, — сказалъ предсѣдатель, немного помолчавъ, чтобы дать актуріусу время записать отвѣты подсудимаго,— а теперь объясните, зачѣмъ оставили вы службу у герцога Алансонскаго?

— Чтобы присоединиться къ моему другу ла-Молю, который сидитъ вонъ тамъ. Въ то время онъ уже не служилъ у герцога.

— Что дѣлали вы на охотѣ, во время которой васъ арестовали?

— Что дѣлалъ? Конечно, охотился.

— Король тоже участвовалъ въ охотѣ и тамъ начались съ нимъ первые припадки болѣзни, которая не прошла и до сихъ поръ.

— Относительно этого я положительно ничего не могу сказать, такъ какъ не былъ около короля. Я даже не зналъ, что онъ боленъ.

Судьи переглянулись, недовѣрчиво улыбнувшись.

— А, вы не знали этого?—сказалъ предсѣдатель.

— Да, и очень жалѣю, что его величество заболѣлъ. Хоть король Французскій и не мой король, но я очень люблю его.

— Неужели?

— Честное слово! Вотъ о его братѣ, герцогѣ Алансонскомъ, не могу сказать этого. Говоря откровенно, онъ...

— Теперь дѣло идетъ не о герцогѣ Алансонскомъ, а о его величествѣ.

— Вѣдь я уже сказалъ вамъ, что я его покорнѣйшій слуга,— отвѣтилъ Коконна, съ самымъ развязнымъ видомъ покачиваясь и переступая съ ноги на ногу.

— Если вы, дѣйствительно, покорнѣйшій слуга его величества, какъ вы утверждаете, то потрудитесь сказать намъ все, что вамъ извѣстно о магической восковой фигуркѣ.

— Ага! Мы, повидимому, опять возвращаемся къ этой фигуркѣ?

— Совершенно вѣрно. А вамъ не нравится это?

— Нѣтъ, совершенно напротивъ, это мнѣ больше по душѣ.

— Почему эта фигурка была у г. де-ла-Моля?

— У г. де-ла-Моля? Эта фигурка? Вы, должно-быть, хотѣли сказать у Ренэ?

— Вы, значитъ, признаете, что она существуетъ?

— Покажите мнѣ ее, и тогда я отвѣчу вамъ.

— Вотъ она. Узнаете вы ее?

— Узнаю.

— Актуаріусъ,—сказалъ судья,—запишите, что подсудимый узналъ эту фигурку и видѣлъ ее у ла-Моля.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Коконна.—Зачѣмъ путать? Я видѣлъ ее у Ренэ.

— Хорошо, пусть у Ренэ. А когда?

— Въ тотъ день, какъ я и ла-Моль были у него въ первый и послѣдній разъ.

— Значитъ, вы сознаетесь, что были съ г. де-ла-Молемъ у Ренэ?

— Конечно. Развѣ я когда-нибудь отрицалъ это?

— Актуаріусъ,—сказалъ предсѣдатель,—запишите, что подсудимый былъ у Ренэ съ цѣлью колдовства.

— Постойте, постойте, г. предсѣдатель! — воскликнулъ Коконна.—Умѣрьте, пожалуйста, вашъ пылъ. Я не говорилъ ничего подобнаго

— Вы отрицаете, что были у Ренэ съ цѣлью колдовства?

— Отрицаю. Колдовство произошло случайно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

— Но оно все-таки было?

— Да, было, дѣйствительно, что-то въ родѣ заклинаній.

— Актуаріусъ, запишите: подсудимый сознался, что у Ренэ дѣлались заклинанія противъ жизни короля.

— Какъ? Противъ жизни короля? Это низкая ложь! Никакихъ заклинаній противъ жизни короля не дѣлалось.

— Вотъ видите, господа! — сказалъ ла-Моль.

— Молчите! — остановилъ его предсѣдатель и прибавилъ, обращаясь къ актуаріусу: — Противъ жизни короля. Написали?

— Да нѣтъ же, это невѣрно! — сказалъ Коконна. — Къ тому же это фигурка женщины, а не мужчины.

— Ну, что я вамъ говорилъ, господа? — снова вмѣшался ла-Моль.

— Г. де-ла-Моль, — сказалъ предсѣдатель. — Вы будете отвѣчать, когда мы станемъ спрашивать васъ. Но прошу васъ не мѣшать допросу другихъ... Итакъ, г. Коконна, вы утверждаете, что это изображеніе женщины?

— Конечно, утверждаю.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, на ней корона и королевская мантія?

— Чортъ возьми, это очень просто, — отвѣтилъ Коконна. — Потому...

Ла-Моль всталъ и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Да, это вѣрно, — сказалъ Коконна. — Къ чему разсказывать то, что не представляетъ никакого интереса для васъ, господа?

— Вы продолжаете утверждать, что эта восковая фигурка изображаетъ женщину?

— Разумѣется, продолжаю.

— И вы отказываетесь сказать, кто эта женщина?

— Это моя соотечественница, — отвѣтилъ ла-Моль. — Я любилъ ее и хотѣлъ, чтобы она полюбила меня.

— Васъ не спрашиваютъ, г. де-ла-Моль! — сказалъ предсѣдатель. — Молчите, а не то я велю положить вамъ въ ротъ кляпъ!

— Кляпъ? — воскликнулъ Коконна. — Какъ вы сказали? Моему другу положатъ въ ротъ кляпъ?.. Дворянину?.. Полноте!

— Введите Ренэ, — сказалъ генеральный прокуроръ.

— Да, введите Ренэ, — повторилъ Коконна. — Мы увидимъ, кто правъ: вы трое или мы двое.

Ренэ вошелъ блѣдный, постарѣвшій и до такой степени измѣнившійся, что наши друзья съ трудомъ узнали его. Престу

женіе, которое онъ собирался совершить, угнетало его больше, чѣмъ всѣ тѣ, которыя онъ совершилъ раньше.

— Метръ Ренэ, — сказалъ судья, — узнаете вы двухъ подсудимыхъ, находящихся здѣсь?

— Да, узнаю, — отвѣтилъ Ренэ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Гдѣ вы ихъ видали?

— Въ разныхъ мѣстахъ и у себя въ домѣ.

— Сколько разъ они были у васъ?

— Одинъ разъ.

— А зачѣмъ они приходили къ вамъ?

Ренэ какъ будто колебался съ минуту.

— Чтобы заказать мнѣ восковую фигурку,—наконецъ отвѣтилъ онъ.

— Извините, извините, метръ Ренэ,—возразилъ Коконна,— вы немножко ошиблись.

— Молчите!—остановилъ его предсѣдатель и, обернувшись къ Ренэ, продолжалъ: — Эта фигурка изображала мужчину или женщину?

— Мужчину, — отвѣтилъ Ренэ.

Коконна вздрогнулъ, какъ будто отъ электрическаго удара.

— Какъ мужчину?— воскликнулъ онъ.

— Да, мужчину, — снова сказалъ Ренэ, но такъ тихо, что предсѣдатель съ трудомъ услыхалъ его.

— А почему на этой фигуркѣ королевская мантія и корона?

— Потому, что она изображаетъ короля.

— Низкій лжецъ!—въ отчаяніи воскликнулъ Коконна.

— Молчи, Коконна, молчи! — остановилъ его ла-Моль. — Предоставь этому человѣку говорить: каждый воленъ погубить свою душу.

— Но не тѣло же другихъ, mordi!

— Съ какой цѣлью въ сердце фигурки воткнута иголка, къ которой привязанъ ярлычокъ съ буквой „М“?

— Иголка изображаетъ шпагу или кинжалъ, буква „М“ значитъ „Mort“.

Коконна хотѣлъ было броситься на Ренэ и задушить его, но четверо конвойныхъ удержали его.

— Хорошо,— сказалъ прокуроръ Лагель, — дѣло достаточно выяснилось для суда. Отведите подсудимыхъ въ разныя комнаты,— тамъ они подождутъ приговора.

— Но вѣдь не можемъ же мы, — воскликнулъ Коконна, — выслушивать подобныя обвиненія, не протестуя!

— Протестуйте, сколько угодно, никто не мѣшаетъ вамъ... Конвойные, вы слышали?

ый воз-
Конвойные вывели подсудимыхъ: Коконна — в... Зала,
ла-Моля — въ другую. ...чну дв... ылъ

Потомъ прокуроръ подошелъ къ Ренэ, который, дрожа, что его отправятъ назадъ въ Шатлэ, гдѣ его держали въ... ключеніи, и сказалъ ему:

— Будьте покойны. Король и королева узнаютъ, что истина обнаружилась благодаря вамъ.

Но это обѣщаніе не только не успокоило Ренэ, а, казалось, напротивъ, какъ будто окончательно сразило его. Онъ ничего не отвѣтилъ и только глубоко вздохнулъ.

XXVII.

„Испанскіе сапоги".

Коконна отвели въ новую камеру и заперли за нимъ дверь. Только теперь, когда онъ остался одинъ и поддерживавшее его возбужденіе отъ спора съ судьями и раздраженіе противъ Ренэ нѣсколько улеглись, тяжелыя мысли овладѣли имъ.

— Дѣло, какъ кажется, принимаетъ дурной оборотъ, — пробормоталъ онъ. — Намъ пора бы отправиться въ церковь. Въ эту минуту насъ, навѣрное, приговариваютъ къ смерти... Непріятная вещь эти смертные приговоры, а въ особенности, когда они произносятся при закрытыхъ дверяхъ, въ крѣпости, въ присутствіи всѣхъ этихъ отвратительныхъ фигуръ, окружавшихъ меня сегодня! Намъ, какъ видно, хотятъ, не шутя, отрубить головы... Гмъ! Гмъ!.. Да, теперь самая пора итти въ церковь.

За этими, произнесенными вполголоса, словами послѣдовало молчаніе. И вдругъ, среди глубокой тишины, раздался отчаянный, заглушенный крикъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Крикъ этотъ, казалось, пронизалъ толстую стѣну и отдался въ желѣзной рѣшеткѣ окна.

Коконна невольно вздрогнулъ. А между тѣмъ онъ не зналъ страха и въ его беззавѣтной храбрости было даже что-то въ родѣ инстинкта хищнаго звѣря. Онъ замеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ услыхалъ этотъ отчаянный вопль. Ему казалось, что такъ не могъ закричать человѣкъ. Должно-быть, это вѣтеръ застоналъ между деревьями или донесся одинъ изъ тѣхъ ночныхъ звуковъ, которые какъ будто спускаются или поднимаются изъ двухъ невѣдомыхъ міровъ, между которыми вертится наша земля. Въ то время, какъ Коконна стоялъ, чутко прислушиваясь, снова раздался вопль, еще болѣе дикій, еще болѣе отчаянный. На этотъ разъ Коконна не только различилъ совер-

что это человѣческій голосъ, но ему даже пока-
...что крикнулъ ла-Моль.

...хавъ этотъ голосъ, пьемонтецъ забылъ, что находится ...двумя запертыми дверями и тремя желѣзными рѣшетками, что стѣны его тюрьмы толщиною въ двѣнадцать футовъ. Онъ бросился на эту стѣну, какъ будто хотѣлъ пробить ее и кинуться на помощь своему другу.

— Здѣсь душатъ кого-то!—воскликнулъ онъ и, ударившись о стѣну, упалъ совсѣмъ разбитый на каменную скамью.

Все было тихо.

— Они убили его! — прошепталъ Коконна. — Это ужасно!.. И здѣсь нельзя защищаться... Ничего, никакого оружія!

Онъ протянулъ руки, ощупывая, не найдется ли чего подходящаго.

— А, вотъ желѣзное кольцо!—воскликнулъ онъ.—Я вырву его, и горе тому, кто приблизится ко мнѣ!

Коконна всталъ, схватился за кольцо и съ такой силой дернулъ его, что оно съ перваго же раза расшаталось.

Но въ эту минуту дверь отворилась, и два зажженныхъ факела освѣтили комнату.

— Потрудитесь итти за мной,—сказалъ все тотъ же, какъ-то особенно непріятный Коконна шепелявый голосъ, который не сталъ нисколько лучше отъ того, что говорилъ тремя этажами ниже.—Потрудитесь итти за мной; судъ васъ ждетъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Коконна, выпустивъ кольцо.—Мнѣ хотятъ прочитать приговоръ, вѣдь такъ?

— Да, такъ.

— Слава Богу! Идемъ.

И онъ послѣдовалъ за судебнымъ приставомъ, который шелъ своимъ мѣрнымъ шагомъ впереди, держа въ рукѣ черный жезлъ.

Несмотря на радость, которую въ первую минуту почувствовалъ Коконна, онъ бросалъ по дорогѣ тревожные взгляды направо, налѣво, впередъ и назадъ.

Вошли въ залу. Судей въ ней уже не было; остался только одинъ прокуроръ, который, какъ замѣтилъ Коконна, съ явнымъ недоброжелательствомъ предлагалъ ему вопросы во время слѣдствія.

Это былъ тотъ самый прокуроръ, которому Екатерина то письменно, то устно поручала заняться особенно внимательно этимъ дѣломъ.

Поднятый занавѣсъ позволялъ видѣть заднюю часть комнаты. На дальнемъ концѣ она была окутана темнотою, а тамъ, куда падалъ свѣтъ, имѣла такой ужасный видъ, что у Коконна задрожали ноги и онъ воскликнулъ: „О Господи!“

И не безъ основанія вырвался у него этотъ отчаянный возгласъ. Все окружающее имѣло самый зловѣщій видъ. Зала, которая была не видна во время допроса, когда занавѣсъ былъ спущенъ, казалась преддверіемъ ада. Это была зала пытокъ.

— На колѣни, Маркъ-Аннибалъ Коконна!—крикнулъ какой-то голосъ, заставившій пьемонтца поднять голову. — Встаньте на колѣни, чтобы выслушать приговоръ!

Это было одно изъ такихъ приказаній, противъ которыхъ инстинктивно возставала натура Коконна.

Онъ рѣшилъ не исполнять его, но два человѣка положили ему руки на плечи и такъ неожиданно, а главное съ такой силой нажали на нихъ, что Коконна упалъ на колѣни на каменныя плиты пола.

Голосъ продолжалъ:

„Приговоръ, постановленный судомъ, засѣдающимъ въ Венсенской тюрьмѣ, по дѣлу Марка-Аннибала де-Коконна, обвиненнаго и уличеннаго въ оскорбленіи величества, въ покушеніи на убійство короля посредствомъ отравленія, при помощи магіи и колдовства, въ заговорѣ, угрожавшемъ безопасности государства, и въ томъ, что своими зловредными совѣтами склонилъ къ возмущенію принца крови“...

При каждомъ изъ этихъ обвиненій Коконна качалъ головою и отбивалъ тактъ, какъ дѣлаютъ непослушные и упрямые школьники.

„Въ виду вышеизложеннаго,—продолжалъ судья,—упомянутаго Марка-Аннибала де-Коконна отвезутъ изъ тюрьмы на Гревскую площадь и отрубятъ ему голову. Помѣстья его будутъ конфискованы, высокій лѣсъ срубленъ на шесть футовъ отъ земли, замки разрушены и водруженъ столбъ съ мѣдной доской, на которой будетъ объявлено во всеобщее свѣдѣніе о его преступленіи и казни“.

— Голову мнѣ, должно-быть, дѣйствительно, отрубятъ, — сказалъ Коконна, — потому что она во Франціи и къ тому же попала въ очень опасное положеніе. Что же касается до моихъ лѣсовъ и замковъ, то пусть попробуетъ какая-нибудь пила или топоръ похозяйничать тамъ!

— Молчите! — остановилъ его судья и продолжалъ:

„Кромѣ того, онъ, вышепоименованный Коконна“...

— Какъ? — воскликнулъ Коконна. — Неужели со мной сдѣлаютъ что-нибудь и послѣ того, какъ отрубятъ голову? Ого! Это ужъ черезчуръ строго.

— Нѣтъ, — сказалъ судья, — не послѣ того, какъ отрубятъ голову, а прежде.

И онъ снова принялся за чтеніе:

„Кромѣ того, онъ, вышепоименованный Коконна, прежде исполненія приговора подвергнется пыткѣ десяти клиньевъ...“

Коконна вскочилъ и устремилъ на судью сверкающій взглядъ.

— Зачѣмъ же это?—воскликнулъ онъ, совсѣмъ растерявшись. Кромѣ этого наивнаго вопроса, онъ не могъ придумать ничего для выраженія множества нахлынувшихъ на него мыслей.

И, дѣйствительно, эта пытка разрушала всѣ его надежды. Ему придется итти въ церковь послѣ пытки, а отъ нея часто умираютъ. И умираютъ чаще всего самые сильные и храбрые люди, считающіе сознаніе позоромъ для себя. А если обвиняемый не сознавался, пытка продолжалась и не только продолжалась, но становилась еще мучительнѣе.

Судья не сказалъ ни слова; конецъ приговора, который онъ прочиталъ, отвѣтилъ за него.

„... чтобы заставить его назвать своихъ сообщниковъ и разсказать со всѣми подробностями всѣ ихъ планы и замыслы“.

— Mordi!—воскликнулъ Коконна.—Вотъ это я называю низостью—и не низостью, а подлостью!

Привыкшій къ гнѣву осужденныхъ на пытку,—гнѣву, который страданіе укрощало и превращало въ слезы, судья, холодный и безстрастный, сдѣлалъ рукою знакъ.

Въ то же мгновеніе Коконна схватили за ноги и за плечи, повалили, а потомъ положили на козлы и привязали къ нимъ. Все это произошло такъ быстро, что онъ не успѣлъ даже разсмотрѣть тѣхъ, кто произвелъ надъ нимъ это насиліе.

— Негодяи!—ревѣлъ Коконна, въ припадкѣ ярости толкая, тряся постель и самыя козлы такъ сильно, что мучители его отскочили.—Негодяи! Пытайте меня, мучьте меня, рѣжьте на куски—вы все-таки ничего не узнаете, клянусь вамъ! А, вы воображаете, что человѣка моего происхожденія можно заставить говорить съ помощью кусковъ дерева и желѣза? Попробуйте, попробуйте—поглядимъ!

— Приготовьтесь записывать, актуаріусъ,—сказалъ судья.

— Да, приготовься!—проревѣлъ Коконна.—И если ты запишешь все, что я скажу вамъ всѣмъ, низкіе палачи, то тебѣ будетъ вдоволь работы. Пиши, пиши!

— Хотите вы сдѣлать признанія?—все такъ же спокойно спросилъ судья.

— Я не скажу ничего... ни слова!.. Убирайтесь къ чорту!

— Вы, можетъ-быть, одумаетесь во время приготовленій... Надѣньте на подсудимаго испанскіе сапоги!

Человѣкъ съ веревкой въ рукѣ, до сихъ поръ стоявшій молча и неподвижно около колонны, тихо подошелъ къ Коконна, который обернулся, чтобы сдѣлать ему гримасу.

Это былъ палачъ города Парижа мэтръ Кабошъ.

Выраженіе горестнаго изумленія промелькнуло на лицѣ Коконна. Онъ не кричалъ, не метался и, лежа неподвижно, смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на этого забытаго друга, который очутился около него въ подобную минуту.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Кабоша; казалось, онъ видитъ Кокона въ первый разъ.

Совершенно спокойно онъ привязалъ ему двѣ доски съ наружной стороны ногъ и двѣ съ внутренней и крѣпко стянулъ ихъ веревкой, которую держалъ въ рукѣ.

Этотъ снарядъ назывался „испанскими сапогами".

При обыкновенной пыткѣ между досками вбивали шесть клиньевъ, и доски, раздаваясь, разрывали тѣло.

При особой, чрезвычайной пыткѣ вбивали десять клиньевъ, и тогда доски не только разрывали тѣло, но ломали и кости.

Покончивъ съ этими предварительными приготовленіями, мэтръ Кабошъ вложилъ конецъ клина между двумя досками и, опустившись на колѣно, держа въ рукѣ молотокъ, взглянулъ на судью.

— Будете вы говорить? — спросилъ тотъ, обращаясь къ Коконна.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтилъ пьемонтецъ, хоть чувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу и волосы поднимаются дыбомъ на головѣ.

— Въ такомъ случаѣ начинайте, — сказалъ судья. — Первый клинъ!

Кабошъ поднялъ тяжелый молотъ и изо всей силы ударилъ по клину, издававшему глухой звукъ.

Козлы задрожали.

При этомъ первомъ ударѣ, отъ котораго стонали самые выносливые люди, у Коконна не вырвалось ни одной жалобы.

Даже больше: на его лицѣ появилось выраженіе величайшаго изумленія. Онъ растерянно глядѣлъ на Кабоша, который, стоя съ поднятымъ молоткомъ, обернулся къ судьѣ, собираясь повторить ударъ.

— Продолжайте, — сказалъ Кабошу судья.

Кабошъ нанесъ второй ударъ.

Но Коконна даже не поморщился и продолжалъ все съ тѣмъ же изумленіемъ глядѣть на палача.

Судья нахмурилъ брови.

— Какое упорство! — пробормоталъ онъ. — Весь ли клинъ вошелъ?

Кабошъ нагнулся, какъ бы затѣмъ, чтобы хорошенько разсмотрѣть, и шепнулъ Коконна:

— Да кричите же, ради Бога!

И затѣмъ, выпрямившись, сказалъ:

— Весь, до самаго конца.

— Второй клинъ! — холодно проговорилъ судья.

Слова Кабоша объяснили Коконна все. Палачъ оказывалъ *своему другу* величайшую услугу, какую только можетъ оказать палачъ.

Онъ избавлялъ его не отъ одной боли, но и отъ позора признаній; клинья, которые онъ вбивалъ, были не дубовые, какъ бы слѣдовало, а эластичные, кожаные, обложенные деревомъ только на самомъ верху. Кромѣ того, Кабошъ давалъ Коконна возможность сберечь силы и войти бодрымъ на эшафотъ.

— Славный, честный Кабошъ! — прошепталъ Коконна. — Не бойся, я буду кричать, такъ какъ ты желаешь этого.

Между тѣмъ Кабошъ вложилъ между досками конецъ второго клина, который былъ еще больше, чѣмъ первый.

— Начинайте! — сказалъ судья.

Кабошъ ударилъ такъ сильно, какъ будто хотѣлъ разрушить этимъ однимъ ударомъ весь Венсенскій замокъ.

— Ай!.. Ай!.. Ой!.. — закричалъ на разные лады Коконна. — Вы ломаете мнѣ кости, чортъ возьми! Будьте же поосторожнѣе!

— Ага! — улыбаясь, сказалъ судья. — Второй клинъ подѣйствовалъ. А я ужъ начиналъ удивляться.

Коконна вздохнулъ, какъ кузнечные мѣхи.

— Что дѣлали вы въ лѣсу? — спросилъ судья.

— Чортъ возьми! Вѣдь я же говорилъ вамъ. Я искалъ прохлады и лежалъ въ тѣни.

— Продолжайте, — сказалъ палачу судья.

— Сознайтесь! — шепнулъ Кабошъ на ухо Коконна.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ угодно, но только сознайтесь.

И онъ снова ударилъ по клину такъ же сильно, какъ въ первый разъ.

Коконна чуть не задохнулся отъ крика.

— Ай!.. Ай!.. — вопилъ онъ. — Что вы желаете знать, г. судья? По чьему приказанію былъ я въ лѣсу?

— Да.

— По приказанію герцога Алансонскаго.

— Запишите, — сказалъ актуаріусу судья.

— Если я совершилъ преступленіе, разставивъ ловушку королю Наваррскому, — продолжалъ Коконна, — то я былъ лишь роудіемъ моего патрона.

Актуаріусъ торопливо записывалъ.

— А, ты выдалъ меня! — прошепталъ Коконна. — Хорошо же, я отомщу тебѣ!

Онъ разсказалъ, какъ Франсуа приходилъ къ королю Наваррскому и какъ онъ видѣлся съ де-Муи, а потомъ разъяснилъ исторію вишневаго плаща. Показаніе его прерывалось криками и стонами, такъ какъ время отъ времени ему все-таки продолжали вбивать клинья.

Въ концѣ-концовъ Коконна наговорилъ столько ужаснаго, но правдоподобнаго о герцогѣ Алансонскомъ, притворялся такъ ловко, что только невыносимая боль заставляетъ его выдавать герцога, такъ артистически стоналъ и кричалъ на разные лады, что самъ судья перепугался: показаніе Коконна ужъ слишкомъ компрометировало принца королевской крови.

Коконна сдѣлали нѣкоторое снисхожденіе и избавили его отъ послѣдняго — десятаго клина. Но первые девять ему пришлось вынести, чего было вполнѣ достаточно, чтобы совершенно раздробить ему ноги.

Судья указалъ Коконна на милость, которую ему оказали за то, что онъ сознался, и удалился.

Коконна остался наединѣ съ Кабошемъ.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ тотъ.

— Ахъ, мой другъ, мой дорогой Кабошъ! — воскликнулъ Коконна. — Повѣрь, что я буду признателенъ тебѣ всю мою жизнь за то, что ты сдѣлалъ для меня!

— И вы правы, г. графъ. Если бы узнали, что я сдѣлалъ для васъ, меня положили бы на тѣ же козлы и ужъ не пощадили бы, какъ я пощадилъ васъ.

— Но какъ пришла тебѣ въ голову такая блестящая мысль?

— Я узналъ, что васъ арестовали, — отвѣтилъ Кабошъ, завертывая ноги Коконна въ испачканное кровью полотно, — я зналъ, что ведется слѣдствіе и королева Екатерина хочетъ вашей смерти. Ну, я, конечно, догадался, что васъ подвергнутъ пыткѣ, и принялъ заранѣе свои мѣры.

— Съ такимъ страшнымъ рискомъ для себя?

— Вы единственный дворянинъ, пожавшій мнѣ руку. Хоть я палачъ, а можетъ-быть, именно поэтому у меня есть сердце и я не забываю добра. Увидите завтра, какъ мастерски будетъ сдѣлана моя работа.

— Какая работа?

Кабошъ съ удивленіемъ взглянулъ на Коконна.

— Какъ какая? Развѣ вы забыли о приговорѣ?

— Ахъ, да, приговоръ — я совсѣмъ забылъ о немъ.

На самомъ дѣлѣ, Коконна не то что забылъ, а просто не думалъ о приговорѣ.

Онъ думалъ о церкви, о кинжалѣ, о Генріэттѣ и королевѣ, о двери ризницы и о двухъ лошадяхъ на опушкѣ лѣса. Онъ думалъ о свободѣ, о быстрой ѣздѣ на вольномъ воздухѣ и о безопасности за предѣлами Франціи.

— Теперь нужно перенести васъ половчѣе на носилки, — сказалъ Кабошъ. — Не забывайте, что всѣ, даже мои помощники, должны думать, что у васъ разбиты ноги и потому кричите при каждомъ самомъ легкомъ прикосновеніи.

— Ай! — крикнулъ Коконна, увидавъ, что несутъ носилки.

— Полно, полно, мужайтесь! — сказалъ Кабошъ. — Ужъ если вы кричите теперь, то что же будетъ потомъ?

— Мой дорогой Кабошъ, — сказалъ Коконна, — не позволяйте вашимъ помощникамъ дотрогиваться до меня. Можетъ-быть, у нихъ не такъ легка рука, какъ у васъ.

— Поставьте носилки около козелъ, — сказалъ Кабошъ.

Слуги повиновались. Кабошъ обнялъ Коконна, взялъ его на руки, какъ ребенка, и осторожно положилъ на носилки. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, Коконна отчаянно кричалъ.

Къ носилкамъ подошелъ сторожъ съ фонаремъ.

— Въ церковь! — сказалъ онъ.

И носилки тронулись послѣ того, какъ Коконна во второй разъ пожалъ руку Кабоша.

XXVIII.

Церковь.

Печальное шествіе двинулось въ глубокомъ молчаніи впередъ и, миновавъ два подъемныхъ моста, направилось черезъ тюремный дворъ къ церкви, на оконныхъ стеклахъ которой выдѣлялись при блѣдномъ свѣтѣ фигуры апостоловъ въ красныхъ одеждахъ.

Коконна жадно вдыхалъ сырой ночной воздухъ и, смотря въ темноту, радовался, что все благопріятствуетъ бѣгству его и его друга.

Ему пришлось вооружиться всей силой своей воли и всѣмъ благоразуміемъ, чтобы не соскочить съ носилокъ, когда его внесли въ церковь и онъ увидалъ въ трехъ шагахъ отъ ризницы лежащаго человѣка въ бѣломъ плащѣ.

Это былъ ла-Моль.

Двое конвойныхъ, сопровождавшихъ носилки, остановились за дверью и не вошли въ церковь.

— Такъ какъ намъ дѣлаютъ величайшую милость, позволяя свидѣться еще разъ, — слабымъ голосомъ проговорилъ Коконна, — то поднесите меня, пожалуйста, къ моему другу.

Носильщики исполнили просьбу Коконна.

Ла-Моль былъ блѣденъ и мраченъ. Онъ прислонялся головою къ мраморной стѣнѣ; черные волосы его, отъ которыхъ его лицо казалось еще блѣднѣе, были смочены потомъ.

По знаку сторожа носильщики ушли за священникомъ, котораго попросилъ позвать Коконна.

Это былъ условный знакъ.

Коконна съ нетерпѣніемъ слѣдилъ глазами за уходившими носильщиками; но не онъ одинъ нетерпѣливо ждалъ ихъ ухода. Только что успѣли они скрыться, какъ двѣ женщины выбѣжали изъ ризницы.

Маргарита бросилась къ ла-Молю и обняла его.

Страшный крикъ вырвался у него изъ груди, такой же отчаянный крикъ, какъ тѣ, которые Коконна слышалъ изъ своей камеры и которые чуть не свели его съ ума.

— Господи! Что съ тобою?! — воскликнула Маргарита, съ ужасомъ отступая.

Ла-Моль застоналъ и поднесъ руки къ глазамъ, какъ бы для того, чтобы не видѣть Маргариту.

Это молчаніе, этотъ жестъ испугали ее еще больше, чѣмъ вырвавшійся у него крикъ боли.

— Да что же съ тобою?! — воскликнула она. — Ты весь въ крови!

Коконна, который уже схватилъ кинжалъ и обнялъ Генріэтту, обернулся.

— Вставай же, — говорила Маргарита, — ради Бога вставай! Намъ нельзя терять ни минуты!

Невыразимо грустная улыбка промелькнула на блѣдныхъ губахъ ла-Моля.

— Дорогая королева, — сказалъ онъ, — вы позаботились обо всемъ, но не приняли во вниманіе королеву Екатерину, т.-е. не разсчитывали на преступленіе. Я вынесъ пытку, у меня переломаны кости и все тѣло представляетъ одну сплошную рану. Даже при этомъ движеніи, которое я дѣлаю, чтобы поцѣловать васъ въ лобъ, я испытываю мучительную боль. Она хуже смерти.

И, сдѣлавъ страшное усиліе, поблѣднѣвъ еще больше, онъ прижалъ губы ко лбу королевы.

— Пытку! — воскликнулъ Коконна. — Но вѣдь и меня пытали. Развѣ палачъ не оказалъ тебѣ такой же услуги, какъ мнѣ?

И Коконна разсказалъ все.

— Это очень понятно, — сказалъ ла-Моль. — Ты подалъ ему руку, когда мы были у него. А я забылъ, что всѣ люди братья, я считалъ себя выше его. И Богъ наказываетъ меня за мою гордость.

Коконна и обѣ женщины съ ужасомъ переглянулись.

— Ну, что же? — сказалъ сторожъ, отходя отъ двери, около которой до сихъ поръ прислушивался. — Не теряйте времени, г. Коконна. Берите кинжалъ и раньте меня поскорѣе, но только такъ, какъ слѣдуетъ честному дворянину. Сію минуту придутъ!

Маргарита стояла передъ ла-Молемъ на колѣняхъ, какъ мраморная статуя на гробницѣ.

— Полно, любезный другъ, — сказалъ Коконна, — не падай духомъ! Я силенъ — я отнесу тебя и посажу на лошадь, даже на свою, передъ собою, если ты будешь не въ силахъ держаться на сѣдлѣ. Только ѣдемъ скорѣе. Слышишь, что говоритъ сторожъ? Вѣдь дѣло идетъ о нашей жизни!

Ла-Моль сдѣлалъ страшное, нечеловѣческое усиліе.

— Это правда, — сказалъ онъ, — дѣло идетъ о твоей жизни.

И онъ старался подняться.

Аннибалъ взялъ его подъ мышки и поставилъ на ноги. Ла-Моль только глухо стоналъ. Но когда Коконна выпустилъ его изъ рукъ и пошелъ къ сторожу, когда ла-Моля стали поддерживать женщины, ноги его подкосились, и онъ, какъ безжизненная масса, упалъ на полъ. Раздирающій крикъ, отъ котораго онъ не могъ удержаться, пронесся подъ сводомъ церкви, и эхо нѣсколько разъ повторило его.

— Вы видите, Маргарита, вы видите, моя королева, что я долженъ остаться здѣсь, — съ отчаяніемъ сказалъ ла-Моль. — Проститесь со мной въ послѣдній разъ и уходите. Я не сказалъ ничего, Маргарита. Ваша тайна хранится въ моемъ сердцѣ и умретъ вмѣстѣ со мною. Прощайте же, моя королева, прощайте!

Маргарита, и сама съ трудомъ державшаяся на ногахъ, взяла въ свои руки его голову и чуть не съ благоговѣніемъ поцѣловала его.

— А ты, Аннибалъ, — продолжалъ ла-Моль, — бѣги, спасайся! Ты не пострадалъ отъ пытки, ты молодъ и можешь жить. Бѣги, мой другъ, не лишай меня послѣдняго утѣшенія — знать, что ты свободенъ!

— Пора! — крикнулъ сторожъ. — Поторопитесь!

Генріэтта старалась увлечь за собою Коконна. Маргарита продолжала стоять на колѣняхъ около ла-Моля; съ своими

распустившимися волосами и глазами, полными слезъ, она походила на Магдалину.

— Бѣги же, Аннибалъ, бѣги! — повторилъ ла-Моль. — Не доставляй нашимъ врагамъ удовольствія присутствовать при казни двухъ невинныхъ людей.

Коконна тихонько оттолкнулъ Генріэтту, увлекавшую его къ двери, и сказалъ:

— Отдайте сначала пятьсотъ экю, которыя мы обѣщали сторожу.

— Вотъ, они,— сказала Генріэтта.

— Ты меня обижаешь, ла-Моль, — продолжалъ Коконна, грустно покачавъ головою,— думая, что я могу покинуть тебя. Развѣ не поклялся я жить и умереть вмѣстѣ съ тобою? Но ты такъ страдаешь, любезный другъ, что я прощаю тебя.

И онъ легъ около ла-Моля и коснулся губами его лба.

Потомъ осторожно и нѣжно онъ обнялъ его, какъ мать обнимаетъ своего ребенка, и положилъ его голову къ себѣ на грудь.

Лицо Маргариты было мрачно. Она подняла кинжалъ, который уронилъ Коконна.

Ла-Моль понялъ ея намѣреніе.

— О, моя королева, — сказалъ онъ, протягивая къ ней руки. — Я умираю, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе о нашей любви. Не забывайте этого!

— Но что же я могу сдѣлать для тебя, — въ отчаяніи воскликнула Маргарита, — если не могу даже умереть съ тобою?

— Ты можешь сдѣлать мнѣ смерть пріятной, — отвѣтилъ ла-Моль, — и тогда я встрѣчу ее съ улыбкой на губахъ.

Маргарита подошла къ нему и сложила руки, какъ бы умоляя его продолжать.

— Помнишь ты тотъ вечеръ, Маргарита,— спросилъ онъ,— когда взамѣнъ моей жизни, которую я предлагалъ отдать за тебя, и которую отдаю теперь, ты, съ своей стороны, дала мнѣ торжественное обѣщаніе?

Маргарита вздрогнула.

— А, ты дрожишь,— сказалъ ла-Моль,— значитъ, помнишь!

— Да, да, я помню мое обѣщаніе, — воскликнула Маргарита, — клянусь душою, я исполню его!

Лицо ла-Моля просіяло, какъ будто куполъ церкви вдругъ раздвинулся и съ неба блеснулъ лучъ свѣта.

— Идутъ!.. Идутъ!.. — сказалъ сторожъ.

Маргарита вскрикнула и бросилась къ ла-Молю; но, боясь усилить его страданія, она нерѣшительно остановилась около него.

Генріэтта поцѣловала Коконна въ лобъ.

— Я понимаю тебя, мой Аннибалъ, — сказала она, — и горжусь тобою. Ты умираешь изъ героизма, и я люблю тебя за этотъ героизмъ и буду любить всегда больше всего на свѣтѣ. Я не знаю, что обѣщала сдѣлать для ла-Моля Маргарита, но клянусь что сдѣлаю то же самое для тебя!

— Благодарю, — отвѣтилъ Коконна.

— Сдѣлайте мнѣ еще одну милость, моя королева, — сказалъ ла-Моль, — прежде чѣмъ покинете меня. Дайте мнѣ что-нибудь на память, что я могъ бы поцѣловать, входя на эшафотъ.

— О, да! — воскликнула Маргарита. — Возьми!

И она сняла золотой ковчежецъ съ мощами, висѣвшій у нея на шеѣ на золотой цѣпочкѣ.

— Вотъ святыня, которую я ношу съ дѣтства, — сказала она. — Мать надѣла ее на меня, когда я была совсѣмъ крошкой и когда она еще любила меня. Это подарокъ нашего дяди, папы Климента; я никогда не разставалась съ нимъ. Возьми его!

Ла-моль взялъ ковчежецъ и горячо поцѣловалъ его.

— Отворяютъ дверь, — сказалъ сторожъ. — Бѣгите, бѣгите!

Женщины бросились къ двери ризницы и исчезли.

Въ эту минуту вошелъ священникъ.

XXIX.

Гревская площадь.

Семь часовъ утра. Шумныя толпы народа тѣснятся на улицахъ, площадяхъ и на набережныхъ. Онѣ ждутъ.

Въ десять часовъ та самая телѣга, на которой привезли въ Лувръ ла-Моля и Коконна послѣ ихъ поединка, выѣхала изъ Венсенской тюрьмы и тихо двинулась по улицѣ Сентъ-Антуанъ. И всюду на ея пути зрители казались статуями съ неподвижнымъ взоромъ и окаменѣлыми губами.

Въ этотъ день королева-мать устраивала для парижанъ ужасное, кровавое зрѣлище.

На телѣгѣ, о которой мы говорили, полулежали на тонкой подстилкѣ изъ соломы наши два друга; они были всѣ въ черномъ и головы ихъ были обнажены. Коконна держалъ у себя на колѣняхъ ла-Моля, голова котораго выступала на край телѣги, а глаза неопредѣленно блуждали по сторонамъ.

Собравшіеся зрители, желая заглянуть въ самую глубь телѣги, старались, несмотря на страшную давку, пробраться

впередъ, поднимались на цыпочки, становились на тумбы, цѣплялись за выступы стѣнъ.

Говорили, что ла-Моль не сознался ни въ одномъ изъ взводимыхъ на него преступленій, а Коконна, напротивъ, не вынесъ мукъ и сознался.

— Посмотрите-ка вотъ на этого рыжаго, — раздавалось то тутъ, то тамъ. — Онъ не выдержалъ и разболталъ все. Это трусъ — изъ-за него-то и умираетъ другой. Тотъ, напротивъ, держалъ себя молодцомъ и не сказалъ ничего.

Два друга слышали и брань и похвалы, раздававшіяся на ихъ пути. Ла-Моль сжималъ руки Коконна, который, съ своей стороны, съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на тупоумную толпу, какъ будто ѣхалъ не на позорной, а на тріумфальной колесницѣ.

Несчастье оказало свое благотворное дѣйствіе на Коконна. Оно облагородило его лицо, подобно тому, какъ смерть должна была возвысить его душу.

— Скоро ли мы пріѣдемъ? — спросилъ ла-Моль. — Я, кажется, не выдержу и мнѣ сдѣлается дурно.

— Постарайся потерпѣть, ла-Моль: мы скоро будемъ проѣзжать мимо улицы Тизонъ и улицы Клошъ-Персе.

— О, подними, подними меня тогда! Дай мнѣ взглянуть еще разъ на этотъ счастливый домъ!

Коконна протянулъ руку и тронулъ за плечо палача, который сидѣлъ впереди и правилъ лошадью.

— Остановись, пожалуйста, на минуту,—сказалъ Коконна,— когда доѣдешь до улицы Тизонъ.

Кабошъ кивнулъ въ знакъ согласія и черезъ нѣсколько минутъ остановился.

Ла-Моль съ трудомъ приподнялся съ помощью Коконна. Со слезами на глазахъ взглянулъ онъ на запертый, тихій, какъ могила, домикъ и, глубоко вздохнувъ, прошепталъ:

— Прощай, молодость, любовь и жизнь!

И онъ опустилъ голову на грудь.

— Не унывай, — сказалъ Коконна, — можетъ-быть, все это мы найдемъ тамъ, на небѣ.

— Ты вѣришь этому? — спросилъ ла-Моль.

Вѣрю, потому что такъ говорилъ священникъ, а еще больше потому, что надѣюсь на это. Но ради Бога, не упади въ обморокъ, ла-Моль! Эти бездѣльники, не спускающіе съ насъ глазъ, стали бы смѣяться надъ нами.

Кабошъ услыхалъ эти послѣднія слова и, погоняя одной рукой лошадь, незамѣтно передалъ Коконна другою маленькую губку, смоченную нюхательнымъ спиртомъ. И когда ла-Моль

понюхалъ его и потеръ себѣ виски, то почувствовалъ, что силы возвращаются къ нему.

— А, я оживаю! — сказалъ онъ.

И онъ поцѣловалъ подарокъ Маргариты, висѣвшій у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ.

Когда доѣхали до конца набережной и повернули за уголъ около прелестнаго небольшого зданія, построеннаго Генрихомъ II, показался эшафотъ, возвышавшійся надъ головами толпы.

— Мнѣ хотѣлось бы умереть первому, другъ мой!—сказалъ ла-Моль.

Коконна снова тронулъ за плечо Кабоша.

— Что прикажете? — спросилъ тотъ, оборачиваясь

— Тебѣ хотѣлось оказать мнѣ какую-нибудь услугу?—спросилъ Коконна. — Ты, по крайней мѣрѣ, говорилъ это.

— Говорилъ и повторяю еще разъ.

— Мой другъ вынесъ пытку и потому онъ слабѣе меня; ему тяжело было бы присутствовать при моей смерти. Къ тому же, если я умру первый, некому будетъ внести его на эшафотъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Кабошъ, смахивая слезу. — Будьте покойны, я исполню ваше желаніе.

— И однимъ ударомъ, не правда ли? — шепнулъ Коконна.

— Однимъ.

Телѣга остановилась. Пріѣхали. Коконна надѣлъ шляпу.

Ла-Моль услыхалъ глухой шумъ, подобный шуму моря. Онъ хотѣлъ встать, но силы оставили его.

Кабошъ и Коконна должны были поддерживать его подъ руки.

Вся площадь была усѣяна головами; въ каждомъ окнѣ виднѣлись оживленныя лица съ блестящими глазами.

Когда увидали красиваго молодого человѣка, который едва держался на своихъ искалѣченныхъ во время пытки ногахъ и все-таки старался взойти безъ посторонней помощи на эшафотъ, со всѣхъ сторонъ раздались крики сочувствія и состраданія.

— Другъ мой, — сказалъ ла-Моль, — я не въ силахъ итти! Отнеси меня!

— Сейчасъ, — сказалъ Коконна.

Онъ сдѣлалъ знакъ палачу, который посторонился и пропустилъ его впередъ. Коконна нагнулся, взялъ ла-Моля на руки, какъ ребенка, и твердыми шагами взошелъ съ своей ношей по лѣстницѣ на эшафотъ среди неистовыхъ криковъ и рукоплесканій толпы.

Спустивъ ла-Моля съ рукъ, Коконна снялъ шляпу и поклонился, а потомъ бросилъ ее на эшафотъ.

— Погляди вокругъ, — шепнулъ ла-Моль. — Можетъ-быть, онѣ гдѣ-нибудь тутъ.

Коконна сталъ не спѣша осматриваться кругомъ площади. Вдругъ онъ остановился и, не отводя глазъ отъ мѣста, на которое смотрѣлъ, положилъ руку на плечо друга.

— Взгляни,—сказалъ онъ,—взгляни на окно этой башенки.

Двѣ женщины стояли, поддерживая другъ друга, не около самаго окна, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

— Я боялся только одного,—сказалъ ла-Моль,—боялся умереть, не увидавъ ее еще разъ. Теперь я увидалъ ее и могу умереть спокойно.

И, не спуская глазъ съ окна, онъ поднесъ ковчежецъ къ губамъ и осыпалъ его поцѣлуями.

Коконна, съ своей стороны, поклонился дамамъ такъ изящно, какъ будто былъ въ гостиной.

Въ отвѣтъ на это онѣ замахали мокрыми отъ слезъ платками.

Кабошъ дотронулся до плеча Коконна и бросилъ на него выразительный взглядъ.

— Да, да,—сказалъ пьемонтецъ и, обернувшись къ ла-Молю, прибавилъ: — Обними меня и умри хорошей, мужественной смертью. Тебѣ это не трудно—ты такой храбрый!

— Съ моей стороны не будетъ никакой заслуги умереть мужественно, — отвѣтилъ ла-Моль, — я ужасно страдаю.

Подошелъ священникъ и протянулъ ла-Молю распятіе.

Ла-Моль поцѣловалъ распятіе.

— Скорѣе, скорѣе, ла-Моль,—сказалъ Коконна,— мнѣ такъ тяжело за тебя... я чувствую, что слабѣю!

— Я готовъ, — отвѣтилъ ла-Моль.

— Можете вы держать голову прямо? — спросилъ Кабошъ, поднявъ шпагу надъ ла-Молемъ, который стоялъ на колѣняхъ, спиной къ нему.

— Надѣюсь, — сказалъ ла-Моль.

— Тогда все пойдетъ хорошо.

— Вы не забудете моей просьбы? — спросилъ ла-Моль. — Этотъ ковчежецъ отворитъ передъ вами всѣ двери.

— Будьте покойны... Постарайтесь держать голову еще прямѣе!

Ла-Моль вытянулъ шею и взглянулъ на башенку.

— Прощай, Маргарита, — прошепталъ онъ, — будь бла...

Онъ не кончилъ. Кабошъ взмахнулъ мечомъ и однимъ ударомъ отрубилъ ла-Молю голову. Она покатилась къ ногамъ Коконна.

Раздался страшный крикъ, крикъ тысячной толпы. И Коконна показалось, что изъ всѣхъ женскихъ голосовъ выдѣлился

одинъ, въ которомъ было больше отчаянія, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

— Спасибо, мой другъ, спасибо!—сказалъ Коконна, въ третій разъ пожимая руку палача.

— Сынъ мой,—спросилъ священникъ,—не желаете ли покаяться въ чемъ-нибудь передъ Богомъ?

— Нѣтъ, отецъ мой,—отвѣтилъ пьемонтецъ,—всѣ мои грѣхи, въ которыхъ я буду каяться передъ Нимъ, я уже сказалъ вамъ вчера, на исповѣди.

Потомъ, обратившись къ Кабошу, онъ прибавилъ:

— Ну, любезный другъ, окажи мнѣ теперь послѣднюю услугу!

Еще не опускаясь на колѣни, онъ оглядѣлъ толпу такими спокойными и ясными глазами, что шопотъ удивленія пробѣжалъ по ней. Шопотъ этотъ долетѣлъ до него и доставилъ ему удовольствіе, польстивъ его самолюбію. Потомъ онъ поднялъ голову ла-Моля, поцѣловалъ ее въ побѣлѣвшія губы и бросилъ еще одинъ взглядъ на башенку. Наконецъ, не выпуская изъ рукъ головы друга, онъ всталъ на колѣни и сказалъ:

— Я готовъ!

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ голова его скатилась съ плечъ.

Судорожная дрожь пробѣжала по тѣлу Кабоша.

— Ну, вотъ и конецъ!—сказалъ онъ.—Бѣдный юноша!

XXX.

Башня позорнаго столба.

Ночь спустилась на городъ, еще не успокоившійся послѣ казни, всѣ подробности которой передавались изъ устъ въ уста и омрачали въ каждомъ домѣ веселый часъ семейнаго ужина.

Лувръ представлялъ въ эту ночь рѣзкій контрастъ съ тихимъ, мрачнымъ городомъ: онъ сіялъ огнями, въ немъ было шумно и весело. Во дворцѣ предполагалось въ этотъ день большое празднество. Такъ пожелалъ Карлъ. Онъ распорядился, чтобы утромъ была казнь, а вечеромъ—балъ.

Наканунѣ вечеромъ королева Наваррская получила приказаніе присутствовать на этомъ балу. Такъ какъ она знала, что всѣ мѣры для спасенія ла-Моля и Коконна приняты, и была увѣрена, что они бѣгутъ изъ тюрьмы ночью, то и отвѣтила брату, что исполнитъ его желаніе.

Но послѣ свиданія съ ла-Молемъ въ церкви, разрушившаго всѣ надежды Маргариты, послѣ того, какъ она видѣла казнь человѣка, къ которому чувствовала такую глубокую любовь,

какой не испытала ни разу въ жизни, она дала себѣ слово не присутствовать на балу.

Король Карлъ IX далъ въ этотъ день новое доказательство замѣчательной силы воли, какой немногіе обладали въ такой степени, какъ онъ. Пролежавъ двѣ недѣли въ постели, худой, какъ скелетъ, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ около пяти часовъ всталъ и надѣлъ парадный костюмъ, несмотря на то, что ему во время туалета три раза дѣлалось дурно.

Около восьми часовъ онъ освѣдомился о сестрѣ, спросилъ, не видалъ ли ее кто-нибудь и не знаютъ ли, что она дѣлаетъ. Никто не могъ отвѣтить на это. Королева Наваррская вернулась домой въ одиннадцать часовъ и заперлась въ своихъ комнатахъ, не допуская къ себѣ никого.

Но для Карла не существовало запертыхъ дверей. Опираясь на руку капитана Нансэ, онъ отправился къ сестрѣ черезъ потайной ходъ и неожиданно вошелъ къ ней.

Онъ зналъ, что ему придется увидать грустную сцену и приготовился къ этому; но то, что онъ увидѣлъ, превзошло всѣ его ожиданія.

Маргарита, полумертвая, лежала на кушеткѣ, зарывъ голову въ подушки. Она не плакала и не молилась; изъ груди ея вырывалось только хриплое дыханіе, какъ у умирающей.

На другомъ концѣ комнаты герцогиня Неверская, эта неустрашимая женщина, лежала безъ чувствъ на коврѣ. Вернувшись съ Гревской площади, она, какъ и Маргарита, лишилась чувствъ, и бѣдная Гильона переходила отъ королевы къ герцогинѣ, не рѣшаясь обратиться къ нимъ со словами утѣшенія.

Карлъ вошелъ въ комнату, оставивъ капитана Нансэ въ коридорѣ.

Ни Маргарита ни Генріэтта не замѣтили его прихода. Одна только Гильона, хлопотавшая около пришедшей въ себя Генріэтты, увидала короля и съ испугомъ взглянула на него.

Король подошелъ къ Маргаритѣ. Онъ съ минуту молча смотрѣлъ на нее, а потомъ сказалъ съ оттѣнкомъ нѣжности, какой трудно было ожидать отъ его грубаго голоса:

— Марго!.. Сестра!..

Королева вздрогнула и приподнялась.

— Ваше величество! — сказала она.

— Полно, ободрись, сестра! — продолжалъ Карлъ.

Маргарита подняла глаза къ небу.

— Да, да, я знаю, — сказалъ король, — но выслушай меня.

Королева Наваррская кивнула головой.

— Ты обѣщала мнѣ быть на балу, — сказалъ Карлъ. — Если ты не придешь, это покажется страннымъ.

— Извините меня, братъ,—сказала Маргарита,—вы видите... я очень нездорова.

— Пересиль себя.

Маргарита, повидимому, старалась собраться съ силами и приподняться, но черезъ минуту онѣ оставили ее, и она снова упала на подушки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду, — прошептала она.

Карлъ взялъ ее за руку и, присѣвъ около нея на кушетку, сказалъ:

— Я знаю, что ты потеряла друга, Марго. Но сравни свое положеніе съ моимъ. Вѣдь я потерялъ не только всѣхъ моихъ друзей, но, что еще тяжелѣе, я потерялъ мать. Ты всегда могла плакать, какъ плачешь теперь, тогда какъ я, во время самыхъ ужасныхъ страданій, всегда принужденъ улыбаться. Ты нездорова, — посмотри на меня — я умираю. Ободрись, Марго! Я обращаюсь къ тебѣ съ этой просьбой, сестра, ради чести нашего дома. Эта честь—нашъ крестъ. Мы должны нести его, какъ несъ Свой крестъ на Голгоѳу Спаситель. А если упадемъ на дорогѣ, поднимемся и пойдемъ дальше такъ же мужественно и безропотно, какъ Онъ!

— О, Боже, Боже! — воскликнула Маргарита.

— Да, тебѣ тяжела эта жертва, сестра, — сказалъ Карлъ, отвѣчая на ея мысль,—но всѣмъ намъ приходится жертвовать чѣмъ-нибудь: однимъ—жизнью, другимъ—честью. Неужели ты думаешь, что мнѣ легко умирать? Вѣдь мнѣ всего двадцать пять лѣтъ и я король самаго лучшаго государства въ мірѣ... А посмотри на меня. Мои глаза, губы, цвѣтъ лица— все, дѣйствительно, говоритъ о томъ, что мнѣ ужъ недолго жить; но моя улыбка... развѣ по ней нельзя подумать, что я не теряю надежды? А между тѣмъ черезъ недѣлю или, самое большее, черезъ мѣсяцъ ты будешь плакать обо мнѣ, сестра, какъ плачешь теперь о томъ, кто умеръ сегодня.

— Братъ!—воскликнула Маргарита, обнимая его.

— Полно, одѣвайся, моя милая Маргарита, — сказалъ король.—Приходи на балъ и не будь такъ блѣдна. Я приказалъ принести тебѣ новыя драгоцѣнныя вещи и костюмъ, достойный твоей красоты.

— Брилліанты... платья! Къ чему мнѣ все это теперь?

— Жизнь долга, Маргарита,—съ улыбкой отвѣтилъ Карлъ, — по крайней мѣрѣ, для тебя.

— Приготовь мнѣ все, что нужно,—сказала Гильонѣ Маргарита,—сейчасъ одѣнусь... Нѣтъ, нѣтъ, не могу!

— Вспомни, сестра,—сказалъ Карлъ, — что мы чтимъ умершихъ больше, когда заглушаемъ или, вѣрнѣе, скрываемъ наше горе.

— Хорошо, государь, — дрожа, отвѣтила Маргарита, — я приду.

На глазахъ Карла показались слезы, тотчасъ же высохшія на его горячихъ рѣсницахъ.

Онъ наклонился къ сестрѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, остановился на минуту около Генріэтты, которая не видала его и не слыхала ни слова изъ того, что онъ говорилъ, и прошептавъ: „Бѣдная женщина!“ тихо вышелъ изъ комнаты.

Тотчасъ же послѣ его ухода явилось нѣсколько пажей съ футлярами и шкатулками.

Маргарита показала знакомъ, чтобы все это поставили на столъ.

Гильона съ изумленіемъ взглянула на свою госпожу.

— Да, я буду одѣваться, — сказала Маргарита тономъ, горечь котораго невозможно передать. — Я отправлюсь на балъ, меня ждутъ тамъ. Скорѣе, Гильона!

— А герцогиня? — спросила Гильона.

— О, она счастлива. Она можетъ остаться здѣсь, можетъ плакать, можетъ страдать — никто не помѣшаетъ ей. Она не дочь короля, не жена короля, не сестра короля. Она не королева... Помоги мнѣ одѣться, Гильона.

Молодая дѣвушка повиновалась. Драгоцѣнныя вещи были великолѣпны, платье роскошно. Никогда не была Маргарита такъ красива.

— Какой-то человѣкъ желаетъ видѣть васъ, ваше величество, — сказала ей Гильона.

— Кто это?

— Не знаю, ваше величество, но у него ужасный видъ. Я задрожала отъ страха, увидавъ его.

— Поди и спроси его имя, — блѣднѣя, сказала Маргарита.

Гильона вышла и черезъ минуту вернулась.

— Онъ не захотѣлъ сказать, какъ его зовутъ, ваше величество, но просилъ меня передать вамъ вотъ это.

И Гильона подала Маргаритѣ золотой ковчежецъ, который та дала наканунѣ вечеромъ ла-Молю.

— О, приведи, приведи его! — быстро проговорила королева и поблѣднѣла еще больше.

Паркетъ затрещалъ подъ тяжелыми шагами: какой-то человѣкъ вошелъ и остановился на порогѣ.

— Кто вы? — спросила королева.

— Я тотъ, кого ваше величество встрѣтили разъ около Монфокона. Я отвозилъ въ своей телѣгѣ въ Лувръ двухъ раненыхъ господъ.

— Да, да, я узнаю васъ. Вы Кабошъ?

— Палачъ города Парижа, ваше величество!

Это были первыя слова, которыя услыхала Генріэтта изъ всего, что говорилось около нея въ теченіе часа. Она опустила руки, которыми закрывала поблѣднѣвшее лицо, и взглянула на палача своими блестящими изумрудными глазами.

— И вы пришли?..—дрожа, спросила Маргарита.

— Напомнить вамъ обѣщаніе, которое вы дали младшему изъ двоихъ умершихъ, поручившему мнѣ отнести вамъ этотъ ковчежецъ. Помните вы это обѣщаніе, ваше величество?

— Да, да! — воскликнула Маргарита. — Гдѣ *она?*

— У меня, вмѣстѣ съ тѣломъ.

— У васъ? Почему же вы не принесли ее?

— Меня могли остановить у воротъ Лувра, могли заставить распахнуть плащъ. Что бы вышло, если бы подъ нимъ нашли голову?

— Хорошо, оставьте ее у себя; я приду за ней завтра.

— Завтра, ваше величество, будетъ, пожалуй, ужъ слишкомъ поздно, — сказалъ Кабошъ.

— Почему?

— Потому что королева-мать просила меня сохранить для ея кабалистическихъ опытовъ головы двухъ первыхъ осужденныхъ, которыхъ мнѣ придется казнить.

— О, какая профанація!.. Ихъ головы!.. Слышишь, Генріэтта! — воскликнула Маргарита, подбѣгая къ подругѣ, которая вскочила. — Слышишь ты, что говоритъ этотъ человѣкъ, Генріэтта?

— Да. Что же нужно дѣлать?

— Итти съ нимъ.

Маргарита набросила на голыя плечи бархатную накидку.

— Идемъ, идемъ! — сказала она. — Мы увидимъ ихъ еще разъ.

Она распорядилась, чтобы заперли всѣ двери, и велѣла подать носилки къ маленькой задней дверкѣ; потомъ, взявъ Генріэтту подъ руку, она пошла внизъ къ потайному ходу, сдѣлавъ Кабошу знакъ слѣдовать за ними.

У задней двери ждали носилки, около воротъ стоялъ слуга Кабоша съ фонаремъ.

Носильщики Маргариты были люди вѣрные и, когда нужно, глухіе и нѣмые. На нихъ можно было вполнѣ положиться.

Впереди пошелъ Кабошъ и его слуга съ фонаремъ; носильщики понесли за ними носилки. Минутъ черезъ десять они остановились.

Палачъ открылъ дверцы, слуга побѣжалъ впередъ.

Маргарита вышла и помогла сойти Генріэттѣ. Ихъ обѣихъ постигло страшное горе, но нервная организація королевы оказалась сильнѣе.

Башня позорнагo столба поднималась передъ ними, какъ исполинскій призракъ, разливая кругомъ красноватый свѣтъ изъ двухъ амбразуръ на самомъ верху.

Слуга показался у двери.

— Вы можете войти, — сказалъ, обращаясь къ дамамъ, Кабошъ. — Всѣ уже легли спать въ башнѣ.

Въ ту же минуту свѣтъ наверху погасъ.

Маргарита и Генріэтта, прижавшись другъ къ другу, прошли черезъ низкую сводчатую дверь и двинулись въ темнотѣ по неровнымъ сырымъ плитамъ. Въ концѣ коридора, который шелъ не прямо, а кругомъ, показался, свѣтъ и онѣ направились въ ту сторону, слѣдуя за страшнымъ хозяиномъ дома. Дверь затворилась за ними.

Кабошъ, держа въ рукѣ факелъ, привелъ ихъ въ низкую, закопченую комнату.

— Простите, ваше величество,— сказалъ онъ,— что я осмѣлился прійти въ Луврь и привести васъ сюда. Но таково было непремѣнное желаніе умершаго и потому я...

— Вы поступили хорошо, — отвѣтила Маргарита,— и вотъ награда за это.

Кабошъ грустно взглянулъ на набитый золотомъ кошелекъ, который Маргарита положила на столъ.

— Золото! Всегда золото! — пробормоталъ онъ. — Увы! Зачѣмъ я самъ не могу цѣною золота искупить кровь, которую принужденъ былъ пролить сегодня!

— Нужно намъ итти еще куда-нибудь? — грустно и нерѣшительно спросила Маргарита, осматриваясь кругомъ. — Я не вижу здѣсь...

— Нѣтъ, они тутъ, ваше величество. Но вамъ будетъ тяжело увидать ихъ. Я могу избавить васъ отъ этого и принести вамъ то, зачѣмъ вы пришли.

Маргарита и Генріэтта въ одно время взглянули другъ на друга.

— Нѣтъ, — сказала Маргарита, прочитавъ во взглядѣ подруги, что та пришла къ одинаковому съ нею рѣшенію. — Нѣтъ, покажите намъ дорогу; мы пойдемъ за вами.

Кабошъ взялъ фонарь и отворилъ дубовую дверь, выходившую на лѣстницу въ нѣсколько ступеней, которая вела внизъ. Оттуда пахнуло вѣтромъ; искры посыпались съ факела.

Герцогиня, блѣдная, какъ мраморная статуя, оперлась сильнѣе на руку подруги, которая шла тверже, чѣмъ она. Но на первой ступени Генріэтта пошатнулась.

— Нѣтъ, я не въ силахъ... — сказала она.

— Когда любишь, Генріэтта, — возразила королева, — нужно любить и послѣ смерти.

Грустное и трогательное зрѣлище представляли эти двѣ женщины, блистающія молодостью, красотою и нарядомъ, которыя шли, согнувшись подъ низкимъ сводомъ, при чемъ слабѣйшая опиралась на руку болѣе сильной, а та — на руку палача.

Дошли до послѣдней ступеньки.

Въ глубинѣ подвала лежали два трупа, накрытые чернымъ саржевымъ покрываломъ. Кабошъ приподнялъ одинъ конецъ его и, приблизивъ къ трупамъ факелъ, сказалъ:

— Посмотрите, ваше величество!

Два молодыхъ человѣка въ черной одеждѣ лежали рядомъ. Ихъ слегка склоненныя и приставленныя къ туловищамъ головы, казалось, отдѣлялись отъ нихъ только ярко-красной чертою посрединѣ шеи. Была ли то случайность, или любезное вниманіе палача, но только правая рука ла-Моля лежала въ лѣвой рукѣ Коконна.

Любящее выраженіе запечатлѣлось на лицѣ ла-Моля; презрительная усмѣшка—на губахъ Коконна.

Маргарита опустилась на колѣни и руками, на которыхъ сверкали драгоцѣнные каменья, осторожно приподняла голову гого, кого такъ глубоко любила.

Герцогиня Неверская стояла, прислонившись къ стѣнѣ, и не могла отвести глазъ отъ блѣднаго лица, на которомъ такъ часто видала выраженіе счастья и любви.

— Ла-Моль! Дорогой ла-Моль! — прошептала Маргарита.

— Аннибалъ! Аннибалъ! — воскликнула герцогиня Неверская. — Такой красивый, такой гордый, такой храбрый! Ты ужъ больше не отвѣчаешь мнѣ!

И слезы полились градомъ у нея изъ глазъ.

Маргарита положила въ мѣшокъ, вышитый жемчугомъ и надушенный самыми тонкими духами, голову ла-Моля, которая казалась еще прекраснѣе въ этой рамкѣ бархата и золота. И эта красота должна была сохраниться, благодаря особому составу, который употреблялся въ ту эпоху для бальзамированія особъ королевской крови.

Генріэтта тоже подошла и завернула голову Коконна въ полу плаща.

Потомъ онѣ обѣ, согнувшись подъ тяжестью не ноши, а горя, взошли по лѣстницѣ, бросивъ послѣдній взглядъ на трупы, которые принуждены были оставить во власти палача въ этомъ мрачномъ склепѣ преступниковъ.

— Не бойтесь ничего, — сказалъ Кабошъ, понявшій значеніе этого взгляда. — Они будутъ похоронены какъ слѣдуетъ, по-христіански, клянусь вамъ!

— А на это заказывай по нимъ панихиды, — сказала Генріэтта, сорвавъ съ шеи великолѣпное ожерелье изъ рубиновъ и подавая его палачу.

Подруги вернулись въ Лувръ. У воротъ королева назвала себя. Она сошла съ носилокъ около лѣстницы, ведущей въ ея покои, вошла къ себѣ и положила священную ношу въ кабинетъ, около спальни, который превращался теперь въ молельню. Потомъ, оставивъ Генріэтту насторожѣ въ своей комнатѣ, Маргарита, блѣдная, но еще болѣе прекрасная, чѣмъ обыкновенно, вошла около десяти часовъ въ бальную залу.

Всѣ глаза устремились на нее, но она съ гордымъ, почти веселымъ видомъ выдержала эти взгляды: она чувствовала себя гораздо спокойнѣе, исполнивъ послѣднее желаніе любимаго человѣка.

XXXI.

Кровавый потъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной нами ужасной сцены, то-есть 30 мая 1574 года, когда дворъ былъ въ Венсенѣ, въ комнатѣ короля вдругъ послышался страшный шумъ. Болѣзнь Карла еще усилилась во время бала, который онъ захотѣлъ дать въ тотъ самый день, какъ были казнены ла-Моль и Коконна. Врачи нашли, что онъ скорѣе поправится за городомъ, на свѣжемъ воздухѣ, и посовѣтовали ему переѣхать въ Венсенъ.

Было восемь часовъ утра. Нѣсколько придворныхъ сидѣли и болтали въ пріемной, какъ вдругъ раздался крикъ и изъ спальни короля выбѣжала его кормилица, вся въ слезахъ.

— Помогите! — закричала она отчаяннымъ голосомъ. — Помогите королю!

— Развѣ его величеству хуже? — спросилъ капитанъ Нансэ, котораго король освободилъ отъ обязанности исполнять приказанія Екатерины, взявъ его къ себѣ на службу.

— О, сколько крови, сколько крови! — воскликнула кормилица. — Позовите врачей!

Мазиль и Амбруазъ Парэ чередовались между собой у постели августѣйшаго больного.

Теперь была очередь Парэ, но онъ, увидавъ, что король заснулъ, рѣшилъ воспользоваться этимъ и ненадолго уйти. Во время его отсутствія обильная испарина выступила на тѣлѣ Карла.

Онъ страдалъ ослабленіемъ волосныхъ сосудовъ, что вело къ кровоизліянію на поверхности кожи.

Кормилица никакъ не могла привыкнуть къ этому странному явленію и приходила въ ужасъ каждый разъ, какъ у короля выступалъ кровавый потъ. Она, какъ читатель знаетъ, была протестантка и ей казалось, что эту кровь вызываетъ пролитая въ Варѳоломеевскую ночь кровь гугенотовъ.

Дежурные тотчасъ же бросились въ разныя стороны въ поиски за врачами.

Въ передней не осталось ни души: каждому хотѣлось выказать свое усердіе, разыскавъ врача.

Вдругъ дверь отворилась и показалась Екатерина. Она быстро прошла черезъ переднюю въ спальню сына.

Карлъ лежалъ на постели, съ потухшимъ взоромъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Кровавый потъ выступилъ у него на всемъ тѣлѣ; одна рука спустилась съ кровати, пальцы были раздвинуты и на концѣ каждаго изъ нихъ висѣла, точно рубинъ, капелька крови.

Это было ужасное зрѣлище.

Услыхавъ шаги матери и какъ бы узнавъ ихъ, Карлъ съ усиліемъ приподнялся.

— Извините, матушка, — сказалъ онъ, — мнѣ хотѣлось бы умереть спокойно.

— Умереть, сынъ мой? — воскликнула Екатерина. — Умереть отъ простого припадка твоей болѣзни? Ты приводишь меня въ отчаяніе!

— Повторяю вамъ, матушка, что я умираю.

— Воображеніе—вотъ самая главная твоя болѣзнь, — отвѣтила Екатерина. — Со времени казни—и вполнѣ заслуженной—этихъ двухъ убійцъ, ла-Моля и Коконна, твои физическія страданія должны были уменьшиться. Теперь осталось только одно душевное, нравственное страданіе. Если бы ты позволилъ мнѣ поговорить съ тобою десять минутъ, я доказала бы тебѣ...

— Кормилица, — сказалъ Карлъ, — постой около двери и не пускай никого. Королева Екатерина де-Медичи желаетъ говорить съ своимъ возлюбленнымъ сыномъ, Карломъ IX.

Кормилица вышла.

— Намъ, дѣйствительно, нужно поговорить, — продолжалъ король. — Этого разговора не избѣжишь и лучше пусть онъ будетъ сегодня, чѣмъ завтра. Къ тому же завтра будетъ, пожалуй, ужъ слишкомъ поздно. Но я желаю, чтобы при нашемъ разговорѣ присутствовало третье лицо.

— Почему?

— Потому что, какъ я уже говорилъ вамъ, смерть моя приближается, — торжественно сказалъ Карлъ, — потому что она каждую минуту можетъ войти въ эту комнату, блѣдная,

безмолвная, какъ вы, не спрашивая позволенія. Нынѣшней ночью я привелъ въ порядокъ мои личныя дѣла; теперь нужно привести въ порядокъ дѣла государственныя.

— Кого же ты хочешь позвать? — спросила Екатерина.

— Моего брата, матушка. Пошлите за нимъ.

— Я съ удовольствіемъ вижу,—сказала Екатерина,—что твое предубѣжденіе противъ него уже изгладилось изъ твоего ума и скоро, навѣрное, изгладится изъ сердца... Кормилица, кормилица!

Мадлена, стоявшая за дверью, отворила ее.

— Кормилица, — продолжала королева, — когда вернется капитанъ Нансэ, скажите ему отъ имени короля, чтобы онъ попросилъ сюда герцога Алансонскаго.

Карлъ знакомъ остановилъ Мадлену, которая хотѣла уйти.

— Я желалъ видѣть *брата*, матушка, — сказалъ онъ.

Глаза Екатерины расширились, какъ глаза разъяренной тигрицы. Но Карлъ, не обративъ на это вниманія, сдѣлалъ повелительный жестъ.

— Я хочу говорить съ моимъ братомъ Генрихомъ, — сказалъ онъ. — Вотъ мой единственный братъ—не тотъ Генрихъ, который царствуетъ въ Польшѣ, а тотъ, который находится въ заключеніи здѣсь. И онъ узнаетъ мою послѣднюю волю.

— А я, — горячо воскликнула Екатерина, которую привело въ ужасъ это желаніе короля, а ненависть къ Генриху заставила забыть обычную сдержанность, — а я не уступлю никому, а тѣмъ болѣе чужому, моего права присутствовать при твоихъ послѣднихъ минутахъ, если, какъ ты говоришь, смерть твоя близка. Это мое право королевы, право матери!

— Я пока еще король, — сказалъ Карлъ, — и могу приказывать. Я сказалъ вамъ, что хочу говорить съ моимъ братомъ Генрихомъ, а вы, несмотря на это, не зовете капитана Нансэ?.. Тысяча чертей! Предупреждаю васъ, что у меня еще хватитъ силы самому сходить за нимъ!

И онъ хотѣлъ встать съ постели.

— Ты оскорбляешь насъ всѣхъ, сынъ мой, — сказала Екатерина, удерживая его. — Ты забываешь обиды, нанесенныя нашей семьѣ, ты отрекаешься отъ своей крови. Только французскій принцъ долженъ стоять на колѣняхъ передъ смертнымъ одромъ французскаго короля. Что касается до меня, то мое мѣсто здѣсь и по законамъ природы и по правиламъ этикета. Я остаюсь тутъ.

— А по какому праву? — спросилъ Карлъ IX.

— По праву твоей матери.

— Вы уже не мать мнѣ, ваше величество, точно такъ же, какъ герцогъ Алансонскій не братъ.

— Ты бредишь, — возразила Екатерина. — Съ какихъ же это поръ женщина, давшая жизнь, считается не матерью того, кому она дала ее?

— Съ той самой минуты, ваше величество, какъ эта извращенная мать отнимаетъ то, что дала, — отвѣтилъ Карлъ, вытирая кровавую пѣну съ губъ.

— Что ты хочешь сказать, Карлъ? — спросила Екатерина, смотря на него расширенными отъ изумленія глазами.

Карлъ досталъ изъ-подъ подушки серебряный ключикъ.

— Возьмите этотъ ключъ, — сказалъ онъ, — и отоприте мою дорожную шкатулку. Въ ней лежатъ кое-какія бумаги, которыя объяснятъ вамъ все.

Екатерина невольно повиновалась. Она тихо подошла къ шкатулкѣ, отперла ее, открыла ее и заглянула внутрь. Вдругъ она отшатнулась, какъ будто увидала тамъ змѣю.

— Ну, что же такъ испугало васъ? — спросилъ Карлъ, не спускавшій съ нея глазъ.

— Ничего, — отвѣтила Екатерина.

— Въ такомъ случаѣ выньте изъ шкатулки книгу. — Вѣдь тамъ лежитъ книга, не правда ли? — прибавилъ Карлъ съ блѣдной улыбкой, которая была у него страшнѣе, чѣмъ у другого угроза.

— Да, — пробормотала Екатерина.

— Возьмите ее и принесите мнѣ.

Несмотря на всю свою самоувѣренность, Екатерина поблѣднѣла и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Судьба! — прошептала она, взявъ изъ шкатулки книгу.

— Теперь выслушайте меня, — сказалъ Карлъ. — Эту книгу объ охотѣ... я былъ безразсуденъ... я любилъ охоту больше всего на свѣтѣ... Эту книгу... я ее читалъ слишкомъ долго...

Екатерина глухо застонала.

— Это была слабость, — продолжалъ Карлъ. — Сожгите книгу! Не нужно, чтобы знали слабости короля.

Екатерина подошла къ пылающему камину, бросила книгу въ огонь и остановилась безмолвная, неподвижная, устремивъ упорный взглядъ на голубоватое пламя, лизавшее отравленные листы.

— А теперь позовите моего брата, — сказалъ Карлъ тономъ величаваго достоинства.

Екатерина, совсѣмъ растерявшаяся, подавленная разнородными чувствами, въ которыхъ ея глубокій умъ не могъ разобраться, а съ которыми ея почти сверхчеловѣческая сила воли не могла совпадать, сдѣлала шагъ впередъ и хотѣла говорить.

Мать чувствовала угрызенія совѣсти; королева испытывала ужасъ; отравительница—ненависть.

Это последнее чувство одержало верхъ.

— Да будетъ онъ проклятъ! — воскликнула она, бросившись изъ комнаты. — Онъ торжествуетъ, приближается къ цѣли!.. Да будетъ онъ проклятъ, проклятъ!

— Слышите? — крикнулъ ей вдогонку Карлъ. — Позовите моего брата, моего брата Генриха! Я хочу говорить съ нимъ сію же минуту относительно регентства!

XXXII.

Венсенская башня.

Генрихъ Наваррскій задумчиво прохаживался по плоской крышѣ Венсенской башни. Онъ зналъ, что король со всѣмъ дворомъ въ замкѣ, который былъ шагахъ въ ста отъ него, и какъ бы видѣлъ, несмотря на стѣны, что Карлъ умираетъ.

Стояла чудная погода. Солнце освѣщало дальнія равнины и заливало золотымъ потокомъ вершины деревьевъ, гордыхъ своей еще только недавно распустившейся листвой.

Но Генрихъ не смотрѣлъ ни на зеленѣющія равнины ни на позолоченныя солнцемъ вершины деревьевъ. Взглядъ его, не останавливаясь ни на чемъ окружающемъ, устремлялся вдаль, къ столицѣ Франціи, которой было суждено сдѣлаться столицей всего міра.

— Парижъ! — шепталъ король Наваррскій. — Парижъ! Городъ радости, торжества, славы, могущества и счастья! Въ Парижѣ—Лувръ, а въ Луврѣ—тронъ. И одно только отдѣляетъ меня отъ этого желаннаго Парижа: вотъ эти укрѣпленія, которыя тянутся у моихъ ногъ и служатъ преградой и для меня и для моего врага.

Переведя взглядъ съ Парижа на Венсенъ, Генрихъ замѣтилъ влѣво отъ себя, на небольшой долинѣ, за цвѣтущими миндальными деревьями, какого-то всадника, на кольчугу котораго падалъ лучъ солнца, зажигая на ней сверкающую искру. И эта искра перелетала съ мѣста на мѣсто при каждомъ движеніи всадника.

Онъ сидѣлъ на горячей лошади и держалъ въ поводу другую, повидимому, такую же горячую и нетерпѣливую.

Король Наваррскій устремилъ глаза на всадника. Тотъ вынулъ изъ ноженъ шпагу, надѣлъ на ея острее носовой платокъ и началъ махать имъ, какъ бы подавая условленный сигналъ.

Въ отвѣтъ на это на противоположномъ холмѣ тоже махнули платкомъ, а затѣмъ вокругъ всего замка замелькали платки.

Это былъ де-Муи съ своими гугенотами. Они знали, что король умираетъ, и, опасаясь покушенія противъ Генриха, собрались, готовые защищать или нападать.

Генрихъ снова взглянулъ на всадника, нагнулся, опершись на балюстраду и заслонивъ глаза рукою отъ солнца, чтобы оно не мѣшало ему разсмотрѣть незнакомца.

И онъ узналъ молодого гугенота.

И, радуясь, что его окружаютъ друзья, Генрихъ снялъ шляпу и замахалъ своимъ шарфомъ.

Всѣ платки снова замелькали, и въ ихъ быстромъ движеніи видна была радость.

— Они меня ждутъ, — проговорилъ Генрихъ, — а я не могу уйти отсюда! Зачѣмъ не присоединился я къ нимъ раньше, когда это было возможно! Теперь ужъ слишкомъ поздно.

Онъ сдѣлалъ рукою знакъ, что все потеряно, на который де-Муи отвѣтилъ жестомъ, означавшимъ: „Я подожду".

Въ эту минуту Генрихъ услыхалъ, что кто-то поднимается по каменной лѣстницѣ, и быстро отошелъ отъ балюстрады. Гугеноты поняли причину его ухода и въ одно мгновеніе шпаги снова очутились въ ножнахъ, а платки исчезли.

Генрихъ увидалъ на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы женщину, задыхающуюся отъ быстрой ходьбы, и, узнавъ Екатерину Медичи, невольно вздрогнулъ отъ ужаса, который всегда испытывалъ при ея видѣ.

Два солдата королевской гвардіи остановились позади королевы, на лѣстницѣ.

— Ого! — пробормоталъ Генрихъ, — должно-быть, случилось что-нибудь новое и очень важное, если королева-мать рѣшилась прійти ко мнѣ сюда, на крышу Венсенской башни.

Екатерина сѣла на каменную скамью, стоявшую около зубцовъ, и перевела дыханіе.

Генрихъ съ самой любезной улыбкой подошелъ къ ней.

— Вы искали меня, моя добрая матушка? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣтила Екатерина. — Я хотѣла дать вамъ еще одно доказательство моей привязанности. Приближается торжественная минута: король умираетъ и хочетъ говорить съ вами.

— Со мной? — спросилъ Генрихъ, вздрогнувъ отъ радости.

— Да, съ вами. Его, должно-быть, увѣрили, что вы не только сожалѣете о Наваррскомъ престолѣ, но и домогаетесь престола французскаго.

— О! — воскликнулъ Генрихъ.

— Я знаю, что это вздоръ, — продолжала Екатерина, — но онъ вѣритъ этому. И я убѣждена, что во время разговора онъ разставитъ вамъ ловушку.

— Мнѣ?

— Да, вамъ. Карлъ желаетъ узнать передъ смертью, на что можно надѣяться или чего опасаться съ вашей стороны. И отъ вашего отвѣта на его предложенія — не забывайте этого — будутъ зависѣть его послѣднія распоряженія, то-есть ваша жизнь или смерть.

— Но что же онъ хочетъ предложить мнѣ?

— Почему я знаю!

— Но, можетъ-быть, вы все-таки догадываетесь, матушка?

— Нѣтъ. Но такъ какъ онъ увѣренъ...

Екатерина остановилась.

— Въ чемъ?

— Такъ какъ онъ увѣренъ въ вашихъ честолюбивыхъ замыслахъ, о которыхъ ему говорили, то, мнѣ кажется, онъ постарается, чтобы вы сами дали ему доказательство этого честолюбія. Положимъ, онъ будетъ предлагать вамъ что-нибудь очень завидное, будетъ соблазнять васъ, какъ въ прежнее время соблазняли преступниковъ, чтобы добиться сознанія, не прибѣгая къ пыткѣ. Положимъ, — продолжала Екатерина, пристально смотря на Генриха, — онъ предложилъ вамъ управленіе государствомъ, даже регентство...

Невыразимая радость охватила Генриха. Но онъ понялъ, что Екатерина испытываетъ его, и ничѣмъ не выдалъ себя.

— Мнѣ? — сказалъ онъ. — Ну, такая ловушка была бы ужъ слишкомъ груба! Развѣ я не пойму, что онъ не можетъ предлагать мнѣ регентство помимо васъ и моего брата, герцога Алансонскаго?

Екатерина закусила губы, чтобы скрыть довольную улыбку.

— Значитъ, вы отказываетесь отъ регентства?

„Король умеръ, — подумалъ Генрихъ, — и она сама разставляетъ мнѣ ловушку“.

— Прежде всего я долженъ узнать, что скажетъ мнѣ король, — отвѣтилъ онъ. — Вѣдь вы сами говорите, что все это только одни предположенія.

— Безъ сомнѣнія; но вы должны же знать свои намѣренія.

— Такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ притязаній, — простодушно отвѣтилъ Генрихъ, — то нѣтъ и никакихъ намѣреній.

— Это не отвѣтъ, — возразила Екатерина, понимая, что нужно торопиться и начиная раздражаться. — Скажите прямо, согласитесь вы или нѣтъ?

— Я не могу сказать ничего опредѣленнаго относительно предположеній. Прійти къ какому-нибудь рѣшенію очень трудно, а въ особенности въ такомъ серьезномъ дѣлѣ.

— Выслушайте меня, — сказала Екатерина. — Время дорого. Сыграемъ нашу игру какъ король и королева. Если вы примете регентство — вамъ грозитъ смерть.

„Король живъ“, — подумалъ Генрихъ.

— Жизнь всѣхъ людей, а въ томъ числѣ и королей, въ рукахъ Божіихъ, — отвѣтилъ онъ. — И Богъ наставитъ меня.

— Подумайте хорошенько.

— Въ теченіе двухъ лѣтъ изгнанія и мѣсяца заключенія, — серьезно сказалъ Генрихъ, — у меня было достаточно времени для размышленій и я много думалъ. Будьте любезны пойти къ королю и предупредить его о моемъ приходѣ.

По твердому тону Генриха Екатерина поняла, что всѣ ея ухищренія не приведутъ ни къ чему, и стала торопливо спускаться съ лѣстницы.

Какъ только она скрылась, Генрихъ подбѣжалъ къ парапету и сдѣлалъ де-Муи знакъ, означавшій: „Подъѣзжайте поближе и будьте готовы ко всему“.

Де-Муи, уже сошедшій съ лошади, снова вскочилъ на нее и, держа за поводъ другую, пустилъ ихъ въ галопъ и остановился на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ башни.

Генрихъ поблагодарилъ его жестомъ и пошелъ съ лѣстницы.

Двойной нарядъ швейцарцевъ и легкой конницы охранялъ входъ на дворъ; приходилось итти между двумя рядами бердышей, чтобы войти въ замокъ или выйти изъ него.

Екатерина стояла на дворѣ и ждала.

Приказавъ сопровождавшимъ Генриха солдатамъ отойти въ сторону, она положила свою руку на его и сказала:

— На этомъ дворѣ двое воротъ. У однихъ, вонъ тамъ, за покоями короля, васъ ждетъ лошадь и свобода, если вы откажетесь отъ регентства, а у тѣхъ, въ которыя вы только что вошли, вамъ грозитъ, если вы поддадитесь честолюбію... Что такое вы говорите?

— Я говорю, ваше величество, что если король сдѣлаетъ меня регентомъ, то отдавать приказанія солдатамъ буду я, а не вы. Я говорю, что если выйду изъ замка ночью, то всѣ эти мушкеты и алебарды склонятся передо мной.

— Безумецъ! — въ отчаяніи прошептала Екатерина. — Берегись! Не начинай съ Екатериной этой ужасной игры на жизнь и на смерть!

— Почему же? — спросилъ Генрихъ, пристально глядя на Екатерину. — Почему же не играть мнѣ съ вами, какъ со всякимъ другимъ? Вѣдь до сихъ поръ я выигрывалъ.

— Идите къ королю, если не вѣрите ничему и не хотите слушать ничего, — сказала Екатерина, показывая одной рукой

на лѣстницу, а другой вертя одинъ изъ двухъ отравленныхъ кинжаловъ, которые всегда висѣли у нея на поясѣ въ черныхъ шагреневыхъ ножнахъ, ставшихъ историческими.

— Не угодно ли вашему величеству итти впередъ?—сказалъ Генрихъ.—Пока я не регентъ, вамъ принадлежитъ первое мѣсто.

Екатерина, всѣ замыслы которой были разгаданы, не возражала и пошла впередъ.

XXXIII.

Регентство.

Между тѣмъ король началъ терять терпѣніе. Онъ позвалъ къ себѣ капитана Нансэ и велѣлъ ему итти за Генрихомъ, но въ это время тотъ самъ вошелъ въ комнату.

Увидавъ его, Карлъ вскрикнулъ отъ радости, а Генрихъ остановился въ ужасѣ.

Два доктора, бывшіе у короля, удалились; священникъ, приготовлявшій несчастнаго Карла къ христіанской кончинѣ, тоже вышелъ изъ спальни.

Короля не любили, но, несмотря на это, въ пріемныхъ плакали многіе.

Эта печаль, эти слезы, слова Екатерины, мрачное и величественное зрѣлище послѣднихъ минутъ короля, наконецъ, самъ король, пораженный болѣзнью, неизвѣстною наукѣ, — все это произвело на юную, а слѣдовательно, еще впечатлительную душу Генриха страшно тяжелое впечатлѣніе. А потому, несмотря на твердую рѣшимость не пугать Карла и, по возможности, успокоить его относительно его положенія, Генрихъ не могъ удержаться и съ ужасомъ взглянулъ на умирающаго и истекающаго кровью короля.

Карлъ грустно улыбнулся. Отъ умирающихъ не ускользнетъ никакая перемѣна въ выраженіи лицъ окружающихъ, и они всегда знаютъ, какое впечатлѣніе сами производятъ на нихъ.

— Подойди ко мнѣ, Генрихъ,—сказалъ король такимъ кроткимъ голосомъ, какого Генрихъ никогда еще не слыхалъ у него. — Подойди... Мнѣ было тяжело твое отсутствіе. Много мучилъ я тебя при жизни, мой бѣдный другъ, часто помогалъ тѣмъ, кто старался вредить тебѣ, и теперь раскаиваюсь въ этомъ, повѣрь мнѣ. Но не все зависитъ отъ воли короля. Кромѣ моей матери Екатерины, моего брата Анжуйскаго и моего бра а Алансонскаго, я принужденъ былъ принимать во вниманіе нѣчто очень стѣснительное, чему мнѣ приходилось подчиняться всю мою жизнь. Я говорю о пользѣ государства.

— Государь, — пробормоталъ Генрихъ, — теперь я забы всё, кромѣ любви, которую всегда чувствовалъ къ мое брату, и уваженія, съ какимъ всегда относился къ мое королю.

— Да, да, ты правъ,—сказалъ Карлъ,—и я благодарю теб Генрихъ, за эти слова. На самомъ дѣлѣ, тебѣ пришлось мно страдать въ мое царствованіе, не говоря уже о томъ, что в это время умерла твоя бѣдная мать. Но ты видѣлъ, конечн что не всегда поступалъ я такъ, какъ хотѣлъ, что тутъ дѣй ствовало вліяніе другихъ; иногда я сопротивлялся, иногда уста валъ бороться и уступалъ. Но не будемъ говорить о прошломъ Теперь меня занимаетъ настоящее, пугаетъ будущее.

И съ этими словами король закрылъ исхудалыми рукам свое мертвенно-блѣдное лицо.

— Нужно спасти государство,— продолжалъ онъ, наклонив шись къ Генриху и понизивъ голосъ.— Нужно принять мѣры чтобы оно не попало въ руки фанатиковъ или женщинъ.

Карлъ произнесъ эти слова очень тихо, а между тѣмъ Генриху показалось, что за кроватью раздалось заглушенное гнѣвное восклицаніе. Должно-быть, какое-нибудь отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ безъ вѣдома самого Карла, давало Екатеринѣ возможность подслушать его предсмертныя распоряженія.

— Женщинъ?—спросилъ король Наваррскій, чтобы вызвать объясненіе.

— Да, Генрихъ,—отвѣтилъ Карлъ.— Моей матери очень бы хотѣлось быть регентшей до возвращенія Анжуйскаго изъ Польши. Но знай, что онъ не вернется.

— Какъ не вернется?— воскликнулъ Генрихъ, сердце котораго затрепетало отъ радости.

— Да, не вернется, — сказалъ Карлъ, — его подданные не дадутъ ему уѣхать.

— Но неужели же вы полагаете, братъ, что королева-мать не увѣдомила, его обо всемъ заранѣе?

— То-есть, хотѣла увѣдомить, но Нансэ захватилъ курьера въ Шато-Тьерри и привезъ мнѣ письмо, въ которомъ она извѣщаетъ сына, что я умираю. Я, съ своей стороны, тоже написалъ въ Варшаву. Мое письмо, безъ сомнѣнія, дойдетъ туда и за братомъ будутъ слѣдить. Такимъ образомъ, Генрихъ, послѣ моей смерти французскій престолъ останется, по всей вѣроятности, свободнымъ.

За альковомъ снова послышалось восклицаніе, болѣе громкое, чѣмъ прежде.

„Она, навѣрное, тамъ“, подумалъ Генрихъ.

Карлъ не слыхалъ ничего.

— Я умираю, — продолжалъ онъ, — не оставляя послѣ себя наслѣдника мужескаго пола.

Король на минуту остановился. Ему, повидимому, вспомнилось что-то пріятное, потому что лицо его просвѣтлѣло.

— Помнишь, Генрихъ, — сказалъ онъ, положивъ ему руку на плечо.—Помнишь бѣднаго ребенка, котораго я показывалъ тебѣ разъ вечеромъ? Ты видѣлъ, какъ онъ спалъ въ своей шелковой колыбелькѣ и ангелъ охранялъ его сонъ. Увы, Генрихъ! Этого ребенка они убьютъ!

— О, ваше величество! — воскликнулъ Генрихъ, на глазахъ котораго выступили слезы. — Клянусь Богомъ, я не оставлю этого ребенка и позабочусь объ его безопасности.

— Благодарю, благодарю тебя, Генрихъ! — сказалъ король съ жаромъ, совершенно несвойственнымъ его характеру, но понятнымъ въ такую минуту. — Я принимаю твое обѣщаніе. Не дѣлай его королемъ—тронъ, слава Богу, не принадлежитъ ему по праву рожденія,—сдѣлай его счастливымъ. Я оставлю ему независимое состояніе, а благородство, благородство сердца, передастъ ему мать. Для него было бы, пожалуй, лучше вступить въ духовное званіе: тогда его стали бы бояться меньше... О, мнѣ кажется, я умеръ бы спокойнѣе, если бы около меня были теперь ребенокъ и его мать, если бы я чувствовалъ его ласки и видѣлъ ея кроткое лицо!

— А развѣ нельзя привезти ихъ сюда, государь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ихъ бы не выпустили отсюда! Вотъ какова участь королей, Генрихъ: они не могутъ ни жить ни умирать, какъ бы имъ хотѣлось. Но послѣ твоего обѣщанія я чувствую себя спокойнѣе.

Генрихъ задумался.

— Я, конечно, далъ вамъ обѣщаніе, государь, — послѣ небольшой паузы сказалъ онъ, — но вопросъ въ томъ: удастся ли мнѣ исполнить его?

— Что ты хочешь сказать?

— Вѣдь я самъ буду изгнанникомъ и меня будутъ преслѣдовать такъ же, какъ его, а пожалуй, и больше, потому что я мужчина, а онъ еще ребенокъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ Карлъ,— послѣ моей смерти ты будешь силенъ и могущественъ. Вотъ что дастъ тебѣ силу и власть.

Съ этими словами умирающій вынулъ изъ-подъ подушки листъ пергамента и подалъ его Генриху.

— Возьми, — сказалъ онъ.

Генрихъ прочиталъ документъ, скрѣпленный королевскою печатью.

— Регентство... мнѣ, государь?—воскликнулъ онъ, поблѣднѣвъ отъ радости.

— Да, ты будешь регентомъ до возвращенія герцога Анжуйскаго. А такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ не вернется, то эта бумага дастъ тебѣ не регентство, а тронъ.

— Мнѣ... тронъ?—пробормоталъ Генрихъ.

— Да, тебѣ, — отвѣтилъ Карлъ. — Ты одинъ достоинъ и, главное, способенъ управлять этими развратными щеголями, этими потерянными женщинами, живущими кровью и слезами. Мой братъ Алансонскій измѣнникъ — онъ будетъ измѣнникомъ для всякаго. Оставь его въ тюрьмѣ, гдѣ онъ заключенъ по моему приказанію. Моя мать захочетъ убить тебя — отправь ее въ ссылку. Мой братъ Анжуйскій черезъ три-четыре мѣсяца, можетъ-быть, черезъ годъ уѣдетъ изъ Варшавы и явится оспаривать у тебя престолъ. Покажи ему тогда папскую грамоту. Я устроилъ это дѣло съ помощью моего посланника, герцога Неверскаго, и ты скоро получишь грамоту.

— О, мой король!

— Бойся только одного, Генрихъ, — междоусобной войны. Такъ какъ ты принялъ католичество, то тебѣ нетрудно избѣжать ее: гугенотская партія можетъ быть сильна только въ томъ случаѣ, если ты сдѣлаешься ея главою; Кондэ же будетъ не въ силахъ бороться съ тобой. Король французскій долженъ быть королемъ католиковъ, а не гугенотовъ, такъ какъ онъ долженъ быть королемъ большинства. Говорятъ, что я чувствую угрызенія совѣсти изъ-за Варѳоломеевской ночи; сомнѣнія — да, но не угрызенія. Говорятъ, что изъ всѣхъ моихъ поръ выходитъ кровь гугенотовъ. А я знаю, что изъ меня выходитъ не кровь, а мышьякъ.

— О, государь, что такое говорите вы?

— Ничего. Если моя смерть должна быть отмщена, то за нее отмститъ только Богъ. Я оставляю тебѣ хорошій парламентъ, испытанную армію. Опирайся на парламентъ и на армію, когда тебѣ придется бороться съ твоими единственными врагами: моей матерью и герцогомъ Алансонскимъ.

Въ это время въ сѣняхъ послышался звонъ оружія и военная команда.

— Я погибъ! — пробормоталъ Генрихъ.

— Ты боишься? Колеблешься?—съ безпокойствомъ спросилъ Карлъ.

— Я? Нѣтъ, я не боюсь, ваше величество,—отвѣтилъ Генрихъ, — нѣтъ, я не колеблюсь. Я согласенъ.

Карлъ пожалъ ему руку. Въ это время въ спальню вошла Эрмилица съ чашкой питья, которое она приготовляла въ со-

сѣдней комнатѣ, не обращая вниманія на то, что за три шага отъ нея рѣшалась судьба Франціи.

— Позови мою мать, добрая кормилица,—сказалъ король,—и распорядись, чтобы ко мнѣ позвали герцога Алансонскаго.

XXXIV.

Король умеръ: да здравствуетъ король!

Екатерина и герцогъ Алансонскій, поблѣднѣвъ отъ ужаса и дрожа отъ ярости, вошли въ спальню короля. Генрихъ не ошибся. Екатерина, дѣйствительно, слышала весь разговоръ и передала его вкратцѣ Франсуа.

Генрихъ стоялъ у изголовья Карла.

Король объявилъ матери и брату свою волю.

— Если бы у меня былъ сынъ,—сказалъ онъ,—то я назначилъ бы регентшей васъ, матушка; не будь васъ, регентомъ сдѣлался бы король польскій, а не будь короля польскаго — мой братъ Франсуа. Но у меня нѣтъ сына, и престолъ послѣ моей смерти переходитъ къ моему брату, герцогу Анжуйскому, который находится въ отсутствіи. Такъ какъ онъ раньше или позже явится и станетъ требовать этого престола, то я не желаю, чтобы онъ нашелъ на своемъ мѣстѣ человѣка, который могъ бы, обладая почти равными съ нимъ правами, оспаривать его права и, такимъ образомъ, подвергнуть государство ужасамъ междоусобной войны. Вотъ почему не назначаю я васъ регентшей, матушка. Вамъ въ такомъ случаѣ пришлось бы выбирать между вашими двумя сыновьями, и это было бы тяжело для вашего материнскаго сердца. По той же причинѣ не дѣлаю я регентомъ и моего брата Франсуа, который могъ бы сказать королю польскому: „Вѣдь ты и безъ того король. Зачѣмъ же ты оставилъ свой престолъ?“ Нѣтъ, я рѣшилъ назначить регентомъ такого человѣка который взялъ бы корону только на храненіе, чтобъ имѣть ее подъ рукой, а не носить ее на головѣ. Поклонитесь ему, матушка; поклонись ему, братъ. Этотъ регентъ — король Наваррскій.

И полнымъ величія жестомъ король привѣтствовалъ Генриха.

Екатерина и герцогъ Алансонскій сдѣлали движеніе—что-то среднее между нервнымъ вздрагиваніемъ и поклономъ.

— Возьмите этотъ документъ, г. регентъ, — сказалъ Карлъ королю Наваррскому.—Онъ уполномочиваетъ васъ до возвращенія короля польскаго командовать арміями, хранить ключи отъ казны и даетъ вамъ всѣ права и всю власть короля.

Екатерина пожирала Генриха взглядомъ. Франсуа такъ дрожалъ, что едва могъ держаться на ногахъ. Но твердость одной и слабость другого, вмѣсто того, чтобы успокоить Генриха, указали ему на опасность грозную, неминуемую.

Тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе и преодолѣвъ страхъ, онъ взялъ свертокъ изъ рукъ короля, а потомъ выпрямился во весь ростъ и устремилъ на Екатерину и Франсуа взглядъ, какъ бы говорившій:

— Берегитесь, я вашъ господинъ!

Екатерина поняла этотъ взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! — воскликнула она.— Никогда мой родъ не склонитъ головы передъ чужимъ родомъ. Никогда не будетъ царствовать во Франціи Бурбонъ, пока есть хоть одинъ Валуа!

— Матушка, матушка!—воскликнулъ Карлъ, приподнимаясь на окровавленной постели.— Берегитесь, я еще король. Положимъ, я буду имъ очень недолго—я знаю это и самъ. Но вѣдь не много времени нужно, чтобы отдать приказъ,—не много, чтобы наказать убійцъ и отравителей!

— Такъ и отдавай этотъ приказъ, если осмѣлишься! —сказала Екатерина.—А я пойду отдавать свои приказанія. Идемъ, Франсуа!

И она торопливо вышла, увлекая за собой герцога Алансонскаго.

— Нансэ! — крикнулъ король. — Нансэ, сюда!.. Я хочу... я приказываю... арестуйте мою мать, арестуйте моего брата... арестуйте...

Кровь хлынула изъ рта короля въ то время, какъ Нансэ отворялъ дверь; Карлъ захрипѣлъ и, задыхаясь, упалъ на подушки.

Нансэ слышалъ только, какъ король позвалъ его; послѣдовавшія затѣмъ приказанія тотъ отдалъ такимъ слабымъ голосомъ, что капитанъ не разслышалъ ихъ.

— Встаньте около двери,—сказалъ Генрихъ,—и не впускайте никого.

Нансэ поклонился и вышелъ.

Генрихъ перевелъ глаза на безжизненное тѣло Карла, котораго можно было бы принять за мертваго, если бы слабое дыханіе не колебало кровавой пѣны, выступившей у него на губахъ.

Генрихъ долго смотрѣлъ на него, а потомъ прошепталъ:

— Наступила рѣшительная минута. Что дѣлать: царствовать или жить?

Въ эту минуту занавѣсъ алькова приподнялся, изъ-за него показалось блѣдное лицо и среди мертвой тишины королевской спальни прозвучалъ голосъ.

— Живите! — сказалъ онъ.

— Ренэ? — воскликнулъ Генрихъ.

— Точно такъ, ваше величество.

— Значитъ, твое предсказаніе невѣрно? Я не буду королемъ? — воскликнулъ Генрихъ.

— Нѣтъ, будете, ваше величество, но часъ еще не насталъ.

— Почему ты знаешь это? Объяснись!

— Слушайте и нагнитесь ко мнѣ.

Генрихъ нагнулся надъ тѣломъ Карла; Ренэ, съ своей стороны, тоже нагнулся. Ихъ раздѣляла только ширина кровати. Между ними лежало неподвижное и безжизненное тѣло умирающаго короля.

— Слушайте,—повторилъ Ренэ.—Королева-мать привела меня сюда, чтобы погубить васъ. Но я предпочитаю служить вамъ, потому что вѣрю въ вашъ гороскопъ и потому что это выгодно и для моей души и для тѣла.

— Можетъ-быть, ты и это говоришь мнѣ по приказанію королевы-матери?—недовѣрчиво спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ Ренэ. — Я сейчасъ довѣрю вамъ одну тайну.

Онъ нагнулся еще больше. Генрихъ послѣдовалъ его примѣру, и теперь ихъ головы почти касались. Въ этомъ разговорѣ между двумя людьми, склонявшимися надъ тѣломъ умирающаго, было что-то до такой степени мрачное и зловѣщее, что у суевѣрнаго флорентинца волосы поднялись дыбомъ, а на лицѣ Генриха выступилъ потъ.

— Эту тайну знаю только я одинъ, — сказалъ Ренэ. — Я открою вамъ ее, если вы поклянетесь надъ этимъ умирающимъ, что простите мнѣ смерть вашей матери.

— Клянусь! — сказалъ Генрихъ, поднявъ правую руку надъ головой короля.

— Такъ знайте же, ваше величество, что король польскій скоро пріѣдетъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—сказалъ Генрихъ,—король Карлъ велѣлъ задержать посланнаго къ нему курьера.

— Да, одного, но королева-мать отправила изъ предосторожности трехъ курьеровъ по тремъ разнымъ дорогамъ.

— О, я несчастный! — воскликнулъ Генрихъ.

— Гонецъ прибылъ сегодня изъ Варшавы. Король выѣхалъ вслѣдъ за нимъ и никому не пришло въ голову помѣшать его отъѣзду, потому что въ Варшавѣ еще не знали о болѣзни короля. Посланный только на нѣсколько часовъ опередилъ Генриха Анжуйскаго.

— Ахъ, если бы въ моемъ распоряженіи было хоть восемь дней!—сказалъ Генрихъ.

— Да, но у васъ нѣтъ и восьми часовъ. Васъ хотятъ убить — не посмотрятъ даже на то, что вы въ комнатѣ короля.

— Король еще не умеръ.

Ренэ пристально взглянулъ на Карла.

— Онъ умретъ черезъ десять минутъ. Значитъ, вамъ остается жить всего десять минутъ, а можетъ-быть, и меньше.

— Но что же дѣлать?

— Бѣжать, не теряя ни минуты, ни секунды.

— Но какъ же я убѣгу? Если они ждутъ меня въ передней, то убьютъ меня, какъ только я войду туда.

— Я помогу вамъ. Не забудьте, что ради вашего спасенія я рискую всѣмъ.

— Будь покоенъ.

— Идите за мной этимъ потайнымъ ходомъ; я проведу васъ до подземнаго выхода изъ крѣпости. Потомъ, чтобы дать вамъ время уѣхать, я скажу королевѣ-матери, что вы сейчасъ придете. Подумаютъ, что вы сами открыли потайной ходъ и воспользовались имъ для бѣгства... Пойдемте же, пойдемте скорѣе!

Генрихъ нагнулся и поцѣловалъ Карла въ лобъ.

— Прощай, братъ! — сказалъ онъ. — Я не забуду, что ты желалъ передъ смертью сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ. Я не забуду, что ты въ свои послѣднія минуты хотѣлъ сдѣлать меня королемъ. Умирай съ миромъ! Именемъ моихъ братьевъ я прощаю тебѣ пролитую кровь!

— Скорѣе, скорѣе!—сказалъ Ренэ.—Онъ приходитъ въ себя. Уходите прежде, чѣмъ онъ откроетъ глаза!

— Кормилица!—пробормоталъ Карлъ.—Кормилица!

Генрихъ схватилъ лежавшую у изголовья шпагу короля, теперь уже ненужную ему, спряталъ на грудь документъ, дѣлавшій его регентомъ, поцѣловалъ еще разъ Карла въ лобъ, обошелъ кругомъ кровати и бросился въ дверь, которая тотчасъ же затворилась за нимъ.

— Кормилица!—крикнулъ король на этотъ разъ уже громче.—Кормилица!

Добрая женщина прибѣжала на его зовъ.

— Что такое? Что тебѣ нужно, мой Шарло?—спросила она.

— Кормилица,—сказалъ король,—должно-быть, что-то случилось, пока я спалъ. Я вижу ослѣпительный свѣтъ, я вижу Самого Господа Бога... Я вижу Христа и Пресвятую Дѣву Марію... Они просятъ, Они молятъ за меня Бога... И Всемогущій Господь прощаетъ меня... Онъ зоветъ меня... О, Боже,

Боже! Прости меня по Своему милосердію!.. Забудь преступленія короля и помни только о страданіяхъ человѣка... Боже, вотъ я!..

И Карлъ упалъ холодный и неподвижный на руки кормилицы.

Между тѣмъ солдаты, по приказанію Екатерины, заняли коридоръ, которымъ обыкновенно ходили всѣ и которымъ долженъ былъ пройти король Наваррскій. А въ это время Генрихъ, слѣдуя за Ренэ по потайному ходу, вышелъ изъ крѣпости, вскочилъ на ожидавшую его лошадь и понесся въ ту сторону, гдѣ, какъ онъ зналъ, ждетъ де-Муи.

Услыхавъ стукъ копытъ его лошади, гулко раздававшійся по мостовой, нѣсколько часовыхъ обернулись и закричали:

— Онъ бѣжитъ! Бѣжитъ!

— Кто? — спросила королева-мать, подходя къ окну.

— Король Генрихъ... король Наваррскій! — отвѣтили часовые.

— Стрѣляйте въ него! — воскликнула Екатерина.

Часовые прицѣлились, но Генрихъ былъ уже далеко

— Онъ бѣжитъ, — прошепталъ герцогъ Алансонскій, — значитъ, я король!

Но въ эту самую минуту, когда Франсуа и мать его еще не успѣли отойти отъ окна, подъемный мостъ затрещалъ подъ копытами лошадей, послышался звонъ оружія, громкіе голоса, и молодой человѣкъ, держа шляпу въ рукѣ, въѣхалъ на дворъ и крикнулъ: „Франція!“ За нимъ слѣдовали четыре всадника, покрытые, какъ и онъ, потомъ и пылью.

— Мой сынъ! — воскликнула Екатерина, протягивая къ нему руки изъ окна.

— Матушка! — сказалъ молодой человѣкъ, соскочивъ съ лошади.

— Мой братъ Анжуйскій! — съ ужасомъ проговорилъ Франсуа, отшатнувшись отъ окна.

— Я опоздалъ? — спросилъ у матери Генрихъ Анжуйскій.

— Нѣтъ, ты пріѣхалъ какъ разъ во-время, — отвѣтила она. — Самъ Богъ не могъ бы привести тебя сюда болѣе кстати. Смотри и слушай!

Капитанъ Нансэ вышелъ на балконъ королевской спальни.

Всѣ глаза обратились на него.

У него въ рукахъ была трость. Онъ разломилъ ее пополамъ и раздвинулъ руки, держа въ каждой изъ нихъ по обломку.

— Король Карлъ IX умеръ! Король Карлъ IX умеръ! Король Карлъ IX умеръ! — воскликнулъ онъ, бросивъ оба обломка трости.

— Да здравствуетъ король Генрихъ III! — воскликнула Екатерина, набожно перекрестившись.

И всѣ присутствующіе повторили этотъ крикъ, всѣ, кромѣ герцога Франсуа.

— А, она одурачила меня! — прошепталъ онъ.

— Я побѣдила! — воскликнула Екатерина, — и этотъ ненавистный беарнецъ не будетъ царствовать!

XXXV.

Эпилогъ.

Прошелъ годъ со смерти Карла IX.

Король Генрихъ III, благополучно царствующій милостью Божіей и своей матери Екатерины, отправился съ торжественной процессіей, совершаемой въ честь Клерійской Божіей Матери. Онъ пошелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ королевой, своей женой, и всѣмъ дворомъ.

Генрихъ III могъ доставлять себѣ эти маленькія развлеченія, такъ какъ никакихъ серьезныхъ заботъ не было у него въ это время. Король Наваррскій жилъ въ Наваррѣ, куда ему уже такъ давно хотѣлось уѣхать, и, по слухамъ, былъ очень занятъ одной красивой дѣвушкой изъ рода Монморанси, которую называлъ „la Fosseuse“. Маргарита жила съ нимъ, грустная и мрачная. И только въ своихъ прекрасныхъ горахъ находила она если не забвеніе, то облегченіе отъ двухъ главнѣйшихъ золъ жизни: одиночества и смерти.

Въ Парижѣ все было спокойно. Королева-мать, ставшая настоящей регентшей съ тѣхъ поръ, какъ ея любимый сынъ Генрихъ сдѣлался королемъ, жила то въ Луврѣ, то въ Суассонскомъ отелѣ.

Екатерина ничего не знала о маленькихъ измѣнахъ Ренэ и онъ снова вошелъ къ ней въ милость послѣ ложнаго свидѣтельства, которое далъ по дѣлу ла-Моля и Коконна.

Разъ вечеромъ, когда она вмѣстѣ съ нимъ была занята наблюденіемъ надъ звѣздами, ей доложили, что какой-то человѣкъ, которому нужно сообщить ей важное извѣстіе, ждетъ ее въ молельнѣ.

Екатерина торопливо отправилась туда и увидала Морвеля.

— *Онъ* здѣсь! — воскликнулъ бывшій начальникъ петардщиковъ, не дождавшись, вопреки правиламъ этикета, чтобы Екатерина первая заговорила съ нимъ.

— Кто *онъ?* — спросила королева.

— Кто же, какъ не король Наваррскій, ваше величество!

— Здѣсь? — сказала Екатерина. — Здѣсь... онъ... Генрихъ? А зачѣмъ онъ явился сюда?

— Повидимому, только для того, чтобы повидаться съ баронессой де-Совъ; но весьма вѣроятно, что онъ пріѣхалъ съ цѣлью составить заговоръ противъ короля.

— Почему вы знаете, что онъ здѣсь?

— Вчера я видѣлъ, какъ онъ входилъ въ одинъ домъ, а черезъ минуту туда же вошла баронесса де-Совъ.

— Дѣйствительно ли это былъ Генрихъ?

— Я сторожилъ около дома большую часть ночи и видѣлъ, какъ въ три часа утра любовники вышли оттуда. Король проводилъ баронессу до воротъ Лувра а потомъ повернулъ назадъ и, напѣвая что-то, пошелъ такъ непринужденно, какъ будто былъ у себя, въ горахъ.

— Куда онъ пошелъ?

— На улицу Арбръ-Секъ, въ гостиницу „Прекрасной Звѣзды".

— Ты хорошо разсмотрѣлъ его?

— Отлично.

— И ты полагаешь, что они сойдутся и сегодня и останутся тамъ, какъ и въ прошлую ночь, до трехъ часовъ утра?

— Это весьма вѣроятно.

— Гдѣ этотъ домъ?

— На улицѣ Croix-des-Petits-Champs, близъ Сентъ-Оноре.

— Хорошо,—сказала Екатерина.—Баронъ де-Совъ не знаетъ вашего почерка?

— Нѣтъ.

— Садитесь и пишите.

Морвель сѣлъ и взялъ перо.

— Я готовъ, ваше величество, — сказалъ онъ.

Екатерина продиктовала:

„Въ то время, какъ баронъ де-Совъ находится по дѣламъ службы въ Луврѣ, баронесса видится съ однимъ изъ его друзей въ домѣ на улицѣ la-Croix-des-Petits-Champs, близъ Сентъ-Оноре. Баронъ де-Совъ узнаетъ домъ по красному кресту на стѣнѣ".

— Все? — спросилъ Морвель.

— Напишите еще копію съ этого письма, — сказала Екатерина.

Морвель машинально повиновался.

— Теперь, — продолжала королева, — отправьте одно изъ этихъ писемъ барону съ какимъ-нибудь посланнымъ половчѣе и велите этому посланному бросить другое въ коридорѣ Лувра.

— Я не понимаю, — сказалъ Морвель.

Екатерина пожала плечами.

— Вы не понимаете, что, получивъ такое письмо, мужъ разсердится?

— Какъ кажется, ваше величество, — возразилъ Морвель, — онъ не особенно сердился въ то время, какъ король Наваррскій жилъ здѣсь?

— Что можно простить королю, не всегда прощаютъ простому дворянину. Впрочемъ, если онъ не разсердится, вы сами разсердитесь за него.

— Я?..

— Конечно. Вы возьмете съ собою четырехъ человѣкъ, если нужно — шестерыхъ, надѣнете маски, выломаете двери, какъ будто васъ послалъ баронъ, застигнете влюбленныхъ врасплохъ и именемъ короля пустите въ дѣло оружіе. На другой день брошенную въ коридорѣ Лувра записку найдетъ какая-нибудь милосердная душа и разболтаетъ о ней, благодаря чему всѣ придутъ къ заключенію, что отомстилъ мужъ. А когда узнаютъ, что любовникомъ баронессы былъ король Наваррскій, смерть его, конечно, припишутъ не злому умыслу, а простой случайности. Кто же могъ ожидать, что онъ здѣсь? Вѣдь всѣ были вполнѣ увѣрены, что онъ въ По.

Морвель съ восхищеніемъ взглянулъ на Екатерину, поклонился и вышелъ.

Въ то время, какъ онъ выходилъ изъ Суассонскаго отеля, баронесса де-Совъ входила въ домикъ на Croix-des-Petits Champs.

Генрихъ ждалъ ее около полуотворенной двери.

— Никто не слѣдилъ за вами? — спросилъ онъ, поднимаясь съ нею по лѣстницѣ.

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не замѣтила, — отвѣтила Шарлотта.

— А мнѣ показалось, что за мной слѣдили и не только сегодня ночью, но и вчера вечеромъ.

— О, Боже! Вы пугаете меня, государь! — воскликнула Шарлотта. — Если воспоминаніе о старинной дружбѣ и желаніе доставить мнѣ удовольствіе принесутъ вамъ несчастіе, я никогда не утѣшусь!

— Будьте покойны, моя дорогая, — сказалъ король. — Трое вооруженныхъ людей стоятъ около этого дома насторожѣ.

— Трое? Но вѣдь это очень мало, ваше величество.

— Вполнѣ достаточно, когда эти люди — де-Муи, Сокуръ и Бартелеми.

— Развѣ де-Муи вмѣстѣ съ вами въ Парижѣ? Значитъ, и ', какъ васъ, безумно любитъ какая-нибудь женщина?

— Нѣтъ, но у него есть врагъ, котораго онъ поклялся убить. Только ненависть, моя дорогая, заставляетъ дѣлать такія же глупости, какъ и любовь.

— Благодарю васъ, ваше величество.

— О, я говорю не о настоящихъ глупостяхъ, — сказалъ Генрихъ,—а о прошедшихъ и будущихъ. Но не стоитъ говорить объ этомъ: намъ нельзя терять времени.

— Итакъ, вы все-таки уѣзжаете?

— Да, сегодня ночью.

— Значитъ, вы покончили всѣ дѣла, для которыхъ вернулись въ Парижъ?

— Я вернулся для васъ одной.

— Льстецъ!

— Ventre-saint-gris! я говорю правду, моя дорогая. Но бросимъ этотъ разговоръ. У меня осталось только два-три часа быть счастливымъ, а затѣмъ — вѣчная разлука!

— Ахъ, государь, вѣчна одна моя любовь!

Де-Муи и два его товарища, дѣйствительно, какъ говорилъ король Наваррскій, сторожили около дома.

Было рѣшено, что Генрихъ выйдетъ изъ него въ полночь, а не въ три часа утра; что затѣмъ проводятъ, какъ и наканунѣ, баронессу де-Совъ въ Луврь, а оттуда отправятся на улицу Серизе, гдѣ жилъ Морвель. Только сегодня узналъ де-Муи навѣрное, въ какомъ домѣ живетъ его врагъ.

Уже почти часъ стояли гугеноты около дома, какъ вдругъ шестеро мужчинъ подошли къ нему. Одинъ изъ нихъ держался на нѣсколько шаговъ впереди остальныхъ. Подойдя къ домику, онъ вынулъ связку ключей и сталъ пробовать, не подойдетъ ли какой-нибудь изъ нихъ къ замку входной двери.

Де-Муи, стоявшій въ нишѣ сосѣдней двери, бросился къ этому человѣку и схватилъ его за руку.

— Стойте! — воскликнулъ онъ. — Сюда нельзя входить!

Незнакомецъ отскочилъ назадъ и въ это время шляпа свалилась у него съ головы.

— Де-Муи де-Сенъ-Фаль! — воскликнулъ онъ.

— Морвель!—закричалъ гугенотъ, обнажая шпагу.—Я искалъ тебя, а ты самъ пришелъ ко мнѣ. Благодарю!

Но, несмотря на охватившій его гнѣвъ, онъ не забылъ о Генрихѣ и, обернувшись къ окну, свистнулъ, какъ свистятъ беарнскіе пастухи, а затѣмъ бросился на Морвеля.

Тотъ успѣлъ выхватить изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлить. Но де-Муи отскочилъ въ сторону, и пуля пролетѣла, не задѣвъ его.

— Теперь моя очередь! — воскликнулъ онъ.

И онъ нанесъ Морвелю ударъ съ такой силой, что шпага, попавъ въ кожаный поясъ, пробила его и вонзилась въ тѣло.

Убійца почувствовалъ страшную боль и такъ дико вскрикнулъ, что сопровождавшіе его солдаты сочли его раненымъ на смерть и въ ужасѣ бросились къ улицѣ Сентъ-Оноре.

Морвель не отличался храбростью. Видя, что его люди разбѣжались, и имѣя передъ собой такого противника, какъ де-Муи, онъ тоже обратился въ бѣгство и кинулся за солдатами, крича: „Помогите!“

Де-Муи, Сокуръ и Бартелеми бросились за ними въ погоню.

Когда они свернули на улицу Гренелль, съ намѣреніемъ пересѣчь бѣглецамъ дорогу, въ первомъ этажѣ дома вдругъ отворилось окно и какой-то человѣкъ выскочилъ оттуда на влажную отъ только что выпавшаго дождя землю.

Это былъ Генрихъ.

Свистъ де-Муи предупредилъ его объ опасности, а выстрѣлъ изъ пистолета сказалъ ему, что опасность серьезная. Вотъ потому-то онъ и бросился на помощь друзьямъ.

Пылкій, сильный, онъ побѣжалъ за ними, держа шпагу въ рукѣ.

Въ эту минуту раздался крикъ около заставы сержантовъ и этотъ крикъ указалъ ему дорогу.

Кричалъ Морвель. Де-Муи настигалъ его и онъ снова звалъ на помощь своихъ растерявшихся отъ страха людей.

Ему оставалось или обернуться и обороняться, или же позволить заколоть себя сзади.

Морвель обернулся, увидалъ направленное на него оружіе врага и поспѣшилъ предупредить его; но его шпага прорѣзала только шарфъ де-Муи. Тотъ напалъ въ свою очередь и снова ранилъ де-Морвеля, такъ что кровь хлынула у него двойной струей изъ двойной раны.

— А, попался! — воскликнулъ Генрихъ, подбѣгая. — Ну, де-Муи, еще!

Ободрять де-Муи было совершенно лишнее.

Онъ опять бросился на Морвеля, но тотъ прижавъ, лѣвой рукой рану, въ отчаяніи снова пустился бѣжать.

— Убей его! Убей скорѣе! — закричалъ Генрихъ.— Его солдаты остановились.

Съ трудомъ переводя дыханіе, покрытый потомъ, Морвель упалъ отъ изнуренія; но онъ тотчасъ же приподнялся и, вставъ на колѣно, направилъ на де-Муи острее своей шпаги.

— Товарищи! — закричалъ онъ. — Ихъ только двое! Стрѣляйте, стрѣляйте въ нихъ!

На самомъ дѣлѣ, Сокуръ и Бартелеми, погнавшись за двумя солдатами, которые побѣжали по улицѣ де-Пули, отдѣлились отъ своихъ, такъ что король и де-Муи остались только вдвоемъ противъ четверыхъ.

— Стрѣляйте! — продолжалъ кричать Морвель, и одинъ изъ солдатъ уже собирался исполнить его приказаніе.

— Да, но сначала умри, предатель! — воскликнулъ де-Муи. — Умри, негодяй, умри, проклятый убійца!

И, схвативъ одной рукой шпагу де-Муи съ такой силой нанесъ ему ударъ въ грудь другой рукой, что пригвоздилъ его къ землѣ.

— Берегись! берегись! — крикнулъ Генрихъ.

Де-Муи отскочилъ назадъ, оставивъ свою шпагу въ груди Морвеля. Солдатъ прицѣлился, готовясь выстрѣлить въ него, но Генрихъ нанесъ ему такую тяжелую рану, что тотъ, вскрикнувъ, упалъ около Морвеля.

Остальные два солдата убѣжали.

— Идемъ, де-Муи! Идемъ скорѣе! — воскликнулъ Генрихъ. — Не будемъ терять ни минуты. Если насъ узнаютъ, мы пропали!

— Погодите, государь! Неужели вы думаете, что я оставлю мою шпагу въ тѣлѣ этого негодяя?

Де-Муи подошелъ къ неподвижно лежащему Морвелю. Но только что успѣлъ онъ дотронуться до эфеса своей шпаги, какъ Морвель привсталъ, держа пистолетъ, упавшій изъ рукъ солдата, и въ упоръ выстрѣлилъ въ де-Муи.

Пуля попала молодому гугеноту въ грудь, и онъ упалъ, даже не вскрикнувъ: онъ былъ убитъ наповалъ.

Генрихъ бросился на Морвеля; но тотъ тоже упалъ, и шпага короля проколола уже трупъ.

На шумъ сошлось много народу и каждую минуту могъ прійти ночной караулъ. Генрихъ оглядѣлъ привлеченныхъ шумомъ любопытныхъ, ища между ними знакомаго лица, и вдругъ вскрикнулъ отъ радости.

Онъ увидалъ метра ла-Гурьера.

Такъ какъ стычка происходила около креста Трагуаръ, то-есть напротивъ улицы Арбръ-Секъ, то достойный трактирщикъ, угрюмый характеръ котораго сталъ еще угрюмѣе послѣ смерти его любимыхъ посѣтителей, ла-Моля и Коконна, тоже вышелъ изъ дому. Онъ въ это время приготовлялъ ужинъ королю Наваррскому, но, услыхавъ шумъ и крики, не выдержалъ, бросилъ свои кастрюли и выбѣжалъ на улицу.

— Любезный ла-Гурьеръ, — сказалъ король Наваррскій, — поручаю вамъ де-Муи, хоть боюсь, что ему ужъ нельзя по-

мочь. Унесите его къ себѣ и, если онъ еще живъ, не жалѣйте денегъ — вотъ мой кошелекъ. А того, другого, не троньте. Пусть онъ остается здѣсь и сгніетъ какъ собака!

— А вы сами? — спросилъ ла-Гурьеръ.

— Мнѣ еще нужно проститься кое съ кѣмъ. Черезъ десять минутъ я буду у васъ; держите наготовѣ моихъ лошадей.

И Генрихъ побѣжалъ къ маленькому домику на улицѣ la Croix-des-Petits-Champs; но въ концѣ улицы де-Гренель онъ въ ужасѣ остановился.

Толпа народа стояла около двери домика.

— Что такое случилось тутъ? — спросилъ Генрихъ.

— Большое несчастье, сударь, — отвѣтилъ человѣкъ, къ которому онъ обратился.—Тутъ смертельно ранена красивая молодая дама. Мужъ нанесъ ей два удара кинжаломъ. Его извѣстили запискою, что она здѣсь съ своимъ любовникомъ.

— Гдѣ же мужъ? — спросилъ Генрихъ.

— Онъ бѣжалъ.

— А жена? Умерла?

— Нѣтъ еще. Но, слава Богу, ей не миновать смерти.

— О, — воскликнулъ Генрихъ, — я проклятъ!

И онъ вбѣжалъ въ домъ.

Комната была полна народомъ. Всѣ тѣснились около постели, на которой лежала бѣдная Шарлотта съ двумя ранами въ груди. Мужъ ея, скрывавшій два года свою ревность къ Генриху, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмстить женѣ.

— Шарлотта! Шарлотта! — воскликнулъ Генрихъ, растолкавъ толпу и опустившись на колѣни передъ умирающей.

Шарлотта открыла свои прелестные глаза, уже затуманенные смертью. Съ громкимъ крикомъ, отъ котораго изъ обѣихъ ея ранъ хлынула кровь, она сдѣлала усиліе, стараясь приподняться.

— О, я знала, — воскликнула она, — что не могу умереть, не увидавъ его еще разъ!

И на самомъ дѣлѣ, Шарлотта какъ будто ждала только этой минуты, чтобы отдать Генриху душу, которая такъ горячо любила его. Прижавъ губы къ его лбу, она прошептала въ послѣдній разъ: „Я люблю тебя!“ и упала мертвая.

Генрихъ не могъ оставаться здѣсь дольше — это было бы гибелью для него. Онъ выхватилъ кинжалъ, отрѣзалъ локонъ чудныхъ бѣлокурыхъ волосъ и вышелъ, рыдая, среди рыданій присутствующихъ.

— Дружба, любовь,—внѣ себя воскликнулъ онъ,—все измѣняетъ мнѣ, всего лишаюсь я сразу!

— Да, государь, — шепнулъ ему человѣкъ, вышедшій изъ толпы любопытныхъ, собравшихся около дома, и послѣдовавшій за королемъ. — Да, но у васъ остается престолъ.

— Ренэ? — воскликнулъ Генрихъ.

— Да, ваше величество, Ренэ, охраняющій васъ. Этотъ негодяй назвалъ васъ передъ смертью. Теперь знаютъ, что вы въ Парижѣ, и васъ разыскиваютъ. Бѣгите, бѣгите скорѣй!

— И ты говоришь, что я буду королемъ Ренэ? Я—бѣглецъ?

— Посмотрите, ваше величество,—сказалъ Ренэ, показывая королю на блестящую звѣзду, которая только что показалась изъ-за темнаго облака. — Не я говорю вамъ это, а она.

Генрихъ вздохнулъ и исчезъ въ темнотѣ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Часть вторая.

Стр.

